НАЦЫЯНАЛЬНАЯ АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСІ

БЕЛАРУСКІ КАМІТЭТ СЛАВІСТАЎ

КАМІСІЯ ПА СЛАВЯНСКІМ СЛОВАЎТВАРЭННІ

СЛАВЯНСКАЯ ДЭРЫВАТАГРАФІЯ

SLAVIC DERIVATOGRAPHY

Мінск
"Права і эканоміка"
2020

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСІ

БЕЛАРУСКІ КАМІТЭТ СЛАВІСТАЎ

КАМІСІЯ ПА СЛАВЯНСКІМ СЛОВАЎТВАРЭННІ

СЛАВЯНСКАЯ ДЭРЫВАТАГРАФІЯ

SLAVIC DERIVATOGRAPHY

Мінск
“Права і эканоміка”
2020

УДК 808.26-5
ББК 81.2
С47

Навуковы рэдактар:
А.А. Лукашанец, доктар філалагічных навук, прафесар,
акадэмік НАН Беларусі

Рэцэнзенты:
доктар філалагічных навук І.С. Роўда,
кандыдат філалагічных навук І.У. Кандраценя

С47 **Славянская дэрыватаграфія** / А.А. Лукашанец [нав. рэд.] / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі; Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа; Беларускі камітэт славістаў; Камісія па славянскім словаўтварэнні пры Міжнародным камітэце славістаў. – Мінск : Права і эканоміка, 2020. – 362 с.
ISBN 978-985-552-926-3.

У манаграфіі “Славянская дэрыватаграфія” даследуюцца праблемы тэорыі і практыкі стварэння словаўтваральных слоўнікаў славянскіх моў і іх месца ў агульнай класіфікацыі лінгвістычных слоўнікаў, а таксама пытанні ўключэння матываванай лексікі ў тлумачальныя і спецыяльныя лінгвістычныя слоўнікі.

Slavic derivatography / A.A. Lukashanets [red.] National Academy of Sciences of Belarus. Yakub Kolas Institute of linguistics. Belarusian Committee of Slavists. Commission on Slavic word formation of International Committee of Slavists. – Minsk : Pravo i ecanomica, 2020. – 362 p.
ISBN 978-985-552-926-3.

The monography “Slavic derivatography” examines the problems of the theory and practice of creating word formation dictionaries of Slavic languages and their place in the general classification of linguistic dictionaries, as well as the issues of including motivated vocabulary in explanatory and special linguistic dictionaries.

УДК 808.26-5
ББК 81.2

ISBN 978-985-552-926-3

© Камісія па славянскім словаўтварэнні пры Міжнародным камітэце славістаў, 2020
© Афармленне ВТАА “Права і эканоміка”, 2020

ЗМЕСТ

ПРАДМОВА ……. 5

УВОДЗІНЫ …….. 13
Лукашанец Аляксандр Славянская дэрыватаграфія: тыпы словаўтваральных слоўнікаў, стан і перспектывы ……... 13

РАЗДЗЕЛ I СЛАВЯНСКІЯ СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫЯ СЛОЎНІКІ 40
Улуханов Игорь О «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» (комментарии и дополнительные сведения) ……... 40
Kowalski Paweł Polskie i słowieńskie słowniki słowotwórcze jako źródło badań słowotwórczych (językoznawczych) 50
Ološtiak Martin Slovotvorné a morfematické slovníky slovenčiny 59
Ван Вэньцзюань Проблемы и принципы построения словообразовательного словаря китайского языка (в сопоставлении со словообразовательными словарями русского языка) ……... 78

РАЗДЗЕЛ II СЛОВАЎТВАРЭННЕ І ТЛУМАЧАЛЬНЫЯ СЛОЎНІКІ 90
Аврамова Цветанка За мястото на производните думи в тълковния речник (върху материалот от български, чешки и словашки речници 90
Ајдановић Милан Називи за шљиву у речнику српскохрватскога књижевног језика ……..... 103
Ермакова Ольга О принципах определения лексических значений некоторых типов производных слов в толковых словарях …….. 118
Janočková Nicol Reflektovanie derivačných vzťahov vo výkladovom slovníku …… 127
Kleszczowa Krystyna Informacje słowotwórcze w Wielkim słowniku języka polskiego PAN 142
Кислюк Лариса Похідне слово у системі категорій пояснювального словника .....……..... 151
Радева Василка Място на производните думи в тълковни по тип речници …….. 162
Фатхутдинова Венера Словообразовательные модели глаголов поведения в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля 174
Юшкевіч Вольга Рэпрэзентцыя адзінак лексіка-семантычнага поля геаграфічнага ландшафту ў тлумачальных слоўніках сучаснай беларускай мовы ……. 184

РАЗДЗЕЛ III СЛОВАЎТВАРЭННЕ І СПЕЦЫЯЛЬНЫЯ СЛОЎНІКІ 194
Bozděchová Ivana Názvy osob v neologických slovnících češtiny ……. 194
Драгичевич Райна Словообразование и ассоциативные словари сербского и иных славянских языков …….. 211
Карпіловська Євгенія Моделювання семантики слова в морфемно-словотвірному словнику гніздового типу …… 224
Лукашанец Елена Производное слово в социолектных словарях …. 238
Николина Наталия Словари индивидуально-авторских новообразований в художественной речи ……. 249
Niševa Božana Odvozená slova v českých a bulharských slovnících neologizmů …… 256
Рацибурская Лариса Дериваты с единичными морфемами в лексикографических изданиях XXI века ……. 270
Rudnik-Karwatowa Zofia Derywacja czasowników dewerbalnych (problemy opisu w słownikach gniazdowych) 276

РАЗДЗЕЛ IV ЛЕКСІКАГРАФІЯ І ТЭАРЭТЫЧНАЯ ПРАБЛЕМЫ СЛОВАЎТВАРЭННЯ ……. 288
Харитончик Зинаида В поисках решений, или к обсуждению лексической дескрипции производных слов …… 288
Хаммель Роберт Словообразование и авторский стиль 298
Šehović Amela Iz ugla sociolingvistike: nomina professionis u rječnicima bosanskog jezika s početka 21. vijeka 313
Никитевич Алексей Комплексные единицы системы словообразования: теория и практика лексикографирования …… 322
Елынцева Ирина Адъективные колоративы-деминутивы в близкородственных языках: лексикографическая репрезентация и функционирование 329
Ванкевич Оксана О необходимости лексикографического описания речевых новообразований ……. 342
Кугейка Таццяна Словаўтваральная аманімія і яе адлюстраванне ў лексікаграфічных крыніцах 351

ПРАДМОВА

Калектыўная манаграфія “Славянская дэрыватаграфія” падрыхтавана міжнародным калектывам лінгвістаў-дэрыватолагаў са славянскіх краін, а таксама Германіі па выніках XIX Міжнароднай навуковай канферэнцыі Камісіі па славянскім словаўтварэнні пры Міжнародным камітэце славістаў “Славянская дэрыватаграфія: слоўнікі вытворных слоў і вытворныя словы ў слоўніках”, якая адбылася ў Інстытуце мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі (Мінск, Рэспубліка Беларусь) 3–7 чэрвеня 2019 года.

Манаграфія складаецца з “Уводзінаў” і чатырох раздзелаў: “Славянскія словаўтваральныя слоўнікі”, “Словаўтварэнне і тлумачальныя слоўнікі”, “Словаўтварэнне і спецыяльныя слоўнікі” і “Лексікаграфія і тэарэтычныя праблемы словаўтварэння”.

Ва **ўводным** артыкуле Аляксандра Лукашанца (Беларусь) “Славянская дэрыватаграфія: тыпы слоўнікаў, стан і перспектывы” абгрунтоўваецца неабходнасць выдзялення асобнага адгалінавання сучаснай лексікаграфіі – дэрыватаграфіі, якая даследуе тэорыю і практыку стварэння словаўтваральных слоўнікаў, прапаноўваецца аўтарская версія класіфікацыі словаўтваральных слоўнікаў, аналізуюцца праблемы прэзентацыі матываваных (вытворных) слоў у тлумачальных і іншых спецыяльных лінгвістычных слоўніках, а таксама разгледжаны перспектывы сучаснай славянскай дэрыватаграфіі.

Раздзел I “Славянскія словаўтваральныя слоўнікі” прысвечаны аналізу і характарыстыцы асобных словаўтваральных слоўнікаў славянскіх моў. Так, у артыкуле Ігара Улуханава (Расія) “О «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» (комментарии и дополнительные сведения)” тлумачацца і каменціруюцца некаторыя базавыя прынцыпы пабудовы “Словаря словообразовательных аффиксов современного русского языка” (Москва, 2016), структуры і зместу семантычнага раздзела слоўнікавага артыкула, прыводзяцца колькасныя звесткі аб уключаных у слоўнік словаўтваральных марфемах розных відаў і іх морфнай разнастайнасці, размеркаванні марфем па часцінах мовы, па колькасці рэалізаваных словаўтваральных значэнняў, а таксама разглядаецца сутнасць і значэнне марфаналагічнай часткі слоўнікавага артыкула.

Артыкул Паўла Кавальскага (Польшча) “Polskie i słoweńskie słowniki słowotwórcze jako źródło badań słwotwórczych (językoznawczych)” прысвечаны параўнанню польскіх і славенскіх словаўтваральных слоўнікаў гнездавога тыпу, а таксама тэрміналагічнага апарату іх даследавання. Аўтар артыкула робіць выснову, што параўнанне словаўтваральных слоўнікаў дазваляе азнаёміцца з лексічным матэрыялам, словаўтваральнай сістэмай дадзенай мовы, з аднаго боку, і са

словаўтваральнай тэрміналогіяй, з іншага боку, часта не адзначанай у лексікаграфічных крыніцах, слоўніках ці тэрміналагічных тэзаўрусах. Гэтыя меркаванні, на думку аўтара артыкула, з'яўляюцца адпраўной кропкай для разважанняў аб намінацыі, канцэптуалізацыі, уключаючы метафарызацыю польскіх і славенскіх ведаў у галіне гнездавога словаўтварэння, паказваюць шляхі запазычання асобных словаўтваральных тэрмінаў, якія складаюць асноўны элемент (лексіку) метамовы мовазнаўства з розных тэрміналагічных сістэм пэўнай сферы лінгвістычных ведаў.

У артыкуле Марціна Алошцяка (Славакія) "Slovotvorné a morfematické slovníky slovenčiny" прадстаўлены марфематычныя і словаўтваральныя даследаванні прэшаўскага славацкага мовазнаўства, характарызуюцца тры марфемныя і дэрывацыйныя слоўнікі: "Марфемны слоўнік славацкай мовы" (Sokolová, Moško, Šimon, Benko 1999); "Слоўнік славацкіх каранёвых марфем" (Sokolová, Ološtiak, Ivanová et al., 1-е выд. 2005; 2-е выд. 2007; 3-е выд. 2012); "Адваротны марфемны слоўнік славацкай мовы" (Ološtiak, Genči, Rešovská 2015). Другая частка артыкула прысвечана прэзентацыі распачатага Ю. Фурдзікам праекта словаўтваральнага слоўніка славацкай мовы, рэалізацыю якога ў мадыфікаванай форме працягвае К. Вужнякова ("Malý slovotvorný slovník slovenčiny" і "Slovotvorný slovník kompozít v slovenčine").

Артыкул Ван Вэньцзюань (Кітай) "Проблемы и принципы построения словообразовательного словаря китайского языка (в сопоставлении со словообразовательными словарями русского языка)" прысвечаны праблеме супастаўляльнага аналізу прынцыпаў стварэння словаўтваральных слоўнікаў кітайскай і рускай моў. У выніку аналізу чатырох кітайскіх словаўтваральных слоўнікаў і "Словообразовательного словаря русского языка" А.М. Ціханава (1985) аўтар паказвае асаблівасці лексічнага складу, структуры, марфаналагічных сродкаў словаўтварэння, спосабаў падачы моўнага матэрыялу і г.д., а таксама адзначае, што пэўныя падабенствы і адрозненні ў спосабах пабудовы словаўтваральных слоўнікаў кітайскай і рускай моў звязаны, галоўным чынам, з прыналежнасцю гэтых моў да розных моўных груп. Акрамя таго, адзначае аўтар артыкула, у кітайскай мове адсутнічае выразная мяжа паміж словам, словазлучэннем і сказам, што таксама ўплывае на прынцыпы пабудовы словаўтваральных слоўнікаў кітайскай мовы.

Раздзел II "Словаўтварэнне і тлумачальныя слоўнікі" прысвечаны разгляду месца вытворных слоў і асаблівасцей іх прэзентацыі ў тлумачальных слоўніках розных славянскіх моў.

У атрыкуле Цвятанкі Аўрамавай (Балгарыя) "За мястото на производните думи в тълковния речник (върху материал от български, чешки и словашки речници" разглядаецца пытанне пра месца вытворных слоў у макра- і мікраструктуры тлумачальнага слоўніка, праводзіцца

параўнанне тлумачальных слоўнікаў сучасных балгарскай, чэшскай і славацкай моў. Аўтар артыкула на падставе разгляду праблем прадстаўлення ў тлумачальных слоўніках розных тыпаў вытворных слоў прыходзіць да высновы, што ў адпаведнасці з асноўнай задачай тлумачальнага слоўніка – апісанне лексічнага значэння ўключаных у яго лексічных адзінак – неабходна прадстаўляць кожную вытворную адзінку са статусам лексемы як загаловак асобнага слоўнікавага артыкула з уласнай лексікаграфічнай дэфініцыяй (рознай для розных тыпаў вытворных слоў).

Артыкул Мілана Айджанавіча (Сербія) “Називи за шљиву у речнику српскохрватског књижевног језика” прысвечаны аналізу розных вытворных лексічных адзінак, якія называюць плады слівы альбо саму расліну, уключаных у шасцітомны Слоўнік сербска-харвацкай літаратурнай мовы. Аўтар адзначае, што Слоўнік уключае 58 слоў, якія называюць сліву, з якіх 48 вытворных падвяргаецца творчаму і семантычнаму аналізу ў артыкуле, што можа быць выкарыстана для вызначэння матывацыі і / або прыкметы, якая ляжыць у аснове намінацыі. Суфіксальныя вытворныя, што абазначаюць сліву, утвараюцца з дапамогай 18 розных суфіксаў, найбольш прадуктыўнымі з якіх з’яўляюцца ***-аča*** і ***-ka***, а сярод прыкмет, якія пакладзены ў аснову намінацыі, найбольш частымі з’яўляюцца форма плода, яго сакавітасць і структура.

Вольга Ермакова (Расія) у артыкуле “О принципах определения лексических значений некоторых типов производных слов в толковых словарях” закранае праблемы семантызацыі вытворных слоў у тлумачальных слоўніках рускай мовы, якія тычацца: а) адсутнасці некаторых значэнняў у вытворных слоў (напрыклад, у назвах асоб жаночага полу: *генеральша*, *майорша*, *докторша* і г.д.) і б) тлумачэння некаторых слоў без уліку іх вытворнасці.

Ніколь Яначкава (Славакія) прысвяціла свой артыкул “Reflektovanie derivačných vsťahov vo výkladovov slovníku” праблеме адлюстравання ў Слоўніку сучаснай славацкай мовы, які рыхтуецца да выпуску, адносін вытворнасці з улікам метадалагічнай канцэпцыі гэтага лексікаграфічнага выдання. Аўтар артыкула адзначае, што слоўнікавы артыкул у названым слоўніку характарызуецца ўзроўнем макраструктуры (ключавое слова) і мікраструктуры (гнездаванне, словаўтварэнне і лексічная інтэрпрэтацыя значэння, словаўтваральная сінанімія і словаўтваральная варыянтнасць).

Крысціна Кляшчова (Польшча) у артыкуле “Informacje słowotwórcze w *Wielkim słowniku języka polskiego PAN*” ставіць пытанні: 1) Наколькі слоўнікі агульнай мовы ўтрымліваюць словаўтвальную інфармацыю? і 2) Якую карысць могуць атрымаць дэрыватолагі з распрацовак лексікографаў? На падстве аналізу матэрыялаў электроннага Вялікага слоўніка польскай мовы, створанага ў Інстытуце мастацтва і дызайну Польскай акадэміі навук у Кракаве, аўтар артыкула прыходзіць да

высновы, што разуменне дэрыватаў у названым слоўніку можа быць прадстаўлена ў выглядзе шкалы. На адным канцы гэтай шкалы знаходзяцца словы, якія аўтары слоўніка разглядаюць як флектыўныя формы (герундый, прыметнікі-заменнікі), а на супрацьлеглым краі гэтай шкалы размяшчаюцца словы, азначэнне якіх не ўтрымлівае ніводнага слова, якое матывуе вытворнае. Паміж гэтымі "палярнымі" кропкамі можна знайсці матываваныя словы, у якіх ёсць выразная матывацыя (азначэнне набліжаецца да перафразавання), але ёсць і такія, што ў сваім азначэнні маюць толькі нейкі элемент словаўтваральнага гнязда.

У артыкуле Ларысы Кіслюк (Украіна) "Похідне слово у системі категорій пояснювального словника" разглядаюцца прынцыпы і метады ўніфікаванага адлюстравання словаўтваральнай катэгарыяльнай інфармацыі пра вытворнае слова ў слоўніках тлумачальнага тыпу сучаснай украінскай мовы. Асаблівую ўвагу аўтар артыкула надае праблеме інтэрпрэтацыі словаўтваральных сінонімаў і амонімаў, а таксама асаблівасцям і праблемам падачы словаўтваральнай інфармацыі пра наватворы словаўтваральнай катэгорыі імёнаў асоб у слоўніках новай лексікі.

Васілка Радзева (Балгарыя) у артыкуле "Място на производните думи в тълковни по тип речници» звяртаецца да праблемы інтэрпрэтацыі вытворных слоў у тлумачальных слоўніках з пазіцый адлюстравання іх семантыкі і перасячэння словаўтваральных і лексічных параметраў. Як адзначае аўтар артыкула, месца вытворных слоў у тлумачальным слоўніку і іх інтэрпрэтацыя звязана з іх статусам намінатыўных адзінак з фармальнай і семантычнай члянімасцю, і называе дзве магчымасці ўключэння вытворных слоў у тлумачальныя слоўнікі: а) у якасці загалоўнага слова, якое патрабуе інтэрпрэтацыі, альбо б) удзел у тлумачэнні іншага лексічнага элемента. Аўтар артыкула таксама прыходзіць на высновы, што выкарыстанне словаўтваральных адносін пры інтэрпрэтацыі вытворных слоў патрабуе дакладнай канцэпцыі структуры і прызначэння слоўніка.

У артыкуле Венеры Фатхутдзінавай (Расія) "Словообразовательные модели глаголов поведения в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля" аналізуюцца прэфіксальныя і канфіксальныя словаўтваральныя мадэлі, арыентаваныя на выражэнне негатыўнай ацэнкі неразумных ці ганебных паводзін чалавека ў грамадстве.

Артыкул Вольгі Юшкевіч (Беларусь) "Рэпрэзентацыя адзінак лексіка-семантычнага поля геаграфічнага ландшафту ў тлумачальных слоўніках сучаснай беларускай мовы" прысвечаны разгляду асаблівасцей апісання вытворных адзінак лексіка-семантычнага поля геаграфічнага ландшафту ў лексікаграфічных выданнях сучаснай беларускай мовы. У прыватнасці аўтар закранае такія праблемныя пытанні, як 1) ахоп фактычнага матэрыялу; 2) структура і аб'ём значэнняў; 3) сістэма памет;

4) несупадзенне навуковых і штодзённых ведаў; 5) ілюстрацыйны матэрыял, а таксама прапануе магчымыя шляхі ўдасканалення слоўнікавых артыкулаў.

У **раздзеле III** “Словаўтварэнне і спецыяльныя слоўнікі” разглядаюцца пытанні ўключэння матываваных слоў у розныя тыпы спецыяльных лінгвістычных слоўнікаў і асаблівасці іх прэзентацыі.

Так, у артыкуле Іваны Боздзехавай (Чэхія) “Názvy osob v neologických slovnících češtiny” даследуюцца словаўтваральныя тыпы імёнаў асоб у найноўшай чэшскай лексіцы, якія ўзяты ў асноўным з неалагічных слоўнікаў (Новыя словы на чэшскай мове. Slovník neologizmů 1, 2, Прага 1998, 2004). У выніку фіксацыі і ацэнкі іх матывацыі, структуры, прадуктыўнасці і зменлівасці стварэння, моўнага паходжання, семантыкі і стылістычнай абгрунтаванасці аўтар артыкула вызначае сучасныя тэндэнцыі стварэння новых імёнаў асоб у сучаснай чэшскай мове.

Райна Драгічавіч (Сербія) у сваім артыкуле “Словообразование и ассоциативные словари сербского и иных славянских языков” ставіць пытанне аб наяўнасці ў базавай лексіцы асацыятыўных слоўнікаў славянскіх моў вытворных лексічных адзінак, даследуе праблему наяўнасці вытворных слоў у асацыятыўных палях слоў-стымулаў і робіць спробу выяўлення заканамернасцей прадстаўлення вытворных слоў гэтых палёў.

У артыкуле Яўгеніі Карпілоўскай (Украіна) “Моделювання семантики слова в морфемно-словотвірному словнику гніздового типу” выкладаецца канцэпцыя марфемна-словаўтваральнага слоўніка сучаснай украінскай мовы тлумачальнага тыпу. Асаблівую ўвагу аўтар артыкула засяроджвае на праблеме мадэлявання семантыкі вытворных слоў, паказу тыпаў разыходжанняў паміж іх фармальнай і семантычнай структурай, пошуку метамоўных эквівалентаў, а таксама падкрэслівае прынцыповае адрозненне апісання семантыкі вытворнага слова ў тлумачальным і словаўтваральным слоўніках.

Артыкул Алены Лукашанец (Беларусь) «Производное слово в социолектных словарях” прысвечаны выяўленню стратэгій фіксацыі ў слоўніках рускага крымінальнага арго канца XX ст. вытворных сацыялектных слоў і ўстанаўленню фактараў, якія абумоўліваюць прымяненне той ці іншай стратэгіі (сфера словаўтварэння – транспазіцыя, мадыфікацыя або мутацыя; тып сацыяльнай падсістэмы, да якой належыць вытворнае слова, – арго або літаратурная мова; наяўнасць або адсутнасць словаўтваральнай метафары). Таксама ў артыкуле разгледжаны адрозненні фіксацыі некаторых тыпаў вытворных у аргатычных слоўніках ад спосабаў тлумачэння слоў літаратурнай мовы.

У артыкуле Наталлі Ніколінай (Расія) “Словари индивидуально-авторских неологизмов в художественной речи” даецца характарыстыка

слоўнікаў індывідуальна-аўтарскіх наватвораў у мастацкім маўленні, разглядаецца структура слоўнікавага артыкула ў іх, вызначаюцца крытэрыі адбору моўнага матэрыялу, супастаўляецца будова слоўнікавага артыкула ў розных слоўніках, ставіцца пытанне аб мэтазгоднасці тлумачэнняў лексічных адзінак, прадстаўленых у слоўніках індывідуальна-аўтарскіх наватвораў.

У цэнтры ўвагі артыкула Бажаны Нішавай (Чэхія) “Odvozená slova v českých a bulharských slovnících neologizmů” знаходзіцца канфрантацыйны аналіз вытворных слоў, зафіксаваных у чэшскім і балгарскім слоўніках неалагізмаў. Аўтар даследуе канкурэнцыю спосабаў словаўтварэння і сродкаў утварэння выбраных тыпаў новых вытворных імён (назоўнікаў і прыметнікаў), зарэгістраваных у гэтых слоўніках. Словаўтваральная канкурэнцыя інтэрпрэтуецца аўтарам артыкула з улікам працэсаў экспрэсіяналізацыі (калаквіялізацыі), а таксама працэсаў інтэлектуалізацыі літаратурнай мовы, гэта значыць працэсаў і тэндэнцый, якія ўзаемна супярэчаць адзін аднаму. У працы таксама паказваецца, што канкурэнцыя як на ўзроўні сінхроннай дынамікі ў словаўтварэнні, так і на ўзроўні тэндэнцый развіцця цесна звязана з тыпалагічнымі асаблівасцямі чэшскай і балгарскай моў, якія праяўляюцца у канкрэтных моўных сітуацыях.

У артыкуле Ларысы Рацыбурскай (Расія) “Дериваты с единичными морфемами в лексикографических изданиях XXI века” прадстаўлена супастаўляльнае апісанне дэрыватаў з адзінкавымі марфемамі ў розных лексікаграфічных крыніцах XXI стагоддзя, у прыватнасці ў слоўніках марфем і тлумачальна-словаўтваральных слоўніках сучаснай рускай мовы. Аўтар артыкула падкрэслівае, што лексікаграфічныя выданні адрозніваюцца колькасцю дэрыватаў з адзінкавымі марфемамі, што абумоўлена як часам выхаду ў свет дадзеных выданняў (у пазнейшых выданнях з’яўляюцца новыя дэрываты), так і адрозненнем прынцыпаў фарміравання слоўніка, крытэрыяў вылучэння марфем і спосабаў семантызацыі апошніх.

У артыкуле Зофіі Руднік-Карватовай (Польшча) “Derywacja czasowników dewerbalnych (problemy opisu w słownikach gniazdowych)” разглядаюцца асобныя праблемы мадэлявання гнездавога апісання польскіх і рускіх дэвербальных дзеясловаў з прыстаўкамі: іх семантычная і фармальная структура. Асноўная ўвага аўтара артыкула сканцэнтравана на праблемах інтэрпрэтацыі матывацыйных адносін (напрамку матывацыі) паміж дзеясловамі з *się*/*-ся* і без гэтай марфемы і матывацыйных сувязей паміж прэфіксальнымі дэвербальнымі дзеясловамі. Таксама падрабязна абмяркоўваюцца пытанні ўзаемазамяняльнай прэфіксальнай дэрывацыі ў польскіх дзеясловах, якія ў апісанні Słownika gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego”. T. 3: “Gniazda odczasownikowe” M. Skarżyńskiego (et al.) набылі статус самастойнай тэхнікі словаўтварэння.

Раздзел IV “Лексіка і тэарэтычныя праблемы словаўтварэння” ўключае артыкулы, прысвечаныя тэарэтычным праблемам выкарыстання словаўтваральнай інфармацыі пры ўключэнні і тлумачэнні матываваных слоў у розных тыпах лінгвістычных слоўнікаў.

Так, у артыкуле Зінаіды Харытончык (Беларусь) “В поиске решений, или к обсуждению проблем лексикографической дескрипции производных слов” аналізуецца багаты дэнататыўны дыяпазон вытворных слоў тыпу *галоўка*, *персаналка* ў рускай мове і прапануецца інтэрпрэтацыя іх шматлікіх другасных значэнняў як адзінага спецыфічнага шырокага значэння, аб’яднанага адным канцэптуальным стрыжнем. На яго аснове, на думку аўтара артыкула, ажыццяўляецца фарміраванне адкрытых семантычных суперкатэгорый, што дазваляе рэпрэзентацыю словам розных рэферэнцыяльных класаў, пазбягаючы адначасова шматразовага паўтарэння дэрывацыйнага акта.

У артыкуле Роберта Хаммеля (Германія) “Словообразование и авторский стиль” на прыкладзе некалькіх апавяданняў чатырох сучасных расійскіх аўтараў разглядаецца праблема, у якой ступені словаўтваральныя прыёмы дадзеных аўтараў з’яўляюцца характэрнай рысай іх індывідуальнага мастацкага стылю. Аўтар артыкула падкрэслівае, што пытаннямі аўтарскага стылю і аўтарскай атрыбуцыі займаецца ў тым ліку і стыляметрыя, а ў цэнтры ўвагі стылеметрычнага аналізу перш за ўсё аказваюцца такія прыкметы як даўжыня сказаў, частата службовых слоў, найбольш ужывальныя лексемы і г.д.

Амела Шэховіч (Боснія і Герцагавіна) у артыкуле “Iz ugla sociolingvistike: nomina professionis u rječnicima bosanskog jezika s početka 21. vijeka” на матэрыяле корпусу аднамоўных агульных апісальных слоўнікаў пачатку XXI стагоддзя разглядае лексікаграфічныя працэдуры, якія забяспечваюць адрозненні ў называнні заняткаў у залежнасці ад полу чалавека, які іх выконвае. Гэтыя працэдуры: пеярызацыя значэння назоўніка жаночага роду і звужэнне значэння назоўніка жаночага полу і / або даданне сэнсу прыналежнасці да мужчыны. Указваецца на супярэчлівасць у азначэннях гэтых назоўнікаў і прапануюцца рашэнні, па пераадоленні гэтай практыкі, што можа спрыяць лепшаму апісанню nomina professionalis у слоўніках баснійскай мовы, якія яшчэ павінны быць апублікаваны.

Артыкул Аляксея Нікіцевіча (Беларусь) “Комплексные единицы системы словообразования: теория и практика лексикографирования” прысвечаны некаторым праблемам мадэлявання і лексікаграфавання такіх комплексных адзінак сістэмы словаўтварэння, як словаўтваральная пара, словаўтваральны ланцужок і словаўтваральная парадыгма. Аўтар артыкула засяроджвае ўвагу на праблеме самантычнага напаўнення гэтых комплексных адзінак і ролі народных гаворак у “запаўненні”

словаўтваральных і семантычных лакун названых комплексных адзінак словаўтварэння.

У артыкуле Ірыны Ялынцавай (Беларусь) “Адъективные колоративы-деминутивы в близкородственных языках: лексикографическая репрезентация и функционирование” разглядаецца пытанне лексікаграфічнай прадстаўленасці ад’ектыўных каларонімаў-дэмінутываў, утвораных ад асноўных (базавых) колеранайменняў-прыметнікаў у сучасных рускай і беларускай літаратурных мовах; паказваецца іх актыўнае функцыянаванне ў маўленчай практыцы; рэпрэзентуюцца рускія і беларускія лексічныя адзінкі названай групы, якія не зафіксаваны ў тлумачальных слоўніках, але прадстаўлены ў лексікаграфічных крыніцах іншага тыпу (словаўтваральных, граматычных, арфаграфічных) і шырока выкарыстоўваюцца ў маўленні.

Аксана Ванкевіч (Беларусь) у артыкуле “О необходимости лексикографического описания речевых новообразований» разглядае пытанне мэтазгоднасці фіксацыі і вывучэння актуальных новаўтварэнняў у сувязі з актывізацыяй працэсаў словатворчасці ў сучасным маўленні; аргументуе навуковую і практычную значнасць лексікаграфічнага апісання словаўтваральных інавацый. У артыкуле на прыкладзе аказіянальнай дзеяслоўнай лексікі, матываванай імяннымі асновамі, паказаны словаўтваральны патэнцыял рускай мовы, структурная і семантычная разнастайнасць дэрыватаў у мове СМІ.

У артыкуле Таццяны Кугейкі (Беларусь) “Словаўтваральная аманімія і яе адлюстраванне ў лексікаграфічных крыніцах” разглядаюцца асаблівасці лексікаграфічнай падачы разнавіднасцей словаўтваральных амонімаў, іх апісання і тлумачэння.

Такім чынам, манаграфія “Славянская дэрыватаграфія” закранае актуальныя праблемы славянскага словаўтварэння і славянскай дэрыватаграфіі на сучасным этапе развіцця славянскіх моў і працягвае цыкл штогадовых выданняў Камісіі па славянскім словаўтварэнні пры Міжнародным камітэце славістаў.

УВОДЗІНЫ

Лукашанец Аляксандр
Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Беларусь, Мінск
alukashanets@tut.by

СЛАВЯНСКАЯ ДЭРЫВАТАГРАФІЯ: ТЫПЫ СЛОЎНІКАЎ, СТАН І ПЕРСПЕКТЫВЫ

У артыкуле абгрунтоўваецца мэтазгоднасць выдзялення асобнага раздзела сучаснай лексікаграфіі – дэрыватаграфіі, якая даследуе тэорыю і практыку стварэння словаўтваральных слоўнікаў, а таксама праблемы месца і апісання матываваных (вытворных) слоў у тлумачальных і іншых спецыяльных лінгвістычных слоўніках; робіцца спроба класіфікацыі словаўтваральных слоўнікаў, а таксама ацэньваюцца стан і перспектывы сучаснай славянскай дэрыватаграфіі.

Ключавыя словы: словаўтварэнне, лексікаграфія, дэрыватаграфія, тыпалогія слоўнікаў, матываванае слова, адзінка словаўтварэння, словаўтваральны слоўнік.

The article substantiates the expediency of allocating a separate section of modern lexicography - derivatography, which examines the theory and practice of creating word formation dictionaries, as well as the problems of the place and description of motivated (derived) words in explanatory and other special linguistic dictionaries; an attempt is made to classify word formation dictionaries, and also assesses the state and prospects of modern Slavic derivatography.

Keywords: word formation, lexicography, derivatography, dictionary typology, motivated word, word formation unit, word formation dictionary.

I. Уводзіны.

У апошнія дзесяцігоддзі ў славянскай лексікаграфіі, па меркаванні спецыялістаў, назіраецца сапраўдны “выбух”, пра што сведчыць з’яўленне велізарнай колькасці самых разнастайных па сваіх тыпах і жанрах лінгвістычных слоўнікаў усіх без выключэння славянскіх моў. “Перыяд вострага слоўнікавага дэфіцыту 70–90-х гадоў XX стагоддзя ў апошнія два дзесяцігоддзі змяніўся своеасаблівым лексікаграфічным бумам, які адзначаецца многімі даследчыкамі як адна з важных прыкмет сучаснай моўнай сітуацыі” [КОЗЫРЕВ, ЧЕРНЯК 2015: 3]. Агульны спіс лексікаграфічных выданняў толькі рускай мовы, якія прадстаўлены ў названай працы, складае 3189 пазіцый [КОЗЫРЕВ, ЧЕРНЯК 2015: 438–629]. Таксама ўсе без выключэння славянскія мовы ў апошнія дзесяцігоддзі істотна абагаціліся разнастайнымі лексікаграфічнымі выданнямі, у тым ліку і словаўтваральнымі слоўнікамі і слоўнікамі, сумежнымі са словаўтваральнымі.

Усё гэта робіць надзвычай актуальнай задачу стварэння поўнай і несупярэчлівай тыпалогіі лінгвістычных славянскіх слоўнікаў і вызначэння спецыфікі і месца ў гэтай тыпалогіі слоўнікаў розных тыпаў і жанраў, у тым ліку словаўтваральных. Нягледзячы на істотныя дасягненні ў гэтай галіне, на сённяшні дзень нельга гаварыць пра існаванне поўнай і несупярэчлівай тыпалогіі, як агульнай, так і для адной славянскай мовы. Напрыклад, вядомы расійскі лексікограф Н.М. Склярэўская адзначае: "Агульнавядома меркаванне, што ў рускай лексікаграфічнай практыцы не існуе сістэмы слоўнікаў як упарадкаванай сукупнасці, якая ўтрымлівае поўнасцю суаднесеныя адзін з адным элементы, адзінай метадычна і канцэптуальна... І ў тэорыі лексікаграфіі ў нас няма агульнапрынятай універсальнай тэрміналогіі. Больш таго, не існуе колькі-небудзь здавальняючага азначэння такіх паняццяў, як тып, від, жанр, клас слоўніка. ... З усіх існуючых тыпалогій (трэба адзначыць, шматлікіх і разнастайных) ні адна не можа быць прызнана дасканалай, г. зн. такой, якая магла б выкарыстоўвацца для сістэматызацыі ўсіх відаў слоўнікаў, асабліва новых, і пры гэтым валодала не толькі сістэматызуючай функцыяй, але і прагназуючай, г. зн. утрымлівала б "пустыя" ячэйкі, якія могуць запаўняцца па меры з'яўлення слоўнікаў новых тыпаў і жанраў. ... Сучасныя рускія тыпалогіі слоўнікаў не адпавядаюць гэтым патрабаванням, што стала асабліва відавочным у эпоху "слоўнікавага буму" канца XX – пачатку XXI стст., калі ў нябачанай раней колькасці сталі выходзіць слоўнікі самых разнастайных тыпаў і жанраў [СКЛЯРЕВСКАЯ 2019, 72].

Далей Г.М. Склярэўская прапануе ўласную тыпалогію слоўнікаў, у якой на першым узроўні класіфікацыі проціпастаўляюцца тлумачальныя і "нетлумачальныя" (спецыяльныя ці "фіксуючыя"). Затым, спецыяльныя слоўнікі падзяляюцца на "1) аспектныя (слоўнікі сінонімаў, антонімаў, паронімаў, амонімаў, фразеалагічныя); 2) слоўнікі-даведнікі (арфаграфічны, граматычны, арфаэпічны, спалучальнасці, словаўтваральны, кіравання, лексічных цяжкасцей, граматычных цяжкасцей, скарачэнняў, діцячай мовы, тапанімічныя, уласных імён, частотныя, націску і г.д.) [СКЛЯРЕВСКАЯ 2019, 73].

Такім чынам, у існуючых на сённяшні дзень класіфікацыях лінгвістычных слоўнікаў словаўтваральныя слоўнікі, у тым ліку і адносна словаўтваральныя, звычайна ўключаюцца ў групу спецыяльных слоўнікаў-даведнікаў (гл. схему 1).

Аднак, нават пагаджаючыся з прапанаваным месцам словаўтваральных слоўнікаў у агульнай класіфікацыі лінгвістычных слоўнікаў, неабходна прызнаць, што на сённяшні дзень актуальнай з'яўляецца праблема іерархічнай класіфікацыі саміх словаўтваральных слоўнікаў, а таксама слоўнікаў, якія тым ці іншым чынам маркіраваны словаўтварэннем. Нягледзячы на пэўныя дасягненні ў гэтай галіне

лексікаграфіі, задача тыпалогіі словаўтваральных слоўнікаў ускладняецца неабходнасцю вызначэння прынцыпаў і крытэрыяў яе тыпалогіі, суадносных з прынцыпамі і крытэрыямі агульнай тыпалогіі лінгвістычных слоўнікаў, а таксама разнастайнасцю і неаднароднасцю лексікаграфічных даведнікаў, якія традыцыйна адносяцца да групы словаўтваральных. Акрамя таго, трэба прызнаць відавочную актуалізацыю праблемы ўключэння матываванай лексікі ў тлумачальныя і іншыя спецыяльныя лінгвістычныя слоўнікі.

Схема 1. Словаўтваральныя слоўнікі ў агульнай тыпалогіі слоўнікаў

Як уяўляецца, сёння можна сцвярджаць пра фарміраванне ў славянскім мовазнаўстве асобнага адгалінавання лексікаграфіі – дэрыватаграфіі – са сваім спецыфічным аб’ектам і прадметам даследавання. **Дэрыватаграфія** – раздзел лексікаграфіі, які вывучае пытанні тэорыі і практыкі стварэння словаўтваральных слоўнікаў, а таксама праблемы ўключэння вытворных слоў у тлумачальныя і іншыя спецыяльныя лінгвістычныя слоўнікі і стварэння алгарытму іх паслядоўнага і несупярэчлівага апісання.

Такім чынам, дэрыватаграфія ўключае ў сферу сваіх інтарэсаў:

а) словаўтваральныя слоўнікі розных тыпаў;

б) іншыя лінгвістычныя слоўнікі, у якіх выкарыстоўваюцца словаўтваральныя прыёмы апісання ўключаных у рэестр моўных адзінак;

в) тэарэтычныя праблемы і практыку стварэння словаўтваральных слоўнікаў розных тыпаў;

г) даследаванне і распрацоўку прыёмаў і метадаў апісання моўных адзінак з дапамогай словаўтваральных характарыстык у іншых лінгвістычных слоўніках.

На карысць мэтазгоднасці выдзялення дэрыватаграфіі як самастойнага адгалінавання лексікаграфіі сведчыць не толькі ўнушальны спіс словаўтваральных і суадносных з імі слоўнікаў розных славянскіх моў, але і салідная тэарэтычная база. Не ставячы перад сабой мэту даць падрабязны аналіз навуковых прац па гэтай праблематыцы, адзначым, што адной з першых і паспяховых спроб тэарэтычнага абгрунтавання і распрацоўкі прынцыпаў стварэння строга словаўтваральнага слоўніка рускай мовы стала манаграфія вядомага расійскага дэрыватолага і лексікографа А.М. Ціханава “Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка” [ТИХОНОВ 1971], што пазней было практычна рэалізавана аўтарам у “Словообразовательном словаре русского языка” [ТИХОНОВ 1985].

У якасці прыкладу спробы пабудаваць тыпалогію словаўтваральных слоўнікаў трэба лічыць даследаванне А.С. Зайковай “Русская деривационная лексикография: история, теория, практика” [ЗАЙКОВА 2008]. У сваёй працы даследчыца адзначае: “Прадстаўленая ў дысертацыі новая тыпалогія дэрывацыйных слоўнікаў рускай мовы XVIII – пачатку XXI стст. ... улічвае: а) ролю дэрывацыйнай характарыстыкі (асноўная/спадарожная) у канцэпцыі дадзенага слоўніка; б) аднааспектнасць/комплекснасць дэрывацыйнай характарыстыкі адзінкі; в) тып аналізуемай адзінкі (марфема, слова, словаўтваральная пара, словаўтваральнае гняздо і г.д.); г) спосаб апісання аналізуемай адзінкі. Распрацаваная тыпалогія ўключае ў сябе наступныя групы слоўнікаў: 1. УЛАСНА ДЭРЫВАЦЫЙНЫЯ слоўнікі: аспектна-дэрывацыйныя (марфемныя, словаўтваральныя, дэрывацыйна-семантычныя) і комплексна-дэрывацыйныя; НЯЎЛАСНА ДЭРЫВАЦЫЙНЫЯ слоўнікі: слоўнікі каранясловы і комплексныя слоўнікі з уключанай дэрывацыйнай характарыстыкай [ЗАЙКОВА 2008: 7]. Распрацаваная А.С. Зайковай тыпалогія дэрывацыйных слоўнікаў рускай мовы, такім чынам, уключае:

1. УЛАСНА ДЭРЫВАЦЫЙНЫЯ СЛОЎНІКІ:

Аспектна-дэрывацыйныя слоўнікі:

<u>Марфемныя</u> слоўнікі:

Слоўнікі марфемнай члянімасці слоў (алфавітныя і гнездавыя);

Слоўнікі марфем;

Слоўнікі сінтагматыкі марфем;

Тлумачальныя слоўнікі марфем;

Частотныя слоўнікі марфем.

Словаўтваральныя слоўнікі (алфавітныя і гнездавыя).

Дэрывацыйна-семантычныя слоўнікі (алфавітныя і гнездавыя)

Комплексна-дэрывацыйныя слоўнікі.

2. НЯЎЛАСНА ДЭРЫВАЦЫЙНЫЯ СЛОЎНІКІ:

2.1. Слоўнікі-каранясловы.

2.2. Комплексныя слоўнікі з уключанай дэрывацыйнай характарыстыкай [ЗАЙКОВА 2008: 12].

Праўда, як можна заўважыць, у канцэпцыі А.С. Зайковай паняцце “дэрывацыйныя слоўнікі” атрымлівае пашыранае разуменне, і ўласна словаўтваральныя слоўнікі займаюць у класіфікацыі толькі адну пазіцыю, што не дазваляе адлюстраваць усю іх разнастайнасць, а таксама паказаць ролю словаўтварэння і месца матываваных слоў у іншых тыпах суадносных са словаўтваральнымі слоўніках.

Ніжэй у артыкуле з улікам набыткаў славянскай словаўтваральнай лексікаграфіі (дэрыватаграфіі) прапануецца новая аўтарская версія класіфікацыі славянскіх словаўтваральных слоўнікаў, у цэнтр якой пакладзены менавіта словаўтваральны статус адзінкі, якая апісваецца, а таксама асаблівасці яе словаўтваральнай характарыстыкі.

У залежнасці ад аб’ёму і характару словаўтваральнай інфармацыі ўсе лінгвістычныя слоўнікі, якія па традыцыі часта кваліфікуюцца як словаўтваральныя ці дэрывацыйныя, могуць быць падзелены на тры групы: уласна словаўтваральныя, комплексныя словаўтваральныя і адносна словаўтваральныя (гл. схему 2).

Схема 2. Лінгвістычныя слоўнікі паводле адзінкі апісання і ступені яе словаўтваральнай характарыстыкі

1. Уласна словаўтваральныя слоўнікі – лінгвістычныя слоўнікі, у якіх аб’ектам апісання з’яўляюцца адзінкі словаўтварэння (матываваныя словы, словаўтваральныя афіксы і г.д.), а таксама слоўнікі, у якіх паслядоўна даецца толькі словаўтваральная характарыстыка лексічных адзінак. Да гэтай групы слоўнікаў адносяцца [ТИХОНОВ 1985; ЕФРЕМОВА 1996;

САМУМ 1998; СРСБКЕ 1999; ССБМ 2000; SGSWJO 2001–2004; КАРПІЛОВСЬКА 2002; SKMS 2005; ССАРЯ 2016 і інш.].

2. Комплексныя словаўтваральныя (сумешчаныя і паралельныя) слоўнікі – слоўнікі, якія паслядоўна сумяшчаюць словаўтваральную і іншую лінгвістычную характарыстыку адзінкі апісання (як правіла, лексічнай адзінкі). Параўн.: “У адпаведнасці з крытэрыем спосабу прадстаўлення лексічнай масы словаўтваральныя слоўнікі адносяцца да групы спецыяльных слоўнікаў, у якіх матэрыял падаецца нейкім спецыяльным чынам (у залежнасці ад канцэпцыі канкрэтнага слоўніка). Словаўтваральныя слоўнікі прызначаны, перш за ўсё, для спецыялістаў у галіне лінгвістыкі, паколькі прадстаўлены ў іх матэрыял з’яўляецца спрыяльнай базай для даследавання словаўтварэння і семантыкі сербскай мовы. Гэтыя слоўнікі ўтрымліваюць шырокія звесткі пра словаўтваральную сістэму сербскай мовы, на падставе якіх можна рабіць шматлікія высновы аб арганізацыі лексічнай сістэмы сербскай мовы ў цэлым... У сербскай лексікаграфіі гэтая група слоўнікаў прадстаўлена адваротнымі і семантыка-словаўтваральнымі слоўнікамі” [НИКОЛИЋ 2018: 157]. Прыкладам такіх слоўнікаў можна лічыць [ЕФРЕМОВА 2000; СДР 2003; СДР 2006; ШИРШОВ 2004; ШИПКА 2005; ЕЛЫНЦЕВА 2017 і інш.].

3. Адносна словаўтваральныя слоўнікі – шырокі спектр лінгвістычных слоўнікаў (тлумачальных і спецыяльных), у якіх пры апісанні лексічных адзінак у той ці іншай ступені выкарыстоўваюцца словаўтваральныя характарыстыкі слова [SWJB (a tergo) 1989; MSS 1999; ПОЛЮГА 1983; МСБМ 1989; RMSS 2015 і інш.].

Такім чынам, да групы адназначна словаўтваральных слоўнікаў у прыведзенай вышэй агульнай класіфікацыі лінгвістычных слоўнікаў могуць быць аднесены толькі ўласна словаўтваральныя слоўнікі. Слоўнікі, якія мы назвалі комплексна словаўтваральнымі, адначасова ўключаюцца ў дзве і больш пазіцыі агульнай класіфікацыі лінгвістычных слоўнікаў (напрыклад, тлумачальныя і словаўтваральныя, асацыятыўныя і словаўтваральныя і г.д.). Нарэшце, адносна словаўтваральныя слоўнікі ў агульнай тыпалогіі лінгвістычных слоўнікаў ўключаюцца у іншыя тыпы лінгвістычных слоўнікаў у адпаведнасці з іх назвамі. Са словаўтваральнымі слоўнікамі іх звязвае толькі тая словаўтваральная інфармацыя, якая ўтрымліваецца ў слоўнікавым артыкуле. Як можна бачыць, галоўным крытэрыем дадзенага падзелу служыць роля словаўтваральнай характарыстыкі адзінкі апісання ў слоўніку: а) асноўная, б) паралельная і в) ускосная спадарожная.

II. Словаўтваральныя слоўнікі

Уласна словаўтваральныя слоўнікі (далей – **словаўтваральныя слоўнікі**) славянскіх моў характарызуюцца істотнай разнастайнасцю і спецыфікай свайго складу, структуры і прызначэння. Асноўнымі

крытэрыямі іх класіфікацыі (тыпалогіі) могуць стаць, на наш погляд, наступныя:

- тып адзінкі апісання (моўны ўзровень і словаўтваральны статус);
- асаблівасці ўпарадкавання моўнага матэрыялу (структура слоўнікавага артыкула);
- характар дэфініцыі (асаблівасці словаўтваральнай характарыстыкі адзінкі, якая апісваецца ў слоўніку);
- колькасць моў;
- мэтавае прызначэнне;
- і інш.

Па адносінах адзінкі апісання да таго ці іншага моўнага ўзроўню словаўтваральныя слоўнікі падзяляюцца на слоўнікі лексем (**гласарыі**) і слоўнікі марфем (**марфемарыі**), якія ў сваю чаргу падзяляюцца на афіксальныя і каранёвыя. Паводле асаблівасцей упарадкавання адзінак апісання (па структуры слоўнікавага артыкула) словаўтваральныя слоўнікі лексем (гласарыі) падзяляюцца на алфавітныя, гнездавыя, парадыгмальныя і г.д. Афіксальныя слоўнікі марфем (марфемарыі), як правіла, з'яўляюцца алфавітнымі, а каранёвыя – гнездавымі (гл. схему 3).

Схема 3. Словаўтваральныя слоўнікі паводле адзінак апісання і прынцыпаў іх упарадкавання

Падзел словаўтваральных слоўнікаў паводле адзінкі апісання на гласарыі і марфемарыі (першая ступень класіфікацыі) і марфемарыяў – на афіксальныя і каранёвыя (другая ступень класіфікацыі) абумоўлены тым, што аб'ектам апісання ў словаўтваральных слоўніках могуць выступаць толькі субстанцыянальныя ўзроўневыя адзінкі словаўтварэння (матываваныя словы, словаўтваральныя базы (у тым ліку каранёвыя марфемы) і словаўтваральныя фарманты (афіксы). Класіфікацыйныя

комплексныя адзінкі словаўтварэння (словаўтваральныя пары, словаўтваральныя парадыгмы, словаўтваральныя гнёзды і г.д.) з'яўляюцца толькі спосабам упарадкавання класіфікацыйных адзінак словаўтварэння, перш за ўсё матываваных слоў, у слоўніках (трэцяя ступень класіфікацыі).

Пры гэтым трэба мець на ўвазе неабходнасць прынцыповага размежавання двух тыпаў слоўнікаў – **слоўнікаў марфем (марфемарыяў)** і **марфемных слоўнікаў**. Аб'ектам апісання ў слоўніках марфем з'яўляецца менавіта марфема як мінімальная значымая частка слова, а ў марфемных слоўніках – слова як самастойная лексічная адзінка і яго марфемны склад.

Па спосабу апісання аналізуемай словаўтваральнай адзінкі (наяўнасці і характару дэфінітыўнай часткі слоўнікавага артыкула) усе словаўтваральныя слоўнікі – гласарыі (алфавітныя і гнездавыя) і марфемарыі (афіксальныя і каранёвыя) – падзяляюцца на **тлумачальныя** і **фіксуючыя** (гл. схему 4).

Схема 4. Словаўтваральныя слоўнікі паводле наяўнасці/адсутнасці дэфінітыўнай часткі

Слоўнікавыя артыкулы тлумачальных словаўтваральных слоўнікаў ўтрымліваюць у якасці абавязковай дэфінітыўную частку, якая ў залежнасці ад мэтавага прызначэння слоўніка можа мець розную ступень разгорнутасці, а фіксуючыя – як правіла, абмяжоўваюцца канстатацыяй словаўтваральнай адзінкі і графічнай рэпрэзентацыяй яе словаўтваральнай структуры, калі размова ідзе пра словаўтваральныя гласарыі.

Паводле крытэрыя колькасці прадстаўленых у словаўтваральных слоўніках моў яны падзяляюцца на **аднамоўныя**, **двухмоўныя** і **шматмоўныя** (гл. схему 5).

Нарэшце, адной з важных характарыстык словаўтваральных слоўнікаў з'яўляецца іх мэтавае прызначэнне. Паводле названага параметрf дастаткова выразна выдзяляюцца тры тыпы слоўнікаў: **навуковыя** (акадэмічныя), **вучэбныя** (школьныя) і **спецыяльныя** (практычныя даведнікі). Названы прынцып з'яўляецца, як можна бачыць, вельмі

важным для агульнай класіфікацыі словаўтваральных слоўнікаў, паколькі ад яго ў значнай ступені залежыць аб’ём і характар моўных адзінак, што ўключаюцца ў слоўнік, а таксама асаблівасці іх падачы і апісання (гл. схему 6).

Схема 5. Словаўтваральныя слоўнікі паводле колькасці моў

Схема 6. Словаўтваральныя слоўнікі паводле мэтавага прызначэння

Навуковыя (акадэмічныя) словаўтваральныя слоўнікі [напрыклад, ТИХОНОВ 1985; SGSWJO 2001–2004; ССАСРЯ 2016; СРСБКЕ 1999], як правіла, імкнуцца да максімальнай паўнаты рэестра апісваемых адзінак і ўсебаковасці дэфініцыі, вучэбныя (школьныя) слоўнікі [ТИХОНОВ 1978; ШССБМ 2006; ШСССУМ 2005; ССРЯ 2010;] звычайна маюць абмежаваны вучэбнымі задачамі аб’ём рэестравага матэрыялу і імкнуцца да даступнасці і празрыстасці характарыстыкі словаўтваральных адзінак, што апісваюцца ў слоўніку, а спецыяльныя словаўтваральныя слоўнікі [СРЛИ 1995] накіраваны перш за ўсё на забеспячэнне практычных патрэб моўнай практыкі і характарызуюцца спецыфічным корпусам моўных адзінак, якія ў іх апісваюцца.

Такім чынам, як уяўляецца, прапанаваная тыпалогія словаўтваральных слоўнікаў славянскіх моў не з’яўляецца закрытай і можа пашырацца і дэталізавацца, а таксама дазваляе ажыццявіць паслядоўную ўзроўневую класіфікацыю існуючых слоўнікаў і выявіць лакуны, якія ў будучым могуць быць запоўнены.

Словаўтваральныя слоўнікі гласарыі

Да групы фіксуючых словаўтваральных слоўнікаў гласарыяў адносяцца гнездавыя [RDD 1970; ТИХОНОВ 1985; SGSWJO 2001–2004; ССБМ 2002 і інш.] і алфавітныя словаўтваральныя слоўнікі, у якіх матываваныя словы падаюцца з мінімальнымі тлумачэннямі іх словаўтваральнай структуры, спосабу ўтварэння і г.д. Аб гэтым карыстальнік можа самастойна меркаваць толькі на падставе фармальных графічных памет. Тыповым прыкладам такіх слоўнікаў з'яўляецца гнездавы "Словообразовательный словарь русского языка" А.М. Ціханава [ТИХОНОВ 1985].

1146. **кузнéц** *ср*. кýзница
кузне*ч*-**и́х**-а
кузнé*ч*-**ий**
кузнец-**óв**
кузнé*ч*-**еств**-о 1
кузнé*ч*-**н**(ый)
кузнéчн-**о**-котéльный
кузнéчн-**о**-прéссовый
кузнéчн-**о**-свáрочный
кузнéц-**к**(ий)
кузнé*ч*-**и**-ть
кузнéч-**еств**-о 2
кузнé*ч*-**нича**-ть

1147. **кузнéчик**
кузнéчик-**ов**(ый)
кузнéчиков-**ые**, *сущ*.
лж-**е**-кузнéчиковые

Адразу неабходна ўдакладніць, што гнездавым гэты слоўнік з'яўляецца толькі па спосабу ўпарадкавання ў ім матываваных лексічных адзінак, словаўтваральная структура якіх паказваецца. Па спосабу ж размяшчэння ў слоўніку саміх словаўтваральных гнёзд ён з'яўляецца тыповым алфавітным слоўнікам. На тое, што ў слоўніку асноўным аб'ектам апісання з'яўляецца менавіта матываванае слова і яго словаўтваральная структура, а не само словаўтвараль нае гняздо, указвае дадатак (алфавітны індэкс матываваных слоў з адсылкай да канкрэтнага гнязда, у якое яно ўваходзіць).

Да разраду тлумачальных словаўтваральных слоўнікаў гласарыяў можа быць аднесены "Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы" [ССБМ 2000]. Гэта словаўтваральны слоўнік алфавітнага тыпу, у якім слоўнікавы артыкул уяўляе сабой "адваротную" словаўтваральную пару, а

дэфінітыўная частка змяшчае інфармацыю аб утварэнні загалоўнага слова (спосаб утварэння, графічна выдзелены словаўтваральны сродак, матывавальнае слова, марфаналагічныя пераўтварэнні ў структуры матываванага слова). Параўн.:

магі́л-к-(а) – *суф.*, *ад* магі́л-(а)
магі́ль-н-(ы) – *суф.*, *ад* магі́л-(а), *чарг.* л/л’
магі́ль-шчык-(ø) – *суф.*, *ад* магі́л-(а), *чарг.* л/л’
магістра́ль-н-(ы) – *суф.*, *ад* магістра́ль-(ø)
магі́чн-асць-(ø) – *суф.*, *ад* магі́чн-(ы)
маг-і́чн-(ы) – *суф.*, *ад* ма́г/і/-(я) [маг/ій/-(а)]
ма́г-і-(я) [маг-ій-(а)] – *суф.*, *ад* маг-(ø), *чарг.* г/г’
магнет-ы́зм-(ø) – *суф.*, *ад* магні́т-(ø), *чарг.* і/е
магнеты́ч-н-(ы) – *суф.*, *ад* магнет/ы́зм/-(ø)
магні́т-н-(ы) – *суф.*, *ад* магні́т-(ø)
магні́ц-і-(ць) – *суф. ад* магні́т-(ø), *чарг.* т/ц’
магно́лі-ев-(ы) [магнолій-эв-(ы)] – *суф.*, *ад* магно́лі-(я) [магнолій-(а)]
магу́тн-а – *суф.*, *ад* магу́тн-(ы)
магу́тн-асць-(ø) – *суф.*, *ад* магу́тн-(ы)

Гнездавыя словаўтваральныя слоўнікі гласарыі адлюстроўваюць не толькі словаўтваральную структуру матываванага слова, але і яго “словаўтваральную гісторыю”. Разам з тым, яны патрабуюць спецыяльнага даведачнага апарату, што ўскладняе карыстанне імі. У сваю чаргу алфавітныя словаўтваральныя слоўнікі гласарыі з’яўляюцца зручнымі для карыстальніка, хаця і даюць словаўтваральную характарыстыку толькі асобнага слова.

Словаўтваральныя слоўнікі марфемарыі

Афіксальныя словаўтваральныя слоўнікі марфемарыі [САМУМ 1998; ŠIMANDL 2016; ШИПКА 2005; SKMS 2005; ССАРЯ 2016 і інш.] таксама падзяляюцца на фіксуючыя і тлумачальныя. Прыкладам афіксальнага словаўтваральнага слоўніка марфем фіксуючага тыпу можна лічыць “Словник афіксальних морфем української мови” [САМУМ 1998].

Як адзначаюць аўтары, “укладзены з дапамогай камп’ютара частотна-валентнасны Слоўнік афіксальных марфем ... у агульным выглядзе падае карыстальнікам звесткі пра склад афіксаў у сучаснай украінскай мове, якасныя, колькасныя і функцыянальныя характарыстыкі гэтых адзінак...” [САМУМ 1998: 11]. Такім чынам, паводле аб’ёму прэзентаванай інфармацыі названы слоўнік выходзіць за межы строга афіксальнага словаўтваральнага слоўніка марфемарыя фіксуючага тыпу.

Аднак з пункту гледжання адзінкі апісання ён адносіцца менавіта да названага тыпу словаўтваральных слоўнікаў.

	4.-[об]+за	Д	об+за/вес/т`и-ся	3	0.00	2	2
		І	об+за/в`ед/енн*я				
	5.-[об]+по	Д	об+по/ви/в`а+ти	2	0.00	0	0
	6.-[об]+па	Д	об+па/син/к+ув`а+ти	1	0.00	0	0
3.0	-[обі]R	Д	обі/т`ер/ти+ся	118	0.07	32	235
		ДС	обі/йм/`а+j+уч+и				
		ДП	об`і/др/а+н*ий				
		І	об`і/др/а+н+ець				
		П	об`і/зна/н*ий				
3.1	1.не+[обі]-	ДП	не+об`і/зна/н*ий	2	0.00	0	0
		І	не+об`і/зна/н+ість				
	2.по+[обі]-	Д	по+обі/йм/`а+ти	2	0.00	0	0
	3.на+[обі]-	Д	по+обі/йм/`а+ти+ся	1	0.00	0	0
4.0	-[обо]R	Д	обо/млі/в`а+ти	3	0.00	0	0
		ДП	обо/мл`і/л*ий				
обез				157	0.10	5	10
1.0	-[обез]R	Д	обез/б`арв/и+ти	154	0.09	5	10

Прыкладам **каранёвага слоўніка марфемарыя** фіксуючага тыпу з’яўляецца “Кореневий гніздовий словник української мови: Гнізда слів з вершинами – омографічними коренями” [КАРПІЛОВСЬКА 2002].

Як адзначае аўтар-укладальнік слоўніка, гэта “… першы ва ўкраінскай лексікаграфіі марфемна-словаўтваральны слоўнік гнездавога тыпу. Ён робіць відавочнай арганізацыю ў сучасным украінскім лексіконе слоў з каранямі-амографамі і іх неамаграфмічнымі фармальнымі варыянтамі. У рэестры слоўніка 2594 карані, з іх 1820 каранёў-амографаў, аб’яднаных у 653 групы рознай складанасці (ад 2 да 14 амаграфічных каранёў). У корпусе Слоўніка – 71 304 словы, у якіх рэалізаваны рэестравыя карані, у тым ліку 59 631 слова з каранямі-амографамі. Адлюстравана фармальная і словаўтваральная структура асобных слоў і спосабы іх арганізацыі у складзе пэўных гнёзд. Распрацаваны прыёмы адлюстравання фармальных і семантычных сувязей паміж гнёздамі. Слоўнік – адна з магчымых мадэлей будовы сучаснага ўкраінскага лексікону” [КАРПІЛОВСЬКА 2002: 2].

Па сваёй структуры і асаблівасцях прадстаўленай у слоўніку інфармацыі названы слоўнік фактычна з’яўляецца фіксуючым словаўтваральным слоўнікам гласарыем гнездавога тыпу, у якім паказваецца словаўтваральная структура матываваных слоў, аб’яднаных адзінай коранёвай марфемай.

“Словарь морфем русского языка” А.І Кузняцовай і Т.Ф. Яфрэмавай [СМРЯ 1986] ўяўляе сабой тып сумешчанага словаўтваральна-дыстрыбутыўнага слоўніка, у якім паралельна ў якасці самастойных раздзелаў прадстаўлены каранёвая і афіксальная (прэфіксальная і суфіксальная) часткі. Напрыклад:

ЛУГ (1 луж.)	**РАЗ**	**ЧИК**
√-ø	РАЗ-√-ат-е́-ть – бог	√-ЧИК-ø – амбар
√-ов-о́й	РАЗ-√-в-к-а – би	на-√-ЧИК-ø – вод
√-ов-и́к-ø	РАЗ-√-в-н-о́й – би	от-√-ЧИК-ø – вет
√-ов-и́н-а	РАЗ-√-ва́-лк-а – де	раз-√-ЧИК-ø – вед
√-ов-и́н-н-ый	РАЗ-√-ва́-ни-е – де	со-√-ЧИК-ø – вет

Класічным прыкладам **тлумачальнага словаўтваральнага слоўніка марфем** з’яўляецца “Словарь словообразовательных аффиксов русского языка” У.У. Лапаціна і І.С. Улуханава [ССАРЯ 2016], у якім адзінкай, якая тлумачыцца, выступае словаўтваральны фармант (марфема) і яго словаўтваральнае значэнне.

Слоўнік з’яўляецца ўніверсальным даведнікам па сістэме сінхроннага словаўтварэння адной нацыянальнай мовы, у якім з максімальнай паўнатой прадстаўлена сэнсавая, фармальная і камбінаторная характарыстыка словаўтваральнага фарманта ў сістэме словаўтварэння і ў складзе матываванага слова. У структуры словаўтваральнага артыкула з загаловачнай адзінкай – словаўтваральнай марфемай выразна выдзяляюцца тры асноўныя інфармацыйныя блокі:

уводны (утрымлівае найбольш агульную інфармацыю пра загаловачную марфему), семантыка-словаўтваральны (уключае інфармацыю пра словаўтваральны патэнцыял марфемы) і марфаналагічны (паказвае асаблівасці спалучальнасці морфа ў структуры матываванага слова [ЛУКАШАНЕЦ 2019: 60].

	-ТЕЛЬ; -ИТЕЛЬ сущ., муж. р., 1 скл. ***ЗМ: предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом.*** **1.** *сщ* < *глг* (в словах со знач. лица – *перех*. и *неперех*.; в остальных – только *перех*.). **1.1**. Сп.: суф. **ЗТ:** ***предмет, производящий действие, названное мотивирующим*** *глг*, ***или предназначенный для выполнения этого дествия.*** **1.1.1. ЗП: лицо – производитель действия или субъект состояния, названного мотивирующим** *глг*… Преподавать > преподава-тель ‘тот, кто преподает, занимается преподаванием’, мечтать > мечта-тель…

Да групы тлумачальных словаўтваральных слоўнікаў марфем адносіцца і “Глосар творбеных форманта” Данка Шыпкі, апублікаваны ў 2005 годзе, хаця аб’ём інфармацыі ў ім істотна выходзіць за межы словаўтварэння. Гэты слоўнік уключае “звесткі пра марфалагічныя характарыстыкі словаўтваральнага фарманта, вызначэнне значэння ў адносінах да мадыфікуемай часткі, ці апісанне значэння немадыфікаванай часткі, інфармацыя пра тое, змяняе ці не суфікс ці суфіксоід часціну мовы, і калі мяняе, то якую на якую, прыклад рэалізацыі словаўтваральнага фарманта ў лексеме, а таксама словаўтваральны аналіз гэтай лексемы. У словаўтваральны аналіз прыкладаў уключана і інфармацыя пра чаргаванні, якія выклікае афіксоід. Мікраструктура слоўніка ўключае ўводзіны, асноўны слоўнікавы тэкст і паказальнікі: а) паказальнік па значэннях, б) паказальнік па суфіксах, прэфіксах, цыркумфіксах, уключаючы звесткі пра тое, як суфіксы змяняюць часціну мовы на іншую, в) паказальнік па частаце паслядоўнасці афіксаў па лексемах, г) статыстыка марфалагічных мадыфікацый. Гэты гласарый выключна карысны, таму што дае

магчымасці адсочваць адносіны паміж афіксамі (полісемію афіксаў, сінанімію афіксаў, аманімію суфіксаў і г.д.” [СРПСКА ЛЕКСИКОГРАФЈА 2018: 165].

Словаўтваральныя слоўнікі па колькасці прэзентаваных у іх моў

Па названай прыкмеце тэарэтычна магчымы наступныя разнавіднасці словаўтваральных слоўнікаў: а) аднамоўныя, б) двухмоўныя і в) шматмоўныя.

На сённянні дзень існуючы корпус славянскіх словаўтваральных слоўнікаў прадстаўлены пераважна аднамоўнымі слоўнікамі. Гэта абсалютна зразумела і апраўдана, паколькі менавіта такія слоўнікі з’яўляюцца неад’емнай часткай лексікаграфічнага апісання сістэмы любой славянскай мовы.

У якасці прыкладу двухмоўнага словаўтваральнага слоўніка можна прывесці “Українсько-російський словотворчий словник» [СІКОРСЬКА 1985]. Важнасць падобнага роду слоўнікаў звязана з іх магчымасцю прадэманстраваць ролю словаўтварэння ў фарміраванні нацыянальнай адметнасці славянскіх моў, асабліва ў сітуацыях блізкароднаснага двухмоўя, (напрыклад, беларуска-рускага, украінска-рускага) ці іх блізкага суседства (напрыклад, балгарская і македонская, сербская і харвацкая, чэшская і славацкая мовы). У сітуацыях афіцыйнага блізкароднаснага двухмоўя такія слоўнікі становяцца вельмі важнымі дапаможнікамі для сістэмы адукацыі. Так, напрыклад, стварэнне беларуска-рускага словаўтваральнага слоўніка дазволіла б выявіць наступныя “словаўтваральныя” тыпы суадноснай матываванай і нематываванай лексікі беларускай і рускай моў.

1. Лексічныя адзінкі з рознымі каранёвымі і супадаючымі афіксальнымі марфемамі:

1.1. суфіксальнымі: бел. *чырван**авat**(ы)* – рус. *красн**овat**(ый)*, бел. *кішэн**н**(ы)* – рус. *карман**н**(ый)*, бел. *паўноч**н**(ы)* – рус. *север**н**(ый)*;

1.2. прэфіксальнымі: бел. ***бяз**вок(і)* – рус. ***без**глаз(ый)*, бел. ***па**вячэраць* –рус. ***по**ужинать*;

1.3. постфіксальнымі: бел. *ганарыц**ца*** – рус. *гордить**ся***, бел. *крыўдзіц**ца*** – рус. *обижать**ся***.

1.4. прэфіксальна-суфіксальнымі: бел. ***бяс**крайн(і)* – рус. ***без**брежн(ый)*, бел. ***без**абаронн(ы)* – рус. ***без**защитн(ый)*.

2. Лексічныя адзінкі з супадаючымі каранёвымі і рознымі афіксальнымі марфемамі:

2.1. суфіксальнымі: бел. *нось**біт*** – рус. *нос**итель***, бел. *сейб**іт*** – рус. *сея**тель***, бел. *чыт**ач*** – рус. *чита**тель***, бел. *прынцып**ов**(ы)* – рус. *принцип**иальн**(ый)*;

2.2. прэфіксальнымі: бел. ***не**парадак* – рус . ***бес**порядок*, бел. ***па**ехаць* – рус. ***у**ехать*.

2.3. прэфіксальнымі і суфіксальнымі: бел. ***са**праўд**ы*** – рус. ***вза**правд**у***.

3. Лексічныя адзінкі з рознымі каранёвымі і афіксальнымі марфемамі: бел. *кішэнька* – рус. *карманчик*, бел. *кішаньковы* – рус. *карманный*, бел. *апавядальнік* – рус. *рассказчик*.

4. Лексічныя адзінкі, якім у іншай мове адпавядаюць неаднаслоўныя найменні: бел. *пакаранне смерцю* – рус. *казнь*.

5. Лексічныя адзінкі з супадаючымі каранёвымі і часткова адрознымі афіксальнымі марфемамі.

5.1. супадаюць суфіксальныя і адрозніваюцца прэфіксальныя марфемы: бел. ***не**пакоі*(*ць*) – рус. ***бес**покои*(*ть*).

5.2. супадаюць прэфіксальныія і адрозніваюцца суфіксальныя марфемы: бел. *бясстрашн**асць*** – рус. *бесстрасти*(*е*).

6. Аднакаранёвай лексеме адной мовы адпавядае складанае (двухкаранёвае) слова ў другой: бел. *якра-пунцовы* – рус. *алый* [Łukashaniec 2010].

Словаўтваральныя слоўнікі паводле прызначэння

Па гэтым параметры ўсе словаўтваральныя слоўнікі падзяляюцца на: а) навуковыя (акадэмічныя), б) вучэбныя (школьныя) і в) спецыяльныя (практычныя).

Да разраду **навуковых** адносяцца ўсе разгледжаныя вышэй слоўнікі. Іх галоўнымі прыкметамі з'яўляюцца аб'ём (большасць такіх слоўнікаў імкнуцца, па магчымасці, да поўнага ахопу моўнага матэрыялу) і прызначэнне (у першую чаргу для навуковых мэтаў). Менавіта апошнім могуць быць абумоўлены прынцыпы і асаблівасці адлюстравання словаўтваральнай інфармацыі ў слоўнікавым артыкуле. Акрамя таго, слоўнікі такога тыпу, як правіла, з'яўляюцца базай для падрыхтоўкі вучэбных (школьных) словаўтваральных слоўнікаў.

Вучэбныя (школьныя) словаўтваральныя слоўнікі [ТИХОНОВ 1978; ШССБМ 2006; ШСССУМ 2005 і інш.] маюць выразную адукацыйную накіраванасць, што абумоўлівае спецыфіку рэестравай часткі слоўніка, а таксама аб'ём і характар словаўтваральнай інфармацыі, што падаецца ў слоўнікавым артыкуле. Школьныя словаўтваральныя слоўнікі прадстаўлены пераважна слоўнікамі гласарыямі і могуць быць як гнездавымі, так і алфавітнымі.

Прыкладам гнездавога школьнага словаўтваральнага слоўніка можа служыць "Школьный словообразовательный словарь русского языка" А.М. Ціханава [ТИХОНОВ 1978]. У гэтым слоўніку "ўсе зыходныя (загалоўныя словы словаўтваральнага гнязда – А.Л.) словы знаходзяцца на сваім алфавітным месцы. Калі слова, якое трэба знайсці адсутнічае сярод зыходных, то яго трэба шукаць у самім гняздзе, сярод аднакарэнных слоў.

У выпадках, калі ўзнікаюць цяжкасці, неабходна звярнуцца да алфавітнага спісу, які размешчаны ў канцы кнігі” [ТИХОНОВ 1978: XV].

гриб →
- гриб-**ó*к*** →
  - грибó***ч*-ек** (черед. ***к*** – ***ч***)
  - грибк-**óв**-ый
  - **противо**-грибк-**óв**-ый
- гриб-**ни́к**
- гриб-**н**-óй

ум →
- ум-**ó*к*** → умó***ч*-ек** (черед. ***к*** – ***ч***)
- ум-**и́шк**-о
- ум-**и́щ**-е
- ýм-н(ый) →
  - ýмн-**еньк**-ий
  - ýмн-**о**
  - **по**-ýмн-**ому**
  - умн-**é**-ть → **по**-умнéть
- ýм-**ственн**-ый

Значна больш зручнымі для школьнага навучання, безумоўна, трэба лічыць алфавітныя слоўнікі, у якіх кожнае слова, словаўтваральная структура якога тлумачыцца, лёгка знайсці па алфавіце. Параўн., напрыклад, [ШССБМ 2006] і [ССРЯ 2010]:

да-леднікóв-ы — *прыст., ад* леднікóв-ы
да-лéз-(ці) — *прыст., ад* лéз-(ці)
далекавáт-а — *суф., ад* далекавáт- ы
далек-авáт-ы — *суф., ад* далёк-і
дáлеч-ø-□ — *нулявая суф., ад* далёк-і
далéчва-нн- е — *суф., ад* далéчва-(ць)
далеч-ын- я́ — *суф., ад* далёк-і
далёк-а — *суф., ад* далёк-і
далёк-асць-□ — *суф., ад* далёк-і
даліва́-нн- е — *суф., ад* даліва́-(ць)
далікáтн-а — *суф., ад* далікáтн-ы
далікáтн-асць-□ — *суф., ад* далікáтн-ы
далікатн-é-(ць) — *суф., ад* далікáтн-ы
далікáтн-іча-(ць) — *суф., ад* далікáтн-ы
дал-і́н- а — *суф., ад* дол-□ *(паверхня зямлі)*
далі́н-н-ы — *суф., ад* далі́н- а

каба́н-**чик**-(ø) → *суф*. от каба́н-(ø)
ка́бель-**н**-(ый) → *суф*. от ка́бель-(ø)
кабине́т-**ик**-(ø) → *суф*. от кабине́т-(ø) *черед. т/т'*
кабине́т-**н**-(ый) → *суф*. от кабине́т-(ø)
каби́н-**к**-(а) → *суф*. от каби́н-(а)
каблуч-**и́щ**-(е) → *суф*. от каблу́к-(ø) *черед. к/ч*
каблу́ч-**н**-(ый) → *суф*. от каблу́к-(ø) *черед. к/ч*
кавалери́й-**ск**-(ий) → *суф*. от кавале́ри-(я) [кавале́риј-(а)]
кавалер-**и́ст**-(ø) → *суф*. от кавале́р/и/-(я)
каём-**к**-(а) [кајо́м-**к**-(а)] → *суф*. от кайм-(а́) *черед. ø/о*
каёмоч-**к**-(а) → *суф*. от каёмк-(а) *черед. ø/о, к/ч*

Як можна бачыць, алфавітныя беларускія і рускія школьныя словаўтваральныя слоўнікі беларускай словаўтваральнай школы з улікам мэтавага прызначэння характарызуюцца празрыстай структурай слоўнікавага артыкула, які ўяўляе сабой "адваротную" словаўтваральную пару і ўтрымлівае неабходную для засваення інфармацыю: графічна выдзелены ў загалоўным слове словаўтваральны сродак, спосаб словаўтварэння, утваральнае слова, а таксама марфаналагічныя змены ў аснове ўтваральнага слова.

Спецыяльныя словаўтваральныя слоўнікі

Спецыяльныя словаўтваральныя слоўнікі з'яўляюцца практычнымі даведнікамі, якія забяспечваюць патрэбы пісьмовай і вуснай моўнай практыкі ў якой-небудзь сферы дзейнасці. Такім даведнікам, які забяспечвае праблемы іменаслоўнай практыкі, з'яўляецца "Словарь русских личных имен" [СРЛИ 1995]. Гэта гнездавы словаўтваральны слоўнік гласарый, у якім гняздо "ўяўляе сабой сукупнасць усіх памяншальна-ласкальных утварэнняў ад загалоўнага слова і суфіксальных вытворных. У якасці зыходнага (загалоўнага) слова выступаюць імёны, якія з'яўляюцца зараз афіцыйнымі, стылістычна нейтральнымі і запісваюцца ў дакумент, што сведчыць асобу (дакументы ЗАГСу, пасведчанне аб нараджэнні, пашпарт). Кожнае гняздо ўтрымлівае пэўную колькасць вытворных, якія размешчаны (на яго тэрыторыі) ... з улікам іх словаўтваральных сувязей і адносін. Кожнае вытворнае слова знаходзіцца пасля свайго ўтваральнага. У кожным вытворным выдзелены суфікс, з

дапамогай якога яно ўтворана, выдзелены чаргаванні, якія ўдзельнічаюць ва ўтварэнні імя” [СРЛИ 1995: 5]).

Практычная накіраванасць гэтага слоўніка для сучаснай рускай іменаслоўнай практыкі забяспечваецца аб’ёмам інфармацыі, якую ўключае слоўнікавы артыкул. “Слоўнік утрымлівае мужчынскія і жаночыя асабовыя імёны з усімі створанымі на іх базе вытворнымі. Гэта першы гнездавы слоўнік такіх імён. У гняздзе, акрамя галоўнага – поўнага афіцыйнага імені, прыводзяцца ўсе памяншальна-ласкальныя варыянты з улікам іх словаўтваральных сувязей і адносін, а таксама этымалагічныя даведкі, звесткі аб першапачатковым значэнні асабовага імені, днях ангела і інш. [СРЛИ 1995: 2]. Параўн.:

МАКСИ́М|, а, *м* [*лат*. ‘самый большой, величайший’]. Отчество: Максимович, Максимовна; Максимыч (*разг*.).

Производные (26):

Максим → Маским|к|а → Максим*оч*|к|а 1, Максим*ч*|ик 1
Максим|ёнок, Максим|очк|а 2, Максим|ушк|а, Максим|чик 2, Максим|ш|а

Макс(им) **Макс** → Макс|ют|а 1 → Максют|оньк|а, Максют|очк|а
Макс|юш|а 1 → Максюш|к|а, → Максюш*еч*|к|а 1
Максюш|еньк|а, Максюш|ечк|а 2
Макс|еньк|а 1, Макс|ечк|а 1, Макс|юшк|а 1
Мак(с) → **Мака 1** → Мак|оньк|а 1, Мак|очк|а 1, Мак|ушк|а 1
Маконька 2, Макочка 2, Макушка 2
Макс|я → Макс|еньк|а 2, Макс|ечк|а 2, Макс|ют|а 2, Макс|юш|а 2, Макс|юшк|а 2
Мак(с|я) → Мак|а 2, Мак|оньк|а 3, Мак|очк|а 3, Мак|ушк|а 3
…

Дни ангела и святые (Максим): 21января,11 августа – *исповедники*; 23 января – *преподобный*; 6 и 19 февраля,10, 28,30 апреля, 14 мая, 30 июля, 11 августа, 5 и 15 сентября, 9 и 28 октября,11 ноября – *мученики*; 13 августа, 11 ноября – *юродивые*; 16 января – **святой**.

III. Комплексныя словаўтваральныя слоўнікі выразна падзяляюцца на дзве разнавіднасці: сумешчана-словаўтваральныя і паралельна-словаўтваральныя.

Сумешчана-словаўтваральныя слоўнікі – гэта слоўнікі, у якіх у адным слоўнікавым артыкуле словаўтваральная характарыстыка сумешчана з якой-небудзь яшчэ характарыстыкай загалоўнага слова. Прыкладам такога слоўніка з'яўляецца рускі тлумачальна-словаўтваральны "Толковый словообразовательный словарь" І.А. Шыршова [ШИРШОВ 2004].

У слоўнікавым артыкуле адначасова раскрываецца семантыка лексічнай адзінкі і даецца яе словаўтваральная характарыстыка. Аўтар вызначае свой слоўнік як комплексны гнездавы. Параўн.: "Прапанаваная чытачу праца з'яўляецца першай спробай спалучыць два асноўныя параметры слова – як яно ўтворана і што яно абазначае. Пры апісанні вытворнага слова ўказваюцца яго дэрывацыйныя сувязі і характар матываванасці, выводнасці са значэння матывавальнага, а сам слоўнік адносіцца да тлумачальна-словаўтваральнага тыпу. Все вытворныя словы з адным коранем апісваюцца кампактна, у адным гняздзе, таму гэты слоўнік з'яўляецца яшчэ і гнездавым [ШИРШОВ 2004; 13].

БОГА́ТЫЙ, *-ая, -ое; -га́т.* 1. Обладающий большим имуществом, деньгами, очень зажиточный. *Б. колхоз.* 2. Дорого стоящий, роскошный. *Богатая обстановка.* 3. То же, что обильный; содержащий в себе много чего-л. ценного. *Б. урожай.*

БОГАТЕ́Й, *-я, м.* (*прост.*). [богат(ый) → богат-**ей**]. Богатый (в 1 знач.) человек. *Сельский б.*

БОГАТЕ́ТЬ, *несов.* [богат(ый) → богат-**е**-ть]. Становиться более богатым (в 1 знач.). *Люди богатели.*

БОГА́ТО, *нареч.* [богат(ый) → богат-**о**]. Признак по прил. богатый (в 1, 3 знач.). *Жить б. В лесу дичи б.*

БОГА́ТСТВО, *-а, ср.* [богат(ый) → богат-**ств**-о]. Свойство по прил. богатый (в 1, 2 и 3 знач.). *Б. колхоза. Б. обстановки. Б. опыта.*

БОГА́Ч, *-а́, м.* [бога*т*(ый) → богач-∅]. Богатый (в 1 знач.) человек. *Дом богача.*

БОГА́ЧКА, *-и, ж.* (*разг.*). [бога*т*(ый) → богач-**к**-а и богач → богач-**к**-а]. Богатое (в 1 знач.) лицо женск. пола; женск. к богач. *Жениться на богачке.*

НЕБОГА́ТО, *нареч.* [небогат(ый) → небогат-**о** и богато → **не**-богато]. Признак по прил. небогатый (в 1 и 3 знач.); отрицание к богато. *Жить н. В лесу дичи н.*

НЕБОГА́ТЫЙ, *-ая, -ое.* [богатый → **не**-богатый]. 1. Не обладающий большим имуществом. *Н. человек.* 2. Недорогой по убранству; скромный. *Небогатая обстановка.* 3. Недостаточный по количеству; скудный. *Н. выбор.*

Аднак, па сутнасці, гэты слоўнік з'яўляецца алфавітна-алфавітным. З аднаго боку, лексічныя адзінкі, якія тлумачацца ў слоўніку, аб'яднаны ў гнёзды, аднак самі гнёзды даюцца ў афавітным парадку. З другога боку, лексічныя адзінкі, прыведзеныя ў адным гняздзе, таксама размешчаны ў

алфавітным парадку і не маюць характэрнай для словаўтваральнага гнязда ступеньчата-іерархічнай упадаркаванасці (гл. прыклады вышэй).

Да разраду сумешчаных тлумачальна-словаўтваральных слоўнікаў неабходна аднесці і семантычна-дэрывацыйны слоўнік сербскай мовы (Семантичко-деривациони речник) [СДР 2003; СДР 2006].

Канцэпцыя і прынцыпы ўкладання гэтых слоўнікаў былі задуманы і распрацаваны Д. Гортан-Прэмк. “Слоўнікавы артыкул арганізаваны такім чынам, што воссю словаўтваральнага гнязда, з пункту гледжання сінхраніі, з’яўляецца нематываваная лексема, за выключэннем, калі дэрыват з’яўляецца осноўнай назыўной адзінкай для часткі цела чалавека (*беоњача, дојка, мишић* і г.д.)... Для кожнага простага слова ўказваюцца ўсе вытворныя ад яго словы: суфіксацыяй, прэфіксацыяй, камбінаваным спосабам, складаннем і шляхам трансфармацыі, так што са слоўніка можна даведацца не толькі пра тып [словаўтварэння], але і ступень дэрывацыі (дэрыват 1 ступені, 2 ступені, 3 ступені і г.д.). Усе загалоўныя адзінкі і дэрываты суправаджаюцца азначэннямі, таму мы і гаворым, што гэты слоўнік адначасова з’яўляецца і семантычным, і словаўтваральным” [НИКОЛИЋ 2018: 161]. Навуковая і практычная значнасць такога роду слоўнікаў, на думку В. Ніколіч заключаецца ў тым, што “як від спецыяльнага лінгвістычнага слоўніка, семантычна-дэрывацыйны слоўнік садзейнічае разуменню семантычных (полісемія), словаўтваральных і іншых парадыгматычных лексічных адносін. Таксама з яго можна

Прыклады:

$1_1 < 0$ **глав-ан**, -вна, -вно → главни.

$2_1 < 1_5$ **глав-ње** с гл. имен. ← главати.

$1_2 < 0$ **глав-ар** м nomen agentis заповедник, старешина.

$2_2 < 1_2$ **главар-ев**, -а -о посес. прид. који припада главару.

[СРПСКА ЛЕКСИКОГРАФЈА 2018: 162].

атрымаць звесткі пра розныя тыпы морфасемантычнага вар’іравання, а прадстаўленая такім чынам сістэма дазваляе ажыццявіць лексічнае нармаванне, асабліва пры вызначэнні тэрміналогіі. Слоўнік таксама дае магчымасць даследавання прэфіксальнага і суфіксальнага

словаўтварэння, ён утрымлівае пералік лексем, якія ўдзельнічаюць у стварэнні камбінацыі і г.д. Каштоўнасць выкарыстання гэтага спецыяльнага лінгвістычнага слоўніка шматаспектная. Перш за ўсё, яго можна выкарыстоўваць для семантычнага аналізу, у якасці базы для стварэння іншых тыпаў спецыяльных слоўнікаў, у якасці словаўтваральнага даведніка, а таксама ён дае важную інфармацыю для нарматывістыкі. Таксама яго можна выкарыстоўваць у выкладанні сербскай мовы як роднай, так і замежнай” [НИКОЛИЋ 2018: 163–164].

Паралельна-словаўтваральныя слоўнікі ўяўляюць сабой фактычна два ці нават больш аб’яднаных пад адной вокладкай самастойных слоўнікаў, у кожным з якіх даецца характарыстыка адзінкі

апісання па якім-небудзь адным моўным параметры. Прыкладам школьнага комплекснага паралельнага словаўтваральнага слоўніка з’яўляецца “Морфемно-словообразовательный словарь» [ЕЛЫНЦЕВА 2017], які, па сутнасці, аб’ядноўвае пад адной вокладкай два слоўнікі – марфемны і словаўтваральны. Пры гэтым у кожным слоўніку тлумачыцца адпаведна або толькі марфемная, або толькі словаўтваральная структура загалоўнага слова. Параўн.:

Морфемный словарь

Аа

абза́ц-н-ый
абрико́с-ов-ый
абсолю́т-н-ый
авари́й-н-ый
авто́бус-ик-□
авто́бус-н-ый
автома́т-н-ый
автома́т-чик-□
авто-моби́ль-н-ый
авто-моби́ль-чик-□
а́втор-ск-ий
адмира́ль-ск-ий
а́дрес-н-ый
адрес-о́ва-нн-ый
аквалан́г-и́ст-□
аквере́ль-н-ый
аква́риум-н-ый
аккура́т-н-о
актёр-ск-ий
актив-и́ст-□
актр-и́с-а
алле́й-к-а
алфави́т-н-ый
алы́ч-о́в-ый
альбо́м-н-ый
амба́р-н-ый
анана́с-н-ый
анана́с-ов-ый

Словообразовательный словарь

Аа

абза́ц-**н**-ый ← абзац
абрико́с-**ов**-ый ← абрико́с
абсолю́т-**н**-ый ← абсолю́т
авари́й-**н**-ый ← ава́ри-я
авто́бус-**ик** ← авто́бус
авто́бус-**н**-ый ← авто́бус
автома́т-**н**-ый ← автома́т
автома́т-**чик** ← автома́т
автомоби́ль-**н**-ый ← автомоби́ль
автомоби́ль-**чик** ← автомоби́ль
а́втор-**ск**-ий ← а́втор
адмира́ль-**ск**-ий ← адмира́л
а́дрес-**н**-ый ← а́дрес
адресо́ва-**нн**-ый ← адресова́-ть
адрес-**ова́**-ть ← а́дрес
а́збуч-**н**-ый ← а́збук-а
аист-**ёнок** ← а́ист
акаде́м-**ик** ← акаде́ми-я

IV. Адносна словаўтваральныя слоўнікі

Да групы адносна словаўтваральных слоўнікаў адносяцца самыя розныя тыпы лінгвістычных слоўнікаў, у якіх у той ці іншай меры прадстаўлена словаўтваральная інфармацыя аб загалоўным слове.

У першую чаргу да такіх слоўнікаў могуць быць аднесены марфемныя [МСБМ 1989; ПОЛЮГА 1983 і інш.] і адваротныя слоўнікі [НИКОЛИЋ 2000;], у тым ліку сумешчаныя марфемна-адваротныя, паколькі ў іх, як правіла, дастаткова выразна паказваюцца словаўтваральныя марфемы, а лексічны матэрыял фактычна групуецца па суфіксальных словаўтваральных тыпах. Гл., напрыклад, “Retrográdny morfematický slovnír slovenčny” [RMSS 2015]:

Таксама да ліку адносна словаўтваральных могуць быць аднесены і класічныя славянскія тлумачальныя слоўнікі, паколькі дэфініцыі цэлых класаў матываваных слоў раскрываюць не іх лексічнае, а словаўтваральнае значэнне. Параўн., напрыклад, дэфініцыі асобных груп матываваных лексічных адзінак у [ТСБМ 1977–1984]:

- аддзеяслоўныя назоўнікі са значэннем адцягненага дзеяння: **АСУШВАННЕ**. *Дзеянне паводле знач. деясл.* асушваць – асушыць; **ЗАВАРВАННЕ**. *Дзеянне паводле знач. дзеясл.* заварваць – заварыць; **НАЗНАЧЭННЕ**. *Дзеянне паводле знач. дзеясл.* назначаць – назначыць; **ПАДСЫХАННЕ**. *Дзеянне паводле знач. дзеясл.* падсыхаць – падсохнуць;

- назвы асоб жаночага полу: **ВЫКЛАДЧЫЦА** – *Жан. да* выкладчык; **ГАРАДЖАНКА**. *Жан. да* гараджанін; **КАНДАДАТКА**. *Жан. да* кандыдат; **КАРЭСПАНДЭНТКА**. *Жан. да* карэспандэнт; **НАЗІРАЛЬНІЦА**. *Жан. да* назіральнік і г.д.;

- дзеясловы незакончанага трывання: **ЗАВІНЧВАЦЬ**. *Незак. да* завінціць; **НАЙГРАВАЦЬ**. *Незак. да* найграць; **ПАДСУШВАЦЬ**. *Незак да* падсушыць і г.д.

V. Заключэнне

Славянская дэрыватаграфія ў XXI стагоддзі прадстаўлена значнай колькасцю разнастайных па сваім змесце, структуры і прызначэнні ўласна словаўтваральных і комплексна-словаўтваральных слоўнікаў, што, безумоўна, садзейнічае поўнаму і ўсебаковаму апісанню сістэмы славянскага словаўтварэння, усведамленню яго ролі ў папаўненні слоўнікавага складу сучасных літаратурных славянскіх моў. Разам з тым, відавочнымі з'яўляюцца і пэўныя лакуны лексікаграфічнай прэзентацыі славянскага словаўтварэння. Так, напрыклад, актуальнай задачай сучаснай славянскай дэрыватаграфіі трэба лічыць стварэнне поўных (акадэмічных) гнездавых словаўтваральных слоўнікаў беларускай і іншых славянскіх моў, пашырэнне рэпертуару двухмоўных славянскіх словаўтваральных слоўнікаў, стварэнне шматмоўнага слоўніка словаўтваральных афіксаў славянскіх моў і інш. Як уяўляецца, неабходны мінімум лексікаграфічнага апісання словаўтваральных сістэм сучасных славянскіх моў можа быць забяспечаны комплексам:

- поўных (акадэмічных) словаўтваральных (гнездавых і алфавітных) слоўнікаў;
- поўных слоўнікаў каранёвых і афіксальных словаўтваральных марфем;
- поўных (акадэмічных) тлумачальных слоўнікаў словаўтваральных афіксаў;
- неабходным наборам вучэбных (школьных) словаўтваральных слоўнікаў, у тым ліку двухмоўных.
- шматмоўных слоўнікаў словаўтваральных марфем славянскіх моў.

Літаратура

ЕЛЫНЦЕВА 2017: *И.В. Елынцева*. Морфемно-словообразовательный словарь.1 – 4 классы. – Ростов н/Д: Феникс. – 207, [1] с.

ЕФРЕМОВА 2000: *Т.Ф. Ефремова.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Т. I–II. – М.: Русский язык.

ЕФРЕМОВА 1996**:** *Т.Ф. Ефремова*. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. – М.: Русский язык.

ЗАЙКОВА 2008: *Е.С. Зайкова*. Русская деривационная лексикография: история, теория, практика. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Екатеринбург, 2008. – 23 с.

КАРПІЛОВСЬКА 2002: *Є.А. Карпіловська*. Кореневий гніздовий словник української мови: Гнізда слів з вершинами – омографічними коренями. – К.: Укр. Енциклопедія. – 912 с.

ЛУКАШАНЕЦ 2019: *А.А. Лукашанец* <Рец.>. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. – М.: Изд. центр “Азбуковник”, 2016. – 812 с. // Известия Российской академии наук. Серия языка и литературы. – Т. 78. – №. 3. – С. 60–64.

МСБМ 1989: *А.М. Бардовіч, Л.М. Шакун*. Марфемны слоўнік беларускай мовы. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск: Выш. шк. – 718 с.

НИКОЛИЋ 2000: *М. Николић*. Обратни речник српског језика. – Београд: Институт за српски језик САНУ – Палчић. – Нови Сад: Матица српска.

НИКОЛИЋ 2018: *Николић Весна*. Деривациони речници // Српска лексикографја од Вука до данас. – Београд: Чигоја штампа. – С. 155–168.

ПОЛЮГА 1983: *Л.М. Полюга*. Морфемний словник. – Київ: Радянська школа.

САМУМ 1998: *Н.Ф. Клименко, Є.А. Карпіловська, В.С. Карпіловський, Т.І. Недозим*. Словник афіксальних морфем української мови. – Київ: ВАТ УкрНДІПСК. – 435 с.

СІКОРСЬКА 1985: *З.С. Сікорська*. Українсько-російський словотворчий словник. – Київ: Радянська школа.

СКЛЯРЕВСКАЯ 2019: *Г.Н. Скляревская*. Толковый словарь и его место в типологии словарей / Г.Н. Скляревская // Слово и словарь Vocabulum er vocabularium : сборник научных статей / Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит., Ин-т языкознания имени Якуба Коласа редкол.: И.Л. Копылов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларуская навука. – Вып. 16. – С. 71–74.

СМРЯ 1986: *А.И. Кузнецова, Т.Ф. Ефремова*. Словарь морфем русского языка. Ок. 52 000 слов. – М.: Рус. яз., 1986. – 1136 с.

СРЛИ 1995: *А.Н. Тихонов, Л.З. Бояринова, А.Г. Рыжкова*. Словарь русских личных имен – М.: Школа-Пресс. – 736 с.

СРПСКА ЛЕКСИКОГРАФЈА 2018: *Српска лексикографја од Вука до данас*. – Београд: Чигоја штампа. – 407 с.

СРСБКЕ 1999: *Й. Пенчев* [ред.]. Словообразувателен речник на съвременния български книжовен език. – София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов».

ССАСРЯ 2016: *В.В. Лопатин, И.С. Улуханов*. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. – Москва: Издательский центр «Азбуковник». – 812 с.

ССБМ 2000: *А.М. Бардовіч, М.М. Круталевіч, А.А. Лукашанец*. Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы. – Мн.: Беларуская навука, 2000. – 413 с.

ССБМ 2002: *М.А. Аўласевіч, Т.П. Якубовіч*. Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы. Ч.1. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова. – 242 с.

ССРЯ 2010: *Словообразовательный словарь русского языка* / И.В. Елынцева, И.Л. Копылов; под ред. А.А. Лукашанца. – Минск: ТетраСистемс. – 528 с.

ТИХОНОВ 1971: *А.Н. Тихонов*. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. – Самарканд, 1971. – 387 с.

ТИХОНОВ 1978: *А.Н. Тихонов*. Школьный словообразовательный словарь русского языка. Пособие для учащихся. М.: Просвещение. – 727 с.

ТИХОНОВ 1985: *А.Н. Тихонов*. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1–2. – Москва: Русский язык.

ТСБМ 1977–1984: *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*. У пяці тамах .– Мінск: Галоўная рэдакцыя Беларускай Савецкай Энцыклапедыі.

ШИПКА 2005: *Данко Шипка*. Глосар творбених форманта. – Београд.

ШИРШОВ 2004: *И.А. Ширшов*. Толковый словообразовательный словарь русского языка: Ок. 37 000 слов русского яз., объединенных в 2000 словообразовательных гнезд: Комплексное описание русской лексики и словообразования. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство «Русские словари»; ЗАО НПП «Ермак». – 1022, [2] с.

ШССБМ 2006: *Школьны словаўтваральны слоўнік беларускай мовы* / А.М. Бардовіч, М.М. Круталевіч, А.А. Лукашанец.; пад рэд. А.А. Бардовіча. – Мінск: ТДА “Аверсэв”.

ШСССУМ 2005: *Н.Ф. Клименко, Є.А. Карпіловська, Л.П. Кислюк*. Шкільний словотвірний словник сучасної української мови. – Київ: Наукова думка.

ŁUKASHANIEC 2010: *Aleksandr Łukashaniec*. О некоторых аспектах сопоставительного изучения словообразования в близкородственных языках // Aktualne problem komparatystyki słowiańskiej: teoria i metodologia badań lingwistycznych / red. nauk. Elena Koriakowcewa. – Siedlce: Wydawnictwo Uniwersitetu Przyrodniczo-Humanistycznego e Siedlcach. S. 81–88.

MSS 1999: *M. Sokolová, G. Moško, F. Šimon, V. Benko*. Morfematický slovník slovenčiny. – Prešov: Náuka.

RDD 1970: *D.S. Worth, A.S. Kozak, D.B. Johnson*. Russian derivational dictionary. – New York – London – Amsterdam.

RMSS 2015: M. Ološtiak, J. Genči, S. Rešovská. Retrográdny morfematický slovnír slovenčny. – Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univervzity.

SGSWJO 1 2001: *T. Vogelgesang* [et al.]. Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego. – T. 1. Gniazda

odprzymiotnikowe / red. H. Jadacka. – Kraków: Towarzystwo Wydawnicze „Historia Iegellonica”.

SGSWJO 2 2001: *H. Jadacka* [et al.]. Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego. – T. 2. Gniazda odrzeczownikowe / red. H. Jadacka. – Kraków: Towarzystwo Wydawnicze „Historia Iegellonica”.

SGSWJO 3 2004: *M. Skarżyński* [et al.]. Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego. – T. 3. Gniazda odczasownikowe. – Cz. 1, A–O; Cz. 2, P–Ż. / red. M. Skarżyński. – Kraków: Towarzystwo Wydawnicze „Historia Iegellonica”.

SGSWJO 4 2004: *M. Skarżyński*. Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego. – T. 4. Gniazda motywowane przez liczebniki, przysłówki, zaimki, przyimki, modulanty, onomatopeje, wykrzykniki / red. M. Skarżyński. – Kraków: Towarzystwo Wydawnicze „Historia Iegellonica”.

SKMS 2005: *M. Sokolová, M. Ološtiak, M. Ivanová* [et al.]. Slovník koreňových morfém slovenčiny. – Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove.

SKMS 2007: *M. Sokolová, M. Ološtiak, M. Ivanová* [et al.]. Slovník koreňových morfém slovenčiny. 2, preprac. a rozšír. vyd. – Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove.

SKMS 2012: *M. Sokolová, M. Ološtiak, M. Ivanová* [et al.]. Slovník koreňových morfém slovenčiny. 3, preprac. a rozšír. vyd. – Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove.

SWJB (a tergo) 1989: *A. Bartoszewicz, I. Komendacka*. Słownik a tergo wspóczesnego języka białoruskiego. T. 1–4. – Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.

ŠIMANDL 2016: *J. Šimandl*. Slovník afixů užívaných v češtině. – Praha: Academia.

СДР 2003: *Д. Гортан-Премк, В. Васић, Љ. Недељков*. Семантичко-деривациони речник, Свеска 1: човек – делови тела. – Нови Сад: Филозофски факултет.

СДР 2006: *Д. Гортан-Премк, В. Васић, Р. Драгићевић*. Семантичко-деривациони речник, Свеска 2: човек – унутрашњи органи и ткива, психофизиолошка стања и радње, психофизичке особине, сродство. – Нови Сад: Филозофски факултет.

РАЗДЗЕЛ I

СЛАВЯНСКІЯ СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫЯ СЛОЎНІКІ

Улуханов Игорь
Институт русского языка имени В.В. Виноградова
Российской академии наук, Россия, Москва
istepu@mail.ru

О «СЛОВАРЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ АФФИКСОВ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА» (КОММЕНТАРИИ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ)

В статье разъясняются и комментируются некоторые основополагающие принципы построения «Словаря словообразовательных аффиксов современного русского языка» (Москва, 2016), структуры и содержания семантического раздела статьи; приводятся количественные данные о представленных в словаре морфемах разных видов и их морфном разнообразии, распределении морфем по частям речи, по числу реализуемых ими словообразовательных значений и т.д.; рассматривается суть и значение морфонологической части словарной статьи.

Ключевые слова: словообразование, морфема, морф, аффиксальная морфема, значение морфемы, морфонология.

The article explains and comments on some of the basic principles of building of the «Dictionary of word-forming affixes of the modern Russian language» (Moscow, 2016), the structure and content of the semantic section of the dictionary entry; provides quantitative data on the morphemes of different types and their morphological diversity, the distribution of morphemes by parts of speech, the number of word-forming meanings they implement, etc.; reveals the essence and meaning of the morphological part of the dictionary entry.

Keywords: word formation, morpheme, morph, affixal morpheme, meaning of morpheme, morphonology.

1. Целью «Словаря словообразовательных аффиксов современного русского языка» [далее ССА 2016] является, по возможности, полное описание семантических и формальных свойств словообразовательных аффиксов современного русского языка. Как известно, русский язык обладает большим количеством этих аффиксов.

Укажем описанное в ССА 2016 количество морфем разных видов (в ССА 2016 эти сведения отсутствуют): префиксов – 98, суффиксов – 445, интерфиксов (соединительных гласных, либо сочетаний гласных и согласных фонем в сложных словах) – 5, постфиксов – 4. Всего в ССА 2016 описано 552 морфемы, каждой из которых посвящена отдельная словарная статья.

2. Из ССА 2016 можно извлечь данные о частеречном распределении различных видов морфем.

2.1. Часть префиксов представлена в одной части речи (36 из 98), другая часть (62 из 98) – в нескольких (от 2 до 6) частях речи[1].

Распределение префиксов по частям речи выглядит следующим образом.

В сущ.: *аван-*, *вице-*, *за-*[2], *ко-*, *контр-*[2], *обер-*, *па-*[1], *па-*[2], *пра-*, *пре-*[2], *про-*[3], *су-*[1], *экс-*[1] (13 префиксов).

В прил.: *вдоль-*, *де-*[2], *небез-*, *среди-*, *чрез-*, *экс-*[2], *экстра-*[2] (7).

В глаг.: *вы-*, *низ-*, *обез-* (3).

В нареч.: *в-*[2], *в-*[3], *за-*[3], *из-*[2], *из-*[3], *на-*[2], *на-*[3], *от-*[2], *с-*[2], *с-*[3], *сыз-* (11).

В мест. словах: *кое-*, *ни-* (2).

В сущ., прил.: *а-*, *анти-*, *архи-*, *вне-*, *внутри-*, *гипер-*, *ин-*, *интер-*, *инфра-*, *контр-*[1], *меж-*, *мета-*, *нон-*, *около-*, *пара-*, *после-*, *пост-*, *про-*[2], *прото-*, *сверх-*, *суб-*, *супер-*, *ультра-*, *через-*, *экстра-*[1] (25).

В сущ., предл.: *су-*[2] (1).

В глаг., сущ.: *вз-*, *воз-*, *де-*[1], *диз-*, *недо-*, *про-*[1], *ре-*, *у-* (8).

В глаг., нареч.: *в-*[1], *с-*[1] (2).

В нареч., прил.: *испод-*, *к-*, *наи-*, *поза-* (4)

В глаг., сущ., прил.: *над-*, *об-*, *пере-*, *пред-*, *противо-*, *раз-*, *со-*[3], *транс-* (8).

В сущ., прил., нареч.: *без-*, *по-*[3] (2).

В сущ., прил., нареч., предл.: *по-*[2] (1).

В глаг., сущ., прил., нареч.: *до-*, *за-*[1], *из-*[1], *на-*[1], *о-*, *от-*, *по-*[1], *под-*, *пре-*[1] (9).

В глаг., сущ., прил., союзе: *при-* (1).

В сущ., прил., нареч., глаг., мест. словах, предл.: *не-* (1).

Как видим, больше всего префиксов (25) представлено одновременно в существительном и прилагательном.

2.2. 445 суффиксов распределены по частям речи следующим образом: в существительных – 353, в прилагательных – 40, в числительных – 4, в глаголах – 16, в наречиях – 27; в разных частях речи – 5.

2.3. Кроме того, в ССА 2016 описано 5 интерфиксов, 3 из которых (*-и-*, *-о-*, *-у-*) представлены в существительных, прилагательных, глаголах, наречиях и два (*-а-*, *-ух-*) – в существительных и прилагательных. Описано также 4 постфикса, 3 из которых (*-либо*, *-нибудь*, *-то*) представлены в местоименных словах и 1 (*-ся*) в глаголах.

---

[1] Морфема обозначается начальным (заглавным, основным), как правило, наиболее частотным морфом, т.е. выступающим в большинстве словообразовательных типов и морфологических позиций. Например, морфема, представленная морфами *под-* и *подо-*, обозначается морфом *под-*. Остальные морфы (например, *подо-* у *под-*) далее называются неосновными.

3. 552 морфемы представлены 1140 морфами (Объединение морфов в морфему осуществлено в соответствии с правилами, изложенными в ССА 2016, с. 15–18).

В ССА 2016 описано 124 префиксальных морфа, 1005 суффиксальных морфов, 6 интерфиксальных морфов, 5 постфиксальных морфов.

В среднем на одну префиксальную морфему приходится 1,26 префиксальных морфов (124:98), а на одну суффиксальную – 2,26 суффиксальных морфов (1005:445), т.е. алломорфия и вариантность у суффиксов почти в два раза более развита, чем у префиксов.

Морфема представлена в ССА 2016 разным количеством морфов – от 1 (например, *анти-* и мн. др.) до 38. Это наибольшее количество морфов одной морфемы в словаре: речь идет о морфеме *-н*(*ый, ой*)[1] [ССА 2016: 507]. Приведем эти морфы: *-н*(*ый, ой*)[1]; *-альн*(*ый*); *-арн*(*ый*) и орф. *-ярн*(*ый*); *-атн*(*ый*); *-ационн*(*ый*); *-ебн*(*ый*); *-евн*(*ый, ой*); *-езн*(*ый*); *-ейн*(*ый*); *-ельн*(*ый*); *-енн*(*ый*)[1] и орф. *-ен*(*ый*); *-иальн*(*ый*); *-ивн*(*ый*); *-идальн*(*ый*); *-ильн*(*ый*)[2]; *-иозн*(*ый*); *-ионн*(*ый*); *-ичн(ый)*; *-йн*(*ый*); *-менн*(*ый*); *-обн*(*ый*); *-овенн*(*ый*); *-овн*(*ый*); *-озн(ый)* и орф. *-ёзн*(*ый*); *-ональн*(*ый*); *-онн*(*ый*); *-орн*(*ый*); *-отн*(*ый*); *-очн*(*ый*); *-ственн*(*ый*); *-уальн*(*ый*); *-уозн*(*ый*); *-циальн*(*ый*); *-шн*(*ый*); *-ышн*(*ый*) и орф. *-ишн*(*ый*), *-ашн*(*ый*), *-ешн*(*ый*); *-яжн*(*ый*).

28 морфов имеет морфема с заглавным морфом существительных *-ок*[3] [ССА 2016: 583], 23 морфа – морфема с заглавным морфом прилагательных *-ск*(*ий*) [ССА 2016: 624], 20 морфов – с заглавным морфом существительных *-к*(*а*)[2] [ССА 2016: 449], 14 морфов – с заглавным морфом существительных *-ни*[*j*(*о*)][2] [ССА 2016: 533], 11 морфов – с заглавным морфом существительных [*jo*][2] [ССА 2016: 438], 10 морфов – с заглавным морфом существительных *-иц*(*а*)[3] [ССА 2016: 411]. Остальные морфемы имеют менее 10 морфов.

У префиксальных морфов имеется 26 (124–98) неосновных морфов, у суффиксальных – 560 (1005–445).

3.1. Неосновные префиксальные морфы относятся к одной или нескольким из тех частей речи, к которым принадлежат основные префиксальные морфы. Так, основной префиксальный морф *вз-* выступает в глаголе и существительном (*взбежать*, *взгорье*), а неосновной префиксальный морф *взо-* представлен только в глаголе (*взойти*). В отличие от неосновного морфа *взо-* неосновной морф *во-* представлен во всех тех частях речи, в которых представлен основной морф *в-* (сравн. глагол *вбросить* и наречие *вверх*; глагол *вомчать* и наречие *вовнутрь*). Распределение основного и неосновного морфов никак не связано со значением словообразовательного типа; это распределение у префиксальных морфов обычно обусловлено морфонологически (качеством и количеством фонем, следующих после морфа).

3.2. Неосновной суффиксальный морф выступает обычно в той же части речи, в которой выступает основной морф. Сравн., например, выступающие в прилагательных все 38 алломорфов морфемы *-н*(*ый*, *ой*)[1]. Исключением являются рассмотренные в ССА 2016 суффиксальные морфемы, алломорфы которых относятся к разным частям речи. Если у морфемы есть алломорфы, представленные в разных частях речи, то в ССА 2016 такие морфемы считаются морфемами, выступающими в разных частях речи. Как уже говорилось, таких морфем 5. Эти морфемы и их алломорфы нуждаются в специальном рассмотрении.

1) Морфема *-енек*, *-енько*, *-онек*, *-онько*. Алломорфы *-енек* и *-енько*, *-онек* и *-онько* выступают в разных частях речи – прилагательном (*горденек*, *горьконек*) и наречиях (*раненько*, *далеконько*) [ССА 2016: 308].

2) Морфема *-оват*(*ый*), *-овато*. Ее алломорфы выступают в разных частях речи – прилагательном (*угловатый*) и наречиях (*рановато*) [ССА 2016: 569].

3) Алломорф *-оньк-* морфемы *-оньк-*, *-леньки*, *-оньки*, *-онько*, *-шеньки* [ССА 2016: 605] выступают в пяти частях речи – существительном (*рыбонька*), прилагательном (*слабенький*), наречии (*культурненько*), междометии (*люленьки*), частице (*асеньки*) [ССА 2016: 605–608]; остальные алломорфы этой морфемы выступают в одной части речи – междометии (*люленьки*, *хихоньки*, *агушеньки*) и наречии (*чистенько*).

4) Алломорф *-охонько* морфемы *-охоньк*(*ий*), *-охонек*... [ССА 2016: 621] выступает в двух частях речи – наречии (*тихохонько*) и местоимении (*ничегохонько*). Остальные морфы этой морфемы выступают в одной части речи: *-охоньк*(*ий*) (*легохонький*), *-охонек* (*радёхонек*), *-ошенек* (*одинёшенек*), *-ошеньк*(*ий*) (*полнёшенький*) – в прилагательном; *-охоньки* (*ничегохоньки*), *-ошенько* (*ничегошенько*), *-ошеньки* (*никогошеньки*) – в местоимении.

5) Алломорф *-ушки* морфемы *-ушк-*[1], *-нюшки*, *-унюшки*… [ССА 2016: 682] выступает в двух частях речи – междометии (*баюшки*) и частице (*нетушки*). Остальные алломорфы этой морфемы выступают в одной части речи: *-ушк-*[1] (*головушка*), *-унюшки* (*потягунюшки*), *-ушок* (*хлевушок*) – в существительном; *-нюшки* (*агунюшки*) – в междометии.

3.3. Помимо префиксов и суффиксов, в ССА 2016 описано 5 интерфиксов [776–790] и 4 постфикса 791–797]. Четыре интерфикса (*-а-*, *-и-*, *-о-*, *-у-*) представлены одним морфом, один (*-ух-*/*-ёх-*) – двумя морфами. Имеется один неосновной интерфиксальный морф (*-ёх-*). Каждый из интерфиксальных морфов представлен более, чем в одной части речи: *-а-* в сущ. и прил.; *-и-*, *-о-*, *-у-* в сущ., прил., глаг., нареч.; *-ух-*, *-ёх-* в сущ., прилаг.

3 постфикса (*-либо*, *-нибудь*, *-то*) представлены одним морфом, 1 постфикс (*-ся*/*-сь*) – двумя морфами. Имеется один неосновной постфиксальный морф (*-сь*). Постфиксы *-либо*, *-нибудь*, *-то* выступают в

местоименных словах (сущ., прил., числ., нареч.), постфикс *-ся/-сь* – в глаголе.

4. После вводной части находится основная и, как правило, наиболее объемная часть – семантическая. Она всегда открывается формулировкой значения морфемы (ЗМ). Морфема может иметь, как известно, одно или несколько значений. В словаре выявляются следующие сведения о количестве значений, имеющихся у аффиксальных морфем русского языка (в том понимании значения морфемы, которое принято в ССА 2016.

Большая часть префиксов (62) имеет по одному значению. Остальные префиксы (36) имеют разное количество значений – от 2 до 13.

Рассмотрим указанные в ССА 2016 количественные показатели значений у различных морфем.

5. Приведем префиксы, сгруппированные в соответствии с количеством имеющихся у них значений:

13 значений: *за-*[1], *под-/подо-* (2);

11 значений: *об-/обо-*, *пере-*, *про-*[1] (3);

10 значений: *от-/ото-*, *при-*, *у-* (3);

9 значений: *о-* (1);

7 значений: *на-*[1], *по-*[1], *с-/со-*[1] (3);

5 значений: *вз-/взо-*, *воз-/возо-*, *вы-*, *из-/изо-*[1], *раз-/разо-* (5);

4 значения: *на-*[3], *до-*, *пре-*[1], *суб-*, *транс-* (5);

3 значения: *над-/надо-*, *по-*[2], *по-*[3] (3);

2 значения: *в-/во-*[1], *интер-*, *испод-*, *не-*, *пра-*, *про-*[3], *прото-*, *ре-*, *супер-/супра-*, *ультра-*, *через-* (11);

1 значение: *а-/ан-*, *аван-*, *анти-*, *архи-*, *без-*, *в-*[2]*/во-*[2], *в-*[3]*/во-*[3], *вдоль-*, *вице-*, *вне-*, *внутри-*, *гипер-*, *де-*[1]*/дез-*, *де-*[2], *диз-*, *за-*[2], *за-*[3], *из-*[2], *из-*[3], *ин-/ил-/им-/ир-*, *инфра-*, *к-*, *ко-*, *кое-/кой-*, *контр-*[1], *контр-*[2], *меж-/между-/междо-*, *мета-*, *на-*[2], *наи-*, *небез-*, *недо-*, *ни-*, *низ-/низо-*, *нон-*, *обез-*, *обер-*, *около-*, *от-*[2], *па-*[1], *па-*[2], *пара-*, *поза-*, *после-*, *пост-*, *пре-*[1], *пред-/преди-/перед-*, *про-*[1], *противо-*, *с-*[2]*/со-*[2], *с-*[3], *сверх-*, *со-*[3]*/с-*[4], *среди-*, *су-*[1], *су-*[2], *сыз-*, *чрез-*, *экс-*[1], *экс-*[2], *экстра-*[1], *экстра-*[2] (62).

Префиксы, имеющие наибольшее число значений (от 13 до 9), всегда включают в число своих значений наиболее типичный для префиксов набор значений: 1. совершение действия в пространстве; 2. степень интенсивности действия; 3. временна́я характеристика действия; 4. совершенность (результативность) действия: сравн. например, эти значения у приставки *от-*: «1. ЗМ: направленность от чего-л., отдаленность, удаленность (в пространстве или во времени): *от-лететь*… ‘летя, удалиться на некоторое расстояние’. 4. ЗМ: большая интенсивность действия… *от-крахмалить* ‘тщательно накрахмалить’;… 8. ЗМ: оконченность действия… *от-шуметь* ‘кончить шуметь’… 10. ЗМ: совершенность (результативность) действия:… *от-ремонтировать* ‘ремонт довести до результата’ [ССА 2016: 141–145]. Из остальных

префиксов, имеющих менее 9 значений, все четыре вида значений имеются только у префиксов *вз-/взо-*, *вы-* и *раз-/разо-* (у каждого из этих префиксов по 5 значений., сравн. например, *вы-*: 1. ЗМ: направленность за пределы чего-л., наружу; удаленность, выделенность из чего-л. … *вы-нести* ‘неся, удалить откуда-л., унести за пределы чего-л.’… 2. ЗМ: большая интенсивность действия… *вы-писать* ‘тщательно написать (буквы, цифры и т.п.)’… 4. ЗМ: совершение действия в течение какого-л. времени… *вы-сидеть* (разг.) ‘с трудом просидеть, пробыть какое-л. время’… 5. ЗМ: совершенность (результативность) действия… *вы-лечить* ‘лечение довести до результата’ [ССА 2016: 67–70].

У префиксов, имеющих меньшее количество значений, имеется и меньшее число (от трех до одного) этих типических видов значений: у *из-*[1] [ССА 2016: 92–95], *на-*[1] [ССА 2016: 104] – нет временного значения, у *по-*[1] нет пространственного значения [ССА 2016: 157–160], у *с-*[1]/*со-*[1] нет значения интенсивности; *до-* [ССА 2016: 73–77], *пред-*, *преди-*, *перед-* [ССА 2016: 183–186], *по-*[2] [ССА, 2016: 162–164] имеют по два из рассматриваемых значений – пространственное и временное; *супер-* [ССА 2016: 229–231] имеет интенсивность и пространственное значение, *прото-* [ССА 2016: 306–307] – интенсивность и временное значение, *интер-* [ССА 2016: 97–98], *над-* [ССА 2016: 113–116] – два пространственных значения, *пре-*[1] [ССА 2016: 181–183] – два значения интенсивности (высокая степень и чрезмерность).

Ряд префиксов имеет по одному из рассматриваемых значений. Часть этих префиксов имеют одно из этих значений наряду с другими значениями. Таковы префиксы *в-*[1] [ССА 2016: 52–54], *исподъ-* [ССА 2016: 99], *транс-* [ССА 2016: 231, 232], имеющие пространственное значение, *пра-* [ССА 2016: 180, 181], *про-*[3] [ССА 2016: 203], *ре-* [ССА 2016: 214], имеющие временное значение, *ультра-* [ССА 2016: 237–239], имеющий значение интенсивности.

Другая часть префиксов однозначна и имеет одно из четырех рассматриваемых значений – пространственное: *вдоль-*, *внутри-*, *к-*, *низ-*, *около-*, *па-*[2], *среди-*, *экс-*[2].

Из числа значений, не входящих в рассмотренные четыре группы, можно выделить еще две самостоятельные группы описанных в ССА 2016 префиксов: со значением противоположности, выраженным префиксами *а-/ан-* (*а-симметрия*), *анти-* (*анти-милитаризм*), *ин-/ил-/им-/ир-* (*ин-детерминизм*), *контр-*[1] (*контр-удар*), *не-* (*не-уважение*), *ни-* (*ни-что*), *нон-* (*нон-конформизм*), *противо-* (*противо-течение*) и со значением ‘признак действия, качества или предмета, имеющий отношение к тому, что названо мотивирующим словом»’ (совместно с суффиксами): *в-*[3]/*во-*[3] (*в-начал-е*, *в-кратц-е*, *в-тороп-ях*), *на-*[2] (*на-готов-е*, *на-распаш-ку*), *от-*[2] (*от-част-и*), *с-*[3] (*с-полн-а*, *с-просон-ок*, *с-раз-у*).

Остальные значения префиксов, насколько можно судить по описанию, данному в ССА 2016, семантических групп не образуют.

6. Словообразовательные суффиксы имеют, как правило, одно значение. Если слова с этими суффиксами делятся на несколько семантических групп, называемых в ССА подтипами (СП), то значения слов этих групп не являются значениями суффикса, поскольку либо сводятся к одному семантическому инварианту (это семантически инвариантные суффиксы), либо образуют омонимы. Если суффиксы выступают лишь в одной семантической группе, то такие суффиксы являются семантически неинвариантными (Об инвариантных-неинвариантных суффиксах см. [УЛУХАНОВ 1977: 85–96; ССА 2016: 27–29]).

В ССА 2016 лишь у двух суффиксов фиксируется по два значения. Это глагольные суффиксы *-ива-*/*-ва-*/*-а-*[3] и *-ну-*[2]. Суффикс *-ива-* выражает значение несовершенного вида (*переписать – перепис-ыва-ть* [ССА 2016: 737–739]) и значение многократности действия (*ходить – хаж-ива-ть*, [ССА 2016: 739]). Суффикс *-ну-*[2] выражает значение совершенного вида (совместно с префиксами в единичных глаголах: *спать – за-с-ну-ть*, *у-с-ну-ть* [ССА 2016, 746]; *спать – про-с-ну-ть-ся* – также с постфиксом) и значение однократности [ССА 2016: 745]: *толкать – толк-ну-ть*.

7. Следующий параметр, который вводится после указания значения морфемы, это часть речи мотивированного слова (*сщ, прл* и т.д.).

Рассмотрим порядок введения всех следующих параметров на примере приставки *анти-* [ССА 2016: 44–46], в сокращенном за счет примеров виде эта статья представлена ниже. Далее, таким образом, будет описан порядок введения параметров, используемых в статьях ССА 2016 и их подчиненность одного другому.

После указания единственного значения морфемы *анти-* (ЗМ: ***«противоположность чему-л.; направленность против чего-л., в ответ на что-л.»***; поскольку ЗМ единственное, оно, как и другие единственные параметры, не нумеруется) следует деление на части речи мотивированного слова (**1.** *сщ* и **2.** *прл*). Слова, относящиеся к определенным частям речи мотивированного слова (в нашем примере *сщ.* и *прл.*), далее делятся в соответствии с частями речи мотивирующего слова (**1.1** *сщ* < *сщ*…**1.2.** *сщ* < *прл*).

Следующий параметр деления – способы словообразования. Существительные, мотивированные существительными, делятся на префиксальные (п. **1.1.1.**) и префиксально-суффиксальные (п. **1.1.2**.). Отадъективные существительные с данным суффиксом (п. **1.2.**) бывают только префиксально-суффиксальными (см. после п. **1.2.** единственный пункт Сп: преф.-суф., который не нумеруется). Отадъективные прилагательные с данным суффиксом (п. **2.1.**) бывают только префиксальными (см. после п. **2.1**. единственный пункт Сп: преф., который

не нумеруется). Отсубстантивные прилагательные (п. **2.2.**) бывают только префиксально-суффиксальными (пункт Сп: преф.-суф., следующий после п. **2.2.**, не нумерованный).

Следующий параметр деления у слов чистых способов словообразования – словообразовательный тип (см. п. **ЗТ** после **1.1.1.**), а у слов смешанных способов – суффиксы [**-изм**^{2}**, -ин**^{2}**, -итель, -н(ый)**^{2}**, -ов(ый,ой), -ск(ий)**]. Слова с этими смешанными формантами (п. **1.1.2.1. анти-…-изм**^{1} и т.д.) образуют смешанные словообразовательные типы. В разделах **ЗТ** (значение типа) и описывается весь материал, относящийся к морфеме. Каждое **ЗТ** иллюстрируется примерами употребления слов с данным аффиксом или сочетанием аффиксов.

Морфема *анти-*

ЗМ: противоположность чему-л.; направленность против чего-л., в ответ на что-л.

1. *сщ*

1.1. *сщ* < *сщ*

1.1.1. Сп.: преф.

ЗТ: что-л. противоположное, противопоставленное тому или направленное против того, что названо мотивирующим сщ. Анти-тезис.

…

1.1.2. Сп: преф.-суф.

1.1.2.1. Суф. **-изм**^{1} (п. 1.2.)

ЗТ: политическое течение, направленное против того, кто (что) назван(о) мотивирующим сщ. Анти-араб-изм.

…

1.1.2.2. Суф. **-ин**^{2} (п. 1.2.)

ЗТ: вещество, направленное против того, служащее для устранения того, что названо мотивирующим сщ. Анти-накип-ин.

…

1.1.2.3. Суф. **-итель** (см. **-тель**, п. 3.2.1.).

ЗТ: вещество или устройство, направленное против того (преимущ. действия, процесса), что названо мотивирующим сщ. Анти-обеден-итель.

…

1.2.*сщ* < *прл*

Сп: преф.-суф.

Суф. **-ин**^{2}(п. 3.2.)

ЗТ: вещество, направленное против того или заболевания того, что обладает признаком, названным мотивирующим прл. Анти-ток-син.

…

2. *прл.*

2.1. *прл < прл*

Сп: преф.

ЗТ: противоположный, противоречащий признаку, названным мотивирующим прл, или тому, что имеет этот признак. Анти-научный.

…

2.2. *прл < сщ*

Сп: преф.-суф.

2.2.1. Суф. **-н(ый)**[1] (п. 1.2.1.)

ЗТ: направленный против того, что названо мотивирующим сщ. Анти-народ-ный.

2.2.2. Суф. **-ов(ый, ой)** (п. 1.2.1.)

ЗТ: **То же, что в п. 2.2.1.** Анти-шок-ов-ый.

2.2.3. Суф. **-ск(ий)** (п. 1.2.1.)

ЗТ: **То же, что в п. 2.2.1.** Анти-диктотор-ский.

■- анти - [$\alpha н_1 т' \alpha^1$]

Ударение. Тип 1: милитари́зм – анти-милитари́зм, истори́ческий – анти-истори́ческий.

8. Все 5 интерфиксов сложных слов (*-а-*, *-и-*, *-о-*, *-у-* и *-ух-*/*-ёх-*) имеют соединительное значение.

3 постфикса, относящиеся к местоименным словам (*-либо*, *-нибудь*, *-то*), имеют значение неопределенности, а глагольный постфикс *-ся*/*-сь* – значение непереходности.

Таков краткий обзор структуры и содержания семантического раздела статьи ССА 2016.

9. Морфонологическая часть словарной статьи включает: 1) описание позиций, в которых выступают морфы данной морфемы; 2) усечение основ мотивирующих слов [например, *санатор(ий)* – *санаторный*], наращение – присоединение фонем к основам мотивирующих слов (*буржуа* – *буржуа**з**ный*); 3) чередование согласных (*огуре**ц*** – *огуре**ч**ный*) и гласных (*горш**о**к* – *горш**е**чный*); 4) совмещение морфем (например, конечная фонема *н* мотивирующего слова совмещается с суффиксальным *-н-*: *бассей**н*** – *бассей-**н**-ый*; 5) ударение – описание ударения мотивированных слов в соотношении с ударением мотивирующих (например, *я́года* – *я́годный*, но *моза́ика* – *мозаи́чный*).

Морфонологические явления, описанные в ССА 2016 могут быть суммированы и проанализированы как единое целое, т.е. на базе ССА 2016 может быть создано исследование «Словообразовательная морфонология русского языка».

Литература.

ССА 2016: *В.В. Лопатин, И.С. Улуханов.* Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. – Москва: Издательский центр «Азбуковник». – 812 с.

УЛУХАНОВ 1977: *И.С. Улуханов.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. – Москва: Наука.

Kowalski Paweł
Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, Polska, Warszawa
pawel.kowalski@ispan.waw.pl

POLSKIE I SŁOWEŃSKIE SŁOWNIKI SŁOWOTWÓRCZE JAKO ŹRÓDŁO BADAŃ SŁOWOTWÓRCZYCH (JĘZYKOZNAWCZYCH)

Celem artykułu jest porównanie polskich i słoweńskich źródeł z zakresu słowotwórstwa gniazdowego oraz aparatu terminologicznego stosowanego przy badaniach gniazdologicznych w obydwu językach. Porównanie słowników słowotwórczych pozwala zapoznać się z jednej strony z materiałem leksykalnym, systemem słowotwórczym danego języka, z drugiej zaś strony z terminologią słowotwórczą często nieodnotowaną w źródłach leksykograficznych, w słownikach lub tezaurusach terminologicznych. Rozważania stanowią punkt wyjścia do refleksji nad nominacją, konceptualizacją, w tym metaforyzacją polskiej i słoweńskiej wiedzy z zakresu słowotwórstwa gniazdowego, wskazania dróg zapożyczeń poszczególnych terminów słowotwórczych, stanowiących podstawowy element (leksykę) metajęzyka lingwistyki, z różnych systemów terminologicznych wyodrębnionego konkretnego obszaru wiedzy językoznawczej.

Słowa kluczowe: język polski, język słoweński, słownik słowotwórczy, słowotwórstwo gniazdowe, terminologia językoznawcza.

The aim of the article is to compare Polish and Slovenian sources in the field of nest word formation and the terminological apparatus used in nest word formation research in both languages. Comparison of word-formation dictionaries makes it possible to get acquainted with lexical material, word-formation system of a given language on the one hand, and on the other hand with word-formation terminology that often is not presented in this type of sources, for example in terminological dictionaries or thesauruses. The considerations are the starting point for further reflection on the conceptualization and metaphorization of Polish and Slovenian knowledge in the field of nest word formation; as well as on mechanisms of borrowing of particular word-formation terms, constituting the basic element (lexis) of the meta-language of linguistics, from different terminological systems of a specific area of linguistic knowledge.

Key words: linguistic terminology, nest word formation, Polish language, Slovene language, word-formation dictionary.

0. Porównanie polskich i słoweńskich słowników słowotwórczych (węziej słowników gniazdowych i artykułów hasłowych tychże słowników), a także terminologii związanej z polskim i słoweńskim słowotwórstwem gniazdowym, wydaje się celowe z kilku powodów. Przede wszystkim badania porównawcze polsko-słoweńskie z zakresu słowotwórstwa są rzadko podejmowane, podobnie jak skromny jest polsko-słoweński dorobek leksykograficzny, zwłaszcza w porównaniu z innymi językami słowiańskimi[1]. Przyjrzenie się polskim i słoweńskim opracowaniom z zakresu derywatografii pozwala zauważyć znaczne dysproporcje w

[1] Z dociekań leksykograficznych polsko-słoweńskich wymienić należy dwujęzyczny słownik polsko-słoweński France Vodnika z 1977 [VODNIK 1977], „Pułapki leksykalne. Słownik aproksymatów polsko-słoweńskich" Emila Tokarza [TOKARZ 1999] i „Slovensko-poljski slovar = Słownik słoweńsko-polski" Bożeny Ostromęckiej-Frączak i Tone Pretnara [OSTROMĘCKA-FRĄCZAK, PRETNAR 1996], a także prace poświęcone słoweńskiej leksykografii na tle spuścizny polonistycznej [OSTROMĘCKA-FRĄCZAK 2007]. Są to jednak prace leksykologiczne, w których podawana informacja słowotwórcza jest szczątkowa.

opisanym materiale; obszerniejszy materiał opracowany został w języku polskim, widoczne są także różnice pod względem metodologii opisu (w aparacie pojęciowo-terminologicznym). Zasadniczy problem przy porównaniu języków polskiego i słoweńskiego ma więc charakter materiałowy o dwojakim charakterze: a) źródłowym, który polega na dysproporcji między opisanym polskim i słoweńskim materiałem leksykalnym, oraz b) odmiennej metodologii prezentacji i opisu materiału (zagadnienia metajęzyka słowotwórstwa gniazdowego). O ile rozwiązanie opisu w przypadku drugiego problemu można sprowadzić do arbitralnego przyjęcia wspólnego aparatu terminologicznego – choć już próby ujednolicania metodologii podczas prezentacji materiału są zadaniem bardziej skomplikowanym – o tyle w przypadku problemu pierwszego konieczne są wzmożone prace językoznawcze mające na celu zgromadzenie, opisanie i udostępnienie słoweńskiego materiału leksykalnego w postaci gniazdowej.

0.1. Celem niniejszego artykułu jest charakterystyka polskich i słoweńskich źródeł derywatografii, wskazanie wybranych różnic w opisie materiału obydwu języków. Takie rozważania stanowią punkt wyjścia do refleksji nad sytuacją polskiej i słoweńskiej derywatografii, a ściślej do zastanowienia się nad kondycją słowników słowotwórczych gniazdowych we współczesnej polonistyce i słowenistyce. Słowniki słowotwórcze obok prezentowanego materiału leksykalnego języków naturalnych są też źródłem informacji o metajęzyku lingwistyki (dostarczają informacji o języku specjalistycznym językoznawstwa, w tym przypadku polonistycznego i słowenistycznego). Pozwalają zapoznać się z terminologią słowotwórczą często nieodnotowaną w innych słownikach lub tezaurusach terminologicznych. W poniższym tekście pragnę przyjrzeć się funkcjonowaniu wybranych polskich i słoweńskich terminów słowotwórstwa gniazdowego, z których część stanowi formacje derywowane, por. pol. *gniazdo – gniazdowy, gniazdologia*; słoweń. *gnezdo – gnezdovski, stopenj – stopenjski* i in. Materiał do porównania opiera się na następujących źródłach: słoweńskim słowniku „Besednodružinski slovar slovenskega jezika : poskusni zvezek za iztočnice na B" autorstwa Ireny Stramljič Breznik [STRAMLJIČ BREZNIK 2004], słowniczku czasowników zmysłu Borisa Kerna, który stanowi integralną część monografii „Stopenjsko besedotvorje. Na primeru glagolov čutnega zaznavanja" [KERN 2017] oraz polskim kilkutomowym Słowniku gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego [VOGELGESANG 2001; JADACKA 2001; SKARŻYŃSKI 2004a, 2004b].

1. Badania gniazdologiczne w Polsce to okres ponad 30 lat. Prace w tym nurcie powstawały pod wpływem prac językoznawców ukraińskich i rosyjskich, jednak do tej pory pozostają na marginesie słowotwórstwa polskiego, w którym nurtem dominującym jest słowotwórstwo „binarne', operujące na poziomie par wyrazowych [SKARŻYŃSKI 2012: 91]. W Słowenii słowotwórstwem gniazdowym dotychczas zajmowano się rzadziej, biorąc pod uwagę nawet obok badań synchronicznych również badania historyczno-porównawcze,

diachroniczne i etymologiczne, w których stosowane jest pojęcie rodziny wyrazowej (słń. *besedna družina*). Pierwszy i dotąd jedyny próbny zeszyt słowotwórczego słownika gniazdowego w Słowenii autorstwa Ireny Stramljič Breznik, który ukazał się w 2004 r., zawiera w tytule formację utworzoną od terminu *besedna družina* „Besednodružinski slovar slovenskega jezika". Autorka więc rezygnuje z ogólnosłowiańskiego terminu *gniazdo* (słń. *gnezdo*) [STRAMLJIČ BREZNIK 2004], choć sam rzeczownik w słoweńskiej terminologii językoznawczej funkcjonuje i jest podstawą tworzenia różnych terminów, np. *frazeološko gnezdo*, *terminološko gnezdo*.

Interesujący słoweński materiał leksykalny, a zarazem i terminologiczny, opracowany w postaci (metodologii) gniazdowej przynosi wydana w 2017 r. monografia Borisa Kerna „Stopenjsko besedotvorje: Na primeru glagolov čutnega zaznavanja" [KERN 2017], która oparta jest na rozprawie doktorskiej z 2014 r. Praca zawiera słowniczek gniazd słowotwórczych tworzonych od czasowników zmysłów, a więc materiał o określonym zakresie tematycznym. W dorobku polskim za pierwsze prace słownikowe poświęcone słowotwórstwu przyjmuje się zeszyt próbny „Słownika gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego" pod redakcją Hanny Jadackiej [JADACKA 1988] oraz zeszyt próbny Mirosława Skarżyńskiego „Tworzenie wyrazów w języku polskim. Zeszyt próbny z hasłami od A do D" [SKARŻYŃSKI 1981] i „Mały słownik słowotwórczy języka polskiego dla cudzoziemców" [SKARŻYŃSKI 1989]. Dostępne słowniki słowotwórcze polszczyzny i słoweńszczyzny są więc zróżnicowane ilościowo, widoczna jest znaczna przewaga opracowań polonistycznych, co wiąże się również z większą liczbą prac teoretycznych i praktycznych (niesłownikowych) dotyczących gniazdologii w językoznawstwie polskim niż słoweńskim.

1.1. Typologicznie polskie i słoweńskie słowniki są do siebie zbliżone. Są to słowniki a) słowotwórcze (słń. besedotvorni slovar), nacisk w nich położony jest na ukazanie mechanizmów słowotwórczych danych systemów językowych; b) leksemowe, prezentujące pełne jednostki wyrazowe (z uwzględnieniem reguł słowotwórczych); pod względem ustrukturyzowania artykułu hasłowego to słowniki c) gniazdowe: poszczególne jednostki wyrazowe ułożone są w hierarchiczne struktury formalno-semantyczne, prezentujące jednostki motywujące i motywowane bezpośrednio i pośrednio. W obrębie słowników ze względu na metodę prezentowanego materiału wyróżnić można bardziej szczegółowe typy, które różnią się między sobą tak w obrębie jednego języka, jak i w obrębie dwóch języków. W słoweńskim zeszycie próbnym słownika gniazdowego – pomyślanym jako jednojęzyczny słownik specjalny – zrezygnowano z uwzględniania poszczególnych znaczeń wyrazów (jest więc asemantyczny) w przeciwieństwie do słowniczka czasowników zmysłu Borisa Kerna, w którym poszczególnym jednostkom (derywatom) przypisane są znaczenia słownikowe. Słownik próbny zawiera 666 rodzin wyrazowych na literę B, w tym 11 136 wyrazów wyekscerpowanych z kilku słoweńskich źródeł:

Słownika literackiego języka słoweńskiego (SSKJ), Słownictwa języka słoweńskiego (BSJ), Słoweńskiej ortografii (SP), uzupełnionych materiałem korpusowym wyekscerpowanym z korpusu Fida. W słowniku zawarta jest również informacja o frekwencji (poświadczeniach w tekstach) poszczególnych derywatów pozyskana z dwóch korpusów Fida i Nova beseda. Pomimo podobieństwa typologicznego polski słownik różni się od opracowania słoweńskiego przede wszystkim w warstwie prezentacji materiału. W czterotomowym słowniku zastosowano metodologię słowotwórstwa gniazdowego ze słownika Tichonova, wykorzystując i modyfikując także założenia gramatyki aplikatywnej Szaumjana [SKARŻYŃSKI 2003a]. Do najistotniejszych różnić należą: rygorystyczne przestrzeganie jednoznaczności opisywanych jednostek, co eliminuje skutecznie zjawisko motywacji równoległej. Derywaty od różnych podstaw, homonimy słowotwórcze pochodne od homonimów leksykalnych, a także wyrazy polisemiczne umieszczane są w różnych gniazdach, zależnie od znaczenia. Porównanie polskiego i słoweńskiego systemu słowotwórczego w perspektywie gniazdowej w oparciu o powyższe źródła jest więc utrudnione nie tylko ze względu na dysproporcje ilościowe, ale także różnice jakościowe.

2. Oprócz różnic materiałowych w polskiej i słoweńskiej gniazdologii uwypukla się również odmienna nominacja jednostek wchodzących w zakres aparatu pojęciowego związanego ze słowotwórstwem gniazdowym, będąca rezultatem różnic w konceptualizacji pojęć językoznawczych. O ile slawistyczna tradycja terminologiczna czerpie przede wszystkim z terminologii rosyjskiej, przejmując pojęcie *gniazda* (ros. *словообразовательное гнездо*) i jego modyfikowane, derywowane postaci, por. polskie: *słowotwórstwo gniazdowe*, *derywacja gniazdowa*, *gniazdologia*, o tyle w językoznawstwie słoweńskim terminologia gniazdowa jest bardziej zróżnicowana, co wynikać może z braku ukonstytuowania się tej części terminologii słowotwórczej w tradycji słowenistycznej, a także znikomej liczby prac teoretycznych i praktycznych podejmujących powyższe zagadnienia. W związku z niedużym zainteresowaniem zagadnieniami słowotwórstwa gniazdowego w Słowenii terminologia gniazdowa w słoweńskim metajęzyku lingwistyki nie rozwinęła się i nie upowszechniła w środowisku słoweńskich językoznawców, a wręcz można powiedzieć, że cały czas jest na etapie kształtowania.

Irena Stramljič Breznik używa w swoim słowniku jednostki dobrze zakorzenionej w slawistycznym systemie terminologii językoznawczej *besedna družina* (pol. *rodzina wyrazowa*) i derywatu (*besednodružinski*), rezygnując z terminu *gniazda* (słń. *gnezdo*). Swój wybór uzasadnia następująco: „tako bi kazalo razmisliti, ali za enoto slovenskega besedotvornega slovarja uporabiti poimenovanje *besedotvorno gnezdo* ali *besedotvorna družina*. S prvim izrazom neposredno določimo, da gre za povezavo besed na sinhroni tvorbeni ravni, kar pri izrazu besedna družina ni tako enoumno, saj je ta lahko zasnovana tudi na diahronih, etimoloških merilih (...) Da pa je mogoče izraz besedna družina

uporabiti tudi v primerih, ko gre za druženje tvorjenk, prepoznavnih na sinhronih pretvorbenih povezavah med motivirajočo in motivirano besedo, kaže izraz *die Wortfamilie*, uporabljen v naslovu besednodružinskega slovarja sodobnega nemškega jezika, zato je morda smiselno ostati pri tem terminu, ustaljenem tudi v slovenskem jezikoslovju" [STRAMLJIČ BREZNIK 2001/2002: 295]. Użycie terminu *gniazda słowotwórczego* zawęża więc do badań synchronicznych, choć termin ten w innojęzycznych systemach terminologii słowotwórczej używany jest również w kontekście badań diachronicznych, np. w ukrainistyce termin *словотвірно гніздо* stosowane jest również w badaniach historyczno-porównawczych [KARPILOVSKA 2007: 28]. Termin *rodziny wyrazowej* autorka słoweńskiego słownika stosuje w badaniach nad formalnym ustrukturyzowaniem współczesnego słownictwa słoweńskiego pod wpływem niemieckim, nawiązując do terminu *die Wortfamilie*, odmiennie więc niż badacze w innych krajach słowiańskich. W niemieckiej terminologii słowotwórczej obok terminu *die Wortfamilie* funkcjonuje również *Wortbildungsnetz*, którego użyli w swojej pracy Wolfgang Fleischer i Irmhild Barz [FLEISCHER, BARZ 1992: 71]. Termin ten, stanowiący niemiecką kalkę jednostki rosyjskiej, nie zyskał jednak popularności w środowisku niemieckojęzycznych językoznawców, podobnie zresztą jak w słoweńskojęzycznych pracach nie przyjął się termin *besedotvorno gnezdo*[1]. Uzus polskich prac z zakresu językoznawstwa pokazuje, że wielokrotnie terminy *rodzina wyrazowa* i *gniazdo słowotwórcze* stosowane są synonimicznie, zamiennie, m.in. Barbara Janowska pisze, że „gniazdo słowotwórcze to tyle co rodzina wyrazów" [JANOWSKA 1989]. Nierozstrzyganie zakresu (ekstensji) poszczególnych terminów powoduje jednak, że zasadne wydaje się uwypuklenie pewnych różnic funkcjonalnych, zwłaszcza w przypadku badań porównawczych polsko-słoweńskich. Gniazdo ma określoną strukturę (hierarchiczną), podczas gdy rodzina wyrazowa nie musi mieć ustrukturyzowanej, ściśle określonej formy. Obydwa terminy zaś mogą być odnoszone tak do badań synchronicznych, jak i diachronicznych.

2.1. Polskie i słoweńskie terminy z zakresu gniazdologii, takie jak *besedotvorno gnezdo*, *besedotvorna družina*, *besedna družina*, *besedotvorni sestav*, które odpowiadają polskim *gniazdo słowotwórcze*, *rodzina słowotwórcza*, *rodzina wyrazowa* nie są odnotowywane w starszych encyklopediach, słownikach czy tezaurusach polszczyzny i słoweńszczyzny. Współczesna „Encyklopedia języka słoweńskiego" odnotowuje natomiast termin *besedna družina*, który definiowany jest jako „besede istega korena", czyli wyrazy o wspólnym rdzeniu, np. mlad, mlajši, mladost, mladi, mladiti se, mlaj, premlad, mladoleten [TOPORIŠIČ 1992: 7]. W Encyklopedii językoznawstwa ogólnego *gniazdo słowotwórcze* to „struktura słowotwórcza

[1] Dziękuję serdecznie Robertowi Hammelowi za źródła i inspirujące informacje dotyczące funkcjonowania niemieckich terminów w niemieckojęzycznym środowisku lingwistycznym i potencjalne drogi zapożyczeń do systemów słowiańskich.

stanowiąca klasę leksemów związanych stosunkiem motywacji, której centrum jest pojedynczy leksem motywujący (bezpośrednio lub pośrednio) wszystkie pozostałe leksemy współtworzące dane gniazdo. Struktura gniazda może być minimalna – dwuelementowa (*zupa* > *zupka*) – lub bardziej złożona, często wielostopniowa. Centrum takiego gniazda słowotwórczego stanowią derywaty pierwszego stopnia, motywowane bezpośrednio przez leksem podstawowy" [EJO 2002: 205-206]. W definicjach gniazda słowotwórczego przewija się pojęcie stopnia pochodności, używane są takie sformułowania, jak stopień motywacji (pośredniej i bezpośredniej), wielostopniowość i in. Stopniowość uwidacznia się w płaszczyźnie poziomej i pionowej hasła gniazdowego; w słowniku polskim uwypukla się dwa elementy: analizowany derywat oraz jego opis symboliczny. Najbliżej leksemu hasłowego znajdują się formacje powstałe (motywowane przez niego bezpośrednio) na pierwszym takcie derywacyjnym, czyli są wyrazami o pierwszym stopniu pochodności. Kolejne w większej odległości są derywaty motywowane przez wyrazy pochodne pierwszego stopnia, czyli derywaty o drugim stopniu pochodności itd. Tworzy się układ schodkowy, w którym synonimicznie traktowane są takie jednostki terminologiczne, jak *stopień* i *takt* (por. *derywat pierwszego stopnia*, *derywat pierwszego taktu* itd.).

Wykorzystując pojęcie stopniowalności, Boris Kern wprowadził do słoweńskiej terminologii słowotwórczej w odniesieniu do dotychczasowych badań gniazdologicznych termin *stopenjsko besedotvorje*, które można przetłumaczyć dosłownie jako słowotwórstwo stopniowalne, a które nie jest używane w polskim systemie [KERN 2010]. Kern pisze, że w przypadku słowotwórstwa stopniowalnego „gre za dokaj novo vejo besedotvorja v slovenskem prostoru, ki ima sicer svoje začetke v ruskih jezikoslovnih okoljih, vendar pa osnovo zanjo najdemo tudi v dognanjih slovenskih avtorjev" [KERN 2010: 335], wprowadza więc termin jako ekwiwalent słowotwórstwa gniazdowego (słń. *gnezdovsko besedotvorje*). Na marginesie należy jednak dodać, że o ile w badaniach słowenistycznych rzeczywiście słowotwórstwo gniazdowe może być uznane za w miarę nowe, mało zbadane pole badawcze, tak w tradycji językoznawstwa slawistycznego taką nowością już nie jest. Boris Kern, podobnie jak Irena Stramljič Breznik, odchodzi od używania terminu *gniazdo* (słń. *gnezdo*), zaś to co w polskiej terminologii określane jest jako *gniazdo słowotwórcze* (struktura gniazdowa), nazywa *besedotvorni sklop*. W swoich starszych pracach stosował także termin *besedotvorni sestav*. Słoweński termin *stopenjsko besedotvorje* odnosi się więc do stopniowanej motywacji poszczególnych jednostek. Każdy derywat ma swoją charakterystykę właśnie ze względu na stopień pochodności. Inna nominacja tego samego pojęcia, która bazuje na rozwijanych poszczególnych stopniach, jak w układzie schodkowym, ukazuje hierarchiczny charakter motywacji. Termin słoweński jako termin słowotwórczy jest propozycją interesującą z punktu widzenia swojej przejrzystości i nowatorstwa. Polski odpowiednik słowotwórstwo gniazdowe

kontynuuje bezpośrednio wschodniosłowiańską tradycję terminologiczną. Podstawą terminologizacji jest skojarzenie, przyporządkowanie odpowiedniego pojęcia do tworzonej rzeczywistości. Obydwa terminy odnoszące się do tej gałęzi słowotwórstwa wykorzystują metaforę, konceptualizując określoną wiedzę empiryczną. Nieco odmiennie ukierunkowują opisywany przedmiot, w tym wypadku areały badawcze, pole badawcze, co świadczy o odmiennym kognitywnym postrzeganiu badanych przedmiotów. Obydwa terminy odpowiadają definicji metafory 'x jest podobne do y pod względem f', a przejrzystość znaczeniowa poszczególnych elementów w strukturze terminu ułatwia zrozumienie całych jednostek terminologicznych. W przypadku terminów wykorzystujących metaforę gniazda źródłem motywacji jednostek jest przedmiot odwołujący się do świata zwierząt, mamy więc do czynienia z metaforyzacją biologiczną, a węziej zoologiczną. Słoweńskie terminy odwołujące się do stopni (charakter gradacyjny wysunięty na pierwszy plan) nawiązuja zaś na przedmioty tworzone przez człowieka, metaforyzacja ma więc charakter bytowy.

Liczba derywatów w terminologii gniazdowej jest większa w polskim systemie. *Gniazdo* jest podstawą takich struktur, jak *gniazdowy*, *gniazdologia*, *gniazdowanie* (*gniazdować*), gdzie ostatni przykład, termin odczasownikowy od podstawy gniazdować gniazdowanie, oznacza grupowanie różnych leksemów pokrewnych w jednym artykule hasłowym polegające na rozmieszczaniu poszczególnych derywatów na odpowiednich taktach (stopniach) derywacyjnych [VOGESLAND 2001: 17]. Skromniejsza liczba derywatów terminologicznych w systemie słoweńskim wynika ze wspomnianego już wyżej mniejszego zainteresowania słowotwórstwem gniazdowym w środowisku słowenistycznym.

3. Odmienna konceptualizacja oraz nominacja polskiej i słoweńskiej wiedzy z zakresu słowotwórstwa gniazdowego, a także nieco inne drogi przejmowania terminów-zapożyczeń świadczą o różnorodności systemów terminologii słowotwórczej (slawistycznej) w odniesieniu do danej teorii naukowej, danego kadru referencyjnego. Do terminów wspólnosłowiańskich (wspólnoslawistycznych), czyli takich jak *słowotwórstwo gniazdowe*, *gniazdo słowotwórcze*, powstałych (zapożyczonych) pod wpływem wschodniosłowiańskim (rosyjskim i ukraińskim), dochodzą nowe, które tworzone są przez badaczy i wchodzą do lokalnych systemów terminologicznych. Pragmatyka terminów słoweńskich w odniesieniu do słownika gniazdowego, jak *besedna družina*, *besednodružinski slovar*, jest odejściem od zaproponowanej i wprowadzonej w pracach badaczy wschodniosłowiańskich terminologii, a także powszechnie przyjętej zwłaszcza w kręgu zachodniosłowiańskim dla tego obszaru badawczego i zwrotem w kierunku slawistycznej (językoznawczej) terminologii niemieckojęzycznej, stosowanej pierwotnie w badaniach historycznych (diachronicznych). Nowa propozycja, wprowadzająca termin *stopenjsko besedotvorje* i *besedotvorni sklop*, jest zaś powrotem do korzeni wschodniosłowiańskich. Nawiązuje do tradycji pierwszych

opisów gniazdowych, wyrażając eksplicytnie nieco inne cechy definicyjne w danych terminach. Wzbogaca słoweński system terminologii językoznawczej (słowotwórczej), a jednocześnie dostarcza nowego materiału dla uzupełnień w słownikach terminologicznych z zakresu językoznawstwa. Tym samym słoweński metajęzyk językoznawstwa (lingwistyki) przysparza innowacji terminologicznych. Pokazuje to, że tak jak dynamiczne są zjawiska w językach naturalnych, tak również dynamizm uwidacznia się w słownictwie specjalistycznym (elementarnych jednostkach języków specjalistycznych) w tym wypadku terminologii językoznawczej. Porównana płaszczyzna odtworzonych relacji semantycznych, które pełnią funkcję obrazującą typ myślenia badacza pokazuje wzajemne przenikanie się poszczególnych terminów, podobieństwa i różnice. Ten sam obiekt językowy posiada w polskim systemie odmienny koncept bazowy zapożyczony z języka rosyjskiego, por. *słowotwórstwo gniazdowe* i słoweński *stopenjsko besedotvorje*, co przekłada się na pochodne (derywowane) koncepty wyższych rzędów, por. upowszechniane w polskim systemie *takt derywacyjny* odpowiada słoweńskiemu *stopenj*. Porównanie leksykonu specjalistycznego. Przy sporządzaniu słownika ekwiwalentów polsko-słoweńskich słowotwórca ma do czynienia z różnorodnym aparatem pojęciowym, który przed podjęciem badań porównawczych musi uporządkować. W przypadku słowotwórstwa gniazdowego ekwiwalencja międzyjęzykowa będzie kształtować się następująco: *słowotwórstwo gniazdowe – stopenjsko besedotvorje* (*gnezdovsko besedetvorje* – niska frekwencja, raczej nieużywane, choć sam termin *gnezdo* funkcjonuje w słoweńskiej terminologii językoznawczej), *gniazdo słowotwórcze – besedotvorni sestav*, *derywat – tvorjenka*, *centrum gniazda – izhodišče besedotvornega sestava*, *takt derywacyjny (stopień derywacyjny) – besedotvorna stopnja*, *derywat pierwszego taktu (derywat pierwszego stopnia) – prvostopenska tvorjenka*. Te poszczególne jednostki stanowią więc kontekst funkcjonowania poszczególnych terminów w specjalistycznym języku językoznawstwa polonistycznego i słowenistycznego.

Literatura

JADACKA 1988: *H. Jadacka*. Zeszyt próbny słownika gniazd słowotwórczych współczesnego języka polskiego. – Warszawa.

JADACKA 2001: *H. Jadacka*. Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego. T. 2, Gniazda odrzeczownikowe. – Warszawa.

FLEISCHER, BARZ 1992: *W. Fleischer, I. Barz*. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. – Tübingen.

KARPILOVSKA 2007: *E. Karpilovska*. Gniazda słów jako językowy obraz świata. Perspektywa badań porównawczych // LingVaria. – Kraków. – S. 27–41.

KERN 2010: *B. Kern*. Stopenjsko besedotvorje // Slavistična revija. – Ljubljana. – S. 335–348.

KERN 2017: *B. Kern*. Stopenjsko besedotvorje. Na primeru glagolov čutnega zaznavanja – Ljubljana.

KLESZCZOWA 2007. *K. Kleszczowa*. Słowotwórstwo gniazdowe na usługach lingwistyki diachronicznej // Rozprawy Komisji Jezykowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego. T. 52. – Łódź. – S. 59–72.

OSTROMĘCKA-FRĄCZAK 1996: *B. Ostromęcka-Frączak*. Slovensko-poljski slovar = słoweńko-polski słownik. – Ljubljana.

OSTROMĘCKA-FRĄCZAK 2007: *B. Ostromęcka-Frączak*. Leksykografia słoweńska a polska. Podobieństwa i różnice // Z zagadnień leksykologii i leksykografii języków słowiańskich. – Toruń. – S. 46–53.

SKARŻYŃSKI 2004: *M. Skarżyński*. Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego. T. 4, Gniazda motywowane przez liczebniki, przysłówki, zaimki, przyimki, modulanty, onomatopeje, wykrzykniki. – Kraków.

SKARŻYŃSKI 2004: *M. Skarżyński*. Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego. T. 3, Gniazda odczasownikowe. Cz. 2, P–Ż. – Krakrów.

SKARŻYŃSKI 2012: *M. Skarżyński*. Polskie słowotwórstwo gniazdowe // Słowotwórstwo słowiańskie; system i tekst. – Poznań. – S. 91–99.

STRAMLJIČ BREZNIK: *I. Stramljič Breznik*. Nekaj podatkov iz Besedotvornega slovarja slovenskega jezika za črko B po SSKJ // Jezik in slovstvo. – Ljubljana. – S. 295–302.

STRAMLJIČ BREZNIK 2004: *I. Stramljič Breznik*. Besednodružinski slovar slovenskega jezika : poskusni zvezek za iztočnice na B. – Maribor.

TOKARZ 1999: *E. Tokarz*. Pułapki leksykalne. Słownik aproksymatów polsko-słoweńskich. – Katowice.

TOPORIŠIČ 1992: *J. Toporišič*. Enciklopedija slovenskega jezika. – Maribor.

VOGELGESANG 2001: *T. Vogelgesang*. Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego. T. 1, Gniazda odprzymiotnikowe. – Kraków.

VODNIK 1977: *F. Vodnik*. Słownik polsko-słoweński. Poljsko-slovenski slovar. – Ljubljana.

WIERZCHOŃ 2010: *P. Wierzchoń*. Lingwochronografia na usługach słowotwórstwa gniazdowego // Kwartalnik językoznawczy. – Poznań. – S. 56–70.

WOLIŃSKA 1994: *O. Wolinska*. Możliwości zastosowania opisu gniazdowego w diachronii // Poradnik Językowy. Nr. 5–6. – Warszawa. – S. 63–69.

EJO – Encyklopedia językoznawstwa ogólnego. Wyd. 2. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków.

Ološtiak Martin
Inštitút slovakistiky a mediálnych štúdií,
Filozofická fakulta, Prešovská univerzita, Slovensko, Prešov
martin.olostiak@unipo.sk

SLOVOTVORNÉ A MORFEMATICKÉ SLOVNÍKY SLOVENČINY[1]

Príspevok predstavuje morfematický a slovotvorný výskum prešovskej slovakistiky. V prvej časti podáva charakteristiku troch morfematických a derivačných slovníkov: Morfematický slovník slovenčiny (Sokolová, Moško, Šimon, Benko 1999); Slovník koreňových morfém slovenčiny (Sokolová, Ološtiak, Ivanová a kol., 1. vyd. 2005; 2. vyd. 2007; 3. vyd. 2012); Retrográdny morfematický slovník slovenčiny (Ološtiak, Genči, Rešovská 2015). Tieto slovníky sú v pracovnej verzii dostupné aj na internete. V druhej časti predstavujeme projekt slovotvorného slovníka slovenčiny, ktorý začal realizovať J. Furdík a v ktorom v modifikovanej podobe pokračuje K. Vužňáková (Malý slovotvorný slovník slovenčiny, Slovotvorný slovník kompozít v slovenčine; oba sú taktiež dostupné na internete).
Kľúčové slová: slovenská lexikológia, slovotvorba, morfematika, lexikografia.

The paper introduces research activities on Slovak word-formation and morphemics. The first part describes three morphemic and word-formation dictionaries: *Morfematický slovník slovenčiny* [Slovak morphemic dictionary] (Sokolová, Moško, Šimon, Benko 1999); *Slovník koreňových morfém slovenčiny* [Slovak dictionary of root morphemes] (Sokolová, Ološtiak, Ivanová et al., 1st ed. 2005; 2nd ed. 2007; 3rd ed. 2012); *Retrográdny morfematický slovník slovenčiny* [Inverse dictionary of Slovak morphemes] (Ološtiak, Genči, Rešovská 2015). These dictionaries are available in draft on the Internet. In the second part the project of Slovak word-formation dictionary is presented. The project was launched by J. Furdík and continued by K. Vužňáková in a modified form (*Malý slovotvorný slovník slovenčiny* [Concise word-formation dictionary of Slovak], *Slovotvorný slovník kompozít v slovenčine* [Word-formation dictionary of compounds in Slovak]; both are also available on the Internet).
Key words: Slovak lexicology, word-formation, morphemics, lexicography.

1. Úvodné poznámky

Tento príspevok nadväzuje na štúdiu M. Sokolovej (2008), ktorá podáva prehľad morfematických výskumov v slovenčine medzi XIII. a XIV. slavistickým zjazdom, t. j. v časovom období 2003 – 2008, na štúdiu M. Ološtiaka [OLOŠTIAK 2014], v ktorej sa pozornosť venuje aj morfematickému výskumu v prešovskom prostredí, ako aj na štúdiu M. Ivanovej a M. Ološtiaka [IVANOVÁ, OLOŠTIAK 2018] o morfematických a slovotvorných slovníkoch.

Možno konštatovať, že ohnisko slovakistického výskumu v oblasti morfematiky sa od polovice 90. rokov 20. stor. presunulo z Bratislavy[2] do Prešova, a to zásluhou M. Sokolovej. Je evidentné, že v prešovskom prostredí sa publikačnou vlajkovou loďou, ktorá výsledky morfematického výskumu predstavuje najreprezentatívnejším spôsobom, stali slovníky. Konkrétne ide o tri

[1] Táto štúdia vznikla v rámci grantového projektu VEGA 1/0083/19.
[2] Porov. najmä práce J. Horeckého [HORECKÝ 1964; HORECKÝ 1972] J. Bosáka (BOSÁK 1977]; J. Bosáka a K. Buzássyovej [BOSÁK, BUZÁSSYOVÁ 1985].

lexikografické diela, ktorým v tejto štúdii venujeme sústredenejšiu pozornosť: *Morfematický slovník slovenčiny* [SOKOLOVÁ, MOŠKO, ŠIMON, BENKO 1999]; *Slovník koreňových morfém slovenčiny* [SOKOLOVÁ, OLOŠTIAK, IVANOVÁ et al., 1. vyd. 2005; 2. vyd. 2007; 3. vyd. 2012]; *Retrográdny morfematický slovník slovenčiny* [OLOŠTIAK, GENČI, REŠOVSKÁ 2015]. Ostatné práce spomíname len okrajovo, na dokreslenie súvislostí týkajúcich sa uvedených troch lexikografických diel.

2. Morfematický slovník slovenčiny

Prvým z triády je *Morfematický slovník slovenčiny* [SOKOLOVÁ, MOŠKO, ŠIMON, BENKO 1999; ďalej MSS], ktorý završuje iniciačnú fázu morfematických výskumov v prešovskom prostredí.[1]

V úvodnej časti sa nachádza rozsiahla štúdia *Teoretické zásady morfematického spracovania slovenčiny* [SOKOLOVÁ 1999: 9–56], ktorá má pre výskum slovenskej morfematiky zásadný význam. V nej sa systematicky a komplexne venuje všetkým relevantným aspektom morfematiky – od základných pojmov/termínov (morfematika, morféma, morfa, submorféma, submorfa, usúvzťažnenosť lexikálnych jednotiek, perintegrácia, morfematický švík), cez analýzu vzťahu medzi synchróniou a diachróniou, zásady segmentácie až po identifikáciu a typológiu segmentov v derivatologických, morfologických a lexikologických súvislostiach. Úvod obsahuje aj používateľský manuál (prehľad grafických prostriedkov označovania rozsegmentovaných lexém).

Slovníková časť (s. 57 – 493; autori: M. Sokolová, G. Moško, F. Šimon) ponúka morfematicky segmentované lexémy v rozsahu *Krátkeho slovníka slovenského jazyka* (1989, 1997) a *Pravidiel slovenského pravopisu* (1991, 1998), presne je to 66 469 jednotiek. Heslá sú usporiadané abecedne, jednotlivé lexémy sú segmentované prostredníctvom znakov (spojovník, dvojbodka, hranaté zátvorky, lomka), typy morfém sa uvádzajú rôznymi typmi písma (bold, kurzíva, obyčajné písmo). Svorkovými zátvorkami sa uvádzajú vidoví partneri.

[1] Ukážka (s. 83) a obálka Morfematického slovníka slovenčiny

[1] Skôr než bol vyšiel MSS, autorský kolektív publikoval niekoľko «prípravných» prác, v ktorých sa prezentujú jednak metodologické východiská, jednak niektoré čiastkové témy [OLOŠTIAK 2014: 32–33].

0 **blud**-isk-*o*
0 **blúd**-i:*ť* {po-**blúd**-i:*ť*}
0 **blúd**-iv-o«
0 **blúd**-iv-*ý*
0 **blud**-n-e«
0 **blud**-n-*ý*
1 **blues**-*ø*
1 **blues**«
1 **bluf**-*ø*
0 **bľusk**-a:*ť*
0 **bľusk**-n-ú:*ť*
0 **bľus**-n-ú:*ť*
1 **blúz**-*a*
2 **blúz**-ič:k-*a*
2 **blúz**-k-*a*

Ako mimoriadne prospešné pre štatistické spracovanie, ako aj pre ďalší výskum sa ukázalo číselné označovanie, prostredníctvom ktorého sa zachytávajú relevantné parametre lexikálnych jednotiek – pôvod (domáce, prevzaté, hybridné), kompozitnosť, nesegmentovateľnosť – segmentovateľnosť (jednoznačná, potenciálna), apelatívnosť – propriálnosť a ďalšie; **0** (jedna koreňová morféma domáceho pôvodu: **vier**-*a*), **1** (jedna koreňová morféma cudzieho pôvodu: **box**-*ø*), **2** (hybridnosť lexémy – nesúlad medzi koreňovými a derivačnými morfémami z hľadiska pôvodu, **farm**-ár-*ø*), **0,3** (domáce kompozitá; **hol**-o-**pup**-k-áč-*ø*) a i.

V poslednej časti s názvom *Štatistické spracovanie rozsegmentovaných jednotiek* (s. 494–510; autor: V. Benko) sa prezentujú štatistické údaje o všetkých typoch morfém. Vzhľadom na úzku prepojenosť morfematiky s morfológiou, lexikológiou a derivatológiou morfematická štatistika výrazne prispieva aj k dôkladnejšiemu poznaniu iných jazykových podsystémov. Výberovo uvádzame niektoré informácie, ktoré MSS ponúka: zastúpenie lexém podľa pôvodu, inventár koreňových morfém (napr. najfrekventovanejší je radix *log/lóg* – 436), frekvencia afixov (aj spolu s infixmi), afixoidov, gramatických, modifikačných a iných typov morfém, ktoré sú symptómom fungovania gramatických tried a tvarov, ako aj slovotvorných prostriedkov, postupov, čiastočne slovotvorných útvarov. Osobitne treba zdôrazniť, že MSS po prvýkrát spracúva vidové dvojice, čím sa vytvoril predpoklad na komplexný výskum tohto gramatického javu.

3. Slovník koreňových morfém slovenčiny

Na MSS nadväzuje *Slovník koreňových morfém slovenčiny* [SOKOLOVÁ, OLOŠTIAK, IVANOVÁ et al., 1. vyd. 2005, ďalej SKMS-1; 2. vyd. 2007, ďalej SKMS-2; 3. vyd. 2012, ďalej SKMS-3], do prípravy ktorého došlo k doplneniu pôvodného autorského kolektívu MSS o nových členov (M. Ološtiak, M. Ivanová, K. Vužňáková, B. Czéreová).

[2] Slovník koreňových morfém slovenčiny [Sokolová, Ološtiak, Ivanová a kol., 1. vyd. 2005; 2. vyd. 2007; 3. vyd. 2012]

SKMS materiálovo nadväzuje na MSS, v menšej miere boli do heslára doplnené lexikálne jednotky zo Slovenského národného korpusu. V úvodných častiach (I. Manuál SKMS, II. Prehľad grafických prostriedkov označovania; autori M. Sokolová, M. Ološtiak) sa ozrejmuje koncepcia diela, a to aj s poukázaním na niektoré problémové miesta: ide najmä o neostrú hranicu medzi diachróniou a synchróniou. Na zmiernenie tejto disproporcie sa využíva systém indexov, resp. hranaté zátvorky, napr. indexom 1,7 sa označujú lexémy s diachronicky segmentovateľným, avšak synchrónne nesegmentovaným cudzím radixom; v štruktúre sa navyše nachádza aj derivačná morféma (**buldozer**-ist-*a*, **manifest**-ác:i-*a*), hranatými zátvorkami sa naznačuje potenciálna segmentovateľnosť ([**o**]**pak**-ov-a:*ť*, [**o**]**sob**-*a*). Slovníková časť obsahuje tri sekcie: apelatíva, 2) propriá, 3) synsémantiká.

V SKMS sa hlavnými princípmi usporiadania jednotiek stali klasifikácia na základe koreňových morfém a usporiadanie lexém na základe derivačnej postupnosti. Ide teda o morfematicko-derivačný typ slovníka. Obsahuje morfematicky segmentované jednotky, ktoré sú usporiadané derivačne podľa vzťahov fundácie a motivovanosti, avšak vzhľadom na niektoré špecifiká (napr. tým, že sa neopakujú rozdielne lexie, ak majú rovnakú morfematickú štruktúru) nejde vždy o zhodu medzi slovotvornými hniezdami a súbormi morfém. Slovník zachovaním morfematického členenia v každej motivačne usúvzťažnenej jednotke ponúka používateľom celostný pohľad na vzťah morfematickej a derivačnej štruktúry.

Základnými organizačnými jednotkami slovníka sú **heslo** a **hniezdo**. Heslo je súbor lexém so synchrónno-diachrónne usúvzťažnenými koreňovými morfémami (radixmi). Hniezdo je súbor rovnakoreňových lexém, ktoré sú späté vzťahom slovotvornej motivácie. Heslo je teda morfematická jednotka, hniezdo je slovotvorná jednotka (ide o slovotvorné hniezdo). Hoci morfematická a slovotvorná štruktúra sú v jazykovom systéme bezprostredne späté (tvorenie

slov sa uskutočňuje prostredníctvom morfém), slovotvorbu a morfematiku nemožno stotožňovať. Vzťah hesla a hniezda možno vyjadriť takto: **heslo ≤ hniezdo**. Heslo je rovnaké alebo menšie ako hniezdo, môže teda nastať prípad 1 : 1, alebo 1 : 2, 1 : 3 atď.; porov. [3], [4]:

[3] Usporiadanie **heslo = hniezdo**

[SYM]BOL
1 [**sym**]**bol**-*ø*
1 > [**sym**]**bol**-ik-*a*
2 >>< [**sym**]**bol**-ic-k-*ý*
2 >>> [**sym**]**bol**-ic-k-osť-*ø*
2 >>> [**sym**]**bol**-ic-k-y«
2 > [**sym**]**bol**-iz:ov-a:*ť*
1 >(>) [**sym**]**bol**-izm-*us*
1 >>> [**sym**]**bol**-ist-*a*
1 >>>(>) [**sym**]**bol**-ist-ic:k-*ý*

ALJAŠK (ALJAŠ, ALJAŠŤ)
6 **Aljašk**-*a*
6,0 > **Aljašť**-an-*ø*
6,0 >> **Aljašť**-an-k-*a*
6,0 > **aljaš**-sk-*ý*

[4] Usporiadanie **heslo < hniezdo**

∗•**[KO]MIS / [KO]MIT**
1 [**ko**]**mis**:i-*a*
2 > [**ko**]**mis**:i-on:ál:n-*y*
2 >> [**ko**]**mis**:i-on:ál:n-e«
2 > [**ko**]**mis**-n-*ý*
2 >> [**ko**]**mis**-n-osť-*ø*
2 >> [**ko**]**mis**-n-e«
1 > sub-[**ko**]**mis**:i-*a*
1 [**ko**]**mis**-ár-*ø*
2 > [**ko**]**mis**-ár-k-*a*
2 > [**ko**]**mis**-ár-sk-*y*
1 >(>) [**ko**]**mis**-ar-i:át-*ø*
2 >(>) [**ko**]**mis**-ár-stv-*o*
1 [**ko**]**mit**-ét-*ø*

∗•**NIGER / NIGÉR**
6 **Niger**-*ø*
6,0 > **Niger**-č:an-*ø*
6,0 >> **Niger**-č:an-k-*a*
6,0 > **niger**-sk-*ý*
6 **Nigér**-i-*a*
6,0 > **Nigér**-i:j-č:an-*ø*
6,0 >> **Nigér**-i:j-č:an-k-*a*
6,0 > **nigér**-i:j-sk-*ý*

V heslách je prvá koreňová morféma východiskového motivujúceho slova zapísaná pomocou veľkých písmen, napr. **KOMÍN** (KOMIN). Primárna koreňová morféma v súbore koreňových morfém je označená boldom. Za primárnu koreňovú morfému pokladáme morfému východiskového (primárneho) motivantu, v ukážke [3] je to **ALJAŠK**, pretože východiskovým motivantom je lexéma **Aljašk**-*a*.

V slovníku sa nachádzajú viaceré typy koreňových morfém (KM), podľa ktorých rozlišujeme aj typy hesiel: jednoduché, variantné (označené lomkou), alomorfné (v okrúhlych zátvorkách),[1] viazané (označené hviezdičkou), polysémne (s dvoma, resp. viacerými rozlíšenými slovotvornými hniezdami v jednom hesle označované grafickým znakom •), homonymné (tvoriace samostatné heslá a označované horným indexom); porov. ukážky [5] – [10].

[5] **Jednoduché KM**

LAMP
1 **lamp**-*a*

[6] **Variantné KM**

HANDICAP / HENDIKEP
1,8 **handicap**-*ø* **/ hendikep**-*ø*

[7] **Alomorfné KM ( )**

LALOK (LALOČ, LALÔČ)
0 **lalok**-*ø*

[1] V okrúhlych zátvorkách sa uvádzajú aj supletívne koreňové morfémy: napr. **ČLOVEK** (ĽUD), **DOBR** (LEPŠ).

2 > **lamp**-k-*a*
2 > **lamp**-ič:k-*a*
2 > **lamp**-ár-*ø*
2 > **lamp**-áš-*ø*
2 >> **lamp**-áš-ik-*ø*
2 >> **lamp**-áš-ov-*ý*

2,7 > **handicap**-ov-a:*ť*
2,7 > **hendikep**-ov-a:*ť*
FRNG / FRNK
0 frng« / frnk«
0 > **frng**-a:*ť*
0 > **frng**-n-ú:*ť*
0 >> u-**frng**-n-ú:*ť*
0 > u-**frnk**-n-ú:*ť*

0 > **lalôč**-ik-*ø*
0 >> **lalôč**-ik-ov-*ý*
0 >> **lalôč**-k-ov-*ý*
0 > **lalok**-ov-*ý*
0 > **laloč**-n-*ý*
0 > **laloč**-n:at-*ý*
0 >> **laloč**-n:at-osť-*ø*

[8] **Viazané KM** *

∗**LATENT**
2 **latent**-n-*ý*
2 > **latent**-n-osť-*ø*
2 > **latent**-n-e«
∗**PONEVIER**
0,7 **ponevier**-a:*ť* sa

[9] **Polysémne KM** •

•**[KOM]PLEX / [KOM]PLET**
1 [**kom**]**plex**-*ø*
2 > [**kom**]**plex**-n-*ý*
2 >> [**kom**]**plex**-n-osť-*ø*
2 >> [**kom**]**plex**-n-e«
1,8 **komplet**-*ø*
2,7 > **komplet**-n-*ý*
2,7 >> **komplet**-n-osť-*ø*
2,7 >> **komplet**-n-e«

[10] **Homonymné** KM [1,2]

LAB[1]
0 **lab**-*a*
0 > **lab**-k-*a*
∗**LAB**[2]
2 **lab**-il:n-*ý*
2 > **lab**-il:n-osť-*ø*
2 > **lab**-il:n-e«
1 > **lab**-il:it-*a*

Jednotlivé typy radixov sa v heslách často kombinujú. Napr. v ukážke [4] ∗•[**KO**]**MIS** / [**KO**]**MIT** sa nachádzajú viazané koreňové morfémy (znak *), ktorých rôzne podoby (znak /) sú východiskami viacerých slovotvorných hniezd (znak •).

Pri charakteristike radixov možno vyjsť z diferenciácie radixov so symetriou formy a významu a radixov s asymetriou formy a významu [SOKOLOVÁ, GENČI 2006]. Radixy so symetriou formy a významu sú jednoduché monosémne radixy, pri ktorých je jedna forma nositeľkou jedného lexikálneho významu. V rámci podskupiny radixov so symetriou formy a významu možno vyjsť zo základného delenia radixových hesiel na viazané a neviazané radixy. Neviazané radixy existujú v lexémach len s gramatickými morfémami, napr. **KOMIN** (**komín**-*ø*), **POROT** (**porot**-*a*). Viazané sú také, ktorých východiskové motivanty okrem koreňovej a gramatickej morfémy obsahujú aj iné morfémy, napr. ∗•[**KO**]**MIS** / [**KO**]**MIT** ([**ko**]**mis**-ár-*ø*, [**ko**]**mit**-ét-*ø*). Za viazané považujeme aj radixy v prevzatých lexémach, ktoré sa adaptovali pomocou afixov (**atak**-ov-a:*ť*), a reflexíva tantum (**bá**-*ť* sa).

Pri radixoch s asymetriou formy a významu môže ísť o prípad, keď jedna forma je nositeľkou viac než jedného lexikálneho významu. Takáto asymetria formy a významu sa v slovníku uplatňuje buď ako radixová polysémia, alebo ako radixová homonymia. Jedným z kľúčových krokov bolo teda pri spracovaní radixov v slovníku odlíšenie polysémie a homonymie. Homonymia radixov vzniká pri preberaní lexikálnych jednotiek: môže ísť o homonymiu domáceho a prevzatého radixu; porov. napr. ukážku [10]: **LAB**[1] *laba* – domáci radix, **LAB**[2] *labilný* – internacionálny radix pôvodne z latinčiny) alebo o homonymiu radixov prevzatých z rôznych jazykov (**MAN**[1] *manuál* – pôvodom latinský

radix, **MAN**[2] *manometer* – pôvodom grécky radix) [IVANOVÁ, OLOŠTIAK 2018].

Ďalší prípad asymetrie formy a významu predstavujú radixy s asymetriou jedného významu a viacerých foriem. Takýto prípad asymetrie sa realizuje ako radixová alomorfnosť (alternačne podmienené radixy; porov. [7]) alebo radixová variantnosť (alternačne nepodmienené varianty radixov; porov. [6]).

V slovníku sa zachytávajú derivačne a vidovo podmienené alternanty koreňových morfém, avšak alternácie vyvolané gramatickými morfémami sa uvádzajú len sporadicky, len ak sa takéto tvary v slovníku vyskytujú, napr. **pís**-a:*ť* (-**píš**-e:*ø*). Alternačná postupnosť vyplýva z derivačnej postupnosti motivátov v súbore, nie z abecedného usporiadania alomorf v hesle.

Varianty vznikajú najčastejšie pri adaptácii internacionalizmov (**PLAYBACK** / PLEJBEK, **AEROB** / EROB) alebo pri onomatopoických interjekciách (**HA** / HE / HI / HIH / CHA / CHE / CHECH / CHI / CHICH / CHO / CHU).

Lexémy sú v heslách usporiadané podľa týchto hierarchických postupností (Sokolová et al. 2003): 1. slovotvorný spôsob a slovotvorný postup (derivácia, v rámci nej transflexia – sufixácia – postfixácia – reflexivizácia – prefixácia + kombinované postupy, kvázikompozícia, kompozícia, zmiešaný postup – kompozično-derivačný postup, desémantizácia, sémantizácia); 2. slovnodruhová príslušnosť (substantíva, adjektíva, adverbiá, verbá, synsémantiká); 3. typ onomaziologickej kategórie (pri derivátoch: a) transpozícia; b) modifikácia; c) mutácia; pri kompozitách: a) integrácia; b) modifikácia; c) mutácia); 4. onomaziologická kategória; 5. abecedné usporiadanie.

Na znázornenie slovotvorných vzťahov sa používajú znamienka > a <, prípadne okrúhle zátvorky. Počet znamienok > znamená stupeň motivovanosti, >< je vzájomná motivovanosť, >(>) viacnásobná motivovanosť.

[11] Znázornenie motivačných vzťahov

znázornenie v SKMS	znázornenie v priestore
HREŠ (HRIECH, HRIEŠ) 0 **hreš**-i:*ť* {vy-**hreš**-i:*ť*; z-**hreš**-i:*ť*; za-**hreš**-i:*ť*} 0 vy-**hreš**-i:*ť* {**hreš**-i:*ť*} 0 z-**hreš**-i:*ť* {**hreš**-i:*ť*} 0 za-**hreš**-i:*ť* {**hreš**-i:*ť*} 0 >< **hriech**-*ø* 0 >> **hrieš**-ik-*ø* 0 >> **hrieš**-ok-*ø* 0 >(>) **hrieš**-n-*y* 0 >>> **hrieš**-n-osť-*ø* 0 >(>)(>) **hrieš**-n-ik-*ø* 0 >>>> **hrieš**-n-ic-*a* 0 >>> **hrieš**-n-e«	**hreš**-i:*ť* ↔ **hriech**-*ø* → **hrieš**-ik-*ø* {vy-**hreš**-i:*ť*; → **hrieš**-ok-*ø* z-**hreš**-i:*ť*; za-**hreš**-i:*ť*} → **hrieš**-n-*y* → **hrieš**-n-osť-*ø* → **hrieš**-n-e« → **hrieš**-n-ik-*ø* → **hrieš**-n-ic-*a*

Slovotvorný systém má zložitú štruktúru, jednotlivé lexémy sa združujú do hierarchicky komplexnejších jednotiek, slovotvorných útvarov. V rámci rovnakokoreňových slovotvorných útvarov [FURDÍK 2004: 73 n.] možno evidovať viacdimenzionálne vzťahy medzi mnohými členmi slovotvorných hniezd, radov a paradigiem. To súvisí s existenciou bezprostrednej a sprostredkovanej, jedinej a viacnásobnej motivácie [FURDÍK 2004: 28]. Tieto motivačné typy komplikujú ideálny vzťah *jeden motivant – jeden motivát*. V slovníku sme sa v rámci možností pokúsili zachytiť okrem prípadov jedinej motivácie (prípad, keď motivát má jeden motivant) aj prípady viacnásobnej a vzájomnej motivácie. O viacnásobnej motivácii hovoríme vtedy, ak má motivát viacero motivantov, o vzájomnej motivácii uvažujeme v prípadoch, keď sú lexémy motivované recipročne.

Viacnásobnú motiváciu označujeme zátvorkovaním okrúhlymi zátvorkami, napríklad lexéma *višňovica* je motivovaná jednak adjektívom *višňový* («višňová pálenka»), jednak substantívom *višňa* («pálenka z višieň»), čo sa v slovníku zachytáva prostredníctvom nasledujúceho grafického spracovania:

[12] Grafické znázornenie polymotivácie

0 **višň**-*a*
0 > **višň**-ov-*ý*
0 >(>) **višň**-ov-ic-*a*

Vzájomnú motiváciu naznačujeme znakom ><. O vzájomnej motivácii možno napríklad uvažovať pri lexémach *profesionálny* «taký, ktorý sa týka profesionála» a *profesionál* «ten, kto je profesionálny» (*profesionálny* ↔ *profesionál*), čo sa v slovníku premieta do grafického znázornenia:

[13] Grafické znázornenie vzájomnej (recipročnej) motivácie

∗•[**PRO**]**FES**
1 [**pro**]**fes**-i-*a*
2 > [**pro**]**fes**-i-on:ál-n-*y*
1 >>< [**pro**]**fes**-i-on:ál-*ø*

V ďalšej etape práce na slovníku pokračovali, čoho výsledkom je 2. a 3. vydanie (Sokolová et al. 2007; 2012). V týchto upravených vydaniach dochádza k niektorým zmenám pri spracovaní lexém. Poznámky k typom zmien v 2. vydaní sa nachádzajú v úvode SKMS-2 (11–12), poznámky k spracovaniu 3. vydania sa nachádzajú v úvode SKMS-3 (7–14) a v štúdii M. Ivanovej [IVANOVÁ 2013]. Ako zaujímavosť možno uviesť, že v SKMS-3 sa celkovo realizovalo cca 5900 úprav. V nasledujúcej časti poukážeme len na niektoré typy zmien.

Okrem opráv chýb sa tiež realizovalo dopĺňanie materiálu. Hoci sa ukázalo, že lexikálny materiál dominantne založený na databáze *Krátkeho*

slovníka slovenského jazyka je dostatočne reprezentatívny, systemizácia jednotiek v jednotlivých slovotvorných súboroch a slovotvorných hniezdach, ako aj individuálna morfematická segmentácia odhalili isté štruktúrne medzery spôsobené absenciou individuálnej lexikálnej jednotky. V niektorých prípadoch sa preto pristúpilo k doplneniu týchto absentujúcich lexém do slovníka. Takýto krok sme urobili najmä vtedy, ak nám doplnená lexéma umožnila systemizovať slovotvorný súbor analogicky s podobne štruktúrovanými súbormi jednotiek, porov [14]:

[14] Porovnanie SKMS-1 a SKMS-2

SKMS-1	SKMS-2
*[**ABS**]**TIN**	*[**ABS**]**TIN**
1 [**abs**]**tin**-enc:i-*a*	2 [**abs**]**tin**-ov-a:*ť*
1 > [**abs**]**tin**-ent-*ø*	1 > [**abs**]**tin**-enc:i-*a*
2 >> [**abs**]**tin**-ent-k-*a*	2 >> [**abs**]**tin**-enč-n-*ý*
2 >> [**abs**]**tin**-ent-sk-*ý*	1 > [**abs**]**tin**-ent-*ø*
2 > [**abs**]**tin**-enč-n-*ý*	2 >> [**abs**]**tin**-ent-k-*a*
	2 >> [**abs**]**tin**-ent-sk-*ý*

Takto boli do slovníka doplnené napr. lexémy *oxidovať, parcelovať, migrovať, modulovať, erektilný, súsledný, explikovať, implikačný* a i., pričom pri dopĺňaní jednotiek sme sa opierali o ich frekvenciu zistenú v Slovenskom národnom korpuse a relevantnosť pre motivačné vzťahy a morfematickú štruktúru jednotiek.

Jednou z výrazných zmien v SKMS-3 je uvádzanie variantnej morfematickej segmentácie pri motivátoch s viacnásobnou motiváciou (polymotiváciou):

[15] Variantná segmentácia pri polymotivácii v SKMS-3

0 **hruš**-k-*a*
0 > **hruš**-k-ov-*ý*
0 >(>) **hruš**-k-ov-ic-*a* | **hruš**-k-ov:ic-*a*

Ďalšia podstatná zmena sa týkala spôsobu uvádzania variantov. V tomto bode sme nadviazali na podnetnú štúdiu A. Jarošovej [JAROŠOVÁ 2009], ktorá konštatuje: «... otázka variantov má pre lexikografa kľúčovú závažnosť aj preto, lebo sa týka problému totožnosti slova, teda otázky, či máme pred sebou jedno slovo v dvoch formálnych obmenách, alebo máme pred sebou dve slová». V slovníku sa varianty zaznamenávajú prostredníctvom znaku lomka (/), pričom v prvom vydaní sme variantnosť zachytávali predovšetkým pri tzv. fonematických variantoch radixov, a to pri jednotkách v pozícii motivátov. V treťom vydaní sme sa rozhodli jednak okrem fonematickej variantnosti označovať aj morfologickú a lexikálnu variantnosť, jednak uvádzať varianty aj na úrovni derivátov, porov [15]:

[15] Porovnanie SKMS-2 a SKMS-3 pri uvádzaní variantov

SKMS-2	SKMS-3
***ČAČ**[1] / ČEČ	***ČAČ**[1] / ČEČ
0 **čač**-in-*a* / **čeč**-in-*a*	0 **čač**-in-*a* / **čeč**-in-*a*
0 > **čač**-in-ov-*ý*	0 > **čač**-in-ov-*ý* / **čeč**-in-ov-*ý*
0 > **čeč**-in-ov-*ý*	

4. Retrográdny morfematický slovník slovenčiny

Tretím typom morfematického slovníka z dielne prešovských autorov je *Retrográdny morfematický slovník slovenčiny* [OLOŠTIAK, GENČI, REŠOVSKÁ 2015; ďalej RMSS]. V slovenskej jazykovede ide o druhý retrográdny slovník[1] a prvý slovník svojho druhu, ktorý obsahuje retrográdne usporiadané a zároveň morfematicky segmentované jednotky. Je dobre známe, že retrográdne zoradenie významnou mierou prispieva k poznaniu typologickej charakteristiky slova (a daného jazyka) z pravej strany. Ak je slovo v retrográdnom rade navyše morfematicky segmentované, ako je to aj v prípade predkladaného slovníka, možnosti takejto typologickej charakteristiky sa rozširujú smerom k precíznejšej morfematickej, morfologickej, morfonologickej a v neposlednom rade aj derivatologickej analýze.

RMSS vychádza z upraveného a doplneného heslára SKMS-3. Ide teda de facto o pracovnú verziu štvrtého vydania SKMS. RMSS po všetkých úpravách, v závislosti od retrográdneho princípu usporiadania a zvolenej koncepcie, obsahuje 70 760 morfematicky segmentovaných lexikálnych jednotiek.

[16] Retrográdny morfematický slovník slovenčiny

Retrográdne usporiadanie si vyžiadalo vytvorenie pravidiel, na základe ktorých je daná lexéma jednoznačne zaraditeľná do retrográdneho radu. Taktiež

[1] Prvý akademický retrográdny slovník slovenčiny vyšiel takmer pred vyše štyridsiatimi rokmi. Ide o známy *Retrográdny slovník slovenčiny* od Jozefa Mistríka [MISTRÍK 1976].

bolo potrebné zohľadniť špecifiká vyplývajúce z materiálovej bázy (morfematicky rozsegmentované lexémy) a spôsobov jej spracovania (napr. uvádzanie vidových partnerov). V nadväznosti na tieto skutočnosti bolo nutné materiál SKMS najprv viacerými spôsobmi upraviť, predovšetkým: a) odstrániť nepotrebné údaje a duplicitnosti, b) rozdeliť a upraviť niektoré riadky.

Odstránili sa homonymá s rovnakou segmentáciou, napr. na-**klad**-a:č-*ø* (životné maskulínum) : na-**klad**-a:č-*ø* (neživotné maskulínum), alternatívne segmentácie (**hazard**-ér-stv-*o* | **hazard**-ér:stv-*o*; zachovala sa základná segmentácia **hazard**-ér-stv-*o*); opakujúce sa morfematické kompozitá (vrátane značky • na naznačenie druhého miesta koreňovej morfémy v kompozitách v príslušnom slovotvornom hniezde; grafické značky >, < vyplývajúce z charakteru SKMS, v ktorom slúžia na označenie slovotvorných vzťahov; heslové koreňové morfémy vrátane všetkých odkazových hesiel; porov [17]:

[17] Porovnanie údajov v SKMS v porovnaní s RMSS

SKMS	**príprava pre RMSS**
0,3 >>(>) • **zub**-o-**lieč**-b-*a* 0,3 > **zub**-o-**lieč**-b-*a* 0,3 > **a-be-ce-d**-*a* 0,3 > • **a-be-ce-d**-*a* 0,3 > • **a-be-ce-d**-*a* 0,3 > • **a-be-ce-d**-*a*	0,3 **zub**-o-**lieč**-b-*a* 0,3 **a-be-ce-d**-*a*
2 >>(>)(>) **hazard**-ér-stv-*o* | **hazard**-ér:stv-*o*	2 **hazard**-ér-stv-*o*
0 > **zurk**-ot-a:*ť* (**zurk**-oc-e:*ø* / **zurk**-ot-á:*ø*) 0 > **zubr**-íč-*a* (-ať:*a*, -at:*á*, -en:c:*e*)	0 **zurk**-ot-a:*ť* 0 **zubr**-íč-*a*
*•**BY**[1] (BO[3], BÝ[1]) / **BUD**[2] (BÚD[2], BUĎ[2]) / **BYT**[1] / **J**[3] / **JEST** (JESTO) / **NIET** / **S**[2] / **SO** [**KO**]**LAPS** ([KO]LAB) JESTO ↗ **BY**[1] [**KO**]**LAB** ↗ [KO]LAPS	--- --- --- ---

Zaradenie do retrográdneho radu si vyžiadalo aj potrebu rozdeliť a upraviť existujúce riadky, a to jednak pri slovesách vstupujúcich do vidových vzťahov, jednak pri ostatných lexémach. Vidovosť sa v MSS a SKMS spracúva tak, že v jednom riadku sa uvádza základná slovesná podoba s vidovým partnerom (vidovými partnermi) v zložených zátvorkách (schematicky **A {B}**), pričom sa tento vzťah vice versa (schematicky **B {A}**) opakuje v samostatnom riadku (v MSS na príslušnom mieste podľa abecedy, v SKMS v riadkoch bezprostredne za sebou podľa miesta v slovotvornom hniezde). Pre potreby retrográdneho zaradenia sa využíva slovo v pozícii A, pričom táto pozícia v MSS a SKMS, pozícia A pritom môže byť obsadená aj viacerými variantmi, napr. z-**rev**-a:*ť* / za-**rev**-a:*ť* {**rev**-a:*ť*}, preto bolo potrebné takto spracovaný jeden riadok rozdeliť do dvoch riadkov: z-**rev**-a:*ť* {**rev**-a:*ť*} a za-**rev**-a:*ť* {**rev**-a:*ť*}. Podobne sa do samostatných hesiel rozdelili tie heslá a riadky, ktoré

obsahovali heterogénne zakončené jednotky, napr. **kanister**-*ø* / **kanistr**-*a* => **kanister**-*ø* a **kanistr**-*a*; bližšie porov [RMSS: 9–13].

Samotné heslo v RMSS obsahuje tieto údaje: číselný index (podobne ako v MSS a SKMS), informácia o motivovanosti (M), nemotivovanosti (N) a polomotivovanosti (P) hesla, morfematicky rozsegmentovaná lexikálna jednotka, alfanumerický kód s morfologickou (pri substantívach morfologicko-lexikálnou) informáciou. Pri slovesách sa vidoví partneri a reflexívne formanty *sa, si* uvádzajú pred retrográdne relevantnou lexémou; porov [18].

[18] Ukážky z RMSS

6 M **Banj**-*a* **Luk**-*a* SPtf3–SPtf1
0 M od-**luk**-*a* Sf1
0 N **sluk**-*a* Sf1
0 M vý-**luk**-*a* Sf1
0 M roz-**luk**-*a* Sf1
0 N **kľuk**-*a* Sf1
0 N o-**kľuk**-*a* Sf1
0 M **muk**-*a* Sf1
0 M **dn**-u-ka« D
0 M z-**dn**-u-ka« D
0 M po-**nuk**-*a* Sf1

0 N **žič**-i:*ť* V19
0 M (si) do-**žič**-i:*ť* V19
0 N {na-**líč**-i:*ť*; vy-**líč**-i:*ť*} **líč**-i:*ť* V20
0 N {**líč**-i:*ť*} na-**líč**-i:*ť* V20
0 N {vy-**klíč**-i:*ť*; vz-**klíč**-i:*ť*} **klíč**-i:*ť* V20
0 M {na-**klíč**-ov-a:*ť*} na-**klíč**-i:*ť* V20
0 M {pred-**klíč**-ov-a:*ť*} pred-**klíč**-i:*ť* V20
0 N {**klíč**-i:*ť*} vy-**klíč**-i:*ť* V20
0 N {**klíč**-i:*ť*} vz-**klíč**-i:*ť* V20
0 N {**líč**-i:*ť*} vy-**líč**-i:*ť* V20

5. Slovníky na webovom rozhraní

V ďalšej fáze výskumu sa venujeme aj budovaniu webového sídla s informáciami o slovotvornej a morfematickej štruktúre slovenského slova[1]. Nateraz sú na tejto stránke k dispozícii informácie o realizovaných grantových projektoch, profily riešiteľov, bibliografia (viaceré práce sú voľne prístupné), no najmä vyhľadávacie rozhranie, v ktorom možno zatiaľ vyhľadávať slová a ich morfematickú štruktúru v rozsahu, v akom sa nachádzajú v RMSS, t. j. systém vyhľadá morfematicky segmentované heslo s indexom (porov. MSS, SKMS), informáciou o slovnom druhu a alfanumerickým kódom detegujúcim ďalšie morfologické informácie (časť o RMSS); porov. [19]. Navyše, pri adjektívach možno vyhľadať morfematicky rozsegmentované gramatické tvary všetkých subparadigiem (maskulína animálne, maskulína inanimálne, feminína, neutrá, pozitív, komparatív, superlatív); porov [20], [21], [22]. V budúcnosti sa budú dať vyhľadávať gramatické tvary a paradigmy všetkých slovných druhov. Možné bude aj vyhľadávanie a triedenie podľa slovotvorných parametrov (podľa afixov, základov, slovotvorných typov, slovotvorných hniezd a ďalších).

[19] Ukážka vyhľadávacieho rozhrania – adjektívum *pragmatický*

[1] Dostupné online: <https://ff.unipo.sk/slovnik-morfematika-slovotvorba/index.html>.

[20] Ukážka vyhľadávacieho rozhrania (adjektívum *pragmatický*) s možnosťou otvorenia karty s ďalšími gramatickými tvarmi

[21] Ukážka vyhľadávacieho rozhrania (adjektívum *pragmatický*) s možnosťou otvorenia karty s ďalšími gramatickými tvarmi

[22] Ukážka vyhľadávacieho rozhrania (adjektívum *pragmatický*) s paradigmou pozitívu životných maskulín

pozitív - 1. stupeň, mužský životný rod			
Singulár		**Plurál**	
pád	tvary	pád	tvary
N	**pragm**-at:ic:k-*ý*	N	**pragm**-at:ic:k-*í*
G	**pragm**-at:ic:k-*ého*	G	**pragm**-at:ic:k-*ých*
D	**pragm**-at:ic:k-*ému*	D	**pragm**-at:ic:k-*ým*
A	**pragm**-at:ic:k-*ého*	A	**pragm**-at:ic:k-*ých*
V	**pragm**-at:ic:k-*ý*	V	
L	**pragm**-at:ic:k-*om*	L	**pragm**-at:ic:k-*ých*
I	**pragm**-at:ic:k-*ým*	I	**pragm**-at:ic:k-*ými*

6. Špeciálne slovotvorné slovníky

Okrem morfematických a morfematicko-slovotvorných slovníkov (porov. časti 2. – 4.) sa v prešovskom prostredí realizovali aj projekty zamerané na „čisté“ slovotvorné slovníky. Tieto výskumy inicioval J. Furdík, ktorý vypracoval metodológiu *Slovotvorného slovníka slovenčiny* [FURDÍK 1995, 2004]. Išlo o celkom nový typ slovníka, ktorý bol založený na slovotvornej parametrizácii (na rozdiel od hniezdových slovníkov), t. j. na uvádzaní slovotvorne relevantných informácií (parametrov) pri každej heslovej lexikálnej jednotke; porov. všeobecnú schému a ukážku konkrétneho hesla:

Heslové slovo a jeho diagnostická parafráza
1. slovný druh a jeho sémanticko-gramatická špecifikácia
1.1 štylistická klasifikácia (ak je slovo štylisticky príznakové)
2. motivovanosť/nemotivovanosť slova
3. motivant(y)
3.1 vzťah motivant/motivanty → motivát
3.2 slovný druh a sémanticko-gramatická špecifikácia motivantu / motivantov + relevantná štylistická charakteristika
3.3. charakter motivátu/motivantov vyplývajúci z 3.2.
4. slovotvorný základ
4.1 alternácie v slovotvornom základe a trunkácia
4.2 spájacia morféma (pri kompozitách)
5. slovotvorný formant
5.1. druh formantu
5.2. prípadná variantnosť formantu (fónická alebo morfematická)
6. slovotvorný postup

6.1 univerbizácia
7. slovotvorný vzorec
8. motivačný význam
9. slovotvorný význam
10. príslušnosť do onomaziologickej kategórie
11. typ onomaziologickej kategórie
12. dva príklady slov patriacich k rovnakému slovotvornému typu
13. motivačná intencia (miesto slova v slovotvornom hniezde)
14. súhrnná charakteristika

Ukážka hesla [FURDÍK 2004: 133–134]:
PADACÍ: „určený, aby padal“
1. adj. rel. -grad.
2. motiv.
3. padať
3.1. padať → padací
3.2 verb. autosém. dynam. pers. -obj. impf.
3.3 deverb
4. pada-
5. -c(í)
5.1 sufix
6. derivácia, sufixácia
7. Z_V + -c(R_{adj2})
8. „taký, ktorý je na to, aby padal“
9. „taký, ktorý V_{cop} + P + V_{mot}“
10. adjektívum s významom účelu
11. mutácia
12. sklápací, písací
13. V → Adj Ø
14. ADJ MOT DEVERb DERIV SUFIX FIN MUT

Žiaľ, J. Furdík tento projekt dokončiť nestihol. Je však potešujúce, že bádanie v tejto oblasti sa naďalej úspešne rozvíja zásluhou K. Vužňákovej z Pedagogickej fakulty Prešovskej univerzity [DZIAKOVÁ 2001; VUŽŇÁKOVÁ 2015]. K. Vužňáková vypracovala kratšiu verziu slovotvorného slovníka (s obmedzeným počtom parametrov) s názvom *Malý slovotvorný slovník slovenčiny*, v ktorom sa spracúvajú najdôležitejšie parametre slovotvorného systému, pričom sa prihliada na jeho použiteľnosť v školskej praxi pri vyučovaní slovotvorby. Spracúvajú sa lexémy patriace do týchto onomaziologických kategórií: nomina iuvenalia, nomina augmentativa, nomina deminutiva, kompozitá, prefixálne verbá. Elektronická podoba tohto slovníka je

súčasťou vysokoškolskej učebnice *Dieťa a slovotvorba* [LIPTÁKOVÁ, VUŽŇÁKOVÁ 2009].[1]

Ďalej možno spomenúť *Slovotvorný slovník kompozít v slovenčine*,[2] ktorý je súčasťou monografie *Kompozitá v slovenčine* [VUŽŇÁKOVÁ 2012]. V ňom sa spracúvajú lexémy utvorené na základe kompozičného slovotvorného postupu, a to na základe 11 slovotvorných parametrov (heslo, kolokácia, motivačný, resp. slovotvorný význam, slovotvorná štruktúra, alternačné zmeny, slovotvorné prostriedky, typ slovotvorných prostriedkov, slovotvorný postup, slovnodruhová charakteristika motivantu, slovnodruhová charakteristika motivátu, typ onomaziologickej kategórie, slovotvorná kategória a motivačná intencia). Ukážka hesla sa nachádza v [23]; k obom slovníkom bližšie porov. štúdie K. Vužňákovej [VUŽŇÁKOVÁ 2005, 2006, 2015].

[23] Ukážka hesla zo Slovotvorného slovníka kompozít v slovenčine [VUŽŇÁKOVÁ 2015, 939]

1. HESLO (MOTIVÁT)	**dlhokrídly**
1.1 KOLOKÁCIA	(d-y hmyz)
2. MOTIVAČNÝ (SLOVOTVORNÝ VÝZNAM)	„taký, ktorý má dlhé krídla“
3. MOTIVANTY	dlhý, krídlo
4. SLOVOTVORNÁ ŠTRUKTÚRA	dlho-o-krídl-y
4.1. ALTERNAČNÉ ZMENY	θ
5. SLOVOTVORNÉ PROSTRIEDKY	-o-, -y
5.1 TYP SLOVOTVORNÝCH PROSTRIEDKOV	spájacia morféma, gramatická morféma
6. SLOVOTVORNÝ POSTUP	kompozično-transflexný
7. SLOVNODRUHOVÁ CHARAKTERISTIKA MOTIVANTOV	adjektívum/substantívum
8. SLOVNODRUHOVÁ CHARAKTERISTIKA MOTIVÁTU	adjektívum
9. TYP ONOMAZIOLOGICKEJ KATEGÓRIE	mutácia
10. SLOVOTVORNÁ KATEGÓRIA	nápadný znak
11. MOTIVAČNÁ INTENCIA	dlhý + krídlo → dhokrídly

7. Závery a perspektívy

Pri celkovom hodnotení lexikografických aktivít v oblasti morfematiky a slovotvorby možno poukázať na tieto skutočnosti; porov. aj štúdiu M. Sokolovej [SOKOLOVÁ 2008]:

a) v histórii slovenskej lingvistiky sa prvýkrát slovníkovo spracúva morfematická štruktúra, ako aj slovotvorné vzťahy a slovotvorná paradigmatika a syntagmatika lexikálnych jednotiek;

b) s oporou o najnovšie výsledky výskumu sa postulujú teoreticko-metodologické východiská morfematického bádania vrátane riešenia terminologických otázok;

[1] Online: <http://indi.pf.unipo.sk/index.php?funkcia=Mal%C3%BD%20slovotvorn%C3%BD%20slovn%C3%ADk>
[2] Online: <http://ssks.pf.unipo.sk>

c) stanovili sa konzistentné zásady segmentácie s využitím viacerých možností riešenia disproporcie na osi diachrónia – synchrónia v súvislosti s rešpektovaním kontinuálneho vývinu jazykových, a teda aj morfematických štruktúr;

d) sprecizovala sa typológia morfém a submorfém;

e) sprecizovala sa charakteristika funkcií jednotlivých typov morfém a submorfém;

f) prispelo sa k možnostiam prehĺbenejšieho výskumu adaptácie prevzatých lexikálnych jednotiek;

g) retrográdne usporiadanie a morfolexikálne kódovanie podáva presné informácie o typologickej charakteristike slovenského slova od jeho konca, zastúpenie jednotlivých slovných druhov, typov flexie a iných ukazovateľov;

h) prispelo sa k charakteristike slovotvorby z didaktického hľadiska;

i) v neposlednom rade takto koncepčne spracovaný materiál otvára možnosti ďalšieho viacdimenzionálneho výskumu v oblasti morfematiky, slovotvorby a morfológie slovenčiny v intralingválnom aj v interlingválnom kontexte; dôkazom je skutočnosť, že v kompendiu *Kvalitatívne a kvantitatívne aspekty tvorenia slov v slovenčine* [OLOŠTIAK 2015] sa materiál SKMS využil napr. pri analýze pomeru medzi slovotvorne motivovanými a nemotivovanými slovami, zastúpenia slovotvorných spôsobov a postupov, veľkosti slovotvorných a motivačných hniezd, slovotvorných a motivačných radov, viacnásobnej motivácie, motivačnej intencie a mnohých ďalších slovotvorných parametrov; na materiáli SKMS vzniká ďalší špecifický slovník – slovník slovotvorných prostriedkov (afixov, interfixov), ktorý bude slovenským pendantom k *Slovníku afixů užívaných v češtině* [ŠIMANDL 2016];

j) bola vytvorená webová stránka, na ktorej je nateraz voľne dostupná časť údajov o morfematickej štruktúre slovenského slova; stránka sa postupne dopĺňa a inovuje tak, aby obsahovala čo najkomplexnejšie morfematické a slovotvorné informácie.

Možno skonštatovať, že doterajší morfematicko-slovotvorný výskum v Prešove badateľne prispel k progresu v tejto oblasti slovakistického a slavistického bádania.

Literatúra

BOSÁK 1977: *J. Bosák*. Morfémy a submorfy // Jazykovedné štúdie. 13. Ružičkov zborník. – Bratislava: Veda. – S. 45–51.

BOSÁK, BUZÁSSYOVÁ 1985: *J. Bosák, K. Buzássyová*. Východiská morfémovej analýzy. (Morfematika. Slovotvorba.) – Bratislava: Veda.

DZIAKOVÁ 2001: *K. Dziaková*. O príprave slovotvorného slovníka slovenčiny // Slovo o slove. – Č. 7. – S. 29–32.

FURDÍK 1995: *J. Furdík*. Metodologické problémy tvorby slovotvorného slovníka slovenčiny // Zápisník slovenského jazykovedca. – S. 32–33.

FURDÍK 2004: *J. Furdík*. Slovenská slovotvorba (teória, opis, cvičenia). Ed. M. Ološtiak. – Prešov: Náuka.

FURDÍK 2005: *J. Furdík*. Koncepcia slovotvorného slovníka slovenčiny // Život so slovotvorbou a lexikológiou. Výber štúdií pri príležitosti nedožitých sedemdesiatin. Eds. M. Ološtiak, L. Gianitsová-Ološtiaková. – Košice: Vydavateľstvo LG. – S. 325–329.

IVANOVÁ 2013: *M. Ivanová*. Teoreticko-metodologické otázky prípravy tretieho vydania Slovníka koreňových morfém slovenčiny // Od morfém ku komplexným slovám a ich paradigmám. Výraz, význam, funkcia. – Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove. – S. 90–100.

IVANOVÁ, OLOŠTIAK 2018: *M. Ivanová, M. Ološtiak*. Morfematické a slovotvorné slovníky slovenčiny // Slovanská lexikografie počátkem 21. století. Sborník příspevků z mezinárodní konference. – Praha: Slovanský ústav AV ČR. – S. 209–217.

HORECKÝ 1964: *J. Horecký*. Morfematická štruktúra slovenčiny. – Bratislava: Vydavateľstvo SAV.

HORECKÝ 1972: *J. Horecký*. Morfematická a slovotvorná štruktúra // O slovenčine pre slovenčinárov. – Bratislava: Mestský dom kultúry a osvety. – S. 101–109.

JAROŠOVÁ 2009: *A. Jarošová*. Problematika lexikálnej variantnosti a spôsoby jej lexikografického zachytenia // Dynamické tendencie v pravopise. – Bratislava: Veda. – S. 98–134.

LIPTÁKOVÁ, VUŽŇÁKOVÁ 2009: *Ľ. Liptáková, K. Vužňáková*. Dieťa a slovotvorba. – Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, Pedagogická fakulta.

MISTRÍK 1976: *J. Mistrík*. Retrográdny slovník slovenčiny. – Bratislava: Univerzita Komenského.

OLOŠTIAK 2014: *M. Ološtiak*. Morfematické, derivatologické, lexikologické a onomastické výskumy prešovskej slovakistiky // Šesťdesiat rokov prešovskej akademickej jazykovednej slovakistiky. – Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove. – S. 31–93.

OLOŠTIAK 2015: *M. Ološtiak (ed.)*. Kvalitatívne a kvantitatívne aspekty tvorenia slov v slovenčine. – Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove.

OLOŠTIAK, GENČI, REŠOVSKÁ 2015: *M. Ološtiak, J. Genči, S. Rešovská*. Retrográdny morfematický slovník slovenčiny. – Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove.

SOKOLOVÁ 1999: *M. Sokolová*. Teoretické zásady morfematického spracovania slovenčiny // M. Sokolová, G. Moško, F. Šimon, V. Benko: Morfematický slovník slovenčiny. – Prešov: Náuka. – S. 9–56.

SOKOLOVÁ 2008: *M. Sokolová*. Morfematický výskum slovenčiny medzi XIII. a XIV. slavistickým zjazdom // Jazykovedný časopis. – Č. 3. – S. 25–36.

SOKOLOVÁ, GENČI 2006: *M. Sokolová, J. Genči*. Štatistické spracovanie apelatívnych radixov // Morfematický výskum slovenčiny (možnosti jeho štatistického, elektronického a didaktického spracovania). – Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove. – S. 57–78.

SOKOLOVÁ, MOŠKO, ŠIMON, BENKO 1999: *M. Sokolová, G. Moško, F. Šimon, V. Benko*. Morfematický slovník slovenčiny. – Prešov: Náuka.

SOKOLOVÁ, OLOŠTIAK, IVANOVÁ 2005: *M. Sokolová, M. Ološtiak, M. Ivanová et al.* Slovník koreňových morfém slovenčiny. – Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove.

SOKOLOVÁ, OLOŠTIAK, IVANOVÁ 2007: *M. Sokolová, M. Ološtiak, M. Ivanová et al.* Slovník koreňových morfém slovenčiny. 2., preprac. a rozšír. vyd. – Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove.

SOKOLOVÁ, OLOŠTIAK, IVANOVÁ 2012: *M. Sokolová, M. Ološtiak, M. Ivanová et al.* Slovník koreňových morfém slovenčiny. 3., preprac. a rozšír. vyd. – Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity v Prešove.

ŠIMANDL 2016: *J. Šimandl*. Slovník afixů užívaných v češtině. – Praha: Academia.

VUŽŇÁKOVÁ 2005: *K. Vužňáková*. Doterajšie prístupy k lexikografickému spracovaniu slovotvorby // Slovenská reč. – Č. 3. – S. 159–173.

VUŽŇÁKOVÁ 2006: *K. Vužňáková*. Problémy lexikografického zachytenia slovotvorného slovníka slovenčiny. – Prešov: Prešovská univerzita v Prešove. [online] Dostupné na www: <http://www.pulib.sk/elpub/PF/Vuznakova1/index.htm.>

VUŽŇÁKOVÁ 2015: *K. Vužňáková*. *Lexikografické aspekty slovotvornej motivácie*. // Kvalitatívne a kvantitatívne aspekty tvorenia slov v slovenčine. – Prešov: FF PU v Prešove. – S. 909–963.

Ван Вэньцзюань (王文娟)
Китайская академия общественных наук, Китай
amaliarussia@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СЛОВАРЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА (В СОПОСТАВЛЕНИИ СО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ СЛОВАРЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматриваются проблемы сопоставительного анализа составления словообразовательных словарей китайского и русского языков. Анализируются четыре словообразовательных китайских и русских словаря с точки зрения их лексических особенностей, структуры, морфонологических средств словообразования, принципов построения словарей и их источниковой базы, способов подачи материала включая способы размещения слов в словарной статье и др.. Показано, что существуют определенные сходства и различия в способах построения словообразовательных словарей китайского и русского языков, что связано, главным образом с разноструктурностью языков, принадлежностью их к разным языковым группам. Кроме того, в китайском языке отмечаются сложности определения слова, проявляющиеся в отсутствии четкой границы между словом, словосочетанием и предложением. Акцентируется внимание на то, что в настоящее время в китайском языке составлен словообразовательный словарь наиболее употребительных иероглифов, однако актуальным остается составление полного словообразовательного словаря.

Ключевые слова: словообразовательный словарь, морфемы-иероглифы, производные единицы, принципы построения, словарная статья, структура производного слова, структура словаря.

The article deals with the comparative analysis of compiling word-formative dictionaries in Chinese and Russian languages. The author analyses four word-formative Chinese and Russian dictionaries from the point of view of their lexical peculiarities, structure, morphonological means of word-formative, principles of the dictionaries compiling and their source base, the ways of presenting material including the distribution of words in the dictionary entry. Certain differences and similarities of the dictionaries compiling are revealed which is connected mainly with the structural diversify of languages and their attachment to different language groups. Apart from that in the Chinese language there exist some difficulties of word definition which is revealed in the uncertainty of boundaries between the word, word-combination and sentence. It is focused that at present a word-formative dictionary of most commonly used hieroglyphs has been completed but the full version still remain actual and up-to-date.

Key words: word-formative dictionary, morphemes-hieroglyphs, derivatives, principles of compiling, dictionary entry, structure of the derivative, structure of the dictionary.

Для индоевропейских славянских языков слово является центральной единицей языковой системы, где словообразование играет важную роль для пополнения словарного состава языка. Поэтому, составление словообразовательных словарей имеет большое значение.

В китайском языке, который относится к изолирующему корневому типу языка, отмечаются сложности определения слова, и составление словообразовательных словарей значительно сложнее, чем у славянских языков.

Традиционной единицей исследования китайского языка является иероглиф, как фигурный графический знак. Особое внимание придается анализу его формы, произношения и значения. В древнекитайском языке иероглифы и слова отличались незначительно. В современном китайском языкознании возникли глубокие изменения в методологии, системе и структуре анализа лексической единицы, оказавшие сильное влияние на понимание сути словообразования. Этому во многом способствовала публикация в 1898 году монографии Ма Цзяньчжуна «Объяснение правил письменного языка господина Ма» («马氏文通»), которая считается началом нового подхода к исследованию системы китайского языка и пониманию словообразования.

В 1907 году китайский ученый Чжан Шичжао (章士钊) впервые предложил концепцию, согласно которой понятие «слово» отличается от понятия «иероглиф» [ЧЖАН ШИЧЖАО 1907: 8]. Однако до сих пор вопрос определения слова и его соотношения с иероглифом как формальной смысловой единицей в китайском языке окончательно не решен [ПАНЬ ВЭНЬГО и др. 2004: 499–504]. Однако очевидно стремление выделить слово в его двух функциональных аспектах: в соотношении со словосочетанием и с морфемой. В первом случае слово выступает как составное наименование, соотносящееся со словосочетанием. Кроме того, нам известно, что способом словообразования индоевропейских славянских языков является аффиксация, что позволяет легко выделить корневую и аффиксальную морфему, а для китайского яызка основным способом словообразования является словосложение, и корневая морфема соотносится с «корневыми словами» (根词), а не аффиксальными морфемами. «Корневое слово» (根词), это морфема, которая может выступать как самостоятельное слово, так и словообразовательная единица. «В связи с этим, в индоевропейских славянских языках отношение между корнем и аффиксами является выделительным, а для китайского языка корневая морфема является подкатегорией «корневого слова», которая постепенно формируется с определенной степенью адгезии, т.е. не может использоваться самостоятельно. Соответственно отношение между корневыми морфемами и корневыми словами является инклюзивным» [ШЭНЬ ЦЗЯСЮАНЬ 2017: 135].

В китайском языке лексико-грамматические единицы, такие как слова, словосочетания, предложения и др., не имеют четкой границы. В связи с этим, известный китайский лингвист Люй Шусян (吕叔湘) (1963) перенес закон ритма со слов на словосочетания и даже предложения. Китайский лингвист Фэн Шэнли (冯胜利) также изучал китайское

словообразование с точки зрения ритма и принял ритм за основу исследования китайского словообразования [ПАНЬ ВЭНЬГО и др 2004: 505–510]. В 80-тых годах 20-го века, ученые подчеркивали структурную последовательность китайских слов, словосочетаний и предложений. Таким образом, слово представляет собой своего рода миниатюрную копию словосочетаний и даже предложений, именно поэтому слово как основной носитель семантики постепенно занимает центральное место в изучении китайского языка. С признанием важности слов, в китайском языкознании стали обращать внимание на словообразование, что привело к необходимости создания словообразовательных словарей.

«Словообразовательный словарь широкоупотребительных иероглифов» («常用构词字典») (первое издание 1982 г., исправленное издание 2014 г.) это первый китайский словообразовательный словарь, который является справочником по употреблению слов, словосочетаний, фразеологизмов и идиоматических выражений, состоящих из наиболее частотных иероглифов. Он предназначен для школьников, используется в качестве справочника по построению предложений и предоставляет языковой материал для изучения номинативного (в том числе словообразовательного) потенциала соответствующих китайских иероглифов.

Авторы словаря рассматривают иероглиф и как минимальную единицу языка (морфему), и как единицу словообразования. Морфемы-иероглифы используются для образования большого количества слов и словосочетаний, включающих в себя данные морфемы. Это позволяет читателям лучше понять специфику китайских словообразовательных морфем (иероглифов) и одновременно способствует расширению их словарного запаса. В работе «Количественные исследования китайских морфем» (《汉语语素的定量研究》) китайского языковеда Ин Биньюн (尹斌庸) читаем: «среди 4 213 наиболее частотных иероглифов один иероглиф представляет собой одну морфему, что составляет 87.5 % случаев. Случаи, когда один иероглиф представляет собой несколько морфем (омонимы с разными значениями) составляют соответственно 12.5%» [ИН БИНЬЮН 1984: 345–346]. В связи с этим, возможность рассматривать один иероглиф (морфему) как словообразовательную единицу получает свое научное обоснование. В китайском словообразовании расположение морфемы (иероглифа) очень свободное, одна и та же морфема может находиться в начале, в средине и в конце слова. В этом заключается отличие от русского языка, где каждая морфема имеет фиксированное место в структуре языка, например, префиксы в предкорневой позиции (*при-ехать, не-друг* и др.).

В лексикографической практике, в частности, при построении «Словообразовательного словаря широкоупотребительных иероглифов» («常用构词字典») приводится не только иероглиф, но также дается его фонетическая транскрипция, толкование значения, перечисляются слова,

словосочетания, фразеологизмы и идиоматические выражения, в которых этот иероглиф находится в первой, второй, третьей и четвертой позиции. Все морфемы-иероглифы расположены в алфавитном порядке, а в начале словаря размещается иероглифический индекс с расположением знаков по ключевой системе,определяющей поиск иероглифов в словаре. Что касается структуры этих производных единиц (слов, словосочетаний, фразеологизмов и идиоматических выражений), они расположены с учетом места заглавной морфемы-иероглифа по порядковому числительному (от одного до четырех), где этот иероглиф находится в первой, второй, третьей и четвертой позиции. В каждой группе перечисляются производные единицы, сначала по количеству составных компонентов, т.е. двусложные единицы, потом трехсложные и четырехсложные единицы. Между двусложными, трехсложными и четырехсложными единицами по алфавиту перечисляются все единицы, а если их транскрипции совпадают, то еще и по количеству черт китайских иероглифов.

Приведем пример: *按* [àn] ① ‘нажать, приживать (рукой)’; ② ‘сдерживать’; ③‘приостановить, задержать’; ④‘согласно, в соответствии’; ⑤‘справка (или комментарий, примечание) составителя’; ⑥‘проверять, аттестовать’. ㊀ *按*键 *按*揭 *按*理 *按*脉 *按*摩 *按*捺 *按*钮 *按*期 *按*时 *按*说 *按*数 *按*压 *按*语 *按*照 *按*兵不动 *按*部就班 *按*劳分配 *按*图索骥 *按*需分配；㊁覆*按* 巡*按*;㊂编者*按* [傅兴岭 (Фу Синлин), 陈章焕(Чэнь Чжанхуань), 2014, с. 4].

Хотя вопрос определения слова и его соотношения с иероглифами как формальной смысловой единицей в китайском языке окончательно не решен, понятие «слово» также вводится при составлении словарей. Поэтому в правилах пользования двумя китайскими авторитетными словарями: «Словарь современного китайского языка» («现代汉语词典») и «Нормативный словарь современного китайского языка» («现代汉语规范词典») у двусложных и многосложных слов указываются их части речи для каждого значения, а для фразеологизмов, идиологических и других устойчивых выражений не указываются их части речи [ЛИ СИНЦЗЯНЬ, 2014: 24; ССКЯ 2015: 5]. Но нужно отметить, что составители указанных двух словарей пришли к подобному способу оформления словарной статьи на основе многолетних результатов изучения системы современного китайского языка. В связи с этим, на основании материалов этих двух словарей мы проанализировали производные единицы подобного рода (всего 22 единицы). Среди них:

1) двусложные слова (всего 13): *按*键 [ànjiàn] сущ. ‘кнопка, клавиша’; *按*揭 [ànjiē] гл. ‘закладывать, купить в кредит’; *按*理 [ànlǐ] нар. ‘логически; по логике вещей; как правило’ ; *按*脉 [ànmài] гл. ‘щупать пульс’; *按*摩 [ànmó] гл. ‘делать массаж’; *按*捺 [ànnà] гл. ‘сдерживать’; *按*钮 [ànniǔ] сущ. ‘кнопка, клавиша, нажимная кнопка’; *按*期 [ànqī] нар. ‘в срок, по графику’ ; *按*时 [ànshí] нар. ‘во время’ ; *按*说 [ànshuō] нар. ‘по правде

говоря; по идее, вообще-то’ ; 按玉 [ànyā] гл. ①‘нажать, приживать (рукой)’; ② ‘сдерживать (эмоцию, чувство)’; 按语 [ànyǔ] сущ. ‘примечание, комментарий’; 按照 [ànzhào] предлог ‘согласно, по, в соответствии с’;

2) трехсложные слова (всего 1): 编者按 [biānzhě’àn] сущ. ‘примечание составителя (редактора)’

3) устойчивые выражения (всего 5): 按兵不动 [ànbīng-bùdòng] ‘приостановить действия, заняв выжидательную позицию’; 按部就班 [ànbù-jiùbān] ‘действовать в установленном порядке’; 按劳分配 [ànláo fēnpèi] ‘распределение (распределять) по труду; каждому по его труду’ ; 按图索骥 [àntú-suǒjì] ‘досл. приобретать хорошую лошадь по рисунку, искать нужное по имеющемуся образцу’; 按需分配 [ànxū fēnpèi] ‘распределение (распределять) по потребностям; каждому по потребностям’.

Кроме отмеченных в данных словарях встречаются и другие единицы подобного рода (всего 3):

按蚊 [ànwén] ‘малярийный комар’ [ЖУАНЬ ЧЖИФУ, ГО ЧЖУНСИНЬ 2009а];

覆按 [fùàn] ‘пересмотреть, вновь исследовать’ [ЧЖУ ЦИВЭЙ 1990: 307];

巡按 [xún’àn] ① ‘инспектировать, ревизовать’; ② сокр. назв. ‘гражданский губернатор провинции’ [ЖУАНЬ ЧЖИФУ, ГО ЧЖУНСИНЬ 2009б].

Таким образом, производными единицами в китайском языке могут быть слова и словосочетания. Эта точка зрения имеет своих сторонников. Китайский языковед Цао Бохань (曹伯韩) относит к числу производных единиц фразеологизмы типа铜墙铁壁 [tóngqiáng-tiěbì] ‘медные стены, железные валы (*обр. в знач.: неприступная крепость: непреодолимая преграда*)’, сокращённые названия и др. [ЦАО БОХАНЬ 1952: 19–20].

Что касается словообразовательных словарей русского языка, то прежде всего следует упомянуть двухтомный «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова. В нем проведена четкая граница между непроизводными и производными словами, выявлена и наглядно представлена словообразовательная структура каждого производного слова. Однако этот словарь не включает устойчивых сочетаний типа *стреляный воробей, кот наплакал, ахиллесова пята* и др. Приведем исходное слово – имя существительное *ветер* как пример, см.:

Ветер

ветер-**ок**
ветр-**ищ**-е
ветр-**ов**-ой
без-ветр-**енн**-ый
без-ветр-**ij**-е
за-ветр-**енн**-ый
за-ветр-**ij**-е
на-ветр-**енн**-ый

над-ветр-**енн**-ый
вы-ветр-**и**-ть
об-ветр-**и**-ть
про-ветр-**и**-ть
раз-ветр-**и**-ть-ся [ТИХОНОВ 1985: 150].

Принятый в словаре порядок размещения производных слов исходит из ступенчатого характера русского словообразования. Особенность его заключается в том, что в процессе словообразования аффиксы присоединяются к непроизводной основе-корню в строгой последовательности. Поэтому расположение слов в этом словаре учитывает смысловую близость аффиксов к исходному слову, подчеркивает их лексико-грамматические и словообразовательные отношения. Приведенное исходное слово *ветер* на I ступени размещено в такой последовательности: 1) его формы оценки: уменьш-ласк. *ветер-**ок***; увелич. *ветр-**ищ**-е*; 2) имена прилагательные: *ветр-**ов**-ой*; 3) префиксальные и префиксально-суффиксальные именные образования (в алфавитном порядке): **без**-ветр-**енн**-ый, **без**-ветр-**ij**-е, **за**-ветр-**енн**-ый, **за**-ветр-**ij**-е, **на**-ветр-**енн**-ый, **над**-ветр-**енн**-ый; 4) глаголы: **вы**-ветр-**и**-ть, **об**-ветр-**и**-ть, **про**-ветр-**и**-ть, **раз**-ветр-**и**-ть-ся.

Словарь А.Н. Тихонова отличается и по способу систематизации материала, размещения слов в пространстве гнезда, представления в словаре словообразовательной структуры слова. В словаре описаны также словообразовательные возможности цепочек, парадигм, гнезд. В производном слове выделены словообразующие средства: аффиксы, ударение, чередование звуков и т.п.. В то же время морфонологические средства словообразования не рассматриваются в вышеупомянутом китайском словаре. В отличие от словаря А.Н. Тихонова, в котором производные слова расположены по гнездовому принципу, в словообразовательном словаре китайского языка производные единицы (слова, словосочетания, фразеологические обороты и идиоматические выражения) расположены с учетом места заглавной морфемы.

Поскольку китайский язык относится к изолирующему, корневому типу языка, в традиционных исследованиях китайского языка большое внимание уделялось общему пониманию значения слов, что отличает его от русского языка, имеющего флективный строй. В первом словообразовательном словаре китайского языка представлены слова, словосочетания, фразеологические обороты, идиоматические выражения, что сильно отличает его от «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова.

«Словообразовательный словарь широкоупотребительных иероглифов» составлен по принципу выбора иероглифов по их словообразовательной продуктивности на основе книги «Современные обязательно читаемые китайские иероглифы» («现代必读汉字»),

опубликованной Институтом языка и иероглифов Китайского университета Жэньминь в 1964 году, со ссылкой на дополнительные источники, такие как «Дополнение к таблице употребительных иероглифов» («增订常用字表») и «Таблица частотных китайских иероглифов» («汉字频度表»), представленные Комитетом по реформе китайских иероглифов и др. Однако эти морфемы-иероглифы в словаре расположены в алфавитном порядке в соответствии с латинским алфавитом. В словаре переработанного издания 2014 г. собрано 4457 наиболее частотных иероглифов, с помощью которых образовано около 100 000 слов и словосочетаний, фразеологизмов и идиоматических выражений. Среди них имеется 138 иероглифов, каждый из которых может образовывать более 100 слов и устойчивых словосочетаний (всего приводится более 20 000 слов и устойчивых словосочетаний и др.). Словник словообразовательного словаря А.Н. Тихонова в целом опирается на словники толковых словарей русского языка, однако не совпадает с ними полностью. В словаре представлено 126 690 производных слов, которые размещены в 12 621 гнезде, а также 4 969 одиночных слов. В общей сложности 145 526 слов [ТИХОНОВ 1985: 10].

«Словообразовательный словарь широкоупотребительных иероглифов» не является толковым словарем в традиционном понимании. В нем дается только толкование морфем, по этому признаку он в большей степени соотносится со «Словарем словообразовательных аффиксов современного русского языка» В.В. Лопатина и И.С. Улуханова. Словарные статьи в этом словаре содержат сведения о значениях словообразовательных морфем, способах словообразования и частях речи производных слов, в которых эти морфемы выступают, степень продуктивности этих морфем, морфонологические преобразования основ мотивирующих слов (усечение и наращение, чередование, совмещение морфем, изменение или сохранение ударения).

Значение слов в китайском языке имеет определенную связь со значением составляющих его иероглифов. По мнению китайского языковеда Ван Ли (王力), чтобы понять значение составного наименования, необходимо разделить его на компоненты (обычно два иероглифа) и объяснить их по отдельности, а затем дать общее толкование, тогда можно понять значение слова полностью [ЧЖОУ ШИЦИ 1986: 1]. В связи с этим, нужно упомянуть другой китайский словарь – «Практический словарь толкования морфем-иероглифов и словообразовательных моделей» (《实用解字组词词典》) (1986), который также уделяет внимание связи значения между морфемами - иероглифами и словами. В словаре представлено около 7000 наиболее продуктивных и частотных иероглифов, с их помощью образовано около 80 000 слов и устойчивых словосочетаний и др. Словарная статья имеет свою отличительную структуру: приводится иероглиф, потом дается значение иероглифа, затем после каждого

значения этого иероглифа перечисляются слова, словосочетания, фразеологические обороты и идиоматические выражения, в которых иероглиф сохраняет то же самое значение.

Приведем примеры: 岸①‘берег’ :~ 标| 江~| 河~ | 海~ | 堤~ | 口~ | 涯~ | 对~ | 此~ | 彼~ | 沿~ | 拢~ | 靠~ | 登~ | 起~ | 隔~观火| 回头是~。② ‘высокий, заметный’ :伟~ |傲~ |魁~ |道貌~然。[Чжоу Шици (周士琦), 1986, с. 3-4]. После первого значения ‘берег’ перечисляются 17 единиц, которые мы проанализируем с помощью вышеупомянутых двух китайских авторитетных словарей. Среди них:

1) двусложные слова (всего 13): *岸*标[ànbiāo] сущ. ‘береговой бакен (указатель)’; 河*岸*[héàn] сущ. ‘берег реки, речной берег’; 海*岸*[hǎi’àn] сущ. ‘берег моря, морской берег’; 堤*岸*[dī’àn] сущ. ‘платина’ ; 口*岸*[kǒu’àn] сущ. ① ‘порт’; ② ‘пограничный пропускной пункт’ ;对岸 [duì’àn] сущ. ‘противоположный берег’; 此*岸*[duì’àn] сущ. ‘*будд.* «этот берег», настоящая временная жизнь, мир перерождений, посюсторонний мир’; 彼*岸* [duì’àn] сущ. ①‘тот берег, другой берег’; ②‘*будд.* потусторонняя жизнь’; ③‘тот свет’; 沿*岸* [yán’àn] ‘побережье’; 拢*岸* [lǒngàn] гл. ‘пристать к берегу, причалить’; 靠*岸* [kàoàn] гл. ‘приставать (причаливать) к берегу’; 登*岸* [kàoàn] гл. ‘высаживаться на берег, сходить на берег’; 起*岸* [lǒngàn] гл. ‘выгружать на берег; разгрузка (*товара с корабля*)’;

2) устойчивые словосочетания (всего 2):

隔*岸*观火 [gé àn-guān huǒ] ‘досл. созерцать огонь с противоположного берега, *обр. в знач.:* относиться безразлично к бедствиям других’ ;

回头是*岸*[huí tóu-shì àn] ‘*будд.* оглянешься – а там берег (*обр. в знач.:* спасение приходит к тому, кто раскаялся)’;

Кроме зафиксированных в вышеупомянутых двух словарях имеются такие единицы такого рода (всего 2): 江*岸*[jiāng’àn] ‘берег реки’**;** 涯*岸*[yáàn] ‘берег; край; граница, предел’**;**

После второго значения ‘высокий, заметный’ представлены 4 единицы, среди них:

1) двусложные слова (всего 3): 伟*岸* [wěi`àn] прил. ①‘рослый, атлетический (о телосложении)’; ②‘с хорошими манерами’ ;傲*岸* [àoàn] прил. ‘книж. гордый’**;** 魁岸[kuíàn] прил. ‘книж. крупный, видный’;

2) устойчивые словосочетания (всего 1): 道貌*岸*然 [dàomào-ànrán] ‘верх добродетели’.

Аналогичная струкутура наблюдается в «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» В.В. Лопатина и И.С. Улуханова. В этом словаре отражается вся мотивированная лексика современного русского литературного языка в том ее объеме, в каком она зафиксирована в современных толковых словарях, включая 17-томный словарь и готовящийся к изданию «Большой академический словарь русского языка». Используются неологизмы и окказионализмы, зафиксированные в словарях серий «Новые слова и

значения» и «Новое в русской лексике». Вместе с тем в словаре представлено много слов, лексикографически еще нигде не зафиксированных; их источник – собственная картотека авторов, отражающая разнообразные материалы современного словоупотребления по данным газет, журналов, художественной литературы, устной речи и другим источникам, включая не только окказионализмы, но и, например, специальную и диалектную лексику, достаточно широко отраженную в современной прессе и художественной литературе [ЛОПАТИН, УЛУХАНОВ 2016: 7].

Сравн.:

СРЕДИ-

ПРИЛ.

ЗМ: нахождение между чем-л., в середине чего-л.

прл < сщ

Сп.: преф.-суф.

Суф. **-н(ый)**1(п. 1.2.31).

ЗТ: находящийся между тем, окруженный тем, имеющий место в середине того, что названо мотивирующим сщ.

Земля > среди-зем-н-ый (в географическом названии Средиземное море). Прод.

Окказ.: день > среди-дн-евн-ый: ...в самую жару средидневную (И. Бунин); сезон > среди-сезон-н-ый: средисезонные дебюты футболистов (газ.).

■ **среди-,[**с1р’ед’и] [ЛОПАТИН, УЛУХАНОВ, 2016: 226].

Каждая статья данного словаря состоит из трех частей: вводной, семантико-словообразовательной и морфонологической.

Вводная часть этой статьи в начале содержит заглавный морф *среди-*. После перечня морфов приводится грамматическая информация с указанием на часть речи *ПРИЛ.*

Семантико-словообразовательная часть характеризует словообразовательные типы и подтипы с данным аффиксом в аспектах их семантики и продуктивности. Разные параметры характеристики префикса *среди-* приводятся в определенной последовательности и нумеруются по следующей системе: За пометкой ЗМ: значение морфемы *среди-*; Потом указываются часть речи мотивирующего слова *прл < сщ* и способ словообразования (*Сп.*): *преф.-суф.*; За пометкой ЗТ: значение словообразовательного типа; В дальнейшем приводится пример мотивированных слов *средиземный* в паре с их мотивирующим словом *земля* и с толкованием в скобках их лексического значения через значение мотивирующего слова. Мотивированное слово приводится с членением его на мотивирующую часть и формант, компоненты форманта отделяются от мотивирующей части дефисами, см. *среди-зем-н-ый*. После его значения представленный тип продуктивный: Помета *Прод*. Продуктивность типа иллюстрируется новообразованиями –

окказионализмами, приводимыми соответственно за пометами *Окказ.* Слова, не зафиксированные еще в других словарях приводятся с указанием на их источник, часто в контекстах: См. *среди-дн-евн-ый* и *среди-сезон-н-ый*.

Морфонологическая часть каждой словарной статьи этого словаря начинается за знаком ■ и набирается более мелким шрифтом. Вводный абзац открывается орфографической разновидностью морфа ***среди-,*** выделенной жирным шрифтом, а затем – знаками фонологической транскрипции в квадратных скобках – фонемная структура этого морфа.

Проведенный анализ показал, что существуют определенные сходства и различия в способах построения словообразовательных словарей китайского и русского языков.

Во-первых, разноструктурность языков, принадлежность их к разным языковым группам в значительной степени предопределила особенности развития словообразовательной лексикографии. Это отчетливо проявляется на начальной стадии составления словарей, где китайская традиция основывалась на дихотомии «иероглиф – слово». В русском языке учитывалась морфемная структура слова, лежащая в основе словообразовательных моделей.

В дальнейшем лексикографическая база словаря углублялась за счет включения в систему словообразования фразеологических оборотов, идиоматических выражений и т.п., в которых иероглиф может находиться в первой, второй, третьей и четвертой позиции. Практикуется расположение нескольких десятков или даже сотен слов и устойчивых выражений под одним иероглифом, что позволяет сразу увидеть его словесную группу и помогает читателям расширить свой словарный запас и лингвистический кругозор. Такой словарь открывает большие перспективы для китайской лексикографии по сравнению с традиционно используемыми словарями.

Во-вторых, принципиальное отличие в построении словообразовательных словарей китайского и русского языков заключается в разной лексической базе словарей, способах подачи материала, их структуре, выявленных морфонологических средствах словообразования и др. Это обусловлено несколькими причинами, главными среди которых следует считать:

- китайский язык относится к изолирующему, корневому типу языка. В традиционных исследованиях китайского языка большое внимание уделялось общему пониманию значения слов, что отличает его от русского языка, относящегося к языкам с флективным строем.

- в китайском языке отмечаются сложности определения слова, тем более что лексико-грамматические единицы, такие как слова, словосочетания и предложения не имеют четкой границы.

В связи с этим, в китайском языке в настоящее время составлен словообразовательный словарь наиболее употребительных иероглифов,

однако актуальным остается составление полного словообразовательного словаря.

Кроме этого, сходство и различие в построении словообразовательных словарей китайского и русского языков отражают сходство и различие глубинных ментальных характеристик языкового сознания носителей этих языков. Это имеет глубокие культурные и исторические корни. Изучение словообразования в системе целостной языковой организации, в направлении от часного к целому, представляет богатый материал для изучения закономерностей развития каждого отдельного языка, а также общей закономерности организации человеческого языка.

Литература

ЛОПАТИН, УЛУХАНОВ 2016: *В.В. Лопатин, И.С. Улуханов*. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. – Москва: Азбуковник.

ТИХОНОВ 1985: *А.Н. Тихонов*. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. – Москва: Русский язык.

章士钊. 中等国文典[M]. 上海 : 商务印书馆, 1907. 302页.

ЧЖАН ШИЧЖАО 1907: *Чжан Шичжао*. Грамматика китайского языка. – Шанхай: Коммерческое издательство (Шанъу). – 302 с.

潘文国, 叶步青, 韩洋. 汉语的构词法研究 [M]. 上海 : 华东师范大学出版社, 2004. 543页.

ПАНЬ ВЭНЬГО и др. 2004: *Пань Вэньго, Е Буцин, Ханьян*. Исследование словообразования китайского языка. – Шанхай: Восточно-китайский педагогический университет. – 543 с.

沈家煊. 从语言看中西方的范畴观[J]. 中国社会科学, 2017(07):131-143, 207.

ШЭНЬ ЦЗЯСЮАНЬ 2017: *Шэнь Цзясюань*. Взгляд на китайскую и западную концепцию с точки зрения языков. – Пекин: Общественная наука в Китае, №7. - С. 131–143 , 207.

尹斌庸. 汉语语素的定量研究[J]. 中国语文, 1984, (5): 338–347.

ИН БИНЬЮН 1984: Ин Биньюн. Количественные исследования морфем. – Пекин: Китайская филология, № 5. – С. 338-347.

傅兴岭, 陈章焕. 常用构词字典. – 北京 : 中国人民大学出版社, 2014. – 599 с.

ФУ СИНЛИН, ЧЭНЬ ЧЖАНХУАНЬ 2014: *Фу Синлин, Чэнь Чжанхуань*. Словообразовательный словарь широкоупотребительных иероглифов. – Пекин: издательство китайского университета Жэньминь. – 599 с.

现代汉语规范词典 / 李行健主编. – 3版. – 北京 : 外语教学与研究出版社, 2014. 1803页.

ЛИ СИНЦЗЯНЬ: *Нормативный словарь современного китайского языка* / редкол.: Синцзянь Ли (гл. ред.) [и др.]. – 3-е изд. – Пекин: Обучение и исслед. иностр. яз. – 1803 с.

现代汉语词典 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编 – 6版 –北京 : 商务印书馆, 2015. 1789页.

ССКЯ 2015: *Словарь современного китайского языка* / Ин-т яз. Акад. обществ. наук Кит. Нар. Респ. – 6-е изд. – Пекин: Шану. – 1789 с.

阮智富, 郭志新.现代汉语大词典·上册.上海辞书出版社,2009. 853页

ЖУАНЬ ЧЖИФУ, ГО ЧЖУНСИНЬ 2009а: *Жуань Чжифу, Го Чжунсинь*. Большой словарь современного китайского языка, первая часть. – Шанхай: Шанх. изд-во лексикогр. лит. – 853 с.

阮智富,郭志新 编著.现代汉语大词典·下册.上海 : 上海辞书出版社,2009. 1712页

ЖУАНЬ ЧЖИФУ, ГО ЧЖУНСИНЬ 2009б: *Жуань Чжифу, Го Чжунсинь*. Большой словарь китайского языка, вторая часть. – Шанхай: Шанх. изд-во лексикогр. лит., – 1712 с.

诸奇伟. 简明古籍整理辞典. 哈尔滨 : 黑龙江人民出版社,1990. 429页

Чжу Цивэй 1990: *Чжу Цивэй*. Словарь систематизации (или организации) древних книг. – Харбинь: Хэйлунцзян. нар. изд-во. – 429 с.

曹伯韩. 语法初步. 北京 : 工人出版社, 1952. 52页.

ЦАО БОХАНЬ 1952: *Цао Бохань*. Введение в грамматику». – Пекин: Издательство рабочих. – 52 с.

周士琦. 实用解字组词词典.上海辞书出版社,1986年. 560页.

ЧЖОУ ШИЦИ 1986: *Чжоу Шици*. Практический словарь толкования морфем-иероглифов и словообразовательных моделей. – Шанхай: Шанх. изд-во лексикогр. лит. – 1712 с.

РАЗДЗЕЛ II

СЛОВАЎТВАРЭННЕ І ТЛУМАЧАЛЬНЫЯ СЛОЎНІКІ

Аврамова Цветанка
Софийски университет «Св. Климент Охридски», България, София
avramova.cv@slav.uni-sofia.bg

ЗА МЯСТОТО НА ПРОИЗВОДНИТЕ ДУМИ В ТЪЛКОВНИЯ РЕЧНИК (ВЪРХУ МАТЕРИАЛ ОТ БЪЛГАРСКИ, ЧЕШКИ И СЛОВАШКИ РЕЧНИЦИ)

Статията разглежда въпроса за мястото на производните думи в макро- и микроструктурата на тълковния речник. Прави се съпоставка на различни по обем тълковни речници на съвременния български, чешки и словашки език, като се обръща внимание на два основни проблема: 1) представянето като равнопоставени заглавки на обща речникова статия и с обща лексикографска дефиниция на някои думи с различно значение, и 2) гнездовото подреждане на определени типове производни думи с или без лексикографско описание. Защитава се становището, че в съответствие с главната задача на тълковния речник – описанието на лексикалното значение на включените в него лексикални единици, е необходимо *всяка производна единица със статут на лексема* да бъде представена като заглавка на отделна речникова статия със собствена лексикографска дефиниция (различна за отделните типове производни думи).

Ключови думи: тълковен речник, лексикографска дефиниция, гнездово подреждане, български език, чешки език, словашки език.

The paper deals with the question of the place of derivative words in the macro- and microstructure of the explanatory dictionary. Comparison of different explanatory dictionaries in modern Bulgarian, Czech and Slovak is made, paying attention to two main problems: 1) presentation of some words with different meanings as equal headings of a common dictionary article and as ones with a common lexicographic definition, and 2) the nesting ordering of certain types of derivative words with or without a lexicographic description. It is stated that in accordance with the main task of the explanatory dictionary – the description of the lexical meaning of the lexical units included therein, it is necessary that *each derivative unit with the status of a lexeme* is presented as the heading of a separate dictionary article with its own lexicographic definition (different for individual types of derivative words).

Key words: explanatory dictionary, lexicographic definition, nesting ordering, Bulgarian language, Czech language, Slovak language.

0.1. От всички типове лингвистични речници тълковният едноезичен речник отразява в най-голяма пълнота речниковото богатство на езика. Неговата *основна задача е да тълкува лексикалните единици*, включени в словника, т.е. да дефинира тяхното лексикално значение. За да бъде изпълнена тази задача успешно, е необходимо да бъдат отчитани спецификите на производната (мотивираната) и на непроизводната

(немотивираната) лексика и най-вече фактът, че в сравнение с немотивираната, мотивираната дума е знак с двойна референция – едновременно към действителността (обекта, признака, явлението) и към лексикалната единица или лексикалните единици, които я мотивират [КУБРЯКОВА 1981: 10]. «Простые слова – отбелязва Е. С. Кубрякова – референты только по отношению к миру действительности, производные обращены к миру действительности и к миру слов» [op. cit.]. Като знак за лексикална номинация всяка производна дума (по-нататък ПД) притежава собствено лексикално значение, но за разлика от лексикалното значение на непроизводната дума, в определена степен то е придобито, „унаследено“ от друга единица (други единици), т.е. от значението на мотивиращата единица (мотивиращите единици) [БАЛТОВА 1988: 121].

0.2. Отличителна черта на ПД е наличието у нея на особен тип значение, наречено словообразувателно (също структурно). Въпреки различните теоретични положения, от които изхождат отделните изследвания върху семантиката на ПД, в славистиката може да се приеме за утвърдено схващането, че формирането на словообразувателното, а оттам и на лексикалното значение на мутационните, модификационните и транспозиционните (синтактични) деривати се характеризира със свои специфики и това също трябва да бъде взето предвид при съставянето на тълкувателните (лексикографските) дефиниции на съответните деривати.

0.3. Настоящото изследване съпоставя лексикографското описание на производните думи в различни по обем тълковни речници на съвременния български, чешки и словашки език с цел да отговори на въпроса доколко адекватно е отразена в тях спецификата на производната единица като семантично мотивиран знак със статут на лексема. В едно ограничено по обем изследване не е възможно да бъдат разгледани всички аспекти на тази проблематика, затова ще се спрем преди всичко на въпроса за *мястото на ПД в макро- и микроструктурата на речника*.

1.0. Беглата съпоставка на академичните[1] едно- и многотомни тълковни речници на съвременния български, чешки и словашки език показват някои съществени различия в това отношение.

В българските тълковни речници е прието лексикалните единици да бъдат представяни самостоятелно (като отделни заглавни думи), подредени по азбучен ред (с малки изключения). Чешката и словашката традиция са изградени върху комбинирането на самостоятелното азбучно подреждане с подреждането на думите в словообразувателни гнезда (т. нар. чеш. hnízdování, слш. hniezdovanie).

1.1. Преобладаващата част от производните думи в българските тълковни речници са заглавни думи на отделни речникови статии. Изключенията се отнасят предимно до някои глаголи. «При тройка глаголи

[1] Имат се предвид изданията на съответните академии на науките.

от един и същ корен и с еднакво значение, от които единият е траен, вторият е многократен и третият еднократен, пълно тълкуване се дава на трайния глагол, а другите два се тълкуват чрез него, напр.:

бутам ... (тълкуване).

бутвам, -аш, *несв.*; **бутна** ... *св.* **1.** Бутам веднаж или няколко пъти по веднаж. **2** (....)

бутна. Вж. б у т в а м» [РСБКЕ, т. I, VII].

В увода към *Речник на българския език* [РБЕ][1] се посочва, че като *подзаглавни думи към съответните деятелни глаголи* се разработват някои производни непреходни глаголи, оформени с «елементи» *се* или *си* и глаголи, оформени с *ме, ми, ми се*, които съществуват паралелно с деятелни лични глаголи и са близки на тях по семантичната си структура. Например: *безпокоя се* е включен като подзаглавка в статията на *безпокоя*; *движа се* – на *движа*; *приплаква ми се, приплаче ми се* – на *приплаквам, приплача* [РБЕ, т. 1, 1977 (1-во изд.), 23–24]. Отделни заглавки са също така всички продуктивни представки, първи и втори части на сложни думи [РБЕ, т. 1, 2001 (2-ро изд.), 21]. Същият принцип е приложен и в еднотомния *Български тълковен речник* [БТР, 1-во изд. 1955, 2-ро 1963, 3-то 1976, 4-то изд., доп. и прераб. от Д. Попов, 1994], както и в РСБКЕ.

В българските тълковни речници глаголите от св. в., които образуват двойки с глаголи от несв. в., не се тълкуват самостоятелно. Дават се на съответното азбучно място като самостоятелни заглавки, но с препратка към глаголите от несв. вид, напр. **ВЪРНА**. Вж. в р ъ щ а м. [РБЕ; по същия начин: БТР 1976, БТР 1994].

1.2. В еднотомния речник принципът на самостоятелно представяне на включените в словника лексикални единици е нарушен. По правило в него женсколичните съществителни nomina feminativa се посочват и тълкуват заедно с еднокоренните съществителни от мъжки род[2]. «Двойки съществителни, които означават мъж и жена с еднаква професия, занятие или прояви, се посочват и тълкуват заедно, напр. **учител** *м.* и **учителка** *ж.*; **настойник** *м.* и **настойница** *ж.*; **ревльо** *м.* и **ревла** *ж.*» [БТР 1994: 9]. Срв.:

учител *м.* и **учителка** *ж.* **1.** Просветен работник, който учи, обучава ученици; преподавател (…) **2.** Човек, който учи някого (…) [БТР 1994].

1.2.1. По подобен начин – в обща речникова статия с мъжкородовите съществителни, но в скоби, са представени феминативните съществителни и в многотомния тълковен речник на чешкия език *Slovník spisovného jazyka českého* [SSJČ], срв.:

dělník, -a m. … (**dělnice**, -e ž.) **1.** *člověk fyzicky pracující ve výrobě* (…). **2.** *pracovník vůbec* (…)

---

[1] До момента са публикувани 15 тома от речника.

[2] Става дума за граматичен род.

1.2.2. От този начин на представяне читателят остава с впечатлението, че наред с мъжкородовите, заглавни думи са и женскородовите съществителни, което означава, че дефиницията на лексикалното значение се отнася за двете лексеми.

Представянето на мъжкородовите и женскородовите имена в обща речникова статия и лексикографска дефиниция води до погрешния извод, че тези имена изразяват едно и също значение, т.е. те са синонимни и взаимнозаменяеми в текста. Характеристиката *м.*, *ж.* след съответната лексема се отнася единствено до нейния граматичен род, но не и до семата ‘пол’ в нейното лексикално значение. От общата лексикографска дефиниция на мъжкородовите и женскородовите съществителни не става ясно, че мъжкородовото съществително има генерично значение, т.е. назовава лице без оглед на неговия пол; производно от него е по-тясното значение ‘лице от мъжки пол’ [по този въпрос вж. БАЛТОВА 2007]. Не става ясно също така от кое точно значение на мъжкородовото съществително е производно женскородовото, назоваващо (единствено!) лице от женски пол. Всичко това показва необходимостта от отделно лексикографско описание както на мъжкородовите, така и на женскородовите названия на лица (и на одушевени същества изобщо).

2.0. Както бе посочено, азбучното подреждане в чешките и словашките тълковни речници е комбинирано с гнездовото подреждане. Изключение в това отношение е първият тълковен речник на съвременния чешки език – *Příruční slovník jazyka českého* [PSJČ, т. 1–9, 1935–1957], в който гнездовият подход съзнателно е избегнат и това се смята за едно от предимствата на дескриптивното описание [NESČ 2012–2018]. Все пак гнездовият подход не е изключен напълно, използван е при притежателните прилагателни и възвратните глаголи.

2.1. Следващите хронологично речници *Slovník spisovného jazyka českého* [SSJČ, 1-во изд. 1960−1971 в 4 тома, 2-ро изд. 1989 в 8 тома] и *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost* [SSČ, 1-во изд. 1978; 2-ро доп. и прераб. изд. 1994, 3-то доп. и прераб. изд. 2003, 4-то изд. 2005] прилагат този подход в различна степен, като най-широко го използва еднотомният SSČ [по този въпрос вж. KAPITOLY 2016; АВРАМОВА 2018].

2.2. Подобно е положението и в тълковните речници на словашкия език *Slovník slovenského jazyka* [SSJ, т. I–VI, 1959–1968] и *Krátky slovník slovenského jazyka* [KSSJ, 1-во изд. 1978, 4-то 2003][1].

2.3. Без да си поставяме за цел подробното описание на всички случаи, най-общо ще посочим, че гнездовото подреждане се прилага обикновено при транспозиционните (по М. Докулил) или синтактични (по Курилович) деривати, напр. отглаголните съществителни (когато не са

[1] Вж. увода към съответните издания: [http://www.juls.savba.sk/ssj_peciar.html; http://slovnik.juls.savba.sk/kssj-uvod.pdf].

развили вторични значения) на **-ní/-tí//-nie/-tie**[1], деадективните наречия, деадективните nomina essendi на **-ost/-osť**, **-ita**, **-stvi/stvo**, модификационни деривати като женсколичните съществителтни nomina feminativa, деминутивите и аугментативите, които не са развили вторични значения, многократните (итеративните) глаголи, но също така и някои мутационни деривати (напр. прилагателните за индивидуална принадлежност и други типове относителни прилагателни).

Срв. напр.:

SSJ[2]:

bádateľ (…) *m.* vedec, učenec

bádateľka (…) *ž.*

bádateľský *príd.*: *b-á práca*

bádateľsky *prísl.*

KSSJ:

bádateľ (…) *m.* vedec, učenec

bádateľka (…) *ž.*

bádateľský *príd.*

bádateľsky *prísl.*

SSJ:

bača (…) *m.* hlavný (obyč. najstarší) pastier, gazda na salaši

bačovský *príd.*: *b-é piesne*;

bačovstvo, -a *str.* zamestnanie baču

KSSJ:

bača (…) *m.* hlav. pastier oviec, gazda na salaši

bačovka (…) *ž.* **1.** *k* bača. **2.** *hovor.* bačova žena

bačovský *príd.*: *b-á koliba*

bačovstvo -a *s.* zamestnanie baču

SSJ:

letec (…) *m.* kto vedie, riadi lietadlo, pilot

letkyňa (…) *ž.*

letecký *príd.* **1.** týkajúci sa letca (…) **2.** súvisiaci s letectvom (…)

letecky *prísl.*

letectvo, -a *str.* **1.** teória a prax lietania vo vzduchu, aviatika. **2.** (...)

KSSJ:

letec (…) *m.* kto vedie lietadlo, pilot (...)

letkyňa (…) *ž.*

letecký *príd.*: *l-á uniforma* (…)

letecky *prísl.*

letectvo -a *s.* **1.** teória a prax lietania (lietadlami). **2.** (…)

---

[1] Доколкото те изобщо са включени в словника.

[2] Навсякъде в изследването примерите се цитират от електронните издания [SSJ, KSSJ 2003, SSJČ].

Както се вижда, думите, включени в словообразувателно гнездо, или не се тълкуват (посочва се само тяхната граматична характеристика (евентуално употреба), срв. при *bádateľka*, *bádateľský*, *bádateľsky* в SSJ, *bačovský* в SSJ и KSSJ, *bačovka* в KSSJ[1], *letkyňa*, *letecky* [SSJ, KSSJ] и др., или се тълкуват (обикновено това са мутационни деривати), срв. напр. дефиницията на *letectvo* в KSSJ, за разлика от по-стария SSJ, където съществителното *letectvo* не се тълкува, или дефиницията на . *letecký* в SSJ, за разлика от KSSJ.

Подобна е ситуацията и в чешките тълковни речници. Като цяло може да се каже, че еднотомният SSČ използва гнездовото подреждане в много по-голяма степен в сравнение с многотомния SSJČ [по този въпрос вж. KAPITOLY 2016; АВРАМОВА 2018].

Академичните тълковни речници на българския език не прилагат гнездовия подход.

2.4. Какви са предимствата и недостатъците на този подход?

Като предимство обикновено се изтъква екстралингвистичният аргумент пестене на място, особено когато става въпрос за еднотомен речник. Лингвистичното основание според изследователите е, че гнездовият принцип дава възможност да се покажат словообразувателните отношения между думите.

Гнездовото подреждане се използва в специализираните словообразувателни речници. Може би липсата на такъв речник за чешкия език (въпреки традициите на чешката словообразувателна школа) е причина за широкото приложение на гнездовия принцип в чешката лексикография.

2.5. Гнездовото подреждане се прилага не само при дериватите, но и при композитумите, съдържащи обща част. В еднотомния SSČ в заглавната дума се отделя т. нар. гнездови шев, а производните деривати в някои случаи се представят в съкратен вид (изписва се само формантът), срв. напр.: **real|izmus, -ismus** [-z-]…; **-ist|a**… stoupenec realizmu; **-k|a**…ž.; **realistick|ý** příd.; **-y** přísl. [SSČ 2005: 7].

При сложните думи в отделна заглавка се изписва само първата част на сложната дума, а останалите производни се разполагат в речниковата статия (гнездото) на заглавката, като се спазва определена йерархия: вторите части на сложните думи се изброяват след знак ~ (тилда), а подчинените, т.е. производните от тях деривати – със знак - (дефис) [SSČ 2005: 7].

Например:

staro~ *v slož. 1. část s význ. starý*: **~byl|ý**…; **-e** přísl.; **-ost**… ž.; **~česk|ý** příd…; **-y** přísl….; **~čeština**…; **~dávn|ý**…; **-ě** přísl…; **-ost**…; **~hory**…; **~katolický**…; **~milec**…; **~mládenectví**…; **~módn|í**…; **-ost**…; **~nový**…;

[1] В SSJ думата отсъства.

~panensk|ý…; **-y**…; **~pramen**…; **~pražský**…; **~řecký**…; **~římský**…; **~slavný**…; **~slovansk|ý**…; **-y**…; **~slověn|ština**…; **-ský..**; **~světsk|ý**…; **-y**…; **~usedl|ík**…; **-ice**…; **~usedlý**…; **~věk**…; **-ý**…; **~zákonní**…; **~žitnický**…; **~žitnictví**, **~žitník**…; **~žitn|ý**…; **-ost**…

2.5.1. Този начин на представяне обаче понякога води до групиране на лексеми с еднаква част в обща речникова статия, без да се отразява адекватно тяхната словообразувателна структура. Така например, от гнездото на компонент **staro~** оставаме с впечатлението, че производните думи *starožitnický*, *starožitnictví*, *starožitník* (които от гледна точка на техния морфемен строеж са сложни) имат словообразувателна структура: *staro-žitnický*, *staro-žitnictví*, *staro-žitník*. Това деление обаче не отговаря нито на техния морфемен строеж (срв. напр. морфемната структура на *starožitnický*: *star-o-žit-n-ic-k-ý*), нито на словообразувателната им структура (в чешкия език не са регистрирани думи **žitnický, *žitnictví, *žitník*)[1].

За разлика от SSČ, големите тълковни речници на ЧЕ (и най-вече PSJČ) разкриват по-точно словообразувателните връзки между посочените думи. Срв.:

starožitník (…) 1. obchodník se starožitnostmi; antikvář (…) *2. milovník, sběratel starožitností (…) †3. archeolog (...); **starožitnický** příd. k 1, 3 (…); → přísl. **starožitnicky** (…); **starožitnictví**, -í s. 1. obchod se starožitnostmi *2. sběratelství (…) †3. archeologie (…) **starožitnost**, -i ž. 1. poněk. zast. vlastnost toho, co je starožitné; starobylost 1 (…) 2. starožitný předmět; antikvita (…) †3. minulost 1, dávnověk (…); **starožitný** příd. 1. poněk. zast. starobylý 1, starodávný (…) +2 starý 2 (…); → přísl. **starožitně** poněk. zast. (...); → podst. **starožitnost** v. t. [SSJČ].

starožitník, -a m. obchodník se starožitnostmi. (…) D milovník, sběratel starožitností. (…) Zast. archeolog.

starožitný adj. pocházející ze starých dob, jsoucí starého původu, starobylý.

starožitnický adj. k starožitník; starobylý, starožitný.

starožitnictví, -í n. obchod se starožitnostmi.

starožitnost, -i f. starobylý ráz, starobylost. [PSJČ].

Дефинициите на ЛЗ показват, че *starožitník* е мотивирано от *starožitnost*, а *starožitnický* от *starožitník*. Мотивационно съществителното *starožitnictví* и в двата речника е отнесено към *starožitnost* (срв. ‘obchod se starožitnostmi’), но то би могло да се свърже и със *starožitník* (‘povolání starožitníka; kdo pracuje jako starožitník’). Въз основа на горното следва, че

[1] По-адекватно е представянето на сложните думи с повтарящи се първи части в РБЕ и SSJČ, срв. напр.: **HOBO-**. Първа съставна част на сложни думи със значение…; **novo-** *první část složených slov spojující část druhou s významem slova nový*…

словообразователната структура на думите е *starožit-ník*, *starožitnic-ký*, *starožitnic-tví*, т.е. и трите лексеми са суфиксални деривати.

2.6. Всичко това показва нуждата от преосмисляне на гнездовото подреждане на думите в тълковния речник. Както бе посочено, то е характерно за деривационните речници, които имат формално-структурен характер и не представят значението на лексикалните единици. Съществуват и речници от смесен тип, съвместяващи традиционния тълковен речник с гнездовия словообразувателен речник [напр. ТССРЯ 2004], но те се отличават от традиционния тълковен речник по това че нямат за цел да посочат лексикалното значение в целия му обем [вж. по-подробно Аврамова 2008].

3.0. Необходимостта от преосмисляне на гнездовото подреждане в тълковния речник през последните години все повече се осъзнава от словашките и чешките лексикографи. Това личи от концепциите за изготвяне на новите многотомни академични речници на двата езика – *Slovník súčasného slovenského jazyka* [SSSJ 2006 A – G, 2011 H – L, 2015 M – N], изработван от сътрудници на Института за словашки език „Людовит Щур“ при Словашката академия на науките, достъпен и онлайн на страницата на института[1], и *Akademický slovník současné češtiny* [ASSČ], който се изготвя от сътрудници на Института за чешки език при Чешката академия на науките от 2012 г. насам и е достъпен онлайн на страницата на института[2]. До момента от него са изработени букви A, B. Предвижда се и публикуването му в книжен вариант.

В концепциите на двата авторски колектива е прокаран осъзнат стремеж към ограничаване на гнездовото подреждане на думите [VÝCHODISKÁ on-line: 31–32; KAPITOLY 2016: 24–25; BUZÁSSYOVÁ 2018: 148–154, 195–205 и др.]. Изтъква се, че това отговаря на най-новите теоретични положения, според които включваните в досегашните речници ЛЕ често имат по-богата семантична структура в сравнение с изходната лексема заглавка, както и различна стилистична принадлежност. Самостоятелното представяне на лексемите, от друга страна, според изследователите не позволява да се покажат експлицитно словообразувателните отношения [KAPITOLY 2016: 24].

3.1. Гнездовото подреждане остава при някои категории думи. Тези думи по правило не се тълкуват (с някои изключения); посочва се само тяхната граматична характеристика, функционален маркер и се илюстрира употребата им с примери. Това са:

3.1.1. Названията на лица жени nomina feminativa, ако не са развили нови значения в сравнение с изходните съществителни от м.р., напр.:

---

[1] В настоящото изследване се цитира електронното издание на речника [https://www.juls.savba.sk/pub_sssj.html].

[2] http://www.slovnikcestiny.cz/o_slovniku.php

badatel m. živ. kdo bádá (…) ►**badatelka** ž. přechyl. [KAPITOLY 2016, 95].

demokrat (…) m. **1.** ► prívrženec demokracie (…)

2. ►člen demokratickej strany (…)

▹ **demokratka** (…) ž.

darvinista (…) m. ► stúpenec darvinizmu (…) ▹ **darvinistka** (…) ž.

Този принцип обаче не се спазва последователно, срв. напр.:

feminista (…) m. ► stúpenec feminizmu (…)

feministka (…) ž. ► prívrženkyňa feminizmu (…) [SSSJ].

Когато женсколичното съществително се отнася само към едното от значенията на изходното мъжкородово съществително, това се посочва, напр.:

brigádník m. živ. **1.** pracovník, často student, zaměstnaný formou brigády 4 (pracovního poměru) **2.** účastník brigády 3 (dobrovolné práce)

►**brigádnice** (…) podstatné jméno rodu ženského

1. přechýl. k 1 (…)

2. přechýl. k 2 (…) [ASSČ].

Когато феминативното съществително е с по-богата семантика в сравнение с мотивиращото го мъжкородово име, то се представя в самостоятелна заглавка с тълкуване на значението, срв.:

bačovka[1] (…) ž. **1.** ► žena, ktorá vykonáva zamestnanie baču (…)

2. hovor. ▸ bačova žena (…) [SSSJ].

císařovna ž. **1.** přechýl. k císař I (panovník) **2.** manželka císaře I (panovníka) [KAPITOLY 2016, 190].

В края на статията на изходното мъжкородово съществително се прави препратка към феминативното съществително: (přechýl. → **císařovna** prechýlené ↗ **bačovka**[1].

В SSSJ производните названия на животни от ж.р. също са разположени в статията на мъжкородовото съществително, но с тълкуване:

bobor (…) m. **1.** ► veľký hlodavec s jemnou hnedou srsťou (…) **2.** hovor. ► kožušina z tohto zvieraťa (…)

▹ **bobrík**[1] (…) m. zdrob. ► k 1; **bobrica** (…) ž. ► samica bobra (…) [SSSJ].

3.1.2. Nomina deminutiva, ако не са развили нови значения или не са напълно лексикализирани, напр.:

bageta úzké podlouhlé pečivo ze slaného kynutého těsta

► **bagetka** zdrob.: *rozpečené bagetky* (…) [ASSČ].

bageta (…)► väčšie pečivo v podobe dlhého pretiahnutého valca (…) ▹ zdrob. ↗ **bagetka.**

dubák (…) m. **1.** ► bežné označenie vyhľadávanej jedlej huby (…) **2.** (…) hovor. expr. ► hlúpy, nešikovný al. naivný človek (…)

▹ **dubáčik** (…) m. zdrob. (…); **dubáčisko** (…) s., v sg. i m. zvel. k 1 (...) [SSSJ]; вж. също статията на *bobor* в т. 3.1.1.

3.1.3. Nomina augmentativa (при същите условия) в SSSJ (вж. т. 3.1.2., гнездото на *dubák*).

3.1.4. Итеративните глаголи в ASSČ (напр. *budívat* в статията на *budit*, *dělívat* на *dělit*) и SSSJ (напр. *mávať sa* в статията на *mať sa*), глаголите с елементи *se*, *si* в ASSČ, когато изпълняват само граматична функция (*umýt se*, *nenávidět se*, *koupit si* и под.)[1]; когато изпълняват функция на словообразувателен формант (самостоятелно или като негова съставна част), тогава те се представят самостоятелно (*hnát se* от *hnát*; *napracovat se* от *pracovat*, *zamyslet se* от *myslet* и др.) (вж. по-подробно KAPITOLY 2016: 119–123).

3.1.5. Жителските имена в SSSJ се представят в заглавката на съответното географско название, напр.:

Fínsko (…) s. ► štát v severnej Európe pri Botnickom zálive a Fínskom zálive Baltského mora, Fínska republika ▹ **Fín** (…) m.; **Fínka** (…) ž. Предвижда се същият принцип да бъде приложен и в ASSČ [KAPITOLY 2016, 26][2].

Изключение представят историческите названия на народности, които се тълкуват самостоятелно (както и историческите названия на територии):

Dák (…) m. hist. ► príslušník severnej vetvy indoeurópskeho kmeňa Trákov, ktorý sídlil približne na území dnešného juhozápadného Rumunska (…) ▹ **Dákyňa** (…) ž.

Dácia (…) ž. hist. ► územie medzi dolným tokom Dunaja a východnými Karpatmi približne na území dnešného juhozápadného Rumunska (…) [VÝCHODISKÁ on-line, 32; срв. също KAPITOLY 2016: 26].

3.1.6. Относителни прилагателни, производни от географски названия и съответните еднокоренни деадективни наречия (тип *pražský*, *pražsky*) в ASSČ [KAPITOLY 2016: 26].

3.1.7. Отглаголните съществителни на **-ní/-tí** (когато не са развили вторични значения) в ASSČ се включват в гнездото на съответния произвеждащ глагол, като основанията за това са почти парадигматичното им образуване, както и прекомерното нарастване на словника [вж. по-подробно KAPITOLY 2016: 44]. Въпреки че се приемат за самостоятелни лексеми, съществителните се разполагат в статията на съответните

---

[1] За разлика от SSSJ, срв. напр. **myť sa** (…) nedok. zastar. ► zbavovať sa nečistoty vodou al. iným tekutým prostriedkom; očisťovať sa, umývať sa (…).

[2] Поради това че върху речника все още се работи (това се отнася и за излезлите до момента първи две букви), не бяха намерени съответни примери, които да илюстрират казаното. Така напр. в речниковата част са включени само лексемите *bulharský*, *bulharsky*, *bulharština*, но не и *Bulhar*, *Bulharka*, *Bulharsko*, някои от които са мотивиращи по отношение на първите, срв. дефиницията на *bulharský* в речника: 1. ‘vztahující se kBulharsku, k Bulharům’.

произвеждащи глаголи и по този начин се подчертава зависимостта на тяхното значение от значението на глагола [op. cit.].

Авторите на словашкия тълковен речник стигат още по-далеч, като включват отглаголните съществителни единствено в граматичната характеристика на самия глагол заглавка като част от неговата парадигма, срв. напр.:

blýskať sa *-ka sa -kajú sa -kaj sa! -kal sa -kajúc sa -kajúci sa* ***-kanie***[1] *sa* nedok. **1.** neos. …; **blysnúť** *-sne -snú -sni! -sol -sla -snúc* ***-snutie***, **blysknúť** *-kne -knú -kni! -kol -kla -knúc* ***-knutie*** dok. **1.** …) [SSSJ].

3.2. От направения кратък преглед се вижда, че в концепциите за изготвяне на нови тълковни речници на словашкия и чешкия език и прилагането им в публикуваните речникови статии гнездовото подреждане е ограничено в сравнение с предходните тълковни речници, без обаче да е изоставено напълно. Отхвърлянето или поне ограничаването на този подход се оценява от някои чешки езиковеди като признак на модерната лексикография: «Modernější slovníky, zvláště počítačově zpracované, od **h.**[2] (kvůli řadě nepřesností) upouštějí n. ho alespoň omezují» [NESČ 2012–2018]. От тази гледна точка академичните български тълковни речници следва да бъдат посочени като пример за модерна лексикография.

4.1. От всичко казано дотук можем да обобщим, че в съответствие с главната задача на тълковния речник – тълкуването на лексикалните единици, е необходимо в него *всяка производна единица със статут на лексема* да бъде представена на съответното азбучно място като заглавка на отделна статия и тълкувана отделно. Аргументите за пестене на място не могат да бъдат приети сериозно, още повече, когато речниците се издават в електронен вид. Но дори и на традиционния хартиен носител пестенето на място може да се постигне не чрез гнездово подреждане, а чрез внимателно подбиране на словника в зависимост от обхвата и целите на речника. Целта на тълковния речник не е да представи словообразувателните отношения между ПД – това е задача на словообразувателния речник – а да разкрие в пълнота лексикалното значение на думите. Отнесено към ПД, това изисква адекватно отразяване на мотивационните отношения между производните единици и техните произвеждащи. Най-подходящи за тази цел са структурно-описателната и структурната дефиниция (които може да се комбинират с друг тип дефиниции) [по този въпрос вж. АВРАМОВА 2018]. Гнездовото подреждане по същество е отказ от дефиниране на значението чрез най-общо указване на връзка с друга лексикална единица (други ЛЕ) и поради това прилагането му в тълковен речник е твърде спорно. Отказът от гнездово подреждане, наред с останалите предимства, улеснява читателя и с това, че води до по-лесното намиране на съответната ЛЕ в речника.

[1] Тук и в останалите примери подчертаното в курсив мое, Ц.А.

[2] hnízdování

4.2. Прецизното тълкуване на ЛЕ изисква също така всеки дериват от категорията nomina mota да бъде представен в отделна речникова статия със самостоятелна дефиниция.

4.3. Би трябвало да се прецизират и случаите, когато е допустимо даден глагол да бъде включен в статията на друг глагол или представен чрез препратка към глагол от противоположния вид. Това може да стане след задълбочено теоретично изследване, което да отговори на въпросите: дали видът на глагола е само граматична категория; какви са функциите и характеристиките на „елементи“ *се, си, ме, ми, ми се, se, si* и под. в глаголното словообразуване на славянските езици, и др.

Съкращения

ЛЗ – лексикално значение
ЛЕ – лексикална единица
ПД – производна дума

Литература

АВРАМОВА 2008: *Цв. Аврамова*. Комплексно описание на лексиката от гледна точка на нейната мотивираност. // Lexikografie v kontextu informační společnosti. A. Rangelova, J. Světlá, A. Jarošová, red. – Praha. – С. 193–202.

АВРАМОВА 2018: *Цв. Аврамова*. Тълковни речници и стереотипи (българско – чешки паралели). // Стереотипът в славянските езици, литератури и култури. Сборник с доклади от Четиринадесетите международни славистични четения София, 26–28 април 2018 г. Том I. Езикознание. Ц Аврамова, отг. ред. – София: Унив. издат. „Св. Климент Охридски“. – С. 334–342.

БАЛТОВА 1988: *Ю. Балтова*. Към проблема за семантиката на производната единица. // Проблеми на съвременното българско словообразуване. – София: Изд. на БАН. – С. 121–136.

БАЛТОВА 2007: *Ю. Балтова*. Семантичната категория ‘персоналност’ и нейното изразяване в словообразуването на славянските езици. // *Sprachliche Kategorien und die slawische Wortbildung*. H. Burkhardt, A. Nagórko, ed. Hildesheim – Zürich – New York: Olms. – С. 101–110.

КУБРЯКОВА 1981: *Е.С. Кубрякова*. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – Москва: Наука.

BUZÁSSYOVÁ 2018: *K. Buzássyová*. Jako sa rodia a žijú slová. Výber z diela Kláry Buzássyovej. I. Ed. B. Chocholová, N. Janočková. – Bratislava: Veda. – С. 148–154, 195–205.

KAPITOLY 2016: Kapitoly z koncepce Akademického slovníka současné češtiny. P. Kochová, Z. Opavská, ed. Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR. // http://www.ujc.cas.cz/miranda2/export/sitesavcr/ujc/sys/galerie-

download/Kapitoly_z_koncepce_Akademickeho-slovniku-soucasne-cestiny_1-240.pdf

VÝCHODISKÁ on-line: Východiská a zásady spracovania slovníka. // http://www.juls.savba.sk/attachments/pub_sssj/vychodiska_a_zasady_spracovania_slovnika.pdf

Речници

БТР: Български тълковен речник. 1955, 1-во изд.; 1963, 2-ро изд.; 1976, 3-то изд.; 1994., 4-то изд. Доп. и прераб. от Д. Попов. – София: Наука и изкуство.

РБЕ: Речник на българския език. Т. 1 – 15. – София: Изд. на БАН (АИ „Проф. Марин Дринов“), 1977 – 2015. // http://ibl.bas.bg/rbe/

РСБКЕ: Речник на съвременния български книжовен език. Т. 1., 1955; Т. 2., 1957; Т. 3., 1959. – София: Издат. на БАН.

ТССРЯ 2004: *И.А. Ширшов*. Толковый словообразовательный словарь русского языка. – Москва.

ASSČ: Akademický slovník současné češtiny. // http://www.slovnikcestiny.cz/o_slovniku.php

KSSJ: Krátky slovník slovenského jazyka. 4. dopl. a upr. vyd. Bratislava: Veda, 2003. // http://slovnik.juls.savba.sk/?d=kssj4

NESČ 2012–2018: Nový encyklopedický slovník češtiny online. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová, ed. Brno: Masarykova univerzita. // https://www.czechency.org/

PSJČ: Příruční slovník jazyka českého. // https://psjc.ujc.cas.cz/

SSČ: Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. 1978, 1.výd.; 1994, 2. uprav. a dopl. vyd.; 2003, 3. uprav. a dopl, vyd.; 2005, 4. vyd. – Praha: Academia, 2005.

SSJ: Slovník slovenského jazyka, т. I–VI, 1959–1968. // https://slovnik.juls.savba.sk/

SSJČ: Slovník spisovného jazyka českého. T. I–VIII, 1989. Druhé vyd. // https://ssjc.ujc.cas.cz/

SSSJ: Slovník súčasného slovenského jazyka. // https://www.juls.savba.sk/pub_sssj.html

Ајџановић Милан
Одсек за српски језик и лингвистику, Филозофски факултет, Универзитет у Новом Саду, Србија, Нови Сад
ajdzanovic@ff.uns.ac.rs

НАЗИВИ ЗА ШЉИВУ У РЕЧНИКУ СРПСКОХРВАТСКОГА КЊИЖЕВНОГ ЈЕЗИКА*

Рад се бави различитим дериватима којима се номинује плод дрвета шљиве или, по изузетку, сама биљка, забележеним у шестотомном *Речнику српскохрватскога књижевног језика*, у издању Матице српске и Матице хрватске. У Речнику се даје укупно 58 речи са шљивом као денотатом, али је творбеној и семантичкој анализи подвргнуто 48 деривата којима се могу одредити мотиватор и/или особина која је довела до номинације. Међу суфиксалним дериватима, изведеним са 18 различитих суфикса, најзаступљенији су, и иначе високопродуктивни, форманти -ача и -ка, док су међу особинама које су потакле деривацију најфреквентније оне које се тичу облика плода и његове сочности и структуре.

Кључне речи: шљива, *Речник српскохрватскога књижевног језика*, суфиксални деривати, сложенице, семантичко-творбена анализа.

This paper examines derivated nouns denoting plum which are found in 6-volume Dictionary of Serbo-Croatian Literary Language by Matica srpska and Matica hrvatska. The analysis has shown that there are 58 nouns in question, 48 of which were analised. Also, the nouns are derived with 18 suffixes, among which the most productive ones are -ača and -ka, two highly productive suffixes in Serbian word formation. Furthermore, when it comes to traits which gave rise to nominating plums, the most productive are those concerning the shape of the fruit, its juiciness and structure.

Key words: plum, Dictionary of Serbo-Croatian Literary Language, suffixal derivatives, compounds, semantic-derivative analysis.

1.1. За разлику од већине других словенских лексикографија, до почетка новог миленијума српска није располагала одговарајућим семантичко-деривационим речником. Ипак, дата празнина је испуњена објављивањем двају томова *Семантичко-деривационог речника* [ГОРТАН-ПРЕМК, ВАСИЋ, НЕДЕЉКОВ 2003; ГОРТАН-ПРЕМК, ВАСИЋ, ДРАГИЋЕВИЋ 2006], у којима су заступљене лексеме којима се номинују делови људског тела, основна физиолошка и психолошка стања, сродство итд. Иако је Речник иницирао израду исто/слично конципираних деривационих гнезда лексема из различитих семантичких скупина (нпр., да поменемо само неке, глагола основних физиолошких стања), још увек је велик део семантичких скупина, каква је и она која обухвата називе воћа, остао системски необрађен када је у питању израда творбених гнезда. Отуд ће се рад бавити номинацијом шљиве као врсте воћа које заузима врло

* Овај рад представља део истраживања у оквиру пројекта Стандардни српски језик (178004), који финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

важно место у српској традиционалној култури (али и свакодневневици), као и деривационим потенцијалом лексеме *шљива* приказаним кроз семантичко-деривационо гнездо.

1.2. Шљива је једна од култивисаних биљака које су већ миленијумима пратиоци човека, о чему сведоче и налази коштица овог воћа нађених у људским насељима која потичу још из неолита. Заправо, као једна од европских индигених врста, домаћа шљива (*Prunus domestica*), верни је, како се чини вишемиленијумски, пратилац Словена[1], који је нашао своје место у њиховој традиционалној материјалној и нематеријалној култури, при чему ни Срби нису изузетак. Ипак, сама реч *шљива*, барем када је у питању *Речник српскохрватскога књижевног језика*,[2] помало неочекивано, у српском је (књижевном) језику крајње семантички монолитна[3]: дата је само с једним значењем,[4] чиме се, на пример, јасно разликује од изразито полисемичне *јабуке*, која у Речнику има чак седам различитих значења. Ни као саставница фразема *шљива* се не показује као иоле продуктивнија: у РМС наводи се само у оквиру израза, данас сасвим изобичајеног, *вратити, враћати шљиве за брашно* ‘узвратити, узвраћати истом мером, на исти начин, вратити, враћати мило за драго’.

Будући да ово није први пут да се бавимо мотивацијом назива за воће у српском језику, као и њиховим деривационим потенцијалом (исп. АЉАНОВИЋ 2018), желели смо да на примеру *шљиве* проверимо да ли је деривациони потенцијал семантички диверсификованих речи заиста сразмеран њиховој полисемији, како се то обично сматра, или је, за шта нам је путоказ била *јабука*, могуће одступање (и) када су називи воћа у питању. Наиме, када је *јабука* у питању, и поред своје несумњиве вишезначности, ова се реч се у РМС даје као мотиватор свега 22 лексеме, при чему су, без изузетка, у питању првостепени и другостепени суфиксални деривати.

---

[1] О томе сведочи и назив за шљиву, који је у већини словенских језика исте етимологије (исп. белоруски: *сліва*, бугарски: *слива*, македонски: *слива*, пољски: *śliwka*, руски: *слива*, словачки: *slivka*, словеначки: *sliv*a, украјински: *слива*, чешки: *švestka*). Занимљиво је да РМС даје и облик *слива*, који се упућује на *шљива.*

[2] У даљем тексту РМС.

[3] Српски у овом није изузетак међу словенским језицима, што, на пример, потврђују различити речници руског језика.

[4] Наравно, и овде са скоро неизбежном метонимијом присутном код назива за воће и њихов плод: бот. и агр. *воћка из пор. ружа Prunus domestica с меснатим плавичастим јајоликим коштуничавим плодом, који се свеж или прерађен користи у исхрани и од кога се пече ракија шљивовица; плод те воћке.* Ипак, у савременом српском (разговорном) језику *шљива* има барем још једно значење, данас веома распрострањено – ‘масница’.

С друге стране, уколико се има у виду и чињеница да данас у свету постоји више од 2.500 племенитих сорти шљива,[1] као и то да је она једна од најраспрострањенијих врста воћа, с врло великим економским значајем и применом у исхрани људи – сасвим је разумљиво да се такав њен значај у српском језику мора рефлектовати и у називима који сву ту разноликост именују. Осим тога, Србија је традиционално у самом светском врху по производњи шљиве,[2] не само захваљујући клими која је веома погодна за узгајање ове врсте воћа већ и пословичној усмерености ка производима од шљиве, међу којима је, да наведемо само један, и чувена шљивовица, која, на срећу или на жалост, просечног Србина на различите начине прати од његовог рођења па до смрти.

1.3. Дакле, предмет овога рада јесу све оне мотивисане лексеме – имајући у виду све горенаведено у вези са значајем и местом шљиве али и податке до којих смо дошли у [АЏАНОВИЋ 2018], претпостављали смо сразмерно бројне – којима се у РМС означава плод те биљке, док му је циљ (а) да забележене деривате попише, (б) оне прозирне мотивације творбено анализира те (в) да открије и особине које су послужиле као својеврсни мотивациони импулси за грађење датих изведеница. Такође – што је важно напоменути имајући у виду чињеницу да у самом називу РМС стоји термин *српскохрватски књижевни језик* као и тренутни статус некадашњег мање-више монолитног идиома – сви ће деривати чији је денотат шљива бити пописани и унети у корпус без обзира на њихову провенијенцију, као и на квалификаторе који се дају уз њих. Другим речима, међу грађом ће се наћи и понека реч која би се данас могла сматрати претежно/искључиво делом лексикона хрватског језика, као и она којој, строго узевши, и није место у речнику књижевног језика.

Осим тога, (г) бавићемо се и семантичко-деривационим гнездом у чијем је центру лексема *шљива*, те утврђивањем корелације између већ поменуте једнозначности дате лексеме, њеним деривационим потенцијалом као и бројем и врстом назива за различите сорте шљива.

Коначно, (д) све резултате добијене анализом упоредићемо с онима до којих смо дошли у [АЏАНОВИЋ 2018].

2.1. Место које у српској народној култури заузима пре свега плод шљивовог дрвета – заиста се рефлектује и у најобимнијем завршеном српском једнојезичном речнику: не рачунајући саму одредницу *шљива*, у

[1] Наводимо према https://www.tehnologijahrane.com/enciklopedija/sljiva-prunus-sorte-berba-skladistenje-i-mogucnosti-prerade (стање: 22. 5. 2019)

[2] Године 2016. Р Србија је имала 463.115 тона произведене шљиве и трњине, што је чини четвртим светским произвођачем (наводимо према:

https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_plum_production, датум: 14. 5. 2019).

Речнику се унутар различитих, не увек самосталних,[1] одредница, даје и следећих 58 лексема чији је денотат шљива одређене сорте или по нечем специфичан плод те биљке:[2] *бабурак*, *белина*, *белица*, *белопандара*, *белошљива* (= *мудаја*[3] = *трновача* = *трношљива*), *бистрица*, *восковача*, *говеђача*, *дрцкуља*, *јајара* (= *јајача*), *каланка*, *јер(и)басма*, *криваја* (= *рогач*), *кривач*, *кустура*, *мађарка* (= *маџарка* = *машарка*), *мигавац*, *мирабелка*,[4] *мудаја*, *мудовача* (= *мудовка* = *мудорка*), *муцавац*, *одлепача*, *падалица*, *пандара*, *пасјача*, *пасуљара*, *пискор*, *пљуцавица*, *пожега* (= *пожегача* = *пожешкиња*), *протеглица*, *прскавица* (= *прскавка*), *прскуља*, *пурак*, *пуркача*, *пуцара*, *ренклода*, *ринглов* (= *рингловка*), *рогач*, *сраслица*, *тургуља* (= *тургуња* = *цепача*), *цар шљива*, *црношљива*, *џанарика*.

2.2. Међутим, у датом списку налази се и одређени број – додуше, сразмерно мали с обзиром на укупан број именовања – немотивисаних позајмљеница (*јерибасма*, *пандара*, *ренклода*, *ринглов*, *тургуља*, *тургуња*, *џанарика*), као и оних код којих је непрозирна семантичка веза између мотиватора и његовог деривата или је мотиватор нејасан (*пандара*, *пискор*). Осим тога, с обзиром на то да су речничке дефиниције понекад крајње шкрте и опште, јасно је да посао анализе неће бити сасвим једноставан. Заправо, корпус који ће овог пута подвргнути било творбеној било семантичкој анализи (а најчешће обема) чини следећих 48 деривата: *бабурак*, *белина*, *белица*, *белопандара*, *белошљива*, *бистрица*, *восковача*, *говеђача*, *дрцкуља*, *јајара*, *јајача*, *каланка*, *криваја*, *кривач*, *кустура*, *мађарка*, *маџарка*, *машарка*, *мигавац*, *мирабелка*, *мудаја*, *мудовача*, *мудовка*, *мудорка*, *одлепача*, *падалица*, *пасјача*, *пасуљара*, *пискор*, *пљуцавица*, *пожега*, *пожегача*, *пожешкиња*, *протеглица*, *прскавица*, *прскавка*, *прскуља*, *пурак*, *пуркача*, *пуцара*, *рингловка*, *рогач*, *сраслица*, *трновача*, *трношљива*, *цар шљива*, *цепача*, *црношљива*.

2.3. У анализираним дериватима регистровано је чак 18 творбених форманата. Наравно, овај број је тачан под условом да смо свугде правилно одредили мотиваторе и форманте, будући да се због значењског и обличког поклапања, те честих заиста сажетих речничких дефиниција, понегде може говорити о двострукој мотивацији, тј. могућности да се и придев и именица истовремено могу наћи у датој улози (исп. нпр. *говедо*/*говеђи*, -а, -е + -ача > *говеђача*). Издвојене форманте ћемо дати азбучним редоследом.

---

[1] Тако се, нпр., значење лексеме *рогач* које нас интересује не даје у оквиру дате одреднице већ у примерима унутар одредница *криваја* и *кривач*.

[2] Заправо, у осам случаја не само шљиве будући да поједине лексеме нису једнореферентне када је у питању номинација воћа (нпр. *говеђача* и *восковача* може бити и јабука, док се *белица* може користити као ознака и за плод јабуке, брескве, трешње итд.).

[3] На овај ћемо начин означавати истозначне називе за шљиву.

[4] Овај се назив даје само унутар одреднице *прскавица*.

2.3.1. Општесловенски суфикс **-(а)к**, у грађи потврђен двапут (*бабурак, пурак*), у српском језику додаје се на различите основе, а не само на именичке, како је у забележеним примерима. Ипак, ни у једном од два примера не може се избећи питање мотивације: и поред јасно уочљивог форманта, остаје упитан значењски однос између мотиватора и деривата или чак и сам творбени поступак. Први дериват (‘рогач, оболели плод шљиве’) облички се може (мора?) довести у вези с вишезначном и семантички диверсификованом речи *бабура*,[1] али се поставља питање која је сема основинске речи послужила као индуктор деривације. Претпостављамо да је у питању облик плода, који подсећа на шишарку. Други дериват пак по свој је прилици резултат семантичке деривације мотивисане такође непривлачним изгледом плода шљиве.[2]

2.3.2. И иначе непродуктиван [КЛАЈН 2003: 136], суфикс **-авка** забележен је у једној речи, девербативу *прскавка* (< *прскати*). Као мотивациони импулс за именовање ове врсте беле шљиве претпостављамо да је послужила једрост и сочност плода, које се манифестују прскањем сока.

2.3.3. Дериват *каланка* као мотиватор има глагол *калати* (‘цепати по дужини’), на који је додат формат **-анка**, чиме би се списак ретких девербатива добијених овим суфиксом које даје И. Клајн [КЛАЈН 2003: 137] незнатно увећао. Премда се дериват облички може пре довести у везу с трпним придевом *калан*, -а, -о, његово нас значење ипак упућује на глаголску основу.

2.3.4. Суфикс **-ав(а)ц**, настао као резултат перинтеграције, забележен је у два деривата (*мигавац, муцавац*). Иако се и ова образовања, као већина добијених датим суфиксом, обликом могу повезати с одговарајућим глаголом (*мигати, муцати*), прилично штуре речничке дефиниције (‘врста шљиве'; ‘врста округле шљиве’) као и непостојање одговарајућих значења код претпостављених мотивних глагола – не помажу нам у осветљавању семе која је учествовала у деривацији.

2.3.5. Суфикс **-авица** је настао перинтеграцијом од придева с финалним слогом -ав и суфикса -ица, али је рано постао аутономан, што је погодовало његовој продуктивности [КЛАЈН 2003: 120]. Иако И. Клајн наводи две бројније семантичке групе изведеница у којима је суфикс продуктиван – називе болесних стања и симптома (нпр. *кијавица*) и лоших временских прилика (нпр. *вејавица*), те неколико мањих – занимљиво је да међу њима готово да нема фитонима. У нашој грађи, међутим, забележена су два именовања за шљиву, оба девербативи: *пљуцавица* (< *пљуцати*) и

[1] Исп. 1. агр. *врста крупне паприке.* 2. *шишарка.* 3. зоол. *мокрица.* 4. *врста земљане пећи.* 5. покр. *мањи стог жита.* 6. *дрво на вратима кроз које пролази дрвени шип.*

[2] 1. *пушчано тане, метак.* 2. спец. а. *пасуљ, грах слабо куван, прилично тврд.* б. *тврдо осушена шљива.* в. *козји брабоњак.*

прскавица (< *прскати*). Док се за први у РМС крајње уопштено наводи да означава ‘врсту шљиве’, други је дефинисан као ознака за ‘белу шљиву, мирабелку’. С обзиром на порекло речи и значења мотивних глагола, претпостављамо да је плод њима означене врсте шљиве такав да се његова конзумација може довести у везу с радњом означеном датим глаголима.

2.3.6. Суфиксом **-аја** изведена су два назива за шљиву (*криваја*,[1] *мудаја*), први изведен од придева (*крив*), а други од именице (*мудо* ‘тестис’). Међутим, без обзира на разлику у морфолошкој класи мотиватора, оба деривата означавају плод шљиве који својим обликом одступа од уобичајеног изгледа шљиве или подсећа на неки други ентитет.

2.3.7. Суфикс **-ара** – продуктивни формант који се везује најчешће с именичким и глаголским основама, а знатно ређе с придевским [КЛАЈН 2003: 47] – има три потврде у грађи (*јајара*, *пасуљара*, *пуцара*), мотивисане управо именицом (*јаје*, *пасуљ*) или глаголом (*пуцати*). И овде се показује да И. Клајну називи за воће нису били у фокусу у његовој монографији будући да међу семантички диверсификованим дериватима добијеним овим суфиксом он не наводи ниједан којим би се означио плод шљиве, па чак ни било ког другог воћа [КЛАЈН 2003: 47–50].

Обама десупстантивима као индуктор мотивације послужио је пре свега облик али и величина плода, упоређен са ентитетима који су по таквом облику, неуобичајеном за шљиву, препознатљиви (*јајара* ‘врста крупне шљиве налик на јаје’; *пасуљара* ‘плод шљиве неприродног пасуљастог облика, изазван штетном гљивом’). Мотивни глагол у јединому девербативу по свој прилици употребљен је јер у периоду зрења љуска плода пуца [ЈОШИЋ 2013: 126].

2.3.8. Суфикс **-ач** се у нашој грађи јавља двапут: забележен је у несумњивом адјективу *кривач* (< *крив* + -ач), којим се означава оболео и отуд крив плод шљиве,[2] као и у истозначном десупстантиву *рогач* (< *рог* + -ач).

2.3.9. Суфиксом **-ача** изведено је чак седам различитих деривата (*говеђача*, *јајача*, *одлепача*, *пасјача*, *пожегача*, *пуркача*, *цепача*), што је још једна потврда да је овај суфикс веома продуктиван када је у питању именовање воћа [исп. АЏАНОВИЋ 2018)] те да констатација [ВАВІЋ 1986: 77; КЛАЈН 2003: 64] да се у свакодневној употреби налази далеко мањи број ових лексема – у овом делу лексикона српског језика не важи.

Дати се формант се везује с глаголским, именичким и придевским основама, што се види и у забележеним примерима, међу којима су присутне све три врсте мотиватора (именски: *говедо* > *говеђача*, *јаје* > *јајача*, *Пожега* > *пожегача*, *пурак* > *пуркача*; глаголски: *одлепити (се)* > *одлепача*, *цепати (се)* > *цепача*; придевски: *пасји*, *-а*, *-о* > *пасјача*). Иако се

[1] Занимљиво је да се у [ЈОШИЋ 2013] као денотат ове речи наводи само јабука.

[2] ‘шљивин плод закржљао с једне стране због заразе нарочитим гљивицама, рогач. Свезн.’.

код последњег образовања не може одбацити ни могућност да је у питању десупстантив, како се то, на пример, чини у [ЈОШИЋ 2013: 151], с обзиром на гласовни склоп речи као и значење, које се у РМС дефинише као ‘врста шљиве која дозрева лети (о пасјим данима) ’ – ми овај дериват сматрамо деадјективом.

2.3.10. Суфикс **-ина**, данас продуктиван пре свега у споју с придевским основама [КЛАЈН 2003: 96], забележен је управо у једном деадјективу (*белина*), којим се означава бео/беличаст плод (или, пре, без обзира на речничку дефиницију, светао плод) не само шљиве већ и јабуке и грожђа.

2.3.11. Формант **-ица**, свакако један од најпродуктивнијих суфикса уопште у српском језику, у анализираној грађи има свега две потврде, два деадјектива (*б(ј)елица*, *бистрица*). Ипак, будући да се овај формант пре свега среће у деминутивним и моционим образовањима, оваква његова продуктивност и не представља право изненађење јер је већ потврђена код именовања јабуке. Први дериват представља творбени дублет горепоменутог *белина* (*бео* + *-ица*), који се може употребљавати како атрибутивно тако и самостално, док је код другог мотиватор придев *бистар*, али нам није до краја јасно која је сема овог вишезначног придева искоришћена за деривацију.

2.3.12. Суфикс **-ка**, ‘један од најважнијих именичких суфикса у словенским језицима’ [КЛАЈН 2003: 131], у српском, превасходно због своје знатно редуковане деминутивне функције, има мању продуктивност него у другим словенским језицима. Ипак, ни у српском језику не може му се оспорити продуктивност: у речнику [НИКОЛИЋ 2000] даје се око 5.000 речи са финалним слогом -ка, од чега највећи део чине управо значењски разноврсне лексеме деривиране овим суфиксом или неким од њиме сложених суфикса. У нашој грађи пак он има пет десупстантива као потврду (*мађарка*, *маџарка*, *машарка*, *мирабелка*, *рингловка*), од којих прве три представљају деривате добијене од истог мотиватора с различитим фонетизмом, док је у друга два случаја суфикс употребљен као граматички за прилажење именице прототипичним именицама женског рода.

2.3.13. Сложени, пре свега моциони, суфикс **-киња**, у грађи је забележен само у деривату *пожешкиња*, који представља један од ретких примера у којима на творбеном шаву испред датог форманта долази до палатализације (исп. КЛАЈН 2003, 106).

2.3.14. Формант **-лица**, настао перинтеграцијом од *-л* из радног придева и суфикса -ица, данас препознат као самосталан [КЛАЈН 2003: 147], везује се искључиво за глаголске основе, како је и у трима забележеним примерима (*падалица*, *протеглица*, *сраслица*). Мотивни глагол у датим дериватима означава радњу која је на неки начин карактеристична за плод дрвета, не нужно само шљиве: *падалица* ‘плод који сам падне с дрвета (шљиве, маслине итд.)’ (< *падао* < *падати*);

протеглица ‘дугуљаста узана шљива’ (тј. шљива која се протегла; < *протегао* < *протегнути се*/*протећи се*); *сраслица* ‘воћни плод од два срасла плода (две срасле шљиве, два ораха и сл.), двоњак (2)’ (< *срасти*).

2.3.15. Суфиксу **-овача**, у грађи присутном у три деривата (*восковача*, *мудовача*, *трновача*), неретко је оспоравана самосталност, будући да се у већини деривата који се наводе као илустрација за постојање датог суфикса може као мотиватор идентификовати и одговарајући присвојни придев на који је додат суфикс -ача [КЛАЈН 2003: 66]. Међутим, у забележеним дериватима, како због значења, које се не може довести у везу с присвојним придевом,[1] тако и због нефреквентних облика присвојних придева (у барем у једном случају, можда и непостојећих) – предност као мотиватору даћемо именици (*восак*, *мудо*, *трн*).

2.3.16. Непродуктивни суфикс **-овка** везује се искључиво с именичким основама, како је у јединому примеру из грађе (*мудовка*), који се – имајућу у виду његов мотиватор, неретко сматран вулгаризмом – нимало неочекивано, не наводи међу ретким дериватима изведеним овим суфиксом [исп. КЛАЈН 2003: 136].

2.3.17. Иако се суфикс **-орка** не даје у списку форманата монографија посвећених творби речи у српском/хрватском језику, у примеру *мудорка* морамо управо њега идентификовати због обличке и значењске везе с претпостављеном мотивном именицом (*мудо* + -орка), као и због чињенице да је претпостављени мотиватор, како смо видели, веома чест ентитет за описивање плода шљива.

2.3.18. Дериват *прскуља* несумњиво представља девербатив добијен од глагола *прскати* и суфикса **-уља**, при чему је мотивација датим глаголом потакнута једрошћу и сочношћу плода шљиве. С друге стране, иако се ни код образовања *дрцкуља* (‘врста ране шљиве врло мекане и водене’) непознаницом не може сматрати морфолошка припадност мотиватора, недоумице изазива облик мотиватора и/или употребљени формант. Наиме, иако би се ова именица могли довести у везу с глаголом *дрцати* (‘дрмати, потресати, трзати, туђи’), остаје питање форманта, који би у том случају требало да гласи **-куља**. Међутим, такав се суфикс не наводи у [КЛАЈН 2003]. С друге стране, ако би се и овде идентификовао суфикс -уља, који се, дакле, везује (и) за глаголске основе, тада би мотиватор морао бити деминутивни глагол **дрцкати*, који РМС не бележи. Предност бисмо ипак дали потоњем решењу, при чему нам употребљени мотивациони импулс, нажалост, није најјаснији.[2]

---

[1] Навешћемо само једно које је у речнику дато довољно информативно: *восковача* ‘врста јабуке и шљиве које имају боју сличну воску’.

[2] И поред свег труда, у откривању више података о овој сорти шљиве нисмо могли отићи даље од дефиниције дате у Речнику.

2.3.19. Анализирани суфиксални деривати, видели смо, изведени су помоћу 18 различитих форманата, међу којима је највише, чак седам, оних са само једном потврдом (**-авка** [*прскавка*], **-анка** [*каланка*], **-ина** [*белина*], **-киња** [*пожешкиња*], **-овка** [*мудовка*], **-орка** [*мудорка*], **-(а)к** [*бабурак*, *пурак*]). Шест суфикса је регистровано у два деривата (**-ав(а)ц** [*мигавац*, *муцавац*], **-авица** [*пљуцавица*, *прскавица*], **-аја** [*криваја*, *мудаја*], **-ач** [*кривач*, *рогач*], **-ица** [*б(ј)елица*, *бистрица*], **-уља** [*дрцкуља*, *прскуља*]); њих три у три (**-ара** [*јајара*, *пасуљара*, *пуцара*], **-лица** [*падалица*, *протеглица*, *сраслица*], **-овача** [*восковача*, *мудовача*, *трновача*]), док је по један био формант у грађењу четири (**-ка** [*мађарка*, *мацарка*, *машарка*, *рингловка*]) односно седам изведеница (**-ача** [*говеђача*, *јајача*, *одлепача*, *пасјача*, *пожегача*, *пуркача*, *цепача*]).

2.3.20. Међу забележеним дериватима за именовање шљиве забележена су и три сложена, од којих су два настала по истом обрасцу, комбинацијом придевске и именичке основе (По^{c} + И: *белошљива*, *црношљива*), док је једна настала спајањем двеју именица (Ио^{c} + И: *трношљива*). Првом творбеном моделу могла би се прикључити и именица *белопандара*, којој, међутим, други део остаје непрозиран, чак и П. Скоку, те бисмо њу могли сматрати примером за половично мотивисану сложеницу [исп. КЛАЈН 2002: 30–31].

2.3.21. Коначно, образовање *цар шљива* специфично је јер представља једину фразну лексему у корпусу.[1] Појава именице *цар* на месту атрибутива није нимало случајна (нити пак с овим значењем јединствена у словенском свету (исп. нпр. рус. *царь пушка*)): овим се образовањем денотира ‘крупна врста шљиве у Босни’.

2.4. Када су у питању особине које су послужиле за именовање сорти шљива, по својој бројности на прво место долазе она образовања којим мотивациони импулс представља облик плода: укупно их је девет, мада су ентитети с којима се плод пореди осетно малобројнији (јаје > *јајара*, *јајача*, мудо > *мудаја*, *мудовача*, *мудовка*, *мудорка*; *протеглица*, *сраслица*, *кустура*), а тај се број може још осетно увећати уколико им прикључимо и седам деривата којима се такође означава плод али сада оболео или сасушен (*бабурак*, *криваја*, *кривач*, *пасуљара*, *пурак*, *пуркача*, *рогач*).

Такође девет образовања имамо и у оној групи деривата код којих је импулс за именовање представљала повећана сочност и структура плода (*бистрица*, *дрцкуља*, *каланка*, *одлепача*, *прскавица*, *прскавка*, *прскуља*, *пуцара*, *цепача*), док за њом следи шест деривата којима се означава светлија или тамнија боја плода (*белина*, *белица*, *белопандара*, *белошљива*, *восковача*, *црношљива*).

Шест деривата – којима се, занимљиво, именује једна иста сорта шљиве – име дугује свом (претпостављеном или стварном) пореклу

[1] Ово, наравно, не значи једину и у српском језику: у песми опеване *шљиве ранке* не дају се у РМС, те зато и нису део корпуса.

(*мађарка*, *маџарка*, *машарка*, *пожега*, *пожегача*, *пожешкиња*). Коначно двама дериватима означава се особина саме биљке – повећан бој трња (*трновача*, *трношљива*), док се са по једним означава време када плод доспева (*пасјача*), особеност (*падалица*) и неуобичајена величина плода (*цар шљива*).

2.5. Уколико резултате творбене анализе упоредимо с оним добијеним код именовања за јабуку [АЉАНОВИЋ 2018], видећемо нешто занимљиво. Наиме, иако на први поглед нема великих разлика будући да и код јабуке и код крушке на прва два места по продуктивности долазе исти суфикси (**-ача**, **-ка**) – при чему се и поједини други суфикси налазе у творби обе врсте воћа (**-аја**, **-ара**, **-ица**, **-лица**, **-овача**, **-уља**) – ипак је највећи број суфикса присутан у творби назива само једне врсте воћа (10 код шљиве и 12 код јабуке), при чему су једни исти суфикси понекад присутни у различитим творбеним моделима (исп. нпр. Го + -уља: *дрцкуља*, *прскуља*; Ио + -уља: *прутуља*).

Осим тога, међу именовањима за јабуку налази се свега једно настало непосредно сложено-суфиксалном творбом (*сладокусац*) као и једно сложене структуре, али које је резултат конверзије (*сладокусан*). Наоко, ни три сложена назива за шљиву не чине се одвише великом разликом на дато стање, међутим у апсолутном односу она је и те како видљива (*шљива*: 3 од 58 = 5%; *јабука*: 1 од 91 = 1%).

2.5.1. И међу мотивационим импулсима за именовање обе врсте воћа знатан је број заједничких, што је и очекивано (уосталом, видели смо да понекад једном истом речи можемо означити плодове ове две биљке). Међутим, оно што заиста изненађује, јесте њихова дистрибуција. Наиме, код јабуке се као најбројнији издвајају деривати мотивисани временом дозревања плода или његовог конзумирања, чији су мотиватори превасходно имена годишњих доба (тј., непосредно, придеви њима мотивисани) или значајнијих верских празника (Петровдан, Ивањдан, Илињдан, Михољдан, Томиндан) (20: *видовача*, *видовка*, *зимаја*, *зимача*, *зимица*, *зимка*, *зимњаја*, *зимњача*, *иванчица*, *ивањача*, *илињача*, *јесенка*, *јесењача*, *михољача*, *озимача*, *петровача*, *петровка*, *петровњача*, *ранка*, *томињача*), док они код шљиве малтене у потпуности изостају (*пасјача*). Наредну групу, тек незнатно малобројнију од претходне (18), чине деривати чији је настанак мотивисан бојом плода јабуке или шарама на њему (*белина*, *жутица*, *зеленика*, *златара*, *лимунка*, *лимуњача*, *пругача*, *прутара*, *прутовача*, *прутуља*, *ребрача*, *стрекиња*, *црвеника*, *црвенка*, *црвењајка*, *црвењача*, *црљенка*, *шареника*), при чему је међу њима, када је у питању боја, највише речи којима се означава црвен плод, који и представља прототип целог рода *Malus*. Код шљиве, с друге стране, неретко се означава колоритни отклон од уобичајене боје или нијансе боје, а не пожељна боја.

Осим тога, међу називима за шљиву у потпуности изостају деривати мотивисани наменом и употребом плода, као и они којима се означава укус плода, што такође представља оштру разлику у именовање ове две врсте воћа (исп., нпр., називе за јабуку: *божићница*, *колачара*, *колачарка*, *поскурњача*, *посластичарка*, *титралица*; односно: *кисељача*, *медењача*, *сладокусац*, *сладокусан*, *шербетлија*, *шећерлија*). Коначно, за разлику од јабуке, шљива се често именује с обзиром на стање плода који није пожељан.

2.6. Семантичко-деривационо гнездо шљиве пак, начињено по узору на модел дат у [ГОРТАН-ПРЕМК, ВАСИЋ, НЕДЕЉКОВ 2003 и ГОРТАН-ПРЕМК, ВАСИЋ, ДРАГИЋЕВИЋ 2006] има следеће устројство:

СДГ: *шљива*[1] **ТО**: шљив-

0 **шљива** ж (ген. мн. шљивā) **1.** бот. и агр. *воћка из пор. ружа* Prunus domestica *с меснатим плавичастим јајоликим коштуничавим плодом, који се свеж или прерађен користи у исхрани и од кога се пече ракија шљивовивца; плод те воћке*.

1_1 < 0 **шљива** шљива ж *шљивовица.*

1_2 < 0 **шљив-ак**, -ака м *шљивик.*

1_3 < 0 **шљив-ак**, -ака м ист. *млетачки дукат, цекин.*

1_4 < 0 **шљив-ар**[2] м **1. а.** *трговац шљивама.* **б**. *одгајивач шљива.* **2.** ист. *хрватски сеоски мали племић.* **3.** зоол. *врста слатководне рибе, скобаљ, подуст.*

1_5 < 0 **шљив-ар**, -ара м *шљивик.*

2_1 < 1_4 **шљивар-ија** ж ист. **1.** *имање, посед шљивара, пољско добро хрватског сеоског племића.* **2.** зб. *шљивари, хрватско сеоско племство.*

2_2 < 1_4 **шљивар-ица** ж ист. *припадница хрватског сеоског племства, племићка.*

2_3 < 1_4 **шљивар-ка** ж **1.** *шљиварица.* **2.** зоол. покр. *гундељ.*

2_4 < 1_4 **шљивар-ски**, -а, -о *који се односи на шљиваре.*

1_6 < 0 **шљив-арство** с агр. *гајење шљива, пољопривредна грана која се бави гајењем шљива.*

1_7 < 0 **шљив-аст**, -а, -о *сличан шљиви (обично обликом или бојом).*

2_5 < 1_7 **шљивасто** прил. *у облику шљиве, попут шљиве.*

2_6 < 1_2 **шљива-че**, -ета с *мали шљивик.*

---

[1] Петар Скок облик *шљива* сматра секундарним штокавским обликом насталим према примарном *слива*. Иначе, реч *шљива* је настала по плавој боји плода.

[2] Данас би се овим значењима могло додати барем још једно: у последње време у продавницама у Србији може се купити чери парадајз шљивар. Иначе, у РМС не дају се придеви *шљиваров*, -а, -о и *шљиваркин*, -а, -о, који би представљали другостепене деривате.

1_8 < 0 **шљив-ик**, -ика м *шљивов вођњак.*
1_9 < 0 **шљив-ин**, -а, -о *који се односи на шљиву, који припада шљиви, који потиче од шљиве и сл.*
1_{10} < 0 **шљив-ић** м *младо шљивово дрво, младица шљиве.*
1_{11} < 0 **шљив-ић**, -ића *млади шљивик, шљивик.*
1_{12} < 0 **шљив-ица** ж *дем. од шљива.*
1_{13} < 0 **шљив-ка** ж *шљивовица.*
1_{14} < 0 **шљив-њак**, -ака м *шљивик.*
1_{15} < 0 **шљив-ов**, -а, -о *који се односи на шљиву, који припада шљиви, начињен од шљиве*.
2_7 < 1_{15} **шљивов-ан** м *шљивовица.*
2_8 < 1_{15} **шљивов-ац,** -овца м **1.** *шљивов штап.* **2а.** *чорба, јуха од шљива.* **б.** *компот од шљива.*
2_9 < 1_{15} **шљивов-ача** ж *шљивов штап.*
2_{10} < 1_{15} **шљивов-ик** м **1.** *шљивовац.* **2.** *шљивова комина, дроп.*
2_{11} < 1_{15} **шљивов-ина** ж *шљивово дрво (као грађа).*
2_{12} < 1_{15} **шљивов-ица**[1] ж *шљивова ракија.*
3_1 < 2_{12} **шљивович-ар** м *онај који радо пије шљивовицу.*
2_{13} < 1_{15} **шљивов-ка** ж *шљивовица.*
1_{16} < 0 **шљив-ош**, -оша м *остатак шљивове комине после печења ракије, џибра, шљивова комина.*
1_{17} < 0 **шљив-ски**, -а, -о *који се односи на шљиве*.

С 1_1 < 0 **бел-о-шљива**, ијек. бјелошљива, ж агр. *трновача, трношљива.*
С 1_2 < 0 **трн-о-шљива** ж бот. **1.** = *трновача* (1). **2.** *в. трњина.*
С 1_3 < 0 **црн-о-шљива** ж бот. *трновача, трношљива.*
С 1_4 < 1_7 **шљиваст-о-плав**,[2] -а, -о *плав као шљива.*
С 1_5 < 0 **шљив-о-точ-Ø** м зоол. *инсекат тврдокрилац, кукац корњаш чија женка носи јаја у зеленом плоду шљиве* Rhynchites cupreus.

1-степ.	2-степ.	3-степ.	С1
			бел-о-шљива
			трн-о-шљива
			црн-о-шљива
			шљиваст-о-плав, -а, -о
			шљив-о-точ-Ø

[1] И. Клајн [2003: 120] овде говори о сложеном суфиксу -овица, дајући предност семантичким разлозима (‘ракија од шљива’).

[2] Иако И. Клајн у примерима попут овог (нпр. *светлоцрвен*, [2002: 105]) у првом делу такође издваја придевску основу, ту би се могло радити и о прилогу као мотиватору.

шљива			
шљив-ак	шљива-че		
шљив-ак			
шљив-ар	шљивар-ија, шљивар-ица, шљивар-ка, шљивар-ски, -а, -о		
шљив-ар			
шљив-арство			
шљив-аст, -а, -о	шљив-асто		
шљив-ик			
шљив-ин			
шљив-ић			
шљив-ић			
шљив-ица			
шљив-ка			
шљив-њак			
шљив-ов, -а, -о	шљивов-ан, шљивов-ац, шљивов-ача, шљивов-ик, шљивов-ина, шљивов-ица, шљивов-ка	шљивович-ар	
шљив-ош			
шљив-ски, -а, -о			
1-степ.: **17**	2-степ.: **13**	3-степ.: **1**	С1: **5**

2.6.1. Из датог гнезда и табеле види се да се лексема *шљива*, иако једнозначна, показује као творбено осетно потентнија од семантички диверсификоване *јабуке*. Наиме, када је *јабука* у питању, и поред своје несумњиве вишезначности, ова се реч у РМС даје као мотиватор свега 22 лексеме, при чему су, без изузетка, у питању првостепени и другостепени суфиксални деривати, док није забележена ниједна сложеница (*јабуков*, *јабуковац*, *јабуковача*, *јабуковик*, *јабуковина*, *јабучар*, *јабучара*, *јабучарица*, *јабучарка*, *јабучаров*, *јабучарев*, *јабучаст*, *јабучетина*, *јабучик*, *јабучина*, *јабучић*, *јабучица*, *јабучји*, *јабучни*, *јабучница*, *јабучњача*, *јабучњак*). С друге стране, *шљива* твори гнездо са чак 36 чланова (*шљи4ва*, *шљивак*, *шљивак*, *шљивар*, *шљивар*, *шљиварија*, *шљиварица*, *шљиварка*, *шљиварски*, *шљиварство*, *шљиваст*, *шљивасто*, *шљиваче*, *шљивик*, *шљивин*, *шљивић*, *шљивић*, *шљивица*, *шљивка*, *шљивњак*, *шљивов*, *шљивован*, *шљивовац*, *шљивовача*, *шљивовик*, *шљивовина*, *шљивовица*, *шљивовичар*, *шљивовка*,

шљивош, *шљивски*, *белошљива*, *трношљива*, *црношљива*, *шљивастоплав*, *шљивоточ*). Такође, међу суфиксалним дериватима лексеме *шљива* присутан је и један трећестепени, као и пет композита, чиме се ова потентност лексеме *шљива* показује и као структурно разноврснија него она од *јабуке*.

3.1. Дакле, имајући у виду све речено, можемо закључити да је место које шљива има у српској народној култури, и не само њој, јасно видљиво и у РМС: чак 48 мотивисаних назива за ово воће било је предмет наше анализе, међу којима је, сасвим очекивано, највише суфиксалних изведеница. Када су пак у питању особине које су индуковале деривацију, на прво место долазе оне које се тичу изгледа и облика плода, а потом оне којима се описује сочност, структура и боја шљиве.

3.2. С друге стране, што смо већ приметили код номинације јабуке, док се у српском језику[1] приликом именовање особе у први план стављају особине које на неки начин представљају отклон у односу на очекивано, пожељно стање – дакле, предност се даје негативним етикетама, које се граде читавим низом форманата и творбених модела – и овде се предност даје, додуше у не тако изразитом постотку као код јабуке, одликама које су пожељне.

3.3. Такође, на примеру *јабуке* и *шљиве* показује се да семски састав једне лексеме у њеној основној реализацији, као и значај који њоме означен ентитет има у човековом појмовно-вредносном систему, нису нужно сразмерно пропорционални бројности и структури деривационог гнезда те лексеме [исп. ГОРТАН ПРЕМК, ВАСИЋ, НЕДЕЉКОВ 2003: 9].

3.4. Коначно, несумњиво је да би потпун увид у разноврсност која је присутна не само у номинацији воћа већ и биљака уопште (и, можда још у већој мери, животиња) сасвим сигурно умногоме увећао инвентар различитих творбених модела и форманата који се наводе у монографијама и чланцима посвећеним творби именица у српском језику.

Литература

АЈЏАНОВИЋ 2008: *М. Ајџановић*. Функционално оптерећење суфикса за обележавање особа. – Нови Сад: Филозофски факултет.

АЈЏАНОВИЋ 2018: *М. Ајџановић*. Номинација јабуке у Речнику српскохрватскога књижевног језика. Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. – Књига XLIII-2. – Нови Сад: Филозофски факултет. – С. 233–244.

BABIĆ 1986: *S. Babić*. Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku (Nacrt za gramatiku). – Zagreb: ČGP Delo.

[1] И не само њему, већ, како се чини, сваком другом [исп. ДРАГИЋЕВИЋ 2001, АЈЏАНОВИЋ 2007; ШТАСНИ 2013].

ДРАГИЋЕВИЋ 2001: *Р. Драгићевић*. Придеви са значењем људских особина у савременом српском језику (Творбена и семантичка анализа). – Београд: Институт за српски језик САНУ.

ГОРТАН-ПРЕМК, ВАСИЋ, НЕДЕЉКОВ 2003: *Д. Гортан-Премк, В. Васић, Љ. Недељков*. Семантичко-деривациони речник, Свеска 1: Човек – делови тела. – Нови Сад: Филозофски факултет, Одсек за српски језик и лингвистику.

ГОРТАН-ПРЕМК, ВАСИЋ, ДРАГИЋЕВИЋ 2006: *Д. Гортан-Премк, В. Васић, Р. Драгићевић*. Семантичко-деривациони речник, Свеска 2: Човек – унутрашњи органи и ткива, психофизиолошка стања и радње, психофизичке особине, сродство. – Нови Сад: Филозофски факултет, Одсек за српски језик и лингвистику.

ЈОШИЋ 2013: *Н. Јошић*. Воћарска лексика и терминологија у српском језику (докторска дисертација). Преузето са: http://doiserbia.nb.rs/phd/fulltext/BG20131025JOSIC.pdf

КЛАЈН 2003: *И. Клајн*. Творба речи у савременом српском језику, Други део, Суфиксација и конверзија. – Београд: Завод за уџбенике и наставна средства – Институт за српски језик САНУ. – Нови Сад: Матица српска.

НИКОЛИЋ 2000: *М. Николић*. Обратни речник српскога језика. – Београд: Институт за српски језик САНУ – Палчић. – Нови Сад: Матица српска.

РЕЧНИК СРПСКОХРВАТСКОГА КЊИЖЕВНОГ ЈЕЗИКА (1967–1976). – Нови Сад: Матица српска. – Загреб: Матица хрватска.

VUKSANOVIĆ 2016: *R. Vuksanović*. Simbolika jabuke u srpskoj tradicionalnoj kulturi. *Politika*. Preuzeto sa: http://www.politika.rs/sr/clanak/369804/Simbolika-jabuke-u-srpskoj-tradicionalnoj-kulturi

ШТАСНИ 2013: *Г. Штасни*. Речи о човеку (номинација човека у српском језику). – Нови Сад: Филозофски факултет.

Ермакова Ольга
Калужский государственный университет, Россия, Калуга.
olga_ermakova.kaluga@mail.ru

О ПРИНЦИПАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ

В статье рассматриваются определения значений производных слов в толковых словарях в двух аспектах.

1. Отсутствие некоторых значений у производных слов. Так, у производных названий лиц женского пола (*генеральша, майорша, докторша* и т.п.) значение ‘жена того, кто назван производящей основой’, не сопровождается значением ‘вдова’, хотя вдовы в разговорной речи и в языке художественной литературы по-прежнему назывались *генеральшами, майоршами* и т.п. Очень редко значение ‘жена’ сопровождается в словарях также значением ‘дочь…’.

2. Толкование некоторых типов производных слов без учета их производности.

Ключевые слова: производность, толковый словарь, феминизмы, образность, язык художественной литературы, способ образования.

The article discusses the definitions of the meanings of derived words in explanatory dictionaries in two aspects.

1. The absence of certain meanings in derived words. Thus, in the derivative names of female persons (*generals, majors, doctors*, etc.), the meaning of the wife of the one who is called the producing base is not accompanied by the meaning of a widow, although widows in colloquial speech and in the language of fiction were still called *generals, majors*, etc. Very rarely is the meaning of a wife accompanied in dictionaries also by the meaning of a daughter...

2. Interpretation of certain types of derivative words without regard to their derivative.

Keywords: productivity, explanatory dictionary, feminisms, imagery, language of fiction, method of education.

О необходимости более внимательно подходить к определению значения производных слов в толковых словарях писала Е.А. Земская [ЗЕМСКАЯ 1977; 2004: 139–152]. В этих работах Е.А. Земская на большом материале показывает несимметричность толкования в БАС однотипных относительных прилагательных и, тем самым, нарушение системности отношений, свойственной прилагательным этого разряда.

В нашей статье рассмотрены определения значений производных слов в толковых словарях русского языка в двух аспектах.

1. Отсутствие в словарях некоторых значений производных слов.

2. Толкование значений, выводящее некоторые типы слов из категории производных.

Прежде всего остановлюсь на том, отражается ли в толковых словарях реальное существование некоторых значений производных слов.

Предметом рассмотрения будут слова со значением женскости.

1. Известно, что образование типа *генеральша* широко употреблялись в русском языке XIX века (и раньше) со значением ‘жена…’. Но в словарях не отмечено их употребления со значением ‘вдова…’. Единственный случай: в словаре Ушакова слово *офицерша* толкуется как ‘жена или вдова офицера’.

Однако в разговорной речи и в языке художественной литературы это значение встречалось нередко, встречается и сейчас не только у слов *генеральша, майорша, капитанша,* но и у *дворничиха, рыбачка, морячка докторша,* (что не мешает им сочетаться со значением ‘женщина-майор’, ‘женщина-прокурор’ и т. д.).

Впрочем, ***экс-прокурорша*** *была замечательно умная женщина и, между нами сказать, знала дела не хуже покойного прокурора* (М. Жукова. Дача на Петербургской дороге); *Мать ее,* ***майорша****, была бедная женщина и жила на квартире у дяди* (Ф. Решетников. Между людьми); *Пришла* ***старуха-капитанша*** *с медальоном покойного мужа* (Ф. Достоевский. Дневник писателя); ***Солдатка*** *– жена солдата // вдова солдата* (БАС); *Паша была* ***солдаткой****. Муж ее пропал без вести еще в начале войны* (И.Л. Кремлев. Большевики); *А в поезде едут солдаты. Едут, чтобы в Маньчжурии их убили, а жены остались* ***солдатками*** (С.В. Сартаков. Хребты Саянские); *Я должен у вдовы,* ***у докторши****, крестить* (А. Грибоедов. Горе от ума); *У* ***предводительши****. В этот день вдова, предводителя Любовь Петровна служит по усопшему имениннике панихиду* (А. Чехов. У предводительши); *Рыдала Фламандская* ***рыбачка****..., с тоскою глядя в море, поглотившее ее моряка* (А. Веселый. Россия кровью умытая).

В рассказе А. П. Чехова “Оба лучше” упоминается *баронесса* Шеплинг и *генеральша* Жеребчикова – обе вдовы, обе бедны, но называют их ‘*баронесса*’ и ‘генеральша’.

Употребление (вдова того, кто назван производящей основой) встречается в разговорной речи в настоящее время. Ср.: *– У нас рядом* ***адмиральша*** *живет // – Разве бывают женщины-адмиралы? – Да она вдова / у нее муж был адмирал //* [ЗЕМСКАЯ 1992: 148].

Разумеется, такие функциональные названия, как *кассирша, лифтерша, секретарша* не имеют значения ‘жена…’ и соответственно ‘вдова…’, поскольку их работа отнюдь не связана с работой мужа (даже если он тоже где-то работает кассиром, лифтером, секретарем, а не продавцом, дворником и т. п).

Судьба приведенных и аналогичных слов неодинакова. Слово *докторша* сейчас активно употребляется (правда, преимущественно у москвичей) как женщина-врач. Ср.: *Вчера ходила к своей* ***докторше****, она на УЗИ послала* (Запись устной речи). Замечу, однако, что это несколько

“ущербная” номинация: в функции обращения к врачу она не используется.

Но в художественной литературе значение ‘жена доктора’ может быть “реанимировано”. Например: *Мы сами слыхали, как* ***докторша*** *говорила мужу: когда ты задержался у больного, я всю ночь ждала, не заскрипят ли ступеньки* (Е. Шварц. Снежная королева). *Швейцарша* в настоящее время употребляется (и толкуется в словарях) только как функциональное имя. *Е. Новиков спросил у сидевшей в подъезде старухи* ***швейцарши****, дома лишь жилец квартиры №19* (В. Гроссман. За правое дело); Ср.: у Лескова: *Он рядил ее как куколку, рядил именно так, чтобы она походила не на* ***швейцаршу****, а настоящую* ***швейцарку*** (Н. Лесков. Павлин) [ее муж был швейцар О.Е.]

Некоторые замечания требуется, на мой взгляд, сделать о слове *солдатка*. Оно употреблялось на Руси с XVIII века со значением ‘жена’ или ‘вдова’ – солдата (второе значение словари не отмечали).

В советское время это слово не употреблялось, поскольку породившее его *солдат* было заменено словом *красноармеец*. Ср.: – *Как живешь,* ***солдат****? – Парень смутился. В то время в нашей армии обращение «солдат» было не принято. Говорили: «боец», «красноармеец»*. (Бек. Волоколамское шоссе). Соответственно появилось и слово *красноармейка*.

Красноармейка. 1 *разг.* женск. к красноармейцу; 2 Жена красноармейца. *Вечером в избе у Прасковьи было собрание: сошлись* ***вдовы-красноармейки*** (Неверов. Головка).

Оно, по-видимому, было не очень употребительно (текстовых примеров встретилось 4) и недолговечно. Приведу некоторые примеры.

Ее он спросил, не ***красноармейка*** *ли она…* (В. Гельфанд. Дневники 1941-1943 гг.); ***Красноармейка****. С красной звездой на рукаве в освободительный бой я иду* (А. Баркова. Красноармейка (1921).

В X1X в. Слово *солдатка* широко употреблялось, но обросло отрицательными коннотациями из-за положения женщин, долгое время остающихся без мужей.

«В солдаты будут поступать холостые люди, с чем вместе прекратится существование класса ***солдаток****, столь тягостное для общества»* (Бутовсккий. 1847). Слово *солдатка*, как нетрудно заметить по произведениям литературы 1-й половины XIXв., было почти синонимом слова «проститутка» (коллективный. Форум: Война 1812г.).

Текстовые примеры разных лет иллюстрируют отношение к солдаткам, которое и укрепляло отрицательные коннотации у слова: *солдатка* – ‘доступная женщина’. Ср.: *Вы, господин, в женском не нуждаетесь? – Тут* ***солдатка*** (М. Горький. Жизнь Клима Самгина); *Тоже, поди, нелегко жить четыре-то года без мужа.* ***Солдатка****… Известно, какие они,* ***солдатки-то*** (А. Куприн. Ночная смена); *…Мне,*

напротив, надо, чтобы только здоровая, да поменьше хлопот – ***солдатка*** *или эдак* …(Л. Толстой. Дьявол); ***Солдатка*** *не вдова, не мужняя жена; Солдатским ребятам вся деревня отец* (Сл. Даля).

В словаре Ушакова слово: *солдат* толкуется так**:** 1. Рядовой военнослужащий, первоначально, вольнонаёмный (дореволюц. загр.). Соответственно – *солдатка* – женщина (обычно о крестьянке), муж, которой служит в солдатах. При этом слове нет помет – (дореволюц., загр.), но это как бы само собой разумелось.

Однако при этом в словаре Ушакова не отмечается значение ‘вдова солдата’, хотя в XIX веке оно было вполне употребительным.

Во время Отечественной войны слово *солдатка* в крестьянской среде, видимо, стало возрождаться (если доверять свидетельству К. Симонова):

Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,
Как слёзы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!»
И снова себя называли ***солдатками****,*
Как встарь повелось на великой Руси
(К. Симонов. Алексею Суркову).

После войны в художественной литературе слово *солдатка* со значением ‘вдова’ употреблялось довольно активно. Ср.: *Солдатская* ***вдова****,* ***солдатка****, второго мужа не нашла* (Б. Слуцкий. Оказывается, война…*); Агриппина Землянко,* ***вдова-солдатка****, покалеченная бугаем, ходила за панскими коровами* (В. Осеева. Динка прощается с детством);

Отмечено значение ‘*вдова*’ у слова *солдатка* в БАС (1963 г., т. 14), как употребление: *Солдатка* – жена солдата // вдова солдата.

В дальнейшем ни в МАС, ни в разных изданиях словаря С. И. Ожегова, С.И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, ни словаре Н.Ю. Шведовой 2008 г. *солдатки-вдовы* нет.

В настоящее время это значение «возродилось», но как *устар.*

Значение ‘дочь того…’ в русском языке специальными словами представлено незначительно: *княжна, королевна, царевна, поповна*. Но нередко оно совмещается со значением ‘жена…’. Словарями такое совмещение отмечено у слов *баронесса* и *графиня.*

В речи значение ‘дочь…’ слова *графиня* встречалось регулярно. Ср:

За несколько дней до свадьбы Берг вышел рано утром в кабинет графу и с приятной улыбкой почтительно попросил будущего тестя, объявить ему, что будет дано за ***графиней Верой*** (Л.Н. Толстой. Война и мир).

А вот у слов, не называющих титулы, значение ‘дочь’ или не отмечается, или отмечается крайне редко.

Так, у слова *мельничиха* обычно словари фиксируют значения: ‘женское к мельник’ и ‘жена мельника’ (Сл. 1847; Сл. Ушакова; Сл. Шведовой). Только БАС и МАС отмечают значения ‘дочь мельника’.

Хотя в текстах XIX и XX в. это значение встречается.

Ср: *Ведь* ***мельничиха*** *здесь. Скорее выведи ее* (А.С. Пушкин. Русалка); [Князь говорит о дочери мельника, которую он покинул]; *А у мельника была дочка, такая красивая дивчина… Полюбилась эта* ***мельничиха*** *Опанасу* (А. Куприн. Лесная глушь); Ср: также название вокального цикла Ф. Шуберта “Прекрасная *мельничиха*”, где речь идет о дочери мельника. В немецком языке словари не отмечают в слове Müllerin значение ‘дочь мельника’, хотя употребление, очевидно, было, а может быть, и есть.

Наблюдения показывают, что значение ‘дочь…’ у некоторых имен со значением женскости встречалось в разговорной речи, отраженной в художественной литературе XIX в., и встречается в настоящее время.

Такое употребление можно отметить у так называемых сословных имен *дворянка, крестьянка, мещанка, купчиха* или у лиц по чину, званию и т. п. отца: *генеральша, майорша, полковница* и др. Вот некоторые примеры, относящиеся к прошлому и настоящему.

Купца расстреляли, а семью сослали в Сибирь… Бывшая купеческая дочь с трудом нашла место родного дома. ***Купчихи*** *той больше никто никогда не видел, про няню уж забыли вспоминать…* (Блоги 2018).

Случилось так, что начала бывать у нас это самая Марго. Она дочь майора Силина… Эта юная ***майорша*** *продолжает бывать у вас? – спросила* она [госпожа Тучкова О.Е.] *тоном судьи* (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов); *А, да ты* ***генеральша?*** – [у девочки отец генерал О.Е.] (запись устн. речи).

Тут неподалеку трактир держит один мужик. Там есть молоденькая ***трактирщица****. – Жена? – Нет, дочка. Жены нету* (Блоги). *В это время пришла наша молочница со своей девочкой… Бегу, хочу сорвать цветок. Вдруг вижу, стоит между цветами маленькая* ***молочница*** *и глаза у нее широко раскрыты* (В. Новицкая Хорошо жить на свете! 1912).

Слово *солдатка* в значении ‘дочь солдата’ мне не встретилось, но, конечно, могло употребляться.

Существовало и существует слово *солдатенок*. По аналогии со словами *ребенок, котенок, лисенок* и т.п. оно должно бы называть невзрослое существо безотносительно к полу. Но называет ребенка мужского пола. Отмечено оно только в словаре 1847г. со значением ‘малолетний сын солдата’. В художественной литературе XIX века *солдатенок* – это ‘молодой, неопытный солдат’. Ср.: *– Ах ты, мальчишка, щенок!* ***Солдатенок*** *– смеешь меня…лейтенанта…задыхаясь, проговорил*

Капитон Иваныч (Е. Салиас. На Москве); – *Я его давно замечал, – сказал другой. – Да что,* ***солдатенок*** (Л.Толстой. Война и мир). В рассказе Ч. Айтматова «Солдатёнок» речь идёт о мальчике. Это, очевидно, единственный случай, когда нейтральный по отношению к полу суффикс -*онок* выражает значение мужского пола в соответствии с грамматическим родом.

Возможно, в отдельных случаях у слова *солдатёнок* нет явного значения ‘мальчик’, (просто ‘ребенок’), но значение ‘дочь’ там усмотреть трудно.

И останутся тогда –
Домовина – хатка,
Солдатёнок *– сирота,*
Вдовушка – солдатка (И. Сельвинский. Казачья колыбельная песня – 1943)

2. Теперь кратко рассмотрю слова иного типа, которые на основе словарных толкований выводятся из категории производных.

Так определение значение слова *угрызения* только как (чувство стыда, раскаяния) и при этом иллюстрации сочетанием *угрызение совести*, лишая его производности, лишает его и образности.

Немотивированным оказывается и сочетание его со словом *совесть*.

Но даже когда некоторые словари (БАС, МАС) дают в качестве первого значения действие по значению глагола *угрызть-угрызать* – по отношению к твердому предмету, в частности – сахару, связь с чувством стыда и раскаяния установить довольно трудно.

И лишь словаре 1847 года все проясняется: Ср.:

Угрызение – укушение, уязвление зубами. *У совести. Беспокойство, терзание, производимое совестью. Такое толкование проясняет образ, лежащий в основе ‘угрызения совести’, ‘совесть грызет’, ‘жалит, как зверь, как змея’. Иначе откуда известные метафоры у Пушкина. См.:

Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней:
Тому уж нет очарований,
Того ***змия воспоминаний,***
Того ***раскаянье грызет*** (А.С. Пушкин. Евгений Онегин); *В бездействии ночном живей горят во мне* ***змеи*** *сердечной* ***угрызенья*** (А.С. Пушкин. Воспоминание).

Таким образом, “отказывая” слову в производности, словарное толкование затушевывает образ, мотивирующий его значение.

Кроме того, утрата связи с *грызть, кусать, причинять боль* выводит слово *угрызения* из группы аналогов *ужалить, укусить, уколоть*, а между тем – не только совесть, но и другие сильные чувства – *стыд, зависть, страх, злость, ревность*, в их воздействии на душу человека в русском

языке уподобляются жалящему, грызущему, колющему, кусающему живому существу.

Ревность *немедленно* ***ужалила*** *Шаталова в самое сердце. В ранку попал яд и с молниеносной быстротой распространился по всему телу* (Г. Куликова. Блондинка за левым углом).; *Ужалены* ***тоской, страхом, гневом…*** *Но горькой* ***жалостью ужален****, учитель старый вздрогнул вдруг* (П. Антокольский. В переулке за Арбатом); ***Змея литературного самолюбия жалит*** *иногда и неизлечимо, особенно людей ничтожных и глуповатых* (Ф. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели); *Но и* ***злость укусила****, а кто разрешил ей обманывать, морочить* (Н. Садур. Сад); *Опять* ***ревность укусила*** *Райского* (Н. Гончаров. Обрыв); *Не скрывайся, не усердствуй, все равно придешь ты вновь:* ***Укусила*** *прямо в сердце нас цыганская* ***любовь*** (С. Парнюк. Цыганская песня); *Ко всем мучением его недоставало* ***зависти****. Она вдруг* ***укусила*** *его в самое сердце* (Ф. Достоевский. Идиот); *Платонова* ***укусил страх*** (М. Горький. О тараканах); *Я начал ощущать какую-то тайную* ***грызущую тоску*** (И. Тургенев. Фауст); *И Анджело смущенный,* ***грызомый совестью*** *туда же поспешил* (А.С. Пушкин. Анджело); ***Червь сомнения грыз*** *меня со страшной силой* (Т. Полякова. Сыщик моей мечты); *Злобное и мучительное* ***чувство укололо*** *его в эту минуту* (П.Д. Боборыкин. Изменник).

Своеобразие семантики слов *головомойка, головорез, лизоблюд, молокосос, буквоед* и т.п., уже отмечалось в разных исследованиях [ЕРМАКОВА 1984: 129 и др.; ЕРМАКОВА, ЗЕМСКАЯ 1991].

В этой статье я хотела бы коснуться определения их семантики в толковых словарях. Приведу некоторые примеры из словаря Н.Ю. Шведовой (2008): Ср:

Головомойка – (разг.) строгий выговор с нравоучениями.

Головорез – (разг.) отчаянный озорник, а также хулиган, бандит.

Лизоблюд – человек, который прислуживается к кому-либо, подхалим.

Ср. также – *буквоед, молокосос* и др.

Такие толкования, на мой взгляд, не позволяет считать эти слова производными, хотя уже не раз они рассматривались как пример особого типа мотивации [ЕРМАКОВА 1975; ЛОПАТИН 1975; ЕРМАКОВА, ЗЕМСКАЯ 1991].

Разумеется, нельзя упрекать составителей словарей за то, что у слов этого типа не отмечается потенциальное прямое значение (и, следовательно, приводимое не характеризуется как образное, метафорическое), но почему бы не сопроводить в скобках приведенные толкования объяснением внутренней формы этих слов.

См., например, как обыгрывается внутренняя форма слова головомойка К. Чуковским:

И тебе ***головомойку****,*
Неумытому дадут -
Прямо в мойку,
Прямо в мойку
С головою окунут (Мойдодыр)

Ведь включаются в словаре Н.Ю. Шведовой сведения о происхождении слов.

Однако, это лишь размышление, не претендующее на то, чтобы с ним солидаризировались.

И, наконец, о словах, у которых производность не связана с образностью. Лишение их производности, на наш взгляд, позволяет вернуться к вопросу, многократно рассмотренному в исследованиях системы словообразования – к вопросу о способах словообразования. Сначала примеры.

Словам *следователь* и *расследователь* в естественной речи могут употребляться как взаимозаменяемые слова. Ср.: *Как бы заявлять не поехала, что перстень-то пропал. Понаедут дознаватели,* ***расследователи****, что делать тогда?* (Т. Устинова. Призрак Канта).

Аналогично – *следствие* и *расследование*.

Расследование – действие по знач. глаг. расследовать [судебное следствие] *Да. Грязное дело. Положим, я еще только начинаю* ***расследование****, но нехорошо* (Л. Толстой. Живой труп).

Депрефиксация как способ образования рассматривалась русскими и зарубежными исследователями. И.С. Улуханов считает депрефиксацию характерной только для неузуальных образований [УЛУХАНОВ 1977: 44–45; УЛУХАНОВ 1996: 77]. Среди узуальных способов он отмечает депрефиксацию + префиксацию (мену приставок): з*астегнуть* – *расстегнуть* и т.п. [УЛУХАНОВ 1977: 72].

В случае *расследовать* – *следователь* – я бы назвала способ образования – депрефиксация + суффиксация. Конечно, решение может быть и другим, но считать слова *следователь* и *следствие* непроизводными, на мой взгляд, нецелесообразно.

Мне представляется, что несмотря на некоторую пестроту рассмотренного материала, эти краткие заметки показывают, что положение производных слов в толковых словарях требует внимания со стороны лингвистов. Высказанные мною соображения, очевидно, могут показаться спорными, но они, возможно, вызовут у других исследователей желание поразмышлять над определением значений производных слов в толковых и других словарях.

Литература

ЕРМАКОВА 1975: *О.П. Ермакова*. Соотнесение формальной и смысловой членимости у некоторых типов производных слов, имеющих

только переносное значение // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. –М.: «Наука».

ЕРМАКОВА 1984: *О.П. Ермакова*. Производные слова, имеющие потенциальная прямое и узуальное переносное значения // Лексические значения производных слов в русском языке – М.: «Русский язык».

ЕРМАКОВА, ЗЕМСКАЯ 1991: *О.П. Ермакова, Е.А. Земская*. К уточнению отношений словообразовательной производности // Russian Linguistics. 15 (1991).

ЗЕМСКАЯ 1976: *Е.А. Земская*. Производные слова в толковых словарях русского языка // Современная русская лексикография. –Л.

ЗЕМСКАЯ 1992: *Е.А. Земская*. Словообразование как деятельность. – М.: «Наука».

ЗЕМСКАЯ 2004: *Е.А. Земская*. Язык, как деятельность. – М.: Языки славянской культуры.

ЛОПАТИН 1975: *В.В. Лопатин.* Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент.

БАС 1950–1965: Словарь современного русского литературного языка. – М.-Л.

СЛОВАРЬ 1867: *Словарь церковно-славянского и русского языка*, составленный вторым отделением Императорской академии наук. Второе издание. – Санктпетербург: Типография Императорской академии наук.

УШАКОВ 1935–1940: Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ. «Советская энциклопедия».

УЛУХАНОВ 1977: *И.С. Улуханов*. Словообразовательная семантика в русском языке. – М.: «Наука».

УЛУХАНОВ 1996: *И.С. Улуханов*. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М.

ШВЕДОВА 2008: *Н.Ю. Шведова*. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. – М.

Janočková Nicol
Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra Slovenskej akadémie vied,
Slovensko, Bratislava
nicol.janockova@juls.savba.sk

REFLEKTOVANIE DERIVAČNÝCH VZŤAHOV VO VÝKLADOVOM SLOVNÍKU[1]

Výkladové slovníky akademického typu sa obyčajne zameriavajú na opis iných jazykových parametrov lexém ako špeciálne slovotvorné slovníky. Napriek tomu v nich možno nájsť dôležité slovotvorné informácie. V štúdii sa pozornosť zameriava na to, ako sa reflektujú derivačné vzťahy v pripravovanom *Slovníku súčasného slovenského jazyka* [SSSJ: A–G 2006; H–L 2011; M–N 2015] so zreteľom na metodologickú koncepciu tohto lexikografického diela. Ide hlavne o úroveň makroštruktúry (heslár) a úroveň mikroštruktúry (hniezdovanie, slovotvorný a lexikálny výklad významu, slovotvorná synonymia a slovotvorná variantnosť). V ďalšom sa tieto vybrané koncepčné otázky porovnávajú so spôsobom spracovania v pripravovanom *Akademickom slovníku současné češtiny* [ASSČ].

Kľúčové slová: výkladový slovník, heslár, hniezdovanie, výklad významu, slovotvorná synonymia, slovotvorná variantnosť.

Although scholarly monolingual dictionaries are typically aimed at describing different linguistic parameters of lexical units than specialized derivational dictionaries, important word-formation information, nonetheless, can be found there as well. Our study is targeted at describing presentation of word-formation relationships in the new *Dictionary of the Contemporary Slovak Language* [1st vol. A–G 2006; 2nd vol. H–L 2011; 3rd vol. M–N 2015], considering the methodological conception of this lexicographic work, both at the level of macrostructure (headword list), and that of microstructure (run-ons, derivational vs. lexical type of definitions, derivational synonymy and variant spellings). All these issues are presented in comparison with the decisions taken in the currently prepared *Academic Dictionary of Contemporary Czech.*

Key words: monolingual dictionary, headword list, run-ons, definition, derivational synonyms and variants.

Výkladové slovníky akademického typu sa zameriavajú na opis iných jazykových parametrov lexém ako špeciálne slovotvorné slovníky. Napriek tomu v nich možno nájsť dôležité slovotvorné informácie. V našom príspevku sa zameriavame na spôsob registrovania derivačných súvislostí slovotvorne motivovaných jednotiek vo výkladovom slovníku, konkrétne v *Slovníku súčasného slovenského jazyka* [SSSJ: A–G 2006; H–L 2011; M–N 2015] so zreteľom na jeho predchodcov – *Slovník slovenského jazyka* [6 zv. SSJ 1959–1968;] a *Krátky slovník slovenského jazyka* [4. vyd. KSSJ 2003][2]. Porovnávací aspekt prináša pohľad do koncepcie pripravovaného *Akademického slovníka*

[1] Príspevok bol vypracovaný v rámci grantového projektu VEGA č. 2/0017/17 *Slovník súčasného slovenského jazyka – 6. etapa (Koncipovanie a redigovanie slovníkových hesiel a s tým spojený lexikologicko-lexikografický výskum)*.

[2] Porov. *Slovníkový portál Jazykovedného ústavu Ľ. Štúra SAV* [online]. Dostupné na: http://slovnik.juls.savba.sk/ [cit. 19. 7. 2019].

současné češtiny[1] [ASSČ; porov. aj KK ASSČ 2016], ktorý na stránke Ústavu pro jazyk český AV ČR, v. v. i., prezentuje zatiaľ iba heslá písmena A; ostatné slovníkové heslá plánujú autori uverejňovať postupne. Sústredíme sa najprv na makroštruktúru, reprezentovanú heslárom slovníka, a na niektoré oblasti z úrovne mikroštruktúry, a to na výhody a nevýhody hniezdovania, na slovotvornú a lexikálnu perifrázu vo výklade významu, slovotvornú synonymiu a variantnosť.

Heslár SSSJ vznikol spojením heslára *SSJ, KSSJ, Pravidiel slovenského pravopisu* [PSP 2000, 2013], *Slovníka cudzích slov (akademického)* [SCS 2005] a "korpusového heslára" (zoznam lem zo Slovenského národného korpusu, ktoré doteraz neboli v slovníkoch zachytené). "Korpusový heslár" bol vytvorený lematizáciou slovných tvarov extrahovaných zo *Slovenského národného korpusu*[2] [SNK 2013] a nerozpoznaných automatickou morfologickou analýzou (týka sa to hlavne 3. zv.; korpusový heslár z prvých dvoch zväzkov bol zostavený ručnou lematizáciou individuálne samotnými autorkami; JAROŠOVÁ, v tlači). Počas koncipovania sa zároveň dopĺňajú heslá aj na základe slovotvorných vzťahov (adverbiále a abstraktá k adjektívam, prechýlené mená k maskulínam, deminutíva, overuje sa zvratnosť slovies, slovnodruhové prechody a pod.). Plánovaný rozsah slovníka je asi 200 000 hesiel. V doteraz publikovaných prvých troch zväzkoch (zahŕňajúcich heslá písmen A–N) je spracovaných 72 526 hesiel. Každý zväzok má osobitnú prílohu zoznam miest a obcí na Slovensku s prihniezdovanými obyvateľskými menami a adjektívami.

Na rozdiel od SSJ a KSSJ súčasťou heslára SSSJ sú privlastňovacie adjektíva utvorené od pomenovaní rodinných príslušníkov (*dcérin, dedkov, manželov, nevestin*) a privlastňovacie adjektíva utvorené od apelatív aj proprií vystupujúce v ustálených spojeniach (*čertov [futro, kopýtko...], Kainov [znamenie]*). SSSJ vo väčšej miere spracúva lexikalizované jednotky utvorené prefixom *ne-* (okrem slovies, pri ktorých prefix vytvára záporové slovesné tvary; sú však aj výnimky typu *nedokrvovať sa, nevražiť, neznášať*[3]), napr.

---

[1] http://www.slovnikcestiny.cz/web/uvod.php [cit. 19. 7. 2019].

[2] Korpusový heslár vytvoril V. Benko z tejto korpusovej verzie: *Slovenský národný korpus – prim-6.1-public-vyv*. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV 2013. Dostupné na: http://korpus.juls.savba.sk.

Korpusový heslár je súčasťou projektu *Ortograficko-gramatický slovník. A–Ž (používateľská verzia Slovníka súčasného slovenského jazyka)*. Dostupné na: http://lex.juls.savba.sk/ [cit. 19. 7. 2019].

[3] Aby sme vylúčili negáciu ako gramatický tvar slovesa, slovesá v zápore ako samostatné lexémy sme overovali na základe testu M. Sokolovej [SOKOLOVÁ 2014], a to spájateľnosťou s futúrom: *bude znášať, nebude znášať* (základný tvar *znášať*) – *bude neznášať, nebude neznášať* (základný tvar *neznášať*), ale *bude sa leniť, nebude sa leniť* (základný tvar *leniť sa*) – **bude sa neleniť, *nebude sa neleniť* (len *leniť sa*). M. Sokolová rozlišuje: a) negatíva tantum (*nenávidieť*), b) negované motiváty s derivačným prefixom *ne-* (*nevražiť – bude na ne nevražiť*), c) slovesá v afirmatíve, ale s častým výskytom v zápore (*chyrovať* obyč. v zápore *nechyrovať*).

neadaptovateľný, neaktuálnosť, neaktuálny, nebadane, nebadanosť, nebadaný, Nečech, nečeský, nečesky.

Zo slovotvorných prostriedkov sa v pôvodnej koncepcii SSSJ počítalo aj s uvádzaním inventára slovesných prefixov (resp. prefixov a komponentu *sa* pri prefixálno-reflexívnej derivácii) na konci slovesnej heslovej state. Nakoniec sa upustilo od tohto zámeru z niekoľkých dôvodov: pri vidovej prefixácii by vznikol problém, ako odlíšiť čisto vidový prefix od lexikálneho; uvádzanie slovesných prefixov nebolo viazané na konkrétny význam motivujúceho základového slovesa, čo by skreslilo motivačný potenciál základového slovesa; všetky prefixálne slovesá, ktorých prefixy by sa uviedli pri základovom slovese, by museli byť samostatne spracované v ostatných zväzkoch, čo by vzhľadom na otvorený motivačný potenciál slovies bolo niekedy ťažko realizovateľné [JANOČKOVÁ 2008].

Z nesamostatných komponentov slova SSSJ spracúva afixoidy zväčša internacionálneho pôvodu, ktoré sa nachádzajú v SCS [2005], ale súčasťou sú aj niektoré dosiaľ nespracované prefixoidy typu *antropo-, arómo-, gama-, meteo-*[1], a len výberovo domáce prefixoidy – s ortografickým variantom z dôvodu sprehľadnenia zložitej homonymie medzi prefixoidom, samostatným komponentom a časticou (*ktovie-*, pís. i *ktovie*[2]; keďže existuje aj homonymná častica *ktovie*[1]), ktoré vystupujú ako motivanty neurčitých zámen s variantnou grafickou podobou, napr. *ktoviekam*, pís. i *ktovie kam*:

ktovie-, pís. i **ktovie**[2] prefixoid ▸ prvá časť neurčitých zámen vyjadrujúca nevedomosť, pochybnosť, napr.: *ktovieaký*, pís. i *ktovie aký*

ktoviekam, pís. i **ktovie kam** zám. neurčité príslovkové hovor. expr. ▸ odkazuje na neurčitosť cieľa smerovania (často so záporným hodnotením); nevedno kam; syn. bohviekam: *pobral sa k.; chlapec hľadí k.; Najlepšie priateľky cítili, že sú už zasa kamsi unášané, vrhnuté do neznáma, ktovie kam.* [J. Blažková]

---

[1] Hodnotenie niektorých prvkov ako prefixoidov sa nie vždy zhoduje s vnímaním afixoidov podľa *Morfematického slovníka slovenčiny* [MSS 1999], napr. MSS tieto komponenty hodnotí ako koreňové morfémy (nie prefixoidy) vtedy, ak existujú v samostatných heslách, hoci aj trunkované (*elektro- – elektr-in-a; agro- – agr-ár:n-y*), a ak majú lexikálny význam a derivačnú parafrázu. MSS hovorí o afixoidnom charaktere týchto koreňových morfém a príslušné kompozitá klasifikuje ako pravé kompozitá (na rozdiel od nepravých kompozít zložených z koreňových morfém neplnovýznamových slovných druhov typu *s-po-za, nech-že, mál-o-č-o*). SSSJ však nerozlišuje medzi trunkovaným koreňom a prefixoidom a tieto prípady označuje ako prefixoid. Na označenie kompozít, ktorých súčasťou sú prefixoidy či sufixoidy, teda komponenty, pri ktorých neexistuje ich netrunkovaná podoba, navrhuje M. Sokolová označenie kvázikompozitá [MSS 1999]. Odlišné vnímanie tejto problematiky sa reflektuje aj v úvode SSSJ [SSSJ, A–G 2006: 15]: "Pomenovania prefixoid a sufixoid prispôsobené praktickým zreteľom diela sa vzťahujú na súbor segmentov, ktoré z hľadiska morfematiky môžu predstavovať rozličné typy morfém".

Niektoré cudzie a domáce prefixoidy nie sú spracované ako samostatné heslá a v slovníku sa prezentujú len prostredníctvom niekoľkých lexém, napr. nie sú prefixoidy *kozmo-*, *nízko-*, ale máme heslá *kozmobiológia, kozmograf, kozmodróm; nízkoenergetický, nízkonákladový*.

Inventár sufixoidov je relatívne malý, napr. *-fil*, *-fília, -fób, -fóbia, -gate, -gram, -ifikácia, -ifikovať, -mánia, -nómia*. Z postfixoidov slovník registruje zatiaľ iba *-krát* ("druhá časť násobných číslovíek": *dvakrát*).

Jedným zo spôsobov signalizácie slovotvorných vzťahov v slovníku je lexikografická technika **hniezdovania** – typ výkladu priradením, ktorým sa šetrí priestor (dôležité pri tlačených slovníkoch). No v inom smere sa môžu prejaviť nevýhody hniezdovania, napr. odlišné štylistické hodnotenie prihniezdovaného hesla v porovnaní s jeho motivantom – ironické použitie prihniezdovaného deminutíva utvoreného od pomenovaní označujúcich intelektuálne činnosti typu *učitelík, advokátik* [BUZÁSSYOVÁ 2008b]; ďalej chýbajúci výklad významovej štruktúry, ktorá nemusí derivačne kopírovať významovú štruktúru motivanta. Pri samostatnom spracovaní pôvodne hniezdovaných typov derivátov je heslo spracované plnohodnotne a jeho derivačné súvislosti odráža výkladová perifráza, príp. odkaz na motivanta na konci heslovej state.

SSSJ obmedzuje hniezdovanie len na: deminutíva, augmentatíva, prechýlené, obyvateľské mená, hypokoristiká, frekventatíva a sekundárne predložky (*v nadväznosti na* prihniezdované pri hesle *nadväznosť*). Prihniezdované deriváty nemajú výklad významu, no uvádzajú, na ktorý význam polysémického motivanta sa vzťahujú (*húsenica* – zdrob. k 1 *húsenička*). Ich súčasťou je exemplifikácia. V prípade, že tieto typy derivátov majú aj iný význam, spracúvajú sa v samostatnom hesle (*mesiačik, brložisko, notárka*). Najčastejšie sa takto odčleňujú deminutíva, menej augmentatíva a prechýlené mená (*notárka* 1. žena vykonávajúca povolanie, funkciu notára, 2. hovor. zastar. notárova žena). Slová s oslabeným deminutívnym významom sú spracované ako varianty heslového slova (*ceruza, ceruzka*).

Na rozdiel od SSJ a KSSJ sa tu samostatne spracúvajú vzťahové adjektíva, vlastnostné príslovky, abstraktá (*mýtický, mýticky, mýtickosť*), všetky typy vidových dvojíc (*kresliť – nakresliť, navlhčiť – navlhčovať, doplniť – dopĺňať, doplňovať*; aj pri obojvidových slovesách typu *konštatovať – skonštatovať*) a isté typy reflexívnych slovies typu *holiť sa, bozkať sa* [JAROŠOVÁ 2008b; NÁBĚLKOVÁ 2008; JANOČKOVÁ 2008].

Výklad významu motivovaných jednotiek v SSSJ, na rozdiel od nemotivovaných lexém, popri perifráze lexikálneho významu obsahuje aj perifrázu slovotvorného významu. Koncepcia SSSJ nemá zadefinovaný inventár slov používaných vo výklade (defining vocabulary), ako je to napr. v anglických slovníkoch, ani nevyužíva techniku výkladu významu formou plných viet (full-

sentence explanation), ktorú uplatňuje Cobuild[1] [MOON 2015], ale využíva metajazyk totožného slovného druhu, ako je heslové slovo (pri autosémantických slovných druhoch): *anjelský* vzťahujúci sa na anjela; patriaci anjelovi; *kulinársky* kulinárskym spôsobom, charakteristicky pre kulinára; *nasnežiť* (o snehu) napadať v podobe snehových vločiek v určitom množstve.

Perifrázu slovotvorného významu motivovaných jednotiek možno považovať za výhodu, keďže v málo frekventovaných slovách naznačuje ich onomaziologickú schému [FURDÍK 1976]. Vzťahom slovotvorného a lexikálneho významu sa zaoberalo množstvo prác [DOKULIL 1978; FURDÍK 2004]. BUZÁSSYOVÁ [2013] hovorí, že slovotvorný význam má v lexikografickej praxi pri opise významu (na príklade spracovania abstrákt) komplementárnu funkciu.

Keďže slovotvorný význam je v porovnaní s lexikálnym významom abstrakciou vyššieho stupňa (typickou pre slovotvorný typ alebo onomaziologickú kategóriu) a vo výkladovom slovníku ide hlavne o opis významu individuálnej jednotky, dôraz sa tu kladie práve na jedinečný lexikálny význam. Typovosť slovotvorného výkladu sa zjednocuje v rámci lexikálno-sémantických skupín.

M. Dokulil [1978] konštatuje, že pri derivátoch patriacich k modifikačnému a transpozičnému typu onomaziologickej kategórie sa slovotvorný a lexikálny význam zhruba prekrývajú. No lexikografická skúsenosť z koncipovania SSSJ (samostatné spracovanie transpozičných derivátov, vzťahových adjektív a vlastnostných prísloviek) a prác K. Buzássyovej napovedajú o bohatej významovej štruktúre a špecifikácii významov či významových odtienkov týchto derivátov (porov. nominačnú a nominalizačnú funkciu názvov deja a vlastnosti [BUZÁSSYOVÁ 1982, 1993, 2000].

V perifráze slovotvorného významu možno vidieť nielen priameho motivanta, ale aj sprostredkovaného, teda viacnásobnú motiváciu, alebo to, čo K. Buzássyová [1980] hodnotí ako rozštiepenie štruktúrnej a sémantickej motivácie:

hrdinstvo *-va -tiev* s. **1.** iba sg. ▸ vlastnosť, správanie hrdinu, odvážneho a ušľachtilého človeka; syn. hrdinskosť, udatnosť, neohrozenosť: *prejaviť, preukázať h. v boji; vyzdvihovať h. vojakov; udeliť medailu za h....*

2. ▸ hrdinský, odvážny, ušľachtilý skutok, čin: *veľké vojenské hrdinstvá; klamné hrdinstvá; vykonať obdivuhodné h....*

1. význam: *hrdina* → *hrdinstvo* (“vlastnosť, správanie hrdinu”)

[1] Napr. *crunchy* – adjective – Food that is **crunchy** is pleasantly hard or crisp so that it makes a noise when you eat it: *...fresh, crunchy vegetables. Bake the mixture for 30 minutes until the top is golden and crunchy.* [Collins English Dictionary. The entry crunchy; online]. Dostupné na: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/crunchy [cit. 19. 7. 2019].

2. význam: *hrdina* → *hrdinský* → *hrdinstvo* ("hrdinský čin, skutok/ skutok hrdinu").

Pri desubstantívnych vzťahových adjektívach sa spája všeobecná a konkrétnejšia perifráza slovotvorného významu, v ktorej sa konkretizuje onomaziologický spoj:

alergický -*ká* -*ké* príd. **1.** (i na čo) ▸ súvisiaci s alergiou, precitlivenosťou; vyvolaný alergiou; postihnutý alergiou: *alergické ochorenie; alergická reakcia; alergická nádcha; alergické dieťa; byť a. na prach, roztoče, mlieko...*

Synonymia a variantnosť. Paradigmatické vzťahy heslového slova s ostatnými jednotkami slovnej zásoby sa naznačujú v slovníku príslušnými synonymami a antonymami (ak existujú) za výkladovou časťou významu. Synonymá vo výkladovom slovníku môžu mať niekoľko funkcií: 1. onomaziologickú, 2. spresňovaciu, doplňovaciu, 3. systemizačnú, 4. štylistickú [PISÁRČIKOVÁ 1992].

V SSSJ sa synonymá uplatňujú v týchto prípadoch [JAROŠOVÁ 2008a]:

1. vo výklade, ak toto synonymum je nadradeným pojmom heslového slova (inkluzívne synonymá):

kanárikový -*vá* -*vé* príd. ▸ majúci farbu žltého kanárika, kanárikovožltý: *k. dres...*

2. ako podporný, neutrálny prostriedok výkladu príznakového slova, nachádzajúci sa za výkladom po čiarke:

krásnučko, **krásnunko**, **krásnulinko** prísl. expr. ▸ veľmi príjemne pôsobiac na zmysly, veľmi pekne, krásne; syn. peknučko, peknulinko: *bolo tam krásnučko*; *bábätko má krásnulinko modré očká...*

3. ako alternatíva heslového slova za skratkou syn. – jednotky s podobnou pojmovou a pragmatickou zložkou významu, ako má heslové slovo:

lotrovstvo -*va* -*tiev* s. **1.** pejor. iba sg. ▸ vlastnosť, správanie sa lotra, zlého, podlého, ničomného človeka, naničhodnosť; syn. lotrovina, lumpáctvo: *z očí mu hľadí l...*

4. ako typ výkladu pri istom okruhu príznakových slov (*bagetka*) alebo ak slovotvorné synonymá nasledujú abecedne tesne za sebou (*benignita, benígnosť*):

bagetka -*ky* -*tiek* ž... **2.** hovor. ▸ bagetéria: *som hladný, neskočíme do bagetky?...*

benignita [-n-n-] -*ty* ž. ⟨lat.⟩ lek. ▸ benígnosť; op. malígnosť: *b. nádoru; histologickým vyšetrením sa potvrdí b. nálezu v prsníku*

Heslá, ktoré majú charakter univerbátu, sa vykladajú zvyčajne aj pomocou svojho motivanta – multiverbizovaného pomenovania alebo lexikalizovaného spojenia:

MHD [em há dé] skr. i ž. i s. ▸ mestská hromadná doprava: *košická MHD...*

neziskovka *-ky -viek* ž. hovor. al. publ. ▸ nezisková organizácia: *problémy neziskoviek...*

Alebo naopak, multiverbizované pomenovanie sa vyloží univerbátom:

inventarizácia *-ie* pl. G *-ií* D *-iám* L *-iách* ž. ... **2.** fin. ▸ spôsob overenia, či stav majetku a záväzkov v účtovníctve zodpovedá skutočnosti k určitému dátumu: *polročná, kontrolná i.; i. zásob;...* □ *robiť, urobiť, vykonať inventarizáciu* inventarizovať

Zo slovotvorného hľadiska je relevantný rozdiel medzi **slovotvornými** (rovnakokoreňovými) **synonymami** a **slovotvornými variantmi** – slovotvorné synonymum je samostatná lexéma, slovotvorný variant je formálna obmena heslového slova. Hranica sa určuje veľmi ťažko. Slovotvorná synonymia je len jedným z typov jazykovej synonymie (morfologická, syntaktická, lexikálna, slovotvorná, štylistická, frazeologická), rovnako ako aj slovotvorná variantnosť, ktorá sa v jazyku vyskytuje popri fonematickej, ortografickej, gramatickej či lexikálnej variantnosti.

A. Jarošová [JAROŠOVÁ 2009] sa pokúsila o rozhraničenie variantov a rovnakokoreňových synoným v SSSJ. Ako metodologický nástroj použila typológiu morfém pri rovnakokoreňových derivátoch s rozličnými afixmi.

Varianty nerovnocenné z časového hľadiska alebo frekvencie sa uvádzajú v SSSJ za daným kvalifikátorom (*hegelovec*, star. i *heglovec*; *haditý*, zried. *hadistý*; *neznaboh*, zastaráv. *neznajboh*). Ako kvázivarianty hodnotí autorka prípady prevzatých slov s pôvodným pravopisom (*mačo*, pôv. pís. *macho*). Slová štylisticky odlišné sú spracované samostatne (*dnes* – hovor. *dneska*). Všetky tieto prípady nepovažuje autorka za plnohodnotné varianty.

Autorka popri fonematických, grafických a morfologických variantoch analyzovala aj slovotvorné varianty dvojakého typu. Slovotvorné varianty **privatívneho typu** (jeden člen z dvojice obsahuje jeden formálny prvok navyše) sa odlišujú v derivačnej morféme – ide o prípady, keď jeden člen má derivačnú morfému, druhý nie (*ceruz-a/ceruz-**k**-a; kutr-a:ť/kutr-a:ť* ***sa***[1]), ale najmä o prípady rozšírenia sufixu o infix, napr. *mal-**ič:**k-ý/mal-**ič:ič:**k-ý* s rozšíreným sufixom *-k-*, alebo o prípady infixu rozširujúceho iný infix (*hydr-o-gen-ác:i-a/hydr-o-gen-**iz:ác:i**-a*). Autorka sem radí aj vokalizáciu prefixov (*bezdný/bez**o**dný*). Rovnakokoreňové substantívne deminutíva však považuje za slovotvorné synonymá, pretože sa vyznačujú jemnými významovými

[1] Morfematickú segmentáciu naznačujeme v súlade s *Morfematickým slovníkom slovenčiny* [MSS 1999]; infixy sa oddeľujú dvojbodkou.

a štylistickými odchýlkami, do istej miery na to vplýva aj hniezdovanie tohto typu derivátov: zdrob. i expr. *hrdielko*, zdrob. expr. al. poet. *hrdielce*.

Slovotvorné varianty **ekvipolentného typu** (každý z členov dvojice má iný, významovo ekvivalentný sufix: *bahen-n-ý/bahn-ov-ý; chov-a:n-ic-a/chov-a:n-k-a/chov-a:n-k-yň-a*; *ist-o/ist-e*) sú v konkurenčnom vzťahu. Patria sem napr. aj varianty v rámci vidových korelácií (*na-strih-n-ú:ť* – ***na-strih-áv-a:ť/na-strih-ov-a:ť***), frekventatíva (*maľ-ov-a:ť* – ***maľ-ov-áv-a:ť/maľ-úv-a:ť***), odlišné konjugačné typy (*ku-ť/ko-v-a:ť, na-pľu-ť/na-pľu-v-a:ť*). Prípady ohybné, neohybné adjektívum cudzieho pôvodu sa vnímajú ako slovotvorné synonymá a spracúvajú sa samostatne (*fér* hovor. – *férový*).

Dvojica adjektívnych sufixov *-ný* a *-ový* s rozličnými infigovanými podobami zahŕňa prípady, ktoré môžu vystupovať ako slovotvorné varianty (*bezkontaktný/bezkontaktový; dvojsemestrálny/dvojsemetrový; gumenný/gumový*), inokedy skôr ako slovotvorné paronymá s odlišnou významovou štruktúrou a spájateľnosťou (*adresný – adresový, drevný – drevový, multimediálny – multimédiový*). Ukazuje sa, že sufix *-ový* má blízko k vzťahovosti, sufix *-ný* okrem vzťahového významu nadobúda aj akostný význam.

Hlavný dôraz sa tu kladie na odlíšenie slovotvorných variantov od slovotvorných synoným a rozlíšenie jednotlivých typov variantov – rovnaký význam a pragmatická zložka významu. Slovotvorné (rovnakokoreňové) varianty majú totožný význam, pragmatickú hodnotu a odlišné sufixy. Tieto podmienky môžu spĺňať aj slovotvorné (lexikálne) synonymá – pre ktoré sú charakteristické jemné významové rozdiely a odlišná spájateľnosť (porov. varianty *bezkonflitný/bezkonfliktový*, ale samostatné jednotky *konfliktný, konfliktový*).

Akademický slovník současné češtiny [ASSČ] popri prístupe spoločnom so SSSJ spracúva niektoré analogické prípady iným spôsobom alebo prináša derivatologické informácie iného charakteru. ASSČ vzniká v Ústave pro jazyk český AV ČR, v. v. i., od r. 2012. Pôjde o všeobecný výkladový slovník stredného rozsahu (120 – 150 000 hesiel), skladajúci sa z hlavného heslára s prevažne apelatívnymi heslami a zo špeciálnych zoznamov[1]. Slovník je priebežne publikovaný v elektronickej podobe na internetovej stránke pracoviska[2] s možnosťou exportovania hesla do PDF-formátu a zároveň sa pripravuje jeho knižná podoba s priestorovo úspornejšou grafickou úpravou hesiel.

[1] 1. zemepisné mená, 2. rodné (krstné) mená, 3. mená mytologických, biblických a rozprávkových postáv, 4. textové, iniciálové skratky a značky.

[2] S možnosťou vyhľadávania hesiel začínajúcich sa na písmeno A. Dostupné na: http://www.slovnikcestiny.cz/web/uvod.php [cit. 19. 7. 2019].

Heslár ASSČ vychádza primárne zo slov vygenerovaných z korpusových zdrojov; ďalej sú to mediálny archív, neologická databáza, internet a predchádzajúce slovníky. V slovníku sa spracúvajú štyri typy heslových slov – jednoslovné výrazy, niektoré viacslovné výrazy (citátové výrazy typu *ad absurdum*, viacslovné prevzatia typu *bungee jumping*), niektoré lexikálne morfémy a skratky. Aj ASSČ reflektuje privlastňovacie adjektíva utvorené od názvov rodinných príslušníkov, prefixoidy a sufixoidy. Pri systémovej slovotvorbe číselných kompozít autori zvýšili frekvenciu výskytu daných derivátov na minimálne 100 výskytov [napr. *dvoj-/dvou-*, KK ASSČ 2016, 23]. Zo slovotvorného hľadiska súčasťou heslára nie sú prefixy a sufixy, okazionalizmy a efemérne výrazy typu *klausismus* "politika v duchu názorov V. Klausa" [efemérne slovo; BUZÁSSYOVÁ 2008a].

Metódou **hniezdovania** sa spracúvajú prechýlené názvy (na rozdiel od SSSJ sa samostatne spracúvajú aj názvy samíc typu *dobermanka*), deminutíva a frekventatíva. Prechýlené názvy zachytáva slovník aj v rámci zóny viacslovných pomenovaní:

akrobatický [-ty-] příd.
1. (2. st. -ičtější) vztahující se k akrobacii, k akrobatům • příznačný, charakteristický pro akrobacii, pro akrobata, akrobaty
akrobatické umění...
□ *akrobatické lyžování* lyžařská disciplína zahrnující akrobatický sjezd, akrobatické skoky a skikros
□ *akrobatický lyžař* závodník v akrobatickém lyžování
□ *akrobatická lyžařka* přechýl....

V prípade lexikalizácie nedeminutívneho významu deminutív alebo neprechýleného významu prechýlených názvov postupuje ASSČ rovnako ako SSSJ – osobitné heslá (v češtine napr. **autíčko 3.** model automobilu, zprav. jako hračka). Spôsob spracovania augmentatív a sekundárnych viacslovných predložiek (*v duchu, nehledě k...*) sa v koncepcii neuvádza a vzhľadom na publikované heslá písmena A s obmedzeným tvorením augmentatív a sekundárnych viacslovných predložiek tieto prípady nie je možné zatiaľ vyhľadať. Aj ASSČ pristúpil k osamostatneniu desubstantívnych vzťahových adjektív, prísloviek a abstrákt, vidových dvojíc a niektorých typov zvratných slovies.

ASSČ vo **výklade významu** hesiel vo väčšej miere využíva štruktúrované spracovanie, t. j. pri derivovaných lexémach sa v slovotvornej perifráze derivátu odkazuje na konkrétne číslo významu motivanta spolu so sémantickou skratkou v zátvorke:

andělský příd.

1. vztahující se k andělům 1 (nadpřirozeným bytostem)
andělská říza, andělské roucho
šumění andělských křídel...

Autorský kolektív pri spracovaní adjektívnych hesiel vychádza aj z významových konkretizácií opísaných v slovenčine NÁBĚLKOVOU [1993, 2008]. O vzťahu slovotvorného, potenciálneho a lexikálneho významu desubstantívnych adjektív k názvom rastlín, živočíchov (*bizoní, broskvový*), adjektív k názvom významných osobností (*bergmanovský*) či adjektív s prefixom *bez-* (*bezvadný*) porov. KOCHOVÁ [2018]. Podobne ako v SSSJ aj tu možno vidieť všeobecnú slovotvornú perifrázu kombinovanú s konkrétnejšou slovotvornou perifrázou významového odtienka, v ktorej sa odkrýva onomaziologický spoj:

alergický příd.
1. (na co) <u>související s</u> alergií 1 (nepřiměřenou reakcí imunitního systému) • <u>způsobený</u> alergií • <u>trpící</u> alergií
alergické onemocnění
alergická rýma, vyrážka
alergické dítě...

Slovotvorná synonymia a variantnosť. ASSČ pracuje so synonymami podobným spôsobom ako SSSJ. Čiastočné alebo bezpríznakové synonymá príznakových hesiel uvádza za výkladom po čiarke:

autentičnost [-ty-] -ti ž.
1. vlastnost toho, co je původní, pravé, <u>původnost, pravost</u>; syn. autencita 1
autentičnost textu, projevu, podpisu...

Rovnocenné synonymá však nie sú vždy symetricky usúvzťažnené (*abecední, alfabetický*), resp. vzhľadom na publikovanie iba hesiel začínajúcich sa na písmeno A nie je zatiaľ možné overiť symetrickosť synonymie (*antifeministický, protifeministický*):

abecední příd.
1. sestavený, seřazený podle abecedy 1 (souboru písmen jedné grafické soustavy)
abecední seznam, rejstřík...
2. vztahující se k abecedě 1 (souboru písmen jedné grafické soustavy) • tvořený znaky abecedy
abecední znaky...

alfabetický [-ty-] příd.
1. sestavený, seřazený podle abecedy; syn. abecední 1
alfabetické slovníky...
2. vztahující se k abecedě • tvořený znaky abecedy; syn. abecední 2
alfabetický kód...

antifeministický [-ty-nysty-] příd.
namířený, zaměřený proti feminismu, proti ženám; syn. protifeministický
antifeministický postoj
antifeministické smýšlení...

Úplné synonymá, uvedené po skratke syn. a zameniteľné vo všetkých príkladoch z exemplifikácie, sa však na rozdiel od SSSJ môžu odlišovať aj štylistickým príznakom, frekventovanosťou či rozdielom termín – netermín, pričom štýlová nerovnocennosť sa uvádza len v smere od príznakového synonyma k bezpríznakovému synonymu, nie naopak, teda bezpríznakové synonymum sa nevykladá príznakovým:

antivirák [-ty-] -áku (6. j. -áku, 6. mn. -ácích, -ákách) m. než. kolokv.
počítačový program sloužící k vyhledávání a odstraňování počítačových virů a dalších škodlivých programů, antivirový program; syn. antivir, antivirus
nainstalovat, vypnout antivirák...

antivir [-ty-] -ru (6. j. -ru), **antivirus** [-ty-] -rusu, -ru (6. j. -rusu, -ru) m. než. <řec.+lat.>
počítačový program sloužící k vyhledávání a odstraňování počítačových virů a dalších škodlivých programů, antivirový program
nainstalovat, používat, aktualizovat antivir, antivirus

Na jednej strane štylisticky neutrálne uvádzanie synoným pri príznakovom hesle môže byť z hľadiska normatívnosti nápomocné pre používateľov (usmernenie o bezpríznakovosti daného synonyma), na strane druhej ak má príznakové heslo za skratkou syn. uvedené iba jedno príznakové alebo neutrálne aj príznakové synonymum, ktoré nie sú v takomto spôsobe spracovania dostatočne odlíšené, môže to spôsobiť isté skreslenie skutočnosti.

ASSČ spracúva slovotvorné synonymá, napr. abstraktá s odlišnými sufixmi (*autentičnost – autenticita; amatérství – amatérismus, amatérizmus*), adjektíva s odlišnými sufixmi a viacerými motivantmi (*abstinence, abstinent → abstinentní; abstinent, abstinence → abstinetský*) alebo totožnými motivantmi, pričom motiváty popri spoločných lexiách majú aj odlišné lexie (*asociace → asociační; asociace → asociativní*), a slovotvorné varianty, ale bližšie sa koncepčne nešpecifikujú (*adhezní/adhezivní*).

Záver. V príspevku sme nazreli do koncepcie slovenského a českého výkladového slovníka stredného rozsahu so zreteľom na spôsob spracovania niektorých derivačných údajov. Slovotvorná informácia vo výkladovom slovníku je len jednou z čiastkových jazykových údajov, ktoré takýto slovník prináša (popri morfologickej, syntaktickej, štylistickej, frazeologickej, kulturologickej a pod.), preto nemôže ísť o vyčerpávajúci pohľad. Ten môžu poskytnúť najmä špeciálne slovotvorné alebo hniezdové typy slovníkov.

Literatúra

BUZÁSSYOVÁ 1980: *K. Buzássyová*. O rozštiepení štruktúrnej a sémantickej motivácie slov s formantom *-stvo* // Jazykovedné štúdie. 15. Horeckého zborník. Red. J. Ružička. – Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV. – S. 57–68.

BUZÁSSYOVÁ 1982: *K. Buzássyová*. Názvy deja a názvy vlastnosti v transpozičnej a nominačnej funkcii // Jazykovedný časopis, roč. 33, č. 1. – S. 21–35.

BUZÁSSYOVÁ 1993: *K. Buzássyová*. Nominalizačná funkcia abstraktných názvov vlastností // Jazykovedný časopis, roč. 44, č. 1. – S. 25–39.

BUZÁSSYOVÁ 2000: *K. Buzássyová*. Súvzťažnosť pojmov transpozícia, syntaktická derivácia, nominalizácia ako reflex vzťahu tvorenia slov a syntaxe // Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem – interdisziplinär als Forschungsgegenstand. (Paralelný rus. názov.) Materialien der 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee. Innsbruck, 28. 9. – 1. 10. 1999. Igor Stepanovič Uluchanov zum 65. Geburtstag. Red. I. Ohnheiser. – Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck. – S. 145–155.

BUZÁSSYOVÁ 2008a: *K. Buzássyová*. Jazyk a spoločnosť: krátka "kariéra" niektorých slov a významov slov (príspevok k vymedzeniu pojmu efemérne slovo) // Jazyk a jazykoveda v pohybe. Zborník štúdií z konferencie venovanej S. Ondrejovičovi, ktorá sa konala v Kongresovom centre SAV v Smoleniciach 26. – 27. apríla 2006. Ed. S. Mislovičová. – Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV. – S. 245–255.

BUZÁSSYOVÁ 2008b: *K. Buzássyová*. Sémantické a štylistické aspekty obmedzeného hniezdovania vo výkladovom slovníku // Lexikografie v kontextu informační společnosti. Sborník příspěvků z pracovního setkání. Praha 4. – 6. 6. 20017. Red. A. Rangelova – J. Světlá – A. Jarošová. – Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, v. v. i. – S. 113–122.

BUZÁSSYOVÁ 2013: *K. Buzássyová*. Komplementárnosť slovotvorného významu pri výklade lexikálneho významu vo výkladovom slovníku // Motivované slovo v lexikálnom systéme jazyka. Zborník zo 7. medzinárodnej konferencie Komisie pre výskum tvorenia slov v slovanských jazykoch pri Medzinárodnom komitéte slavistov (Bratislava 27. 9. – 1. 10. 2004). Ed. K.

Buzássyová – B. Chocholová. – Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV, Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV. – S. 157–169.

DOKULIL 1978: *M. Dokulil*. K otázce prediktability lexikálního významu slovotvorně motivovaného slova // Slovo a slovesnost, roč. 39, č. 3 – 4. – S. 244–251.

FURDÍK 1976: *J. Furdík*. Čo dáva slovotvorba lexikológii // Slavica Slovaca, roč. 11, č. 1. – S. 55–62.

FURDÍK 2004: *J. Furdík*. Slovenská slovotvorba (teória, opis, cvičenia). Ed. M. Ološtiak. – Prešov: Náuka. – 200 S.

JANOČKOVÁ 2008: *N. Janočková*. Spracovanie slovesného vidu v Slovníku súčasného slovenského jazyka // Lexikografie v kontextu informační společnosti. Sborník příspěvků z pracovního setkání. Praha 4. – 6. 6. 2007. Red. A. Rangelova – J. Světlá – A. Jarošová. – Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, v. v. i. – S. 95–111.

JAROŠOVÁ 2008a: *A. Jarošová*. Problém uvádzania synoným vo výkladovom slovníku // Jazyk a jazykoveda v pohybe. Zborník štúdií z konferencie venovanej S. Ondrejovičovi, ktorá sa konala v Kongresovom centre SAV v Smoleniciach 26. – 27. apríla 2006. Ed. S. Mislovičová. – Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV. – S. 371–377.

JAROŠOVÁ 2008b: *A. Jarošová*. Spracovanie adjektív v Slovníku súčasného slovenského jazyka s osobitným zreteľom na adjektíva vzťahové // Lexikografie v kontextu informační společnosti. Sborník příspěvků z pracovního setkání. Praha 4. – 6. 6. 2007. Red. A. Rangelova – J. Světlá – A. Jarošová. – Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, v. v. i. – S. 59–72.

JAROŠOVÁ 2009: *A. Jarošová*. Problematika lexikálnej variantnosti a spôsoby jej lexikografického zachytenia // Dynamické tendencie v slovenskom pravopise. Zborník materiálov z vedeckej konferencie konanej 18. – 19. mája 2006 v Bratislave. Ed. M. Považaj. – Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV. – S. 84–97.

JAROŠOVÁ (v tlači): *A. Jarošová*. E-slovníky a ich používatelia. Nové aspekty komunikácie v jazykovom poradenstve // Komunikačné paradigmy v lingvistike a žurnalistike. Zborník z konferencie konanej na Filozofickej fakulte Katolíckej univerzity v Ružomberku pri príležitosti jubilea prof. Jozefa Mlacka, Ružomberok 5. 9. 2017.

KK ASSČ 2016: *Kapitoly z koncepce Akademického slovníku současné češtiny*. Ed. P. Kochová – Z. Opavská. – Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, v. v. i. – 239 S.

KOCHOVÁ 2018: *P. Kochová*. Ke vztahu slovotvorného, potenciálního a lexikálního významu v lexikografickém popisu desubstantivních vztahových adjektiv // Jazykovedný časopis, roč. 69, č. 3. – S. 486–496.

KSSJ 2003: *Krátky slovník slovenského jazyka*. Red. J. Kačala – M. Pisárčiková – M. Považaj. 4., dopl. a upr. vyd. – Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV. – 985 S.

MOON 2015: *R. Moon*. Explaining Meaning in Learners' Dictionary // The Oxford Handbook of Lexicography. Ed. Philip Durkin. – Oxford: Oxford University Press. – pp. 123–143.

NÁBĚLKOVÁ 1993: *M. Nábělková*. Vzťahové adjektíva v slovenčine (Funkčno-sémantická analýza desubstantívnych derivátov). – Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV. – 208 S.

NÁBĚLKOVÁ 2008: *M. Nábělková*. Futbalový, futbalovejší a iné... K niektorým otázkam spracovania desubstantívnych adjektív v Slovníku súčasného slovenského jazyka // Lexikografie v kontextu informační společnosti. Sborník příspěvků z pracovního setkání. Praha 4. – 6. 6. 2007. Red. A. Rangelova – J. Světlá – A. Jarošová. – Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, v. v. i. – S. 73–93.

PISÁRČIKOVÁ 1992: *M. Pisárčiková*. Synonymá vo výkladovom slovníku. (Príspevok ku koncepcii chystaného výkladového slovníka) // Slovenská reč, roč. 57, č. 4. – S. 220–227.

PSP 2000: *Pravidlá slovenského pravopisu*. Red. M. Považaj. 3., upr. a dopln. vyd. – Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV. – 590 S.

PSP 2013: *Pravidlá slovenského pravopisu*. Red. M. Považaj. 4., nezmenené vyd. – Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV. – 592 S.

SCS 2005: *Slovník cudzích slov (akademický)*. 2., dopln. a prepracované vyd. Kolektív autorov pod vedením V. Petráčkovej a J. Krausa. Preklad Ľ. Balážová, J. Bosák, J. Genzor, I. Ripka, J. Skladaná. Ed. Ľ. Balážová – J. Bosák. – Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo – Mladé letá. – 1054 S.

SSJ 1959–1968: *Slovník slovenského jazyka*. 6 zv. Red. Š. Peciar. – Bratislava: Vydavateľstvo SAV.

SSSJ 2006: *Slovník súčasného slovenského jazyka.* A–G. Hl. red. K. Buzássyová – A. Jarošová. – Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV. – 1134 S.

SSSJ 2011: *Slovník súčasného slovenského jazyka.* H–L. Hl. red. A. Jarošová – K. Buzássyová. – Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV. – 1088 S.

SSSJ 2015: *Slovník súčasného slovenského jazyka.* M–N. Hl. red. A. Jarošová. – Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV. – 1104 S.

SOKOLOVÁ 2014: *M. Sokolová*. Negácia a jej prezentácia v Slovníku súčasného slovenského jazyka 3. – Bratislava: interný materiál JÚĽŠ SAV z vedeckého redigovania SSSJ3.

MSS 1999: *M. Sokolová, G. Moško, F. Šimon, V. Benko*. Morfematický slovník slovenčiny. – Prešov: Vydavateľstvo Náuka. – 531 S.

Internetové zdroje

ASSČ: *Akademický slovník současné češtiny* [online]. Dostupné na: http://www.slovnikcestiny.cz/web/uvod.php [cit. 19. 7. 2019].

CED: *Collins English Dictionary*. The entry crunchy [online]. Dostupné na: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/crunchy [cit. 19. 7. 2019].

OGS 2016: *Ortograficko-gramatický slovník. A–Ž (používateľská verzia Slovníka súčasného slovenského jazyka)*. Red. M. Sokolová – A. Jarošová. (Kolektív autorov: D. Guričanová, M. Chochol, M. Kopecká, T. Laliková, S. Mislovičová, R. Ondrejková, I. Vančová). – Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV. Dostupné na: http://lex.juls.savba.sk/ [cit. 19. 7. 2019].

SNK 2013: *Slovenský národný korpus – prim-6.1-public-vyv*. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV. Dostupné na: http://korpus.juls.savba.sk.

SPJÚ: *Slovníkový portál Jazykovedného ústavu Ľ. Štúra SAV*. Dostupné na: http://slovnik.juls.savba.sk/ [cit. 19. 7. 2019].

Kleszczowa Krystyna
Uniwersytet Śląski w Katowicach (emerytowana profesor), Polska, Katowice
krystyna.kleszcz@us.edu.pl

INFORMACJE SŁOWOTWÓRCZE W *WIELKIM SŁOWNIKU JĘZYKA POLSKIEGO PAN*

Autorka stawia pytania: 1/ Na ile słowniki języka ogólnego informują o sprawach słowotwórczych? 2/ Jakie korzyści może derywatologom przynieść obserwacja sposobów opracowania haseł przez leksykografów? Odpowiedzi szuka poprzez analizę haseł elektronicznego *Wielkiego słownika języka polskiego*, tworzonego w IJP PAN w Krakowie.

Okazuje się, że rozumienie derywatów można rzucić na skalę. Na jednym jej krańcu mieszczą się wyrazy, które autorzy słownika traktują jako formy fleksyjne (gerundia, zsubstantywizowane przymiotniki); na przeciwległym brzegu usytuowane są wyrazy, w których definicji nie pojawia się żaden wyraz motywujący derywat. Między tymi krańcami mieszczą się wyrazy motywowane – niektóre mają wyraźną motywację (definicja bliska jest parafrazie), ale są i takie, które w definicji mają tylko jakiś element gniazda słowotwórczego.

Słowa kluczowe: słowotwórstwo, leksykografia, rozumienie derywatów, parafraza, gniazdo słowotwórcze.

The author asks the following questions: 1/ What is the extent to which general dictionaries of a language provide information about word-formation related matters? 2/ What benefits may derivatologist draw from the observation of the ways of the development of dictionary entries by lexicographers? She seeks answers by analysing the entries of the electronic *Wielki słownik języka polskiego*, which is developed in the IJP PAN in Kraków.

It turns out that the understanding of derivatives may be projected onto a scale. One end of the scale carries words which are treated by the authors of the dictionary as inflectional forms (gerundia, substantivised adjectives); the other end carries words in whose definitions no word motivates a derivative. Between these ends there are motivated words – some words have clear motivation (the definition approximates paraphrase), but there are also such words whose definitions contain only some element of the word-formative nest.

Key words: word-formation, lexicography, understanding of derivatives, paraphrase, word formative nest.

Słownik danego języka to zbiór wyrazów z przydanym im znaczeniem, inne informacje mają wartość drugorzędną – mam tu na uwadze wskazówki fleksyjne, stylistyczne (rolę tę pełnią kwalifikatory), składniowe (te zazwyczaj mieszczą się w przytaczanych cytatach); niektóre słowniki wskazują też źródła obcojęzyczne, tak przy zapożyczeniach. Dodać tu trzeba rejestrację utartych połączeń, związków frazeologicznych, umieszczanych w konkretnych hasłach [np. USJP, ISJP, SJP PWN], albo jako hasła [SWJPD]. Na ile słowniki informują o sprawach słowotwórczych? W jaki sposób jest to robione? Czy praktyka leksykograficzna może być przydatna derywatologom? Są to pytania, na które będę się starała odpowiedzieć w niniejszym tekście. Swoje obserwacje zakreślam do najnowszego polskiego leksykonu – *Wielkiego słownika języka polskiego PWN* [WSJP].

1. W Polsce już od początków XXI wieku powstaje słownik, dla którego przewidziana jest tylko wersja elektroniczna. Redaktorem naczelnym jest Piotr Żmigrodzki, kierownik Pracowni Wielkiego Słownika Języka Polskiego przy Instytucie Języka Polskiego w Krakowie, w skład wykonawców wchodzą też lingwiści spoza Instytutu. Zakres informacji przytaczanych w WSJP jest bardzo szeroki. Podawane są nie tylko znaczenia leksemów, ale też wymowa, kwalifikacja tematyczna, relacje znaczeniowe (synonimy, antonimy, hiperonimy….), charakterystyczne połączenia, cytaty z Korpusu Języka Polskiego, odmiana, pochodzenie. W którym miejscu pojawia się informacja słowotwórcza? Oczywiście na pierwszym miejscu należy postawić definicję, w niej może pojawić się podstawa słowotwórcza, także wskazówka co do kategorii słowotwórczej ('ten, kto…' = agens; to, co służy do…' = instrument itd.). Nie znaczy to, że definicje mają postać parafraz słowotwórczych. Już Maria Honowska mocno podkreślała, że parafraza słowotwórcza to wyrażenie metajęzykowe, że jej postać nie musi być zgodna z regułami stylistycznymi danego języka (a definicjom słownikowym stawia się taki wymóg)[1]. Pisała: „metoda parafrazowań jako sprawdzian żywej motywowalności derywatów ujawnia i takie formacje, które godziwej parafrazy wręcz nie posiadają, choć są w pełni żywe i na żywo współcześnie powstające. Wydaje się, że fakt ten nie kwestionuje skuteczności parafrazowań, przeciwnie można go potraktować jako sprawdzian pożyteczności metody parafrazowań, pozwalającej na uwydatnienie istoty derywatów, które są skondensowanymi przekaźnikami rozbudowanych asocjacji. Ustawić by je należało na klasyfikacyjnym krańcu przeciwnym derywatom w pełni regularnie wyprowadzalnym ze swych parafraz." [HONOWSKA 1979: 29–30]

Drugim miejscem przewidzianym dla relacji między wyrazami jest w WSJP zakładka „pochodzenie".

Już w tym miejscu chciałabym mocno podkreślić, że nie zamierzam poddawać WSJP krytyce z punktu widzenia derywatologa. Jest oczywiste, że koncepcja nowego słownika siłą rzeczy koresponduje z dotychczasową praktyką leksykograficzną. Mocno też trzeba podkreślić, że zasady stosowane w WSJP są dyskutowane w szerokim gronie znawców praktyki leksykograficznej, nieraz są weryfikowane, koncepcje opracowania haseł zmieniały się; realizacja tego projektu badawczego finansowana jest przez Ministerstwo Nauki i Szkolnictwa Wyższego.

Moim celem nie jest korygowanie praktyki leksykograficznej, a wykorzystanie tej praktyki w refleksji nad zasadami, jakimi kierują się derywatolodzy. Nie jest to „pouczanie" leksykografów, a korzystanie z ich praktyki.

[1] O uwarunkowaniach metodologicznych determinujących różne rozumienie terminu parafraza zob. HONOWSKA 1979: 28–30, 39–42.

2. Słowotwórstwo strukturalne 2. połowy XX wieku postawiło za cel opis relacji między wyrazami – jedne są dla użytkowników języka odczuwane jako motywowane, inne zaś jako motywujące. Faktyczna droga budowania nowych słów, ich tworzenie, została zastąpiona przez wzajemne słów **motywowanie**. I tak naprawdę, termin *słowotwórstwo* (ros. *словообразование*, ukraińskie *словотвір*, białoruskie *словаўтварэнне*, czeskie *tvořeni slov*, słowackie *tvorenie slov*, serbskie *ворд форматион*) winien być zastąpiony innym terminem, oddającym relację motywacji – dla polskiego mogę zaproponować *słowomotywowanie*.

Czy w WSJP w definicjach wskazywana jest podstawa słowotwórcza? Owszem, zdarza się, por.

BIEGACZ ‘osoba, która **biega** – uczestniczy w konkurencjach sportowych dla rozrywki i zdrowia lub wyczynowo’;

KABALARZ ‘osoba zajmująca się **kabałą** – wróżeniem’;

PODRÓŻNIK 'osoba, która odbywa liczne i dalekie **podróże** w celu zwiedzania świata’;

OWSIANKA ‘potrawa przygotowywana z płatków **owsianych** gotowanych na wodzie lub mleku’;

KSIĘGA ‘**książka** o dużych rozmiarach’;

BOJOWY ‘związany z **bojem** – intensywną i wyczerpującą walką zbrojną’,

jednak o wiele częściej pojawiają się definicje realnoznaczeniowe bez wskazania podstawy słowotwórczej, zwłaszcza że autorzy haseł w WSJP mają skłonność do mnożenia wachlarza znaczeń[1]. Oto przykłady:

ODTWARZACZ ‘urządzenie lub program komputerowy, za pomocą których można przedstawić dźwięk lub obraz zapisany na odpowiednim nośniku’;

GORĄCZKA ‘temperatura ciała wyższa od normalnej, będąca objawem choroby’;

OBRĄCZKA ‘kółko wykonane ze szlachetnego metalu, zwykle proste i niezdobione kamieniami szlachetnymi, noszone na palcu na znak zawarcia związku małżeńskiego’;

POPYCHADŁO ‘osoba mało zaradna, którą się wszyscy wysługują i którą lekceważą’.

---

[1] I np. dla hasła CZYSTOŚĆ wyszczególnione są: 1/ *czystość pokoju* ‘cecha czegoś, co jest pozbawione brudu, zanieczyszczeń lub śmieci’; 2/ *czystość diamentu* ‘cecha czegoś, co jest przejrzyste i niezamglone”; 3/ *czystość linii* ‘cecha czegoś, czego kształt jest piękny, wyrazisty lub proporcjonalny’; 4/ *czystość dźwięku* ‘cecha czegoś, co pozbawione jest niewłaściwego brzmienia dźwięku’; 5/ *czystość intencji* ‘cecha kogoś, kto w swoim postępowaniu kieruje się zasadami etyki i regułami współżycia społecznego’; 6/ *czystość seksualna* ‘echa kogoś, kto przestrzega określonych norm dotyczących życia seksualnego’.

W definicjach brak podstawy słowotwórczej, choć sygnalizowane są nieraz kategorie słowotwórcze (urządzenie, osoba), mają one stosunkowo szeroki zakres.

Wspominałam wcześniej, że w opracowaniu haseł WSJP jest zakładka „pochodzenie". I tam znajdziemy odesłania:

ODTWARZACZ zob. *tworzyć*;
GORĄCZKA zob. *gorący*,
OBRĄCZKA zob. *obręcz*,
POPYCHADŁO zob. *popychać*, *pchać*.

Już w tych przykładach widać, że odesłania sytuują hasła w gnieździe słowotwórczym, że nie zawsze precyzują relację: wyraz pochodny – wyraz motywowany.

I w tym miejscu warto dodać, że nazwy czynności na *-anie, -enie, -cie* usytuowane są w paradygmacie fleksyjnym, jako gerundia. Postać tych nazw pojawia się jedynie wtedy, gdy nazwa czynności uległa konkretyzacji. I np. odnajdziemy hasło MIESZKANIE 'zespół pomieszczeń, który stanowi miejsce stałego lub tymczasowego pobytu' z odesłaniem do *mieszkać* – i tu w zakładce „odmiana" znajduje się gerundium *mieszkanie*. Nie są też osobnymi hasłami zsubstantywizowane przymiotniki, jest tylko informacja przy przymiotniku (CHORY – używane często w znaczeniu 'człowiek chory').

Dla słowotwórcy znaczenie ma charakter globalny – mieści się w zestawie kategorii takich, jak nazwa wykonawcy czynności, nazwa obiektu, instrumentu, miejsca…. Ale znajomość podstawy zazwyczaj nie wystarcza do prawidłowego posługiwania się leksemem. Bo nie wystarczy wiedzieć, że chodzi o małą *obręcz*, trzeba jeszcze znać funkcję tej małej obręczy w życiu społecznym (symbolizuje związek małżeński). Nie wystarczy wiedzieć, że *gorączka* to derywat od *gorący* – gorączka to sygnał choroby.

I nawet wtedy, gdy hasła mieszczą się w jednej kategorii słowotwórczej, samo odesłanie np. do czasownikowej podstawy nie wystarcza. Owszem, dla SŁUCHACZ wystarcza definicja 'osoba, która **słucha** kogoś lub czegoś'. Ale *pijakiem* nie nazwiemy kogoś, kto pije np. kawę, PIJAK to 'osoba, która w opinii mówiącego często jest pijana lub **pije** alkohol w zbyt dużej ilości' (zob. *pić*) – ani *pić* w definicji, ani odesłanie do tego czasownika nie wystarcza, aby prawidłowo posługiwać się wyrazem *pijak*. Już w 1998 roku proponowałam, aby klasę nazw wykonawców rozbić na **typ** (tu *słuchacz, przechodzień, widz*) i **okaz** (*biegacz, gaduła, drukarz*) [KLESZCZOWA 1998: 49–52][1]. Definicje słownikowe z WSJP zbiegają się z tą propozycją.

[1] Okaz to derywat, w którego strukturze głębokiej występuje element opatrzony kwantyfikatorem ogólnym, por. *Stwórca (świata), Zbawiciel (wszystkich ludzi)*. Derywat jako typ pełni przede wszystkim rolę wyrażenia predykatywnego; w zakres tych formacji wchodzą: 1/ nazwy, których czynność stanowi cechę stałą, por. *skapiec, plotkarz*; 2/ czynność jest stałym zajęciem, najczęściej profesją, por. *zdrajca, piekarz*. Znamienną cechą derywatów-

Nie twierdzę, że derywatolodzy drugiej połowy XX wieku nie dostrzegali problemu. I np. wśród odczasownikowych nazw subiektów na *-acz* autorki *Słowotwórstwa współczesnego języka polskiego* [GRZEGORCZYKOWA, PUZYNINA 197: 94 – minęło już 40 lat!] wyróżniają nazwy zawodów (*ładowacz, hartowacz*), nazwy wykonawców uzualnych (*badacz, tułacz*), skłonnościowych (*gadacz, szperacz*), umiejętnościowych (*wspinacz, zabawiacz*), nazwy wskazujące na aktualnych wykonawców czynności (*zagajacz*). Rzecz w tym, że dodatkowe znaczenia były przydawane obok parafrazy słowotwórczej, a w WSJP definicje realnoznaczeniowe pomijają nieraz podstawę słowotwórczą. Okazuje się, że dla rozumienia leksemu jest ona zbędna.

Druga sprawa to pojawianie się w definicjach „podstawy", która z punktu widzenia naszej wiedzy o słowotwórstwie należy do gniazda słowotwórczego, ale nie motywuje w sposób bezpośredni derywatu. I np. przy EGZAMINATOR można by dać definicję o postaci parafrazy słowotwórczej: 'ktoś, kto **egzaminuje'**. Jednak w WSJP mamy inną definicję: 'osoba, która oficjalnie sprawdza czyjąś wiedzę lub czyjeś umiejętności w jakiejś dziedzinie, przeprowadzając **egzamin**' – definicja sugeruje pochodność od *egzamin*, a w zakładce „pochodzenie" mowa o łacińskim źródle wyrazu: *exāminātor* 'ten, kto waży; ten, kto bada, sprawdza'. Okazuje się, że *egzaminator* to pożyczka łacińska, że dopiero na gruncie polskim ukształtowała się relacja: *egzaminować* → *egaminator*[1]. Poruszony tu problem także był zauważany w nauce o słowotwórstwie tzw. synchronicznym. Mówiło się o **podwójnej motywacji;** rzeczownik *egzaminator* motywują *egaminować* i *egzamin*, *podróżnik* motywowany jest podstawami *podróż* albo *podróżować.*

Ze wspomnianym tu problemem borykałam się w swojej praktyce dydaktycznej. Studenci bardzo często przytaczali podstawy słowotwórcze inne niż oczekiwałam, a czasami nawet postrzegali relację słowotwórczą na odwrót. I miałam nieraz wrażenie, że na akademickich zajęciach dydaktycznych uczymy studentów sposobu odczuwania relacji między wyrazami, choć przecież ten winien wypływać z intuicji użytkowników języka.

3. Jaka nauka płynie z powyższych rozważań dla derywatologa? Sposób budowania haseł przez leksykologów ujawnia rolę słowotwórstwa w **praktyce** językowej, tę można rzucić na skalę motywacyjną wyrazów pochodnych.

Derywaty regularne	--	**definicja leksykalna = parafraza**	--	**definicja mieści element gniazda**	--	**derywaty b. słabo motywowane (definicje bez motywacji)**

typów jest blokada dopełnienia wiązanego przez podstawowy czasownik (**piekarz bułek, *zdrajca żony*) [KLESZCZOWA 1998: 46–52].

[1] Odwracanie motywacji to jeden czynników wprowadzających ład do zaburzonego systemu słowotwórczego [KLESZCZOWA 2018].

Na jednym krańcu mieszczą się wyrazy, które można traktować jako formy fleksyjne, mam na uwadze nazwy czynności usytuowane w WSJP w odmianie czasowników czy zsubstantywizowane przymiotniki – nie pojawiają się jako hasła słownikowe. Na drugim krańcu usytuowane są wyrazy, w definicji których nie pojawia się żaden wyraz z gniazda słowotwórczego, powiedzieć można, że w odczuciu Polaka nie są to słowoformy, choć niektórzy lingwiści postrzegają te wyrazy jako derywaty. Między tymi krańcami mieszczą się wyrazy motywowane – obok derywatów traktowanych w WSJP jako formy fleksyjne usytuować można słowoformy, które mają wyraźną motywację (definicja bliska jest parafrazie), w przeciwnym kierunku umieścić trzeba derywaty, które w definicji mają jakiś składnik gniazda słowotwórczego.

W tym miejscu warto przywołać tytuł artykułu Marii Honowskiej: *Wartość badań czysto synchronicznych dla obserwacji procesów rozwojowych* [Honowska 1990]. Okazuje się, że słownik współczesnego języka może służyć historykom do obserwacji procesów leksykalizacji; tę należy traktować skalarnie, a nie tylko jako zerwanie związków z podstawą. Bo to zrywanie związków ma charakter procesu. Odbywa się poprzez dokładanie elementów z punktu widzenia słowotwórczego dodatkowych, pozakategorialnych. Ale chodzi nie tylko o „dokładanie" później niż powstał derywat. Mogło to być cechą słowoformy już w chwili jej powstania, potem te cechy dominują i zaczynają być ważniejsze od podstawy słowotwórczej. Już od początków polszczyzny *pijak* znaczył 'człowiek pijący nałogowo alkohol', zatem nie był to derywat od *pić*, ale od *pić alkohol.* Powiedzieć można, że derywat *pijak* już od chwili powstania skazany był na leksykalizację!

4. Jak pokazałam, materiały pomieszczone w WSJP to baza do podjęcia studiów nad skalarnością leksykalizacji. Definicje pokazują, które leksemy da się zinterpretować narzędziami wypracowanymi przez derywatologię 2. połowy XX wieku, a które stoją na granicy słowoform i leksemów niemotywowanych. Tak więc, mimo ukierunkowania słownika na współczesny język polski, WSJP może być bardzo pomocny historykom języka.

Dodać tu trzeba, że autorzy WSJP od początku zamierzali przedstawiać dane historyczne, te przede wszystkim odnajdujemy w zakładce „pochodzenie" – mieszczą się tu podstawy słowotwórcze, czasami elementy gniazda słowotwórczego, pożyczki, także etymologie. Z reguły w zakładce „pochodzenie" mamy odesłanie do gniazda słowotwórczego, a nie wskazanie konkretnej podstawy słowotwórczej, np. przy PRZECHODZIEŃ wskazany jest czasownik *chodzić*, a nie *przechodzić*, przy OCHRANIACZ mamy podesłanie do czasownika *ochronić*, a nie *ochraniać*, PRZYBUDÓWKA ma odesłanie do *budować*, a nie *przybudować.* A czasami podawana jest informacja, która kłóci się z poczuciem współczesnego Polak. Bo *walka* to wyraz odczuwany jako derywat od *walczyć,* tymczasem w definicjach WSJP przy WALKA nie ma takiego odesłania, co więcej – w zakładce „pochodzenie" mamy informację, że

to leksem ze z *st.czes. válka* 'bój, bitwa, walka', 'wojna', od *st.czes. valeti* 'walczyć, bojować; wlec, włóczyć'. Innym przykładem może być BUDYNEK 'jednopoziomowa lub wielopoziomowa budowla naziemna, ograniczona ścianami i dachem, mająca pomieszczenia mieszkalne lub o innym przeznaczeniu'. W zakładce „pochodzenie" nie ma odesłania do *budować*, a podana jest etymologia: śr..-w.niem. **būding* 'budowanie'.

Na uwagę zasługuje też zakładka „chronologizacja", podane są w niej słowniki historyczne, w których pojawił się dany wyraz. Taką praktykę stosowano już w *Słowniku języka polskiego* pod red. Doroszewskiego [SDor], ale tam ograniczano się tylko do *Słownika* Lindego, tzw. słowników *wileńskiego* i *warszawskiego*, a więc tych z XIX wieku. W WSJP mamy o wiele więcej słowników historycznych: SStp, SXVI, SKN, SJPXVII, STR, SL, SWil, SJPWar, SJPDor. Świadomie umieściłam w tym zestawie *Słownik* pod red. Doroszewskiego, bo przecież od 1969 roku minęło już pół wieku (!), w czasach obecnych jest to leksykon historyczny. Dodać trzeba, że o ile wyraz we wcześniejszych słownikach miał inne znaczenie, autorzy WSJP informują o tym. Tak więc, dzięki zakładce „chronologizacja" historyk języka uzyskuje orientację, kiedy dane słowo zostało odnotowane, co więcej – uzyskuje informację, czy w przeszłości funkcjonowało w tym samym znaczeniu, czy w innym.

Zakończenie

Mam świadomość, że definicje słownikowe tworzone są przez ludzi wykształconych lingwistyczne, co więcej – w przypadku WSJP są to zazwyczaj poloniści, zatem trudno traktować ich jako zwykłych nosicieli języka. Jednak z drugiej strony – ich wysiłki kierowane są do różnych odbiorców, leksykograf zmuszony jest brać pod uwagę możliwości przeciętnego użytkownika polszczyzny.

Literatura

GRZEGORCZYKOWA, PUZYNINA 1979: *R. Grzegorczykowa, J. Puzynina*. Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

HONOWSKA 1979: *M. Honowska*. Ewolucja metod polskiego słowotwórstwa synchronicznego (w dziesięcioleciu 1967–1977). Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wrocław: Wydaw. Polskiej Akademii Nauk.

HONOWSKA 1990: *M. Honowska*. Wartość badań czysto synchronicznych dla obserwacji procesów rozwojowych. „Polonica" 15. – S. 5–11.

KLESZCZOWA 2018: *K. Kleszczowa*. Procesy regulujące zasoby kategorii słowotwórczych. // „Jazykovedný časopis" 69, nr 3 (Orgán Jazykovedného ústavu Ľudovíta Štúra SAV). – Bratysława. – S. 497–506;

KLESZCZOWA 2002: *K. Kleszczowa*. Słowotwórstwo w świetle historii. // „Postscriptum”. – S. 8–14.

KLESZCZOWA 1998: *K. Kleszczowa*. Staropolskie kategorie słowotwórcze i ich perspektywiczna ewolucja. Rzeczowniki. – Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.

WASZAKOWA 2017: *K. Waszakowa*. Kognitywno-komunikacyjne aspekty słowotwórstwa. Wybrane zagadnienia opisu derywacji w języku polskim. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.

WSJP 2018: *Wielki słownik języka polskiego PAN. Geneza, koncepcja, zasady opracowania*. Komitet redakcyjny: Piotr Żmigrodzki, Mirosław Bańko, Barbara Batko-Tokarz, Jakub Bobrowski, Anna Czelakowska, Maciej Grochowski, Renata Przybylska, Jadwiga Waniakowa, Katarzyna Węgrzynek. Kraków. https://wsjp.pl/pobieranie/WSJP-geneza.pdf

ŻMIGRODZKI 2018: *P. Żmigrodzki*. Geneza słownika i historia projektu. // Wielki słownik języka polskiego PAN. Geneza, koncepcja, zasady opracowania. – Kraków. – S. 9–16.

Słowniki wraz ze skrótami

ISJP 2017: *M. Bańko*. Inny słownik języka polskiego. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

SWJPD 2000–2003: *B. Dunaj*, red. Słownik współczesnego języka polskiego. – Kraków.

SJPVII: *Elektroniczny słownik języka polskiego XVII i XVIII wieku* – http://SXVII.pl.

SKN 1643: *G. Knapski*. Thesaurus Polonolatinograecus seu Promptuarium linguae Latinae et Graecae, t. 1. – Kraków.

SL 1807–1814: *S.B. Linde*. Słownik języka polskiego, t. 1–6. – Warszawa.

SWil 1861: *A. Zdanowicz* (red.) i in. Słownik języka polskiego, t. 1–2. – Wilno.

SJPWar 1898–1927: *J. Karłowicz*, *A. Kryński*, *W. Niedźwiedzki* (red.). Słownik języka polskiego, t. 1–7. – Warszawa.

SJPDor 1958–1969: *W. Doroszewski*. (red.). Słownik języka polskiego, t. 1–11. – Warszawa.

SPXVI 1956–2011: *M.R. Mayenowa*, *F. Pepłowski*, *K. Mrowcewicz* (red.). Słownik polszczyzny XVI wieku, t. 1–35. – Wrocław–Warszawa.

SStp 1953–2002: *S. Urbańczyk* (red.). Słownik staropolski, t. 1–11. – Wrocław–Kraków.

STR 1764: *M.A. Trotz*. Nowy dykcjonarz, to jest mownik polsko-niemiecko-francuski z przydatkiem przysłow potocznych, przestrog gramatycznych, lekarskich, matema cznych, fortyfikacyjnych, żeglarskich, łowczych i inszym naukom przyzwoitych wyrazow przez Michała Abrahama Troca, warszawianina, t. 3. – Lipsk.

USJP 2003: *Uniwersalny słownik języka polskiego*, red. S. Dubisz, t. 1–4. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

WSJP: *Wielki słownik języka polskiego PAN* [WSJP], red. Piotr Żmigrodzki. https://www.wsjp.pl/

Кислюк Лариса
Інститут української мови Національної академії наук України,
Україна, Київ
larysa.kysliuk@gmail.com

ПОХІДНЕ СЛОВО У СИСТЕМІ КАТЕГОРІЙ ПОЯСНЮВАЛЬНОГО СЛОВНИКА

У статті розглянуто принципи і способи уніфікованого подання словотвірної категорійної інформації про похідне слово у словниках пояснювального типу сучасної української мови. Окрему увагу надано проблемі тлумачення словотвірних синонімів та омонімів. Проаналізовано особливості та проблеми подання словотвірної інформації про новотвори словотвірної категорії назв осіб у словниках нової лексики.
Ключові слова: словотвірна категорія, похідне слово, новотвір, пояснювальний словник.

In the article the principles and methods of unified presentation of word-forming categorical information about the derived word in dictionaries of the explanatory type of Modern Ukrainian are considered. Particular attention is given to the problem of interpretation of word-synonyms and homonyms. The peculiarities and problems of presenting word-forming information about new coinages of word- formating category of names of persons in new vocabulary dictionaries are analyzed.
Key words: word-formating category, derivat, new coinages, explanatoring dictionary.

Вступ. Похідна або мотивована лексика становить основне наповнення словників різних типів у слов'янських мовах. Опису лише мотивованої лексики присвячені спеціальні словники. Загалом появу й розвиток дериватографії та дериваційної лексикографії як самостійного лінгвістичного напряму в слов'янських (германських, романських) мовах відносять до 1980-тих років, коли було створено фундаментальні лексикографічні праці для цих мов: морфемні словники, які подають інвентарі морфем (коренів і афіксів), описують їхні характеристики (частотність, валентність тощо)), та словотвірні (ланцюжків, парадигм, гнізд).

Із широкого спектру лінгвістичних словників за матеріал дослідження у статті обрано наповнення лінгвістичних одномовних словників пояснювального типу (тлумачних словників [СУМ 1970–1980; СУМД 2017] та словника нової лексики [АРСУН 2013]). Метою пояснювальних словників є дати пояснення, тлумачення слова, зокрема й похідного, з'ясувати його місце в упорядкованій, концептуалізованій і категоризованій навколишній дійсності у рідній мові та культурі. Поділ лінгвістичних одномовних словників на 1) пояснювальні (поясняющие или объяснительные) і 2) ті, які фіксують, подають списки слів без пояснень, здобуває все більшу прихильність серед лексикографів. Зокрема,

протиставлення словників пояснювальних та без пояснень підтримала Г. М. Скляревська у доповіді «Толковый словарь и его место в типологии словарей» на Міжнародній лексикографічній конференції у Мінську 2019 р. До пояснювальних словників відносять тлумачні, нової лексики, іншомовних слів, аспектні словники. Слово «пояснювальний» є в назві деяких із них, напр., «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» (Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна, Москва, 2004).

Пояснювальні одномовні словники містять інформацію обов'язкову: вокабулу й дефініцію, і вибіркову: граматичні й стилістичні дані, ілюстрацію (тлумачні), етимологічну, енциклопедичну довідку (іншомовні). Інформація граматична і стилістична зазвичай розміщена в зоні ремарок. Оскільки граматичні категорії регулярні й представлені конкретними списками словоформ, такі дані зручно подавати через систему позначок і ремарок. Натомість інформація словотвірна, яка є зв'язковою ланкою між лексикою і граматикою в мовній системі, зазвичай міститься у складі дефініції. У передмові до «Словаря словообразовательных аффиксов современного русского языка» (2016) І. С. Улуханов та В. В. Лопатін окреслюють цей зв'язок так: словотвірна структура слова завжди вказує на його основне лексичне значення, і водночас словотворчі форманти є засобами, що відносять похідні слова до певних граматичних класів [ЛОПАТИН, УЛУХАНОВ 2016: 5]. Як допомагає словотвірна інформація категоризувати й уніфікувати тлумачення похідної лексики у пояснювальних словниках, і що із них може почерпнути дериватолог для спеціальних досліджень?

Реалізацію мовної картини світу у словотвірній системі, як відомо, представляє словотвірна категорія, яка також прогнозує утворення нових слів. Поняття словотвірної категорії у системі словотвору описано в працях М. Докуліла, В. В. Виноградова, О. А. Земської та ін. В українському мовознавстві визначення словотвірної категорії подавали І. І. Ковалик у праці «Про деякі питання слов'янського словотвору» (1956) як «сукупність словотвірних розрядів, які, своєю чергою об'єднують сукупність словотвірних типів, і реалізуються в окремих словах» [КОВАЛИК 2007: 269–270]; Н. Ф. Клименко в статті «Словотвірна категорія» енциклопедії «Українська мова» як «сукупність похідних слів, що мають твірні, належні до тієї самої частини мови, наділені спільним словотвірним значенням і використовують однаковий спосіб словотворення», тобто як «об'єднання словотвірних типів із різними словотворчими формантами» [КЛИМЕНКО 2007: 641–642]. Словотвірні категорії не становлять закритого класу й постійно оновлюються. Однією з найактивніше оновлюваних у сучасній українській мові є іменникова категорія назв осіб, яка є предметом розгляду цієї статті.

Подані визначення словотвірної категорії структурують інформацію, яку містить дефініція похідного слова: **частиномовна належність**

твірного (мотиватора), вказівка на **спільне словотвірне значення** й певним чином на **однаковий спосіб словотворення, який охоплює різні форманти**. При цьому надання такої інформації підпорядковується основній меті пояснювального словника, пор.:

КУРЕЦЬ – Той, хто курить (див. **курити**[1] **1**), має звичку курити [СУМ IV 1973: 407].

МОДНИК – Той, хто стежить за **модою** (у 1 знач.) …, франт [СУМ IV 1973: 777].

І. Укладачі тлумачних словників повною мірою використовують можливості категоризації похідної лексики за певним узагальненим значенням, наприклад назви осіб, назви конкретних предметів, абстрактних понять серед іменників. Це допомагає уніфікувати формулу тлумачення. Перед укладанням академічного Словника української мови ще у 1958 році було розроблено й видано «Проспект тлумачного словника української мови (Для обговорення)», в якому викладено концепцію статті тлумачного словника: «Тлумачення мають показати граматичну природу слів, їх лексичні і словотворчі зв'язки. Тому в тлумаченнях треба послідовно додержуватися певної їх однотипності», зокрема, принципи подання похідної (мотивованої, вивідної) лексики: «До вивідних слів, що пов'язані і своїм змістом, і походженням з основним словом, визначення подаються однотипні…» [ПРОСПЕКТ 1958: 46]. Далі 4 сторінки присвячено зразкам опису мотивованих слів. Однотипні формули тлумачення серед іменників подано, наприклад, для віддієслівних і відприкметникових іменників, пор.:

Ходіння, *мн. нема, с.* Дія за знач. дієсл. **ходити**…

Білизна, -и, мн. нема, ж. Абстр. іменн. до **білий**; б і л і с т ь… [ПРОСПЕКТ 1958: 47].

У тлумаченнях відображено позицію, що мотивованість слова виражена передусім у його семантичній вивідності, а не формальній. Але якщо словотвірний словник обов'язково враховує формальну мотивацію похідного, то тлумачний, який є різновидом пояснювального словника, інакше пояснює похідне слово. Якщо в лексичному значенні слова втрачено безпосередній семантичний зв'язок з твірним, то похідні тлумачать як самостійні слова, використовуючи синонімний ряд, пор.:

Радість, -дості, ж. 1. Тільки одн. Почуття задоволення, втіхи, веселого настрою… 2. Радісні переживання; р а д о щ і… [ПРОСПЕКТ 1958: 48].

Уніфіковано значення емоційної оцінки в іменниках із суфіксами зменшеності/пестливості, які в тлумаченнях багатозначних слів подані на першому місці:

Ніжка, -и, ж. 1.Зменш.-пестл. До **нога**… 2. Підпора (в меблях, різних приладах і т. ін..)… 3. У гриба – нижня його частина… 4. Тонкий черенок (стебло) листочка… [ПРОСПЕКТ 1958: 48].

Що стосується словотвірної категорії особи, то на позначення похідних іменників жіночого роду, утворених від відповідних іменників чоловічого роду застосовано відсильну формулу:

Бібліотекарка, и, ж. Жін. до **бібліотекар**…

Полковниця, і, ж. Жінка **полковника**…

Але враховують і відсутність мотиватора:

Манікюрша, і, ж. Спеціалістка, що робить **манікюр** [ПРОСПЕКТ 1958: 48].

Принципи подання категорійної інформації, закладені у «Проспекті…» [ПРОСПЕКТ 1958], дотримано у СУМі [СУМ 1970–1980] й у Додатковому томі [СУМД 2017]. «Словникові статті відіграють усе більшу роль в описі словотворчої семантики, коли стоїть завдання словотворчо витлумачити похідне слово, так подати його дефініцію, щоб до неї входило як складова частина значення мотивуючого слова» [КЛИМЕНКО 1984: 53].

Для уніфікації опису назв осіб залишаються проблемними явища словотвірної синонімії, варіантності й омонімії. До них найчастіше подають тлумачення, що «коротко з'ясовує значення слова» [ПРОСПЕКТ 1958: 45] і тільки тими словами, які включені в реєстр словника.

1. Словотвірні синоніми.

Тлумачення різноаспектних словотвірних синонімів, як правило, реалізовано через відсильну формулу до того з синонімів, який не має стильових або стилістичних обмежень у вживанні.

Оцінну семантику виражено через ремаркування *розм., ірон.*; у тлумаченні означення «багато» також вказує на надмірність розумування, що містить сему іронічної оцінки:

МУДРЕЦЬ 1. Людина, що має великий розум, досвід, глибокі знання, **мудра** людина. 2. Мислитель, філософ. 3. *ірон.* Той, хто багато роздумує, обмірковує; м у д р а г е л ь.

МУДРІЙ *розм., ірон.* Те саме, що **мудрець**.

МУДРАК 1. *розм.* Те саме, що **мудрець 2**. *ірон.* Те саме, що **мудрагель**.

МУДРАГЕЛЬ *розм., ірон.* Той, хто багато роздумує, обмірковує [СУМ IV 1973: 819].

Ремаркування і відсильні формули ілюструють і той факт, що деривати із суфіксами **-ець, -ій, -ак** виявляють різну активність у системі мови щодо формування словотвірних категорій зі значенням особи за властивою їй ознакою. Це підтверджено даними Морфемно-словотвірного фонду української мови.

Синоніми (рівнозначні й загальновживані) та антоніми можуть виступати як додаток до тлумачення реєстрового слова:

БАГАЧ Той, хто має **багатство** (в 1 знач.); багата людина, багатій, протилежне б і д н я к [СУМ I 1970:83].

БАГАТІЙ Те саме, що **багач** [СУМ І 1970: 79];

БАГАТИР *розм*. Те саме, що **багач** [СУМ І 1970, 79].

До фемінітивів, які є словотвірними синонімами, також застосовано стандартні відсильні формули, які вказують на твірний іменник, мутаційне словотворення й суфіксальний спосіб творення:

БАГАЧКА Жін. до **багач** [СУМ І 1970: 84];

БАГАТІЙКА *розм*. Жін. до **багатій** [СУМ І 1970: 79];

БАГАТИРКА *розм*. Жін. до **багатир** [СУМ І 1970: 79].

Однак, відсильні формули в тлумаченні словотвірних аспектних синонімів використано непослідовно. Для більшості фемінітивів використано відсильні формули до твірних іменників чоловічого роду:

ВЕРЕДНИЦЯ Жін. до **вередник 1** [СУМ І 1970: 328];

ЖАРТІВНИЦЯ Жін. до **жартівник** [СУМ ІІ 1971: 512];

ЖАРТУНКА Жін. до **жартун** [СУМ ІІ 1971: 512];

ЛАСУНКА Жін. до **ласун** [СУМ IV 1973: 453];

ЛАСІЙКА *розм.* Жін. до **ласій** [СУМ IV 1973: 449].

Але інколи назви осіб жіночої статі тлумачать як віддієслівний дериват, що спотворює словотвірну картину їх послідовного творення: *вередувати → вередун → вередуха*, оскільки не вказано твірний іменник чоловічого роду; натомість це виглядає як паралельне творення обох іменників від дієслова: *вередувати → вередун, вередуха:*

ВЕРЕДУХА Та, що **вередує** [СУМ І 1970: 328].

Подекуди фемінітиви тлумачать через відсильну формулу до іншого фемінитива-синоніма, тобто нехтують словотвірною категорійною інформацією (*вередувати → вередій → вередійка*):

ВЕРЕДІЙКА Те саме, що **вередуха** [СУМ І 1970: 327], хоча у СУМі є словникові статті усіх словотвірних синонімів назв осіб чоловічої статі:

ВЕРЕДУН Той, хто **вередує** [СУМ І 1970: 328];

ВЕРЕДІЙ Те саме, що **вередун** [СУМ І 1970: 327];

ВЕРЕДНИК 1. Те саме, що **вередун** [СУМ І 1970: 328].

У Додатковому томі в двох книгах, який доповнює реєстр академічного Словника української мови в 11 томах, дотримано таких самих принципів тлумачення:

БЛОКАДНИК – Той, хто перебуває або перебував у **блокаді** (у 1 знач.);

БЛОКАДНИЦЯ – Жін. до **блокадник** [СУМД І 2017: 78].

Використано відсильні формули тлумачення словотвірних синонімів до одинадцятитомника, пор.:

БЛУКАЛЕЦЬ – *розм*. Тс. **блукач** [СУМД І 2017: 78];

БЛУКАЧ *рідко* Той, хто блукає, не має постійного місця проживання; бурлака [СУМ І 1970: 204];

2. Омоніми.

Категорію особи реалізують іменники ряду словотвірних типів, з низкою варіантних суфіксів, які водночас є омонімічними до назв предметів (пор. *молочник* – посудина і особа). Омонімію усувають лише лексичним тлумаченням:

МОЛОЧНИК 1. Посудина, у якій подають до столу молоко або вершки. 2. Те саме, що **молочар** 2 [СУМ IV 1973: 793].

Процес появи омонімів триває, оскільки спрацьовує закон мовної економії. У сучасній українській мові до іменників назв осіб внаслідок повторного використання словотвірної моделі з'являються новотвори-омоніми, пор.:

КАБЕЛЬНИК Робітник, який працює на кабельному заводі або прокладає кабель (СУМ IV 1973:64) (словотвірні моделі А+-ик / N+ник)

КАБЕЛЬНИК «підприємство з виготовлення кабелю», «оператор кабельного телебачення» (словотвірні моделі N+-ник / А+ик).

Останній приклад ілюструє процеси транскатегоризації в новотворах, коли внаслідок повторного використання словотвірної моделі дериват переходить із категорії назв осіб до категорії назв не осіб.

3. Багатозначність.

Для унаочнення багатозначності слова лексикографи активно використовують метод перифразування. Використання перифраз для тлумачення є загальноприйнятою лексикографічною практикою для різних мов, пор.: *дворник* – «тот кто поддерживает чистоту во дворе» *модник* – «тот, кто следует моде» и т.д. [ЕФРЕМОВА 2000]. Перифраза виявляє спеціалізацію значення особи, пор.: *молочар* – «той, хто приймає молоко» і «той, хто продає молоко»:

МОЛОЧАР 1. Той, хто приймає молоко або возить його на молочно-приймальний пункт… 2. Той, хто торгує молоком і молочними продуктами [СУМ IV 1973: 792].

Спеціалізацію значень можуть оформляти різні суфікси. Тоді з'являються словотвірні синоніми з однаковим категорійним значенням особи, які позначають різні аспекти поняття, вираженого мотиватором, пор. застаріле *податник* і новотвір *податківець*:

ПОДАТНИК *розм, заст.* Той, хто сплачує подать (СУМ VI: 735) (словотвірна модель N+-ник)

ПОДАТКІВЕЦЬ «той, хто працює в податковій службі» (словотвірна модель А+-ець)

Таким чином, у словниковому тлумаченні назв осіб чоловічої статі використано метод перифразування й наступні формули тлумачення:

1) той, хто… (стежить за **модою; вередує**);
2) людина, що …;
3) те саме, що….

Для назв осіб жіночої статі відповідно:

1) жін. до …;

2) та, що …;
3) те саме, що ….

Це свідчить про непослідовне подання у тлумачному словнику словотвірної категорійної інформації, яка вказує на твірне слово та спосіб творення, оскільки лише перші з поданих трьох формул враховують її у тлумаченні дериватів.

II. Поява великої кількості нової лексики надає проблемі словотвірної категоризації лексики нової актуальності. Необхідно окреслити склад нових компонентів у новотворах, їхнє співвідношення зі спільнокореневими та спільноструктурними словами, їхню роль у сучасних процесах словотвірної номінації, а отже, й вагу у словотвірній категоризації лексики.

Ідеографічний словник нової лексики «Активні ресурси сучасної української номінації» [АРСУН 2013] також є словником пояснювального типу. Він подає зразки опрацювання «портрету слова» за матеріалами електронної картотеки лексичних інновацій різних типів (новотворів, актуалізованої лексики, неосемантизмів та новозапозичень). Це словник активного типу, який відображає реальний стан мови й відповідає на реальні потреби та запити мовної практики сучасного українського суспільства [КАРПІЛОВСЬКА 2004]. Він описує одиниці, які є активними словотвірними ресурсами сучасної української номінації, зокрема: нові похідні слова, або новотвори на зразок *інтернетівець,* компоненти слів – словотворчі форманти (основи або афікси, де окрему увагу звернено на зміни в їх категорійному словотвірному значенні), які виявляють активність у сучасній українській номінації й таким чином відображає роль словотворення в оновленні лексикону української мови.

Словник містить такі зони опису:

1. Реєстрова одиниця

2. Граматична інформація (грам).

3. Дефініція нова (дефн).

4. Дефініція стара (дефс).

5. Синтагматичні відношення реєстрової одиниці (синтагм).

6. Парадигматичні відношення реєстрової одиниці (парадигм).

7. Епідигматичні (дериваційні) відношення реєстрової одиниці (епідигм).

Зокрема, зона, яка містить відомості про дериваційні відношення нової одиниці, **– Зона 7 – епідигм** – налічує 5 основних підзон: **7.1. афікс –** афіксальні прості похідні, **7.2. складсл** – складні слова, **7.3. гра** – мовна гра (каламбурне словотворення) та ін. Кожна з цих підзон також може мати свої підзони залежно від типу словотворчого форманта або техніки словотворення: **7.1.1 суфікс** – суфіксальні похідні, **7.1.2. префікс** – префіксальні похідні, **7.1.3. конфікс** – конфіксальні (префіксально-суфіксальні) похідні, **7.1.4. усіч** – усічення (безафіксне словотворення) і

7.1.5. універби; **7.2.1. комп** – композити (основоскладання) **7.2.2. юкст –** юкстапозити (словоскладання).

До слів і словосполук у зонах 5-7 додано ілюстрації. Для ресурсів, яким властиве конкурування, в кінці статті подані відсилання до інших конкурентів, уміщених у реєстрі Словника.

Наповнення зон залежить від типу ресурсу – заголовної одиниці статті: слова чи його складника (основи або афікса). Опис слова спрямовано на виявлення його відношень з іншими словами, натомість опис основ чи афіксів – на опис їхніх відношень з іншими складниками нових найменувань.

1. Реєстрова одиниця – НТ – новотвір, нове похідне слово. Словотвірна стаття до новотвору *атлантист* потребує подати дефініції не лише до деривата (якого не було у старих словниках), а й до твірного запозичення *атлантизм*, як нові (**дефн**), так і старі, засвідчені у словниках до 1991 р. (**дефс**).

НТ атлантúст

дефн 1) Прихильник атлантизму:

2) Прихильник НАТО: натовець[2].

Пор.: **атлантизм** – ідеологія й політика тісного співробітництва та союзу країн Західної й Центральної Європи, США та Канади; найповніше вираження А. знайшов у діяльності НАТО [ССІС 2006: 81];

атлантисти – послідовники атлантизму – ідейного і політичного напряму, що виступає за союз країн-членів Північноатлантичного союзу (НАТО) [НАСЗ 2010: 42].

дефс атлантизм – ідейна і політична течія, що з метою зміцнення світової позиції капіталізму виступає за всебічний зв’язок країн, які беруть участь у Північно-атлантичному договорі) [СІС-1974: 77] [АРСУН 2013: 44–47].

Різний прагматичний ореол у твірного слова (позитивне або негативне ставлення до НАТО), очевидно, надалі треба відображати у системі ремарок пояснювальних словників.

2. Реєстрова одиниця – АК – актуалізована й активізована одиниця. Оскільки суфікс є категоризатором похідної лексики, то активізовані суфікси цікаві досліднику передусім із погляду, які саме ділянки категоризованої мовної картини світу активізуються. Активізація тих суфіксів, які позначають назв осіб, свідчить як про вагу, так і про активне оновлення цієї словотвірної категорії. Словник подає комплексний опис такого активізованого складника слова, обов’язковою є й словотвірна категорійна інформація про твірну основу, категорійне словотвірне значення, спосіб творення і формант:

1. АК -ець/-єць/-івець/-овець.

2. грам суфікс в складі простих і складних слів.

3. дефн Активізація в сполученні з іменними основами (іменниковими та прикметниковими) для творення іменників зі значенням «особа чоловічої статі за належністю до названого твірною основою (партії, громадського угруповання, сфери діяльності, установи)» (*кучмівець, горбачовець, беркутівець*, *піарівець*) [АРСУН 2013, 106-111].

Для опису нової похідної лексики важливо подати не лише опис нових компонентів, а й їхніх відношень з іншими складниками нових найменувань, зокрема, подати словотвірні синоніми-конкуренти, здатні «побутувати в однакових внутрішньослівних і міжслівних оточеннях, тобто сполучатися з тим самим словом або складником слова» [АРСУН 2013: 15]. Тому в **зоні 6: - парадигм** – є 5 підзон: **6.1. Синоніми, 6.2. Антоніми, 6.3. Гіпоніми, 6.4. Гіпероніми, 6.5.Омоніми**. Наприклад, у підзоні **6.1.1. Синоніми-конкуренти** подано словотвірні синоніми-конкуренти з різними суфіксами:

6.1.1. Синоніми-конкуренти:

2) ***виступовець*** *: виступальник : виступник;*

3) ***мітинговець*** *: мітингувальник : мітингар* [АРСУН 2013: 106–111].

Словники нової лексики пояснювального типу відображають живі процеси, які відбуваються в реальній мовній практиці. Серед таких процесів – оновлення семантики словотвірної категорії особи у словниках і текстах. Якщо академічний Словник української мови не подає в реєстрі лексему ***державник*** як назву особи, а Додатковий том, книга 1 засвідчує **ДЕРЖАВНИК** 1. Прихильник сильної державної влади, збереження єдиної держави. 2. Людина, яка посідає високий державний пост [СУМД І 2017: 272]; то Ідеографічний словник нової лексики «Активні ресурси сучасної української номінації» у статті **АК держава** в зонах **6. парадигм** та **7. епідигм** подає функціонування деривата *державник* у 4 значеннях, засвідчених у сучасних словниках і текстах, пор.: державник[1] «прибічник державності, державного ладу», державник[2] «особа (зокрема політик), яка обстоює незалежну українську державу»; державник[3] «студент, який вчиться за державний кошт, на противагу контрактнику», державник[4] «державний службовець» [АРСУН 2013; 81–82].

Для тлумачення новотворів категорії особи, які не засвідчені у словниках, але функціонують у текстах, необхідна інформація про категорійне словотвірне значення, твірне слово, спосіб словотворення. У текстах функціонують *аварійник* – «той, хто мешкає в **аварійному** житлі» (словотвірна модель А+-**ик**), «той, хто навмисне створює **аварії** на дорозі» (словотвірна модель N+-**ник**), пор.: **АВАРІЙНИК** Той, хто несе аварійну службу, усуває аварії [СУМ І 1970: 8]; *бюджетник* «особа, працю якої оплачують з державного **бюджету**», (словотвірна модель N+-**ник**), «депутат, який працює в **Бюджетному** комітеті Верховної Ради» (словотвірна модель А+-**ик**); *валютник* «особа, яка заробляє на різниці

курсу при продажу-купівлі **валюти**» (словотвірна модель N+**-ник**), пор.: **ВАЛЮТНИК** *розм*. Спекулянт чужоземною валютою, що одержує прибутки, здійснюючи протизаконні валютні операції [СУМ І 1970: 286].

Висновки. Опис похідної лексики в словниках пояснювального типу ілюструє вагому роль словотворення у мовній концептуалізації та категоризації світу. Тлумачення дериватів на позначення назв осіб реалізовано шляхом поєднання лексичного значення і категорійного словотвірного значення слова, вираженого афіксами й основами й підпорядковано основній меті пояснювального словника. З іншого боку, з дефініції похідного слова можна отримати відповідну категорійну словотвірну інформацію про:

- спільне категорійне словотвірне значення особи, подане через перифразу «Той, хто…» (Людина, що…), «Та, що…» (Жін. до…);
- частиномовну належність твірного або мотиватора, відображену у відсиланні до твірного слова (жартівник – «той, хто любить жартувати (1)»; блокадник – «той, хто перебуває або перебував у блокаді (1 знач.)»);
- однаковий спосіб словотворення та різні форманти, засвідчені у тлумаченні словотвірних синонімів: 1) через уведення синоніма до дефініції: жартівник – той, хто любить жартувати (1); ж а р т у н; 2) через відсильну формулу «те саме, що…»: блукалець – *розм*. Тс. блукач.

Відображення реального стану мови, оновлення її поняттєвих і мовних, зокрема й словотвірних категорій потребує осмислення й віднайдення способу подання сучасних процесів мовного розвитку у словниках нової лексики, яким є ідеографічний словник «Активні ресурси сучасної української номінації». Внаслідок невпинного пізнання дійсності, ретельної та вдумливої наукової праці лексикографія стає важливим свідченням рівня розвитку суспільства та його мови.

Література

АРСУН 2013: Активні ресурси сучасної української номінації: Ідеографічний словник нової лексики / Є.А. Карпіловська, Л.П. Кислюк, Н.Ф. Клименко, В.І. Критська, Т.К. Пуздирєва, Ю.В. Романюк; відп. ред. Є.А. Карпіловська. – Київ: ТОВ «КММ».

ЕФРЕМОВА 2000: *Т.Ф. Ефремова*. Толково-словообразовательный словарь русского языка. – Москва: Русский язик.

КАРПІЛОВСЬКА 2004: *Є.А. Карпіловська*. Динаміка сучасної української мови в словниках нового покоління (проект серії словників нової української лексики) // Українська мова. – № 3. – С. 3–29.

КЛИМЕНКО 1984: *Н.Ф. Клименко*. Словотворча структура і семантика складних слів у сучасній українській мові. – Київ: Наукова думка.

КЛИМЕНКО 2007: *Н.Ф. Клименко*. Словотвірна категорія // Українська мова. Енциклопедія. – Київ: «Українська енциклопедія» ім. М.П. Бажана, 3-є вид., зі змінами і доп. – С. 641–642.

КОВАЛИК 2007: *І.І. Ковалик*. Про деякі питання слов'янського словотвору // Вчення про словотвір. Вибрані праці. Упорядник та автор передмови Василь Ґрещук. – Івано-Франківськ-Львів: Місто НВ. – С. 261–287.

ЛОПАТИН, УЛУХАНОВ 2016: *В.В. Лопатин, И.С. Улуханов* Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. – Москва: Издательский центр «Азбуковник».

ПРОСПЕКТ 1958: Проспект Тлумачного словника української мови (Для обговорення) / Уклав П.Й. Горецький, відп. ред. В.С. Ільїн. – Київ: Видавництво Академії наук Української РСР

СУМ 1970–1980: Словник української мови: в 11 тт. / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред. І. К. Білодіда. –Київ: Наукова думка.

СУМД 2017: Словник української мови в 11 томах. Додатковий том: у 2-х кн. – Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго.

Радева Василка
Софийски университет “Св. Климент Охридски” (пенсиониран професор),
България, София
v.radeva@ranguelov.net

МЯСТО НА ПРОИЗВОДНИТЕ ДУМИ В В ТЪЛКОВНИ ПО ТИП РЕЧНИЦИ

Лексикографската интерпретация на производните думи се разглежда като представяне на тяхната семантика, пресечна точка на словообразователни и лексикални параметри. Както при проучване на семантичната им структура, така и при тълкуването в лексикографски справочници, се взема под внимание статусът им на називни единици с формална и семантична членимост.

Мястото им в тълковни по тип речници се представя преди всичко чрез две възможности: включване в словника като заглавна дума, която изисква тълкуване, или участие в тълкувателна дефиниция на друга лексикална единица.

При тълкуване на производните думи, които изразяват еднотипни отношения на семантичните елементи, внесени от мотивиращата основа и модифицирани от общ формант, се разглежда използваната възможност за обобщено представяне на определени префигирани структури. При суфиксните формации се посочва възможното тълкуване на агентивните съществителни с еднакво отношение към един и същ произвеждащ глагол.

Проследяването на съществуващата практика в българската лексикография налага извода, че използването на словообразователните отношения при тълкуване на производните думи изисква ясна концепция за структурата и предназначението на речника.

Ключови думи: агентивни съществителни, суфиксни формации, производна дума, префигирани структури, тълковен речник.

The lexicographic treatment of derived words is regarded as the presentation of their semantics which is the intersection of word-formation and lexical parameters. Both in the analysis of their semantic structure and in its presentation in dictionaries their status of formally and semantically analyzable naming units is taken into consideration.

Their inclusion in the monolingual explanatory dictionary opens up two main possibilities: their lemmatization as a separate headword which receives its full interpretation, or else their inclusion in the entry for another lexical item.

The possibility is considered of a generalized treatment of prefixal derivatives with the same type of relationship in the semantic contribution of the motivating base and the common modifying formant. In the case of suffixation the possibilities in the treatment of agentive nouns showing identical semantic relation to the same verbal base are pointed out.

The analysis of the existing Bulgarian lexicographic practice leads to the conclusion that a more consistent and clear understanding of the structure and functions of a dictionary is necessary in the use of derivational relations for the interpretation of derivative words.

Key words: agentive nouns, suffixation, prefixation, derivative words, monolingual explanatory dictionary.

1. Лексикографската интерпретация на производните думи в тълковните по тип речници се опира на дериватоложките изследвания, в

които лексикалното значение се изяснява с оглед на отношението му към словообразувателното. Изграждането на тълкувателната им дефиниция се съобразява както със словообразувателната *парафраза*, така и с *перифразата* на лексикалното значение, за да се разкрие вписването на дериватите в системата на езика, необходимо за изясняване на употребата им в речта.

Както е известно, словобразувателната *парафраза* има основна роля при изготвяне на дериватоложки речници, в които се представят семантичната и формалната структура на производните думи чрез разкриване на техните семантични елементи, експлицирани от структурните им компоненти. При лексикографското тълкуване на лексикалната единица, вкл. на производната, основна роля има *перифразата* ѝ. Според Ю.Д. Апресян, тя изпълнява четири функции: а) обяснява значението на дадена езикова единица; б) служи за основа за усвояване на нейното място в семантичната система на езика; в) явява се семантично правило, прилагано при превода от синтактично представяне на изказването към неговото (повърхнинно) семантично представяне, и обратно; г) служи за основа на правилата за семантично взаимодействие на дадена единица в състава на изказването [АПРЕСЯН 1995: 469].

Тълкуването на производната дума се съобразява с нейната специфика, която я различава от непроизводните структури. В качеството си на лексикална единица, производната дума изпълнява номинационна функция, но моделирането и изграждането на семантиката ѝ предполагат класифициране и отделяне на значимото, за да бъде отразено в словообразувателното ѝ значение. Затова производните думи по своята същност представляват своеобразен модел за «сортиране» на отделните обекти и техните фрагменти при тяхното назоваване. Е.С. Кубрякова основателно отбелязва: «Если в описание мира участвуют все единицы и все категории языка, то в его картировании, в отражении отдельных фрагментов и объектов мира и в их обозначении а также и их сортирование едва ли не решающую роль играют производные слова» [КУБРЯКОВА 2004: 22]. Като изпълнява своята номинационна функция, производната дума означава факти и реалии от действителността не като автономни и самостоятелни същности, а с оглед на тяхната връзка и взаимозависимост. Тази нейна особеност съответства на една от функциите на тълковния речник, обобщени от Ю.Д. Апресян: да установи мястото на лексикалната единица в семантичната система на езика и да разкрие правилата за нейното семантично взаимодействие с другите единици в състава на изказването.

Изучаването на основните единици, структуриращи словообразувателната система, при което определено място заема мотивационното отношение, дава възможност не само да се разкрият и обогатят принципите на системната организация на лексиката [РАДЕВА

2009: 37]. Характерът на противопоставянето в деривационната двойка, което по своята природа е връзка между лексикални единици, оказва влияние върху мястото на производната дума при включването ѝ в тълковни по тип лексикографски справочници. То се определя не само от изискванията за представяне на думите в лексикографски справочници и структурирането на тълкувателните дефиниции.

Семантиката на производната дума е своеобразна пресечна точка на словообразувателни и лексикални параметри, които обуславят спецификата на нейното лексикографско интерпретиране. От една страна, тя включва компоненти, породени в процеса на деривацията, които не се извеждат директно от словообразувателната ѝ парафраза, а от друга страна, като лексикална единица създава синтагматични връзки, които не съдържат признаци от нейната изводимост. Те моделират участието ѝ в изграждането на текст и изискват посочване в тълкувателната дефиниция. Например при деадективните глаголи, образувани от прилагателни за цветово означаване, се обособяват префигирани структури, чието действие е насочено към агенс, представен от лице в определено психическо или физиологическо състояние: *побелее*, *посинее*, *почернее* и др. Освен това семантичната им структура предполага наличието на аргумент за израз на субстанцията, с която се сравнява: *побелее като платно* (мъртвец), *пожълтее като лимон* и др. [РАДЕВА 2012].

2. При тълкуване на производните думи чрез позоваване на мотивационното им отношение се взема под внимание актуализираното значение на произвеждащата дума. Обособените деривационни категории и включените в тях словообразувателни типове невинаги позволяват еднотипно оформена тълкувателна дефиниция. Не във всички случаи тя позволява пряко позоваване на отношението към произвеждащата дума, срв. *номерира* ‘поставя номер’, *нормира* ‘определя норма’, но *овъглява* ‘превръща във въглен’, *травмира* ‘причинява травма’ и пр.

Като една от функциите на тълкувателната дефиниция, посочването на правилата за семантично взаимодействие с други лексикални единици в състава на изказването има отношение към отразяването на връзката в деривационната двойка. Съчетателните възможности и парадигматичните връзки на производната дума се опират на лексикалното ѝ значение, но представляват рефлексия на нейната производност и мотивираност. Например десубстантивните глаголи като *вдърви се*, *вкамени се*, *вледени се* и др. не допускат съчетаване с произвеждащите думи, чийто денотат е носител на качество, избрано като номинационен мотив: **вкамени се като камък*, **вледени се като лед.* Когато се включват в деривацията с производно значение, деадективните глаголи, образувани от прилагателни за цветово означаване, изискват контекст, чрез който се експлицира аргумент за посочване на причината за поява на признака: *почернее от мъка* (скръб, болка), *зачерви се от срам*, *побеее от страх*, *позеленее от яд*,

посинее от студ и др. При лексикографското представяне на производните думи се изяснява и тяхната характеристика от комуникативна гледна точка с оглед на целите на дискурсивната дейност [РАДЕВА 2009: 41], тъй като те функционират в речта като лексикални единици с присъщите им синтагматични отношения и възможност за семантичен развой и промяна.

По-богатата семантика на производната дума често съдържа и «скрити» значения, чиято информация се извлича от съществуващия опит, от интуицията, т.е. от инференцията «като операция на обикновеното съзнание, рационално в своята основа, но в същото време не толкова свързано с формалните способи за доказване на истината» [КУБРЯКОВА 1999: 29]. То не може да се изведе само от словообразувателното значение на производната дума, запазила отразената в структурата ѝ мотивационна връзка. Например *съблекалня* е ‘помещение не само за събличане, но и за обличане’ в спортна зала, игрище, обществена баня и пр., *спирка* е ‘място, където спират, но и откъдето тръгват’ обществени превозни средства, *закусвалня* не е място за закусване, а ‘заведение за обществено хранене на самообслужване, предвидено за бърза консумация’ [Радева 2010: 288].

3. Тълкуването на дериватите се съобразява със спецификата на лексикалната им семантика в отношението ѝ към словообразувателното значение. То отразява общото в семантично обединените еднакви по структура производни думи, чието значение е модифицирано от различната степен на ‘абстрахираност’ и ‘специализираност’ в зависимост от актуализацията на семантичните компоненти, внесени при свързване на форманта с произвеждащата основа [РАДЕВА 2010, 283].

3.1. Повтарящите се еднотипни отношения на семантичните елементи, внесени от мотивиращата основа и модифицирани от функцията на форманта, представляват основание за «обобщено представяне и тълкуване на префигираните структури, особено при отнасянето им към модификационната категория». Позицията на префикса като предосновен компонент предоставя възможност за съобразяване с азбучното подреждане на речниковите статии. Така в увода на многотомния *Речник на българския език* (РБЕ) специално се обръща внимание на отделни особености на производните думи с оглед на тяхното тълкуване. Подчертава се възможността за използването на системните отношения между думите, като се отбелязва: «най-лесно е да се установят смисловите взаимоотношения между думи, които са помежду си в словообразувателни отношения, т.е. между дума и неин дериват» [РБЕ I 1977: 33]. Въпреки че префигираните глаголи са включени като заглавни думи в отделни речникови статии, префиксите, с които са образувани, са представени с обобщени значения, внесени при свързването им с произвеждащите основи. Например компонентът *без-* е определен като «Именна представка, с която се образуват съществителни и прилагателни със значение: отсъствие на нещо, лишение от нещо» [РБЕ I 1977: 457]. Към примерите не

са включени прилагателни като *безок*, *безрог*, *безрък*, *безух*, действително оформени с префикс *без*-. Представените в отделни статии производни с компонент *без*- ясно показват, че всъщност той е част от сложен формант, който съдържа и постосновен компонент, напр. *безгрешен* (без-греш-ен) ‘който няма грехове, не е извършил постъпки, осъждани от черквата и религиозния морал’, *безопасен* ‘който не е свързан с опасност’ и др. Почти всички съществителни, които съдържат компонент *без*-, са образувани със сложен формант (конфикс): *безводие* (без-вод-ие), *безгрижие*, *безвремие*, *беззаконие*, *безлуние*, *безправие*, *безчувствие*, *безредие*, *безсмъртие* и др.

Значението на имената, образувани със сложен формант, чиято предосновна част функционира самостоятелно и като префикс, също са изтълкувани, без да се разграничат от префиксните образувания. В речниковата статия на компонента *между*- са обособени значенията, в които се отразяват пространствени и времеви отношения, но е посочено, че производните са образувани с префикс, въпреки че всички примери съдържат и постосновен компонент: *междусезонен* (между-сезон-ен), *междувремие*, *междучасие*, *международен*, *междуградски* и др. [РБЕ IX 1998: 284]. В еднотомния Български тълковен речник (БТР) същите лексикални единици са обособени като «сложни думи» а предосновният компонент е определен като «съставна част» [БТР 1994: 443]. Като деривати с представка *пред*- са обяснени и конфиксните прилагателни със значение ‘който настъпва, съществува преди *нещо* друго’: *предвоенен*, *предизборен* и др. [БТР 1994: 727], а прилагателните със значение ‘който е бил по-рано, преди *нещо*’: *доисторически*, *довоенен*, *допотопен* и др. са определени като оформени с представка *до*-. Явно е, че в случая не са взети под внимание изследванията на словообразуването и резултатите от него, въпреки че тълкуването насочва към *нещо*, т.е. към субстанция, изразена от съществително.

3.2. Проучването на производната дума като лексикална единица с формална и семантична членимост изяснява прекатегоризирането на произвеждащата дума чрез съответна морфологична операция. При това особен интерес представлява функцията на афиксите, които оформят деривати от всички словообразователни категории. Анализирането ѝ чрез използване модела на предикатно-аргументната структура предоставя възможност да се разкрие функцията на словообразователната основа и на форманта като компоненти на повърхнинната структура. Като експлицират определени или всички елементи на предикатно-аргументната структура, те оформят словообразователното значение. Чрез прилагане на този модел не само се изяснява деривационното значение, но се изграждат и дефиниционни структури (парафрази), приложими при тълкуване на лексикалната семантика на дериватите, като се вземат под внимание и конотационните значения. В теоретичен план например основателно се обобщава, че дериватите от словообразователната категория nomina agentis

съдържат конотативен признак ‘може, умее, занимава се’, поради което се предлага следната структура на тълкуване: «Такой X, который может, умеет, чья профессия – действовать (танцевать, петь, плавать, играть на скрипке) и под.» [БАЛТОВА 1999: 133]. В лексикографската практика обаче при тълкуване на агентивните съществителни не се използва последователно еднотипна словообразувателна парафраза за представяне на значенията ‘умее’ и ‘професионално изпълнява’ определена дейност. Те се обобщават в едно значение или се оформят като две отделни значение, напр.: **певец** 1. Човек, който пее хубаво. 2. Човек, който се занимава професионално с пеене [РБЕ XII 2004: 215], но **певец** 1. Човек, който пее хубаво или има пеенето за професия [БТР 1994: 621].

3.3. Интересна възможност за тълкуване предоставят агентивните съществителни от мъжки и женски род, чиито значения са непосредствено мотивирани от един произвеждащ глагол. Те може да се обособят в една речникова статия, за да се избегне повтаряне на дефиниции за израз на родово-видово отношение. Ако *преводач* м. и *преводачка* ж. се представят в обща речникова статия, значението им ’лице, което превежда текст от един език на друг’ основателно може да се опре на деривационната им връзка с глагола *превежда*. Така в тълкувателното значение се включва дума с по-широк понятиен обем (лице, човек), която обхваща понятието, дефинирано с посочване на диференциращ признак. Това има отношение към изискването за представяне на лексикалното значение чрез т. нар. семантични примитиви, т.е. свеждане на по-сложното и по-общо значение към по-просто и по-конкретно.

Оформянето на отделни речникови статии налага използването на думите *лице* или *човек* при мъжколичните съществителни, и *жена* – при женсколичните за означаване на общо родово понятие: срв. *разказвач* 1. Човек, който разказва случка, събитие, нещо видяно, чуто или измислено. 2. Писател, автор на разкази; и *разказвачка* ж. Жена разказвач. [РБЕ 14 2015: 391–392]. Така остава неясно отношението между използваните родови названия *лице – жена* и *човек – жена*. Включеното в същия речник прилагателно *разказвачески*, обособено в самостоятелна речникова статия, е изтълкувано чрез отношението му само към мъжколичното съществително: ‘Който е присъщ на разказвач’, без да се отрази връзката му с женсколичното.

Тълкуването на агентивните съществителни чрез използването на мотивационното им отношение към произвеждащия глагол дава възможност значението им да се обобщи като ‘вършители на дейност, посочена от глагола’ напр.

възпитàтел м. и **възпитàтелка** ж. Лице, което възпитава. ***възпитàтелски*** прил.

танцьòр м. и **танцьòрка** ж. 1. Лице, което умее да танцува. 2. Професионален изпълнител на танци [БТР 2012].

Това дава възможност в същата статия да се включи и относително прилагателно със суфикс *-ск(и)*, което обобщено приписва признак на субстанцията, напр. *наблюдател* м. и *наблюдателка* ж. Лице, чието задължание е да наблюдава. 2. Зрител. *наблюдателски* прил. [БТР 2012: 344]. По същия модел може да се оформят и речникови статии за десубстантивни съществителни от мъжки и женски род, чрез експлициране на връзката им със съответното име: *кръжочник* м. и *кръжочничка* ж.; *летовник* м. и *летовничка* ж.; *съюзник* м. и *съюзничка* ж. и мн. др. Хибридните съществителни, мотивационно отнесени към една и съща заета дума, също може да бъдат обхванати в една речникова статия, напр. *сърфист* м. и *сърфистка* ж.; *тенисист* м. и *тенисистка* ж. и др.

Това лексикографско интерпретиране има отношение към теоретичното осмисляне на nomina feminitiva като двустранно мотивирани структури – модификационни или/и мутационни.

3.4. Съобразяването на лексикографската интерпретация със словообразувателното значение на суфиксно оформените деривати е по-сложно в сравнение с префиксните. Извеждането на общност в лексикалната семантика, обусловена от функцията на суфиксите, не позволява лексикографско обособяване по азбучен ред поради постосновната позиция на форманта. Тяхното тълкуване се съобразява с различната степен на абстрахираност, проявявана от суфиксите при свързването им с произвеждащата основа, според която те функционират като инвариантни и неинвариантни [УЛУХАНОВ 1977: 85–94].

Неинвариантните форманти изграждат словообразувателните значения, като внесеният от тях семантичен компонент е в зависимост от вътрешнословния (морфемен) контекст. Съчетаемостта им с произвеждащата основа се обуславя от тяхната принадлежност към определена част на речта и към дадена лексикосемантична група [МИТЕВ 2004: 72–73]. Производните структури с неинвариантни форманти изграждат словообразувателното си значение с по-малка зависимост от външния (лексикален) контекст, и то участва по-определено в дефиниране на лексикалното значение [РАДЕВА 2010: 284]. Това прави възможно еднотипното им тълкуване чрез експлициране на мотивационното отношение. Когато това отношение не предполага допълнителна ’специализираност’ или ’абстрахираност’, лексикалното значение обикновено се тълкува чрез т. нар. структурна дефиниция (РБЕ I 1977, 34). Така са оформени например тълкувателните изречения на абстрактните съществителни с формант *-ост*:

безизходност ж. отвл. същ. от *безизходен*;
безмълвност ж. отвл същ. от безмълвен;
безличност ж. ‘качество на *безличен*’;
борбеност ж. ‘качество на *борбен*’ и др.

Създаването на транспозиционни структури от категорията nomina essendi, което отразява моделирането на семантичната опозиция *конкретност/абстрактност* в процеса на деривация, позволява лексикографско представяне, което се опира на деривационната връзка. Тяхната семантика допуска включването им към речниковата статия на произвеждащата лексикална единица. Например към тълкуването на прилагателните може с основание да се включат деадективните съществителни със суфикс *-от*(*а*), които обикновено се тълкуват чрез израза ‘качество на …’, напр. *красота* ж. ‘качество на красив’, *доброта*, *правота*, *прямота*, *сивота*, *яснота* и др. Ако обаче са развили производни значения, те се оформят в отделни речникови статии, напр. *празнота* ж. 1. без мн. Душевна пустота. 2. Пропуск, непълнота.

Към тълкуването на производните съществителни за номинация на лица, характеризирани като носители на признак (качество, особеност, склонност и пр.), може да се влючат оформените чрез транспозиция названия на същия признак, абстрахиран от неговия носител: *другарство*, *мечтателство*, *подражателство*, *скъперничество*, напр.

насѝлник м. и **насѝлница** ж. Лице, което е склонно към насилие, ***насѝлнически*** прил., ***насѝлничество*** ср. [БТР 2012].

Особено място заемат оформените с форманта *-ост* съществителни, които може да се включат към тълкуването на мотивиращите прилагателни, тъй като означават посоченото от тях качество, но абстрахирано от носител, напр.:

далѐчен прил. Който е на голямо разстояние от нещо. 2. Който е след или преди много време. ***далѐчност*** ж.

лòвък прил. 1. Който изкусно и умело върши нещо. 2. Който е извършен с умение и сръчност. ***лòвкост*** ж. [БТР 2012].

Когато прилагателното е производно и изтълкувано чрез мотивационната си връзка, към него също може да се прибави и абстрактното съществително, напр.:

конфлѝкт м. (лат.). Сблъсък на противоречиви сили. ***конфлѝктен*** прил., ***конфлѝктност*** ж.

сетивò ср. Всяка от способностите на човека и животните за възприемане на външния свят. ***сетѝвен*** прил. ***сетѝвност*** ж. [БТР 2012].

Голямата активност на суфикса *-ост* обаче му позволява да се свързва не само с прилагателни, вкл. производни, но и с причастия, които по своята същност са словоизменителни форми и по традиция не се тълкуват отделно от глаголите, ако не са възприети и употребявани като признакови думи, без да се разграничават от прилагателните. Семантиката на образувания като *заболеваемост*, *задлъжнялост*, *заразеност*, *избираемост*, *избирателност*, *търпимост*, *чуваемост* и др. не може да се

изтълкува достатъчно пълно чрез включване към произвеждащата дума, намерила място в същия речник.

Възможност за тълкуване на лексикалното значение с оглед на словообразувателното предлагат хибридните формации, чиято дефиниция позволява да бъде използвана деривационната им парафраза. В случая се изисква съобразяване с мотивационното отношение, за да се избегне кръгово обяснение. Например при тълкуване на съществителното *агитатор* като ‘лице, което върши агитация’, се взема под внимание лексикалното значение на думата *агитация* (лат.), обяснено като ‘дейност за разясняване и разпространение на идея за привличане на привърженици’, а значението на глагола *агитира* ‘върши агитация’ се тълкува също чрез отношението му към *агитация*. С описателната дефиниция на заетите съществителни имена се съобразява представянето на еднаквоосновните формации, напр. *колекция* (лат.) ‘сбирка от систематизирани еднородни предмети’, *колекционира* ‘създава колекция’ или ‘създава сбирка от еднородни предмети’, *колекционер* м. и *колекционерка* ж. ‘лице, което събира и съхранява еднородни предмети’.

3.5. Интерес представлява лексикографската интерпретация на модификационните структури, които по модел се отнасят към т. нар. «формално» умалителни имена [ЗИДАРОВА 2005]. Признакът ‘умалителност’ при тях имплицитно присъства, но номинационният мотив, който ги характеризира като лексикални единици, е различен от него. Деривационната връзка при тях е изградена върху мотивационно отношение, различно от модификацията. То може основателно да се разглежда като резултат от семантична деривация. За разлика от деминутиви като *братче, моливче, селце* и др., които може да се включат към дефиницията на съответните произвеждащи *брат, молив, село*, или да се използва т. нар. структурна дефиниция ‘умалително от…’, лексикалната семантика на «формално» умалителните съществителни изисква самостоятелно тълкуване в отделна речникова статия, напр.

кнѝжка ж. 1. Малка книга. 2. Официален документ с форма на малка книга. *Студентска* (*шофьорска, спестовна*) *книжка*. 3. Публикувано съчинение без особена стойност. 4. Дребна хартийка. *Книжка от бонбон*. [БТР 2012, 265].

В тълкуването им се включва и значението, което ги свързва с произвеждащото име, тъй като характеризирането им като деминутиви се експлицира, докато се осъзнава връзката им със съответните ‘неумалителни’. Подобно лексикографско представяне изискват съществителни като *карта* и *картичка, кола* и *количка, плоча* и *плочка, небе* и *небце, език* и *езиче* и др.

4. При представяне на парадигматичните отношения синонимията обикновено се отбелязва чрез използване на т. нар. синонимна дефиниция, като обяснението се опира на сравняване със семантиката на лексикална

единица, тълкувана чрез описателна дефиниция. Когато синонимната връзка е между производни думи с мотивационна връзка към една и съща произвеждаща основа, а свързаните с нея суфикси оформят еднакво категориално значение, те може да бъдат включени в една речникова статия с произвеждащата дума: *дружелюбност* ж. и *дружелюбие* ср.; *дръзновеност* ж. и *дръзновение* ср; *педантичност* ж. и *педантизъм* м. напр.:

дръзновѐн прил. Който проявява предизвикателна смелост и решителност. ***дръзновѐност*** ж. и ***дръзновѐние*** ср. [БТР 2012].

Обща тълкувателна дефиниция без отнасяне към произвеждащата дума може да оформи представянето на деривати с еднакво лексикално значение: *стотарка* ж. и *стотачка* ж. 1. Столевова банкнота. 2. Сума от сто лева; *срамежлив* прил. и *срамлив* прил. Който изпитва и изразява срам.

5. Включването на производната дума в лексикалната система се взема под внимание и при обхващането ѝ в други тълковни по предназначение речници – етимологичен, синонимен, речник на чуждите думи или на новите думи (неологизми). В етимологичните речници, чиято задача е да се проследят произходът и историята на думата, като се посочат съответствията ѝ в други езици – славянски и индоевропейски, дериватите обикновено се включват в речниковите статии на заглавните думи, за да се разкрият промените и деривационният им потенциал. Подреждат се според формата на основата и словообразувателния формант с кратко тълкуване (напр. водар, водарка, водарски, водач ‘кобилица’) или без тълкуване: *водолечебен*, *водолечение*, *водомер*, *водомерен*, *водонос*, *водоноска*, *водоносец*, *водопад* (вероятно от рус. водопад), превод от нем.Wasserfall, срв. водо(скок)…[БЕР 1971: 672].

6. Речниците на чуждите думи (РЧД), тълковни по своето предназначение, включват заетата лексика, чието значение се тълкува със средствата на заемащия език, като се използва синонимна или описателна дефиниция. Към структурирането им имат отношение изследванията на чуждите думи с оглед на тяхното адаптиране, семантично вариране и участие в деривационните процеси на езика, в който са заети. Специално внимание заслужава мястото на производните (хибридни) думи, оформени от основи на заети лексикални единици, но с деривационни средства на заемащия език. Включването им като заглавни думи или към тълкувателните дефиниции обикновено е свързано с концепцията и структурата на речника. То трябва да отразява както резултатите от изследванията в областта на дериватологията, така и от лексиколожките проучвания на речниковия състав на езика с оглед на произхода и историята на думите.

По-основателно е производните формации, чиято словообразувателна връзка е достатъчна за изясняване на лексикалното им

значение, да бъдат включени към заетата произвеждаща дума. Например към съществителното *виртуоз* м. (чрез нем. Virtuos, Virtuose, от ит. virtuozo ‘добродетелен’), изтълкувано чрез значения: ‘1. *Муз.* Изтъкнат музикант, който владее до съвършенство техниката на изпълнение, 2. *Прен.*Лице, което е постигнало най-голямо майсторство в своята професия, което до съвършенство владее някакъв занаят, някакво изкуство’, може да се включат прилагателното *виртуозен* и образуваното от него същ. *виртуозност*, а не да се тълкуват чрез отношението им към посочена чужда дума, срв. *виртуозен* прил. Който е свойствен на виртуоз…. (по ит. virtuoso) – [РЧД 1982: 176].

Интересна е практиката за включване в РЧД на производните, оформени със заети словообразователни средства, които поради функцията им се определят като суфиксоиди и префиксоиди (анти-, био-, видео- и др.). Тъй като те се отличават с висока активност и се свързват с основи на употребявани в заемащия език лексикални единици, не е основателно всички производни, оформени с тях, да намират място в речниците на чуждите думи, напр. *антиморален*, *антинационален*, *антипатриотизъм*, *антипатриотически* и др.

Последователното използване на словообразователните отношения при тълкуване на производните думи предполага ясна концепция за структурата на речника, съобразена с изискването за точно и непротиворечиво, но не многословно представяне на лексикалното значение, което имплицитно разкрива и семантичните връзки на производната дума, които имат отношение към структуриране на лексикалната система.

Литература

АПРЕСЯН 1995: *Ю.Д. Апресян*. О языке толкований и семантических примитивах // Избранные труды, т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – Москва: Школа «Языки русской культуры».

БАЛТОВА 1999: *Ю. Балтова*. Словообразовательное значение в структуре лексикографической дефиниции производных слов // Новые пути изучения словообразования славянских языков. Vergleichende Studien zu den slavischen Sprachen und Literaturen. Band 3. Hrsg. R. Belentschikow. Reter Lang GmbH. Frankfurt am Main. – С. 129–136.

ЗИДАРОВА 2005: *В. Зидарова*. Лексикализация на деминутиви в съвременния български книжовен език // Litera scripta manet. Сборник в чест на 65-год. на проф. д.ф.н. Василка Радева. – София: Унив. изд. «Св. Климент Охридски». – С. 601–608.

КУБРЯКОВА 1999: *Е.С. Кубрякова*. Когнитивные аспекты словообразования в структуре и связанные с ними правила инференции (семантического вывода) // Новые пути изучения словообразования

славянских языков. Vergleichende Studien zu den slavischen Sprachen und Literaturen. Band 3. Hrsg. R. Belentschikow. – Peter Lang GmbH. Frankfurt am Main. – С. 23–36.

КУБРЯКОВА 2004: *Е.С. Кубрякова*. О ключевых проблемах теории словообразования. // Праблемы тэорыі і гісторыі славянскага словаўтварэння. Навуковыя рэдактары А.А. Лукашанец, З.А. Харытончык. – Мінск: ВТАА «Права і эканоміка». – С. 22–31.

МИТЕВ 2004: *Д.О. Митев*. формировании семантики относительных прилагательных // Аспекты контрастивного описания русского и болгарского языков. Вып. первый. Шумен: Унив. изд. «Епископ Константин Преславски». – С. 69–108.

РАДЕВА 2009: *В. Радева*. Производната дума като структурираща единица // Словообразуване и лексикология. – София: Унив. изд. «Св. Климент Охридски». – С. 37–48.

РАДЕВА 2010: *В. Радева*. Към лексикографската интерпретация на производната дума // Слово и словесност. Сборник в чест на доц. д-р Юлия Балтова. – София: ИК «Емас». – С. 282–290.

РАДЕВА 2012: *В. Радева*. Системные отношения и связи производного слова // Słowotwórstvo słowiańske: system i tekst. Pod red. Jerzego Sierocziuka. – Poznań: WPTRN. – S. 123–131.

УЛУХАНОВ 1977: *И.С. Улуханов*. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. – Москва: Изд. «Наука». – 255 с.

Източници

БЕР 1971: *Български етимологичен речник*, т. I / Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. – София: Изд. на БАН. – 672 с.

БТР 1955: *Български тълковен речник* / Л. Андрейчин, Л, Георгиев, Ст. Илчев, Н. Костов, Ив. Леков, Ст. Стойков, Цв. Тодоров. Четвърто преработено от Д, Попов изд. 1994. – София: Изд. «Наука и изкуство». – 1093 с.

БТР 2012: *В. Радева*. Български тълковен речник. – София: Издат. «Изток-Запад». – 742 с.

РБЕ 1977–2015: *Речник на българския език*. Т. 1-15. Авт. колектив. – София: Изд. «Проф. Марин Дринов»; ЕТ «Емас».

РЧД 1982: Речник на чуждите думи в българския език. М. Филипова-Байрова, С. Бояджиев, Ел. Машалова, К. Костов. Отг. ред. Ст. Илчев. – София: Изд. на БАН. – 1008 с.

Фатхутдинова Венера
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань
favenera@mail.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ГЛАГОЛОВ ПОВЕДЕНИЯ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ

В статье анализируются производные глаголы поведения, зафиксированные в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И.Даля. Предметом изучения стали префиксальные и конфиксальные словообразовательные модели, ориентированные для выражения негативной оценки неразумного или предосудительного поведения человека в обществе. В исследовании установлено, что социально-поведенческие мотивы могут возникать в актах словообразовательной детерминации стилистически и денотативно нейтральных глагольных основ. Доказано, что язык как феномен культуры может не только фиксировать настроения и оценки, существующие на данный момент в определенном социуме, но и отражать деонтические нормы и поведенческие стереотипы.
Ключевые слова: лексикография, В.И. Даль, словообразовательная модель, семантика, глаголы поведения.

The article analyzes the derivative verbs of behavior recorded in the “Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language” by V.I. Dahl. The subject of the study was prefixal and confixal word-formation models, oriented to express a negative assessment of unreasonable or reprehensible human behavior in society. The study found that socio-behavioral motifs can arise in acts of word-formation determination of stylistically and denotatively neutral verb stems. It is proved that language as a cultural phenomenon can not only capture the moods and assessments that currently exist in a particular society, but also reflect deontic norms and behavioral stereotypes.
Key words: lexicography, V.I. Dahl, word-formation model, semantics, behavior verbs.

Введение. «Толковый словарь» Владимира Ивановича Даля занимает особое место в русской культуре, филологии и лингвистике. Он явился «вершиной лексикографической работы XIX века, с высоты которой открывались новые перспективы развития русской лексикографии» [КОЗЫРЕВ, ЧЕРНЯК 2015: 26].

В. Мельник в предисловии к сборнику рассказов Даля «Архистратиг» пишет, что большинство его произведений повествуют о русском национальном характере и посвящены прежде всего изображению «исключительной религиозной крепости» своих героев. «Правда, Даль никогда не идеализирует своих героев: он пишет только то, что видит, хотя и не избегает сделать свой нравственный вывод или подчеркнуть какую-то важную мысль. А потому и не скрывает он и недостатков и слабостей русского человека. Показывает, что порою вера странным образом уживается с грехом, с нравственным уродством [МЕЛЬНИК 2011: 4–5].

И.С. Тургенев высоко оценивал ментально-культурную доминанту творчества писателя: «В этом отношении никто, решительно никто в русской литературе не может сравниться с г. Далем. Русского человека он знает, как свой карман, как свои пять пальцев. … Произведения г. Даля, переведенные, едва ли могли бы понравиться иностранцам: в них уже чересчур пахнет русским духом, они слишком исключительно народны; но мы любуемся ими, не потому только, что вот, мол, как верно списано это лицо, а потому, что русскому всё русское любо, как бы оно ни было подчас смешно» [ТУРГЕНЕВ 1978: 278]. Не вызывает сомнений, что в словаре В.И. Даля в полной мере нашла отражение русская языковая картина мира XIX века.

Объектом нашего исследования выступили производные глаголы поведения, зафиксированные в «Толковом словаре живого великорусского языка В.И.Даля, а предметом – их отдельные словообразовательные модели и типы, ориентированные для выражения негативной оценки неразумного или предосудительного поведения человека в обществе.

Как известно, языковая объективация поведенческих стереотипов и национального характера чаще всего происходит в сфере акциональных и ментальных предикатов. Семантика глаголов поведения содержит в себе особенности мировоззрения, ценностные установки, социокультурные нормы, представление о желательных и нежелательных моделях межличностного общения. В русском и других славянских языках данная семантическая сфера хорошо описана. Тем не менее недостаточно изученными остаются способы опосредованного выражения «семантики поведения», в число которых, по нашему мнению, следует включить словообразовательные типы и модели производной глагольной лексики.

Цель исследования – выявить и описать префиксальные и префиксально-постфиксальные (конфиксальные) словообразовательные модели русских глаголов с «поведенческой семантикой». Под словообразовательной моделью в работе понимается «формально-семантический образец порождения новых слов по аналогии к существующим производным словам. В её основе лежит схема строения производных слов, относящихся к одному словообразовательному типу и имеющих определённые морфонологические особенности соотношения производящих и производных слов» [НИКОЛАЕВ 2009: 97].

Результаты. В «Русском семантическом словаре» под ред. Н.Ю. Шведовой [2007] лексический класс «Поведение, а также действия и поступки, неотделимые от поведения» охватывает обширный пласт слов и делится на четыре группы: 1) «общие обозначения», 2) «деятельное, активное поведение», 3) «нерешительное, осторожное поведение, медлительность, бездеятельность, уклонение от деятельности» и 4) «антиобщественное и антисоциальное поведение», каждая из которых

получает дальнейшую многоступенчатую детализацию [РУССКИЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ 2007: 332].

В последней из упомянутых групп выделяется подгруппа «последствия неразумного, некорректного, предосудительного поведения, поступка», которая, в свою очередь, включает две другие: «собственно последствия, результат» и «нежелательные и осуждаемые последствия какого-нибудь длительного поведения, занятия, поступков». Сюда входят одномодельные производные глаголы типа *докуриться, допиться, добегаться, допрыгаться*, образованные от соответствующих основ *курить, пить, бегать* и *прыгать* при помощи конфикса «до- … -ся».

В «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» В.В. Лопатина и И.С. Улуханова [2016] деривационное значение подобных лексических единиц трактуется следующим образом: «довести себя до неприятных последствий посредством действия, названного мотивирующим глаголом»: *гулять – догуляться* ‘гулянием довести себя до неприятных последствий’, *докуриться* ‘курением довести себя до неприятных последствий’; *допеться, досидеться, дослушаться, доспаться, доспориться, дочитаться* (все – разг.)» [ЛОПАТИН, УЛУХАНОВ 2016: 75–76].

Семантическая структура данных дериватов включает в себя, как правило, отрицательную оценку, которая в русском языке зачастую «связана с интенсивностью, эмоциональностью, образностью, аффективностью, экспрессивностью, модальностью», сопутствующими друг другу или выступающими раздельно в различных комбинациях [КАЛКИНА 2005: 7].

Следует отметить, что в качестве производящих основ дериватов исследуемого словообразовательного ряда достаточно часто выступают сами глаголы поведения: *шалить – дошалиться; врать – довраться*, которые, как правило, оценочно детерминированы в силу их номинативной функции.

Нами установлено, что глаголы этого словообразовательного типа очень широко представлены в словаре Даля. Например, их производящими основами могут выступать номинативные единицы с семантикой «уклонение от работы»: *добалбесничаться* – от *балбесничать* ‘повесничать, шататься без дела и дурить’; *добандуриться* – ‘дойти до какой беды бездельем, забавляясь музыкой’ от *бандурить* – ‘бренчать, заниматься музыкою для забавы, упуская дело’; ср. также: *добездельничаться, долбаклушничаться, дослоняться, дошататься* [ДАЛЬ 1995 а: 442–473]. Лень, безделье, праздность – это особый тип поведения, способный довести до неприятных последствий и потому с позиций русского языкового сознания подлежит осуждению.

Отдельные мотивирующие основы представляют собой устаревшие или диалектные слова, для понимания которых требуются дополнительные

знания. Поэтому толкование слова у Даля повсеместно включает в себя этимологический и культурологический комментарий. Приведем примеры:

Добаландаться – от *баландаться* – ‘шляться, шататься, слоняться; баланда́ – праздный шатун, шленда’; ср. бала́нда (кушанье) – ‘ботвинья, холодец из заквашенного на муке отвара свекольной и иной ботвы, с окрошкою’.

Добалахрысничаться – от *балахрысничать* – см. *балахвост* (*балахлыст*), *балахрыст* – ‘шатун, слон (от слоняться), шленда, потаскун, тунеяд’; *балахвостить, балахрыстить, балахлыстить* – ‘шататься, слоняться, бить баклуши’; *балахрыстничать* – ‘предаться тунеядству, праздношатательству’.

Добалясничаться – от *балясничать* (ср. *лясничат*ь); *балясник* – ‘шутник, рассказчик, остряк, проказник, лясник (лясы точить), балагур’; ср. *балясина* – ‘точеный столбик под поручни, перила, ограду’ [ДАЛЬ 1995 а: 42–44].

Доярыжничаться – от *ярыжничать* – ‘бездельничать на все лады и пьянствовать’; *ярыжник* – ‘пьяница, шатун, мошенник, беспутный; «кто с ярыжником поводится, без рубахи находится»’ [ДАЛЬ 1995 а: 489].

Многие из представленных в словаре дериватов являются диалектными словами, которые «сами по себе (в изолированном виде) либо в совокупности целой группы родственных единиц могут представлять чрезвычайно интересный и во многих отношениях теоретически и практически значимый материал для оценки деривационного потенциала русского языка как системы в целом» [НИКИТЕВИЧ 2016: 29].

Для ряда исследуемых единиц «семантика поведения» является производной. Она возникает в результате словообразовательного маркирования и метафоризации глаголов других семантических сфер, не имеющих непосредственного отношения к морально-этическим нормам. И только словарные дефиниции этих лексических единиц дают возможность познать свернутую смысловую пропозицию: эти «последствия» возникают в результате «неразумного», отрицательно оцениваемого поведения, которое может довести «до беды»: *доработаться* – ‘работать до каких последствий: «Доходились ножки, доработались ручки»’; *долюбезничаться* – ‘любезничать, увиваться до каких последствий’; *доходиться* – ‘ходить до каких последствий, до худого дела’; *добрататься* – ‘дойти братаясь до каких последствий, особенно до дурных: «Добратаешься ты с ним до беды»’; *додружиться* – ‘дойти в дурной дружбе до худа’. [ДАЛЬ 1995 а: 442–489].

При толковании данной глагольной лексики автором используется компонент «до каких (каких-либо) последствий», что позволяет интерпретировать значение предиката как лексико-словообразовательное: здесь результаты неразумного поведения не конкретизируются, они носят

обобщенный характер: *доглумиться* – ‘глумиться до каких последствий’; *доссориться* – ‘ссориться с кем до каких последствий’; *дофинтиться* – ‘финтить и вилять до последствий’; *дохорохориться* – ‘хорохориться до каких последствий’; *доюлиться* – ‘юлить до каких последствий’; *доякшаться* – ‘сводить недоброе знакомство и обращаться в нем до каких последствий’; *дояриться* – ‘яриться до каких последствий’; *докуролеситься* – ‘допроказничать, додурить до чего’; *домытариться* – ‘мытарить, шататься беспутно и промышлять кой-чем до дурных последствий’[ДАЛЬ 1995 а: 442–489].

В ряде случаев в словаре констатируется, какие именно «неприятные последствия» ждут производителя действия. Они, как правило, описываются в более широких и культурологически маркированных контекстах. Приведем примеры:

Добегаться – ‘бегая много или часто, достигнуть этим каких-либо, а более дурных последствий. Бегуны обычно добегаются **до чахотки’**.

Допоститься – ‘поститься до известного срока, случая, последствия **(до изнурения)**’.

Допиться – ‘**до чёртиков, до белой или пере(за)пойной горячки**. Попей, попей – увидишь чертей’.

Дображничаться – ‘достигнуть бражничеством **какого добра или худа**’; ср. *допуншеваться* – ‘дойти до чего попойками, пьянством’.

Доябедничаться – ‘ябедничать до каких последствий: доябедничался **до суда и тюрьмы**’.

Доворoваться – ‘доворовался **до кобылы, до наказания плетьми**’.

Докобениться – ‘кобениться **до лиха, до беды**’.

Дособачиться – ‘он **до того** дособачился, **что** только на собак не лает’ [ДАЛЬ 1995 а: 442–489].

Безусловно, воспроизвести всю событийную ситуацию и спрогнозировать возможные последствия действия в ряде случаев представляется весьма затруднительным, поскольку некоторые мотивирующие основы фактически исчезли из словарного состава современного русского языка или расширили свой семантический объем. В качестве примера можно привести префиксальный глагол *доколотырничать* – ‘дойти до чего колотырством, дракой, ссорой, отбоем’ [ДАЛЬ 1995 а: 458] и другие однокорневые лексемы: *колотырить* - ‘перебиваться в нужде, сколачивать копейку кое-как, барышничать, переторговывать, сплетничать, ссорить людей, ссориться, браниться, делать и говорить все наперекор’; *колотырничать* – ‘перекупать или заниматься ссорами, сплетнями’; *колотырный* – ‘сварливый, бранчливый’; *колотырная жизнь* – ‘бедная, нудная’; *колотырка* – ‘злая, вздорная баба’.

Источником этнокультурной информации может служить и другой словообразовательный ряд производных. Это словообразовательные типы глаголов с префиксом «раз-/рас-» или конфиксом «раз-/рас- … -ся».

Последний является достаточно продуктивной в разговорной речи словообразовательной единицей, образующей глаголы совершенного вида с разными словообразовательными значениями, например: ‘достигнуть большой интенсивности в совершении действия, которое названо мотивирующим глаголом, например: *разбушеваться, разгореться, раскричаться, расшуметься* и др. [ЕФРЕМОВА 2005: 46]; ‘проявить, приобрести тот признак, который назван мотивирующим прилагательным’, например: *щедрый* - *расщедриться* ‘проявить щедрость, стать щедрым и др.’ [ЛОПАТИН, УЛУХАНОВ 2016: 207].

Особый интерес для нашего анализа представляет пересечение семантики разных словообразовательных типов. Так, для глаголов с префиксом «раз-» характерно значение ‘аннулировать результат предшествующего действия, отказаться (или заставить отказаться) от чего-либо, например: *разгримироваться, разлюбить, разморозить* и др. [ЕФРЕМОВА 2005, 434]. Ряд глаголов совмещает значение аннулирования со значением разделения: «эти глаголы означают разъединение, разделение чего-нибудь раннее соединенного» [РУССКАЯ ГРАММАТИКА 1982: 370].

Данная семантика находит отражение в другом словообразовательном типе со значением ‘направиться в разные стороны, разъединиться, распространиться с помощью действия, названного мотивирующим глаголом: *раз-бежать-ся* ‘бегом направиться в разные стороны’, *раз-лететь-ся* ‘улететь в разные стороны’, *разо-йти-сь* ‘уйти в разные стороны’, *разъ-ехать-ся* ‘уехать в разные места’ [ЛОПАТИН, УЛУХАНОВ 2016: 207]. Последняя словообразовательная модель релевантна и для глаголов поведения, хотя в современной дериватологии данный словообразовательный тип еще не получил должного описания.

Так, в словаре Даля наличествуют глаголы, характеризующие прекращение межличностных контактов в результате ссоры: *разругаться, рассориться, разбраниться, расплеваться, разлаяться, распрощаться*. Негативная оценка данного типа поведения и деструктивные последствия диалога в большинстве случаев содержится уже в семантике мотивирующей основы: *ругаться, браниться* и др.

Наличие в любом языке подобных лексических единиц фиксирует нарушение законов диалогической этики, под которой понимаются «нормативно-ценностные основания социокультурной практики речевой коммуникации, имеющей своей целью выяснение субъектами их позиций, поиск точек их соприкосновения, обнаружение общих интересов, достижение взаимопонимания, разрешение противоречий, сглаживание конфликтов, установление динамично-равновесных отношений аксиологического паритета и в конечном счете утверждение цивилизованного социального порядка» [БАЧИНИН 2005: 40]

В словаре Даля специфическую внутреннюю форму обнаруживают глаголы, отражающие живое межличностное взаимодействие: *раздряниться* – ‘рассориться из-за пустяков’; *раскупороситься* – ‘рассердиться друг на друга’. Её своеобразие обусловлено мотивирующими основами *раздрянить* (от *дрянь*) и *купорос* (соли серной кислоты). Отрицательная коннотация здесь возникает на основе метафорического переосмысления и окказиональной сочетаемости морфем.

Негативную оценку получают действия, характерные для двух лиц (в том числе и в рамках взаимно-совместного значения возвратного залога), результатом которых является прекращение отношений. Так, глагол *раззнакомиться* – ‘прервать знакомство, не хотеть знаться или разойтись случайно’ образован от основы *раззнакомить* – ‘быть причиной разлада или ссоры приятелей или знакомых друг с другом: «Эта сплетница хоть кого раззнакомит»’ [ДАЛЬ 2005 б: 31].

Выраженную этнокультурную окраску имеют следующие лексемы: *раскумиться* – ‘поссориться после тесной дружбы’; ср. *перекумиться* – ‘покумиться. Стать кумами. О женщинах: познакомиться и подружиться’.

Раздружиться / *раздружить* – ‘раздружить дружбу, поссорить, развести: раздружится друг – хуже недруга; у них раздружба – ссора, несогласие, вражда’.

Разъякшаться – ‘разознаться, раззнакомиться, разойтись’. По Далю, глагол *якшаться* / *якшиться* (неодобр.) – ‘знаться, водиться, знакомиться, дружиться’ образован от татарского *якши* (хорошо, ладно): «Ну что ты со всякой сволочью якшаешься! Съякшаться с ворами».

Размолвиться (с кем?) – ‘разговориться; поссориться, побраниться, разойтись в разногласии’; *размолвка* – ‘ссора, несогласие, раздор между знакомыми’; *размолвчивый* – ‘кто легко ссориться, расходится с ближними’ [ДАЛЬ 2005 б: 31–55].

Отдельного комментария заслуживает глагол *разбрататься* – ‘побратавшись, после того поссориться, раздружиться, разойтись’ [ДАЛЬ 2005 б: 15]. Отметим, что современные словари русского языка фиксируют обычно три производных глагола с корневой морфемой *брат*: *брататься* (от него образуется существительное *братание*); *побрататься* (*побратим*) и *перебрататься*.

В словаре Даля представлено целое словообразовательное гнездо с исходным словом *брат*, большинство дериватов которого содержат положительную коннотацию: *побрататься* ‘стать названными братьями, подружиться братски навек’; «у нас братаются за рюмкою вина, а в народе, помолясь перед иконой, или в поле на восток, либо на тельный крест, обнимаются, дают друг другу клятву или зарок в верной дружбе, и меняются крестами»; «названный или крестовый брат» назывался «побратан, побратанец, побратёма, побратим», ср. также другие

однокоренные лексемы с мелиоративной оценочностью: *братание, собрат, собратствовать*, *перебрататься*: «В дальнем походе мы все перебратались» [ДАЛЬ 2005 а: 124–125].

Нарушение аксиологического паритета может касаться не только отдельных людей, но и общества в целом, например, во время войны: *размириться* – ‘прервать мир, нарушить согласие, поссориться, разбраниться, стать недругом, начать враждовать’; *размирье* – ‘ссора, несогласие, разрыв мира, объявление войны, военное время, пора, состояние’; *размирица* (устар.) – ‘военное время’; *размирная* – ‘грамота, письмо с объявлением войны: Донцы, собираясь на врагов, всегда посылали наперёд размирную’ [ДАЛЬ 2005 б: 36].

Компонент «прекращение отношений» релевантен и для семантической сферы «семья и брак»: *разжениться* – ‘разойтись, развестись’. Этот глагол образован, по Далю, от основы *разженить* – ‘развести, отлучить от жены, уничтожить брак: «Женив сына, не разженишь, хоть и плохо»; «женитьба есть, а разженитьбы нет» ’; ср. также *разженя* (обл.) – ‘кто развёлся, разженился’, ‘о самовольной разлуке супругов, о невенчанных раскольниках’ [ДАЛЬ 2005 б: 30]. Ср. глагол *переженицться* с дистрибутивным значением: «Все переженились, один я остался», а также в значении ‘сделать что–либо заново, еще раз’: «жениться не долго, да переженицться нельзя»; в то же время в словаре фиксируется агентив, свидетельствующий об обратном: «пережéн» – ‘женившийся после развода, или покинув первую жену’.

К этому же смысловому ряду относится и глагол *разневеститься* – ‘перестать быть невестой по случаю отказа или расстройства дела’; ср. другие однокоренные глаголы, зафиксированные в современных толковых словарях: *невеститься* – (прост.) ‘становиться невестой; вести себя подобно невесте’; *заневеститься* (разг.) – ‘достичь того возраста, когда выходят замуж’.

О негативной оценке прекращения брачных отношений свидетельствуют и префиксальные дериваты: *развенчать* (противопол. к *повенчать*) – ‘развести супругов, уничтожить брак, дать разводную: «худой (и плохой, и глупый) поп свенчает, хорошему (умному) не развенчать»’; *разсватать* – ‘расстроить свадьбу»; *разсват* – ‘расстроивший свадьбу: «сват на коне, а разсват на свинье»’ [ДАЛЬ 2005 б: 47].

В целом можно утверждать, что префиксальные и префиксально-постфиксальные (конфиксальные) глаголы поведения в словаре Даля отличаются национально-культурным своеобразием, «ментально характеризуют процессуально-событийный мир русского человека и являются отражением его системы нравственных и этических ценностей» [ФАТХУТДИНОВА, КРАСИЛЬНИКОВА 2016: 137].

Выводы. Проанализированный нами материал позволяет констатировать, что в словаре В.И. Даля последовательно фиксируются словообразовательные типы глаголов, отражающие особенности индивидуального и национального мировидения, а также специфику социально нерелевантного поведения носителей языка.

В исследовании установлено, что социально-поведенческие мотивы могут возникать в процессе словообразовательной детерминации стилистически и денотативно нейтральных глагольных основ. «Поведенческая» семантика актуализируется в рамках словообразовательных моделей, ориентированных на выражение культурологически маркированных смыслов.

Этнолингвистический анализ производных слов, образованных по однотипным словообразовательным моделям, позволяет актуализировать образы и представления, бытующие в сознании носителей русской культуры. Язык как феномен культуры может не только фиксировать настроения, оценки, существующие на данный момент в определенном социуме, но и отражать деонтические нормы и поведенческие стереотипы.

Литература

БАЧИНИН 2005: *В.А. Бачинин*. Этика. Энциклопедический словарь. - СПб.: Изд-во Михайлова В.А. – 288 с.

ДАЛЬ 1995 а : *В.И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т.1: А–З. – М.: ТЕРРА. – 800 с.

ДАЛЬ 1995 б: *В.И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т.4: Н–V. – М.: ТЕРРА. – 688 с.

ЕФРЕМОВА 2005: *Т.Ф. Ефремова*. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообразов. единиц. – М.:АСТ: Астрель. – 646 с.

КАЛКИНА 2005: *Е.Н. Калкина.* Структурно-семантическая характеристика средств выражения категории оценки в немецком и алтайском языках (в антропоцентрическом аспекте): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20. – Казань. – 32 с.

КОЗЫРЕВ, ЧЕРНЯК 2015: *В.А. Козырев, В.Д. Черняк*. Лексикография русского языка. Век нынешний и век минувший. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. – 631 с.

ЛОПАТИН, УЛУХАНОВ 2016: *В.В. Лопатин, И.С. Улуханов*. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. – М.: Издательский центр «Азбуковник». – 812 с.

МЕЛЬНИК 2011: *В.С. Мельник*. С юности православен по верованиям… // Даль В.И. Архистратиг / Сост., предисл., примеч. В.Мельника. – М.: Изд-во Сретенского монастыря. – С. 3–18.

НИКИТЕВИЧ 2017: *А.В. Никитевич*. Русская народная культура в зеркале словообразования // Cuadernos de rusística española. – 13 (2017). – С. 29–42.

НИКОЛАЕВ 2009: *Г.А. Николаев*. Лекции по русскому словообразованию: учеб. пособие / Каз. гос. ун-т, филол. фак. – Казань: Казан. гос.ун-т. – 188 с.

РУССКАЯ ГРАММАТИКА 1982: *Русская грамматика*: в 2 т. Т.I / под ред. Н.Ю.Шведовой. – М.: Наука. – 783 с.

РУССКИЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ 2007: *Русский семантический словарь*. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Том IV. Глагол. / Под общей редакцией Н.Ю. Шведовой. – М.: «Азбуковник». – 923 с.

ТУРГЕНЕВ 1978: *И. С. Тургенев*. Повести, сказки и рассказы Казака Луганского // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах: в 12 томах. М.: Наука, 1978–1986. Т. I: Стихотворения, поэмы, статьи и рецензии, прозаические наброски, 1834–1849. – 573 с.

ФАТХУТДИНОВА, КРАСИЛЬНИКОВА 2016: *В.Г. Фатхутдинова, Л.В. Красильникова*. Словообразовательная семантика глаголов поведения в русском языке // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 1 (43). – С. 133–139.

Юшкевіч Вольга
Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Беларусь, Мінск
okuh@mail.ru

РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ АДЗІНАК ЛЕКСІКА-СЕМАНТЫЧНАГА ПОЛЯ ГЕАГРАФІЧНАГА ЛАНДШАФТУ Ў ТЛУМАЧАЛЬНЫХ СЛОЎНІКАХ СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

У артыкуле паказаны асаблівасці апісання вытворных адзінак лексіка-семантычнага поля геаграфічнага ландшафту ў лексікаграфічных выданнях сучаснай беларускай мовы. Падрабязна разгледжаны праблемныя пытанні рэпрэзентацыі такіх адзінак: 1) ахоп фактычнага матэрыялу; 2) структура і аб'ём значэнняў; 3) сістэма памет; 4) несупадзенне навуковых і штодзённых ведаў; 5) ілюстрацыйны матэрыял. Прапанаваны магчымыя шляхі ўдасканалення слоўнікавых артыкулаў.

Ключавыя словы: лексіка-семантычнае поле, вытворнае слова, спосаб словаўтварэння, словаўтваральны тып, азначэнне.

The article shows the features of the derivatives' description of units of the lexical semantic field "Geographical Landscape" in lexicographical editions of modern Belarusian language. The problem questions of the representation of these units are examined in detail: 1) the actual coverage of the material; 2) the structure and definition's volume; 3) sphere of usage; 4) mismatch between scientific and everyday knowledge; 5) the illustrative examples. Possible ways of dictionary entries improving are suggested.

Key words: lexical semantic field, derivative, means of word-formation, word-formation type, definition.

У лексічнай сістэме беларускай мовы вылучаецца выразна акрэсленае лексіка-семантычнае поле геаграфічнага ландшафту, паколькі гэтая сфера з'яўляецца для чалавека жыццёва важнай. Сістэмнае вывучэнне ландшафтных найменняў, якія складаюць галоўную прадметную аснову для лексічнай сістэмы канкрэтнай мовы, дазваляе атрымаць доступ да ведаў і ўяўленняў яго носьбітаў пра свет. Гэта абумоўлена тым, што гісторыя прыроды непарыўна звязана з гісторыяй людзей, менавіта геаграфічныя ўмовы вызначаюць лад жыцця і гаспадарчую дзейнасць этнасу.

У адпаведнасці са значэннем, дадзеным у "Тлумачальным слоўніку беларускай мовы", геаграфічны ландшафт – гэта 'сукупнасць тыповых прыкмет якой-н. мясцовасці' [ТСБМ 1977–1984]. Такім чынам, у лексіка-семантычнае поле (далей – ЛСП) геаграфічнага ландшафту ўваходзяць лексічныя адзінкі, якія намінуюць рэаліі, звязаныя са штодзённым успрыманнем ландшафту, перш за ўсё рэльефу: прыродныя няроўнасці зямной паверхні; аб'екты, якія знаходзяцца на ёй (паверхневыя водныя аб'екты і дастаткова вялікія раслінныя супольнасці); няроўнасці акіянскага, марскога і рачнога дна, а таксама іх састаўныя элементы.

Гэтыя адзінкі аб’ядноўваюцца па тэматычных прыметах і ўваходзяць у склад больш дробных груповак, ці лексіка-семантычных груп, якія “ўяўляюць сабой клас слоў адной часціны мовы, што маюць у сваіх значэннях агульны семантычны кампанент і тыповыя ўдакладняючыя (дыферэнцыяльныя) кампаненты” [ЛАЎРЫНОВІЧ 2015: 58]. ЛСП “Геаграфічны ландшафт” дзеліцца на чатыры сегменты (лексіка-семантычныя групы).

1. ЛСГ назоўнікаў (*барханы, пойма, суша, тайга, яма*).

2. ЛСГ прыметнікаў (*алювіяльны, берагавы, валунны, высакагорны, дрыгвяністы*).

3. ЛСГ дзеясловаў (*абязлесець, бугрыцца, забалоціцца, намыць, нанесці*).

4. ЛСГ прыслоўяў (*верхам, глыбока, нізам, паката, спусціста*) (малюнак 1).

Самай шматлікай з’яўляецца ЛСГ назоўнікаў (497 лексем). На другім месцы па колькасці слоў знаходзіцца ЛСГ прыметнікаў (216 лексем), на трэцім – дзеясловаў (103 лексемы). Менш за ўсё адзінак у ЛСГ прыслоўяў (25 лексем).

Большасць полевых адзінак з’яўляюцца вытворнымі. Сегментная структура вытворных лексіка-семантычнага поля “Геаграфічны ландшафт” выглядае наступным чынам: на першым месцы па колькасці знаходзіцца ЛСГ субстантываў (360 лексем), на другім – ад’ектываў (205 лексем), на трэцім – вербатываў (95 лексем), апошняе, чацвёртае месца займае ЛСГ адвербатываў (25 лексем) (малюнак 2).

Малюнак 1 – сегментная структура лексіка-семантычнага поля “Геаграфічны ландшафт”

Малюнак 2 – сегментная структура вытворных адзінак лексіка-семантычнага поля “Геаграфічны ландшафт”

Неабходна звярнуць увагу на тое, што ў ЛСП “Геаграфічны ландшафт” уваходзяць лексічныя адзінкі, вытворнасць якіх выклікае пытанні. Разгледзім некалькі прыкладаў: *занорысты* ‘2. Зрэзаны (пра бераг)’ [ТСБМ 1977–1984]. *Занорыстыя берагі Японіі спрыялі марскому гандлю і развіццю сельскай гаспадаркі* (прыклад знойдзены ў корпусе беларускай мовы – Беларускі N-корпус). Гэты прыметнік не зафіксаваны ў “Тлумачальным слоўніку беларускай літаратурнай мовы” [ТСБЛМ 2016] і “Словаўтваральным слоўніку беларускай мовы” [ССБМ 2000], таму ўстанавіць, якім чынам ён утвораны, дастаткова складана. На нашу думку, словаўтваральная пара выглядае наступным чынам: *нара* → *за-нор-ыст-ы* (прэфіксальна-суфіксальны спосаб). На карысць гэтай версіі служыць той факт, што прыметнік *занорысты* мае некалькі значэнняў. Поўны слоўнікавы артыкул “Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы” выглядае наступным чынам: “1. *Спец.* З паглыбленнямі, з касымі слаямі (пра дрэва, драўніну). 2. Зрэзаны (пра бераг). 3. *Перан.* Наравісты, упарты (пра чалавека, жывёлу). *Занорысты чалавек.* // Які выяўляе наравістасць. *Занорысты характар*” [ТСБМ 1977–1984]. У гэтым жа слоўніку тлумачыцца назоўнік *нара*: “Паглыбленне пад зямлёй, часта з некалькімі хадамі, якое вырыта жывёлінай і служыць ёй жыллём. *Барсуковая нара. …* // Ход ці паглыбленне, зробленае з якой-н. мэтай. *Саўка звярнуў з дарогі, пайшоў пад стог і спыніўся. Тут можна і адпачыць. Выскуб у стозе пару і зашыўся ў ... сена. Колас.* // *перан. Разм.* Пра малое, цёмнае памяшканне, жыллё. *[Гурын] амаль нікуды не вылазіць са сваёй нары – баіцца спаткацца з былымі таварышамі. Машара*” [ТСБМ 1977–1984].

Агульнавядома, што развіццё полісеміі звычайна адбываецца на падставе падабенства або сумежнасці прадметаў і з’яў рэчаіснасці, што абазначае пэўнае слова, у сувязі з чым адрозніваюць метафарычныя і метанімічныя пераносы [ЛАВРИНОВИЧ 2015, 193]. У аснове метафарызацыі ляжыць перанос наймення на аснове падабенства адной або некалькіх прымет паняццяў. На нашу думку, на аснове першаснага значэння назоўніка *нара* ‘паглыбленне пад зямлёй, часта з некалькімі хадамі, якое вырыта жывёлінай і служыць ёй жыллём’ утварыўся прыметнік *занорысты* ў першым значэнні, якое, у сваю чаргу, стала падставай для метафарызацыі і ўзнікнення другога значэння прыметніка *занорысты*.

Звернемся да назоўніка *гала* ‘*Разм.* 1. Голае месца, чыстая прастора’ [ТСБМ 1977–1984]. На нашу думку, ён утварыўся ад прыметніка *голы* ‘2. …// Пазбаўлены расліннасці, пустынны (пра мясцовасць)’ [ТСБМ 1977–1984]. Параўнайце: *густы – гушча, ціхі – ціша*.

Члены лексіка-семантычнага поля геаграфічнага ландшафту ўтвараюцца рознымі марфалагічнымі спосабамі.

1. Суфіксальным: *асіна → асін-нік, балота → балот-н-ы, балота → балац-ін-а, бераг → бераж-ок, зыбкі → зыб-ун*.

2. Прэфіксальным: *востраў → паў-востраў, роўны → ня-роўны, травянець → за-травянець, рэзаць → па-рэзаць, палярны → за-палярны*.

3. Прэфіксальна-суфіксальным: *гара → на-гор-н-ы, лес → пера-лес-ак, край → за-крај-ін-а, балота → пры-балот-н-ы, мора → пры-мор-ј-э.*

4. Прэфіксальна-нульсуфіксальным: *лес → бяз-лесс-Ø-е, рака → пры-рэчч-Ø-а, бераг → пры-бярэжж-Ø-а*.

5. Постфіксальным: *узносіць → узносіц-ца, узнімаць → узнімац-ца, заліваць → заліваў-ца*.

6. Складаннем:

1) асноваскладаннем: *лес, стэп → лес-а-стэп; лес, тундра → лес-а-тундр-а; падзел вады → вод-а-падзел;*

2) асноваскладаннем з суфіксацыяй: *левы бераг → лев-а-бярэж-н-ы; круты бераг → крут-а-бярэж-н-ы; правы бераг → прав-а-бярэж-н-ы;*

3) асноваскладаннем з нулявой суфіксацыяй: *дробны лес → драбн-а-лесс-Ø-е, збіраць ваду → вад-а-збор-Ø, з плоскім верхам → пласк-а-верх-Ø-і;*

4) асновасловаскладаннем: *утварэнне гор → гор-а-ўтварэнне, утварэнне балота → балот-а-ўтварэнне.*

Найбольш распаўсюджанымі ў разглядаемым лексіка-семантычным полі з’яўляюцца суфіксальны, прэфіксальны і прэфіксальна-суфіксальны спосабы.

У склад ЛСП “Геаграфічны ландшафт” уваходзяць вытворныя чатырох словаўтваральных тыпаў.

1. Мадыфікацыйнага: *азярко ← возера, астравок ← востраў, дубровачка ← дуброва, пагорачак ← пагорак, узгорачак ← узгорак, канаўка ← канава*.

2. Мутацыйнага: *балотны ← балота, вярхоўе ← вярховы, дрыгвяністы ← дрыгва, надбярэжны ← бераг, надглебавы ← глеба.*

3. Транспазіцыйнага: *багністасць ← багністы, бурленне ← бурліць, выпукласць ← выпуклы, гарыстасць ← гарысты, забалочанасць ← забалочаны, занос ← заносіць, намыў ← намыць, затапленне ← затапіць, забалочванне ← забалочваць, скалістасць ← скалісты, узгоркаватасць ← узгоркаваты*.

4. Сінтагматычнага: *чарназём ← чорная зямля, сухадол ← сухі дол, старарэчышча ← старое рэчышча.*

У разглядаемым лексіка-семантычным полі больш за ўсё слоў з мутацыйным словаўтваральным значэннем.

Суадносіны вытворных і невытворных адзінак ЛСП “Геаграфічны ландшафт” прадстаўлены на малюнку 3.

Малюнак 3 – суадносіны вытворных і невытворных адзінак лексіка-семантычнага поля “Геаграфічны ландшафт”

Мэта дадзенага даследавання – паказаць асаблівасці апісання вытворных адзінак лексіка-семантычнага поля геаграфічнага ландшафту ў лексікаграфічных выданнях сучаснай беларускай мовы, звярнуць увагу на вартасці і недахопы такога апісання, а таксама прапанаваць магчымыя шляхі ўдасканалення слоўнікавых артыкулаў.

Крыніцай фактычнага матэрыялу з’явіліся наступныя выданні: “Тлумачальны слоўнік беларускай мовы” пад рэдакцыяй К. К. Атраховіча і “Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы” пад рэдакцыяй І. Л. Капылова. Прадметам даследавання паслужылі вытворныя адзінкі лексіка-семантычнага поля геаграфічнага ландшафту (усяго 685 слоў). Для ўстанаўлення вытворнасці і члянімасці слоў выкарыстоўваліся “Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы” [ССБМ 2000] і “Марфемны слоўнік беларускай мовы” [МСБМ 1989].

На падставе праведзенага даследавання можна вылучыць наступныя праблемныя пытанні, звязаныя з лексікаграфічным апісаннем вытворных адзінак ЛСП “Геаграфічны ландшафт”: 1) ахоп фактычнага матэрыялу; 2) структура і аб’ём значэнняў; 3) сістэма памет; 4) несупадзенне навуковых і штодзённых ведаў; 5) ілюстрацыйны матэрыял. Спынімся на іх падрабязней.

Ахоп фактычнага матэрыялу. З пункту гледжання ахопу фактычнага матэрыялу не зусім правамерна параўноваць пяцітомны “Тлумачальны слоўнік беларускай мовы” пад рэдакцыяй К. К. Атраховіча (які тлумачыць значэнне 97 935 рэестравых адзінак і 7 120 тэрміналагічных і фразеалагічных словазлучэнняў) і аднатомны “Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы” пад рэдакцыяй І. Л. Капылова (які змяшчае больш за 65 000 слоў), бо апошні, безумоўна, “не можа адлюстраваць усёй разнастайнасці слоўнікавага складу сучаснай беларускай літаратурнай мовы” [ТСБЛМ 2016: 5]. Праведзенае даследаванне паказала, што вытворныя адзінкі ЛСП “Геаграфічны ландшафт” дастаткова поўна апісаны ў лексікаграфічных крыніцах, і толькі некаторыя з іх засталіся па-за ўвагай укладальнікаў тлумачальных слоўнікаў: *дубровачка,*

пакручастасць, крутагор, драбнатраўе, меліна, пляскатасць, плазаватасць, палессе, полечка, прыяр'е, прамыў, ручво, гразкасць, купінаваты, стромабярэжны, лагунавы, я́равы, паўастраўны, прыя́равы, цяснініcты.

Структура і аб'ём значэнняў. У "Тлумачальным слоўніку беларускай мовы" вытворныя адзінкі лексіка-семантычнага поля геаграфічнага ландшафту ў цэлым апісаны больш поўна і падрабязна, чым у "Тлумачальным слоўніку беларускай літаратурнай мовы". З аднаго боку, такі падыход з'яўляецца цалкам абгрунтаваным, паколькі аб'ём аднатомнага слоўніка "не дазваляе ў поўнай меры і колькасці падаваць у ім абсалютна ўсе значэнні слова і асабліва адценні значэнняў, якія ёсць у літаратурнай мове і як гэта пададзена ў пяцітомным ТСБМ" [ТСБЛМ 2016: 6]. Разам з тым, у "Тлумачальным слоўніку беларускай літаратурнай мовы" зафіксаваны змены, якія адбыліся ў структуры значэнняў з часу стварэння пяцітомнага тлумачальнага слоўніка: адлюстравана пашырэнне або, наадварот, звужэнне лексічнага значэння адзінак ЛСП "Геаграфічны ландшафт", паказаны змены ў іерархіі значэнняў, удакладнены набор сем у семнай структуры значэнняў (табліца 1). З другога боку, празмерная сціслась слоўнікавых артыкулаў часам не перадае асаблівасці семантыкі ландшафтных найменняў.

Табліца 1. **Структура і аб'ём значэнняў вытворных адзінак лексіка-семантычнага поля геаграфічнага ландшафту**

Тлумачальны слоўнік беларускай мовы 1977–1984	Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы 2016
Пашырэнне/звужэнне лексічнага значэння	
Бярэзнік. 1. Бярозавы лес, хмызняк.	**Бярэзнік**, *зб.* Бярозавы лес.
Вяршыня. 1. Самы высокі пункт, верхняя частка чаго-н.	**Вяршыня**. Самы верх, верхняя частка (гары, дрэва і пад.).
Гарлавіна. 1. Глыбокая звужаная адтуліна ў чым-н. 2. Адзін з рукавоў у вусці ракі (пры Чорным і Азоўскім морах).	**Гарлавіна**. 1. Глыбокая і звужаная адтуліна ў чым-н.
Глыбіня. 1. Адлегласць ад паверхні чаго-н. да дна. 2. Месца, значна аддаленае ад паверхні чаго-н. 3. Месца, прастора, аддаленая ад граніц чаго-н. або размешчаная ўнутры, усярэдзіне чаго-н. *Лясніцкі і Прыборны прабіраліся па вузкай сцежцы ў глыбіню лесу.*	**Глыбіня**. 1. Адлегласць ад паверхні да дна або якога-н. месца ў напрамку да нізу. 2. Прастора ўнутр ад мяжы, ад краю чаго-н. *У глыбіні лесу*.
Дуброва. Невялікі лісцевы лес; гай. // Дубовы лес.	**Дуброва**. Невялікі лісцевы або дубовы лес.

Левабярэжжа. Левы бераг ракі.	**Левабярэжжа**. Прастора, што знаходзіцца на левым беразе, прылягае да левага берага ракі.
Узвышша. 1. Узгорыстая або даволі высокая мясцовасць, якая ўзвышаецца над наваколлем. // У геаграфіі – гарыстая або ўзгорыстая мясцовасць, якая падымаецца над узроўнем мора больш як на 200 метраў. 2. Тое, што і узвышэнне (у 2 знач.).	**Узвышша.** 1. Высокая гарыстая або узгорыстая мясцовасць. 2. Тое, што і узвышэнне (у 2 знач.).
Змены ў іерархіі значэнняў	
Раўчук. 1. Невялікі ручай. 2. Невялікі равок.	**Раўчук.** 1. Невялікі равок, канаўка. 2. Невялікі ручай.
Выемка. 1. Паглыбленне, упадзіна.	**Выемка.** 2. Паглыбленне, упадзіна.
Розны набор сем у семнай структуры значэнняў	
Глуш. 1. Густа зарослы ўчастак лесу. 2. Аддаленае ад паселішчаў пустыннае месца.	**Глуш.** 1. Густа парослы ўчастак лесу. 2. Аддаленае ад паселішчаў месца; захалусце.
Зараснік. Густа парослыя дрэвы, кусты, травы.	**Зараснік**. Густа парослыя кусты, дрэвы.
Крушыннік. Дрэвы, кусты крушыны; зараснік крушыны.	**Крушыннік**. Зараснік крушыны.
Лесастэп. Прыродная зона, якая характарызуецца чаргаваннем лясных і стэпавых участкаў.	**Лесастэп**. Прыродная пераходная зона паміж стэпам і лесам.
Міжрэчча. Прастора, мясцовасць паміж рэк.	**Міжрэчча**. Мясцовасць, прастора паміж дзвюма або некалькімі рэкамі.

Сістэма памет. У “Тлумачальным слоўніку беларускай літаратурнай мовы” зафіксаваны змены ў стылістычнай кваліфікацыі вытворных адзінак лексіка-семантычнага поля геаграфічнага ландшафту. У шэрага слоў зняты паметы “размоўнае”, “устарэлае”, “паэтычнае”, “спецыяльнае”, у некаторых з іх зафіксавана іншае значэнне ў параўнанні з “Тлумачальным слоўнікам беларускай мовы” (табліца 2).

Табліца 2. **Стылістычная кваліфікацыя вытворных адзінак лексіка-семантычнага поля геаграфічнага ландшафту**

Тлумачальны слоўнік беларускай мовы 1977–1984	Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы 2016
Балаціна. *Разм.* Невялікае балота, лагчына; балоцістае месца	**Балаціна**. Нізкае, балоцістае месца.
Гушчарнік. *Разм.* Тое, што і гушчар.	**Гушчарнік**. Тое, што і гушчар.
Лугавіна. 2. *Разм.* Тое, што і луг1.	**Лугавіна**. Невялікі луг сярод іншых угоддзяў.

Лугавінка. *Разм. Памянш.-ласк. да* лугавіна (у 1 знач.).	**Лугавінка**. *Памянш. да* лугавіна (у 1 знач.).
Лукамор'е. *Уст. паэт.* Звілісты марскі бераг або заліў.	**Лукамор'е**. Старая народная назва марскога заліва, бухты.
Тэраса. 2. *звычайна мн.* (**тэрасы**). *Спец.* Гарызантальныя або некалькі нахіленыя ўступы паверхні зямлі (на схілах гор, рачных далін і на ўзбярэжжы азёр і мораў), размешчаныя адзін над адным.	**Тэраса**. 2. Гарызантальны ўступ1 зямной паверхні на схілах у выглядзе пляцоўкі.
Узбярэжжа. ...// *Разм.* Край, абочына.	Такое адценне значэння не зафіксавана
Вірлівы. *Разм.* 1. …// Вірысты.	Такое адценне значэння не зафіксавана
Сталовы. 3. *Спец.* Які мае плоскія вяршыні і крутыя схілы (пра гару, узвышша).	Такое значэнне не зафіксавана

Як бачым, у "Тлумачальным слоўніку беларускай літаратурнай мовы" вытворныя адзінкі лексіка-семантычнага поля геаграфічнага ландшафту аднесены да агульнаўжывальнай лексікі, г. зн. трактуюцца як стылістычна нейтральныя. Намі не зафіксавана зваротных выпадкаў аднясення стылістычна немаркіраваных у пяцітомным тлумачальным слоўніку адзінак да лексікі абмежаванага ўжытку ў аднатомным тлумачальным слоўніку.

Несупадзенне навуковых і штодзённых ведаў. Разгледзім лексему *падлесак* 'кусты і маладыя дрэвы ў лесе, якія не дасягнулі сваімі кронамі асноўнага лясного масіву; маладняк (у 2 знач.)'. У залежнасці ад асаблівасцей найважнейшых раслін, іх узросту і пэўных фізіка-геаграфічных умоў у лесе вылучаюць некалькі ярусаў раслін. Ярусы – гэта выразна адмежаваныя гарызонты канцэнтрацыі дзейных органаў раслін. Ярусы могуць быць утвораны адным ці двума і больш відамі. У прыватнасці, у біялогіі *падлесак* – гэта асобны ярус, які складаецца з кустоў і нізкіх дрэў. У той час як у "Тлумачальным слоўніку беларускай мовы" зафіксавана ўяўленне носьбітаў беларускай мовы пра *падлесак* як пра від лесу. У прыведзеных прыкладах знайшло адлюстраванне несупадзенне навуковых і штодзённых ведаў. Адзначым, што гэта недакладнасць выпраўлена ў пазнейшых лексікаграфічных крыніцах. Так, у "Тлумачальным слоўніку беларускай літаратурнай мовы" прыводзіцца наступнае значэнне: "Падлесак. Кусты і маладыя дрэвы ў лесе, якія не дасягнулі вышыні асноўнага лясного масіву" [ТСБЛМ 2016].

Цікавым уяўляецца той факт, што ў свядомасці носьбітаў беларускай мовы ўчасткі зямлі, пакрытыя расліннасцю, з'яўляюцца самастойнымі аб'ектамі, таму ў іх слоўнікавых дэфініцыях адсутнічае сема 'частка чаго-небудзь' (*зараснік* 'густа парослыя дрэвы, кусты, травы'). Выключэннем з'яўляецца лексема *баравіна* 'ўзвышаны ўчастак лесу ў бары'.

Ілюстрацыйны матэрыял. У шэрагу слоўнікавых артыкулаў, дзе апісваюцца ландшафтныя найменні з агульным значэннем, адсутнічае ілюстрацыйны матэрыял, важнасць якога нельга недаацэньваць. А. С. Кубракова адзначае наступнае: “Сапраўдная роля слова якой-небудзь часціны мовы ў граматыцы пэўнай мовы можа быць зразумелай і апісанай толькі пасля вывучэння ўсіх граматычных форм, што яго рэпрэзентуюць, і звязаных з імі граматычных значэнняў і функцый” [КУБРЯКОВА 2008: 161]. У выніку даследавання быў сабраны багаты ілюстрацыйны матэрыял, які можа быць выкарыстаны для ўдасканалення слоўнікавых артыкулаў, у тым ліку пры падрыхтоўцы тлумачальнага слоўніка беларускай мовы ў 15 тамах, перакладных слоўнікаў. Напрыклад: ***выпукласць*** ‘2. Выпуклае месца, пукатасць’ *Валошын таксама выглянуў, але Іванова нідзе не ўбачыў, напэўна той схаваўся за выпукласцю гэтага схілу*; ***вадаскат*** ‘спад вады з высокага але не стромага ўступа ў рацэ, ручаі’ *Бярэ пачатак [рака Ада] з возера Канкан ў Рэційскіх Альпах на паўднёвым схіле Вормскага ланцуга на захад ад Артлерскага хрыбта, каля Тырольскай граніцы; утварае на працягу 15 км вадаскат вышынёй 754 м.;* ***макаўка*** ‘3. Верхняя частка, вяршыня чаго-н.’ *У цэнтры ўзвышша, на самай ягонай макаўцы, з незапомных часоў насыпаны крутыя надмагільныя курганы...;* ***вяршынны*** ‘які мае адносіны да вяршыні (у 1 знач.)’ *Затым, пасля запаўнення вяршыннага кратара лавай, на фоне працяглай эксплазіўнай актыўнасці чакаецца выліванне лававых патокаў на схілы вулкана;* ***бугрыцца***, *незак. Разм.* ‘узнімацца буграмі’ *Бераг бугрыўся пясчаным узвышшам, зарослым дубняком у атачэнні сасонніка і ядлоўца.*

Вартасці і недахопы лексікаграфічнага апісання вытворных адзінак лексіка-семантычнага поля геаграфічнага ландшафту адлюстраваны ў табліцы 3.

Табліца 3. **Асаблівасці лексікаграфічнага апісання вытворных адзінак лексіка-семантычнага поля геаграфічнага ландшафту**

№	Слоўнік	Вартасці	Недахопы
1.	Тлумачальны слоўнік беларускай мовы 1977–1984	1) вялікая колькасць слоў; 2) падрабязнае апісанне вытворных з указаннем усіх значэнняў мнагазначных слоў і адценняў значэнняў разглядаемых адзінак	1) не заўсёды выразнае размежаванне гіпера-гіпанімічных і партытыўных адносін, што знайшло адлюстраванне ў структуры слоўнікавых артыкулаў; 2) адсутнасць ілюстрацый у некаторых слоўнікавых артыкулах; 3) неадпаведнасць некаторых памет і значэнняў сучаснаму стану развіцця мовы

№	Слоўнік	Вартасці	Недахопы
2.	Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы 2016	1) фіксацыя змен у семнай структуры значэнняў; 2) фіксацыя змен у іерархіі значэнняў і стылістычнай кваліфікацыі вытворных	1) абмежаваная колькасць слоў; 2) сціслаcць слоўнікавых артыкулаў; 3) адсутнасць ілюстрацый у некаторых слоўнікавых артыкулах

Такім чынам, у тлумачальных слоўніках сучаснай беларускай мовы вытворныя адзінкі лексіка-семантычнага поля геаграфічнага ландшафту апісаны дастаткова поўна. Разам з тым, існуе шэраг праблемных пытанняў, вырашэнне якіх будзе садзейнічаць далейшаму ўдасканаленню слоўнікавых артыкулаў, што з'яўляецца надзвычай важным не толькі для даследчыкаў мовы, але і для ўсіх, хто карыстаецца гэтымі выданнямі.

Літаратура

ССБМ 2000: *А.М. Бардовіч, М.М. Круталевіч, А.А. Лукашанец*. Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы. – Мінск: Беларус. навука. – 413 с.

МСБМ 1989: *А.М. Бардовіч, Л.М. Шакун*. Марфемны слоўнік беларускай мовы. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск: Выш. шк. – 718 с.

КУБРЯКОВА 2008: *Е. С. Кубрякова*. Типы языковых значений: семантика производного слова / Отв. ред. Е. А. Земская; предисл. В. Ф. Новодрановой. – 2-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ. – 208 с.

ЛАВРИНОВИЧ 2015: *Н.В. Лавринович*. Моно- и полисемические единицы ЛСП «Географический ландшафт» русского и белорусского языков // Беларуская мова ў XXI стагоддзі: асноўныя тэндэнцыі развіцця (да 80-годдзя акадэміка А. І. Падлужнага): зб. матэрыялаў Міжнар. навук. канф., Мінск, 28–29 кастр. 2015 г. / Цэнтр даследаванняў беларус. культуры, мовы і літ. Нац. акад. навук Беларусі; адк. рэд. В. П. Русак. – Мінск. – С. 190–195.

ЛАЎРЫНОВІЧ 2015: *Н.В. Лаўрыновіч.* Структура лексіка-семантычнага поля "Геаграфічны ландшафт" у лексічных сістэмах рускай і беларускай моў // Беларуская лінгвістыка. – Вып. 74. – С. 55–61.

ТСБЛМ 2016: *Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы* / уклад.: І. Л. Капылоў [і інш.]; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя Петруся Броўкі. – 968 с.

ТСБМ 1977–1984: *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*: у 5 т., 6 кн. / Акад. навук БелССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск: Беларус. сав. энцыкл.

РАЗДЗЕЛ III

СЛОВАЎТВАРЭННЕ І СПЕЦЫЯЛЬНЫЯ СЛОЎНІКІ

Bozděchová Ivana
Ústav českého jazyka a teorie komunikace
Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, Česká republika, Praha
bozdiaff@ff.cuni.cz

NÁZVY OSOB V NEOLOGICKÝCH SLOVNÍCÍCH ČEŠTINY*

Příspěvek je zaměřen na analýzu slovotvorných typů názvů osob v nejnovější české slovní zásobě: excerpovány byly především z neologických slovníků (*Nová slova v češtině. Slovník neologizmů* 1, 2, Praha 1998, 2004). Zaznamenána a posouzena je jejich motivace, ústrojnost, produktivnost a variantnost tvoření, jazykový původ, sémantika a stylová platnost. Zastoupené slovotvorné prostředky (afixy) jsou konfrontovány s daty a charakteristikami uvedenými ve *Slovníku afixů užívaných v češtině* (Praha 2016) a na základě tohoto srovnání jsou vytipovány aktuální tendence při tvoření nových názvů osob v současné češtině.
Klíčová slova: názvy osob, neologismy, slovotvorný typ, slovotvorný prostředek, afix, derivace, kompozice, lexikální sémantika, příznakovost, expresivita.

The paper is focused on the analysis of the word-formation types of names of persons in the new Czech vocabulary: they were excerpted mainly from neology dictionaries (*New Words in Czech language. Dictionary of Neologisms 1, 2*, Prague 1998, 2004). Analysis presents and assesses their motivation, productivity and variability of their formation, language origin, semantics and stylistic features. Represented word-formation means (affixes) are confronted with the data and characteristics listed in the *Dictionary of Affixes Used in Czech* (Prague 2016) and on the basis of this comparison, tendencies in the formation of new names of persons in current Czech are determined.
Key words: names of persons, neologisms, word-formation type, word-formation means, affix, derivation, composition, lexical semantics, markedness, expressivity.

1. Úvod

Neologické slovníky se již natrvalo staly důležitou součástí lexikografie každého jazyka. V rámci tématu konference jsem se pro slovotvorný pohled zaměřila na funkčně vytížené a neustále nově utvářené názvy osob. Jak o nich uvádí např. AGSČ [2013, 97], zahrnují názvy „kategorií“ či typů osob z nejrůznějších hledisek; obdobné typy zahrnují i názvy neologické. Na základě analýzy excerpovaného lexikografického materiálu zde ilustruji, kterými slovotvornými typy a slovotvornými prostředky se tyto jednotlivé skupiny neologických názvů osob v současné češtině realizují.

* Tato studie vznikla za podpory projektu Univerzity Karlovy Progres Q10, *Jazyk v proměnách času, místa, kultury.*

Ve své sondě navazuji na řadu dřívějších prací, mezi nimi především na výzkum Opavské (2005) zaměřený na nová pojmenování osob tvořená sufixací a ilustrovaná na strukturních typech pojmenování z široce vymezené oblasti počítačové techniky a z oblasti počítačové publicistiky. Autorčin materiál vykázal u jmen z této oblasti značnou rozrůzněnost v dílčích typech komunikace (celospolečenské, profesní, publicistice, mluvě mládeže). Pokusím se předložit obraz tvoření a užívání názvů osob napříč tematickými oblastmi na všech názvech osob zachycených ve slovnících *Nová slova v češtině. Slovník neologizmů I, II* [1998, 2004]; excerpovaný a analyzovaný materiál shromažďuje 1800 pojmenování osob.

2. Analýza názvů osob z neologických slovníků češtiny

2.1 Ústrojnost a produktivnost tvoření

Neologické názvy[1] jsou tvořeny běžnými slovotvornými prostředky a náležejí k dosavadním slovotvorným typům; převažují deriváty (od domácích i cizích základů), zastoupena jsou však také kompozita (včetně kvazikompozit) a značné množství přejímek (z hlediska češtiny slovotvorně neutvářených). Tvoření jednoslovných názvů vykazuje jednoznačně převahu morfologického tvoření, tzn. využívání slovotvorných afixů (především sufixů) včetně afixoidů (především prefixoidů), a to při tvoření derivací i afixální (derivační) kompozicí. Slovotvorné typy neologických názvů osob lze vesměs hodnotit na pozadí existujících názvů jako ústrojně tvořené, specifická však je distribuce a produktivnost některých sufixů. V analyzovaném materiálu bylo zaznamenáno následujících 8 sufixů s výskytem vyšším než 50 názvů (celkem 994):

-*ista* 225
-*ař/ář* 204
-*er* 140
-*č* 95
-*ak/ák* 90
-*ík/-ník* 89
-*ec* 81
-*or* 70

Tato statistika odráží fakt, že se neologické názvy v naprosté většině tvoří od cizích slovotvorných základů (viz zde 2.2), proto jsou mezi nejčastěji užívanými sufixy s adaptační funkcí. Méně jsou zastoupeny některé sufixy produktivní při tvoření názvů osob z domácích (počeštěných) základů[2],

[1] Lexikální neologismy chápeme v pojetí [MARTINCOVÉ 1983: 144]: „nová pojmenování vyznačující se rysem novosti z hlediska genetického a funkčního, která mají předpoklad pro to, aby se stala jednotkami slovní zásoby jednotky.“ Blíže se nezabýváme okazionalismy (tj. jednotkami bez tohoto předpokladu).

[2] Viz např. MČ 1 [1986: 235–265]: činitelská jména: produktivní sufix -*tel, -č* (řídce užívané varianty -*ač, -eč*), méně produktivní -*ce, -ec*, středně produktivní -*ař/-ář*, málo produktivní -*ák*, neproduktivní -*čí*; konatelská jména: velmi produktivní -*ař/-ář* (četné slangové a hovorové názvy), -*ník,* ve slangu a hovorové mluvě hojné expresivní názvy se sufixem -*ák*; cizí sufixy: velmi produktivní (u konatelských jmen) -*ik, -ista*; PMČ [1995]: -*tel,*

především sufix *-tel*: 31 názvů, z nichž pouze 8 neologicky tvořených jmen osob: *harašitel, korumpovatel, pobíratel, polidšťovatel, ukázňovatel, vydíratel, vydražitel, zastrašovatel* (ostatní názvy tvořené prefixací a kvazikompozicí obsahují samostatně existující a již dříve doložené názvy, např. 6x *podnikatel*, 2x *zaměstnavatel*[1]). Uvedu v přehledu a s komentářem využití uvedených sufixů v neologických názvech osob; vycházím z jejich charakteristiky ve *Slovníku afixů užívaných v češtině* (2016, dále SA).

2.1.1 Derivace

-*ista* (225)

SA [2016, 280–281]: Sufix se pojí téměř jen s cizími základy, převážně substantivními, méně často adjektivními. Výjimečně je základem zkratkové slovo. Část těchto názvů se tvoří z vlastních jmen osob, týmů, spolků apod. Tímto sufixem se tvoří pouze názvy osob:

(1) názvy příslušníků profesních skupin nebo obdobných sociálních rolí: *policista, kriminalista, scenárista, personalista, publicista, alchymista, radista, galerista, evangelista, lingvista, romanista, bohemista, buldozerista, motokárista, gymnazista, lyceista, stážista*. Specifickou skupinu tvoří jména hráčů na hudební nástroj: *flétnista, gambista;*

(2) názvy stoupenců myšlenkových/názorových proudů, členů politických stran, příznivců sportovních klubů ap.: *komunista, socialista, nacista, nacionalista, extremista, anarchista, ateista, islamista, rasista, separatista*;

(3) názvy osob podle jejich zájmů: *turista, akvarista, kulturista, šachista, fotbalista;*

(4) názvy osob podle jiných nápadných rysů, zčásti osobnostní povahy: *aktivista, civilista, protagonista, sólista, čtvrtfinalista, penzista, realista, pesimista, autista, altruista, trémista, sadista ← de Sade, masochista ← Sacher-Masoch;*

(5) Okazionální jsou analogicky tvořené výrazy typu *potížista, kecálista, čutálista. …*

Neologické názvy se sufixem *-ista* jsou tvořeny v souladu s běžně užívanými existujícími názvy osob, zastoupeny jsou všechny skupiny uvedené v SA, např. (další příklady viz zde 2.3):

1) *akupunkturista, bazarista, bazénista, bestsellerista, kyberkriminalista, multimedialista*

2) *ekofeminista, eurofederalista, castista, doommetalista, polokomunista*

3) *aikidista, applista, korfbalista, takéturista, skiboardista*

4) *bonmotista, asertivista, peer-aktivista, eriksonista* (uživatel mobilního telefonu značky Ericsson), *amigista* poč. (uživatel osobního počítače zn. Amiga)

5) *know-howista*

Pouze pět názvů se tvoří od domácích základů:

-č – velmi produktivní, *-ník* – produktivní u činitelských jmen (s. 140), *ař/ář* – nejproduktivnější u konatelských jmen (s. 114); [MARTINCOVÁ 1983: 38]: nejvíce doložena nová pojmenování s domácím formantem *-tel, -č, -ář* a s formantem cizího původu *-átor* (z velké většiny pojmenování podle zaměstnání, profese).

[1] *nepodnikatel, nadspotřebitel, agropodnikatel, biopěstitel, biopodnikatel, multipodnikatel, pseudopodnikatel, rádobypodnikatel, superpodnikatel; exzaměstnavatel, velkozaměstnavatel;*

ekopěstitel, exředitel, expřítel, kvaziléčitel, pornonakladatel, pornovydavatel, samouživatel, skoromajitel, videopůjčovatel, velkoznečišťovatel, znovusjednotitel; vínapitel (PSJČ: +*pitel* = pijan).

dobrista (hráč na dobro) – analogie podle názvů hráčů na hudební nástroje (viz 1)
halabalista (kdo dělá věci nepořádně, ledabyle = halabala)
expr. *jetřebista* (kdo přesouvá práci a zodpovědnost na někoho jiného; utvořeno z výrazu *je třeba* pro vyjádření kritického postoje)
něcista (kdo věří v existenci něčeho vyššího, stojícího nad námi)
expr. *ponáspotopista* (kdo žije přítomností a nestará se o budoucnost, z vyjádření *po nás potopa*)

-ář/-ař (204)

SA [2016, 91–96]: má podvojný charakter: je jednak domácím odvozovacím prostředkem, jednak prostředkem adaptačním: (a) za latinské *-ārius, -ārium, -erium* a jejich románské protějšky *-ario, -aire* aj.; (b) z malé části za německé *-er,* jímž mohly být zprostředkovány i některé výrazy latinské (cesty přejímání jednotlivých slov zmapovány nejsou); (c) nověji i za angl. *-er*. Domácí životná maskulina od substantiv pojmenovávají (1) osobu, která se něčím zabývá nebo se něčím vyznačuje. Paleta významových vztahů k základovému slovu je široká neboli význam sufixu je jen obecný. Navíc mají některé odvozeniny sociální konotace a/nebo sociálně daná omezení denotátu. …

Neologické názvy se sufixem *-ář/ař* se tvoří obdobně jako existující názvy osob, vykazují značnou sémantickou šíři, ze skupin uvedených v SA jsou zastoupeny následující dvě, viz příklady (dále též viz zde 2.3):

(1) osoba, která se něčím zabývá nebo se něčím vyznačuje
pracovník, majitel, provozovatel, odborník na:
anketář, boulař (sport. kdo se věnuje lyžování na boulích), *cestovkář, dálničář, happeningář, hrnečkář, mítinkář, ochrankář, počasář, ranobramborář, skládkař, výživář, autař* (zloděj aut, vykrádač zařízení nebo věcí v autech), *balíčkář, batůžkář, večírkář*

(2) osoba, která něco provádí
klonař, *nákupář*, *průnikář, tipař*, *útěkář* (kdo opakovaně utíká z vězení, výchovného zařízení)

Specifickou skupinu představují názvy tvořené od názvů písmen (zkratek), vykazují velkou modelovost tvoření, viz např.: *béčkař* (expr. kdo je béčko), *véčkař* (sport. skokan na lyžích užívající techniku V-stylu), *éčkař* (slang. narkoman užívající éčko), *káčkař* (pracovník kontaktního centra pro drogově závislé – K-centrum), *péčkař* (slang. kdo užívá jako drogu pervitin, péčko); *perníkář, pikař* (piko – pervitin), *bévéháčkař* (*bévéháčko, béháčko* – Beverly Hills, BVH).

-er (140)

[SA 2016: 191–193]: Stavební prvek *-er* lze zřetelně vydělit tehdy, je-li doloženo příbuzné přejaté slovo. Příbuznými slovy jsou především slovesa (v češtině zpravidla s kmenotvornou příponou *-ova-*), méně často pak (dějová) substantiva. V převážné většině případů vyčleňujeme stavební prvek *-er* analogicky; slovotvorný základ zůstává mnohdy nesrozumitelný. […] Stavební prvek *-er* nalezneme u slov s významem **(1) pojmenování osoby**, označujících osoby věnující se určitému povolání či zálibě: *sprinter, designer,*

streetworker, traper, či osoby vyznačující se specifickým povahovým rysem: *frajer, fušer, hochštapler*.

Doložený neologický materiál odpovídá tomuto vymezení; všechny neologické názvy jsou cizího původu – v naprosté většině jsou již jako hotové přejaty z angličtiny, viz např. *broker, carver, cracker, folksinger, hardliner, ideamaker, snowboarder, telecommuter, houser* (vyznavač house music), *pendler* (z něm.) aj. V češtině byla (z cizích komponentů) utvořena mnohá kvazikompozita, viz expr. *antimanažer, autodelaer, euromanažer, profiboxer.* Neosémantizací prošlo adaptované anglické slovo *writer* (‚spisovatel') pro označení toho, kdo barvou ve spreji vytváří různé obrazce na zdech budov.

-č (-áč/-ač, -eč, -ič) (95)

SA [2016, 130–133]: Připojuje se výhradně ke slovesům, a to k otevřeným kmenům s kmenotvorným sufixem *i/í-* (*řídit → řidič; dřít → dříč*), *-a/á-* (*hlídat → hlídač; spát → spáč*), *-e/ě-* (*prohlížet → prohlížeč*; *vyprávět → vypravěč*) a *-ova-* (*zapalovat → zapalovač*), tedy k vokalicky zakončeným infinitivním kmenům s výjimkou sloves na *-nou-* (vzoru tiskne). […] **(1) názvy osob**, a to **(1a)** názvy příslušníků manuálních povolání: *brusič, hasič* ..., **(1b)** názvy nositelů nějaké jiné sociální role než profesní: *rodič, volič, uchazeč*, …, **(1c)** názvy osob se sklonem k nějaké činnosti, která danou osobu charakterizuje, chápe se jako její příznačná: *spáč, dříč, bavič,* ... přičemž nejčastěji jde o činnost obecně vnímanou jako nežádoucí: *pomlouvač, rváč, vyděrač*…

Neologické názvy osob s těmito sufixy se tvoří převážně od sloves českého původu (z cizích jen např. *amigáč*) a převažují názvy přináležející do skupiny 1c ze SA a jsou často příznakové: expr. *bědovač, čekač, hybač,* expr. *chroupač, obluzovač, odpírač, lákač, proplouvač, kladeč,* expr. hanl. *připouštěč* (kdo je nakloněn legalizaci držby drog pro vlastní potřebu), expr. *hrozič, mluvič, ničič, nutič, šiřič, škodič, slavič,* expr. *harašič,* expr. *ekosudič* (kdo se rád soudí kvůli ekologickým záležitostem), slang. *krmič* (kdo mluví naprázdno, nedůvěryhodně) apod. Názvy povolání jsou (na rozdíl od existujících názvů) sporadické: *radioplánovač, pátrač* (investigativní žurnalista), *předjednávač* (v politice).

-ák (90)

SA [2016, 68–71]: Odvozovací základy jsou české i přejaté, obvykle jednoduché, vzácně složené.

I. Odvozování ze substantiv: Takto tvořené **(1) názvy osob** obvykle vyjadřují **(1a) prostorovou souvislost, příslušnost** ke skupině nebo jinou věcnou souvztažnost s jevem, který pojmenovává základové slovo: *školák, parťák, pytlák, křižák, pošťák, lesák, kulisák, tramvaják, světák, křovák, levičák, vidlák, žoldák, zbrojovák, tatrovák, ovčák* (pasák ovcí). Tato souvislost může být již mírně zastřena: *rošťák, voják.* Z obecných jmen tohoto typu, často již zaniklých, vzešla řada příjmení: *Dvořák, Horák, Skalák, Rybák, Vodák, Křižák.* Pravidelně jsou příponou *-ák* tvořena **(1b) jména obyvatelská**: *Žižkovák, Kladeňák, Ostravák, Hanák, Slovák, Polák, Rakušák*; … při tvoření **(7) názvů příslušníků skupin** ze zkratek a zkratkových slov – *gestapák, esesák, estébák, esenbák, ódéesák,…*

II. Odvozování z adjektiv: **(9) Názvy osob** jsou motivovány výraznou vlastností označenou základovým přídavným jménem; tvoří se někdy resufixací: *chudák, bídák, hlupák, bouřlivák, pěšák, dospělák, silák, ...*

III. Odvozování ze sloves: Ze sloves nedokonavého vidu jsou odvozeny **(13) názvy osob**: *divák, zpěvák, rodák, zabiják, nekuřák, žebrák, ...*

U neologických názvů osob je pouze třetina tvořena z domácích slovotvorných základů, např. *novák,* expr. *vepřoknedlozelák*, expr. *kožeňák*, expr. hanl. *kravaťák*, expr. hanl. *rosák*, ostatní, tj. většina, od cizích základů (sufix tedy slouží k adaptaci přejatých slov). Ze skupin uvedených v SA jsou mezi nimi zastoupeny všechny vyjma obyvatelských názvů, viz např.:

1a) *bunkrák* (kdo se ze zájmu podílí na dobrovolné renovaci čs. vojenských opevnění z doby před 2. svět. válkou), *fitnesák,* expr. *grafiťá*k, expr. *mobilák*

7) expr. *doomák* (příznivec doom metalu), slang. *depešák* (obdivovatel anglické hudební rockové skupiny Depeche Mode), *vépépík* (VPP), *grínpísák, hiphopák, kágébák,* expr. hanl. *usák* (člen Unie svobody), expr. *íkvák*, *naťák*

9) expr. *kompenzák* (kdo si něčím kompenzuje pocit méněcennosti), *místňák, neschopák, nezávislák,* expr. *soukromňák* (soukromý žák), expr. *špatňák*, expr. *tucťák*, *záporňák, závislák*

13) expr. *děkujemák* (tvůrce politické výzvy Děkujeme, odejděte! z roku 1999), *feťák*.

V expresivním názvu *missák* slouží sufix k přechýlení.

-ík/-ník (89)

SA [2016, 247–251]: Sufix se dnes připojuje k základům podstatných jmen, přídavných jmen, číslovek a sloves, přičemž ovšem není ze synchronního pohledu vždy možné výchozí základ jednoznačně určit: *pomocný* [*muž*] → *pomocník* nebo *pomoci* → *pomocník* (tj. ‚kdo pomůže / pomáhá‘) nebo *pomoc* → *pomocník* (tj. ‚kdo představuje pomoc‘). Tato slovotvorná neprůhlednost a významová vágnost jsou znakem strukturní funkce afixu, což je podporováno i faktem, že sufix *-(n)ík* je jeden z nejfrekventovanějších afixů v češtině. […] Především pro tvoření **od substantiv** se jedná o **(1) sufix zdrobňující**: *vůz → vozík, prst → prstík, kufr → kufřík, ...,* Sufix *-ík* je také využíván pro **(2) integraci přejatých substantiv** do deklinačního systému češtiny: *taxi → taxík, pikolo → pikolík, ...* k základům **přídavných jmen** dodává odvozeným slovům význam **(3) nositele vlastnosti** označené základovým adjektivem: *mladý → mladík, starý → stařík, …* **od sloves** jsou **(9)** pojmenování osob, popř. zvířat, zřídka i neživých předmětů **podle jejich charakteristické činnosti**: *řečník, tlumočník, kočovník,…*

U neologických názvů osob se sufixem *-ík* jde především o integraci cizích názvů do češtiny, např. expr. *bobík* (z angl. bobby = ’britský policista‘), expr. hanl. *deregulovčík*, expr. *konferenčník*, slang. *popík* (zpěvák), *aliančník* (ODA, NATO). Tvoří se také nové názvy od přídavných jmen (*ilegálník, obzvláštník*, expr. hanl. *totalitník*) a od sloves (vesměs kompozita: *filmomilovník, technokočovník, technotanečník,* expr. *kazihudebník,* expr. *čechoběžník*).

-ec (81)

SA [2016, 164–167]: **I. Od substantiv** se tvoří názvy osob, které k něčemu příslušejí. Od názvů států se tvoří **(1) názvy obyvatel státu**; sufixu *-ec* tu silně konkuruje sufix *-an*; **(2) názvy příslušníků panovnického rodu** (*Jagellonec*, *Romanovec*) a **(3) názvy příslušníků**

školy, směru, hnutí, etnika/rasy (*Árijec/árijec*) apod., kde byl mnohdy adaptován latinský sufix *-eus* do podoby *-ejec*: *pythagorejec, epikurejec, ...*
Od apelativ se tvoří **(4) názvy nositelů sociální role**, jde však jen o několik jednotlivých a nesourodých názvů: *cizina → cizinec*; dále: *chlapec, maratónec*; …
Od adjektiv se tvoří **(9) názvy osob jako nositelů vlastnosti**. Mezi odvozeninami od primárních adjektiv najdeme slova od běžných a stylově neutrálních (*lakomec, slepec, stařec, surovec, světec*) přes slova stylově příznaková a méně frekventovaná (*bohatec, hlupec, hrubec, chromec, churavec, liknavec, mudřec, ošklivec, ...*) až po nadávky (*blbec, pitomec, tupec*). … Dosud málo odvozených substantiv vzniklo od přejatých adjektiv zakončených na *-ivní*: *investigativní → investigativec, kreativní → kreativec*, …
Hojným východiskem jsou zejména adjektiva od slovesných příčestí, zvlášť od trpného; takto se často tvoří **(10) názvy osob podle profese nebo** jiné **sociální role:** *zaměstnaný → zaměstnanec* …
Od sloves jsou utvořeny **(14) názvy osob podle jejich činnosti**. Nově se už netvoří, ale některé z nich jsou dosud frekventované: *běžec, herec, honec, chodec, jezdec, kupec, letec, ...*

V neologickém materiálu je přibližně 80 % názvů se sufixem *-ec* tvořeno od domácích slovotvorných základů, a z nich asi 66 % kvazikompozicí a bezafixální kompozicí (od názvů jako *zemědělec, poslanec, nadšenec* atd.); k nejproduktivnějším patří knižní *milec* se sedmi neologickými názvy: *automilec, čajomilec, nedvědomilec, filmomilec, keltomilec, korytomilec, ufomilec*.

Hojné a modelově tvořené jsou názvy ze skupiny (3) v SA, pojmenovávají především přívržence politiků, z jejichž jmen se tvoří, viz např.: *clintonovec, grebeníčkovec, mečiarovec, grossovec, lepenovec* (Le Pen), *sládkovec, špidlovec, neklausovec*. Tvoří se také pojmenování nositelů vlastnosti (*alternativec, ultravytrvalec, zábavychtivec*) a názvy podle profese nebo sociální role (SA: 10), viz *počítačovec; lustrovanec, restituovanec*, expr. *vyčerpanec,* slang. *vysmaženec*, expr. *cyklonadšenec.*

-or (70)

SA [2016, 424–428]: Stavební prvek slov původu latinského (ojediněle řeckého) *-or* přešel procesem přejímání dalších příbuzných slov i v češtině v sufix, jímž je utvořeno množství **(1) činitelských jmen** označujících aktivního původce děje: *kontrolor, cenzor, instruktor, ...*
Podoba *-átor* často slouží k tvoření **(6) expresivních neologismů** a okazionalismů se silným humorným či dehonestujícím zabarvením. Jako základová slova se uplatňují nejčastěji česká slovesa a substantiva (apelativa i propria), jen ojediněle jde o slova přejatá. Takto utvořená slova označují především osoby, méně často pak předměty (*Nevkusátor* ‚kdo je nevkusný' (← nevkus), *Přitakátor* ‚kdo bezduše souhlasí' (← přitakat), *Klausátor*, Zemanátor, přívrženec politiků Klause)…

V neologickém materiálu převažují názvy od cizích základů, do 1. uvedené skupiny patří např. názvy *auditor, beletrizátor, gastromoderátor, lokalizátor, mediátor, prezentátor, renesátor, spekulátor, spolueditor, subdistributor, šéfeditor, šéfprogramátor.* Expresivní jsou např. názvy *hvězdičkátor,* hanl. *koktátor, lamentátor, sejšnátor, skandalizátor.*

2.1.2 Derivační kompozice

Některé z uvedených slovotvorných sufixů se obdobně užívají při kompozičním tvoření[1] neologických názvů – ačkoliv jich je zaznamenáno méně, vykazují jistou modelovost tvoření. Obdobně jako v běžné slovní zásobě se jako produktivní jeví kompozita se zadním členem dějovým: bez sufixu (*filmožrout, reklamožrout, lépevěd,* expr. *mědikop*, expr. hanl. *ufomág*), se sufixem *-ec* (*čajomilec, nedvědomilec, dálkoplavec, internetoplavec, sektobijec, ufobijec, pornoherec, cyklonadšenec*) a méně častá, většinou knižní kompozita se zadním členem dějovým a sufixem *-ce* (*sektobijce, temelínobijce, upírobijce, zemanobijce, náladotvůrce, testotvůrce, videotvůrce, virotvůrce*).[2] Zastoupena jsou dále kompozita se sufuxem *-ník/-ík* (*čechoběžník, filmomilovník modroptáčník, ptákostraník, vážnohudebník, zoozahradník*) a některá další (např. *kočkohonič, kůžesdírač, rychlopiják*, *ranobramborář).*

2.2 Kompozice

U názvů osob tvořených pouhou kompozicí převažují názvy obsahující cizí členy (tj. přejatá kompozita: *babysitter*, *baby-sitter*, *backpacker*, *copywriter*, *gatekeeper*, *hardliner*, *headhunter*, *headliner*, *webmaster*, *sexystar*, *showgirl*, *go-go girl*, *call boy*) a afixoidy (tj. kvazikompozita, často hybridní: *aerotaxikář, agroproducent, biofarmář, bioobilnář, biovinař, biohospodář, euroignorant, motozloděj, narkotrafikant, prvokonzument, sólohornista, sólokytarista, telekonzument, videodivák, ufoturista, ufomág, šéfodborář, takyfarmář, semivegetarián, velkozloděj, hurápedagog, rádobyosobnost*). Méně častá jsou kompozita z domácích členů: *mámatáta* (v běžné mluvě), *síťoobčan*, expr. *svaložena* (žena s vypracovanými svaly, kulturistka), expr. hanl. *modropták* (člen ODS).

2.3 Slovotvorná variantnost

U mnohých neologických názvů se vyskytují variantní slovotvorné podoby[3] – k témuž slovotvornému základu se připojují významově (funkčně) shodné sufixy, často paralelní cizí a domácí, viz zejména:

---

[1] Zjednodušuji zde rozlišování kompozice a derivační kompozice v případech dvojí možné interpretace názvů s druhým členem shodným se samostatně existujícím názvem osoby (*testotvůrce* ← *tvůrce testů, testotvůrce* ← *tvořit testy*). Blíže viz [BOZDĚCHOVÁ 2014]. K derivační kompozici je zde zahrnuto i tvoření pomocí tvarotvorného morfému, tj. konverzně-kompoziční.

[2] Srov. [PMČ 1995: 159].

[3] Tyto varianty bývají označovány jako slovotvorná synonyma [MČ, 1986: 234], obdobně též [OPAVSKÁ 2005]; autorka je zaznamenává jako členy izolexémních řad [ibid. 23–24] a výskyt korelujících výrazů považuje za příznačný pro neologické názvy osob tvořené sufixy.

-*ista*, -*ář/ař: depresista / depresář (depkař), drogista /* slang. *drogař*, poč. *macista / macař, mekař, civilista / civilkář, drogista /* slang. *drogař, harleyista / harleyář, harleyák (harleják)*
-ista, -ák: *unionista = usita /* expr. hanl. *usák* (člen Unie svobody), *graffitista /* expr. *grafiťá*k
-ista, -ík: *blokádista / blokádník*
-ista, -er: *boardista / boarder, santerista / santer*
-ér, -ák: *marketér /* expr. *marketťák (marketingář, doomer / doomák, doomař)*
-er, -ař: *sprejer / sprejař*
-ář, -ec: *sálovkář* (kdo hraje sálovou kopanou, sálovku) / *sálovec*
-ář, -ce (-čí): *nákupář / nákupčí, nákupce*
-ář, -ák: *amputář /* expr. *ampuťák*
-ce, -ec: *sektobijce / sektobijec,* expr. *temelínobijce / temelínobijec, upírobijce / upírobijec*
-tel, -(i,a)č: expr . *harašitel* / expr. *harašič, vydíratel* / *vydírač (vyděrač)*

Několik variantních slovotvorných názvů je utvořeno od pozměněných slovotvorných základů (krácení, hláskové obměny), viz např. od substantivních základů: *heroinoman, heroinista /* slang. *herák, trávníkář / trávař, trenýrkář / trenkař, rosničkář / rosňák /* expr. hanl. *rosák* (moderátor zpráv o počasí); od adjektivních základů *koaličník* / *koala,* expr. *neschopák /* expr. *neschopa,* expr. hanl. *úchylák* / *úchyl, úchyla* apod.

Projevuje se také kategoriální a systémová analogie, viz např.*:* tuzemec – *tuzemšťan // cizinec – pozemšťan, mimozemšťan, lepenista – lepenovec* (přívrženec J.-M. Le Pena) *// klausista, socialista // baťovec, štúrovec, napoleonovec.*

2.4 Jazykový původ

Excerpovaná jména osob zaznamenaná v neologických slovnících češtiny vykazují převahu tvoření od cizích / adaptovaných slovotvorných základů, a to sufixací včetně afixální kompozice. V celkovém počtu 1800 názvů jsme zaznamenali následující poměr domácích a slovotvorných prvků:
187 názvů: domácí slovotvorný základ + cizí slovotvorný prostředek (afixace, kvazikompozice), tj. 10, 4 % (z toho neosémantizace: 7 názvů = necelá 4 %)
337 názvů: domácí slovotvorný základ + domácí slovotvorný prostředek (afixace, kvazikompozice), tj. 18,7 % (z toho neosémantizace: 142 názvů = 42 %)
1276 názvů: cizí slovotvorný základ + 1) domácí n. cizí afix, + 2) cizí slovotvorný základ (afixace, kompozice, kvazikompozice), tj. 70,9 %.
Celkově tedy přibližně 81 % slovotvorně utvořených názvů osob obsahuje cizí komponenty.

Podíl cizojazyčných prostředků se dále zvyšuje zastoupením přejatých názvů osob (tj. z hlediska češtiny slovotvorně neutvořených), a to v naprosté většině pocházejících z angličtiny, ojediněle z asijských jazyků pro pojmenování

např. japonských reálií jako: *nindža, ninja* – (ve středověkém Japonsku bojovník mistrně ovládající bojová umění s nezvyklou tělesnou zdatností a schopností být neviditelný); *jakuza* – člen, příslušní japonské mafie. Z angličtiny byly přejaty např. následující názvy:
bodyguard, dýdžej, greenpeace, hammerskin, kinderskin, kinderskinhead, megastar, mentee (začínající pracovník vedený mentorem), *naziskinhead, naciskinhead, naciskin, quarterback* (v americkém fotbalu rozehrávač v útoku), *redskin, red skin, rowdies, underground*.

2.5 Sémantika názvů osob

Neologické názvy osob pokrývají poměrně široké sémantické spektrum pojmenování prakticky ze všech tematických oblastí týkajících se života lidí (ve společnosti); v tom se shodují s běžnými, existujícími názvy osob. Při jejich klasifikaci se zohledňuje motivace pojmenování (onomaziologická báze a motiv) a na základě jejich slovotvorné struktury a lexikální sémantiky se tradičně vymezují jména činitelská, konatelská, nositelů vlastnosti, předmětného vztahu apod. (viz MČ1, PMČ, TSČ aj.). Nové názvy obdobně rozděluje [OPAVSKÁ 2005]: sémantické skupiny: 1) pojmenování osob podle profese, zaměstnání, povolání, 2) pojmenování osob, u nichž se příznaky kombinují: a) pojmenování osob podle profesní a zájmové činnosti, b) podle příslušnosti, přívrženectví k něčemu a podle předmětu jejich činnosti a zájmu, 3) pojmenování osob podle příslušnosti nebo přívrženectví k politickým stranám, hnutím, náboženským, kulturním, názorovým apod. proudům, 4) pojmenování osob podle charakterizačního příznaku. V excerpovaném neologickém materiálu jsou zastoupeny především následující skupiny[1]:

2.5.1. názvy osob z hlediska jejich sociální role

2.5.1.1 profesní role (výrobce, tvůrce, obchodník, zaměstnanec podle místa, chovatel, pěstitel, provozovatel, specialista; sportovec, umělec)
<u>*telekomák,*</u> expr. hanl. <u>*telekoumák*</u>
odborník: *výživář, dálničář, počasář, ochrankář, klonař, nákupář – nákupčí, nákupce, investigativec – investigativní žurnalista*
expr. *počítačovec* (znalec, odborník v oboru výpočetní techniky), poč. *modemista*
pěstitel: *ranobramborář*
expr. *exestébák, exzpěvák*
pořadatel: *happeningář, anketář* (pracovník agentury zjišťující veřejné mínění pomocí anket)
sportovní nářadí, prostředí, způsob provozování (tým) apod.: *skejtař,* sport. *boulař* (kdo se věnuje lyžování na boulích jako sportovní disciplíně), *sálovkář, sálovec* (kdo hraje sálovou kopanou), *fitnesák, offroadař, kombiňák* (závodník

[1] Významová (onomaziologická) klasifikace názvů je motivována [AGSČ 2013: 105].

ve sdružené disciplíně letní severská lyžařská kombinace), *šestkař* (šestkový volejbalista)
expr. *cvakálek* (fotograf, fotoreportér), expr. *marketťák* = *marketér* = *marketingář,* expr. hanl. *ropák* – expr. hanl. *rosák* (moderátor zpráv o počasí); *rosničkář* = expr. *rosňák*
slang. *popík* (zpěvák)

2.5.1.2 neprofesní role

2.5.1.2.1 příslušník sociálních skupin, člen organizací (společenských, politických)
expr. *zlaťák* (příslušník bohaté vrstvy mladých lidí, tzv. zlaté mládeže) = *zlaťáček*
koaličník (člen koaliční politické strany) = expr. hanl. *koala*
expr. *impulsník* (představitel politického seskupení Impuls 99), *nomenklaturník*
naťák expr. = *natovec* člen, příslušník Severoatlantické aliance (NATO)
republikán (člen politické strany Sdružení pro republiku – Republikánské strany Československa založené v prosinci 1989)
mafián 1. člen, příslušník mafie[1], 2. kdo se chová jako člen mafie; tento příslušník; kdo uplatňuje ve své činnosti, ve svém životě mafiánské způsoby: zejména v publicistice, někdy s expresivním (záporným) zabarvením.; expr. *mafiánek, narkomafián* (příslušník narkomafie), *taximafián*
mensan: člen mezinárodní organizace Mensa (sdružující nadprůměrně inteligentní lidi)

2.5.1.2.2 názvy podle vztahu

2.5.1.2.2.1 k osobám
exkolega, takékolega / takykolega
expr. hanl. *sakáč* – kdo dává najevo své vyšší společenské, zaměstnanecké postavení formálním oblečením, zejména sakem
expr. hanl. *kravaťák* – kdo dává najevo své vyšší společenské, zaměstnanecké postavení uniformním oblékáním

2.5.1.2.2.2 k předmětu, instituci (prostorová souvislost, příslušnost ke skupině nebo jiná věcná souvztažnost), příznivec, poživatel, stoupenec myšlenkového směru
častý účastník nebo návštěvník: *mítinkář,* slang. *klubák, klubař, večírkář*
příznivec: *novák* – (typický) divák soukromé televizní stanice Nova; její příznivec

[1] Mafie: 1. tajná organizovaná skupina osob ilegálně obchodující s různým zbožím přinášejícím jí velké zisky: mafie se zaměřují na drogy a zbraně; mafie obchodující s kradenými auty; vojensky organizované mafie; zahraniční ruské mafie; hospodářské mafie
2. zájmová skupina vedoucích pracovníků, která využívá svého vlivu při rozhodování o něčem společensky, ekonomicky ap. důležitém.

kágébák, oďák, odéesák, expr. hanl. *usák* člen Unie svobody; unionista; usita
vépépík (VPP)
expr. *doomák* – příznivec doom metalu (doomu); *doomař, doomer*
slang. *depešák* – příznivec, obdivovatel angl. rock. skupiny Depeche Mode: *depešanda*
metalák
bévéháčkař – (náruživý) divák amerického televizního seriálu Beverly Hills 90210
grínpísák, hiphopák
expr. *děkujemák* – tvůrce politické výzvy Děkujeme, odejděte! z roku 1999
clintonovec, grebeníčkovec, mečiarovec, grossovec
lepenovec, lepenista – stoupenec, přívrženec J.-M. Le Pena (francouzského krajně pravicového politika), *neklausovec*
videofanoušek, technofanoušek, takyfanoušek

záliba, zájem:
bunkrař, bunkrák – kdo se ze zájmu podílí na dobrovolné renovaci čs. vojenských opevnění z doby před 2. svět. válkou
inlajňák, interneťák, skejťák, snowborďák
expr. *pařan*: kdo náruživě, se zápalem hraje počítačové hry (paří) – v mluvě mládeže, počítač. publicistice
expr. *cyklonadšenec, korytomilec*

„tvůrce“: expr. *grafiťák* – kdo vytváří graffiti; *graffitista, sprejař, sprejer*
náladotvůrce, testotvůrce expr., *videotvůrce*, expr. *virotvůrce, hororista,* expr. *klišista* (autor)

uživatel nebo sběratel předmětu, poživatel něčeho: expr. *mobilák, mobilář, mobilista, mobilní telefonista, nokiák,* expr. *síťoobčan*: uživatel Internetu, *siemensář* (uživatel mobilu značky Siemens)
batůžkář / baťůžkář (kdo nosí, turista), *tričkař, ternýrkář, trenkař, hrnečkář* (sběratel)
expr. *vepřoknedlozelák*
slang. *herák* – kdo užívá heroin; *heroinista, heroinoman*
fruktarián / fruitarián: kdo konzumuje jen syrové rostlinné plody a semena
vitarián vegetarián konzumující pouze syrovou stravu, *laktovegetarián, laktoovovegetarián; kvazivegetarián, semivegetarián*

stoupenec myšlenkového směru:

kornukopián (z angl.[1]) kdo pokládá naši planetu za zemi věčného blahobytu a hojnost, blahobyt za naprostou samozřejmost; v sociologii kdo v moderních technologiích spatřuje záruku všeobecného a věčného růstu
sektobijce, sektobijec – vystupuje proti působení sekt, expr. *temelínobijce, temelínobijec, upírobijce, upírobijec*
lovec hlav, lovec mozků, seriálový vdovec

2.5.1.2.3 sociálně-zaměstnanecký status, funkce
expředseda, expřednosta, exstarosta, exmístopředseda, exmístostarosta, místostarosta, vícepředseda, vícestarosta
exekutivec kdo patří k výkonné moci ve státě, popř. v nižších správních orgánech
ičovník – osoba mající identifikační číslo organizace (IČO)

2.5.1.2.4 majitel
harleyák, harleják, harleyista; harleyář (příznivec)
cestovkář, kinař, skládkař (majitel, provozovatel), *galerista, favorista* (Favorit), *veteránista*

2.5.1.2.5 činitel neprofesních činností (oblíbených, typických) a ostatní názvy
expr. *diskofanda, technofanda, takyfanda*
expr. *bědovač, čekač, hybač*
předjednávač
poč. *brouzdač,* expr. *faxovač*
expr. *chroupač, obluzovač, odpírač, lákač, proplouvač, mailovač, odstátňovač*
vnímač, zpochybňovač
expr. *komerčák* – kdo (v umění, veřejné zábavě) hledí hlavně na zisk, komerci
feťák
civilkář – kdo vykonává civilní službu; *civilista*
poč. *datař,* slang. *drogař, drogista, dredař, éčkař, káčkař, péčkař, exotář*
depkař, depresář, depresista, civilkář – kdo vykonává civilní službu; *civilista*
kladeč
expr. hanl. *připouštěč* – kdo je nakloněn legalizaci držby drog pro vlastní potřebu
chodič – kdo provozuje chůzi jako záměrnou pohybovou aktivitu
expr. *hrozič, mluvič, ničič, nutič, šiřič, škodič, slavič, trousič* (poznámky)
expr. *harašič*
expr. *ekosudič* – (z hlediska kritiků) kdo se rád soudí kvůli ekologickým záležitostem
expr. hanl. *deregulovčík* – kdo provádí deregulaci

[1] Angl. *cornucopia* 'roh hojnosti'. V popularizující a odborné literatuře; užíváno se záporným, hanlivým zabarvením.

technokočovník, technotanečník
expr. *kazihudebník* – kdo z politické svévole ničí, pustoší hudbu
expr. *čechoběžník* – kdo často mění místo pobytu na území České republiky
filmomilovník
expr. *harašitel*; *harašič*, *korumpovatel*
adm. *pobíratel* – kdo pobírá určitý státní příspěvek
vydíratel – kdo někoho vydírá; *vyděrač, vydírač*
vydražitel, samouživatel
iron. *polidšťovatel* – kdo někoho (z rozmaru, z mocenské pozice) k něčemu násilím nutí (polidšťuje ho), expr. *ukázňovatel, zastrašovatel*
expr. *igeliťák* – kdo odnáší reklamní předměty z výstav ap. v igelitových taškách
útěkář – kdo (opakovaně) utíká z vězení, výchovného zařízení
autař – zloděj aut, vykrádač zařízení nebo věcí v autech
poč. *průnikář* – hacker

2.5.2. názvy osob jako obyvatel
místňák
euroobčan, Čechoevropan (občan ČR po vstupu do EU), *neobčan* (bez občanství)
tuzemšťan (zdejší obyvatel, občan; variantní podoba existujícího *tuzemec*, podle slov *pozemšťan, mimozemšťan*)
expr. hanl. *takymoravan*: neopravdový, jen vnějškový zastánce, obhájce, představitel zájmů Moravy
expr. *maloobčan* malý (český), málo významný občan
expr. hanl. *malovesničan* – člověk s malým rozhledem (jako na malé vesnici)
expr. hanl. *paneláčník*
antievropan, proevropan, protievropan, skoroevropan (kdo se cítí skoro členem EU)

2.5.3. názvy osob jako nositelů vlastností (znaku)
expr. *neschopa* – neschopný člověk, člověk málo obeznámený v určité oblasti, oboru; expr. *neschopák*
expr. hanl. *úchyl, úchyla* – úchylný člověk (po sexuální stránce); úchylák
práč špinavých peněz, propírač peněz, převlékač kabátů
expr. *íkvák*
expr. *komplexák* – kdo trpí komplexem méněcennosti
expr. *kožeňák* – homosexuál oblékající se do oděvu z černé kůže
neschopák, nezávislák
expr. *soukromňák* – žák vyučovaný soukromým učitelem; soukromý žák
expr. *špatňák*, expr. *tucťák, záporňák, závislák*
tělesňák (tělesně postižený), *amputář,* expr. *ampuťák* (mluva zdravotně postižených sportovců)
zábavychtivec

autovzdělanec – samouk
expr. *chronik* – chronický, trvalý neplatič (veřejných poplatků, nájemného ap.)
ilegálník, obzvláštník, expr. hanl. *totalitník*
expr. *hluchoň* – nemá hudební sluch
expr. hanl. *natoid* – kdo je chováním, jednáním blízký Severoatlantické alianci (NATO), její politice
expr. *hranál* – člověk s mohutnou (hranatou) postavou

2.6 Významová explicitnost a jednoznačnost / víceznačnost

U neologických názvů osob se projevuje různá míra explicitnosti vyjadřování lexikálního významu; obecně lze zaznamenat tendenci vyjadřovat se zkratkovitě, mnohdy záměrně jen náznakem; bývá tomu především u příznakových (expresivních) názvů. Srov. např. onomaziologický motiv a výslednou sémantiku názvů jako:
roskař – kdo trpí roztroušenou sklerózou (roskou)
stolkař – pouliční prodavač vystavující své zboží na (rozkládacím) stolku
poč. *průnikář* – ten, kdo se neoprávněně dostává (proniká) do chráněných počítačových systémů, programů, dat x expr. *počítačovec* – znalec, odborník v oboru výpočetní techniky
expr. *igeliťák* – kdo odnáší reklamní předměty z výstav v igelitových taškách
expr. hanl. *kravaťák* a *sakáč* – kdo dává najevo své vyšší společenské, zaměstnanecké postavení uniformním oblékáním (kravatou, sakem)

Poměrně častá je víceznačnost nových názvů související s víceznačností výchozího pojmenování. Viz např.:
balíčkář – 1. kdo pomáhá při shromažďování a distribuci balíčků s prostředky humanitární pomoci, 2. expr. (z hlediska kritiků) kdo prosazuje soubor (úsporných) ekonomických opatření, tzv. balíček
trávař – 1. zaměstnanec mající na starost údržbu trávníku, trávníků, trávy; trávníkář; 2. slang. kdo kouří ap. marihuanu
streetař – 1. kdo pěstuje street (jízdu na skateboardu v ulicích s využitím přirozených překážek); 2. účastník streetparty

2.7 Neosémantizace, obraznost (metaforičnost) názvů

Vedle formálních (slovotvorných) neologismů se u názvů osob hojně využívá neosémantizačních procesů (výhodných z hlediska jazykové ekonomie); slouží ke specifikaci významu (*lyžař* – extrémní lyžař, akrobatický lyžař; *klasik* – závodník v klasickém lyžování; *republikán* – člen politické strany Sdružení pro republiku – Republikánské strany Československa založené v prosinci 1989 x pův. stoupenec republiky, člen republikánské strany v USA); *kmotr, kmotra* – významná osobnost, která slavnostně uvádí nové, zprav. knižní nebo hudební dílo na trh x pův. kmotr dítěte při křtu) nebo k naznačení pragmatiky (*megahvězda, pornohvězda, tophvězda, rádobyhvězda, ultrahvězda*). Základem těchto procesů bývá obraznost (idiomatičnost, metaforičnost) pojmenování, viz

dále např.: expr.: *kočkohonič, kůžesdírač, zavodář* – kdo nemá finanční potíže (*být za vodou*), *ponáspotopista* – kdo žije přítomností a nestará se o budoucnost (*po nás potopa*), *otomista* – kdo má sklon užívat výraz *je to o tom*, *jetřebista* – kdo přesouvá práci a zodpovědnost na někoho jiného (*je třeba*)[1].

2.8 Příznakovost a stylová platnost názvů

Jak je z uvedených příkladů patrné, neologické názvy osob nesou vedle časového příznaku novosti velmi často také příznaky pragmatické a stylové; ty vesměs korespondují s funkčností názvů – kontextem a tematickou oblastí užívání, pojmenovanou skutečností, a především s jejím hodnocením. Názvy tak bývají často a ve větší míře než existující názvy expresivní, hanlivé, ironické, příp. žertovné a okazionální (expr. iron. *know-howista*).

3. Závěr

Jak jsem se na malém vzorku pokusila ilustrovat, při neologickém tvoření názvů osob v současné češtině jsou zastoupeny jak slovotvorné prostředky systémově produktivní (nabývající širší uplatnění), tak prostředky rozšiřující dosavadní slovotvorný repertoár v současné češtině (především internacionální).

Jde o pojmenování podle povolání, obvyklých činností nebo vlastností. Ze slovotvorného hlediska se nejvíce uplatňuje derivace (sufixace) – také slovotvorné typy a významy vesměs korespondují se systémovým tvořením názvů osob v běžné slovní zásobě. Jak jsme obdobně zaznamenali dříve při analýze názvů osob z výkladových slovníků i korpusových zdrojů (Bozděchová, 2014, s. 524), také kompozice (včetně kvazikompozice) vykazuje potenciál tvoření, a to zejména u názvů (stylově, expresivně) příznakových a názvů s komponenty cizího původu a internacionálního charakteru. Poměrně okrajová je prefixace, univerbizace a tvoření víceslovných pojmenování. Naopak četné jsou případy neosémantizace s různým stupněm a různými typy specifikace původního významu názvů. Také stylový rozptyl těchto názvů je široký, poměrně hojné jsou hanlivé názvy; odrážejí fakt, že bývají tvořeny pro daný komunikační účel, a tak mívají navíc okazionální charakter (obdobně jako mnohé jinak příznakové názvy). – Uvedené charakteristiky lze považovat za projevy aktuálních tendencí při tvoření nových názvů osob v současné češtině.

Literatura

AGSČ 2013: *Akademická gramatika spisovné češtiny*. – Praha: Academia. – S. 97–126, 178–196.

BOZDĚCHOVÁ 2014: *I. Bozděchová*. K současnému tvoření složených názvů osob v češtině // Slavische Wortbildung im Vergleich. Theoretische und pragmatische Aspekte. – Berlin: LIT- Verlag Dr. W Hopf. – S. 506–526.

[1] DOKULIL označuje toto tvoření jako „metajazykový“ postup [1974: 57].

BOZDĚCHOVÁ 2014: *I. Bozděchová*. S čím kdo zachází (O názvech osob v současné češtině) // Přednášky z 57. běhu LŠSS. – Praha: FF UK. – S. 25–34.

DANEŠ, DOKULIL, KUCHAŘ 1967: *F. Daneš, M. Dokulil, J. Kuchař*. Tvoření slov v češtině 2. – Praha: Academia. – S. 13–170.

DOKULIL 1974: *M. Dokulil*. K jednomu typu slovesných pojmenování // Naše řeč 57. – S. 57–74.

KLÍMOVÁ 2002: J. Klímová. Činitelská (a konatelská) jména v současném jazyce (na základě dat Českého národního korpusu) // Čeština doma a ve světě 4. – S. 297–302.

LOTKO 2000: *E. Lotko*. Co odhaluje analýza neologismů v současné češtině? // Studia z filologii słowiańskiej ofiarowane profesor T. Z. Orłoś. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu jagiellońskiego. – S. 137–141.

LOTKO 2008: *E. Lotko*. O některých vývojových tendencích v současné slovní zásobě a jejich příčinách (na materiálu češtiny, slovenštiny a polštiny) // Srovnávací a bohemistické studie. – Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého. – S. 209–224.

MARTINCOVÁ 1983: *O. Martincová*. Problematika neologismů v současné spisovné češtině. – Praha: Univerzita Karlova.

MČ 1986: *Mluvnice češtiny 1*. – Praha: Academia. – S. 233–245, 260–266, 454–471.

OPAVSKÁ 2005: *Z. Opavská*. Nová pojmenování osob. // Neologizmy v dnešní češtině. – Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR. – S. 19–39.

PMČ 1995: *Příruční mluvnice češtiny*. – Brno: NLN. – S. 113–116, 140–144, 158–160.

SAUČ 2016: *Slovník afixů užívaných v češtině* (2016). – Praha: Karolinum.

Драгичевич Райна
Белградский университет, филологический факультет,
Сербия, Белград
rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И АССОЦИАТИВНЫЕ СЛОВАРИ СЕРБСКОГО И ИНЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Ассоциативные словари славянских языков содержат информацию о наиболее сильных ассоциативных связях между лексемами определенного языка. Как правило, сильные ассоциативные связи возникают между словами, представляющими базовую лексику языка, т. е. образуют его основной лексический фонд. К этой базовой лексике относятся в основном непроизводные слова. Возникает вопрос, есть ли в базовой лексике и производные. Лексемы с наиболее сильными ассоциативными связями исследовала Н. В. Уфимцева применительно к русскому, белорусскому, украинскому и болгарскому языкам. Эти лексемы она назвала „ядром языкового сознания“. В работе используется процедура, примененная Н. В. Уфимцевой для указанных языков; устанавливается лексика, входящая в ядро языкового сознания сербского языка. Изучается, есть ли среди этих лексем производные, а если есть, то какие. Исследуется наличие производных слов в ассоциативных полях слов-стимулов „Ассоциативного словаря сербского языка“, делается попытка выявить их закономерности. О месте производных слов в лексической системе мы узнаем не только с помощью словообразовательных словарей, но и с помощью иных типов лексикографических справочников.

Ключевые слова: ассоциативный словарь, словообразование, сербский язык, славянские языки, словообразовательная лексикография.

The dictionaries of associations of Slavic languages contain information on the strongest associative links between lexemes in a particular language. As a rule, strong associative links are established between the lexemes that represent the basic lexicon of one language, i.e. make up his basic lexical fund. This basic lexicon consists mostly of primary (underived) words. The question is whether there are derivatives among them. The lexemes that establish the strongest associative relationships were examined by N.V. Ufimceva for Russian, Belarusian, Ukrainian and Bulgarian language. She called those lexemes the *core of language knowledge*. This paper will use the same procedure as N.V. Ufimceva conducted for the mentioned languages, and it will be determined which lexicon belongs to the core of language knowledge for Serbian language. It will be examined whether there are derivatives among these lexemes, and they will be listed. It will be investigated whether there are derivatives in the associative fields of the word-stimulus in the Associative Dictionary of the Serbian Language, and, if so, whether some rules may be defined. We do not only learn about the place of derivatives in the lexical system based on the dictionaries of associations, but also based on other types of lexicographic work.

Key words: dictionaries of associations, derivation, Serbian language, Slavic languages, derivatography.

1. Введение. Известно, что ассоциативные словари содержат информацию о наиболее сильных ассоциативных связях между словами определенного языка. Через эти связи исследователи могут изучать

языковые и культурологические особенности слов-стимулов, а также связи между лексемами. Лексемы, являющиеся первыми ассоциациями на заданные слова-стимулы, обычно входят в базовую, самую частую лексику языка[1].

Нас заинтересовало, какое место занимают производные слова в этой центральной части лексической системы, которая отличается от остальной лексики ярко выраженными ассоциативными связями. Сведения о наличии и месте производных слов в ассоциативной сети важны не только потому, что дают информацию о производных словах в ассоциативных словарях, но и потому что помогают понять их положение в базовой части лексической системы.

2. Дериваты и базовая лексика в лексическом фонде — ядро языкового сознания. Нашей исходной точкой стали результаты исследования «ядра языкового сознания в славянских языках», которое провела Н.В. Уфимцева на материале «Славянского ассоциативного словаря: русский, белорусский, болгарский, украинский» (Москва, 2004) и представила их в предисловии. В этом словаре приводятся сто тщательно отобранных слов-стимулов, переведенных на четыре указанных языка, а также реакции на них носителей этих языков. Н.В. Уфимцева составила список из 30 лексем, которые являются реакциями на наибольшее число стимулов, и эти лексемы назвала «ядром языкового сознания». Затем она пришла к выводу, что среди этих 30 лексем целых 10 являются общими для русского, белорусского, болгарского и украинского языков, то есть во всех четырех славянских языках относятся к самым частотным словам-ассоциациям. Вот эти слова: *жизнь, человек, любовь, радость, друг, счастье, хороший, смерть, деньги, большой*. Эти слова называют понятия, вокруг которых формируется система ценностей и жизнь большинства людей, так что неудивительно, что они стали частыми ассоциациями носителей всех указанных языков.

По примеру описанного исследования Н.В. Уфимцевой мы составили список из 30 слов, являющихся самыми частыми ассоциациями на 600 стимулов «Ассоциативного словаря сербского языка». Оказалось, что в «ядро языкового сознания» (по терминологии Н.В. Уфимцевой) входят следующие слова: *жизнь, человек, <u>любовь</u>, я, <u>счастье</u>, ничто, страх, люди, <u>глупость</u>, школа, красиво, <u>ложь</u>, <u>деньги</u>, дом, война, смерть, грусть, мир, <u>красота</u>, всегда, плохо, деньги, успех, <u>работа</u>, хорошо, боль, белое, всё, секс*.

Если принять во внимание 10 русских, белорусских, украинских и болгарских лексем, относящихся к ядру языкового сознания всех этих языков, то окажется, что сербский язык присоединяется к ним

[1] Об особенностях слов-стимулов и слов-ассоциаций в ассоциативных словарях ср. [КАРАУЛОВ 1994: 5–9; 190–218].

следующими словами: *живот* ‘жизнь’, *човек* ‘человек’, *љубав* ‘любовь’, *срећа* ‘счастье’, *новац* ‘деньги’, *смрт* ‘смерть’, *добро* ‘хорошо; хорошее; добро’. К ядру языкового сознания не относятся *друг*, *радост* и *велик*, но вероятно, относились бы и эти слова, если бы список слов-стимулов в «Ассоциативном словаре сербского языка» был таким же, как в «Славянском ассоциативном словаре»[1].

Половину слов обоих этих списков, относящихся к сербскому языку, составляют производные слова (они подчеркнуты), из чего мы делаем следующий вывод: в сербском языке (а также в других славянских языках) ключевые понятия могут быть названы словами, принадлежащими ко вторичному слою лексики, то есть к производным. Возникает вопрос, почему в сербском языке нет непроизводных слов для *љубав* ‘любовь’, *живот* ‘жизнь’, *срећа* ‘счастье’, *радост* ‘радость’, *лепота* ‘красота’...

При этом интересно, что в ассоциативном поле слова-стимула *љубав* нет производящего слова – глагола *љубити*. Никому из 800 опрошенных, указавших первую ассоциацию на стимул *љубав,* не пришел в голову глагол *љубити*, и этот факт заслуживает внимания. Из всех слов с корнем *љуб-* респонденты вспомнили следующие слова: *пољубац* ‘поцелуй’ (5), *љубљење* ‘целование’ (1), *љубомора* ‘ревность’ (1). Самая частая ассоциация — это *срећа* ‘счастье’ (88); как мы установили, она входит в ядро языкового сознания.

В «Ассоциативном словаре сербского языка» также приведены ассоциаты существительного *срећа* ‘счастье’. И в этом ассоциативном поле нет производящего слова — *сретати* ‘встречать’. Самая частая ассоциация *несрећа* ‘несчастье’ (85), которая, как мы знаем из похожих случаев, объясняется семантической (антонимической), а не словообразовательной связью. Среди самых частых ассоциаций и на этот раз оказались те, которые входят ядро языкового сознания, — *радост* ‘радость’ (75), *љубав* ‘любовь’ (69), *живот* ‘жизнь’ (20). В ассоциативном поле нет ни одного (!) деривата существительного *срећа* ‘счастье’.

В ассоциативном поле существительного *новац* ‘деньги’ нет производящего прилагательного *нов* ‘новый’. Самая частая ассоциация — *богатство* ‘богатство’ (61), а среди деривационно связанных ассоциаций есть следующие: *новчаник* ‘кошелек; бумажник’ (15), *новчаница* ‘банкнота’ (1).

В ассоциативных полях непроизводных слов *смрт* ‘смерть’ и *добар* ‘хороший; добрый’ «Ассоциативного словаря сербского языка» нет их дериватов. Самая частая ассоциация существительного *смрт* — его антоним *живот* ‘жизнь’ (67), а прилагательного *добар* – антоним *лош* ‘плохой’ (229).

---

[1] Подробнее об изучении ядра языкового сознания см. в: [ДРАГИЧЕВИЧ 2010: 130–132].

Таким образом, среди лексем, составляющих «ядро языкового сознания» сербского и других славянских языков (русского, белорусского, украинского, болгарского), есть производные слова, но они (в сербском языке) не входят в ассоциативную сеть со своими дериватами (производящими и производными словами). Представляется, что среди базовых лексем есть и дериваты, но нет словообразовательных гнезд, т. е. словообразование не выступает как языковой механизм, который может втянуть представителей словообразовательных гнезд в базовую часть лексического фонда.

3. Семантика и словообразование в ассоциативном поле лексем. Через вербальные ассоциации респондентов ассоциативное поле показывает многие важные семантические и грамматические особенности слова-стимула. Так, например, удается почти полностью реконструировать полисемантическую структуру лексем на основе их ассоциаций.

В качестве примера можно привести часть полисемантической структуры лексемы *глава* ‘голова’ (по «Словарю сербскохорватского литературного и народного языка» [РСХКНЈ 1959–] Сербской академии наук и искусств) и часть ассоциативного поля, на основании которых эти значения можно выявить в «Ассоциативном словаре сербского языка». Значение 1.а этой лексемы — ‘верхняя часть тела человека (соотв. передняя часть тела животного), в котором находятся мозг и главные органы чувств’. Данному значению в «Ассоциативном словаре сербского языка» соответствуют следующие ассоциации: *мозак* ‘мозг’, *тело* ‘тело’, *део тела* ‘часть тела’, *главни* ‘главный’, *главно* ‘главное’, *људска* ‘людская’, *човекова* ‘человеческая’, *централно* ‘центральное’. Значение 1.б: ‘сторона металлических денег, на которой помещено чье-либо изображение; противопол. *письмо*’. В «Ассоциативном словаре сербского языка» это значение раскрывается через ассоциации: *письмо* ‘надпись’, *новчић* ‘денежка’. Значение 1.в: ‘волосы’, в «Ассоциативном словаре сербского языка»: *коса* ‘волосы’, *ћелав* ‘лысый’, *ћелавост* ‘лысоватость’. Значение 2.: ‘ум, интеллект’, в «Ассоциативном словаре сербского языка»: *памет* ‘ум’, *мисао* ‘мысль’, *ум* ‘ум’, *знање* ‘знание’, *мудрост* ‘мудрость’, *мишљење* ‘мнение; мышление’. И многие другие значения лексемы *глава* подтверждаются в данном словаре.

На материале этих примеров можно сделать вывод, что значения лексем-стимулов удается идентифицировать на основании ассоциаций «Ассоциативного словаря сербского языка». Точно так же этот словарь представляет информацию и о парадигматических связях слов-стимулов, так что можно восстановить все парадигматические связи. Рассмотрим пример парадигматических отношений лексемы *глава* с помощью ассоциаций из «Ассоциативного словаря»:

- экспрессивные синонимы: *тиква* ‘тыква; дурень’, *бундева* ‘тыква; круглая голова’;

- гипероним (холоним): *тело* ‘тело’, *део тела* ‘часть тела’, *човек* ‘человек’;

- гипонимы (меронимы): *коса* ‘волосы’, *око* ‘глаз’, *врат* ‘шея’, *лице* ‘лицо’, *чело* ‘лоб’, *језик* ‘язык’, *лобања* ‘череп’, *брада* ‘борода; подбородок’, *уши* ‘уши’;

- согипонимы: *нога* ‘нога’, *рука* ‘рука’, *рамена* ‘плечи’;

- псевдоантоним: *писмо* ‘надпись’.

Поскольку семантические свойства существительного *глава* столь четко проявляются в «Ассоциативном словаре сербского языка», мы ожидаем, что тоже самое будет и со словообразовательными свойствами. По данным «Семантико-словообразовательного словаря» у слова *глава* всего 325 дериватов: 174 существительных, 74 прилагательных, 25 наречий и 52 глагола.

Однако у 800 респондентов, указавших первое слово-ассоциацию на стимул *глава*, было всего 9 ассоциаций, относящихся к дериватам, причем только 7 из них различны (*главни* ‘главный’ (2), *главно* ‘главное’ (2), *главић* ‘головка’ (1), *главобоља* ‘головная боль’ (1), *главурда* ‘головища’ (1), *поглавица* ‘вождь; главарь’ (1), *поглавље* ‘глава; раздел’ (1)).

Лексема *глава* и в других славянских языках богата дериватами, но ассоциативные словари по каким-то причинам не регистрируют этого богатства. Приведем данные из «Славянского ассоциативного словаря»:

– русский язык: **ГОЛОВА**: 579 респондентов: 0 ассоциаций-дериватов**;**

– белорусский язык: **ГАЛАВА:** 478 респондентов: *галоўнае* (2), *галоўны* (2), *галоўка* (1);

– болгарский язык: **ГЛАВА:** 579 респондентов: *главата* (1), *главоболие* (1);

– украинский язык: **ГОЛОВА:** 479 респондентов: *головний* (1).

Представим данные еще нескольких ассоциативных словарей славянских языков:

– «Русский ассоциативный словарь» (1994): **ГОЛОВА**: 545 респондентов – 2 ассоциации: *главный* (1), *головастика* (1);

– «Украинский ассоциативный словарь» (2008): **ГОЛОВА**: 200 респондентов – *головка* (1);

– «Болгарский ассоциативный словарь» (2003): **ГЛАВА**: 580 респондентов: *главата* (1), *главоболие* (1).

Приходим к выводу, что производные лексемы от *глава* почти не представлены ни в ассоциативных словарях сербского, русского, украинского, болгарского языков, ни в «Славянском ассоциативном словаре».

Наши предыдущие исследования показывают, что производные иных лексем также не фиксируются в ассоциативных словарях. Приведем некоторые данные из «Славянского ассоциативного словаря» [УФИМЦЕВА и др. 2004]. Число в скобках обозначает количество словообразовательно связанных лексем в ассоциативном поле указанных слов-стимулов.

Таблица 1. Количество производных в ассоциативных полях слов-стимулов в некоторых славянских языках (*Славянский ассоциативный словарь*) [УФИМЦЕВА и др. 2004].

Русский	**Белорусский**	**Болгарский**	**Украинский**
бабушка (2)	бабуля (0)	баба (1)	бабуся (1)
белый (2)	белы (0)	бял (2)	білий (0)
Бог (0)	Бог (0)	Бог (3)	Бог (0)
богатый (1)	багаты (0)	богат (2)	багатий (0)
больной (1)	хворы (1)	болен (4)	хворий (0)

Таблица 2. Количество производных в ассоциативных полях слов-стимулов в некоторых славянских языках (*Славянский ассоциативный словарь*) [УФИМЦЕВА и др. 2004].

Русский	**Белорусский**	**Болгарский**	**Украинский**
большой	вялікі (2)	голям (0)	великий (0)
быстро (0)	хутка (1)	бързо (1)	швидко (0)
веселый (1)	вясёлы (2)	весел (1)	веселий (0)
ветер (1)	вецер (0)	вятър (0)	вітер (0)
вечер (0)	вечар (2)	вечер (4)	вечір (2)

4. Почему нет ассоциативной связи между исходным словом и его производным? Возникает вопрос, почему нет ассоциативной связи между исходным словом и его производным и всегда ли это так.

Ответ следует искать в том, как мы запоминаем дериваты в ментальном лексиконе [по ЭЙЧИСОН 1987; КОСТИЧ 2006].

Согласно первой модели, «модели интегральных лексических единиц», производные хранятся в ментальном лексиконе как одно целое, а не по частям. Основной недостаток этой модели в том, что она неэкономна, кроме того, ее опровергает наша способность постоянно создавать новые слова.

Вторая модель, «модель декомпозиции», подразумевает, что производные слова в ментальном лексиконе хранятся в виде частей — словообразовательных морфем. Критики этой модели полагают, что такой способ запоминания сильно перегрузил бы память человека. Каждый раз, когда нужно произнести дериват, приходится его заново строить из словообразовательных морфем, хранящихся в человеческой памяти.

Согласно третьей модели, «гибридной модели обработки слов с аффиксами», как одно целое мы запоминаем только частотные производные, а все остальные разделяем на части. Ни эта модель не принята полностью, но у нее больше сторонников, чем у предыдущих.

Пытаясь ответить на вопрос, почему отсутствует ассоциативная связь между исходным словом и производным, приведем также результат исследования Шредера и Байена [ШРЕДЕР и БАЙЕН 1997]. На основе эксперимента о лексическом решении они пришли к выводу, что респонденты намного быстрее реагируют на слово, которое, по оценкам, имеет богатое словообразовательное гнездо, т. е. если оно выступает в роли компонента многих производных. Исследователи указывают, что тот же результат подтвердился и для голландского, финского, английского, идиш, японского и китайского языков.

Бертрам, Шредер и Байен [БЕРТРАМ и др. 2000] установили, что скорость ответа в заданиях на принятие лексического решения зависит не от идентичных словообразовательных сегментов, а от идентичных семантических сегментов дериватов в словообразовательных гнездах.

Этот результат очень важен и приводит нас к выводу, что словообразовательно связанные слова безусловно связаны и в нашей памяти, поэтому все-таки можно было бы ожидать и их ассоциативную связь, которая, однако, обусловлена их семантической, а не формальной близостью. Таким образом, семантическая связь между дериватами сильнее формальной, и она является источником ассоциативной связи.

5. **Некоторые ассоциативные связи все-таки присутствуют**. Мы изучили «Ассоциативный словарь сербского языка», чтобы выяснить, можно ли, вопреки выше высказанным данным об отсутствии ассоциативной связи между простым словом и производным, выявить какие-либо закономерности в периодическом обнаружении таких отношений и действительно ли они обусловлены семантической, а не формальной связью между дериватами.

Мы пришли к следующим выводам.

5.1. *Ассоциативная связь между однокоренными антонимами.* Одним из самых сильных видов ассоциативной связи является антонимическая. Поскольку антонимы иногда могут быть и однокоренными, создается, возможно, впечатление, что между простым словом и производным – его антонимом существует сильная ассоциативная

связь. Она и в самом деле существует, но основана не на словообразовательных, а исключительно на семантических отношениях. Интересно обратить внимание также на то, одинаково ли сильно взаимно притягиваются однокоренные антонимы. Рассмотрим несколько примеров:

- ***непријатељ*** ‘враг’ – *пријатељ* ‘друг’ (129); ***пријатељ*** ‘друг’ – *друг* ‘товарищ; друг’ (141), *непријатељ* ‘враг’ (59);
- ***некултура*** ‘бескультурье’ – *култура* ‘культура’ (59); ***култура*** ‘культура’ – *некултура* ‘бескультурье’ (32);
- ***незадовољство*** ‘недовольство; неудовлетворенность’ – *задовољство* ‘удовольствие; радость’ (32); ***задовољство*** ‘удовольствие; радость’ – *незадовољство* ‘недовольство; неудовлетворенность’ (12);
- ***немати*** ‘не иметь; отсутствовать’– *имати* ‘иметь; быть’ (175 [это самая частая ассоциация]); ***имати*** ‘иметь; быть’ – *немати* ‘не иметь; отсутствовать’ (257 [это самая частая ассоциация]);
- ***незванични*** ‘неофициальный’ – *званични* ‘официальный’ (31); ***званични*** ‘официальный’ – *незванични* ‘неофициальный’ (49);
- ***неморалан*** ‘безнравственный’ – *моралан* ‘моральный; духовный’ (40 [это самая частая ассоциация] синоним *лош*); ***моралан*** ‘моральный; духовный’ – *неморалан* ‘безнравственный’ (55 [это самая частая ассоциация]).

Связь между однокоренными антонимами сильна. Обычно маркированный член антонимической пары сильнее притягивает немаркированный, но возможно и противоположная ситуация, что зависит от семантической силы членов антонимической пары (доминирования одного члена), которая обычно обусловлена частотой лексемы[1].

5.2. *Ассоциативная связь между глаголами с одинаковой приставкой.* Мы заметили, что приставочные глаголы-стимулы часто вызывают глагольные ассоциации с такой же приставкой. Так, например, глагол *зашуштати* ‘зашуршать, зашелестеть’ вызвал, среди прочих, следующие ассоциации: *зашкрипати* ‘заскрипеть’ (3), *засметати* ‘начать мешать’, *затреперити* ‘задрожать’, *зажуборити* ‘зажурчать; зачирикать’, *захухтати* ‘загреметь’, *забрљати* ‘испачкать; испортить’, *замуцати* ‘пробормотать; начать заикаться’, *запитати* ‘спросить’, *засиктати* ‘зашипеть’, *зашумети* ‘зашуметь’, *заурлати* ‘завыть’, *завезати* ‘завязать;

[1] Взаимные ассоциативные связи членов антонимических пар, включая однокоренные антонимы, детально изучила Б. ТОДИЧ [2016]. Можно было бы ожидать, что у однокоренных антонимов ассоциативная связь сильнее, чем у разнокоренных, однако исследование названного автора показывает, что самая сильная ассоциативная связь существует как раз между разнокоренными антонимами: *добар* ‘хороший’ — *лош* ‘плохой’, *десни* ‘правый’ — *леви* ‘левый’, *низак* ‘низкий’ — *висок* ‘высокий’, *велик* ‘большой’ — *мали* ‘маленький’. Этот факт также служит одним из свидетельств, что для образоваания сильных ассоциативных связей формальная (словообразовательная) близость между лексемами недостаточна.

замолчать’, *зазвечати* ‘зазвенеть’. Можно сделать вывод, что приставка *за-* стала «спусковым механизмом» для слов с такой же морфемой, но мотиватор находится в основе, т. е. в значении начала производства звука.

Глагол *преиспитивати* ‘проверить, испытать повторно’ вызвал несколько глагольных ассоциатов с той же приставкой: *преслишавати* ‘допрашивать; опрашивать’ (6), *преконтролисати* ‘проверить’, *прелистати* ‘пролистать’, *пресабрати* ‘собрать еще раз’, *преслишати* ‘допросить; опросить’, *претресати* ‘перебирать; рассматривать; обыскивать’, *претурати* ‘переворачивать; перебрасывать’. И на этот раз мы замечаем, что приставка – это лишь «спусковой механизм», а связь между глаголами основана на семантической близости.

5.3. *Ассоциативная связь непроизводного глагола и его приставочных соответствий.* Нас удивил факт, что самой частой ассоциацией на глагол *мислити* ‘думать’ оказался префиксальный глагол *размишљати* ‘размышлять; думать’. 111 респондентов первым назвали этот глагол. Нам стало интересно, является ли причиной этого сильная связь непроизводных глаголов со своими приставочными соответствиями, однако анализ ассоциаций остальных непроизводных глаголов быстро опроверг эту гипотезу. Так, например, на глагол *говорити* ‘говорить’ реакцией стал только один приставочный глагол — *одговарати* ‘отвечать’. Или еще несколько примеров: *звучати* ‘звучать’ – *зазвучати* ‘зазвучать’ (3), *не звучати* ‘не звучать’ (1); *платити* ‘заплатить’ – *наплатити* ‘взять оплату’ (5); *драти* ‘обдирать’ – *одерати* ‘ободрать’ (1); *надати се* ‘надеяться’ – /; *звонити* ‘звонить; звенеть’ – /.

Из этой части исследования, фрагмент которого мы здесь представляем, следует, что, как правило, нет ассоциативной связи между непроизводным глаголом и его приставочными соответствиями. Случай *мислити – размишљати* можно объяснить как однокоренные синонимы. И данный пример ясно показывает, насколько при формировании лексических связей более важен семантический критерий, чем словообразовательный.

5.4. *Взаимные ассоциативные связи между непроизводным и производным словом.* Уже было показано, что лексемы, находящиеся в антонимических отношениях, ассоциативно вызывают друг друга. Это касается и иных лексических пар. В некоторых случаях образуется взаимная ассоциативная связь между непроизводным и производным словом:

- ***лагати*** ‘лгать’– *лаж* ‘ложь’ (51 [это самая частая ассоциация]); ***лаж*** ‘ложь’ – *лагати* ‘лгать’ (4);
- ***лагати*** ‘лгать’ – *лажов* ‘лгун’ (9); ***лаж*** ‘ложь’ – *лажов* ‘лгун’ (4);
- ***глава*** ‘голова’ – *главни* ‘главный’ (2); ***главно*** ‘главное’ – *глава* ‘голова’ (4).

Обычно непроизводное слово немаркировано и вызывает ассоциативную связь с производным (которое маркировано), поэтому связь *главно – глава* сильнее, чем *глава – главни*, но иногда семантическая сила производного больше, чем у непроизводного. На примерах видна ассоциативная сила существительного *лаж*.

5.5. *Ассоциативные связи между словообразовательными лексемами, обозначающими звук.* Совершенно неожиданна ассоциативная «переплетенность» лексем с основой *звон-* в «Ассоциативном словаре сербского языка»:

- ***звоно*** ‘колокол; звонок’: *звонце* ‘колокольчик’, *звоњава* ‘звон; трезвон’, *звон* ‘звон’, *звонар* ‘звонарь’, *звоник* ‘колокольня’, *звонило* ‘звонок; колокольчик’;
- ***звонак*** ‘звонкий’: *звоно* ‘колокол; звонок’ (85), *звонце* ‘колокольчик’ (8), *звонар* ‘звонарь’, *Звончица* ‘фея Динь-Динь’, *звончићи* ‘колокольчики (музыкальный инструмент глокеншпиль)’, *звоник* ‘колокольня’, *звонити* ‘звонить; звенеть’, *звонко* ‘звонко’, *звоњавина* ‘звон; трезвон’;
- ***звонко*** ‘звонко’: *звоно* ‘колокол; звонок’ (73), *звони* ‘звонит; звенит’ (4), *звончић* ‘звоночек; колокольчик’ (3), *Звончица* ‘фея Динь-Динь’ (2), *звонце* ‘колокольчик’, *звонити* ‘звонить; звенеть’, *звоњава* ‘звон; трезвон’;
- ***звонити*** ‘звонить; звенеть’: *звоно* ‘колокол; звонок’ (97), *звонце* ‘звонок; колокольчик’ (36), *звончићи* ‘колокольчики (музыкальный инструмент глокеншпиль)’ (4), *звонар* ‘звонарь’, *звонце* ‘звонок; колокольчик’.

Это ассоциативно «переплетенное» словообразовательное гнездо, создающее прецедент в «Ассоциативном словаре сербского языка», вероятно, можно объяснить через обозначение звука. У глаголов *зашуштати* ‘зашуршать, зашелестеть’ и *звучати* ‘звучать’ также есть дериваты в ассоциативном поле. Обозначающие звук лексемы часто являются звукоподражаниями, а у таких слов больше всего ассоциативно связанных дериватов.

6. Слова с наибольшим количеством различных производных в ассоциативном поле по «Ассоциативному словарю сербского языка». Нами были выделены слова-стимулы из «Ассоциативного словаря сербского языка», имеющие наибольшее число производных среди своих ассоциатов. На основании этого списка затруднительно выделить закономерности о том, у каких слов больше всего ассоциативно связанных дериватов. Можно, однако, заметить, что три из четырех указанных слов являются производными и что среди ассоциаций указывается также производящее (исходное) слово, на основании чего можно было бы сформулировать гипотезу (ни в коем случае не окончательный вывод), что

связь между дериватом и производящим словом сильнее, чем связь в противоположном направлении – от непроизводного слова к его дериватам.

1. *мислити* ‘думать’ (15): *размишљати* ‘размышлять’, *размишљање* ‘размышление’, *мисао* ‘мысль’, *не мислити* ‘не думать’, *не размишљати* ‘не размышлять’, *размишљам* ‘размышляю’, *смишљати* ‘задумывать; придумывать’, *замишљати* ‘задумывать’, *замишљам* ‘задумываю’, *мислилац* ‘мыслитель’, *размислити* ‘подумать’, *смислити* ‘придумать’, *замислити* ‘задумать’, *замишљеност* ‘задумчивость’.

2. душеван ‘душевный’ (10): *душа* ‘душа’, *дух* ‘дух; разум’, *великодушан* ‘великодушный; добрый’, *добродушан* ‘добродушный’, *недушеван* ‘бездушный; бесчувственный’, *продуховљен* ‘уделяющий внимание духовности; наполненный духовностью’, *душебрижан* ‘относящийся к священнику, духовнику, заботе о душе’, *душеван* ‘душевный’, *душевност* ‘душевность’, *душник* ‘дыхательное горло’.

3. *забринут* ‘озабоченный’ (9): *брига* ‘забота; хлопоты’, *брижан* ‘заботливый’, *бринути* ‘заботиться’, *безбрижан* ‘беззаботный’, *брижљив* ‘заботливый; аккуратный’, *брижност* ‘заботливость; аккуратность’, *душебрижник* ‘исповедник; духовник; душеприказчик’, *незабринут* ‘беззаботный’, *незбринут* ‘оставшийся без присмотра; беспризорный’.

4. *звонак* ‘звонкий’ (9): *звоно* ‘колокол; звонок’, *звонце* ‘колокольчик; звонок’, *звонар* ‘звонарь’, *Звончица* ‘фея Динь-Динь’, *звончићи* ‘колокольчики (музыкальный инструмент глокеншпиль)’, *звоник* ‘колокольня’, *звонити* ‘звонить/звенеть’, *звонко* ‘звонко’, *звоњава* ‘звон; трезвон’.

7. Выводы исследования.

А. Чаще всего нет ассоциативной связи между непроизводным и производным словом, производным и непроизводным словом, а также между большинством слов одного словообразовательного гнезда.

Б. Ассоциативная связь иногда образуется: обычно при наличии семантической связи между лексемами, принадлежащими к одной семантической группе: *зашуштати* ‘зашелестеть; зашуршать’ – *зашкрипати* ‘заскрипеть’*; мислити* ‘думать’ – *размишљати* ‘размышлять’*; непријатељ* ‘враг; неприятель’ – *пријатељ* ‘друг; приятель’. Такие случаи редки и не влияют на общую картину.

В. Мы предполагаем, что причину очень слабой ассоциативной связи между словообразовательно связанными лексемами следует искать в том, что дериваты чаще всего не запоминаются целиком, в ментальном лексиконе корни и суффиксы хранятся отдельно (кроме очень частотных дериватов, которые мы помним полностью). Можно полагать, что наше исследование поддерживает указанную научную гипотезу.

Г. Производные слова – это комплексные лексические единицы, в формировании которых играют важную роль и переплетаются словообразовательные и семантические элементы. Ассоциации говорящих указывают на тот факт, что семантика дериватов обладает большей связующей силой, которая вводит их в лексическую систему, чем их формальная организация.

Литература

БЕРТРАМ и др. 2000: *R. Bertram, H. Baayen* & *R. Schreuder*. Effects of family size for complex words // Journal of Memory and Language 42. – P. 390–405.

ДЕ ЙОНГ 2002: *Nivja Helena De Jong*. Morphological families in the mental lexicon. – Wageningen: Ponsen & Looijen.

ДРАГИЧЕВИЧ 2007: *Рајна Драгићевић*. Деривати у менталном лексикону // Научни састанак слависта у Вукове дане 36/1. – С. 367–379.

ДРАГИЧЕВИЧ 2010: *Рајна Драгићевић*. Вербалне асоцијације кроз српски језик и културу. – Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије.

ДРАГИЧЕВИЧ 2012: *Рајна Драгићевић*. Просте речи и њихови деривати у тексту у српском језику // Słowotwórstwo słowiańskie: system i tekst, Prace Komisji Słowotwórczej przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów, Seria 13, pod red. Jerzego Sierociuka, Poznań: PTPN. – S. 133–141.

ЭЙЧИСОН 1987: *Jean Aitchison*. Words in the Mind. An introduction to the mental lexicon, first edition. – London: Basil Blackwell.

КОСТИЧ 2006: *Александар Костић*. Когнитивна психологија. – Београд: Завод за уџбенике и наставна средства.

РСХКНЈ 1959–: *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*, I-XX. –Београд: Српска академија наука и уметности.

ТОДИЧ 2016: *Бојана Тодић*. Природа асоцијативне везе антонимâ // *Наш језик* XLVII/3–4. – С. 89–103.

ШРЕДЕР и БАЙЕН 1997: *R. Schreuder & R. H. Baayen*. How complex simplex words can be // Journal of Memory and Language 37. – P. 118–139.

Источники

БАЛТОВА и др. 2003: *П. Балтова, А. Ефтимова, А. Липовска, К. Петрова*. Български асоциативен речник. – София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“.

КАРАУЛОВ и др. 1994: *Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова*. Русский ассоциативный словарь. – Москва: РАН. Институт русского языка.

МРТІНЕК 2008: *Світлана Мартінек*. Український асоціативний словник. – Львів: Міністерство освіті і науки України. Львівський національний університет імені Івана Франка.

ПИПЕР и др. 2005: *Предраг Пипер*, *Рајна Драгићевић*, *Марија Стефановић*. Асоцијативни речник српскога језика. – Београд: Београдска књига, Филолошки факултет, Службени лист СЦГ.

УФИМЦЕВА и др. 2004: *Н.В. Уфимцева*, *Г.А. Черкасова*, *Ю.Н. Караулов*, *Е.Ф.Тарасов*. Славянский ассоциативный словарь. – Москва: РАН. Институт языкознания.

Карпіловська Євгенія
Інститут української мови Національної академії наук України, Україна, Київ
karpilovska@gmail.com

МОДЕЛЮВАННЯ СЕМАНТИКИ СЛОВА В МОРФЕМНО-СЛОВОТВІРНОМУ СЛОВНИКУ ГНІЗДОВОГО ТИПУ

У статті викладено концепцію комп'ютерного морфемно-словотвірного словника сучасної української мови пояснювального типу. Словник грунтовано на фактичній базі комп'ютерного морфемно-словотвірного фонду української мови Інституту української мови НАН України в Києві. Словник реалізує в складі цього фонду ланку гнізд як комплексних морфемно-словотвірних одиниць: словотвірних, кореневих (морфемних) і мішаних, коренево- (морфемно-словотвірних. Увагу зосереджено на проблемах моделювання семантики похідних слів, показі типів розходження між їхньою формальною та семантичною структурою, пошуку метамовних еквівалентів семантики. Підкреслено принципову відмінність опису семантики слова в тлумачному та словотвірному словниках.

Ключові слова: словотворення, морфемно-словотвірний словник пояснювального типу, словотвірна семантика, фундація, мотивація, перифраза.

The article describes the conception of a computer morphemic-word-formative exegetic dictionary of modern Ukrainian language. The dictionary is based on the factual base of the computer morphemic-word-formative fund of the Ukrainian language in the Institute of Ukrainian Language of NAS of Ukraine in Kyiv. The families of words witn common root: word-formative, radical and mixed – radical-word-formative are the objects of description in thic dictionary. The attention is focused on the problems of modelling semantics of derivates, on the manifestation the various types of differences between their formal and semantic structure, on the searching the metalinguistic equivalents of word semantics. The fundamental difference between the description of word semantics in explanatory and word-formative dictionaries is emphasized.

Key words: word-formation, morphemic-word-formative exegetic dictionary, word-formative semantics, foundation, motivation, periphrase.

Поява в другій половині XX – на початку XXI ст. різних типів словотвірних словників слов'янських мов [WOLKONSKY… 1961; WORTH… 1970; ПОТИХА 1981; SKARŻYŃSKI 1981; ТИХОНОВ 1985; ЕФРЕМОВА 1996; СЛОВООБРАЗУВАТЕЛЕН… 1999; ЕФРЕМОВА 2000; СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫ… 2000; SGS 2001-2004; СДР 2003. 2006; ШИРШОВ 2004; STRAMLJIČ 2004; SLOVNÍK KOREŇOVÝCH… 2005; ЛОПАТИН/УЛУХАНОВ 2016; SLOVNÍK AFIXŮ… 2016] – цілком закономірний етап у розвитку теорії та практики слов'янської дериватології. Як слушно зауважив свого часу Ю.М. Караулов, словник становить відповідь на будь-яке лінгвістичне завдання [КАРАУЛОВ 1981: 42], оскільки являє собою водночас зручну й наочну форму узагальнення накопичених знань про певний об'єкт дослідження, а отже, здатен слугувати фактичним підґрунтям та знаряддям для здобування нового

знання про нього. Словник, крім того, як певний спосіб опису обраного об'єкта подає відомості про нього в структурованому та систематизованому вигляді, за допомогою певної метамови, що унаявнює його зміст.

У слов'янській дериватографії вже наявні словники пояснювального типу. Опис семантики похідного слова в них ґрунтовано на дефініціях тлумачних словників, а отже, вони належать до комплексного – тлумачно-словотвірного типу. Такими є, наприклад, «Словник словотвірних гнізд сучасної загальнопольської мови» у 4-х томах за редакцією Г. Ядацької, М. Скаржинського, Т. Фогельгезанг, «Новий словник російської мови. Тлумачно-словотвірний» у 2-х томах Т.Ф. Єфремової, «Тлумачно-словотвірний словник російської мови» І.О. Ширшова, «Семантико-дериваційний словник» сербської мови в 2-х частинах Д. Гортан-Премк, В. Васич, Л. Неделькової і Р. Драгічевич. Автори згаданих словників використали чимало спільного в засобах унаявнення семантики похідних слів, проте виявили й різні підходи до її моделювання. Так, польські лексикографи до базових слів гнізд подають дефініції лексичних значень, пор.: *muzyka* – 1. Sztuka układania dźwięków w kompozycje i wykonywania tych kompozycji na instrumentach lub głosem ludzkim [SGS II: 915]. Структуру словотвірного гнізда від слова *muzyka* подано традиційно у вигляді парадигм різних тактів деривації. У похідних словах виділено твірну основу та словотворчий формант. Особливістю метамови цього словника є подання коло кожного похідного слова формули його дериваційної історії за правилами аплікативної породжувальної моделі С.К. Шаумяна. Утім, для удоступнення такої інформації укладачі словника дещо спростили запис: замість реляторів – показників частиномовного значення словотворчих формантів – подали символи латинських назв самих частин мови, до яких належить похідне слово на певних тактах деривації в словотвірному гнізді. До слова *muzyk-ant*, утвореного на I такті деривації, подано формулу **S,S**. Вона засвідчує, що це іменник, утворений від іменника, отже, твірна основа і формант цього деривата мають те саме частиномовне значення [Там само]. Спеціальних метамовних еквівалентів семантичної структури похідних цей словник не подав.

І.О. Ширшов, навпаки, подав дефініції не лише до базових слів гнізд, а й до кожного деривата в їхньому складі. Ось як описано в його словнику семантику іменників *музыка* и *музыкант*: **музыка** – 1. Искусство, отражающее действительность в звуковых, художественных образах, а также в произведениях этого искусства; 2. Исполнение таких произведений на инструментах, а также само звучание этих произведений [ШИРШОВ 2004: 523]. Тлумачення іменника *музыкант* становлять перифрази, ґрунтовані на цих дефініціях. Їм передує формула його деривації: **музыкант** – [музык(а) → музык-ант]. 1. Специалист в области музыки (в 1 знач.); 2. Исполнитель, интерпретатор произведений музыки (во 2 знач.)

[Там само]. Метамовні еквіваленти окремих значень усіх слів у цьому словнику споряджено ілюстраціями вживання слова в такому значенні в тексті.

Сербських дериватологів проблема моделювання семантики похідних цікавила в аспекті виявлення когнітивного потенціалу базових слів гнізд, питомої ваги певних засобів і моделей словотворення в розв'язанні завдань номінації дійсності і загалом у побудові національномовної картини світу. Наприклад, у другій частині словника під назвою «Людина – внутрішні органи та тканини, психофізіологічний стан і дії, психофізіологічні властивості, спорідненість» подано гнізда з базовими словами різних частин мови на позначення цих понять – іменників дієслів, прикметників: *волети* «любити, воліти», *гнев* «гнів», *дете* «дитина», *желудац* «шлунок», *срце* «серце», *стар* «старий» та ін. Для базового слова автори подають дефініцію, до всіх похідних – додають до неї вказівку на їхню твірну одиницю, а також на особливості творення такого похідного (ремарка *нестанд.* – нестандартне). З такою ремаркою, наприклад, подано похідне *стар-ејко* «старојко, стари сват» у гнізді від прикметника *стар* як термін спорідненості, метафоричне позначення учасника весільного обряду – головного гостя на весіллі.[СДР 2006: 634].

В україністиці на зламі XX-XXі ст. також створено низку морфемних та словотвірних словників різних типів [ЯЦЕНКО 1980–1981; ПОЛЮГА 1983, СІКОРСЬКА 1985. САМУМ 1998. КАРПІЛОВСЬКА 2002; ШКІЛЬНИЙ…2005, АКТИВНІ… 2013]. Їх укладачі здійснили спроби виявити семантичний потенціал словотворчих засобів, їхні валентні й позиційн властивості в слові в сполученні з різними типами твірних основ, їхню здатність до варіювання форми (аломорфію) чи змісту (омографію), з'ясувати формальну та семантичну структуру гнізд різних тиаів, Концепція гніздового морфемно-словотвірного словника пояснювального типу, яку ми подаємо й обговорюємо нижче, сформувалася на підставі вже понад 30-річного досвіду моделювання семантики слова та об'єднань слів в комп'ютерному морфемно-словотвірному фонді сучасної української мови (далі – МСФ), який група співробітників Інституту мовознавства ім. О.О. Потебні АН УРСР на чолі з Н.Ф. Клименко почала створювати в 1988 р. У роботі над МСФ ми спиралися на напрацювання як української, так і загалом слов'янської дериватології та дериватографії. Нині робота над МСФ триває в Інституті української мови НАН України.

Комп'ютерний морфемно-словотвірний фонд української мови був замислений як система взаємоналаштованих морфемних і словотвірних словників із засобами доступу й роботи з ними [КЛИМЕНКО, КАРПІЛОВСЬКА 1990, KLYMENKO, KARPILOVS'KA 1994; КАРПІЛОВСЬКА 2012]. Мета такої системи – подати користувачам знання про 1) форму та семантику окремих складників слів сучасної української мови – непохідних з неподільними основами, непохідних з подільними

основами та похідних з основами різного ступеня подільності; 2) сполучення морфем одного і різних класів в структурі реальних слів, типи їхньої морфемної та словотвірної структури; 3) встановити функції морфем і морфемосполук різної складності в структурі слова; 4) склад та формально-семантичну структуру гнізд слів за спільністю певної морфеми, морфемосполуки або морфемної структури слова. На сьогодні МСФ як спеціалізована комп'ютерна лінгвістична система виконує три функції: довідкову як лінгвістична інформаційно-пошукова система; 2) навчальну як система знань про морфемну та словотвірну системи сучасної української мови та 3) дослідницьку як фактична база та знаряддя для створення нового знання про українську лексику.

Перша версія МСФ, укладання якої було завершено в 1991 р., становила реєстр українських слів обсягом понад 160 тис. одиниць, поділених на морфеми, із вказівкою на їхню частиномовну належність, кількість значень (за академічним тлумачним «Словником української мови» в 11 т. (1970–1980) та «Словником іншомовних слів» за редакцією О.С. Мельничука 1974 р.) та абсолютну частоту вживання в художніх прозових текстах (за «Частотним словником сучасної української художньої прози» в 2 т. за редакцією В.С. Перебийніс 1981 р.). Виділення в структурі слів із подільною основою всіх значущих складників уможливило формування в складі МСФ 5 базових морфемних словників: коренів (R), суфіксів (S), префіксів (P), флексій (F) вихідних форм змінюваних слів, а також флексій чи їхніх застиглих уламків в основах слів на зразок зменшувального заперечного займенника *а-ні-ч-**ог**-ісіньк-о* з усіченою флексією родового відмінка однини **-ог** (від твірної для нього форми *а-ні-ч-**ого*** займенника *а-ні-що* з цією флексією в повній формі) та інтерфіксами (I), потрактованими як міжкореневі прокладки в структурі композитів, зокрема сполучні голосні **-о-** та **-е- (-є-)** у словах *пар-о-плав, бур-е-вій, житт-є-пис*. Ці словники заклали фактографічне підґрунтя для вивчення морфологічного словотворення в українській мові, зокрема для моделювання семантики похідних слів. Словотвірна структура, як відомо, спирається на морфемну, а отже, остання слугує точкою опертя й для моделювання семантики похідних слів. За точку відліку в моделюванні в словнику семантики похідного слова обираємо мінімальну словотвірну структуру – сполучення твірної основи з простим, тобто таким, що містить одну морфему, словотворчим формантом. При цьому, семантика такої мінімальної за формою структури становить суму значень її складників. З огляду на зв'язок форми та семантики в структурі похідного слова будь-який словотвірний словник є водночас і словником морфемним за своєю основою. Морфологічне словотворення дає в руки дослідника формальні ознаки для вивчення процесів словотворення, не виявлених безпосередньо у формі слова: нульафіксації, флексації, конверсії чи семантичної деривації.

Головним завданням нинішнього етапу розбудови МСФ є розв'язання проблем встановлення та опису в морфемно-словотвірному словнику слів з омографами та аломорфами, виявлення способів розвитку базової семантики в словах різної морфемної та словотвірної будови, частиномовної належності, походження. Морфеми-омографи та морфеми-аломорфи впорядковано в окремих індексах МСФ. Для роботи з такою новою версією фонду створено нову інформаційно-пошукову систему «Український глосарій. Великий морфемно-словотвірний словник» (див. рис.1).

Рис. 1. Головне меню системи «Український глосарій».

Без розв'язання проблем омографії та аломорфії морфем неможливе моделювання семантики українського і загалом слов'янського похідного слова. Це довели дослідження, здійснені дериватологами на матеріалі різних слов'янських мов. З'ясування семантичного потенціалу морфем певної форми та здатність певних форм до варіювання в сполученнях з певними партнерами в слові упрозорює план змісту тих чи тих морфемних структур слів. Для кожного з морфів у таких індексах вказано: 1) значення в структурі слова та 2) місце в морфному варіаційному рялу – домінанта чи вивідний з неї аломорф, якщо форма морфа здатна до варіювання. Для розв'язання проблем розмежування омографів та ототожнення аломорфів і

встановлення домінанти морфного ряду застосовано такі критерії. Морф вважався омографічним, якщо з тією ж формою він функціонував в словах з тим же або іншим коренем в іншому значенні. Наприклад, суфіксальний морф **-ець** у слові *мудр-ець* виражає значення «особа чоловічої статі», а в словах *вітер-ець/вітр-ець* – значення зменшення (демінутивності). Критерієм формування рядів аломорфів є функціонування формальних варіантів морфа в словах того ж кореня, а отже, їхнє виведення з морфа-домінанти за певними правилами зміни його форми під час словотворення та здатність утворювати привативні опозиції. Так, вищезгадані суфікси-омографи **-ець** зі значеннями особи та демінутивності становлять домінанти морфних рядів, оскільки входять до структури базових слів словотвірних ланцюжків. Статус домінанти вказує на належність морфа структурі слова, що виражає поняття, здатне структуруватися (профілюватися) за допомогою словотворчих засобів. Наприклад, до значення особи в українських іменниках із суфіксом **-ець** у похідних наступних тактів деривації можуть додаватися значення демінутивності (*хлоп-ець → хлоп-ч-ик*), ознаки (*молод-ець → молод-еч-ий*), збірності (*куп-ець → куп-ец-тв(о)*, опредметненої ознаки (*мертв-ець → мертв-ечч-ин(а)*, спорідненості (син, дочка) (*куп-ець → куп-ч-енк(о), куп-ц-івн(а)*. Ускладнення семантики базового слова призводить до зміни форми суфікса в складі твірної основи похідних слів і до формування ряду його аломорфів: **ЕЦЬ – ец, еч, ечч, ц, ч**. Значення демінутивності може посилюватися, редуплікуватися. У таких вторинних демінутивах виникає омографічний попередньому ряду аломорф **ч**: *зуб-ець → зуб-ч-ик*.

Інтерфейс роботи з індексами морфів у системі «Український глосарій» уможливлює вибір слів з певним морфом у всіх словах МСФ чи в словах певної частини мови не лише за його формою та значенням, а й за його позицією в слові за лінійним розгортанням (ускладненням) його формальної структури. Завдяки цьому можна з'ясувати, як зі зростанням морфемної структури слова ускладнюється його семантика. Суфікс **-ець** зі значенням «особа чоловічої статі» може займати в словах від 2 (*мудр-ець*) до 8 позиції (*с-па-д-к-о-да-в-ець*) від його початку. Причому, у простих (з одним коренем) афіксальних похідних граничною для нього є 6 позиція (*не-дб-а-й-лив-ець*). Спостереження над спектром позиційного розподілу в українському слові певного засобу словотворення доводять, що з ускладненням формальної та семантичної структури твірної основи звужується обсяг семантики формантів-омографів. Так, суфікс **-ець**, для якого в словах української мови виявлено 20 категорійних і розрядних значень, у граничних 6-ій (для простих) та 8-ій (для складних слів) позиціях виступає лише в значенні особи чоловічої статі (див. рис. 2).

Завдяки тому, що кожен морф у реєстрі МСФ споряджений вказівкою на його значення та функцію в слові, афіксальні ланцюжки та моделі, в складі модуля «Структура слова» допомагають змоделювати

способи уточнення категорійного значення афікса (значення ономасіологічного базиса) твірною основою деривата (ономасіологічною ознакою) [DOKULIL 1962]. Так, сполучення суфікса **-ець** з основами прикметників створює деривати, що називають особу за ознакою її зовнішності, віку, розумових здібностей, особливостей поведінки та характеру (*вродливець, молодець, мудрець, старець*). Приєднання його до твірних основ іменників дає похідні, що характеризують особу за її належністю до певної країни, народу (*агулець, українець*), професійного або виробничого об'єднання (*артілець, гвардієць*), за її професійними чи загалом суспільними функціями (*державець, радець*). Твірні основи дієслів визначають таку особу за виконуваною дією (*їздець, гонець, мовець*). Основи ж дієприкметників вказують на дію, виконувану такою особою чи над нею, як на її вирізняльну ознаку (*зарозумілець, годованець, вихованець*).

Рис.2. Меню для формування афіксальних класів слів.

Одержані «портрети» складників слів різних частин мови висвітлили певні шкали співвідношенняу слові форми та семантики. На таких шкалах можна визначити точки відліку – ядерні, базові структури, у яких кожному формальному складнику відповідає складник семантики слова. Семантика таких дериватів становить суму значень твірної основи та словотворчого форманта. Саме такі деривати стають основою для здійснення словотвірної розмітки реєстру МСФ на основі його попередньої морфемної розмітки, для опису словотвірної семантики слів у створюваному гніздовому морфемно-словотвірному словнику пояснювального типу. При цьому, твірна основа може мати різну складність (кількість морфем) залежно від ступеня похідності деривата. Це демонструють обговорювані іменники-назви особи чоловічої статі із суфіксом **-ець**: *мудр-ець, без-ум-ець, в-род-лив-ець, бу-ва-л-ець, ви-сел-ен-ець, о-бр-а-н-ець, при-стос-ов-а-н-ець*. Усі мають спільне категорійне значення «особа чоловічої статі за ознакою, названою твірною основою». На наше глибоке переконання, метамовний еквівалент семантики слова в морфемно-словотвірному словнику на відміну від дефініції тлумачного словника має визначити саме таку загальну поняттєву основу власне лексичного значення похідного слова, той, за влучним висловом В. Дорошевського, «поняттєвий кістяк» семантики, що задає модель словотворення [DOROSZEWSKI 1952: 307–308]. Нагадаємо, що залежно від місця значення твірної одиниці в семантиці похідного слова А. Нагурко запропонувала розрізняти *парафрази* – для власне дериватів (пол. *snopek* «малий сніп»), або семантичних дериватів та *перифрази* – для асоціативних, або ономасіологічних дериватів (пол. *kwiecień* «квітень») [NAGÓRKO 1975: 529–531].

Для встановлення характеру співвідношення в семантиці похідних значення словотвірної моделі і лексичного значення необхідно: 1) визначити метамовні еквіваленти – парафрази та перифрази – для груп слів зі спільною словотвірною структурою і 2) виявити спектр можливих відхилень від них, причини і міру розходжень між «поняттєвим кістяком» семантики деривата і його лексичною семантикою. Дослідники таке розходження окреслили як опозицію *фундації* та *мотивації* [DOKULIL 1962: 11], *формальної* та *семантичної мотивації* слова [ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ 1963; KOWALIK 1977; МИЛОСЛАВСКИЙ 1980; КУБРЯКОВА 1981; КЛИМЕНКО 1984; ЕРМАКОВА 1984]. *кодування* (формального виведення деривата) та *декодування* (виведення семантичного, або ж розпізнавання його формальної структури, її розуміння) [PUZYNINA 1967].

Якщо «вхід» в систему морфемно-словотвірного словника до слів через афікси дозволяє виявити спектр твірних основ, або ономасіологічних ознак, які уточнюють ономасіологічний базис – загальне категорійне значення словотворчого форманта, то «вхід» через корінь слова відкриває

перспективу «розвитку» в похідних його узагальненого лексичного значення. При цьому, складники слова, що містяться між коренем і простим (з однією морфемою) формантом, можуть унаявнювати картину ускладнення як базового лексичного значення кореня так і, навпаки, категорійного словотвірного значення форманта. Крім того, вони можуть засвідчувати появу в структурі похідного слова компонентів його форми, не підкріплених компонентами змісту, що виникають як наслідок черезступеневого, або аналогічного словотворення. Наприклад, в іменнику *виселен-ець* компонент **-ен-** в структурі твірної основи має значення ознаки за дією над об'єктом в минулому, властивого твірному для цього деривата пасивному дієприкметнику минулого часу *виселений* – змінюваної форми дієслова *виселити*. Натомість в застарілому іменнику *страт-ен-ець* такий елемент формальної структури виконує нині суто будівельну функцію, оскільки він не співвідносний з жодним компонентом семантичної структури цього деривата. Це унаочнюють їхні парафрази: **виселенець** – виселена людина і **стратенець** – той, кого стратили (пор. пасивний дієприкметник минулого часу *страчений*, а не **стратений* від дієслова *стратити*). Іменник *стратенець* успадкував лексичне значення твірного дієслова *стратити* «караючи, позбавляти кого-небудь життя» і пор. пряме його значення «залишатися без когось або чогось, губити когось, щось». Це дієслово й похідні від нього демонструють у своїй семантиці розходження між парафразою й лексичною семантикою внаслідок метафоризації первісного значення. Його в сучасній мовній практиці активніше виражає спільнокореневе дієслово з іншим префіксом, пор. *втратити (батьківщину, сім'ю, здоров'я, терпіння)*.

Якщо у щойно обговорених дериватах нетотожність форми та семантики спричинює наявність «пустих» морфів, складників формальної структури слова, що не мають значення, то в слові *мудр-агель*, навпаки, такий незбіг зумовлює наявність прихованих, формально не виражених семантичних складників. На відміну від іменника *мудрець* зі значенням «особа чоловічої статі, яка є мудрою» цей дериват позначає «особу чоловічої статі, яка є *занадто* мудрою, зарозумілою; хитруна, тугодума». Деривати з формально не вираженими, прихованими, або прирощеними семами спонукають шцкати й можливої іншої їхньої мотивації, зв'язків з іншими твірними одиницями в межах словотвірного чи кореневого гнізда. Щодо слова *мудрагель*, а також слів *мудрій* та *мудрак*, то вони виявляють тісніший змістовий зв'язок з похідним від прикметника *мудрий* дієсловом *мудрувати,* що має значення «вдаватися в зайві й непотрібні міркування, вигадувати, хитрувати, роздумувати»[1]. Поява таких прихованих семантичних компонентів, як довели спостереження дериватологів,

[1] Усі дефініції слів подаємо за тлумачним «Словником української мови» в 11 томах [СУМ 1970–1980].

можуть набувати регулярності, диференціюючи нейтральні та експресивно-оцінні деривати зі спільним коренем, пор. також *розумець, розумник/розумниця* «розумна людина» і *розумаха/розумака* «занадто розумна, зарозуміла особа», *крутій*, що може крім хитруна шахрая позначати й просто особу, яка крутить що-небудь, з *крутько*, уживаним лише для позначення спритної, хитрої, нерозбірливої у засобах досягнення бажаного особи чоловічої статі.

Часом семантика твірної основи практично знівельована в дериваті. Прикладом цього може слугувати іменник *тістечко* в значенні «кондитерський виріб із здобного солодкого тіста, звичайно з кремом, помадкою, цукатами і т. ін.». У його семантиці відбулася метафоризація первісного значення «пестливе до **тісто**». Подібна дедемінутивізація властива метафоричним вторинним значенням багатьох демінутивів в українській мові, пор. *сонечко* в значеннях «пестливе до **сонце**» і «невеликий жучок круглої або подовженої форми, що має червонувате або жовтувате з чорними цяточками забарвлення».

Інший тип відхилення лексичного значення деривата від значення його словотвірної структури демонструють слова з метафоричною семантикою на зразок *крученик, завиванець, накладанець, верещака*. Значення складників їхньої словотвірної структури ніби прозорі, проте вони вказують лише на спосіб створення певного об’єкта або на його прикметну ознаку, які й лягли в основу семантики таких номінацій. Конкретизація в лексичному значенні цих дериватів значення, заданого їхньою словотвірною структурою, вимагає від мовця фонових знань, знайомства з таким об’єктом номінування. Усі подані приклади є назвами страв української національної кухні: *крученик* – Смажена страва, з овочів (рідше з крупів, грибів і т. ін.), туго обгорнених тонким шаром м'яса або риби; *завиванець* – 1. Гаряча страва, приготована зі шматка м'яса, згорнутого в трубку, куди кладуть начинку. 2. Пиріг, спечений із тіста, згорнутого в трубку кількома шарами, між якими міститься начинка; струдель.; *верещака* – 1. Той (та), хто багато верещить і 2. тільки *ж*. Страва із свинячої грудинки. У дефініціях «прозирають» ознаки, що стали ґрунтом для створення метафоричного найменування, перенесення такої назви на інший об’єкт. Метафоричне значення може ставати єдиним для похідного слова або суміщатися з його прямим значенням, як в іменнику *верещака*.

Протилежний описаному вище напрямок розходження формальної та семантичної структури похідного слова – не конкретизацію значення його словотвірної структури, а його перетворення на лексичне значення слова завдяки нівелюванню значення твірної основи – виявляють префіксальні дієслова *вгатити, вбухати, влити*. У значенні «вкласти кудись щось у великій кількості (гроші, матеріали тощо)», вираженого префіксом **в-**, ці

деривати виступають стилістичними синонімами-квантифікаторами нейтрального дієслова *вкласти* в значенні результативного способу дії.

Окрему проблему моделювання семантики похідного слова становить з'ясування міри збереження в ній внутрішньої форми слова, заданої моделлю його номінації, доцільності її унаявнення в метамовному еквіваленті. дериватів Відхилення лексичного значення деривата від значення, заданого його моделлю номінації, як і відхилення лексичного значення від значення словотвірної структури, може мати різну глибину, а самі такі первісні значення можуть бути різною мірою «затемнені». Спостерігаємо це на прикладі таких похідних, як *кориця*, *коричневий*, пов'язаних генетично з іменником *кора*, пор.: *кориця* «висушена кора коричного дерева, що її вживають як прянощі для кондитерських виробів, а також у медицині й парфумерії»; *коричневий* «кольору кориці або смаженої кави; брунатний», а також *очко, вічко* «брунька, яку зрізують для щеплення і похідне від нього дієслово *очкувати* «прищеплювати до якої-небудь рослини очко якоїсь іншої». Часом міру такого відхилення від первісної семантики твірної одиниці підкреслює інший наголос: *очкó* «одиниця рахунку в спортивних змаганнях та різних іграх» і пор. з *óчко* «зменшене до **око**».

Урахування власне лексичних значень дериватів з різними типами відхилення від значення їхньої словотвірної структури дає змогу простежити шляхи його розвитку за рахунок змін у семантиці як твірної основи й форманта, так і загального значення їхньої словотвірної структури. У пояснювальній частині створюваного морфемно-словотвірного гніздового словника плануємо показати це завдяки сполученню парафраз і перифраз семантики дериватів з дефініціями їхнфх лексичних значень. Для кореневих гнізд буде також подано загальне значення кореня слів, яке становить основу семантичної кореляції складників таких гнізд.

Семантика похідного слова в системі описуваного гніздового морфемно-словотвірного словника постане як єдність і взаємовідношення 1) суми значень складників його морфемної структури; 2) значень складників його словотвірної структури і 3) його лексичного значення або значень. На рівні морфемної розмітки слово становитиме сукупність морфем певних класів з приписаними їм категорійними значеннями: *мудр-ець* (корінь прикметника + суфікс зі значенням «особа чоловічої статі» + нульова флексія іменника чоловічого роду називного відмінка однини). Результатом словотвірної розмітки цього слова є парафраза: «особа чоловічої статі, яка є мудрою». Лексична розмітка подає конкретні лексичні значення слів. Для іменника *мудр-ець* значення його словотвірної структури, описане парафразою, і стає його лексичним значенням. Інша картина буде на цьому рівні у спільнокореневого іменника *мудр-агель*. Як ми вже показали вище, саме на рівні лексичної розмітки семантики цього

слова і виявиться прихований семантичний компонент «занадто». Підсумком моделювання семантики в цьому словнику стане виокремлення в похідній лексиці слів, словотвірна й лексична семантика яких цілком «прочитувані» з їхньої морфемної будови, і тих, словотвірна й лексична семантика яких у різний спосіб і різною мірою відхиляються від значень їхніх морфем. Інтерфейс системи «Український глосарій! уможливить користувачеві словника одержання відомостей про семантику слова в повному обсязі або лише на морфемному, словотвірному чи лексичному рівні її формування.

Література

АКТИВНІ… 2013: *Активні* ресурси сучасної української номінації: Ідеографічний словник нової лексики / Карпіловська Є.А., Кислюк Л.П., Клименко Н.Ф., Критська В.І., Пуздирєва Т.К., Романюк Ю.В.: Карпіловська Є.А.(ред.). – Київ: ТОВ «КММ».

ЕРМАКОВА 1984: *О.П. Ермакова*. Лексические значения производных слов в русском языке. – М.: Русский язык.

ЕФРЕМОВА 2000: *Т.Ф. Ефремова.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: – М.: Русский язык. – Т. I–II.

ЕФРЕМОВА 1996: *Т.Ф. Ефремова*. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. – М.: Русский язык.

КАРАУЛОВ 1981: *Ю.Н. Караулов.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука.

КАРПІЛОВСЬКА 2012: *Є.А. Карпіловська*. Активні ресурси сучасного українського словотворення // Творба речи и њени ресурси у словенским језицима: Зборник радова се четрнаесте међународне научне конференције Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта. – Београд: Филолошки факултет / Глав. уред. Р. Драгићевић. – С. 97–107.

КАРПІЛОВСЬКА 2002: *Є.А Карпіловська*. Кореневий гніздовий словник української мови: Гнізда слів з вершинами – омографічними коренями. – Київ: Українська енциклопедія ім. М.П. Бажана.

КАРПІЛОВСЬКА 1999: *Є.А. Карпіловська*. Суфіксальна підсистема сучасної української літературної мови: будова та реалізація. – Київ: Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні НАН України.

КЛИМЕНКО 1984: *Н.Ф. Клименко*. Словотворча структура і семантика складних слів у сучасній українській мові. – Київ: Наукова думка.

КЛИМЕНКО 1990: *Н.Ф. Клименко, Є.А. Карпіловська та ін*. Морфемно-словотвірний фонд української мови як дослідницька та інформаційно-довідкова система // Мовознавство. – № 6. – С. 41–50.

КУБРЯКОВА 1981: *Е.С. Кубрякова*. Типы языковых значений: Семантика производного слова. – М.: Наука

ЛОПАТИН, УЛУХАНОВ 2016: *В.В. Лопатин, И.С. Улуханов*. Словарь словообразовательных аффиксов русского языка. – М.: Азбуковник.

МИЛОСЛАВСКИЙ 1980: *И.Г. Милославский*. Вопросы словообразовательного синтеза. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова.

ПОЛЮГА 1983: *Л.М. Полюга*. Морфемний словник. – Київ: Радянська школа.

ПОТИХА 1981: *З.А. Потиха*. Строение русского слова. – М.: Русский язык.

САМУМ 1998: *Н.Ф. Клименко, Є.А. Карпіловська, В.С. Карпіловський, Т.І. Недозим*. Словник афіксальних морфем української мови. – Київ: Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні НАН України.

СДР… 2003: Семантичко-деривациони речник. Свеска 1: Човек – делови тела / *D. Gortan-Premk, V. Vasić, L. Nedeljkov* (ur.). – Novi Sad: Filozofski fakultet, Odsek za srpski jezik i lingvistiku.

СДР 2006: Семантичко-деривациони речник. Свеска 2: Човек – унутрашњи органи и ткива, психофизиолошка стања и радње, психофизичке особине, сродство / *D. Gortan-Premk, V. Vasić, R. Dragiević*, (ur.). – Novi Sad: Filozofski fakultet, Odsek za srpski jezik i lingvistiku.

СІКОРСЬКА 1985: *З.С. Сікорська*. Українсько-російський словотворчий словник. – Київ: Радянська школа.

СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫ… 2000: Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы : Вучэб. дапам. для агульнаадукац. шк., ліцэяў, гімназій / *А.М. Бардовіч, М.М. Круталевіч, А.А. Лукашанец*. – Мн.: Беларуская навука.

СЛОВООБРАЗУВАТЕЛЕН… 1999: Словообразувателен речник на съвременния български книжовен език / Под ред. *Й. Пенчев*. – София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов».

СУМ 1970–1980: Словник української мови. – Київ: Наукова думка. – Т.І – XI.

ТИХОНОВ 1985: *А.Н. Тихонов*. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. – М.: Русский язык.

ШИРШОВ 2004: *И.А. Ширшов*. Толковый словообразовательный словарь русского языка. – М.: АСТ; Астрель; Русские словари; Ермак.

ШКІЛЬНИЙ…2005: *Н.Ф. Клименко, Є.А. Карпіловська, Л.П. Кислюк*. Шкільний словотвірний словник сучасної української мови. – Київ: Наукова думка.

ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ 1963: *Н.А. Янко-Триницкая*. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах // Развитие современного русского языка. – М.: Наука. – С. 83–97.

ЯЦЕНКО 1980–1981: *І.Т. Яценко*. Морфемний аналіз / За ред. Н.Ф.Клименко. – Київ: Вища школа. – Т. I–II.

DOKULIL 1962: *M. Dokulil*. Tvořeni slov v češtine. Teorie odvozováni slov. – Praha: ĞAV. – Ğ. 1.

DOROSZEWSKI 1952: *W. Doroszewski*. Podstawy gramatyki polskiej. – Warszawa: PWN. – Cz. 1.

KLYMENKO 1994: *N.F. Klymenko, E.A. Karpilovs'ka*. Computer Morpheme-Word-Formative Database of the Ukrainian Language and Its Applications // Journal of Quantitative Linguistics. – Vol. 1. – № 2. – P. 113–131.

KOWALIK 1977: *K. Kowalik*. Budowa morfologiczna przymiotników polskich. – Wrocław etc.: PAN.

NAGÓRKO 1975: *A. Nagórko*. O dwóch typach motywacji leksemów rzeczownikowych we współczesnej polszczyźnie // Poradnik Językowy. – № 10. – S. 525–532.

PUZYNINA 1967: *J. Puzynina*. Pojęcie regularnej i nieregularnej konstrukcji morfemowej a fakty słowotwórcze // Biuletyn Pol. Towarz. Język. – Z. 25. – Fasc. 25. – S. 91–102.

SGS 2001–2004: Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego. / Pod red. *H. Jadackiej*. – Kraków: UNIVERSITAS. – T. I–IV.

SKARŻYŃSKI 1981: *M. Skarżyński*. Tworzenie wyrazów w języku polskim. – Kielce.

SLOVNÍK AFIXŮ… 2016: Slovník afixů užyvaných v češtině / *J. Šimandl* (ed.). – Praha: Karolinum.

SLOVNÍK KOREŇOVÝCH… 2005: Slovník koreňových morfém slovenčiny / Hlav. red. *M. Sokolová, M. Ološtiak, M. Ivanová*. – Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove.

STRAMLJIČ 2004: *I. Stramljič Breznik*. Besednodružinski slovar slovenskega jezika: Poskusni zvezek za iztočnice na B. – Maribor: Slavistično društvo.

WOLKONSKY… 1961: *C.Wolkonsky, M. Poltoratzky*. Handbook of Russian roots. – New York.

WORTH… 1970: *D.S. Worth, A.S. Kozak, D.B. Johnson*. Russian derivational dictionary. – New York – London – Amsterdam.

Лукашанец Елена
Минский государственный лингвистический университет, Беларусь, Минск
elukashanets@rambler.ru

ПРОИЗВОДНОЕ СЛОВО В СОЦИОЛЕКТНЫХ СЛОВАРЯХ

В докладе на материале русского криминального арго конца XX в. выявляются стратегии фиксации в словаре производных социолектных слов. Определяются факторы, обусловливающие применение той или иной стратегии (сфера словообразования – транспозиция, модификация или мутация; тип социальной подсистемы, к которой принадлежит производящее, – арго или литературный язык; наличие или отсутствие словообразовательной метафоры). Устанавливаются отличия фиксации некоторых типов производных в арготических словарях от способов толкования слов литературного языка.

Ключевые слова: онлайн-словарь, социолект, арго, производное слово, производящее слово, дефиниция, сфера словообразования, словообразовательная метафора.

The report identifies strategies of fixation of derivative sociolect words in the dictionary on the material of the Russian criminal argot of the late twentieth century. The factors contributing to the use of a particular strategy (sphere of word formation – transposition, modification or mutation; the social subsystem, which produces, – argot or literary language; the presence or absence of derivational metaphor) are determined. The differences between the fixation of some types of derivatives in argot dictionaries and the ways of interpreting the words of the standard language are established.

Key words: online dictionary, sociolect, argot, a derived word, an underlying word, definition, sphere of word formation, derivational metaphor.

Производные слова в лексической системе языка, как известно, вступают в многочисленные, разнообразные, пересекающиеся друг с другом парадигматические отношения (синонимические, антонимические, деривационные и т.д.). Поэтому неудивительно, что одна из важнейших проблем лексикографии для языков с развитой морфологией, в частности для русского языка, – фиксация и дефинирование производной лексики. Этой проблеме посвящено немало трудов, см., например [БЕЛЯКОВА 2008; БОГАЧЕВА 2009, 2015; ВЕСЕЛКОВА 2014; ГОЛЕВ 2012; ЗАЙКОВА 2008; ИСАЧЕНКО 2010; КОЗИНЕЦ 2012; КОСОВА 2013; МЕЛКОНЯН 2006; МИХАЛЕВ 2016; ЧЕРНЫХ 2015; ШАРАФУТДИНОВ 2002; ШУМАРИН 2011], тем не менее она остается и по сей день достаточно актуальной и для лексикографии, и для лексикологии в целом.

Еще большую актуальность эта проблема приобретает при составлении социолектных словарей. Редуцированность лексической системы социолекта, по сравнению с лексической системой литературного языка, и, напротив, расширение, непомерное «раздувание» каких-то отдельных ее подсистем, установление сложных, многоаспектных связей

социолектного слова не только с другими словами того же социолекта, но и с единицами внутри лексической системы всего национального языка, диффузность, расплывчатость, текучесть семантики социолектных слов – эти и многие другие свойства социолектной лексической системы ставят на повестку дня необходимость осознания особого характера отражения семантики социолектных слов в лексикографических источниках.

Между тем вопросы лексикографического отражения производной социолектной лексики долгое время не поднимались в лингвистике в целом и в русистике в частности. Данная статья может считаться попыткой теоретического осмысления указанных выше вопросов. Материалом служат многочисленные словари современного русского арго преступников конца XX – начала XXI вв. (список словарей дан в [ЛУКАШАНЕЦ 2012: 428]). Многие такие словари, особенно до 1990-х гг., были составлены неспециалистами, что вело к большому числу ошибок, неточностей, в том числе и в подаче производной лексики. Поэтому в данной работе мы будем использовать эти словари лишь как иллюстративный материал, не анализируя подробно способы дефинирования в каждом таком источнике: выявление того, как носители языка определяют производность слов, – принципиально иная задача, которой мы здесь не преследуем.

Поэтому цель нашего исследования такова: определить, какие методы, приемы, стратегии подачи производных слов, разработанные для литературного языка, могут применяться в словарях социолектов. Из всей совокупности производной лексики мы сосредоточимся на важнейшей ее части – суффиксальных существительных[1].

Важность решения этой проблемы именно для социолектных словарей определяется недостаточностью лексикографической разработки слов, характерной для многих таких словарей. Например, в одном из словарей слову *мойщик* дается дефиниция ‘карманный вор’. Однако анализ внутренней формы этого слова, а также данные других источников позволяют утверждать, что на самом деле *мойщик* ‘вор, совершающий карманные кражи при помощи бритвы’ (*мойка* ‘бритва’). Точно так же дефиниция слова *ширмач* ‘карманный вор’ заставляет считать это слово полностью синонимичным предыдущему, в то время как на самом деле это ‘вор карманный, совершающий кражи с помощью ширмы’ (*ширма* ‘предмет (напр., газета, цветы, плащ и т. д.), которым карманный вор прикрывает руку при совершении кражи’). Подобные «сокращенные» дефиниции неприемлемы для социолектных словарей, которые должны как можно более полно отобразить как сам состав лексики социолекта, так и семантику лексических единиц, будучи, по терминологии Л.В. Щербы, не словарями академического типа

[1] Рассматривается свыше 3100 арготизмов.

(выполняющими нормативную функцию), а т.н. словарями-справочниками, фиксирующими речевой узус [ДУБИЧИНСКИЙ 2008: 65].

Какие же стратегии фиксации производной лексики имеются в словарях литературного языка и какие из них используются или могут быть использованы в словарях социолектов?

1 стратегия заключается в том, чтобы вообще не фиксировать определенные типы производных слов. Например, в предисловии к словарю С.И. Ожегова [ОЖЕГОВ 1981: 11] читаем: «Некоторые грамматические разряды слов, если они принадлежат к числу легко образуемых производных слов, но в то же время не имеют устойчивого широкого распространения в языке, обычно не помещаются в словаре». И далее лексикограф перечисляет типы таких слов: отглагольные и отадъективные названия лиц, прилагательные на *-оват-*/*-еват-* и др. Понятно, что речь здесь идет о так называемых потенциальных словах. Их отсутствие в нормативных словарях оправданно. Однако поскольку социолектные словари представляют собой, как было сказано выше, словари-справочники, эта стратегия нам кажется в них абсолютно неприменимой: наличие или отсутствие слова, которое, казалось бы, с легкостью может быть образовано в социолекте, как подсистеме национального языка, является важной характеристикой лексики социолекта и определяется, в том числе, рядом факторов социального порядка.

2 стратегия – фиксировать производные слова сокращенно, гнездовым способом, при их производящем. Сошлемся опять на словарь Ожегова: «С целью сокращения объема словаря… некоторые разряды производных слов помещаются в гнездо под основным словом. … Сюда относятся такие производные слова, в которых новый смысловой оттенок создается только в связи с принадлежностью производного слова к иной грамматической категории по сравнению с основным словом: 1) отвлеченные имена существительные с суффиксами *-сть*, *-ство*, *-ота*, *-изна*…» и т.д. [ОЖЕГОВ 1981: 10–11].

Эта стратегия иногда применяется в социолектных словарях. Например, в словаре, составленном известным российским арголог М.А. Грачевым, таким образом подаются, в частности, названия лиц женского пола, ср.: «БЛАТАРЬ, -я, м. **Профессиональный преступник**. ... БЛАТАРКА, -и, ж.» [ГРАЧЕВ 1992: 49], а также некоторые другие категории слов: «БЫТОВИК, -а, м. **Непрофессиональный преступник, попавший в места лишения свободы за случайное преступление**. … БЫТОВИЧОК, -а, м.» [ГРАЧЕВ 1992: 53–54]. По-видимому, подобное предъявление слова для социолекта вполне целесообразно, так же как и для литературного языка.

3 стратегия близка к предыдущей и означает фиксацию производного слова через отсылку к производящему, но в отдельной

статье. Этот принцип применяется, в частности, в словаре Т.Ф. Ефремовой, которая попыталась представить производную лексику по возможности через связь с производящими словами и использует специальные формулы для отображения семантики таких слов, например: «для существительных: 1. Тот, кто ... . 2. Женск. к сущ. ... . 3. Лицо, имеющее ... звание, ... чин и т.п. 4. Отвлеч. сущ. по знач. прил. ... . 5. Народ, составляющий основное население ... . // Представители этого народа. 6. Процесс действия по знач. глаг. ... . 7. Действие по знач. глаг. ... . // Результат такого действия. 8. Состояние по знач. глаг. ... . 9. Уменьш. к сущ. ... . 10. Ласк. к сущ. ... . 11. Уничиж. к сущ. ... . 12. Увелич. к сущ. ..» [ЕФРЕМОВА 2000, II].

Использование такой стратегии в социолектных словарях возможно, хотя и наталкивается на некоторые трудности, главной из которых является редуцированность лексики социолекта: далеко не все из указанных Т.Ф. Ефремовой категорий производных существительных фиксируются в социолектном лексиконе. Наиболее активная зона здесь – это наименования лиц женского пола. Например, в словаре В. Быкова почти все такие слова подаются подобным образом: «Б*А*НДЕР, -а, м. Содержатель притона» – и «Б*А*НДЕРША, -и, ж. Женск. к б*а*ндер» [БЫКОВ 1994: 23]. Впрочем, и для литературного языка этот подход также не вполне безупречен, что отмечается, например, для существительных со значением женскости [ИСАЧЕНКО 2010].

При отсутствии конкретной формулы описания семантики производного слова мы имеем **4 стратегию**: семантика описывается через дефиницию, содержащую производящее слово. Г.Ф. Богачева называет такие толкования словообразовательно ориентированными (впрочем, нередко объединяя их с предыдущим типом): «приоткрыть – ‘Немного, не полностью открыть’; подплыть – ‘Плывя, приблизиться к кому-, чему-л.’» и даже «дорожник – ‘Специалист по строительству и эксплуатации дорог’» [БОГАЧЕВА 2015]. Тем самым важной чертой этой стратегии является наличие в составе дефиниции слова – не обязательно производящего, но хотя бы однокоренного.

Четвертая стратегия нередко применяется в дефинициях в социолектных словарях, хотя проследить некоторые тенденции здесь непросто. Пример из словаря Д.С. Балдаева: «**ЗАДНЯК** – задний карман брюк» [БАЛДАЕВ 1997, I: 140].

Наконец, **5 стратегия**, используемая в толковых словарях общелитературного языка, – не фиксировать производный характер слова: дефиниция не содержит производящего слова. Подобных случаев достаточно много и в социолектных словарях. Из того же словаря Балдаева: «***БАРАХЛО*** – ворованные носильные вещи … ***БАРАХОЛЬЩИК*** – скупщик краденого» [БАЛДАЕВ 1997, I: 28–29]; «**САДИЛОВКА** – остановка городского транспорта» [БАЛДАЕВ 1997, II: 25].

Описание применения пяти стратегий фиксации производных слов в социолектных словарях было бы неполным, если бы мы, хотя бы кратко, не попытались ответить на важный вопрос: от чего зависят возможность и целесообразность применение той иной стратегии? каковы причины, факторы их применения?

1 фактор, как и следовало ожидать, исходя из данных не только социолектов, но и русского национального языка вообще, – это характер семантической сферы словообразования[1]. Транспозиционные и модификационные словообразовательные типы (т.е. сферы транспозиции и модификации) здесь противопоставлены мутационным (сфере мутации), а именно: существительные, принадлежащие к двум первым сферам, обычно достаточно адекватно описываются посредством отсылки к производящему, в отличие от мутации, где объяснение семантики через производящее слово затруднено.

Проиллюстрируем на примерах. Арготические отадъективные и отглагольные существительные со значениями, соответственно, «отвлеченный непроцессуальный признак» и «отвлеченный процессуальный признак»[2], могут быть поданы в социолектном словаре в соответствии с 3 стратегией: *борзость* ‘отвлеч. сущ. по знач. прил. *борзый*’ (*борзый* ‘наглый’ → *борзость* ‘наглость’[3]); *гонево* ‘отвлеч. сущ. по знач. глаг. *гнать’* (*гнать* ‘лгать’ – *гонево* ‘ложь’).

Среди производных существительных с модификационными значениями выделим, прежде всего, названия лиц женского пола и собирательные существительные. Здесь, по нашему мнению, возможно применение как 2, так и 3 стратегий: *бандер* ‘содержатель притона; женск. *бандерша’; ксива* ‘документ; собир. *ксивота’* (2 стратегия) и *бандерша* ‘женск. к *бандер,* см.’; *ксивота* ‘собир. к *ксива,* см.’ (3 стратегия). В то же время существительные с так называемыми суффиксами стилистической модификации требуют особого отношения. Дело в том, что существующие арготические, социолектные словари не фиксируют элементов уменьшительности, ласкательности и т.п. в семантике таких существительных: *бацилла* ‘передача заключенному’ → *бацилка* ‘передача заключенному’. Это позволяет дать таким производным толкование в соответствии с 3 стратегией: *бацилка* ‘то же, что *бацилла,* см.’.

Все вышесказанное можно обозначить схематически следующим образом (см. рисунок 1).

---

[1] «Этот рабочий термин используется в понимании, восходящем к М. Докулилу…, – как сферы значений транспозиции, мутации и модификации» [ЛУКАШАНЕЦ 2012: 185].

[2] Здесь и далее значения словообразовательных типов формулируются так, как это сделано в академической грамматике русского языка 1980-го г. [РУССКАЯ ГРАММАТИКА 1980, I].

[3] В скобках показано значение арготизмов.

семантическая сфера словообразования

транспозиция и модификация ⇩ 2 или 3 стратегия

мутация

Рисунок 1 – Схема действия 1 фактора

Далее, рассмотрим несколько словообразовательных пар с транспозиционными производными. С одной стороны, в арго имеется большое число пар с указанными выше значениями, ср.: *выкладывать* ‘признаваться чистосердечно’ → *выкладка* ‘признание в совершении преступления’, *дербанить* ‘делить добычу’ → *дербанка* ‘дележ добычи’, *коцать* ‘избивать’ → *коцка* ‘избиение’, *насаживать* ‘совершать кражи при посадке в транспорт’ → *насадка* ‘кража карманная в транспорте или во время посадки в него’. Как уже говорилось ранее, значение таких производных полностью описывается соответствующей формулой вроде «действие по глаголу …» или «признак по прилагательному…» либо такие производные помещаются в статью соответствующего производящего (3 или, возможно, 2 стратегия). С другой стороны, фиксируются пары другого типа: *заманить* → *заманка* ‘умышленный проигрыш для вовлечения игрока в картежную игру’, *вскрыть* → *вскрылка* ‘членовредительство’. Понятно, что в двух последних примерах арготизмы образованы от общелитературных слов, что исключает возможность применения к их толкованиям 2 или 3 стратегии. Здесь мы находим 5 стратегию, при которой дефиниция не содержит производящего слова.

Похожая ситуация – у существительных с суффиксами стилистической модификации. Если, как было показано выше, отарготические производные демонстрируют по сути тождество значений: *алюра* и *алюрка* ‘любовница’, *гитара* и *гитарка* ‘ломик для взлома’, *собака* и *собачка* ‘замок навесной’, *верх* и *верхушка* ‘карман пальто и пиджака наружный боковой’; то в случае образования не от арготизмов наблюдаются другие тенденции: *амнуха* ‘амнистия’, *туник* ’тунеядец’. Тем самым для первых предпочтительным можно считать толкование типа «то же самое, что …», включающее производящее слово (3 стратегия). В словарных статьях слов типа *амнуха* и *туник* мы видим с точностью только одно производящее слово, что можно считать видоизменением 4 стратегии.

Таким образом, имеется еще один фактор, обусловливающий применение той или иной стратегии к построению толкования (см. рисунок 2). Покажем схематически его действие для транспозиции и модификации.

тип социальной подсистемы производящего

арго (социолект) литературный язык

⇩ ⇩

2 или 3 стратегия 4 или 5 стратегия

Рисунок 2 – Схема действия 2 фактора для сфер транспозиции и модификации

Перейдем к рассмотрению сферы мутации. Отметим, что и для словарей литературного языка в этом случае характерно применение в основном 4 стратегии (толкование содержит производящее слово), а 3 стратегия («формульная») встречается очень редко. Так, в словаре Ожегова ни один словообразовательный тип существительных с мутационным значением не описывается через формулу, и даже в словаре Ефремовой, который в принципе ориентирован на описание именно словообразовательной семантики, выделяются только три таких типа (см. выше: «1. Тот, кто ... . 3. Лицо, имеющее ... звание, ... чин и т.п. 5. Народ, составляющий основное население ... . // Представители этого народа»).

В нашем арготическом материале мы зафиксировали только один случай использования формулы «тот, кто…» – и то только для отсубстантивного производного: *туфтач* ‘тот, кто занимается туфтой’ [ГРАЧЕВ 1992]. Примеров 4 стратегии – крайне мало, например: *кукольник* получает дефиниции ‘мошенник, использующий **куклу**’ [БЫКОВ 1994], ‘мошенник, обманывающий при помощи **куклы** в зн. 1 (см.)’ [БАЛДАЕВ 1997], ‘уголовник, совершающий преступления при помощи **кукол**’ [ГРАЧЕВ 1992].

Отглагольные арготизмы со значением «носитель процессуального признака» вообще не получают таких толкований.

Какие же толкования встречаются у мутационных производных с арготическими производящими? Сравним: *абвер* ‘оперчасть ИТУ’ → *абверовец* ‘осужденный, сотрудничающий с оперчастью ИТУ’, *шпилить* ‘играть в карты’ → *шпилер* ‘игрок в карты’. Дефиниция содержит не производящее арготическое слово, а его литературный синоним / дублет, который включен в дефиницию производящего слова. Эта стратегия не может быть обнаружена в толковых словарях литературного языка: она базируется на вторичности арго как социальной подсистемы русского национального языка – по отношению к языку литературному. Поскольку такие толкования фиксируют связь деривационного характера, хотя и в опосредованном виде, обозначим эту стратегию как **4а**. Тем самым 2 фактор приобретает для мутационных производных следующий вид (см. рисунок 3).

тип социальной подсистемы производящего

арго (социолект) литературный язык

⇩

4а стратегия

Рисунок 3 – Схема действия 2 фактора для сферы мутации

Однако если арготизм с мутационным значением образован от литературного слова, картина меняется. В одних случаях мы видим применение 4 стратегии: *карманный* → *карманка* ‘кража карманная’, *отказываться* → *отказчик* ‘заключенный, отказывающийся работать’, *чердак* → *чердачник* ‘вор, совершающий кражи с чердаков’. В других же – такого не происходит. Например: *певучий* → *певучка* ‘гитара’, *грохотать* → *грохотули* ‘сапоги’, *радикулит* → *радикулитчик* ‘костыль’. Применяется 5 стратегия, не эксплицирующая связи между производящим и производным словами. Это происходит потому, что данные производные являются результатом т.н. словообразовательной метафоры [КОЗИНЕЦ 2009] или, по другой терминологии, – метафорической мотивации [ПОЛЯНИНА 2006, ТАШЛЫКОВА 1994]: при образовании арготизма происходит как бы взаимодействие словообразовательного значения и метафорического переноса. В литературном языке лексикографически описать такие слова также непросто, они получают разные толкования: «Анализ материала показал, что словообразовательные метафоры в зависимости от способов толкования их лексического значения делятся на три группы: 1) содержат (могут содержать) ссылку на производящее; 2) содержат (могут содержать) ссылку на однокоренное слово; 3) не содержат и не могут содержать ссылки на производящее или однокоренное слово. Ссылка на производящее слово осуществляется по-разному: – с помощью перифразы, в том числе с оборотами *тот, кто*; *то же, что* и др. ….; – с помощью сравнительных конструкций *как кто/что*, *похожий на кого/что*; *напоминающий кого/что*, *подобный кому/чему*. …; – включаться в толкование через синонимический ряд …; – включаться в историческую справку…» [КОЗИНЕЦ 2012]. В силу вторичности арго первые два способа лексикографического описания словообразовательных метафор не применяются: никакой отсылки к производящему в таких случаях, как мы видим, не дается.

Таким образом, 3 фактор, влияющий на применение той или иной стратегии описания значения арготизма, – это наличие / отсутствие словообразовательной метафоры. Этот фактор действует только для производных от литературных производящих, причем в основном для дериватов с мутационными значениями (см. рисунок 4).

Рисунок 4 – Схема действия 3 фактора

Применение разных стратегий построения толкований арготических производных слов, с учетом факторов, их обусловливающих, показано в таблице 1.

Таблица 1 – Стратегии фиксации арготической производной лексики в словарях

Семантическая сфера словообразования	**Тип производящего (в соответствии с социальной подсистемой)**		**Стратегия**				
			2	3	4	4а	5
Транспозиция	арготическое		+	+			
	литературное						+
Модификация	арготическое		+	+			
	литературное			+	+		
Мутация	арготическое					+	
	литературное	без словообразовательной метафоры			+		
		со словообразовательной метафорой					+

В этой таблице хорошо виден больший «разброс» стратегий, во-первых, для сферы мутации, а во-вторых, для арготизмов, образованных от литературных слов. Это коррелирует с отмеченной нами [ЛУКАШАНЕЦ 2012: 313–315] диффузностью арготического словообразования, проявляющейся в большей степени а) в сфере мутации и б) при образовании от слов литературного языка. Это, в свою очередь, могло бы заставить составителей арготических словарей с большим вниманием отнестись именно к этим типам производных слов (отлитературных мутационных), а при лексикографировании арготизмов транспозиционной и модификационной сфер – опираться в целом на способы и приемы, разработанные лексикографами для литературного языка.

Литература

БАЛДАЕВ 1997: *Д.С. Балдаев*. Словарь блатного воровского жаргона: в 2-х томах. – М.

БЕЛЯКОВА 2008: *Г.В. Белякова*. Лексикографическая репрезентация суффиксальных локативных существительных. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/leksikograficheskaya-reprezentatsiya-suffiksalnyh-lokativnyh-suschestvitelnyh. – Дата доступа: 20.01.2018.

БОГАЧЕВА 2009: *Г.Ф. Богачева*. Внутренняя форма слова в лексикографическом рассмотрении // Русский язык за рубежом. – № 4. – С. 68–74.

БОГАЧЕВА 2015: *Г.Ф. Богачева*. Словообразовательные свойства лексической единицы как одна из составляющих словарного толкования. – Режим доступа: http://ucom.ru/doc/na.2015.10.04.481.pdf. – Дата доступа: 11.02.2018.

БЫКОВ 1994: *В. Быков*. Русская феня. – Смоленск.

ВЕСЕЛКОВА 2014: *Т.В. Веселкова*. Исследование способов отображения однотипного содержания производных слов разных словообразовательных типов. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sposobov-otobrazheniya-odnotipnogo-soderzhaniya-proizvodnyh-slov-raznyh-slovoobrazovatelnyh-tipov. – Дата доступа: 30.05.2018.

ГОЛЕВ 2012: *Н.Д. Голев*. Деривационные ассоциации русских слов: теоретический и лексикографический аспекты. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/derivatsionnye-assotsiatsii-russkih-slov-teoreticheskiy-i-leksikograficheskiy-aspekty. – Дата доступа: 11.03.2019.

ГРАЧЕВ 1992: *М.А. Грачев.* Язык из мрака. – Нижний Новгород.

ДУБИЧИНСКИЙ 2008: *В.В. Дубичинский*. Лексикография русского языка: учеб. пособие. – М.

ЕФРЕМОВА 2000: *Т.Ф. Ефремова*. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.

ЗАЙКОВА 2008: *Е.С. Зайкова*. Русская деривационная лексикография: история, теория, практика : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01. – Екатеринбург.

ИСАЧЕНКО 2010: *О.М. Исаченко*. Проблемы описания производных женских агентивных имен в современных толковых словарях. – Режим доступа: https://nsu.ru/xmlui/bitstream/handle/nsu/6593/05.pdf. – Дата доступа: 14.06.2018.

КОЗИНЕЦ 2009: *С.Б. Козинец*. Словообразовательная метафора в русском языке : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01. – М.

КОЗИНЕЦ 2012: *С.Б. Козинец*. Проблемы лексикографического описания словообразовательных метафор. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-leksikograficheskogo-opisaniya-slovoobrazovatelnyh-metafor. – Дата доступа: 22.06.2019.

КОСОВА 2013: *В.А. Косова*. О формализации словарных толкований производных слов. – Режим доступа: http://science-education.ru/ru/article/view?id=11155. – Дата доступа: 11.03.2019.

ЛУКАШАНЕЦ 2012: *Е.Г. Лукашанец*. Словообразование в арго: система способов и типов деривации. – Saarbrücken.

МЕЛКОНЯН 2006: *Г.А. Мелконян*. Лексикографирование производных существительных и проблема омонимии. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/leksikografirovanie-proizvodnyh-suschestvitelnyh-i-problema-omonimii. – Дата доступа: 05.06.2019.

МИХАЛЕВ 2016: *Г.И. Михалев*. Системные отношения в лексике и лексикографические традиции описания семантики относительных прилагательных https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnye-otnosheniya-v-leksike-i-leksikograficheskie-traditsii-opisaniya-semantiki-otnositelnyh-prilagatelnyh. – Дата доступа: 21.05.2019.

ОЖЕГОВ 1981: *С.И. Ожегов*. Словарь русского языка. 13-е изд., испр. – М.

ПОЛЯНИНА 2006: *Е.В. Полянина*. Метафорические процессы в словообразовании (на материале производных глаголов с образной мотивацией) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Волгоград.

РУССКАЯ ГРАММАТИКА 1980: Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.

ТАШЛЫКОВА 1994: *М.Б. Ташлыкова*. Метафорическая мотивация и ее место в словообразовательной системе // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: семантика и функционирование. – Томск. – Ч. 1. – С. 169–177.

ЧЕРНЫХ 2015: *М.А. Черных*. Лексикографическое описание имен существительных – номинаций лиц по профессии в русском языке XXI в. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/leksikograficheskoe-opisanie-imen-suschestvitelnyh-nominatsiy-lits-po-professii-v-russkom-yazyke-hhi-veka. – Дата доступа: 12.06.2019.

ШАРАФУТДИНОВ 2002: *Д.Р. Шарафутдинов*. Особенности представления субстантивных синтаксических дериватов в толковых словарях современного русского языка. – Режим доступа: http://book.lib-i.ru/25filologiya/391542-1-d-sharafutdinov-osobennosti-predstavleniya-substantivnih-sintaksicheskih-derivatov-tolkovih-slovaryah-sovre.php. – Дата доступа: 17.08.2019.

ШУМАРИН 2012: *С.И. Шумарин*. Лексикографическое представление семантических и деривационных процессов в сфере аббревиации. – Режим досступа: https://cyberleninka.ru/article/n/leksikograficheskoe-predstavlenie-semanticheskih-i-derivatsionnyh-protsessov-v-sfere-abbreviatsii. – Дата доступа: 22.06.2019.

Николина Наталия
Московский педагогический государственный университет,
Россия, Москва
ruskafedra314@gmail.ru

СЛОВАРИ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

В статье дается характеристика словарей индивидуально-авторских новообразований в художественной речи, рассматривается структура словарной статьи в них, определяются критерии отбора языкового материала, сопоставляется построение словарной статьи в различных словарях, ставится вопрос о целесообразности наличия толкований лексических единиц, представленных в словарях индивидуально-авторских новообразований.

Ключевые слова: лексикография, словарь, индивидуально-авторские новообразование, окказионализм, потенциальное слово, структура словарной статьи.

The article gives the characteristics of dictionaries of author neologisms in literary texts, considers the structure of dictionary items. The criteria of language material take off is defined. The comparison of vocabulary items structure in different dictionaries is conducting in the article. The author places the question of relevance of words interpretation in such dictionaries.

Key words: lexicography, dictionary, author neologism, occasionalism, prospective word, dictionary item structure.

Словари индивидуально-авторских новообразований занимают особое место в системе словообразовательных словарей. С одной стороны, они относятся к авторской лексикографии и сближаются с толковыми словарями в том случае, если в них даются толкования представленных окказионализмов и потенциальных слов. С другой стороны, в большинстве подобных словарей указываются способы словообразования, либо приводится мотивирующее новообразование слово. Таким образом, эти словари могут рассматриваться как собственно словообразовательные.

Списки индивидуально-авторских новообразований начали составляться в XIX веке. Так, Я.П. Полонский подготовил список неологизмов В. Бенедиктова [РУССКАЯ... 2003: 95]. В 1957 г. Н.И. Фельдман был поставлен вопрос о создании обобщающего словаря индивидуально-авторских новообразований. Однако до сих пор нет словаря, в котором были бы представлены потенциальные и окказиональные единицы, извлеченные из большого массива художественных текстов. Его создание вряд ли возможно, однако регулярно фиксируются новообразования отдельных авторов, хотя это также затрудняется рядом факторов.

Трудности составления словарей индивидуально-авторских новообразований определяются:

1) недостаточной изученностью индивидуально-авторских новообразований в художественной речи XVIII–XIX вв.;

2) отсутствие словарной фиксации единиц живой разговорной речи и городского просторечия, особенно в текстах XVIII–XIX вв.;

3) неполнотой сведений о первичности того или иного новообразования и времени его создания;

4) размытостью значений многих авторских неологизмов и их семантическими преобразованиями в тексте;

5) большим массивом новообразований, встречающихся в художественной речи XIX – XXI вв.

Кроме того, одно и то же новообразование может параллельно использоваться двумя (и более) авторами, что затрудняет установление первичности их употребления. Рассмотрим, например, использование слова *лунность* в поэтических текстах XX века:

Благоухает, *лунность* млеет
В медлительном глагольном ла!
(Вячеслав Иванов. Славянская женственность; б/д)

Лунностью полон небесный простор…
(К. Бальмонт. Косогор; б/д)

Неуютная жидкая *лунность*
И тоска бесконечных равнин…
(С.Есенин <1925>)

Не спится мне. Такая *лунность*!
(С. Есенин. Какая ночь! <1925>)

Я знал вас в солнечности, в *лунности*…
(И.-Северянин. Стихи о реках. 20-е гг.)

…А после не любишь, а может быть, любишь,
И листья, и *лунность* меняешь на людскость.
(Е. Евтушенко. Я старше тебя… <1964>)

Анализ примеров показывает, что невозможно точно установить, кто именно первым употребил слово *лунность*. Предположительно, это К. Бальмонт или Вячеслав Иванов. Фиксация же этого деривата в словаре новообразований Е. Евтушенко, где он представлен, таким образом, вряд ли оправданна.

В большинстве случаев авторские новообразования рассматривались не в специальных словарях, включающих только их, а фиксировались в

конкордансах или общих словарях языка писателя. Начиная с 90-х гг. XX века оживляется интерес к созданию словарей новообразований в художественной речи, активизируется работа по лексикографированию индивидуально-авторских неологизмов, при этом расширяется круг писателей, к творчеству которых обращаются исследователи. На рубеже XX–XXI вв. появляются и электронные словари, например, «Словарь окказионализмов Андрея Вознесенского» И.С. Самохина.

В настоящее время создан ряд словарей индивидуально-авторских новообразований:

Валавин В.Н. Словотворчество Маяковского. Опыт словаря окказиональной лексики. – М., 2010.

Изотов В.П. Окказионализмы В.С. Высоцкого. Опыт словаря. – Орел, 1998.

Колесников Н.П. Словарь неологизмов В.В. Маяковского. – Тбилиси, 1991.

Масленников Д.Б. Словарь окказиональной лексики футуризма. – Уфа, 2000.

Намитокова Р.Ю., Нефляшева И.А. Слово поэта: Опыт словаря авторских новообразований Е. Евтушенко. – Майкоп, 2009.

Никульцева В.В. Словарь неологизмов Игоря-Северянина. – М., 2008.

Перцова Н.Н. Словарь неологизма Велимира Хлебникова. – Wein, Moskau, 1995.

Словарные статьи в этих словарях имеют во многом сходную структуру, однако между ними есть и существенные различия, прежде всего это касается наличия/отсутствия толкований. Так, в «Словаре неологизмов Велимира Хлебникова» не указывается способ словообразования, не дается толкование новообразований.

В «Словаре неологизмов Игоря Северянина» последовательно приводятся толкования, указывается мотивирующее слово: *Бездо́ний*, -ьего, прил. Не имеющий дна; бездонный. В моем порыве – глубь бездонья! («Елизаветино Кикерино», 1918, С. 46). Цирк. ←дно[1] [НИКУЛЬЦЕВА 2008: 30].

В словаре «Окказионализмы В.С. Высоцкого» также даются толкования новообразований, при этом, хотя и непоследовательно, указываются способы их образования.

Например:

«*Насекомо*. …И поживают, кажется, вполне не насекомо» (Гербарий)

Наречие *насекомо*, образованное суффиксальным способом от слова насекомое, имеет значение ‘подобно насекомому’. Оно создано по

[1] Цирк. – циркумфиксальный способ словообразования.

продуктивной модели, выполняет синтаксическую функцию обстоятельства образа действия» [ИЗОТОВ 1998: 42].

Ср.: *Неуют*. «Уже в Париже неуют…»

«Отсутствие уюта» [ИЗОТОВ 1998: 43].

В этом словаре представлены в ряде случаев и развернутые оценочные комментарии составителя, например:

«*Палачий*… На мой взгляд, «правильнее» было бы … употреблено слово *палаческий*. Изобретение новообразования нельзя объяснить требованиями ритма… Слово *палачий* указывает на нечеловеческую сущность человека» [ИЗОТОВ 1998: 52]. В настоящее время преобладают словари новообразований, зафиксированных в поэтических текстах, однако уже можно говорить и о прозаической неографии. Ведется работа по созданию словаря новообразований Н.С. Лескова, В.В. Набокова, Саши Соколова. «К авторским неологизмам применена методика создания не только дифференциального монографического, но и сводного словаря…» [ШЕСТАКОВА 2018: 142]; см., например, работу Д.Б. Масленникова «Словарь окказиональной лексики футуризма» (Уфа, 2000), включающий окказионализмы, встречающиеся в текстах различных поэтов кубофутуризма.

«Словарь неологизмов Велимира Хлебникова» Н.Н. Перцовой, на наш взгляд, имеет наиболее продуманную структуру. Новообразования Хлебникова делятся на морфологически интерпретируемые и неинтерпретируемые, соответственно, в особом разделе рассматриваются заумь и единицы звездного языка.

Словарная статья «морфологически интерпретируемого слова», т.е. слова, образованного по модели, характерной для русского словообразования, состоит из следующих рубрик:

1) заглавное слово;
2) его возможные варианты;
3) адреса словоупотребления в поэзии Хлебникова;
4) адреса описания данного слова в научной литературе [RV] и [ВГ]);
5) часть речи;
6) мотивирующее слово;
7) ассоциации, связанные со словом;
8) примеры употребления данного слова у Велимира Хлебникова.

В «Словаре неологизмов Велимира Хлебникова» представлены также словообразовательные гнезда, объединяющие однокоренные единицы; см., например, гнездо слов с корнем *бег-*: *бегава, бегач, бегва, бегиня, беглюд, беговол, бегославль, бегственный, бегуша, сумабеглец* и др. Обращение к словообразовательным гнездам позволяет выявить системный характер новообразований в идиолекте поэта.

Наряду с гнездовым словарем, в издании представлен и обратный словарь неологизмов, в результате в центре внимания оказывается звуковая организация новообразований, что важно для многоаспектного описания поэтических текстов Велимира Хлебникова.

Дискуссионным вопросом остается вопрос о необходимости толкований лексических единиц в словарях авторских неологизмов. Как отмечает С.Б. Козинец, толкование «лексического значения новообразования отличается от традиционного, это, скорее, попытка личной интерпретации» [КОЗИНЕЦ 2019: 81]. Слово в художественном тексте – знак индивидуального поэтического мира, репрезентирующий различные смыслы и обогащающийся в произведении дополнительными семантическими обертонами. Оно всегда интенционально и часто интертекстуально.

С точки зрения О.Г. Ревзиной, «словарные значения… не годятся для дискурсного поэтического слова» [РЕВЗИНА 2003: 434]. Показательно, что толкования новообразований, как уже отмечалось, отсутствуют и в «Словаре неологизмов Велимира Хлебникова»: Н.Н. Перцова сознательно отказалась от них, поскольку, по ее мнению, определить значение окказионализма в поэтическом тексте чрезвычайно трудно, а «у Хлебникова в одном словоупотреблении могут сочетаться несколько значений слова» [ПЕРЦОВА 1995: 38].

Многие толкования в словарях индивидуально-авторских новообразований явно неточны или субъективны. Рассмотрим, например, ряд толкований в «Словаре неологизмов Игоря-Северянина» В.В. Никульцевой:

Морево, нар. Как море; шумно, величаво. В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом / По аллее олуненной Вы проходите *морево*…» [НИКУЛЬЦЕВА 2008: 162].

Малинить – привлекать, как малина: «Всех улыбкой *малинит*, всех глазами фиолит…» [НИКУЛЬЦЕВА 2008: 154].

Марийность – качество, присущее Богоматери – Деве Марии; чистота, непорочность: Да, в металлической стихийности… / Лишь доля малая “марийности”…» [НИКУЛЬЦЕВА 2008: 155].

В первом случае неясно, почему слову *морево* приписывается значение ‘величаво’. Возможны и другие варианты интерпретации семантики этого новообразования, например, указание на цвет. Ср. с контекстом в другом стихотворении Северянина: Небо – морево.

Во втором случае вряд ли глагол *малинит* имеет значение ‘привлекает, как малина’. Контекст показывает, что скорее всего, как и глагол *фиолит*, он дает цветовую характеристику губ лирической героини.

Наконец, в третьем случае толкование слова *марийность* явно обеднено, при этом не учитывается реализуемое в контексте противопоставление *стихийность – марийность*.

Представляется, что толкование слов в словарях индивидуально-авторских новообразований возможно лишь применительно к потенциализмам, но и в этом случае они или избыточны, или не учитывают дополнительные приращения смысла, которые возникают у слова в поэтическом тексте.

Требует уточнения отбор лексических единиц для словарей индивидуально-авторских новообразований. Обзор их показывает, что в них часто неоправданно включаются:

- потенциальные слова, часто встречающиеся в речи;
- функциональные омонимы, отличающиеся от узуальных слов синтаксической позицией;

Мореет, шинам хрустче. *Бездумно* и бесцельно (И.-Северянин),

Сердцу *сумеречно* (И.-Северянин);

- конструкции с приложением: *моряк-скиталец, соловей-солист* и др.;
- узуальные единицы, приобретающие в поэтическом контексте переносное образное значение: Как глубоко и *солнечно* любила! (И.-Северянин).

Из словарей индивидуально-авторских новообразований должны быть исключены встречающиеся в них диалектизмы, просторечные единицы, звукоподражания, фольклорные стяжения: *соловка* (самка соловья), *мукомолка* (мельница), *шампань* (шампанское), *чьюх-чьюх, печаль-тоска*. Не являются новообразованиями и единицы, отражающие особенности авторского произношения, например, *до-ороpога* (В. Высоцкий).

Потенциальные слова, неоднократно встречающиеся в текстах различных типов, в том числе и нехудожественных, могут быть включены в словарь новообразований в том случае, если они подверглись существенной семантической трансформации.

Словарная статья в рассматриваемом типе словарей должна быть упорядочена. В настоящее время, как отмечает Л.Л. Шестакова, «совокупная словарная статья словаря … может содержать более десяти параметров, дающих многосторонний портрет описываемого неологизма. Пока в системе параметров слабо выражены стилистический и лингвопоэтический компоненты. Лишь отдельные словари фиксируют эмоционально-экспрессивную окраску неологизма, его метафорическое употребление и т.п.» [ШЕСТАКОВА 2018: 143].

Словарная статья в словаре индивидуально-авторских новообразований, с нашей точки зрения, должна включать:

- слово в исходной форме,
- его акцентологическую и морфологическую характеристику,
- указание на время создания неологизма;

- сведения об источнике и контекст, в котором употреблено новообразование;

- мотивирующее его слово;

- указание на способ словообразования;

- словообразовательную модель и примеры слов того же словообразовательного типа;

- лингвостилистическую характеристику слова, если оно значимо для интерпретации текста или художественного мира автора.

Литература

АЛЕКСАНДРОВА 1969: *О.И. Александрова*. Окказиональные безаффиксные существительные женского рода в поэтических произведениях начала XX века// Учен.записки Арзамасского пед.ин-та, Вып. 95. – Горький. – С. 193–227.

ВАЛАВИН 2010: *В.Н. Валавин*. Словотворчество Маяковского. Опыт словаря окказиональной лексики. – Москва.

ИЗОТОВ 1998: *В.П. Изотов*. Окказионализмы В.С.Высоцкого. Опыт словаря. – Орел.

КОЗИНЕЦ 2019: *С.Б. Козинец*. Разные подходы – разные словари: особенности лексикографирования окказионализмов // Национальные коды в языке и литературе. – Нижний Новгород. – С. 78–85.

КОЛЕСНИКОВА 1991: *Н.П. Колесникова*. Словарь неологизмов В.В. Маяковского. – Тбилиси.

МАСЛЕННИКОВ 2000: *Д.Б. Масленников*. Словарь окказиональной лексики футуризма. – Уфа.

НАМИТОКОВА, НЕФЛЯШЕВА 2009: *Р.Ю. Намитокова*, *И.А. Нефляшева*. Слово поэта: Опыт словаря авторских новообразований Е.Евтушенко. – Майкоп.

НИКУЛЬЦЕВА 2008: *В.В. Никульцева*. Словарь неологизмов Игоря-Северянина. – Москва – 380 с.

ПЕРЦОВА 1995: *Н.Н. Перцова*. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. – Wien, Moskau. – 560 с.

РЕВЗИНА 2003: *О.Г. Ревзина*. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой // Русская авторская лексикография XIX – XX веков. – М. – С. 443–446.

РУССКАЯ… 2003: Русская авторская лексикография XIX – XX веков. – М., 2003. – С. 510.

ШЕСТАКОВА 2018: *Л.Л. Шестакова*. Авторские неологизмы в словарной перспективе // Неология как проблема лингвистической поэтики. – Москва. – С. 142–144.

Niševa Božana
Slovanský ústav AV ČR, Česká Republika, Praha
niseva@slu.cas.cz

ODVOZENÁ SLOVA V ČESKÝCH A BULHARSKÝCH SLOVNÍCÍCH NEOLOGIZMŮ

Příspěvek je zaměřen na konfrontační analýzu odvozených slov zaznamenaných v českých a bulharských slovnících neologismů. Cílem je zkoumat konkurenci slovotvorných způsobů a prostředků, které se účastní tvoření vybraných typů nových odvozených jmen (substantiv a adjektiv) registrovaných v těchto slovnících. Slovotvorná konkurence se interpretuje se zřetelem k expresivizačním (kolokvializačním) procesům i k procesům intelektualizace spisovného jazyka, tj. k procesům a tendencím vzájemně protikladným. V příspěvku se ukazuje, že konkurence jak na úrovni synchronní dynamiky v rovině slovotvorné, tak na úrovni vývojových tendencí je úzce spjata s typologickými rysy češtiny a bulharštiny projevujícími se v obou specifických jazykových situacích.
Klíčová slova: odvozená slova, slovníky neologizmů, dynamika českého a bulharského lexika, variantnost, konkurence.

The paper is focused on a confrontation analysis of derivative words encountered in Czech and Bulgarian dictionaries of neologisms. The aim is to survey competing word-formation methods and means involved in forming selected types of new derivative nouns and adjectives listed in those dictionaries. Word-formation competition is explained with regard to expressivization (colloquialization) as well as intellectualization processes of the literary language, i. e. to mutually opposed processes and tendencies. The paper demonstrates that at the level of synchronous dynamics in word-formation as well as at the level of development tendencies, competition is closely tied to typological features of Czech and Bulgarian that show themselves in both specifically evolving language situations.
Key words: derivative words, neologism dictionaries, dynamics of the Czech and Bulgarian lexis, lexical variants, lexical competition.

Úvodem

Po r. 1989 nabývá intenzity studium neologizace jako jednoho ze zásadních projevů dynamiky slovních zásob slovanských jazyků tradičně spojované se změnami společensko-politické situace slovanských zemí. Ukazuje se, že vedle dynamizujících faktorů, mezi něž patří tzv. globalizace, internetizace komunikace apod., je aktuální průběh a charakter neologizace podmiňován také vstupem části slovanských zemí do evropského geopolitického prostoru, tj. skutečností, že slovanské jazyky začínají fungovat jako součást evropského jazykového prostoru, v němž dominuje tzv. *eurojazyk* neboli *eurospeak*, společný pro politiky a úředníky různých národností. Nové pojmenovací a komunikační potřeby, jež vznikají v těchto (stručně a zdaleka ne vyčerpávajícím způsobem popsaných) podmínkách, se promítají i do lexikografického popisu nejnovější lexikální vrstvy. Neografie hledá specifické přístupy nejen ke slovníkovému registrování a výkladu jednotlivých nových slov z dynamicky se vyvíjejících komunikačních oblastí současných spisovných

jazyků, ale též k zachycení vzájemných vztahů neologizmů se zřetelem k systémovému vývoji v současném, tj. kratším časovém úseku.

Soustřeďujeme-li se zde na odvozená slova, je třeba uvést, že v odborné literatuře zabývající se dynamikou slovanské slovotvorby jsou derivační procesy v slovanských jazycích viděny v protikladu k procesům, které posilují tendenci k analytizmu.[1] Procesy derivační jsou pojímány jakožto realizace typologických (imanentních) rysů slovanských jazyků. V rámci jednotlivých vývojových tendencí jsou za nejaktivnější považovány tyto derivační procesy:[2] a) u tendence k internacionalizaci je zjišťován nárůst jmenné prefixace a sufixace při slovotvorné adaptaci přejímek a též kombinace afixů/afixoidů internacionálního (angloamerického) původu s domácími/zdomácnělými základy; b) s vyrovnávacími tendencemi[3] je spojováno užití slovotvorného repertoáru domácího původu při tvoření protějšků k přejatým slovům; c) v rámci tendence k intelektualizaci je zdůrazňováno tvoření abstrakt domácími nebo řecko-latinskými formanty; d) k demokratizační tendenci se vztahuje užití příznakových formantů u nových expresivních jednotek.

V tomto příspěvku vycházíme z materiálu v následujících bulharských a českých slovnících neologizmů: *Речник на новите думи в българския език* [РНДЗБЕ 2001], *Речник на новите думи и значения в българския език* [РНДБЕ 2010] a *Nová slova v češtině. Slovník neologizmů* [SNČ 1 1998] *Nová slova v češtině. Slovník neologizmů 2* [SNČ 2 2004]. Slovníkově zpracovaný materiál doplňujeme vlastní excerpcí z psaných mediálních textů publikovaných na internetu. Cílem konfrontační analýzy je popsat konkurenci slovotvorných prostředků a způsobů, které se účastní tvoření vybraných typů nových odvozených substantiv a adjektiv. Slovotvornou konkurenci v oblasti jmenné derivace dále rozebíráme se zřetelem k expresivizačním (kolokvializačním) procesům a k intelektualizaci spisovného jazyka, tj. k procesům a tendencím vzájemně protikladným. Opíráme se o názor O. Martincové [MARTINCOVÁ 2003: 38], že „se slovníky nových slov lze počítat nejen jako s jednou ze složek *materiálové báze* (vedle dalších zdrojů), ale také, že s těmito slovníky je možno v té či oné míře počítat při zjišťování a vytváření *vlastní jevové základny*, tj. při zjišťování repertoáru jevů relevantních pro komparativní zkoumání inovačních procesů a tendencí."

1. Variantnost a konkurence prefixů/prefixoidů při tvoření nových českých a bulharských substantiv

V slovanských jazycích je prefixace pokládána za slovotvorný postup pro odvozování podstatných jmen méně typický než sufixace,[4] avšak během

[1] Viz např. E. Matijaševič [МАТИЯШЕВИЧ 2000: 142–148].
[2] Viz např. [OHNHEISER 2003 aj].
[3] K tomuto termínu viz blíže [MARTINCOVÁ 2005, 2017].
[4] Viz např. [DOKULIL a kol. 1986], 231; [РАДЕВА 1987, 75 aj].

posledních třiceti let je pozorována postupná změna.[1] V slavistických výzkumech je obecně uznáváno, že jmenná prefixace má centrální úlohu při překonávání systémového napětí vyvolávaného protichůdným působením internacionalizace a procesů, které ji vyrovnávají.

1.1 Soubory nových substantiv tvořených tzv. klasickými předponami jsou doložené jak v českých, tak v bulharských slovnících nových slov i v naší excerpci. Mezi nejfrekventovanějšími jmennými prefixy v obou jazycích jsou prvky přejaté. K útvarům s cizími předponami se postupně začínají přimykat neologizmy s předponami domácími, přičemž se za jistých podmínek mezi členy takto vznikajících izolexémních dvojic ustalují vztahy konkurenční.

1.1.1 Uvedený proces se projevuje se značnou intenzitou u deverbálních substantiv s cizím formantem **re-/pe-** a s domácí předponou **pře-/пре-** ve významu ‚opětná činnost vedoucí k obnovení vlastnosti, nebo předmětu, jevu označeného základem', např. č. *refinancování – přefinancování, relogování – přelogování,* b. *реинсталация – преинсталация, ресертификация – пресертификация* apod. Pouze v češtině je u dějových substantiv doložená též konkurence prefixů **de-** a **od-** se sémantikou ‚odebrání nebo zbavení se vlastností tkvících ve významu substantivního základu', např. *demonopolizace – odmonopolizace, detabuizace – odtabuizace* aj.[2]

1.1.2 Další výraznou skupinu tvoří izolexémní dvojice, jejichž vznik souvisí se zvyšováním slovotvorné produktivity přejaté předpony **sub-/суб-** s významem ‚podřazenost' a s paralelním uplatňováním jejího domácího významového protějšku – nepravé (předložkové) předpony **pod-/под-**, např. č. *sublabel – podlabel, subodvětví – pododvětví,* b. *субфорум – подфорум, субизпълнител – подизпълнител* aj.[3]

1.1.3 V obou jazycích se široce uplatňuje též slovotvorný model „prefixoid **anti-** ve významu ‚opak toho, co je vyjádřeno fundujícím lexémem' + základ pojmenovávající osobu podle aktivního postoje, který zastává". Avšak pouze v češtině vstupují takto utvořené jednotky do konkurenčních vztahů s útvary s prefixoidem **proti-**, srov. např. neologizmy *antidemonstrant – protidemonstrant*. Vedle tohoto typu se vyskytují též izolexémní jednotky s druhým členem užitým v přeneseném významu, např. *antievropan – protievropan*. Jsou doložené i řady izolexémních jednotek utvořené jak se synonymními prefixy, tak se sufixy, např. *antiglobalista, antiglobalizant, antiglobalizátor* a *protiglobalizátor, protiglobalista*.

1.2 Příznačný z hlediska současné slovotvorné dynamiky je zároveň protikladný proces postupného vytlačování domácích prefixů prefixoidy přejatými. V obou jazycích je v této oblasti nejaktivnější komponent **super-**

---

[1] Viz též [OHNHEISER 2003: 335n.].

[2] K tomuto typu substantiv viz blíže část 3.2 této práce.

[3] Již s ohledem na dřívější vývojová období je tento způsob tvoření pokládán za vzniklý „mechanicky nápodobou cizojazyčných vzorů" [DOKULIL a kol. 1986], nebo za typický jen pro oblast odborné komunikace [РАДЕВА 1987: 76].

/**супер-**, který se uplatňuje podstatně častěji než předpona **nad-/над-**. Při tom se realizují dva jeho dílčí (specializované) významy: a) ‚kdo má nejvyšší kontrolní pravomoc‘, např. č. *superkomise*, b. *супернадзор*; b) ‚větší než národní, zpravidla nadnárodní‘, např. č. *superdistributor*, *superkoncern*, b. *суперфонд*, *суперхолдинг*.

2. Konkurence afixální a bezafixální derivace při tvoření nových českých a bulharských adjektiv

2.1 V české a bulharské slovní zásobě se zvyšuje podíl nesklonných (v češtině přesněji neflektivizovaných a v bulharštině neohebných) adjektiv. Tuto skutečnost potvrzují kvantitativní údaje v slovnících nových slov, které lze shrnout takto:

	SNČ 1 a SNČ 2			**РНДЗБЕ a РНДБЕ**		
nová adjektiva	*sklonná*	*nesklonná*	*podíl*	*ohebná*	*neohebná*	*podíl*
	2 189	131	5, 98 %	722	49	6, 79 %

Tab. č. 1

2.1.1 Uvedená data ukazují, že celkový počet neologických přídavných jmen zachycených v českých slovnících neologizmů značně převyšuje počet nově utvořených adjektiv registrovaných v slovnících nových slov bulharských[1]. Na rozdíl od toho podíl neohebných/nesklonných adjektiv, tj. adjektiv utvořených bezafixální derivací, je shodný: v bulharštině se na každých 100 slovotvorně vzniklých nových adjektiv v současnosti ustaluje přibližně 7 neohebných přejímek a v češtině na každých 100 ohebných přídavných jmen je doloženo cca 6 neflektivizovaných jednotek. Tyto neologizmy v neadaptované podobě jsou strukturně a sémanticky velmi různorodé. Fungují nejčastěji jako přívlastky dvoukomponentových sousloví, málokdy se užívají samostatně a jejich atributivní funkce se projevuje jen ve spojení s určovaným substantivem, např. č. *au pair* pobyt, *just-in-time* výroba, *in-line* brusle, *last moment* dovolená, *streetwear* oblečení, b. *аутлет* колекция, *аутдор* екипировка, *лоу-тек* телефон, *стендбай* споразумение, *хендхелд* система aj. Rys novosti obdobných pojmenování je obsažen v sémantice jejich prvního komponentu, jejich druhý (specifikovaný) komponent je zpravidla domácí/zdomácnělé slovo „zakotvující“ nový výraz významově a morfologicky.[2]

[1] Vysvětlení těchto specifických projevů dynamiky v oblasti nejnovějšího bulharského adjektivního lexika podal už S. Ivančev. Viz jeho zjištění, že základní zvláštností bulharského jazyka není schopnost, resp. neschopnost některých bulharských substantiv stát se základem nového adjektiva, ale upřednostnění možnosti, aby adjektivum nebylo odvozeno i přes existenci této schopnosti [ИВАНЧЕВ 1988: 80].

[2] První členy obdobných bulharských konstrukcí jsou v některých pracích [viz např. ВАЧКОВ 1997] určovány jako adjektiva utvořená pomocí konverze (v širším smyslu). Zde se

2.1.2 Pro lexikální dynamiku bulharštiny je také příznačná skupina jednotek uplatňovaných v přívlastkové pozici se strukturou „antepoziční komponent **анти-** + základové slovo“[1], pro jejichž vznik se staly impulzem přejímky typu *антигей* (протест), *антипаркинг* (скоба)[2] apod. Postupně se k nim začínají přitvářet názvy s dvojí možnou motivací: například k morfologicky neztvárněnému neologizmu *антистрес* (обувки, стелки, играчка, топка, масаж) vzniklo přídavné jméno *антистресов*, a to buď sufixací: *антистрес* + **-ов**, anebo spojením prefixoidu **анти-** s již dříve existujícím útvarem: **анти-** + *стресов*. V jiných případech vedle nové přejímky, např. a. *antiage* (foods) se objevuje transkribovaný výraz: *антиейдж* (храни) a rovněž kalk užívaný v prepozici: *антистареене* (храни, съставки) nebo v postpozici: (пудра, серум) *антистареене*. Jsou doložené také prefigované komponentem **анти-**: a) slovotvorně aktivní prvky: *антиевро* (нагласа),[3] b) přejatá, popř. již zdomácnělá podstatná jména, např. *антиакне* (крем), *антивзлом* (обков) aj.

2.1.3 Čeština i bulharština dále disponuje skupinou neohebných/nesklonných jednotek, které fungují současně i jako slovotvorné prostředky. Jsou to lexikalizované morfémy, jako např. č. *audio*, *demo*, *porno*, *video*, b. *аудио*, *демо*, *порно*, *видео*, které se uplatňují jednak jako samostatně psané přívlastkové členy (nejčastěji) dvouslovných pojmenování a jednak jako určující členy kompozit, např. č. *audio* formát/*audioformát*, *demo* účet/*demoúčet*, *video* stěna/*videostěna*, b. *аудио* книга/*аудиокнига*, *демо* игра/*демоигра*, *видео* рецепта/*видеорецепта* aj. Většina z nich odkazuje k slovotvorně adaptovaným (nezřídka terminologickým) jednotkám, např. č. *etno* – *etnický*, *etnologický*, b. *фото* – *фотографски*, resp. se s morfologicky neztvarněnými členy neologického repertoáru neshodují ani svými genetickými rysy.

2.2 Přibývání nesklonných/neohebných adjektiv souvisí mj. s aktivizací způsobů jejich morfologického (slovotvorného) zformování. Tímto faktem lze vysvětlit největší dynamický pohyb patrný právě v oblasti tvoření nových českých a bulharských desubstantivních adjektiv, která vyjadřují široký rejstřík vztahů.[4] Jinak řečeno, v obou jazycích pozorujeme procesy protichůdné již nastíněným, jež se však projevují různou intenzitou. Některá bulharská

---

však přikláníme k názoru C. Avramovové [AVRAMOVA 2010: 17], že tato situace je velmi blízká situaci v oblasti tvoření kompozit. K této otázce viz také blíže [NIŠEVA 2014: 54–55].

[1] K této výrazné složce nové bulharské slovní zásoby viz také Avramova [АВРАМОВА 2006: 277–286]. Tamtéž autorka pojednává o termínu M. V. Panova analytické adjektivum.

[2] Srov. s a. *anti-parking boulders, lines*; *anti-gay lobby* aj.

[3] Zde míníme první část kompozit **евро-** s významem ‚týkající se Evropské unie‘ (viz blíže РНДБЕ: 154).

[4] Srov. s názorem L. Uhlířové [УХЛИРЖОВА 1998: 29], že vysoká frekvence desubstantivních adjektiv v českém a bulharském jazyce médií je spjata se syntaktickou kondenzací.

adjektivizovaná substantiva dostávají morfologicky ztvárněné protějšky, např. *интернет – интернетен* a *интернетски, металик – металиков* aj. V určitých případech je tvoření přídavných jmen dokonce preferováno [viz blíže УХЛИРЖОВА 1998: 29]. Avšak morfologické (slovotvorné) zformování nesklonných/neohebných jednotek se ve flexivní češtině projevuje pravidelněji, srov. např. č. *kitesurfing kurz – kitesurfový kurz*, b. jenom *кайтсърф курс*, č. *unisex klobouk – unisexový klobouk*, b. jenom *унисекс шапка*, ale řidčeji také č. *offshore společnost – offshorová společnost* a b. jenom *офшорна фирма, ~ компания*[1] aj.

3. Konkurence slovotvorných prostředků v kontextu vývojových tendencí

Dosud jsme se věnovali projevům konkurence mezi domácími a přejatými prefixy/prefixoidy při tvoření substantiv a mezi afixální a bezafixální derivací při tvoření adjektiv. V souladu s dosavadními výzkumy je třeba vztáhnout aktivitu některých výše rozebraných modelů tvoření podstatných jmen, i postup bezafixálního tvoření přídavných jmen, k projevům expresivizačních (a kolokvializačních) procesů. Jejich protiváhou jsou procesy posilující intelektualizaci spisovných jazyků. Dále se proto zaměříme na dynamiku v oblasti tvoření českých a bulharských abstraktních pojmenování, přesněji na synonymní a konkurenční vztahy vznikající mezi abstrakty s domácími a internacionálními formanty[2].

V neologickém repertoáru dnes převládají pojmenování „vlastností a stavů pojatých substančně“ [MARTINCOVÁ 1983: 78]. Mezi nimi je nejpočetnější skupina jednotek odvozených pomocí přípon: č. **-izmus/-ismus**, **-ství/-ctví**, **-ost**, **-ita**, b. **-ство**, **-изъм**, **-ост**, **-итет**. Charakteristickou složkou nového intelektuálního lexika představuje soubor dějových jmen končících na č. **-ace**, **-ní**, **-iáda**, b. **-ация**, **-не**, **-иада**. Na vzniku jejich členů se v různém rozsahu podílejí „postupy abstraktizační“ a „postupy specializační“.[3]

Konkurenční nebo synonymní korelace mezi a) názvy abstraktních vlastností a stavů končící na **-ost/-ост** nebo na **-ita/-итет**[4]; b) názvy vlastností a stavů s formanty **-ství/-ctví//-ство** a **-ismus/-izmus//-изъм**;[5] c) názvy

---

[1] Neologizmus *офшор* se v bulharštině užívá jen jako substantivum m. r.

[2] K novým abstraktním pojmenováním v češtině viz [SVĚTLÁ 2005: 54–68]; z hlediska konfrontace češtiny s bulharštinou viz též [АВРАМОВА 2003: 82–90 a 109–122].

[3] Tuto typologii vývojových postupů nacházíme také u I. Němce [NĚMEC 1968: 135n.].

[4] Je nutno již předem podotknout, že se dnes, jako i v předchozím období, zakončení **-ita/-итет** vyskytuje výhradně u adaptovaných slov cizího původu, resp. se kombinuje zejména s přejatými základy. Jednotky končící na **-ita/-итет** nás tedy budou zajímat z hlediska konkurenčních situací vznikajících mezi nimi a útvary s příponami **-ost/-ост**.

[5] U toho typu „sa konkurenčný vzťah prejavuje najmä pri vyjadrovaní významu vlastnosti a pri špecifikovanejšom význame „hnutie, ideový smer“, ktorý je doménou názvov s formantom -izmus.“ [HORECKÝ a kol. 1989: 278]. Se zřetelem k tomu do slovníkového

abstraktních dějů zakončených na **-ní/-не** a na **-ace/-ация**[1] lze znázornit takto [viz blíže HORECKÝ a kol. 1989: 278]:

č. **ní/-ace**, b. **-не/-ация**

č. **-ost/-ita**, b. **-ост/-итет**

č. **-ství/-ctví//-ismus/-izmus**, b. **-ство/-изъм**

3.1. Distribuce jednotlivých slovotvorných prostředků nejšíře uplatňovaných při tvoření nových názvů abstraktních vlastností a stavů, které jsme zahrnuli do výše uvedeného schématu, je podle českých a bulharských slovníků nových slov následující:[2]

Tab. č. 2

SNČ 1 a SNČ 2	**-ost**	**-ství/-ctví**	**-izmus/-ismus**	**-ita**
	71	45	40	25
РНДЗБЕ a РНДБЕ	**-ост**	**-ство**	**-изъм**	**-итет**
	52	41	13	1

3.1.1 Je zřejmé, že v obou jazycích se i nadále nejčastěji uplatňují slovotvorné modely s formantem **-ost/-ост**. Jak v češtině, tak v bulharštině na jejich základě vznikají geneticky a strukturně rozmanité skupiny neologizmů. K členům nejpočetnějších z nich jako např. č. *bezpříběhovost*, *hvězdnost*, *levověrnost*, *privatizovatelnost*, b. *антиекологичност*, *видеоконферентност*, *гледаемост*, *широколентовост*, zatím nebyly doloženy variantní/synonymní protějšky. Z hlediska konfrontačního je však český sufix **-ost** aktivnější, což souvisí se skutečností, že v češtině jsou výraznější projevy tendence k tvoření vztahových adjektiv z domácích základů, která obvykle motivují nová pojmenování vlastností a stavů s tímto formantem. Je třeba ještě dodat, že převaha užití domácích prvků v této oblasti slovotvorby – na prvních dvou

materiálu zahrnujeme mj. nová pojmenování ideologických hnutí, politických doktrín, koncepcí apod. s depropriálními základy a příponami **-ismus/-izmus//-изъм** typu č. *jelcinizmus*, *tatcherizmus*, b. *обамизъм, путинизъм*.

[1] Míníme příponu **-ac(e)** a její variantní podoby **-izac(e)** a **-fikac(e)**, resp. v bulharštině příponu **-(а)ција** a její variantní podoby **-изациј(а)**, **-фикациј(а)**.

[2] Údaje v tabulkách č. 2 a 3 se týkají pouze nově utvořených derivátů jako např. č. *deníkovost*, *bavičství*, *etnicizmus*, *regionalita*, b. *световност*, *съкровищничество*, *атакизъм*, *ексклузивитет* a nevztahují se k již dříve existujícím jednotkám, jejichž význam je v kontextu současné lexikální dynamiky velmi často modifikován pomocí antepozičních komponentů, např. č. *pseudoprivatizace*, b. *алтерглобализация*.

místech podle frekvence jsou přípony **-ost/-ост** a **-ství/-ctví//-ство** – ukazuje na úzkou spojitost tendence k intelektualizaci spisovného jazyka a vyrovnávacích procesů.

3.1.2 Podle slovníkových údajů je počet neologických jednotek se sufixem **-ita** v češtině podstatně vyšší, než je v bulharštině počet neologizmů se zakončením **-итет**. Na pozadí velkého množství lexikograficky registrovaných nově přejatých/odvozených českých abstrakt s příponou **-ita**, např. *asociativita, globalita, profitabilita, reprezentabilita, seriozita,* byl v bulharských slovnících registrován pouze jeden derivát končící na **-итет**. V češtině pravidelněji než v bulharštině jsou příponami **-ost** a **-ita** dále tvořeny jak systémově synonymní nominace, např. *multikulturalita – mnohokulturnost,* tak názvy stylisticky synonymní, např. *viktimita – viktimnost.* V bulharštině je vznik izolexémních dvojic s příponami **-ост** a **-итет** spíše ojedinělý, srov. např. *идентичност – идентитет, кредибилност – кредибилитет*. Častěji než v češtině se však ustalují antonymní dvojice typu *интегритет – антиинтегритет* s druhým členem obsahujícím významovou složku ‚působení, zaměření proti někomu, něčemu'. Impulzem pro tvoření bulharských pojmenování obou těchto typů, z nichž některé vstupují i do konkurenčních vztahů, je dnes především přejímání z angličtiny[1].

3.1.3 V nejnovější slovní zásobě je útvarů s českým formantem **-ismus/ -izmus** podstatně více, než je bulharských neologizmů se sufixem **-изъм**. Se zřetelem ke konkurenci slovotvorných prostředků a modelů užívaných při jejich tvoření však lze vydělit několik skupin, které se v obou jazycích ne vždy shodují co do své početnosti a co do strukturních a stylistických rysů jednotlivých jejich členů.

3.1.3.1 V slovnících nových slov českých a bulharských nacházíme soubory jednotek s formantem **-ismus/-izmus**, jejichž „význam vlastnosti (…) se ozřejmuje synonymií s izolexémními názvy s formantem **-ost**"[2], srov. např. výrazy z jazyka médií č. *politický militantismus – politická militantnost* a b. *идеята за глобалност – идеята за глобализъм*[3]. Z údajů v SNČ 1, SNČ 2 a РНДБЕ, РНДЗБЕ dále vyplývá, že v bulharštině je dnes tvořeno více neologických členů izolexémních dvojic končících na **-изъм**, které se přimykají k již existujícím jednotkám s příponou **-ost**, např. *ритуализъм – ритуалност, фактологизъм – фактологичност, циклизъм – цикличност* aj.

---

[1] Rýsuje se tak základní rozdíl oproti předchozímu období. Zatím co se dříve internacionalizmy končící na **-итет** dostávaly do bulharštiny prostřednictvím ruštiny, francouzštiny nebo němčiny, dnes jejich zdrojem jsou zejména anglojazyčné texty.

[2] HORECKÝ a kol. 1989, 283.

[3] Je zde třeba upozornit na polysémii názvů s příponou **-ismus**/**-izmus**//**-изъм**, se kterou souvisí též neúplnost (relativita) synonymity neologických názvů s formanty **-ismus**/ **-izmus**//**-изъм** a **ost-**/**ост-**, srov. např. č. *ekologičnost* (provozu) – *ekologizmus/ekologismus* (název ideového hnutí), b. *екстремизъм* (склонност към крайни възгледи) – *екстремност* (на преживяването). K této otázce viz blíže [HORECKÝ a kol. 1989: 283–284].

3.1.3.2 Další skupina sestává z nových názvů „dynamicky chápaných vlastností“[1] s formantem **-izmus/-ismus//-изъм**, které v závislosti na kontextu užití mohou vstoupit do synonymních a konkurenčních korelací s jednotkami na **-ství/-ctví//-ство**, např. č. *talibanizmus – talibanství*, b. *шаманизъм – шаманство*.

3.1.3.3 Pro češtinu je příznačná také skupina paralelně vznikajících názvů se společným propriálním základem a s příponami **-izmus/-ismus//-ství/-ctví**, např. *klausizmus/klausismus* (pojmenování hnutí, ideového směru), *klausovství* (ideový postoj) a také *antiklausismus*/*antiklausovství*, u nichž někdy dochází k zastření jemných sémantických rozdílů[2].

3.1.3.4 V bulharštině naopak dochází k prohloubení funkčně-sémantické diferenciace slovotvorných prostředků. S příponou **-изъм** jsou v ní ztvárňovány zejména internacionalizmy označující ideová a politická hnutí, např. *глобализъм*, *евроатлантизъм*, *сатанизъм*, řidčeji pak pojmenování negativně chápaných vlastností, např. *вождизъм*, názvy podle způsobu chování, jednání osoby, která je označená základovým slovem, např. *бойковизъм*, *фандъковизъм*[3], nebo neologizmy s významem zobecňujícím, např. *фактологизъм* – ‚fakt nebo souhrn faktů‘. S bulharským formantem **-ство** vznikají nejčastěji substantiva podle předmětu činnosti: *брокерство*, *букмейкърство*.

3.2 Podle českých a bulharských slovníků neologizmů je frekvence užití formantů, kterými jsou tvořena nová dějová jména, následující[4]:

Tab. č. 3

SNČ 1 a SNČ 2	**-ní**	**-ace**
	97	59
РНДЗБЕ a РНДБЕ	**-ация**	**-не**
	83	26

3.2.1 Data v tabulce č. 3 svědčí o základním rozdílu: bulharský formant **-ация** (zejména pak jeho variantní podoby -изация, -фикация), např. *интернетификация*, *кабелизация*, *пазаризация* aj., se uplatňuje při tvoření dějových jmen častěji než jeho český protějšek **-ace**. Lze tedy říci, že je pod vlivem internacionalizace dnes v bulharštině upřednostňováno implicitní

[1] HORECKÝ a kol. 1989, 284.

[2] Srov. např. „(…) My ostatní na to příliš často zapomínáme, snažíme se proti němu věcně argumentovat a protiargumentovat, a tím vlastně zastíráme podstatu *babišovství* jako stylu politiky. Podstatou *babišismu* je většinou jen dobře maskovaná lež, skrývaná za traktování lidového hněvu.“ (zdroj: https://pravyprostor.cz/glosa-mm-babisismus/).

[3] Tato pojmenování mohou mít také význam ‚jazykový projev (popř. lexikální prostředek) typický pro osobu, která je označena základovým slovem‘. Oba podtypy neologizmů na **-изъм** se vyznačují expresivním (hodnotícím) zabarvením.

[4] Do tabulky nezahrnujeme údaje o substantivech s příponami **-iáda**/**-иада**, neboť tyto neologizmy nejsou aktivní z hlediska konkurenčních vztahů v nejnovější lexikální vrstvě.

vyjádření procesuálnosti.[1] V češtině se naproti tomu šíře užívá koncovka **-ní**, např. *absurdizování*, *čipování*, *porotování*, resp. je preferována explicitnost typická pro domácí formanty. Do struktury obou typů neologizmů vstupují zejména přejaté základy.

3.2.1.1 V textech z jazyka médií není však výjimkou ani paralelní užití útvarů se sufixem **-izace/-изация** a neologizmů končících na **-ní/-не**, např. č. *absurdizace – absurdizování*, *idolizace – idolizování*, b. *дигитализация – дигитализиране*, *цифровизация – цифровизиране*. Jistou specializaci formantu **-izace/-изация** pozorujeme při „pojmenovávání globálních homogenních procesů představujících děj bez diferenciace aktu děje, jeho průběhu a výsledku, a tedy bez poukazování na východiskovou a záměrovou situaci“[2], např. č. *entertainizace*, *financializace*, b. *сюжетизация*, *ювентизация*. Z tohoto hlediska nejsou např. synonymní česká abstrakta *internetování* ‚užívání internetu‘ a *internetizace* ‚zavádění, zavedení internetu (do škol, úřadů, institucí státní správy apod.), *mobilování* ‚telefonování pomocí mobilního telefonu, mobilní telefonování’ a *mobilizace* ‚zavádění, zavedení mobilních telefonů (mobilů) do běžného používání‘.[3]

3.2.1.2 K další výrazné skupině, která se i nadále neúčastní procesů spjatých se slovotvornou konkurencí, patří pojmenování s příponou **-izace/ -изация**; jde o pojmenování odvozených z českých a bulharských posesivních/druhově posesivních základů s významem ‚dodání nebo nabytí vlastností tkvících ve významu substantivního základu‘,[4] např. č. *blairizace* a *albanizace*, b. *меркелизация* a *ливанизация*.

3.2.1.3 Rezultativnost převládající části verbálních substantiv na **-ní** registrovaných v českých slovnících nových slov koresponduje s videm základových sloves, např. *vytunelování* (k *vytunelovat*), *zvizuálnění* (ke *zvizuálnit*), *zprivatizování* (ke *zprivatizovat*). Vyjdeme-li z РНДЗБЕ a РНДБЕ, ukazuje se i jeden podstatný rys nových bulharských verbálních substantiv. Nemalá část koexistujících neutrálních procesuálních jmen na **-не** a knižních jednotek na **-изация** odkazuje ke stejnému nepřechodnému (obouvidovému) slovesu, srov. *маргинализиране* a *маргинализация (маргинализирам се)*, *партизиране* a *партизация (партизирам се)*.

3.2.1.4 K rozhojnění souboru izolexémních dvojic zakončených na **-ní/-не** a **-ství/-ctví//-ство** přispívá na neposledním místě proces přejímání anglicizmů na **-ing**, v jejichž sémantice „se odráží poloslovesný a polojmenný charakter

---

[1] K otázce vyjádření procesuálnosti explicitním formantem **-nie** a implicitním **-ácia** viz [HORECKÝ a kol. 1989: 279].

[2] [HORECKÝ a kol. 1989: 279].

[3] Viz [MARTINCOVÁ 1983: 78]. Je třeba také dodat, že autorka pokládá jména dějová vzniklá přímo ze substantiva, tj. bez prostřednictví reálně existujícího slovesa, za pojmenování vzniklá mutací.

[4] Viz [DANEŠ a kol. 1976]. Tamtéž (s. 646) se podotýká, že tato skutečnost staví substantiva s uvedenými charakteristikami „do těsného slovotvorného vztahu zejména k adjektivu“.

anglického gerundia.“[1] Důsledkem toho se ustalují dvě základní situace. Pokud se v přejímajících jazycích dějovost přejímek vydělí jako jejich základní sémanticko-slovotvorný rys, přimykají se k nim zejména útvary končící na **-ní**/ **-не**. Většinou tak vznikají synonymní verbální substantiva, např. č. *managering – manažování*, *remastering – remastrování*, *snowboarding – snowboardování*, b. *банкинг – банкиране*, *мониторинг – мониториране*, *клонинг – клониране*, *сърфинг – сърфиране* aj. Dostane-li se do popředí význam ‚předmět činnosti charakterizující osobu pojmenovanou základovým slovem‘, při adaptaci se uplatňují sufixy **-ství**/**-ctví**//**-ство**, např. č. *developing – developerství*, *e-banking – e-bankovnictví*, *webmastering – webmasterství,* b. *диджеинг – диджейство*, *спонсоринг – спонсорство* (srov. se *спонсориране*).

Závěr

Na základě analýzy neologického materiálu z českých a bulharských slovníků nových slov, doplněného o materiál z psaných textů publikovaných na internetu, jsme vytyčili typy shodných a rozdílných konkurenčních vztahů, které se v obou slovanských jazycích realizují při odvozování nových substantiv a adjektiv v různých sférách současné jazykové komunikace. Slovotvornou konkurenci v oblasti derivace jsme popsali se zřetelem k její součinnosti s expresivizačními (kolokvializačními) procesy a s procesy intelektualizace spisovného jazyka, tj. s procesy a tendencemi vzájemně protikladnými. Takto zvoleným přístupem jsme ukázali, že projevy současné lexikální (slovotvorné) dynamiky jsou typologicky relevantní a že probíhají v kontextu dvou specifických jazykových situacích – české a bulharské. Provedený výzkum potvrdil také názor, že se konkurence týká nejen roviny slovotvorné (lexikální), ale i úrovně komunikačních útvarů [BARNET 1981: 125−130], a také úrovně jazykových komunikátů [НЕЩИМЕНКО 2000][2].

Literatura

AVRAMOVA 2010: *C. Avramova*. Jsou to opravdu adjektiva? O tzv. nesklonných adjektivech v novém českém lexiku // Přednášky a besedy ze 43. běhu LŠSS. – Brno: Masarykova Univerzita v Brně. – S. 9–18.

BARNET 1981: *V. Barnet*. Synchronní dynamika spisovného jazyka // Jazykovedný časopis 32. – S. 123−130.

DANEŠ a kol. (eds.) 1967: *F. Daneš a kol.* (eds.). Tvoření slov v češtině 2. Odvozování podstatných jmen. – Praha: Academia, nakl. ČSAV. – 779 s.

DOKULIL a kol. 1986: *M. Dokulil a kol.* Mluvnice češtiny 1. Fonetika. Fonologie. Morfonologie a morfemika. Tvoření slov. – Praha: Academia. – 566 s.

[1] [MRAVINACOVÁ 2005: 207]. K dříve přejatým substantivum na **-ing/-ink** v češtině viz [DANEŠ a kol. 1967: 640].

[2] Viz blíže [MARTINCOVÁ – NIŠEVA 2018].

HORECKÝ a kol. 1989: *J. Horecký a kol*. Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. – Bratislava: Slovenská akadémie vied. – 429 s.

MARTINCOVÁ 1983: *O. Martincová*. Problematika neologismů v současné spisovné češtině. – Praha: Karolinum. – 160 s.

MARTINCOVÁ 2003: *O. Martincová*. Obecná charakteristika lexikografického přístupu k neologizmům // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Słowotwórstwo. Nominacja. – Opole: Uniwersytet Opolski. – S. 34–39.

MARTINCOVÁ 2005: *O. Martincová*. Internacionalizace a vyrovnávací tendence // Internacionalizmy v nové slovní zásobě. – Praha: ÚJČ AV ČR. – S. 17–22.

MARTINCOVÁ 2017: *O. Martincová*. NACIONALIZACE JAZYKA // Petr Karlík, Marek Nekula, Jana Pleskalová (eds.), CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny. URL: https://www.czechency.org/slovnik/ NACIONALIZACE JAZYKA (poslední přístup: 8. 7. 2019).

MARTINCOVÁ, NIŠEVA 2018: *O. Martincová, B. Niševa*. Univerbizace v konkurenci // Slavia 87. – № 1–2. – S. 239–262.

MRAVINACOVÁ 2005: *J. Mravinacová*. Přejímání cizích lexémů // Neologizmy v dnešní češtině. – Praha: ÚJČ AV ČR. – S. 187–211.

NĚMEC 1968: *I. Němec*. Vývojové postupy české slovní zásoby. – Praha: Academia. – 192 s.

NIŠEVA 2014: *B. Niševa*. Inovační procesy v české a bulharské jazykové situaci (na materiálu jazyka médií). – Praha: Karolinum. – 182 s.

OHNHEISER 2003: *I. Ohnheiser*. Системно-структурные тенденции // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych Języków słowiańskich. Słowotwórstwo. Nominacja. – Opole: Uniwersytet Opolski. – S. 317–338.

SVĚTLÁ 2005: *J. Světlá*. Nová abstraktní pojmenování // Neologizmy v dnešní češtině. – Praha: ÚJČ AV ČR. – S. 54–68.

АВРАМОВА 2003: *Цв. Аврамова*. Словообразуателни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на XX век. – София: Херон прес. – 260 с.

АВРАМОВА 2006: *Цв. Аврамова*. Прилагателните с анти- или антиприлагателни? // Светът на речника. Юбилеен сборник, посветен на 70-годишнината на чл.-кор. д. ф. н. Емилия Пернишка. – Велико Търново: Знак ’94. – С. 277–286.

ВАЧКОВ 1997: *В. Вачков*. Формални модели на родова адаптация на английските заемки в българския и чешки език // Съпоставително езикознание XXII. – № 2. – С. 19–25.

ИВАНЧЕВ 1988: С. *Иванчев*. Прилагателното име в българския език под режим на аналитизъм // Българският език – класически и екзотичен. – София: ДИ „Народна просвета“. – С. 76–81.

МАТИЯШЕВИЧ 2000: *Е. Матияшевич*. Деривационные процессы в славянских языках конца XX. столетия // V. Международный симпозиум

Состояние и перспективы сопоставительных исследований русского и других языков. Доклады. (Белград – Ниш, 30 мая – 1 июня 2000 г.). – Белград: Славистичко друштво Србије и Филозофски факултет. – С. 142–148.

НЕЩИМЕНКО 2000: *Г.П. Нещименко*. Словообразование разговорного языка в свете тенденции языковой экономии: на материале русского и чешского языков // Словообразование в его отношениях к другим сферам языка. Materialien der 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee Innsbruck, 28.9.–1.10.1999: Игорю Степановичу Улуханову к 65-летию со дня рождения. – Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck. – С. 253–270.

РАДЕВА 1987: *В. Радева*. Българското словообразуване. – София: УИ „Св. Климент Охридски“. – 165 с.

УХЛИРЖОВА 1998: *Л. Ухлиржова*. Българското прилагателно „под режима“ на медийния език // Съпоставително езикознание XXIII. – № 1–2. – С. 25–38.

Рацибурская Лариса
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, Нижний Новгород
racib@yandex.ru

ДЕРИВАТЫ С ЕДИНИЧНЫМИ МОРФЕМАМИ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ XXI ВЕКА

В статье представлено сопоставительное описание дериватов с единичными морфемами в разных лексикографических источниках XXI века, в частности в словарях морфем и толково-словообразовательных словарях современного русского языка. Лексикографические издания различаются количеством дериватов с единичными морфемами. Это обусловлено как временем выхода в свет данных изданий (в более поздних изданиях появляются новые дериваты), так и различием принципов формирования словника, критериев выделения морфем и способов семантизации последних.

Ключевые слова: лексикография, единичные морфемы, дериваты, словари морфем, толково-словообразовательные словари, принципы выделения морфем.

Comparative description of the derivatives with unique morphemes in different lexicographic sources of the XXI century is considered in the paper, in particular in the dictionaries of morphemes and explanatory-derivational dictionaries of the modern Russian language. The lexicographic editions differ in various number of derivatives with unique morphemes.

This is due to both the time of publishing the editions (later editions contain new derivatives) and difference in principles of dictionary composition, criteria of morpheme allotment and methods of semantization of the latter.

Key words: lexicography, unique morphemes, derivatives, dictionaries of morphemes, explanatory-derivational dictionaries, criteria of morpheme allotment.

Во второй половине XX века в связи с разработкой российскими дериватологами принципов морфемной и словообразовательной членимости слов особую актуальность приобрела проблема выделения и квалификации единичных, уникальных частей слов, проблема определения морфемного статуса последних.

В начале XXI века большинство дериватологов признает наличие в современном русском языке уникальных морфем (корневых и/или аффиксальных), которые, однако, определяются разными учеными по-разному. Согласно одной из широко распространенных точек зрения к единичным, уникальным морфемам (аффиксальным и корневым) относятся такие, которые выступают в словах в сочетании с одними и теми же морфемами корня или основы:, *дет-**вор**-а*, *маск-**арад***, *почт-**альон***, *почт-**амт***, *стекл-**ярус***, ***му**-сор*, ***ра**-дуга*, *бел-о-**брыс**-ый*, ***кур**-нос-ый* и др.

Слова с уникальными морфемами так или иначе представлены в морфемных и словообразовательных словарях, и в частности в

«Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова [ТИХОНОВ 1985].

Однако состав слов с уникальными морфемами разнится в разных лексикографических изданиях конца XX века. Эта же тенденция наблюдается и в лексикографических изданиях начала XXI века. Разный состав дериватов с уникальными морфемами в данных изданиях обусловлен разными факторами: временем выхода издания в свет (в более поздних изданиях могут появиться дериваты с новыми единичными морфемами, с одной стороны, а с другой, – дериваты с прежними уникальными морфемами, которые тем самым перестают быть уникальными), принципами формирования словника, принципами выделения морфем (так, слова с единичными морфемами в одном издании могут быть нечленимыми в другом), возможностями дифференциации единичных морфем.

Так, в «Словаре уникальных морфем современного русского языка» [РАЦИБУРСКАЯ 2009] уникальные морфемы дифференцируются на абсолютно и относительно уникальные. К абсолютно уникальным относятся морфемы (аффиксальные и корневые), не имеющие формальных аналогов среди других морфем (см. примеры выше: *дет-**вор**-а*, *маск-**арад***, *почт-**альон***, *почт-**амт***, ***му**-сор*, ***ра**-дуга*, *бел-о-**брыс**-ый* и др.). К относительно уникальным относятся морфемы (аффиксальные и корневые), имеющие формальные аналоги, омонимы в системе морфем современного русского языка (*выкрут**асы***, ср. *морд**асы***; ***кур**носый*, ср. ***кур**иный*; *корол**ева***, ср. *син**ева***, *вар**ево***).

В ряде случаев относительно уникальные морфемы могут рассматриваться как единичные морфы неуникальных морфем, что находит отражение в некоторых лексикографических изданиях и связано с принципами отождествления морфем, а также с различиями в способах определения семантики морфем.

Указанные различия в лексикографическом представлении дериватов с уникальными морфемами можно отметить в таких словарях начала XXI века, как «Толковый словообразовательный словарь русского языка» [ШИРШОВ 2004], «Словарь уникальных морфем современного русского языка» [РАЦИБУРСКАЯ 2009], «Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка» [ЛОПАТИН, УЛУХАНОВ 2016].

«Толковый словообразовательный словарь русского языка» [ШИРШОВ 2004] объединяет слова по гнездовому принципу и включает сведения об их словообразовательной структуре и словообразовательной истории. «Толково-словообразовательное гнездо – это группировки однокоренных слов с фиксацией лексических значений и словообразовательной структурой производных. Гнездо этого типа аккумулирует в себе два аспекта – семантический и структурный – и предстает как структурно-семантическое целое» [ШИРШОВ 2004: 6].

В словаре И.А. Ширшова отдельные дериваты с единичными морфемами представлены, но не выделяются и уникальные морфемы не маркируются:

ДЕТВОРА, -*ы, ж* (*разг.*) [дет(и) → дет - **вор** - а].

Группа детей как одно целое.

ПОЧТАЛЬОН, -*а, м* [почт(а) → почт-**альон]**.

Тот, кто разносит почту.

ПОЧТАМТ, -*а, м* [почт(а) → почт-**амт**].

Главное учреждение почты в городе.

«Словарь уникальных морфем современного русского языка» [РАЦИБУРСКАЯ 2009] включает более трехсот уникальных морфем суффиксального, префиксального и корневого характера. В словаре анализируется графико-орфографический состав уникальных морфем, дается семантическая характеристика уникальных морфем и содержащих их слов, определяется словообразовательная структура последних, рассматриваются парадигматические связи уникальных морфем (синонимия, омонимия). Единичные морфемы дифференцируются в зависимости от их формальной и (или) семантической уникальности.

По сравнению с «Толковым словообразовательным словарем русского языка» И.А. Ширшова словник «Словаря уникальных морфем современного русского языка» содержит значительно больше слов с единичными морфемами (с учетом данных наиболее известных толковых словарей): он включает около 250 слов с уникальными морфемами, отсутствующих в словаре И.А. Ширшова. Словник словаря уникальных морфем расширен в основном за счет необщеупотребительной и новой лексики.

В частности, в словарь включена периферийная специальная и низкочастотная лексика с уникальными препозитивными морфемами (***бильд***аппарат, ***бра***шпиль, ***брейд***-вымпел, ***брейн***-ринг, ***брот***камера, ***гака***борт, ***глитер***-рок, ***го***рельеф, ***го***сотерн, ***диссу***газ, ***кольд***-крем, ***корде***балет, ***кос***халва, ***крюйс***-пеленг, ***крюйт***-камера, ***кунст***камера, ***лаун***-теннис, ***мез***альянс, ***мизан***сцена, ***наст***уран, ***пади***шах, ***пер***линь, ***раух***топаз, ***спар***дек, ***твин***дек, ***ти***тестер, ***том***буй, ***флюгель***горн, ***цапон***лак, ***штир***борт, ***эрц***герцог и др.), с уникальными постпозитивными морфемами (*вокал**из**, газ**ойль**, драп**ри**, какао-**велла**, каракуль**ча**, киль**сон**, клиент**ела**, концерт**ино**, культур**трегер**, метр**анпаж**, нейтр**ино**, овс**юг**, патрон**таш**, паш**алык**, пудр**омант**, роль**ганг**, туаль**денор**, шпунт**убель**, шток**верк** и др.).

В словарь уникальных морфем включены такие новые заимствования с уникальными препозитивными и постпозитивными морфемами, как *беби**ситтер**, **винд**серфинг, **драг**дилер, **дресс**-код, **пин**-код, **прайм**-тайм, **ток**-шоу, топ**лесс**.*

При этом единичные части могут иметь как аффиксальный, так и корневой характер в зависимости от наличия у них семантических аналогов среди регулярных, неуникальных аффиксальных или корневых морфем.

С другой стороны, в словарь уникальных морфем включены стилистически сниженные слова с единичными морфемами аффиксального (*верт**опрах**, верх**отура**, втих**аря**, гол**тепа**, дур**ында**, **осто**чертеть, пен**тюх**, свин**тус**, солда**фон**, сух**опар**ый, торо**пыга*** и др.) и корневого (***колч**еногий, **кур**носый, **лоп**оухий* и др.) характера.

В словаре И.А. Ширшова отсутствуют и некоторые устаревшие слова, в которых выделяются уникальные морфемы: *муж**варь**(**ё**), хам**лет**, верт**еп**.*

В «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» В.В. Лопатина и И.С. Улуханова «различаются типы (подтипы) продуктивные, эпизодически продуктивные, то есть проявляющие свою слабую продуктивность в немногих новообразованиях, непродуктивные и представленные единичным образованием» [ЛОПАТИН, УЛУХАНОВ 2016: 9]. Состав единичных образований в этом словаре также отличается от состава дериватов с единичными аффиксами в толковом словообразовательном словаре и в словаре уникальных морфем. Так, производное *почт**амт*** с уникальным суффиксом отсутствует в словаре словообразовательных аффиксов.

Другие дериваты с уникальными суффиксами либо трактуются в данном словаре как единичные образования, либо включаются в состав неединичных образований. Например, абсолютно уникальный, по словарю уникальных морфем, суффикс *-ельг(а)* в существительном *пустельга* (разг., презр., ‘о пустом, несерьезном, легкомысленном человеке’) [РАЦИБУРСКАЯ 2009: 53] отмечен в словаре словообразовательных аффиксов в составе единичного образования *пустельга* ‘пустой, легкомысленный человек’ [ЛОПАТИН, УЛУХАНОВ 2016: 306]. Соответственно, суффикс *-ельг(а)* можно также признать единичным.

С другой стороны, абсолютно уникальный суффикс *-арад* в слове *маскарад* (‘празднество, бал, на которые приходят в масках и особых костюмах (сказочных, этнографических и т.п.)’, ‘переодевание с целью изменить внешность, чтобы не быть узнанным’ // перен. ‘поведение, имеющее целью скрыть внутреннюю сущность чего-л., притворство’) со словообразовательным значением «процесса, явления, характеризующегося наличием предметного признака, названного мотивирующим существительным» [РАЦИБУРСКАЯ 2009: 47] объединяется в словаре словообразовательных аффиксов в одну статью с суффиксом *-ад* в существительном *галопад* (‘действие по глаголу *галопировать*’). В словаре словообразовательных аффиксов существительное *маскарад* с суффиксом *-арад* относится к

словообразовательному типу с семантикой ‘действие, связанное с предметом, названным мотивирующим существительным’, тогда как существительное *галопад* с суффиксом *-ад* относится к словообразовательному типу ‘действие, названное мотивирующим глаголом’ и признается устаревшим. При этом оба деривата признаются единичными [Лопатин, Улуханов 2016: 246]. Если не учитывать устаревшее *галопад*, следует считать суффикс *-арад* в слове *маскарад* единичным.

Абсолютно уникальный в словаре уникальных морфем суффикс *-вор(а)* в существительном *детвора* (собир., разг. *дети* в значении ‘малолетние; противоп. *взрослые*’), имеющем собирательное значение совокупности лиц, названных мотивирующим существительным [РАЦИБУРСКАЯ 2009: 50], представлен в словаре словообразовательных аффиксов в одной статье с относительно уникальным суффиксом *-ар(а)* в собирательном *мошкара*. Оба морфа признаются единичными, а слова, содержащие их, относятся к одному словообразовательному типу со значением совокупности предметов, названных мотивирующим словом [ЛОПАТИН, УЛУХАНОВ 2016: 270]. Из этого логически следует, что в словах *детвора* и *мошкара* один суффикс, представленный единичными морфами.

Что касается дериватов с относительно уникальными аффиксами, то они также неоднозначно характеризуются в словаре словообразовательных аффиксов.

Так, существительное *королева* с относительно уникальным суффиксом *-ев(а)* со значением женскости (ср. омонимичные суффиксы в *синева*, *варево*, *курево*) [РАЦИБУРСКАЯ 2009: 94] в словаре словообразовательных аффиксов рассматривается как единичное образование со значением женскости: ‘король-женщина’ и ‘жена короля’ [ЛОПАТИН, УЛУХАНОВ 2016: 302].

Относительно уникальный, согласно словарю уникальных морфем, суффикс *-ас(ы)* в существительном *выкрутасы* (разг., ‘затейливые, замысловатые телодвижения, па или причудливые росчерки, линии’ // перен. ‘вычурные обороты речи, замысловатые увертки, хитрости’) – ср.: *мордасы* – имеет словообразовательное значение отвлеченного действия, совмещённое со значением результата/действия, названного мотивирующим глаголом [РАЦИБУРСКАЯ 2009: 91–92]. В словаре словообразовательных аффиксов суффикс в слове *выкрутасы* (разг.), обозначающем сложное по своему характеру действие, названное мотивирующим словом, и результат этого действия, представлен как непродуктивный, но не единичный, поскольку он выделяется также в синонимичном существительном *закрутасы*, которое является просторечным и устаревшим [ЛОПАТИН, УЛУХАНОВ 2016: 276]. Если не учитывать последнее, то суффикс *-ас*(*ы*) следует признать единичным.

В то же время омонимичный суффикс *-ас(ы)* в просторечном существительном *мордасы*, стилистически сниженном синониме существительного *морда* в выражении *бить (хлестать) по мордасам*, признается в данном словаре единичным.

Дериваты с единичными префиксами в словаре В.В. Лопатина, И.С. Улуханова не представлены.

Таким образом, дериваты с уникальными (абсолютно и относительно) аффиксами в словаре уникальных морфем характеризуются по-разному в словаре словообразовательных аффиксов. На квалификацию аффиксов как единичных или неединичных, влияют словообразовательно-семантическая трактовка аффиксов и содержащих их слов, а также учет/неучет периферийной лексики (устаревшей, специальной) стилистической окраски слов (в частности просторечной лексики), а также неологизмов.

В целом специфика представления дериватов с единичными морфемами в лексикографических изданиях определяется временем выхода в свет последних, принципами формирования словника, принципами выделения морфем и способами их семантизации.

Литература

ЛОПАТИН, УЛУХАНОВ 2016: *В.В. Лопатин, И.С. Улуханов*. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. – Москва: Азбуковник.

РАЦИБУРСКАЯ 2009: *Л.В. Рацибурская*. Словарь уникальных морфем современного русского языка. – Москва: Флинта: Наука.

ТИХОНОВ 1985: *А.Н. Тихонов*. Словообразовательный словарь русского языка. – Москва: Русский язык.

ШИРШОВ 2004: *И.А. Ширшов*. Толковый словообразовательный словарь русского языка словарь русского языка. – Москва: АСТ.

Rudnik-Karwatowa Zofia
Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, Polska,Warszawa
z.karwatowa@gmail.com

DERYWACJA CZASOWNIKÓW DEWERBALNYCH (PROBLEMY OPISU W SŁOWNIKACH GNIAZDOWYCH)

W artykule omówiono wybrane problemy modelowania opisu gniazdowego polskich i rosyjskich czasowników dewerbalnych z prefiksami: ich struktury semantycznej i formalnej. Podstawę rozważań stanowią różnorodne propozycje metodologiczne przyjęte w dwóch słownikach gniazdowych: «Словообразовательный словарь русского языка» A.N. Tichonova, Moskwa, 1985 i „Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego". T. 3: „Gniazda odczasownikowe" M. Skarżyńskiego (et al.), Kraków, 2004. Uwagę skoncentrowano na problemach interpretacji związku motywacyjnego (kierunku motywacji) między czasownikami z *się*/ *-ся* i bez tego morfemu oraz relacji motywacyjnych między prefiksalnymi czasownikami dewerbalnymi. Szerzej omówiono zagadnienia dotyczące derywacji prefiksalnej wymiennej w czasownikach polskich, która w opisie słownikowym SGS zyskała status samodzielnej techniki słowotwórczej.
Słowa kluczowes: słownik gniazdowy, derywacja, czasownik, parafraza, motywacja, wymiana prefiksów, derywacja prefiksalna wymienna.

The article discusses selected problems of modeling of the word-formation nest description of Polish and Russian deverbal verbs with prefixes: their semantic and formal structure. The basis for consideration are the various methodological proposals used in two word-formation nest dictionaries: A.N. Tikhonov's «Словообразовательный словарь русского языка» (Word-formation dictionary of Russian) Moscow, 1985 and „Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego" (Dictionary of derivational nests of contemporary Polish). Vol. 3: M. Skarżyński's (et al.) „Gniazda odczasownikowe" (Deverbal nests) Krakow, 2004. Attention was focused on the problems of the motivational relationship (direction of motivation) between verbs with Pol. *się*/ Rus. *-ся* and without this morpheme, and the motivational relationship of the prefixal deverbal verbs. Issues related to the derivation of verbs by exchange of prefixes, which received the status of independent derivational technique, were discussed in great details.
Key words: derivational nest dictionary, derivation, verb, paraphrase, motivation, exchange of prefixes, prefixal exchange derivation.

1. Jedną z metod opisu systemowego słowotwórstwa jest metoda gniazdowa, inaczej, metoda gniazd słowotwórczych[1]. Szczegółowe omówienie metodologii gniazdowej wraz z literaturą przedmiotu zamieszczone zostało w

[1] Istnieje bogata literatura dotycząca zasad i perspektyw takiego opisu, począwszy od lat 60. XX wieku, głównie autorstwa językoznawców z dawnego Związku Radzieckiego, zob. m.in. prace S.K. Šaumjana, P.A. Sobolevej, I.I. Kovalyka, E.I. Ginzburga, E.A. Ziemskiej, A.N. Tichonova, a także później, w następnych dziesięcioleciach, językoznawców polskich: L. Jochym-Kuszlikowej, J. Czerneckiej, J. Stawnickiej, H. Jadackiej, M. Skarżyńskiego i in.

pracach Hanny Jadackiej, zob. [JADACKA 1995: 9–39; JADACKA 2001: 7–31].

Znaczącym efektem zastosowania metody gniazdowej w leksykografii rosyjskiej było dwutomowe dzieło leksykograficzne Aleksandra N. Tichonova [SSRJ 1985; dalej: SSRJ]. W polskiej leksykografii osiągnięcie w tym zakresie stanowi czterotomowy słownik gniazd słowotwórczych pod red. Hanny Jadackiej (t. 1–2) i Mirosława Skarżyńskiego (t. 3–4), zob. [SGS 2001–2004; dalej: SGS]. Informacje o podstawach materiałowych tych słowników oraz zasady opisu gniazdowego są przedstawione we wstępach do dzieł: [TICHONOV 1985: 8–50; JADACKA 2001: 7–31; SKARŻYŃSKI 2004: VII–XIV].

W niniejszej pracy pragnę prześledzić zastosowanie metody gniazdowej w obu słownikach i ustalić, co osiągnięto dzięki przyjętym rozwiązaniom. Szerzej omówię zagadnienia dotyczące derywacji prefiksalnej wymiennej w czasownikach polskich, która w opisie słownikowym SGS zyskała status samodzielnej techniki słowotwórczej.

2. Porównanie gniazd słowotwórczych w obu słownikach ukazuje zbieżność zasad leksykograficznych, jak i spore różnice w tym zakresie. Zdecydowanie różny jest sposób prezentowania materiału w tych dziełach.

Czterotomowy polski słownik gniazdowy podzielony jest według części mowy: pierwszy tom prezentuje gniazda z bazowym (centralnym) przymiotnikiem, drugi – gniazda z bazowym rzeczownikiem, trzeci (dwuczęściowy) – gniazda z bazowym czasownikiem, czwarty – gniazda z innymi częściami mowy jako bazą. Ponadto w słowniku polskim każdy derywat opatrzony jest symbolicznym zapisem operacji derywacyjnych, zastosowanych do jego utworzenia. Wykorzystano do tego symbole literowe oznaczające części mowy: V – czasownik, S – rzeczownik, Ad – przymiotnik, Adv – przysłówek i inne. I tak np. gniazdo czasownikowe (t. 3) zgrupowane wokół czasownika niemotywowanego *dyskredytować* ma następującą strukturę w słowniku:

DYSKREDYTOWAĆ

dyskredyt-acja *książk.*	V,S
z-dyskredytować	V,V

Gniazdo słowotwórcze zgrupowane wokół przymiotnika *zdrowy* (t. 1) ma następującą postać:

ZDROWY, ZDRÓW 1. ‘niechory, odznaczający się zdrowiem’

zdrowaś-ka *pot.*	Ad,S
zdrow’-(e)	Ad,S
[zdrów-ko][1]	Ad,S,S
[zdrówecz-ko]	Ad,S,S,S
[zdrow’-o-daj-ny]	Ad,S(+V),Ad
zdrow-otny	Ad,S,Ad

[1] W kwadratowych nawiasach podano w SGS wyrazy zaczerpnięte ze źródeł innych niż baza materiałowa „Małego słownika języka polskiego” [MSJP].

[zdrowotn-ość] 1., 2. Ad,S,Ad,S
[u-zdrowotń-(ić), u-zdrowotń-(ać)] Ad,S,Ad,V
[zdrow-ość] Supl. Ad,S
[zdrow-(y)] *uż. rzecz.* Ad,S
u-zdrow-(ić) (się), u-zdraw'-(ać) (się) Ad,V
[…]
zdrow'-(eć) Ad,V
[o-zdrowieć] Ad,V,V
ozdrow'-eniec Ad,V,V,S
ozdrowieńcz-(y) Ad,V,V,S,Ad
wy-zdrowieć Ad,V,V

Analogiczne gniazda słowotwórcze w słowniku SSRJ mają poniższą strukturę:

289. дискредит<u>и</u>ровать[1]
дискредит<u>и</u>ровать-**ся**
дискредит<u>и</u>рова-**ниj**-е [дискредитирование]
дискредит-**<u>а</u>циj**-а [дискредитация]

158. здор<u>о</u>в(ый)
здор<u>о</u>в-**еньк**-ий
здоров-**<u>е</u>нн**-ый
здоров-**ёхоньк**-ий
здоров-**ёшеньк**-ий
здоров-**<u>у</u>щ**-ий
здор<u>о</u>в-**о** II, см. здор<u>о</u>во I
здор<u>ов</u>-**ость**
здор<u>о</u>в-**j(**е) [здоровье]
[...]
здоров-**<u>е</u>**ть
в<u>ы</u>-здороветь
выздор<u>а</u>вл-**ива**-ть[2]
[...]
о-здоров<u>е</u>ть
оздор<u>а</u>вл-**ива**-ть
по-здоров<u>е</u>ть
о-здоров-**<u>и</u>**-ть
оздоров<u>и</u>ть-**ся**
оздоровл-**<u>я</u>**-ться 1
оздоровл-**<u>я</u>**-ть

[1] Numer oznacza kolejność gniazda w obrębie danej litery. Ze względów technicznych, inaczej niż w słowniku – kreską pod literą – oznaczam akcentowaną głoskę w wyrazie.

[2] W słownikach SSRJ i SGS kolejne stopnie pochodności derywatów tworzą układ schodkowy. W strukturze gniazd rosyjskich takty derywacji są dodatkowo wyróżnione graficznie i opatrzone numerami od 1 do 5, co zwiększa przejrzystość opisu; ze względów technicznych zrezygnowałam z ich przedstawienia w prezentowanych tu fragmentach gniazd.

оздоровлять-**ся** 2

3. Szerzej omówione zostaną słowotwórcze aspekty opisu gniazdowego w obu słownikach, zwłaszcza zagadnienia opisu derywacji czasowników prefiksalnych. W polskim słowniku gniazdowym gniazdom odczasownikowym poświęcony jest trzeci tom [SGS3 2004, dalej: SGS3], jednak zagadnienie opisu czasowników dotyczy też gniazd odrzeczownikowych i odprzymiotnikowych na poziomie derywacji czasownikowej.

3.1. Podstawy teoretyczno-metodologiczne opisu gniazdowego, mimo jego specyfiki, powinny się opierać na metodologii opisu słowotwórczego. Por.: „Metoda gniazdowa nadaje się najlepiej do przedstawiania relacji formalnych […]. Kryterium formalne jednak, choć uprzywilejowane jako zdające sprawę z możliwości tworzenia się łańcuchów morfologicznych w języku […], jest poddawane kontroli semantycznej [wyróżnienie – Z.R.-K.]. Jak zwykle, derywat musi mieć parafrazę" [NAGÓRKO 1985: 214].

Parafraza słowotwórcza – identyczna semantycznie z derywatem i zawierająca w swojej strukturze leksykalnej wyraz bazowy – jest odpowiednim narzędziem ustalania pochodności synchronicznej, czyli motywacji derywatu. Najczęściej procedura parafrazowania jednoznacznie wskazuje na relację między wyrazem motywowanym (derywatem) i wyrazem motywującym. Dlatego na przykład bardziej złożony semantycznie czasownik *cieszyć* (kogoś) 'powodować, że ktoś się cieszy' z elementem znaczeniowym 'powodować' traktujemy jako derywat od prostszego semantycznie, choć mającego bardziej złożoną strukturę formalną (morfem *się*) czasownika *cieszyć się*, podobnie bardziej złożony semantycznie czasownik kauzatywny *palić* (coś) 'powodować, że coś się pali' traktujemy jako derywat od czasownika mającego prostszą strukturę semantyczną *palić się*. Czasowniki prefiksalne *nacieszyć się* i *ucieszyć się* jako wyrazy pochodne od wyjściowego wyrazu prostego (czasownika) *cieszyć się* znajdują się na tym samym pierwszym takcie derywacyjnym, a czasownik prefiksalny *ucieszyć*, pochodny od bezprefiksalnego czasownika kauzatywnego *cieszyć*, dzielą od czasownika wyjściowego *cieszyć się* dwa takty. Podejście takie zaprezentowane jest w opisie derywacji tego typu czasowników w SGS3, np.

CIESZYĆ SIĘ
cieszyć V,V
na-cieszyć się V,V
[…]
u-cieszyć się V,V
ucieszyć V,V,V

W słowniku SSRJ natomiast zastosowano odwrotny kierunek derywacji. Czasownik *радоваться* z morfemem *-ся* 'cieszyć się' figuruje tu jako derywat od czasownika *радовать* 'cieszyć (kogoś)', podobnie *волноваться* 'denerwować się' przedstawiony jako derywat od czasownika *волновать* 'denerwować (kogoś)'. Przy takiej interpretacji czasowniki prefiksalne

обрадовать i *порадовать*, a także czasownik bezprefiksalny *радоваться* jako bezpośrednio pochodne od czasownika bezprefiksalnego *радовать* znajdują się od niego w minimalnej odległości jednego taktu. Od tych struktur też są derywowane czasowniki prefiksalne. Powiązania między czasownikami w gnieździe słowotwórczym ilustruje poniższy przykład ze słownika:

Рад I *Доволен, удовлетворен*
[...]
рад-ова-ть
радовать-ся
воз-радоваться
за-радоваться
на-радоваться
об-радоваться
по-радоваться 1
об-радовать
об-радовать-ся 2
по-радовать
по-радовать-ся 2

Prezentowany w słowniku SSRJ kierunek derywacji czasowników typu *радовать* → *радоваться* jest zgodny z przyjętą z góry przez jego autora zasadą podawania derywatów od podstawy czasownikowej w ściśle ustalonej kolejności na poszczególnych taktach, co ma odpowiadać specyfice słowotwórstwa języka rosyjskiego. W gniazdach z bazowym czasownikiem na pierwszym takcie umieszczono derywaty w następującej kolejności: „1) возвратный глагол; 2) суффиксальная форма несовершенного вида; 3) однонократный глагол; 4) многократный глагол; 5) отглагольные существительные […]; 6) причастия; 7) прилагательные; 8) наречия; 9) префиксальные и префиксально-суффиксальные глаголы (в алфавитном порядке); 10) сложные слова (в алфавитном порядке)” [ТИХОНОВ 1985: 11–12]. Jak widać, uprzywilejowaną pozycję ma szeroko pojęta grupa czasowników „zwrotnych”, zawierających morfem (afiks) *-ся*. Trzeba podkreślić, że wymieniona grupa czasowników jest bardzo zróżnicowana funkcjonalnie: wchodzą do niej zarówno czasowniki zwrotne w ścisłym znaczeniu, jak i konstrukcje nieosobowe, konstrukcje oznaczające mimowolny stan, czasowniki recyprokalne, a także czasowniki derywowane od czasowników rezultatywnych oznaczające samoistne procesy.

Jak widać, w opisie gniazdowym czasowników w SSRJ preferowane jest podejście formalne, przyznające strukturom z morfemem *-ся* status derywatów, a nieuwzględniające relacji semantycznej m.in. między czasownikami typu *радоваться* → *радовать*, która staje się jasna, gdy zastosować parafrazę słowotwórczą.

3.2. Zastosowane na obszernym materiale słownikowym parafrazowanie jako narzędzie ustalania związków motywacyjnych (znaczeniowych)

czasowników prefiksalnych z ich podstawami czasownikowymi przyniosło zespołowi autorów SGS3 wyniki, które rzucają nowe światło na interpretację derywacji prefiksalnej czasowników. Rozpoznana została nieopisana dotąd w pracach synchronicznych dotyczących słowotwórstwa czasowników dewerbalnych technika derywacji prefiksalnej wymiennej.

3.2.1. W językoznawstwie polskim **derywację wymienną** odnoszono do rzeczowników odrzeczownikowych i odprzymiotnikowych i traktowano jako zastępowanie sufiksu podstawy innym sufiksem w derywacie, np. *pracow-nik → pracow<>-nica, brod-aty → brod<>-acz* [1] [KREJA 1963; KREJA 2000: 9–15; KAPROŃ-CHARZYŃSKA 2005: 27–50; BURKACKA 2007: 55–66]. Z formalnego punktu widzenia relacja między podstawą i derywatem jest tu równorzędna, nie można wskazać członu prostszego i członu bardziej złożonego, kierunek derywacji jest wyznaczany przez znaczenie. Technice tej przypisuje się peryferyjne miejsce w systemie słowotwórczym rzeczowników [KAPROŃ-CHARZYŃSKA 2005: 18; NAGÓRKO 2010: 197– 199], czasem określa się ją jako *derywację ujemno-sufiksalną*, a formanty słowotwórcze jako *formanty ujemno-dodatnie* [WRÓBEL 2001: 195; KAPROŃ-CHARZYŃSKA 2005: 49]. W znanych mi pracach slawistycznych za granicą omawiana operacja słowotwórcza nie posiada statusu autonomicznej techniki derywacji wymiennej i w zasadzie trudno znaleźć innojęzyczne odpowiedniki wymienionych wyżej polskich terminów. Warto więc odnotować, że słownik terminologii językoznawczej w języku czeskim podaje termin *resufixace* i jego synonim *transsufixace* oraz termin *reprefixace* wraz z synonimem *transprefixace* [MARTINCOVÁ, BRABCOVÁ 1998: 97]. Termin *resufiksace* 'wymiana sufiksalna' ('wymiana sufiksów') poświadczony jest także m.in. w gramatyce czeskiej: „Resufiksace je náhrada jednoho sufixu druhým, který má jinou funkci, např. *vlas-atý → vlas-áč*" [ŠLOSAR 1995: 109]. W opisie systemu słowotwórczego czeskich rzeczowników odprzymiotnikowych i odrzeczownikowych autor nie nadaje mu jednak tej samej rangi, jaką ma sufiksacja. Operacje wymiany sufiksów przedstawia w ramach derywacji sufiksalnej, ściślej, w obrębie poszczególnych sufiksów, zob. np. nazwy atrybutywne z sufiksem *-ák* i *-áč* [ŠLOSAR 1995: 134]. Można w tym dostrzec upodrzędnienie przebiegu procesu słowotwórczego (przynajmniej etapu dotyczącego usuwania jednego z sufiksów) jego rezultatowi (dodaniu innego sufiksu). W literaturze językoznawczej ucięcia stanowiące często całe sufiksy lub prefiksy miały niską rangę wśród środków słowotwórczych. Dopiero od niedawna odnotowuje się istotne zmiany w hierarchizacji operacji i wykładników słowotwórczych [KAPROŃ-CHARZYŃSKA 2005; JADACKA 2007: 9–20;], sprzyjające przyznaniu ważnego miejsca derywacji wymiennej.

[1] Autorem terminu *derywacja wymienna* i badaczem samego zjawiska był polski językoznawca B. Kreja [KREJA 1963]. Derywację wymienną w wariancie sufiksalnym H. Jadacka określa jako *derywację sufiksalną wymienną* [JADACKA 2007: 18].

3.2.2. Zjawisko wymiany prefiksów jako techniki słowotwórczej w derywacji czasowników przedstawił po raz pierwszy, w perspektywie diachronicznej i w odniesieniu do ograniczonej liczby (trzech) klas znaczeniowych czasowników polskich, Witold Śmiech [ŚMIECH 1986]. Dopiero w trakcie prac nad tomem SGS3 poświęconym gniazdom czasownikowym ujawniła się skala zjawiska **derywacji prefiksalnej wymiennej** [SKARŻYŃSKI 2004: XII; WIŚNICKI 2009: 140].

Derywacja prefiksalna wymienna – zgodnie z definicją Michała Wiśnickiego – polega na usuwaniu prefiksu czasownika motywującego i zastępowaniu go innym prefiksem w derywacie [WIŚNICKI 2009, 139][1]. W tomie SGS3 przy ustalaniu motywacji zaproponowano **naturalne parafrazowanie** znaczeń czasowników prefiksalnych z odwołaniem się do innego czasownika prefiksalnego z tego samego gniazda. Według M. Skarżyńskiego taka interpretacja jest możliwa wtedy, gdy "parafraza wyraźnie wskazuje na powiązania motywacyjne między dwoma prefiksalnymi czasownikami, natomiast nie jest możliwe sparafrazowanie jednego z nich przez odwołanie się do bezprefiksalnego czasownika centralnego, por. *gnić* → *zgnić* – ale: *dognić, dogniwać* to raczej 'zgnić do końca', a więc: *zgnić* → *do-<>gnić, dogń-(iwać)*, i dalej: *nagnić* to 'zgnić w większej liczbie', a więc *zgnić* → *na-<>gnić*, zaś *podgnić*, *podgniwać* to 'trochę zgnić, od spodu', a więc: *zgnić* → *pod-<>gnić*, *pod-gń-(iwać)*. Podobnie *reinterpretować* to 'zinterpretować na nowo', czyli: *interpretować* → *z-interpretować* → *re-<>interpretować* 2" [SKARŻYŃSKI 2003: 48–49].

Rozpoznane w SGS przykłady występowania derywacji prefiksalnej wymiennej pozwalają zaobserwować pewną regularność relacji semantycznych między motywującym czasownikiem prefiksalnym i jego derywatem, przejawiającą się w różnych klasach (kategoriach) znaczeniowych czasowników, np.

Czasowniki dystrybutywne:

s-chować się → *po-<>chować się* 'schować się (o wielu w ciągu zdarzeń[2]): Ciekawe, gdzie *się* mewy *pochowały*. J. Głowacki, Good night, Dżerzi.

u-myć → *po-<>myć* 'umyć wiele czegoś w ciągu zdarzeń': *Pomyli* naczynia.

– kumulatywne:

---

[1] Nie sposób nie odnotować, że derywacją wymienną można także tłumaczyć powiązania motywacyjne między czasownikami z tematami związanymi, które nie poddają się innym interpretacjom, np. czasownik *przebrać* można zdefiniować przez *ubrać*, ale nie odwrotnie (dla żadnej z tych form nie można wskazać podstawy **brać*). Z synchronicznego punktu widzenia mamy tu do czynienia z niepełną podzielnością [NAGÓRKO 2010: 198–199].

[2] Wyodrębniam grupę czasowników dystrybutywnych, jednocześnie wskazując problem definiowania ich przez parafrazę.

z-gnić → *na-<>gnić* ‘zgnić w większej liczbie’: *Nagniło* dużo roślin.

u-kraść → *na-<>kraść* ‘ukraść dużo czegoś’: *Nakradł* książek.

– suplementarne:

na-pisać → *do-<>pisać* ‘napisać dodatkowo, dodać’: *Dopisał* życzenia w liście.

z-budować → *do-<>budować* ‘zbudować dodatkowo’: *Dobudował* garaż.

– majoratywne:

za-płacić → *prze-<>płacić* ‘zapłacić powyżej normy, ponad miarę’: *Przepłacił* wartość domu.

na-karmić → *prze-<>karmić* ‘nakarmić ponad miarę’: Łakomego pieska łatwo *przekarmić*.

– wysokiej efektywności:

z-gasić → *wy-<>gasić* ‘zgasić wszystko’: *Wygasili* wszystkie światła.

o-golić → *wy-<>golić* ‘ogolić całkowicie’: Kazałem im dokładnie *wygolić* twarze. ISJP.

– anulatywne:

za-plątać → *od-<>plątać* ‘uwolnić coś zaplątanego’: *Odplątał* sznurek z opakowania.

za-pakować → *roz-<>pakować* ‘wyjąć coś z opakowania’: *Rozpakowałem* jedzenie i położyłem na stole. ISJP.

– repetytywne:

na-pisać → *prze-<>pisać* ‘napisać jeszcze raz’: Notatkę *przepisał* do zeszytu. ISJP.

wy-drukować → *prze-<> drukować* ‘wydrukować ponownie’: Fragmenty książki *przedrukowało* znane czasopismo.

– transformatywne:

u-farbować → *prze-<>farbować* ‘zmienić coś na jakiś kolor, farbując go’: *Przefarbowała* włosy, ale ją poznałem. ISJP.

u-meblować → *prze-<>meblować* ‘zmienić umeblowanie; zmienić lub przestawić meble’: Po powrocie z wakacji Jacuś poczuł się dorosły i od razu *przemeblował* pokój. ISJP.

– reaktywne:

za-dzwonić → *od-<>dzwonić* ‘odpowiedzieć dzwoniąc’: *Oddzwonił* do Jana następnego dnia.

na-pisać → *od-<>-pisać* ‘odpowiedzieć pisemnie’: Szybko *odpisał* na mail.

Wyodrębnione grupy derywatów mają jedynie charakter ilustracyjny, nie uwzględniono w tym wykazie wielu innych klas semantyczno-słowotwórczych przedstawiających opisywane zjawisko[1].

---

[1] Trochę inną klasyfikację przedstawił M. Wiśnicki. Autor uwzględnia też udział różnych prefiksów w tworzeniu typów derywatów wymiennych oraz liczbę poświadczeń techniki derywacji wymiennej w każdym z tych typów derywatów [WIŚNICKI 2009: 142–147]. Por. także klasyfikację w: [STANKIEWICZ 2006].

Nie wszystkie derywaty reprezentujące w istocie kategorie (i mniej liczne klasy) słowotwórcze są rozpoznane w opisie słowotwórczym w słowniku SGS. Nawet te o przejrzystej strukturze formalno-semantycznej czasem nie są zidentyfikowane jako derywaty wymienne, np. czasowniki dystrybutywne: *pochować*, *pogłupieć*, kumulatywne: *nakraść*, majoratywne *przekarmić* i inne. W typie modyfikacyjnym derywatów wymiennych prefiks, np. *prze-* jest amalgamatem znaczenia aspektualnego nieciągłości (dokonaności), tożsamego ze znaczeniem aspektualnym podstawy, i znaczenia nieaspektualnego majoratywnego 'zbyt wiele'. Modyfikuje on jedynie znaczenie nieaspektualne leksemu podstawy, nie zmieniając znaczenia aspektualnego dokonaności, por. *nakarmić* → *przekarmić* 'nakarmić zbyt wiele'. W przypadku czasowników odczasownikowych typu mutacyjnego mogą występować kłopoty interpretacyjne związane z ich parafrazowaniem. Prefiks ma bowiem funkcję predykatu nadrzędnego, por. 'odpowiedzieć', 'zmienić' wobec treści podstawy, która go uzupełnia, ukazując sposób, w jaki to się stało, stąd użycie parafrazy z formą imiesłowu przysłówkowego lub rzeczownika odczasownikowego, np. *oddzwonić* 'odpowiedzieć dzwoniąc', *przemeblować* 'zmienić umeblowanie' albo z formą rzeczownika niepokrywającą się ze strukturą formalną definiowanego czasownika: *przemianować* 'zmienić nazwę czegoś'[1].

Ze względu na to, że w czasownikach odczasownikowych formanty pełnią także funkcję aspektualną, ustalenie różnorodnych relacji między derywatami odczasownikowymi i ich podstawami wymaga dużej precyzji. W opisie gniazdowym SGS3 przedstawiono oczywistą derywację aspektualną za pomocą prefiksów (czyste pary aspektualne), np. *myć* → *umyć, gnić* → *zgnić, meblować* → *umeblować* itp. Analiza słowotwórcza przeprowadzona na obszernym materiale językowym pozwala traktować te prefiksalne czasowniki ze znaczeniem aspektualnym dokonaności jako podstawy derywacyjne prefiksalnych czasowników dokonanych reprezentujących różne kategorie słowotwórcze: *umyć* → *pomyć*, *zgnić* → *nagnić*, *umeblować* → *przemeblować*[2] i in. Wskazują na to przedstawione wyżej parafrazy. W świetle tych ustaleń proponowane w słowniku takie rozstrzygnięcie: *z-interpretować* → *re-*<>*interpretować* 2 jest nie do zaakceptowania, ponieważ czasownik *reinterpretować* 2 jest derywowany od czasownika niedokonanego *interpretować* 2 'wykonywać utwór muzyczny' za pomocą formantu *re-*, który ma tylko funkcję znaczeniową 'na nowo, inaczej' (nie: aspektualną

[1] Parafraza słowotwórcza nie jest jedynym narzędziem ustalania motywacji. Por. wnikliwą analizę derywatów *podtruć*, *zatruć*, *podleczyć*, *zaleczyć* i stosowane przez autorkę definicje, prowadzące do nowych rozstrzygnięć derywacyjnych [FIJAŁKOWSKA 2016: 77–78].

[2] Niektóre formacje mogą stanowić podstawę derywacji sufiksalnej członów niedokonanych par aspektowych: *dopisać* → *dopisywać, przemeblować* → *przemeblowywać* itp. W języku polskim, w odróżnieniu np. od rosyjskiego i bułgarskiego, czasowniki dystrybutywne i większość kumulatywnych nie wykazują takich możliwości derywacji.

dokonaności!), por. przykład: W projekt TYMCZASEM wprowadza nas producent muzyczny Steez, z którym w pierwszym odcinku wchodzimy do studia nagraniowego, gdzie Sokół *reinterpretuje* utwór Sitka. https://noizz.pl/muzyka/premiera-pierwszego-odcinka-docuseries-z-udzialem-sokola/l39zhn2 (dostęp: 22.08.2018). Czasownik *reinterpretować* 2 stanowi zaś podstawę derywacyjną czasownika *zreinterpretować*, w którym prefiks *z-* wnosi znaczenie aspektualne dokonaności. Podobnie interpretujemy czasowniki z zapożyczonym prefiksem *de-* posiadającym znaczenie anulatywne: prefiks ten nie wnosi znaczenia aspektualnego dokonaności, np. *militaryzować* → *demilitaryzować* → *zdemilitaryzować*. Obce prefiksy *re-* i *de*(*z*)- w języku polskim nie podlegają regule derywacji aspektualnej, w której za pomocą prefiksu od czasownika ze znaczeniem niedokonaności (ciągłości akcji) tworzy się czasownik ze znaczeniem dokonaności (nieciągłości) oraz w efekcie powstaje czysta para aspektowa, np. *myć* → *umyć*.

Autorzy tomu gniazd odczasownikowych wyodrębnili ponad 300 czasowników prefiksalnych uznanych za derywaty utworzone od innych czasowników prefiksalnych [SKARŻYŃSKI 2004: XII]. Analizy M. Wiśnickiego uzupełniają dane statystyczne nie tylko w gniazdach odczasownikowych (442 gniazda z derywacją prefiksalną wymienną), ale także w gniazdach odprzymiotnikowych (52) i odrzeczownikowych (173), w których omawiany typ derywacji był oznaczony wyjątkowo [WIŚNICKI 2006; WIŚNICKI 2009: 140]. Podnosi to rangę derywacji prefiksalnej wymiennej wśród technik słowotwórczych.

Ustalenia zespołu autorów pod kierownictwem M. Skarżyńskiego dotyczące pojęcia derywacji prefiksalnej wymiennej i jej szerokiego zakresu w obrębie czasowników dewerbalnych mają nowatorski charakter. Umożliwiają inaczej spojrzeć na fakty słowotwórcze i przyznać autonomiczny status derywacji prefiksalnej wymiennej. Stanowią także inspirację do dalszych przemyśleń nad zjawiskami odnoszącymi się do derywacji wymiennej zarówno w wariancie sufiksalnym, jak i prefiksalnym.

Literatura

FIJAŁKOWSKA 2016: *W. Fijałkowska*. Czy derywaty prefiksalne wymienne wyrażają intensywność? // LingVaria. – R. 11, nr 2. –S. 71–82.

JADACKA 1995: *H. Jadacka*. Informacje wstępne // Rzeczownik polski jako baza derywacyjna. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN. – S. 9–14.

JADACKA 2001: *H. Jadacka*. Wstęp // Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego. T. 1: T. Vogelgesang; red. H. Jadacka. Gniazda odprzymiotnikowe. Kraków: UNIVERSITAS. – S. 7–32.

JADACKA 2007: *H. Jadacka*. O hierarchizacji w słowotwórstwie i jej skutkach dla opisu systemu derywacyjnego // LingVaria. – R. 2, nr 1. – S. 9–20.

KAPROŃ-CHARZYŃSKA 2005: *I. Kaproń-Charzyńska*. Derywacja ujemna we współczesnym języku polskim. Rzeczowniki i przymiotniki. – Toruń: TOP KURIER.

KREJA 1963: *B. Kreja*. Pojęcie derywacji wymiennej // Z Polskich Studiów Slawistycznych. Seria 4: Językoznawstwo. – S. 233–248.

MARTINCOVÁ, BRABCOVÁ 1998: *O. Martincová, R. Brabcová*. Malý slovník jazykovědných termínů. – Praha: Pedagogická fakulta Univerzity Karlovy.

NAGÓRKO 1998: *A. Nagórko*. Zarys gramatyki polskiej (ze słowotwórstwem). – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

NAGÓRKO 2010: *A. Nagórko*. Gramatyka podręczna języka polskiego. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

SKARŻYŃSKI 2003: *M. Skarżyński*. Czasowniki jako centra gniazd słowotwórczych. Z prac nad III tomem „Słownika gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego" // Słowotwórstwo gniazdowe. Historia, metody, zastosowania. Red. M. Skarżyński. – Kraków: Księgarnia Akademicka.

SKARŻYŃSKI 2004: *M. Skarżyński*. Wstęp // Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego. T. 3: M. Skarżyński et al.; red. M. Skarżyński. Gniazda odczasownikowe. – Kraków: Towarzystwo Wydawnicze «Historia Iegellonica». – S. VII–XIV.

ŠLOSAR 1995: *D. Šlosar*. Slovotvorba // Ed. P. Karlík et al. Příruční mluvnice češtiny. – Brno: Nakladatelství Ludové noviny. – S. 109–225.

STANKIEWICZ 2006: *J. Stankiewicz*. Wymiana prefiksów w derywacji odczasownikowej (na materiale gniazdowym) // Poradnik Językowy. – Z. 10. – S. 119–125.

ŚMIECH 1986: *W. Śmiech*. Derywacja prefiksalna czasowników polskich. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

TICHONOV 1985: *А.Н. Тихонов*. Как построен словарь. Основные понятия русского словообразования // А.Н. Тихонов. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1. – Москва: Русский язык. – С. 8–50.

WIŚNICKI 2006: *M. Wiśnicki*. O derywacji prefiksalno-wymiennej w słowotwórczych gniazdach rzeczowników i przymiotników // Poradnik Językowy. – Z. 10. – S. 126–133.

WIŚNICKI 2009: *M. Wiśnicki*. Derywacja prefiksalna wymienna w czasownikach polskich (w świetle danych gniazdowych) // LingVaria. – R. 4, nr 1. – S. 139–150.

WRÓBEL 2001: *H. Wróbel*. Gramatyka języka polskiego. – Kraków: Od Nowa.

Źródła

ISJP 2000: Inny słownik języka polskiego. T. 1–2. Red. *M. Bańko*. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

MSJP 1968: Mały słownik języka polskiego. Red. *S. Skorupka, H. Auderska, Z. Łempicka*. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

SGS 2001–2004: Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego. T. 1–4. – Kraków [SGS]:

T. 1: *T. Vogelgesang*; red. *H. Jadacka*. Gniazda odprzymiotnikowe. – Kraków: UNIVERSITAS, 2001.

T. 2: *H. Jadacka* [et al.]; red. *H. Jadacka*. Gniazda odrzeczownikowe. – Kraków: UNIVERSITAS, 2001.

T. 3, cz. 1–2: *M. Skarżyński* [et al.]; red. *M. Skarżyński*. Gniazda odczasownikowe. – Kraków: Towarzystwo Wydawnicze „Historia Iagellonica", 2004.

T. 4: *M. Skarżyński*; red. *M. Skarżyński*. Gniazda motywowane przez liczebniki, przysłówki, zaimki, przyimki, modulanty, onomatopeje, wykrzykniki. – Kraków: Towarzystwo Wydawnicze „Historia Iagellonica", 2004.

SSRJ 1985: *А.Н. Тихонов*. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1–2. – Москва: Русский язык. [SSRJ]

РАЗДЗЕЛ IV

ЛЕКСІКАГРАФІЯ І ТЭАРЭТЫЧНАЯ ПРАБЛЕМЫ СЛОВАЎТВАРЭННЯ

Харитончик Зинаида
Минский государственный лингвистический университет, Беларусь, Минск
zkharitonchik@mail.ru

В ПОИСКЕ РЕШЕНИЙ, ИЛИ К ОБСУЖДЕНИЮ ПРОБЛЕМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕСКРИПЦИИ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

В статье анализируется богатый денотативный диапазон производных слов типа *головка, персоналка* в русском языке и предлагается интерпретация их многочисленных вторичных значений как единого специфического широкого значения, объединяемого единым концептуальным стержнем. На его основе осуществляется формирование открытых семантических суперкатегорий, что разрешает репрезентацию словом разных референциальных классов, позволяя одновременно избежать многократного повторения деривационного акта.

Ключевые слова: производное слово, многозначность, широкозначность, метафора, концептуальный стержень, суперкатегория.

The paper is focused on the analysis of a rich denotational scope of derivatives of *головка*, *персоналка* type in Russian and offers an interpretation of their numerous secondary meanings as one specific semantically wide meaning, united by a common conceptual core. On its basis open semantic supercategories arise which let the word represent a variety of referential classes and avoid simultaneously multiple repetition of derivational acts.

Key words: derivative, polysemy, wide semantics, metaphor, conceptual core, supercategory.

Технологический прогресс в наш космический век, казалось, должен был бы избавить лексикографов от невероятной сложности составления словарей. Но, заменив компьютерными программами и устройствами многие формы ручного труда и получив в свое распоряжение корпуса и конкордансы, что в значительной степени облегчило работу по документации и семантизации лексикона того или иного языка (см. подробнее [RICE 2018]), а также электронные версии лучших образцов словарей и возникшие в последние десятилетия многочисленные онлайн-словари, обладающие по сравнению с печатными словарями рядом несомненных преимуществ, лексикографы, тем не менее, не приблизились сколь-нибудь серьезно к решению многочисленных теоретических проблем, с которыми сталкиваются мастера словарного дела. Очевидно,

что без ответа на них – интуитивного или концептуально обоснованного – невозможна, как неоднократно подчеркивалось в металексикографических теоретических разработках, адекватная реакция на возросшие социальные потребности в активно создаваемых сегодня словарях разного типа, особенно лексиконах умирающих языков, и, еще более, в словарях как информационных источниках и информационном инструментарии [BERGENHOLTZ 2012: 40]. Проблематичной становится также реализация невероятно широких перспектив, открываемых электронной (онлайн, цифровой) лексикографией, которой не присущи, как утверждают Р. Лев и Ж.М. Шривер [LEW, SCHRYVER 2014], многие из парадоксов словарной статьи, описанных Н.Ю. Шведовой [ШВЕДОВА 1984], например, противоречие между требованием экономии пространства словарной статьи и стремлением к исчерпывающей и неизбыточной характеристике всех лингвистически существенных свойств лексической единицы как, по выражению Ю.Д. Апресяна [АПРЕСЯН 1995: 391], лексикографическому идеалу.

В центре этих проблем, как явствует из огромного количества материалов симпозиумов и конференций, регулярно организуемых возникшими в разных уголках земного шара лексикографическими сообществами, статей и рецензий в публикуемых лексикографических и лингвистических журналах и изданиях, стоят, как и следовало ожидать, вопросы тождества/отдельности слов и соответственно словарной лемматизации, а также семантического их описания. Ставшие объектом бесконечной критики различные решения, принимаемые составителем/ями словаря относительно омонимии/полисемии языковых форм и отражаемые в единстве или раздельности описывающих их словарных статей, различия в количественной и/ или качественной дескрипции семантики слов убедительно свидетельствуют о том, что, несмотря на огромное число трудов, полисемия, или многозначность как основная разновидность асимметрии языковых знаков, остается, тем не менее, одним из самых загадочных языковых явлений. Формируя область глубочайших сомнений, испытываемых исследователями лексической семантики и лексикографами, она порою приводит ученых к отказу от разграничения полисемии и омонимии и даже отказу от принятого в лексикографической практике традиционного представления семантической структуры многозначного слова [BERGENHOLTZ, GOUWS 2017].

В контексте обсуждаемой проблематики особую актуальность приобретает вопрос о семантике и лексикографической дескрипции производных слов, в которых имеет место не только развитие семантических структур по общим с простыми словами закономерностям, но также широко представлена отраженная полисемия, полисемия, связанная с многозначностью аффиксов и возможностью разных типов отношений, связывающих ономасиологический базис и

ономасиологический признак, т.е. разных ономасиологических связок, и т.д. Не приводя здесь подробные их описания (они хорошо известны в лингвистической литературе), необходимо подчеркнуть принципиальное различие между многократным использованием имени в различных его значениях, ведущим к возникновению отраженной полисемии дериватов (*сердечная мышца*, *сердечная болезнь, сердечный приступ*; *сердечные волнения, сердечные тревоги, сердечные дела*), между неоднократным использованием имени в качестве производящей базы в одном и том же ее значении с целью передачи различных смысловых модификаций (ср., например, *сердечный клапан*, *сердечные заболевания*, *сердечный санаторий*, *сердечные средства*) и актуализацией из репрезентируемой концептуальной структуры, к которой имя открывает доступ, не одной, а многих ее характеристик. Свободный выбор из общего знания, например, о лисе сведений о ее внешнем виде и своеобразной форме частей тела (*лисий облик Шерстобитовой*; *очень красивая девушка: большие глаза, лисий такой носик*; *чей-то лисий подбородок*; *с его лисьего личика*; *лисья морда одного из ублюдков*; *лисья физиономия*, *крепко сжатые лисьи зубы*; *узенький лисий месяц*; *У него хвост лисий*[1]), о хитрости и интеллекте (*какие-то лисьи увертки*; *эта габсбургская лисья хитрость*; *здесь и лисий ум, и изворотливость, и тайная способность к игре без правил*; *корректный, тихий, лисий адвокат*; *каждый лисий поворот Аджубея*; *многое может лисий язык*; *лисьи речи*; *впечатление лисьего заговариванья*; *лисьи глазки Игната*), о специфическом (рыжем) цвете меха (*волос у меня везде лисий, бланжевый, а по рукам с красниной*; *прической ярко-лисьего цвета*), своеобразном запахе (*и какой за нею стелется лисий, песий запах*), тонком слухе (*лисий у ней слух*) и других качествах (*той же лисьего вида улыбкою*; *лисий шелк между лопаток*) позволяют говорящим многократно использовать сравнение с данным животным для выражения специфических качеств человека. Отзоонимные адъективные слова типа *лисий*, *лошадиный, коровий, кошачий*, *волчий* и др., равно как и производные имена прилагательные в целом, в своих качественных значениях убедительно демонстрируют широту свойств обозначаемых объектов, выбираемых из содержания производящих баз – источников наименования в качестве оснований для связывания с тем, что требует называния – целями номинации, что значительно расширяет выразительные возможности данного языка.

Не менее яркие примеры дают нам и метафорические значения диминутивов типа рус. *головка*, *ножка*, *шляпка*, *язычок* и т.д., в семантике которых поражает денотативное многообразие того, на что может указывать метафорически используемое имя благодаря устанавливаемому,

[1] Все примеры, представляющие собой высказывания, сокращенные в целях экономии места до словосочетаний, извлечены из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

порою на нескольких основаниях, сходству с тем, что это имя называет в основном своем значении, с одной стороны, и границы между значениями, с другой. Ср., например, описания в словарях русского языка (с небольшими вариациями) слова *головка*, в семантике которого, наряду с уменьшительно-ласкательными значениями, основанными на 1 и 8 значениях слова *голова*, фиксируются ‘2. Утолщенная или выступающая вперед (обычно округлая), часть, оконечность чего-л. (*Г. болта, винта. Г. спичек. Г. ключа. Г. гранаты. Булавка с цветной головкой. Г. ракеты* (*боеголовка*). *Г. рельсов* (*верхняя утолщенная часть рельса, по которой катятся колеса вагонов*) // В струнных музыкальных инструментах (скрипке, виолончели и т.п.) деревянная колодка, в которой находятся колки для натягивания струн. 3. Шаровидное или продолговатое соцветие, шаровидный плод некоторых растений. *Головки мака, клевера*. // луковица репчатого лука, чеснока. *Съесть головку чеснока*. 4. *Разг.* Группа начальствующих, руководящих лиц. *Собралась вся г.* 5. Пришивная часть сапог, покрывающая пальцы и верхнюю часть ступни. *Сапожник пришил новые головки к старым голенищам*. 6. *Устар*. Головная повязка, которую носили замужние женщины в купеческом, мещанском и крестьянском быту’.

Как явствует из дефиниций, в одну категорию и соответственно в отдельное значение сводятся, как правило, определенные части артефактов типа *гвоздя, винта, болта, шурупа, булавы, жезла, ключа, станка, ракеты, клюшки* и части тела (*мышцы, кости*). Другую категорию формируют растения (*клевер, мак, пион*), цветок которых называется *головкой*. Для растений типа лука, чеснока такое наименование получает их плод. Отдельную рубрику в лексикографической дескрипции получает группа начальствующих лиц (*профсоюзная, партийная, руководящая головка*). Еще одно значение слова *головка* связано с наименованием данной формой части разных видов обуви (*головки сапог, ботинок, башмаков, бурок*). Если к этому добавить сведения из Интернета (*головки блока цилиндров, головки торцевые, соединительные, шарнирные, раздаточные, печатающие, формующие, моющие, бритвенные, косильные, пожарные цапковые, скутера, мопеда, мотоцикла, триммера* и т.д., то широта денотативной отнесенности слова *головка*, т.е. то, что называется сегодня *головкой*, вырастет во много раз.

Аналогичная картина наблюдается и в семантике слова *ножка*, у которого наряду с уменьшительно-ласкательным значением (*стройные женские ножки*) фиксируются значения ‘2. Опора, стойка (мебели, утвари и т. п.). *Ножка дивана, стола, стула, самовара*. 3. Стебель травянистого растения, поддерживающий цветок или соцветие. *Н. тюльпана, гвоздики, ландыша, одуванчика*. 4. Идущая от грибницы к шляпке тонкая или утолщённая часть гриба. *Толстая, короткая, высокая н. Шероховатая н. Полая н. лисички, сыроежки*. 5. Один из раздвижных стержней

измерительного или чертёжного инструмента. *Н. циркуля*’, к которым Интернет добавляет *ножки приборные*, *ножки корпуса* и др.

Приведенные примеры, перечень которых легко продолжить, делают очевидным, что все эти значения объединены единым семантическим стержнем, в основе которого лежат сходство с головой, ногой или другими частями человеческого тела и их небольшой размер. Соответственно они есть значения, в основе которых лежит уподобление, и лишь узус определяет тип денотатов, своеобразная по форме часть которых получает данное наименование. Подчеркнем также, что в этом случае составители словарей русского языка стремятся подсказать пользователям то широкое денотативное пространство, с которым связаны метафорические значения, не претендуя, однако, на исчерпывающий характер своего описания. Будучи не в силах охватить все денотативное многообразие, которое скрывается за компаративными значениями лексических единиц данного типа и, как свидетельствуют примеры из Интернета, интенсивно расширяется, лексикографы фиксируют лишь наиболее распространенные типы денотатов, зачастую расходясь со своими коллегами, порою значительно, в типах регистрируемых денотативных областей. (Заметим попутно, что такая практика характерна и для словарей английского языка).

Еще один пример широкой семантики дают универбаты. Признание за сжатой формой мотивирующего словосочетания статуса производного слова влечет за собой ряд серьезных последствий, в первую очередь лексического характера, главным из которых в контексте данной работы является то, что образованная единица оказывается способной закреплять за собой не одно значение. Например, *персоналка* обозначает ‘1) персональное дело; 2) персональный компьютер; 3) персональная машина; 4) персональная охрана’. Тождество определительного элемента, остающегося после компрессии словосочетаний и потери определяемых слов, скорее не разъединяет, а семантически объединяет результаты словообразовательных актов. Выполняя роль звена, связующего семантически разные идентичные формы, определительный компонент создает возможность для обозначения производной единицей целого ряда денотативных областей и ее лексикографической дескрипции в виде формулы «что-л., характеризуемое указанным признаком», аналогичной реальным лексикографическим дефинициям производных слов типа «относящийся к тому, связанный с тем, на что указывает производящая база». Ср. также дескрипцию слова *плетенка* ‘1. Плетёное изделие. *2.* Продолговатый витой белый хлеб’ в Толковом словаре русского языка онлайн, в которой за первым значением скрывается то, что *плетенкой* называется и ‘плетеная мебель’, и ‘корзина, сплетенная из прутьев’, и ‘обувь с плетеным верхом’, и ‘леска’, и ‘узор из плетеных линий’. К этой же группе принадлежат и *пуховик* ‘1. пуховая перина, 2. Куртка или пальто

на пуху’, *ковбойка* ‘1. плотная клетчатая рубашка простого покроя с отложным воротом, 2. шляпа’, *Таганка* ‘1. театр на Таганке, 2.Таганская тюрьма’, *подземка* ‘1. подземный переход, 2. подземная часть метро’, *секретки* ‘1. гайки с секретом, 2. секретные ключи, 3. секретные болты’ и многие другие. Связь выражаемых ими смыслов является немаловажным фактором в пользу отказа от рассмотрения единиц данного типа как омонимов. Эта связь может быть гиперонимической (*выделенка* ‘выделенная линия’, ‘выделенная полоса для общественного транспорта на трассе’, *служебка* ‘служебное помещение’, ‘служебное жилье’) или метонимической (*овсянка* ‘овсяная крупа’, ‘каша из овсяной крупы’; *гречка* ‘гречневая крупа’, ‘каша из гречневой крупы’; *шотландка* ‘пёстрая клетчатая ткань’, ‘клетка’, ‘юбка из пёстрой клетчатой ткани’). В семантике универбатов могут устанавливаться также фреймовые отношения (*коммуналка* ‘коммунальная квартира’, ‘коммунальные расходы’, ‘коммунальные услуги’; *гарантийка* ‘гарантийный отдел’, ‘гарантийная мастерская’, ‘гарантийный чек’; *уголовка* ‘уголовное преступление’, ‘уголовные преступники’, ‘уголовный розыск’ и др.). Значения некоторых универбатов могут различаться лишь направленностью характеризующих определяемое предикатов (ср. *аварийка* ‘машина, потерпевшая аварию’, ‘машина, приходящая на помощь в аварии’), что также наблюдается в производных аффиксальных словах.

Референциальная многоплановость затемняет и, отодвигая на второй план общность ономасиологического признака, скрывает близость универбатов метафорическим переносам, обязательным условием для которых является, как известно, наличие некоторого концептуального интегративного пространства в виде семантического компонента, общего как для цели, так и для источника номинации.

Специфика лексикографической дескрипции семантического богатства производных указанного типа требует, на наш взгляд, теоретических объяснений и той или иной интерпретации их деривационной истории. Действительно, относительно всех типов приведенных дериватов возникает вопрос, является ли многообразие их денотативного диапазона результатом одного или многих деривационных актов и какого типа (морфологической или семантической деривации) или их совместного действия и соответственно проявлением полисемии. Можно также предположить, что формирование семантики данных производных есть результат одной или нескольких операций сравнения (для компаративных производных) или опущения (для универбатов) в зависимости от того, по одному или нескольким свойствам, характеризующим производящие слова, осуществляется сравнение. Широкий диапазон наличия этого свойства у разных объектов окружающего мира обусловливает категориальную широту компаративного значения у производных существительных и

прилагательных, с одной стороны, и широкое денотативное пространство универбатов, с другой. Для лексиколога же данная проблема предстает еще в одном аспекте, а именно в плане характеристики передаваемого содержания как моносемии, полисемии или же широкозначности в концепции В.Я. Плоткина и Л.Я. Гросула [ПЛОТКИН, ГРОСУЛ 1982], т.е. как особого обобщенного значения (general meaning) в трактовке Дж. Златева [ZLATEV 2003].

Ответы на поставленные вопросы мы связываем в первую очередь со значительным прогрессом, сделанным в области лексикографического описания семантики слов, в том числе и производных, по линии унификации их лексикографических дескрипций, необходимость и возможность которой была убедительно доказана интенсивными теоретическими изысканиями, практикой составления словников, включающих ограниченное (не более 3000) число слов-семантических идентификаторов и др. Еще один важный шаг в разрешении проблем лексикографической репрезентации слов, в частности, дериватов указанного типа, видится нам в формировании когнитивной лексикографии (см., например, [OSTERMANN 2015]), возникшей как естественное продолжение когнитивизма, лежащего в основе традиционных семантических дескрипций в лексикографических трудах. Он стал возможен также и как следствие существенных сдвигов в интерпретации природы и механизмов возникновения полисемии, произошедших под влиянием когнитивной лингвистики, обратившейся к когнитивным аспектам языковых единиц, к системному описанию моделей многозначных слов, к анализу оснований концептуальной интеграции в деривационных процессах, к исследованию когнитивного потенциала языковых форм и характеристик компонентов значения – их салиентности и релевантности – как факторов, определяющих деривационную активность слова, и в итоге степень его полисемии. Более тонкое понимание онтологических оснований семантики слова, сопряженное с более глубоким знанием о категоризации и концептуализации, позволяет, что чрезвычайно важно, по достоинству оценить практику лексикографического описания дериватов и найти аргументы в пользу принимаемых решений, а также, возможно, избавиться, хотя бы частично, от проблем ее описания, наиболее ярко предстающих в лексикографии в виде качественных и количественных разногласий в представлении семантических структур тождественных единиц в разных словарях.

Легко предположить, что наиболее оптимальным способом дескрипции производных, в основе семантики которых лежит некоторый общий ономасиологический признак, может стать перечисление всех возможных свойств, связываемых с содержанием производящих баз, и вытекающая из этого открытость семантической структуры производного слова. Однако необходимость разграничения актуального и

потенциального, узуального и окказионального ставит исследователя, выбравшего данный путь, перед неразрешимой задачей. Закономерным поэтому представляется то, что лексикографы, не пытаясь охватить всю широту свойств, обозначаемых этими словами, ограничивают свои семантические описания данных слов отсылками к их производящим словам и указанием сходства «такой как, свойственный тому, что обозначено производящим словом» для производных прилагательных или «что-либо, имеющее признак или свойство» для существительных (ср. у В.И. Даля ‘вещь, уподобляемая по виду *головѣ*, какъ нпр. ... ***головка*** *луку, чесноку*; ***головка*** *капусты юж.* кочанъ, вило'къ; насадокъ на чемъ-либо, шляпка; ***головка*** *булавки*’ [ДАЛЬ 1989]), тем самым предоставляя пользователям словарей с помощью контекста разрешать весьма непростую задачу идентификации передаваемого содержания. Заметим также, что такая практика особенно характерна для лексикографических описаний в англоязычных словарях, использующих в дефинициях неопределенные местоимения anything или something that... Несомненным преимуществом этих интуитивно принимаемых, но верных, на наш взгляд, решений является открытость семантической дескрипции, при несомненной фиксации ее концептуального стержня, опора на прототипические ориентиры, их недостатком – то, что получатель сообщения вынужден, опираясь на свой собственный опыт и на контекст, разрешать весьма непростую задачу идентификации передаваемого содержания. Но и в этом плане многие составители словарей пытаются избавиться от данного недостатка путем указания оттенков значения.

Думается также, что в анализируемом языковом материале сущность передаваемых в результате метафоры смыслов, ряд которых могут получить статус узуальных значений, а многие остаются на уровне контекстуальных, прагматических реализаций некоторой информации, заключенной в концептуальных структурах, предопределяет широкозначность компаративных дериватов, которая наилучшим образом отражает их семантический характер. Вероятно также, что благодаря широкозначности метафоры, скрытой за формой имени, говорящий получает возможность избежать многократного повторения деривационного акта, обращаясь вновь и вновь к одному и тому же производящему слову. Вместо этого он, опираясь на сравнение, выбирает подходящее для него основание, уточняя формулу сравнения и делая его полным и по-новому звучащим.

Склоняясь к интерпретации значений данного типа производных слов как широкозначных с опосредованной связью их вариантов, мы одновременно должны признать и формирование своеобразного типа категорий, соединяющих в едином семантическом пространстве значения, характеризуемые некоторым общим некатегориальным признаком и являющихся по своей природе суперкатегориями – аналогами категорий,

репрезентируемых словами *растение*, *животное* и др. Недостаточно изученные, они, тем не менее, играют значимую роль в деривационных процессах, позволяя уловить семантические связи языковых единиц не только по ведущим частеречным и категориальным признакам, но и по линии дифференциальных свойств обозначаемых ими сущностей. Таким образом, отличаясь по концептуальному основанию – категориальные vs некатегориальные, релевантные vs салиентные признаки – от других актов категоризации, компаративные дериваты в своих широкозначных метафорических значениях, подкрепляемых тождеством словообразовательного значения, объединяют, подобно гиперонимам, множество разных по своим денотативным характеристикам классов сущностей, формируя тем самым своеобразные нетаксономические категории. Различие же избираемых оснований, по которым осуществляется сравнение, т.е. ономасиологических связок, может стать индикатором разных словообразовательных актов и соответственно полисемии дериватов.

Литература

АПРЕСЯН 1995: *Ю.Д. Апресян*. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры». – Том II.

НКРЯ: *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru. – Дата доступа: 12.03.2019

ПЛОТКИН, ГРОСУЛ 1982: *В.Я. Плоткин, Л.Я. Гросул*. Широкозначность как лексико-семантическая категория // Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях / отв. ред. В. Н. Ярцева. – Кишинев: Штиинца. – С. 81–86.

ШВЕДОВА 1984: *Н.Ю. Шведова*. Об активных потенциях, заключенных в слове // Слово в грамматике и словаре. – М.: Наука. – С. 7–15.

BERGENHOLTZ 2012: *H. Bergenholtz*. What is Lexicography? // Lexikos 22 (AFRILEX-reeks/series 22). – P. 31–42.

BERGENHOLTZ, GOUWS 2017: *H. Bergenholtz, R.H. Gouws*. Polyseme Selection, Lemma Selection and Article Selection // Lexikos 27 (AFRILEX-reeks/series 27). – P. 107–131.

LEW, SCHRYVER 2014: *R. Lew, G.M. de Schryver*. Dictionary users in the digital revolution // International Journal of Lexicography. – Vol. 27. No. 4. – P. 341–359.

OSTERMANN 2015: *C. Ostermann*. Cognitive Lexicography: A new approach to Lexicography. Making use of Cognitive semantics / Lexicographica. Series major. Vol.149. –Walter de Gruyter.

RICE 2018: *K. Rice*. Reflections on documenting the lexicon // Reflections on Language Documentation 20 Years after Himmelmann 1998.

Language Documentation & Conservation Special Publication No. 15. Ed. by Bradley McDonnell, Andrea L. Berez-Kroeker & Gary Holton, 2018, University of Hawai‘i Press. P. 183–190. Mode of access: http://nflrc.hawaii.edu/ldc/ http://hdl.handle.net/10125/24819 Date of access: 3.04.2019

ZLATEV 2003: *J. Zlatev*. Polysemy or Generality? Mu // Cognitive Approaches to Lexical Semantics. Ed. by Cuyckens, H., Dirven, R., Taylor, J. R. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter. P. 446–494.

Словари

ДАЛЬ 1989: *В.И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М.: Рус.яз.

БАС 1998: Большой толковый словарь / гл. ред. *А.С. Кузнецов*. – СПб.: Норинт, 1998 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gramota.ru. – Дата доступа: 20.03.2019.

ОЖЕГОВ 1986: *С.И. Ожегов*. Словарь русского языка / С.И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ozhegov.com. – Дата доступа: 10.02.2019

ЕФРЕМОВА: Современный толковый словарь русского языка / сост. *Т.Ф. Ефремова* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/efremova. – Дата доступа: 12.03.2019

Хаммель Роберт
Институт славистики и венгерской филологии, Берлинский университет имени Гумбольдта, ФРГ, Берлин
robert.hammel@hu-berlin.de

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И АВТОРСКИЙ СТИЛЬ

В статье на примере нескольких рассказов четырех современных российских авторов рассматривается, в какой степени словообразовательные приемы данных авторов являются характерной чертой их индивидуального художественного стиля. В последнее время вопросами авторского стиля и авторской атрибуции занимается в том числе и стилеметрия. В центре внимания стилеметрических анализов прежде всего оказываются такие признаки как длина предложений, частота служебных слов, наиболее употребительные лексемы и т. д. Существуют, однако, и попытки применять в стилеметрии анализ словообразовательных средств, например образования прилагательных с префиксом *без-* в произведениях русских символистов [ср. МАРТЫНЕНКО 1988: 85–89]. Исходя из гипотезы, что писатель, как правило, использует не только характерные окказиональные словообразования и гапаксы, но и оказывает предпочтение определенным общелитературным словообразовательным типам, в статье будет предпринята попытка оценить эффективность словообразования для анализа индивидуального авторского стиля на основе выбранных словообразовательных типов прилагательных и существительных. Методы такого анализа имеют точки соприкосновения с другими областями лингвистики, например с корпусной лингвистикой, а также с работой над конкордансом к произведениям определенных авторов и т.д.

Ключевые слова: авторский стиль, словообразование прилагательных, словообразование существительных, стилеметрия.

Based on examples from short stories by four contemporary Russian writers the present article examines to which extent word formation is a characteristic feature of individual author styles. In recent years particularly stylometry deals with problems of authorship attribution examining above all features such as sentence length, frequency of function words, most frequent lexemes etc. Some studies, however, also apply stylometric analyses to word formation, cf. G. Ya. Martynenko's analysis of adjectives with the prefix *без-* in poems by Russian symbolists. Starting from the hypothesis that authors not only make use of occasional word formations and hapaxes, but above all draw from regular word formation patterns the present contribution analyses to which extent word formation is suitable for an analysis of author's style. The methods suggested may be useful in other fields of linguistic research such as corpus linguistics but also for concordances of works by individual authors.

Key words: author's style, word formation of adjectives, word formation of nouns, stylometry.

1. Введение

Индивидуальный авторский стиль как художественной, так и нехудожественной прозы определяется своеобразным выбором языковых средств, которые заключают в себе кроме морфологических форм, лексических единиц, синтаксических конструкций и т. п. характерное для

данного автора употребление словообразовательных аффиксов [МОСКВИН 2016: 154–157]. В связи с этим надо различать между окказиональным словообразованием, с одной стороны, и более или менее распространенными словообразовательными типами, с другой стороны [ср. ЗЕМСКАЯ 1973: 227–240]. Хотя особенно в художественных произведениях найдутся, как правило, окказиональные слова (гапаксы, дислегомены), позволяющие, по мнению некоторых исследователей, однозначно определить автора [HOLMES 1994: 97–98], на наш взгляд, не менее интересен вопрос, в какой степени данный автор пользуется распространенными словообразовательными типами. Согласно нашей гипотезе, стилистические особенности произведений определенного автора обусловлены специфическим выбором того или другого общелитературного словообразовательного типа.

При описании авторского стиля художественных текстов в центре внимания все больше находится использование статистических методов, особенно в связи с авторской атрибуцией, основная задача которой «заключается в установлении авторской принадлежности произведения» [МАРТЫНЕНКО 1988: 5]. Вероятностно-статистические методы авторской атрибуции с конца XIX века известны под названием «стилеметрия» [МАРТЫНЕНКО 1988: 5]. Методы стилеметрии применяются в трех спорах, которые в последнее время получили широкую известность, а именно спор об авторе романа *Тихого Дона*, спор о настоящем авторе комедий, обычно приписываемых Мольеру, и, наконец, давние сомнения в авторстве Уильяма Шекспира, приобретшие благодаря статистическим методам новую актуальность. После того как в 1974 году в Париже появилась книга И. Н. Медведевой-Томашевской под псевдонимом Д*, в которой она возвращается к тезису о Ф. Крюкове как авторе *Тихого Дона*, норвежский литературовед Г. Хьетсо с несколькими коллегами провел сравнительный статистический анализ произведений Ф. Крюкова и М. Шолохова, в результате которого он опроверг этот тезис [KJETSAA, GUSTAVSSON, BECKMAN, GIL 1984; русский перевод ХЬЕТСО, ГУСТАВССОН, БЕКМАН, ГИЛ 1989]. В случае мольеровских комедий еще в начале XX века впервые возникло предположение, что автором большой части его пьес в действительности был поэт и драматург Пьер Корнель [ср. GOUJON, LEFRÈRE 2006]. Д. Лаббе позже заявил, что проведенный им статистический анализ словарного состава произведений обоих авторов подтверждает это предположение [LABBÉ, LABBÉ 2001; LABBÉ 2009]. В еще более старом споре об авторстве шекспировских пьес, восходящем к 70-ым годам XIX века [EGAN 2017], статистические анализы указывают на то, что в нескольких его произведениях участвовали соавторы, например в пьесе *Генрих VI*, которая, по-видимому, была частично написана поэтом и современником Шекспира Кристофером Марло [TAYLOR, LOUGHNANE 2017: 493–499, 513–517].

В вышеупомянутых работах статистические анализы художественных произведений опираются прежде всего на следующие стилистические признаки:

- длина слов;
- длина предложений;
- распределение и сочетание частей речи в начале и в конце предложений;
- богатство словарного запаса;
- частота служебных слов;
- наиболее употребительные слова (лексемы) [BAAYEN 2001: 211–214];
- редкие слова;
- гендиадисы (ср. WRIGHT 1982 о гендиадисах в произведениях Шекспира).

Как видно из этого перечня, здесь отсутствуют анализы словообразовательных свойств данных произведений. В исследованиях отмечается, правда, перечисление сложных лексем, написанных через дефис как один из возможных тестов на установление авторства Шекспира [ELLIOT, VALENZA 1991: 206], но, в общем и целом, словообразование редко учитывается как релевантный стилистический параметр. Здесь можно упомянуть статистический анализ употребления т. н. «бесконечных эпитетов», т. е. прилагательных с префиксом *без-* в произведениях русских символистов, который провел Г. Я. Мартыненко [МАРТЫНЕНКО 1988: 85–90] в своем введении в стилеметрию. По мнению автора «тема бесконечной (экстатической) напряженности, чрезмерности, экстремальности переживаемого» [МАРТЫНЕНКО 1988, 86], характерная для русских символистов особенно старшего поколения, воплощается в употреблении прилагательных с приставкой *без-*, выражающих отсутствие какого-л. признака. На основе четырех выборок по 300 словоупотреблений прилагательных на *без-* из стихотворений Ф. Сологуба, В. Брюсова, К. Бальмонта и А. Блока Г. Мартыненко создает объединенный частотный словарь «бесконечных эпитетов» этих четырех поэтов, приводит ранговые средние для отдельных авторов и на примере стихотворений А. Блока иллюстрирует зависимость статистик распределения прилагательных на *без-* от объема выборки.

В соответствии с нашей вышеупомянутой гипотезой мы предполагаем, что частота употребления того или иного словообразовательного аффикса или в общем какого-л. словообразовательного типа в большой степени определяется индивидуальным авторским стилем и может таким образом служить для авторской атрибуции. Кроме этого, можно создать дериватологические

словари языка определенных авторов, в которых приведены инвентарь и частоты употребления словообразовательных аффиксов. На наш взгляд, такие словари дополнили бы традиционные словари языка русских писателей, охватывающие, как правило, состав лексем, ср. например словари языка Пушкина [ВИНОГРАДОВ 1956–1961], Достоевского [КАРАУЛОВ 2008–2017, ШАЙКЕВИЧ, АНДРЮЩЕНКО, РЕБЕЦКАЯ 2003], Грибоедова [ПОЛЯКОВ 2008] и словарь языка рассказов Куприна [МАРТЫНЕНКО 2006].

В настоящей статье мы предлагаем на основе двенадцати рассказов четырех современных российских авторов, двух женщин и двух мужчин, анализ определенных аффиксальных и аффиксально-сложных словообразований, которые, по нашему мнению, особенно обусловлены индивидуальным выбором автора и таким образом являются характерными для его стиля. Сначала мы представим некоторые на наш взгляд характерные словообразовательные типы, потом мы проанализируем их распределение у выбранных нами авторов и наконец проверим, действительно ли они позволяют сделать какой-либо вывод о конкретном авторе.

2. Выбор словообразовательных типов

Одной из основных целей использования словообразовательных средств в художественной речи является по мнению В. Н. Виноградовой создание “собственно авторской речи, речи автора «от себя»” [ВИНОГРАДОВА 2012: 200], т.е. субъективной окраски текста. В отличие от В. Виноградовой, подчеркивающей индивидуальное словотворчество автора как своего рода норму художественной прозы, мы в дальнейшем обратим внимание прежде всего на частоту употребления общелитературных словообразовательных типов. Впрочем, на наш взгляд, не все части речи равным образом способны на основе их категориального значения выразить субъективную окраску художественного текста. Особенно подходит для выражения субъективности и экспрессивности как раз словообразование прилагательных, категориальным значением которых, как известно, является какой-нибудь признак (качество, свойство) [ср. ШВЕДОВА, ЛОПАТИН 2002: 241]. По словам В. Виноградовой «[э]питеты всегда признавались важнейшей принадлежностью поэтической (в широком смысле слова) речи» [ВИНОГРАДОВА 2012: 204]. Кроме того, значение отвлеченного признака выступает также у имен существительных [ср. ЗЕМСКАЯ 1973: 245]. У обеих частей речи проявляется также уменьшительно-ласкательное значение. Как следует из проведенного В. Виноградовой анализа словообразования авторской художественной речи, в сфере словообразования прилагательных существует широкий диапазон производных лексем, мотивированных как существительными, так и

прилагательными и глаголами, хотя в гораздо меньшей степени. [ср. ВИНОГРАДОВА 2012: 204–245]. В целях проверки нашей гипотезы об индивидуальном использовании автором общелитературных словообразовательных средств мы анализировали следующие аффиксальные и аффиксально-сложные словообразовательные типы прилагательных и существительных. Под словообразовательным типом мы вслед за Е. А. Земской, Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатиным понимаем схему строения ряда производных слов (лексем), характеризуемых “общностью части речи непосредственно мотивирующих слов и формантом, тождественным в материальном и семантическом отношении” [ШВЕДОВА, ЛОПАТИН 2002: 46]. В аффиксальном способе словообразования этот формант является аффиксом [ЗЕМСКАЯ 1973: 182]. Общее значение производных лексем одного и того же словообразовательного типа называется словообразовательным значением [ЗЕМСКАЯ 1973: 184].

Прилагательные

1) Прилагательные, мотивированные существительными:

Одним из средств выражения субъективности является, на наш взгляд, значение отличительного признака прилагательных, образованных от имен существительных суффиксами *-ат-*, *-чат-*, *-оват-*, *-ист*, *-лив-*/*-ив-* и других [ШВЕДОВА, ЛОПАТИН 2002, 99]. Хотя эти суффиксы наряду со своим основным словообразовательным значением выражают еще различные дополнительные компоненты значения [ср. ШВЕДОВА, ЛОПАТИН 2002: 99–100], мы объединяем их в один словообразовательный тип.

2) Прилагательные, мотивированные прилагательными:

а) У отадъективных прилагательных уменьшительно-ласкательное или наоборот уничижительное значение выражается с суффиксом *-оньк-*, орфографически также *-еньк-*.

б) Отадъективные прилагательные со значением отрицания или отсутствия признака довольно свободно образуются приставками *не-* и *без-* [см. ШВЕДОВА, ЛОПАТИН 2002: 104–105]. Этот словообразовательный тип, относящийся к способу словообразования префиксации, надо отличать от префиксально-суффиксальных прилагательных, произведенных от существительных. К этому словообразовательному типу относится, например прилагательное *бессмыленный*: **бес**-смысл-**енн**(ый) [ТИХОНОВ 1985, 1: 643], которое появляется пять раз в нашем корпусе, а именно в рассказах А. Битова. Прилагательные этого словообразовательного типа не учитывались нами в анализе.

в) В рамках словообразования прилагательных помимо суффиксации и префиксации мы рассматриваем еще третий способ словообразования, т. н. чистое сложение основ, в котором в качестве опорного компонента выступает самостоятельное прилагательное. Здесь различаются

прилагательные с сочинительным и подчинительным отношением основ [ср. ШВЕДОВА, ЛОПАТИН 2002: 111]. В своем анализе словообразовательных средств художественной речи В. Н. Виноградова анализирует преимущественно прилагательные с сочинительным отношением основ. Автор подчеркивает, что сложение прилагательных является одним “из традиционно излюбленных способов образования индивидуально-авторских эпитетов. Соединение смыслов в сложном прилагательном призвано образовать новый смысл и сконцентрировать этот смысл в одном слове” [ВИНОГРАДОВА 2012: 211]. Мы объединяем прилагательные с обоими отношениями в один тип, в том числе и сложные прилагательные с первым компонентом *обще-*, *все-* а *пол(у)-*, например *всеобщий* (Е. Попов: *Горы*), *полузадушенный* и *полуразрушенный* (Л. Петрушевская: *Черное пальто*), гапакс *полмаленький* («Что ж это вы, впятером, что ли, *полмаленькой* пили?», А. Битов: *Жены нет дома*) и т. д. Однако мы не учитывали смешанный суффиксально-сложный способ словообразования, с помощью которого образованы прилагательные с нулевым суффиксом *курносый* (Е. Попов: *Горы*), *круглолицый* (В. Токарева: *Зигзаг*) и другие. Тоже самое касается и сращений типа *вышеописанный* (Е. Попов: *Горы*).

Существительные

1) Существительные, мотивированные существительными:

К субъективно-оценочным словообразовательным значениям причисляется уменьшительно-ласкательное значение отсубстантивных существительных, образованных суффиксами с элементом *к*: *-ок*/*-ик*/*-чик*, *-к*(а)/*-очк*(а), *-к*(о)/*-ышк*(о)/*-ечк*(о), *-ик*(о) и *ц*: *-ец*, *-иц*(а)/*-ц*(а), *-ц*(о)/*-ец*(о), суффиксом *-ушк*(а) и т. п. [ср. ШВЕДОВА, ЛОПАТИН 2002: 76–77].

2) Существительные, мотивированные прилагательными:

Выше мы уже писали о словообразовательном типе существительных со значением отвлеченного признака, которые образуются от прилагательных и страдательных причастий прошедшего времени с суффиксом *-ость,* орфографически также *-есть*.

При обработке текстов выбранных нами рассказов мы поступили следующим образом: сначала тексты были отсканированы и записаны в электронном виде, потом все словоформы рассказов были внесены в ячейки таблиц Excel, причем для каждого рассказа была создана отдельная таблица. После этого мы вручную снабдили интересующие нас словоформы разметками, содержащими информацию о словообразовательном типе, и внесли их в правые соседние ячейки строки. При помощи этих разметок мы для каждого рассказа составили список встречающихся словообразовательных форм. Внизу мы приводим использованные нами разметки:

A.Sign.	прилагательные со значением отличительного признака, мотивированные существительными;
A.Dim.	прилагательные с уменьшительно-ласкательным значением, мотивированные прилагательными;
A.Neg.	префиксальные прилагательные со значением отрицания, отсутствия признака, мотивированные прилагательными;
A.Comp.	сложные прилагательные с опорным компонентом, содержащим самостоятельное прилагательное или причастие;
N.Dim.	существительные с уменьшительно-ласкательным значением, мотивированные существительными;
N.DeA./N.DePart.	существительные со значением отвлеченного признака, названного мотивирующим прилагательным или причастием.

Помимо общепринятых сокращений N ‘существительное’ и A ‘прилагательное’, мы использовали обозначения для словообразовательных типов, образованные на основе латинских слов sign[um] ‘признак’, dim[inutio] ‘уменьшительная форма’, neg[atio] ‘отрицание’ и comp[ositio] ‘сложение’. Кроме того, нами были употреблены сокращения DeA/DePart ‘образованный от прилагательного/причастия’ (обзор подобных грамматических разметок, используемых в Национальном корпусе русского языка, дает [СИЧИНАВА 2005].

3. Обсуждение данных из проанализированных рассказов

В нижеследующей таблице приводится для каждого из шести выбранных нами словообразовательных типов общее число словоупотреблений (токенов) в рассказах, причем одна и та же лексема может быть представлена несколькими словоформами. Так, в рассказе Л. Петрушевской *Черное пальто* существительное с уменьшительным значением *бумажка* встречается 7 раз, а *дощечка* 2 раза. Еще одно замечание по поводу применяемого нами метода: мы не принимали во внимание производные слова, которые с диахронной точки зрения можно свести к одному из рассмотренных нами словообразовательных типов, но которые с синхронной точки зрения уже потеряли соответствующее словообразовательное значение. Так, существительное *фляжка*, словоформы которого встречаются 12 раз в рассказе *Жены нет дома* А. Битова, первоначально была уменьшительной формой существительного *фляга*, но сегодня по данным словаря Т. Ф. Ефремовой является его синонимом [ЕФРЕМОВА 2000, 2: 911]. По той же причине не учитывалась

нами также лексема *маленький*, являющаяся с диахронной точки зрения прилагательным с уменьшительным значением.

Таблица 1. Типы производных слов в произведениях четырех русских писателей

№ пп.	Название произведения	количество словоформ	количество прилагательных	A. Sign.	A. Dim.
	1	**2**	**3**	**4**	**5**
1.	Битов: Бабушкина пиала	1546	137	4	2
2.	Битов: Жены нет дома	1495	48	0	1
3.	Битов: Фиг	1269	51	0	0
4.	Петрушевская: Гигиена	2523	107	0	0
5.	Петрушевская: Два царства	1844	154	7	0
6.	Петрушевская: Черное пальто	2696	129	1	0
7.	Попов: Горы	2424	200	2	2
8.	Попов: Дебют! Дебют!	1597	109	0	6
9.	Попов: Кина не будет	1712	44	0	1
10.	Токарева: Зигзаг	1643	107	3	0
11.	Токарева: Летающие качели	1938	114	3	2
12.	Токарева: Любовь и путешествия	1433	81	1	1

Продолжение таблицы 1.

№ пп.	A.Neg.	A. Comp.	Количество нарицательных существительных	N. Dim.	N. DeA./ N.DaPart.
	6	**7**	**8**	**9**	**10**
1.	12	0	333	23	4
2.	0	1	208	14	3
3.	0	0	285	30	3
4.	1	1	675	41	2
5.	5	2	365	12	2
6.	7	2	583	17	4
7.	6	1	421	19	13
8.	4	0	325	26	5
9.	0	0	271	13	1
10.	4	5	344	9	4
11.	3	1	402	31	14
12.	1	0	295	10	7

Прокомментируем данные, приведенные в таблице 1. Во-первых, обращает на себя внимание то, что общее число словоупотреблений выбранных нами словообразовательных типов прилагательных не очень высоко. На самом деле обнаруживаются значительные различия не только между четырьмя авторами, но и между отдельными рассказами одного и того же автора. Так, налицо разница в актуализации словообразовательных типов между рассказом *Бабушкина пиала* А. Битова и двумя другими его рассказами. То же самое касается и рассказа *Любовь и путешествия* Е.

Токаревой, в котором в отличии от ее рассказов *Зигзаг* и *Летающие качели* практически не встречаются интересующие нас словообразовательные типы прилагательных. Возможно, что эти особенности употребления обусловлены также сюжетами рассказов. Во-вторых, существует заметная разница в общем числе словоупотреблений между двумя рассмотренными частями речи. По сравнению с разными словообразовательными типами прилагательных в проанализированных нами рассказах преобладает употребление уменьшительных форм существительных. По сравнению с этим, однако, число существительных со значением отвлеченного признака относительно низкое.

На основе шести вышеуказанных словообразовательных типов мы пытаемся определить количественные различия в авторском стиле четырех писателей. В этих целях мы для каждого автора посчитаем сумму словоупотреблений четырех словообразовательных типов прилагательных и двух типов существительных. Потом каждую сумму отдельных словообразовательных типов прилагательных поделим на общее число словоупотреблений прилагательных данного автора и, соответственно, каждую сумму словообразовательных типов существительных на общее число словоупотреблений существительных. Таким образом, можно выделить для четырех писателей векторы, между которыми можно определить обычное евклидово расстояние (ср. ALTMANN, LEHFELDT 1973: 39–44).

Таблица 2. Векторы определения Евклидова расстояния.

	A.Sign.	**A.Dim.**	**A.Neg.**	**A.Comp.**	**N.Dim.**	**N.DeA. N.DePart.**
А. Битов			$\frac{12}{236}$		$\frac{67}{826}$	$\frac{10}{826}$
Л. Петрушевская:			$\frac{13}{390}$		$\frac{70}{1623}$	
Е. Попов:			$\frac{10}{353}$		$\frac{58}{1017}$	$\frac{19}{1017}$
В. Токарева:					$\frac{50}{1041}$	$\frac{25}{1041}$

Следует уточнить, что в своем анализе мы решились на т. н. прагматическую выборку, которая в отличие от системной выборки основана на подсчете словоформ в конкретных текстах, а не на подсчете соответствующих формантов в общем инвентаре аффиксов данного языка [ALTMANN, LEHFELDT 1973: 127]. Вычислив всех шесть евклидовых

расстояний между отдельными векторами, можно создать следующую матрицу расстояний между текстами четырех авторов (таблица 3).

Таблица 3. Матрица расстояний между текстами авторов.

	А. Битов	**Л. Петрушевская**	**Е. Попов**	**В. Токарева**
А. Битов	—			
Л. Петрушевская	0,045	—		
Е. Попов	0,038	0,037	—	
В. Токарева	0,046	0,024	0,031	—

По данным выбранных нами словообразовательных типов самое большое евклидово расстояние между рассказами А. Битова и В. Токаревой, в то время как самое близкое расстояние между произведениями Л. Петрушевской и В. Токаревой.

4. Заключение

Подводя итоги исследования о словообразовании и авторском стиле, можно утверждать, что за исключением гапакса *полмаленький* А. Битова (*Жены нет дома*) и сложного прилагательного *прекрасно-странный*, втречающегося в рассказе *Зигзаг* В. Токаревой, почти все обнаруженные нами в текстах лексемы зафиксированы в *Словообразовательном словаре* А. Н. Тихонова [ТИХОНОВ 1985]. Это свидетельствует о том, что авторы как минимум в случае выбранных нами словообразовательных типов действительно пользовались общелитературными словообразовательными средствами, а не индивидуальным словотворчеством. Однако оказалось, что частота словоупотреблений этих типов в нашем небольшом корпусе ниже ранее ожидаемой. Что касается использованного нами метода определения расстояний между текстами четырех писателей, то он носит условный характер. Мы отдаем себе отчет о том, что можно применять более продвинутые методы, например многомерный статистический анализ (multivariate analysis) [ср. об этом, например KRZANOWSKI 2000]. Подбор большего количества словообразовательных типов в сочетании с большим объемом текстов и более сложными методами статистического анализа, несомненно, дал бы лучшие результаты. Наконец, приведенные в приложении производные лексемы, встречающиеся в рассказах четрых писателей, указывают на перспективность создания словообразовательных словарей отдельных авторов художественной прозы.

Автор выражает благодарность Наталье Анатольевне Николиной за указание на монографию Г. Хьетсо и др. и Ольге Касперс за стилистические правки русского текста.

Литература

ВИНОГРАДОВ 1956–961: Словарь языка Пушкина в четырех томах. Главная редакция В.В. Виноградов. – Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.

ВИНОГРАДОВА 2012: *В.Н. Виноградова*. Система русского словообразования в функционально-стилистическом аспекте. – Москва: ООО «Инфотех».

ЕФРЕМОВА 2000: *Т. Ф. Ефремова*. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный 1–2. – Москва: Русский язык.

ЗЕМСКАЯ 1973: *Е.А. Земская*. Современный русский язык. Словообразование. – Москва: Просвещение.

КАРАУЛОВ 2008–2017: Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Главный редактор *Ю.Н. Караулов*. 1: А–И. 2: Г–З. 3: И–М. 4: Н–По. – Москва: Азбуковник.

МАРТЫНЕНКО 1988: *Г.Я. Мартыненко*. Основы стилеметрии. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета.

МАРТЫНЕНКО 2006: *Г.Я. Мартыненко*. Частотный словарь рассказов А.И. Куприна. Под редакцией Г.Я. Мартыненко. – Санкт-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета.

МОСКВИН 2016: *В.П. Москвин*. Теоретические основы стилистики. – Москва: Флинта / Наука.

ПОЛЯКОВ 2008: *А.Е. Поляков.* Словарь языка А.С. Грибоедова. Том 1: А–З. – Москва: Языки славянской культуры.

СИЧИНАВА 2005: *Д. В. Сичинава*. Обработка текстов с грамматической разметкой: инструкция разметчика. // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. – Москва: Индрик. – С. 136–154.

ТИХОНОВ 1985: *А.Н. Тихонов*. Словообразовательный словарь русского языка 1–2. – Москва: Русский язык.

ХЬЕТСО, ГУСТАВССОН, БЕКМАН, ГИЛ 1989: *Г. Хьетсо, С. Густавссон, Б. Бекман, С. Гил*. Кто написал «Тихий Дон»? (Проблема авторства «Тихого Дона»). – Москва: Книга.

ШАЙКЕВИЧ, АНДРЮЩЕНКО, РЕБЕЦКАЯ 2003: *А.Я. Шайкевич, В.М. Андрющенко, Н.А. Ребецкая*. Статистический словарь языка Достоевского. – Москва: Языки славянской культуры.

ШВЕДОВА, ЛОПАТИН 2002: Краткая русская грамматика. Под редакцией Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. – Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

ALTMANN, LEHFELDT 1973: *G. Altmann, W. Lehfeldt*. Allgemeine Sprachtypologie. Prinzipien und Meßverfahren. – München: Fink.

BAAYEN 2001: *R.H. Baayen*. Word Frequency Distributions. – Dordrecht: Kluwer.

EGAN 2017: *G. Egan*. A History of Shakespeare Authorship Attribution // The New Oxford Shakespeare Authorship Companion. G. Taylor / G. Egan, eds. – Oxford: Oxford University Press. – P. 27–47.

ELLIOT, VALENZA 1991: *W.E.Y. Elliot, R.J. Valenza*. A Touchstone for the Bard // Computers and the Humanities 25. – C. 199–209.

GOUJON, LEFRÈRE 2006: *J.-P. Goujon, J.-J. Lefrère.* «Ôte-moi d'un doute…» L'énigme Corneille-Molière. – Paris: Fayard.

HOLMES 1994: D.I. Holmes. Authorship attribution // Computers and the Humanities 28. – C. 87–106.

KJETSAA, GUSTAVSSON, BECKMAN, GIL 1984: *G. Kjetsaa, S. Gustavsson, B. Beckman, S. Gil*. The Authorship of the Quiet Don. – Oslo: Solum Forlag / New Jersey: Humanities Press.

KRZANOWSKI 2000: *W. J. Krzanowski*. Principles of Multivariate Analysis. A User's Perspective. Revised Edition. – Oxford: Oxford University Press.

LABBÉ 2009: *D. Labbé.* Si deux et deux sont quatre, Molière n'a pas écrit Dom Juan. – Paris: Milo.

LABBÉ, LABBÉ 2001: *C. Labbé, D. Labbé*. Inter-Textual Distance and Authorship Attribution. Corneille and Molière // Journal of Quantitative Linguistics 8/3. – C. 213–231.

TAYLOR, LOUGHNANE 2017: *G. Taylor, R. Loughnane*. The Canon and Chronology of Shakespeare's Works // The New Oxford Shakespeare Authorship Companion. G. Taylor / G. Egan, eds. Oxford: Oxford University Press. – C. 417–602.

WRIGHT 1982: *G.T. Wright*. Hendiadys and Hamlet. // Publications of the Modern Language Association of America 96. – C. 168–193.

Использованные тексты

Андрей Битов:

Бабушкина пиала (1958) // Повести и рассказы. Избранное. Москва: Советская Россия 1989. – С. 4–9.

Фиг (1959). // Повести и рассказы. Избранное. Москва: Советская Россия 1989. – С. 10–14.

Жены нет дома (1960). // Повести и рассказы. Избранное. Москва: Советская Россия 1989. – С. 15–20.

Людмила Петрушевская:

Черное пальто (Черное пальто). // Где я была. Рассказы из иной реальности. Москва: Вагриус 2002. – С. 112–123.

Гигиена (Черное пальто). // Где я была. Рассказы из иной реальности. Москва: Вагриус 2002. – С. 127–136.

Два царства. (Черное пальто). // Где я была. Рассказы из иной реальности. Москва: Вагриус 2002. – С. 137–142.

Евгений Попов:

Горы. // Песня первой любви. Рассказы. Москва: АСТ: Астрель 2009. – С. 56–66.

Дебют! Дебют! // Песня первой любви. Рассказы. Москва: АСТ: Астрель 2009. – С. 68–75.

Кина не будет. // Песня первой любви. Рассказы. Москва: АСТ: Астрель 2009. – С. 227–234.

Виктория Токарева:

Летающие качели. // Летающие качели. Ничего особенного: Повести, рассказы. Москва: Советский писатель 1987. – С. 127–133.

Любовь и путешествия. // Летающие качели. Ничего особенного: Повести, рассказы. Москва: Советский писатель 1987. – С. 232–236.

Зигзаг. // Летающие качели. Ничего особенного: Повести, рассказы. Москва: Советский писатель 1987. – С. 237–242.

Приложение: Список обнаруженных в рассказах производных лексем

Андрей Битов: *Бабушкина пиала*

A.Sign.:
бородавч-ат(ый), дожд-лив(ый), кров-ав(ый) (2)

A.Dim.:
тон-ень-к(ий), чист-еньк(ий)

A.Neg.:
не-брит(ый) (2), не-виданн(ый), не-заметн(ый), не-знаком(ый), не-нужн(ый), не-понятн(ый) (2), не-правдоподобн(ый), не-привычн(ый), не-уловим(ый), не-членораздельн(ый)

A.Comp.:
—

N.Dim.:
ват-к(а), вещ-иц(а), дом-ик, дыр-к(а) (2), дядь-к(а) (3), еж-ик (3), змей-к(а), кисточ-к(а) (2), книж-к(а), кусоч-ек, маль-чишк(а) (2), стакан-чик, стопоч-к(а), струй-к(а), ул-очк(а), холм-ик

N.DeA./N.DePart.:
легк-ость, неосторожн-ость, неприятн-ость (2)

Андрей Битов: *Жены нет дома*

A.Sign.:
—

A.Dim.:
мил-еньк(ий)

A.Neg.:
—

A.Comp.:
пол-маленьк(ий)

N.Dim.:
бутылоч-к(а), дорож-к(а), книж-к(а) (2), минут-к(а), окош-к(о), руч-к(а), сад-ик, стен-к(а), флакон-чик, фляжеч-к(а) (4)

N.DeA./N.DePart.:
глуп-ость, роб-ость (< робкий), строг-ость

Андрей Битов: *Фиг*

A.Sign.:
—

A.Dim.:
—

A.Neg.:
—

A.Comp.:
—

N.Dim.:
бордюр-чик, дед-к(а) (2), дед-ушк(а) (3), дядь-к(а) (15), книж-к(а) (2), луж-иц(а), облач-к(о), пташеч-к(а), стол-ик (2), шишеч-к(а) (2)

N.DeA./N.DePart.:
гад-ость (2), юн-ость

Людмила Петрушевская: *Гигиена*
A.Sign.:
—
A.Dim.:
—
A.Neg.:
не-больш(ой)
A.Comp.:
ярко-красн(ый)
N.Dim.:
бумаж-к(а), ват-к(а) (3), глаз-ок, дед-ушк(а) (22), звер-ёк, кож-иц(а) (2), колёс-ик(о), кошеч-к(а), кроват-к(а), мыш-к(а) (2), окон-ц(е), порош-ок, фонар-ик, цепоч-к(а) (2), щелоч-к(а)
N.DeA./N.DePart.:
опасн-ость, промышленн-ость

Людмила Петрушевская: *Два царства*
A.Sign.:
бород-ат(ый) (3), мохн-ат(ый), привет-лив(ый), пуш-ист(ый), слез-лив(ый)
A.Dim.:
—
A.Neg.:
не-весом(ый), не-грамотн(ый), не-здешн(ий), не-излечим(ый), не-привычн(ый)
A.Comp.:
бол-е-утоляющ(ий), ядовито-приветлив(ый)
N.Dim.:
веноч-ек, глаз-ок, клоч-ок, куч-к(а), мам-аш(а), посылоч-к(а), руч-к(а), стен-к(а), сыноч-ек (2), тёт-ушк(а), ул-очк(а)
N.DeA./N.DePart.:
надобн-ость, формальн-ость

Людмила Петрушевская: *Черное пальто*
A.Sign.:
урод-лив(ый)
A.Dim.:
—
A.Neg.:
не-знаком(ый), не-обыкновенн(ый), не-понятн(ый) (3), не-послушн(ый), неровн(ый),
A.Comp.:
полу-задушенн(ый), полу-разрушенн(ый)
N.Dim.:
бумаж-к(а) (7), гор-к(а), дед-ушк(а), дощеч-к(а) (2), клоч-ок, лампоч-к(а) (2), подруж-к(а), полос-к(а), языч-ок
N.DeA./N.DePart.:
легк-ость, невозможн-ость, неловк-ость, устал-ость

Евгений Попов: *Горы*
A.Sign.:
патл-ат(ый), счаст-лив(ый)
A.Dim.:
блаженн-еньк(ий), грязн-еньк(ий)
A.Neg.:
не-известн(ый) (2), не-понятн(ый), не-правильн(ый), не-признанн(ый), не-приличн(ый)
A.Comp.:
все-общ(ий)
N.Dim.:
баноч-к(а), бутылоч-к(а), двер-к(а), дом-ик (2), книж-к(а), колеч-к(о), крај-ешек, могил-к(а), плит-к(а), площад-к(а), ресторан-чик, содержань-иц(е), стен-к(а), стол-ик (2), сын-ок, тапоч-к(а), тюб-ик
N.DeA./N.DePart.:
гад-ость (2), лих-ость, личн-ость, мягк-ость (2), окрестн-ость, промышленн-ость, развинченн-ость, ревн-ость, роб-ость, серьезн-ость, честн-ость

Евгений Попов: *Дебют! Дебют!*
A.Sign.:
—
A.Dim.:
желт-еньк(ий), красн-еньк(ий), син-еньк(ий), стар-еньк(ий) (2), сух-оньк(ий)

A.Neg.:
не-давний, не-известн(ый) (2),
не-плохой
A.Comp.:
—
N.Dim.:
баб-ус(я), белоч-к(а) (2), гражданоч-к(а),
дед-ушк(а), доч-еньк(а), доч-к(а),
дурач-ок, ив-ушк(а), лоб-ик, молоч-к(о),
морожен-к(а), огон-ёк, огурч-ик,
переднич-ек, половин-к(а), пап-аш(а),
пуч-ок, рассказ-ец (3), старуш-к(а),
стекл-яшк(а), струй-к(а), сыноч-ек,
тряпоч-к(а)
N.DeA./N.DePart.:
горд-ость, крайн-ость, мудр-ость,
нежн-ость, особенн-ость

Евгений Попов: *Кина не будет*
A.Sign.:
—
A.Dim.:
тон-еньк(ий)
A.Neg.:
—
A.Comp.:
—
N.Dim.:
гармош-к(а) (2), денеж-к(и), дорог-уш(а)
[обращение], лопат-к(а) (2), окош-к(о),
сем-ечк(о), старуш-к(а) (3), ус-ик(и),
фонар-ик
N.DeA./N.DePart.:
безысходн-ость

Виктория Токарева: *Зигзаг*
A.Sign.:
счаст-лив(ый) (2), талант-лив(ый)
A.Dim.:
—
A.Neg.:
не-верн(ый), не-постижим(ий),
не-чесан(ый), не-чётн(ый)
A.Comp.:
голубовато-бел(ый), дальн-о-зорк(ий),
нежно-зелен(ый),
прекрасно-странн(ый), ярко-рыж(ий)
N.Dim.:
глаз-ок, гор-к(а), город-ок, доч-к(а) (3),
пирож-ок (2), шашеч-к(а)
N.DeA./N.DePart.:
копчён-ост(и) (2), заинтересованн-ость,
тяж-есть

Виктория Токарева: *Летающие качели*
A.Sign.:
вин-оват(ый) (2), сирот-лив(ый)
A.Dim.:
востронос-еньк(ий), худ-еньк(ий)
A.Neg.:
не-знаком(ый), не-рожденн(ый),
не-симпатичн(ый)
A.Comp.:
все-общ(ий)
N.Dim.:
бродяж-к(а), глаз-ок, девч-онк(а),
дом-ик, жил-к(а) (2), звер-ёк,
землянич-к(а), калиточ-к(а), комар-ик,
кусоч-ек, лич-ик(о) (2), мам-очк(а),
морщин-к(а), площад-к(а) (2),
побродяж-к(а), ремеш-ок (2), руч-к(а),
скамееч-к(а) (4), тёт-к(а) (5), тюфяч-ок
N.DeA./N.DePart.:
видим-ость, готовн-ость,
несправедлив-ость, обреченн-ость,
обыденн-ость (3), покорн-ость,
рад-ость (2), решительн-ость,
сломленн-ость, стар-ость, уверенн-ость

Виктория Токарева: *Любовь и путешествия*
A.Sign.:
ревн-ив(ый)
A.Dim.:
нов-еньк(ий)
A.Neg.:
не-давн(ий)
A.Comp.:
—
N.Dim.:
борозд-к(а) (2), доч-к(а), комнат-к(а),
ладош-к(а), лент-очк(а), мам-аш(а),
старуш-к(а) (2), шашеч-к(а)
N.DeA./N.DePart.:
влюбленн-ость, молод-ость, нежн-ость,
рассеянн-ость, скор-ость,
сознательн-ость, странн-ость

Šehović Amela
Filozofski fakultet Univerziteta u Sarajevu, Bosna i Hercegovina, Sarajevo
amela.ami.sehovic@gmail.com

IZ UGLA SOCIOLINGVISTIKE: NOMINA PROFESSIONIS U RJEČNICIMA BOSANSKOG JEZIKA S POČETKA 21. VIJEKA

U radu se, na recentnom korpusu jednojezičkih općedeskriptivnih rječnika s početka 21. vijeka, istražuju leksikografski postupci kojima se postižu razlike u definiranju zanimanja u zavisnosti od spola osobe koja ga obavlja. Ti su postupci: pejorizacija značenja imenice ženskog roda, sužavanje značenja imenice ženskog roda te sužavanje značenja imenice ženskog roda i/ili dodavanje značenja pripadanja muškarcu. Ukazuje se na nedosljednosti u definicijama ovih imenica i nude rješenja za prevazilaženje ovakve prakse sa ciljem da se doprinese boljem opisu *nomina professionis* u rječnicima bosanskog jezika koji će tek biti objavljeni.
Ključne riječi: sociolingvistika, tvorba riječi, bosanski jezik, rječnik, *nomina professionis*, mocijski sufiksi, pejorizacija značenja, sužavanje značenja.

The present paper discusses lexicographical approaches found in recently-published monolingual general-purpose dictionaries from the beginning of the 21st century when defining professions in terms of the differences noticed in the corpus depending on whether the job is done by a male or a female. These approaches are: pejoration of the meaning of the noun marked by feminine grammatical gender, semantic narrowing of the meaning of the noun marked by feminine grammatical gender and semantic narrowing of the meaning of the noun marked by feminine grammatical gender and/or adding the meaning assigned to masculine gender. The paper points at inconsistencies in the definitions of these nouns and offers solutions for overcoming such a practice with the aim of contributing to a better description of *nomina professionis* in the dictionaries of the Bosnian language yet to be published.
Key words: sociolinguistics, word formation, Bosnian language, dictionary, *nomina professionis*, motional suffixes, pejoration, semantic narrowing.

Novi rječnik uvijek izaziva otpor, ali problem sa kojim se susrećemo je – koliko dugo možemo dopuštati da postojeći jezik nameće granice onome što je moguće misliti. [BELSEY 2003: 5]

1. Uvod

Normativni rječnici, gramatike, priručnici tipa pravopisa i sl. rezultat su deskripcije i kodifikacije u procesu standardizacije jednog jezika, a namjena im je da prosječnom korisniku pojednostave jezičku upotrebu u zvaničnoj sferi. No, rječnici nadilaze ovu standardnojezičku orijentaciju gramatika i pravopisa budući da se u njima često opisuju i jezičke realizacije koje izlaze van okvira standardnog jezika. Činjenica da rječnici "odražavaju diskursne identitete koji se uspostavljaju u nekom kulturnom i/ili jezičkom kontekstu" [ŠEHOVIĆ 2014: 489] i da je njihov krug korisnika mnogo širi od bilo kojeg drugog djela jezičke

naravi ukazuje na njihov značaj za društvenu zajednicu u kojoj nastaju i u kojoj se koriste.

Kada govorimo o bosanskom jeziku i njegovoj leksikografiji, treba istaći da bosanski jezik nema tako bogatu leksikografsku tradiciju kao neki drugi slavenski i svjetski jezici. Ipak, početkom 21. vijeka, on je obogaćen trima jednojezičkim rječnicima bosanskog jezika – jednotomnim općedeskriptivnim rječnicima Instituta za jezik [IRBJ] i Filozofskog fakulteta [FRBJ] te višetomnikom [ERBJ], koji je dosad obuhvatio građu do slova *p*, sloga *pa*, u devet tomova[1]. Svaki od ova tri rječnika na svoj je način doprinio i doprinosi oblikovanju govorne prakse među izvornim govornicima bosanskog jezika, ali se u radu istražuju samo jednojezički općedeskriptivni rječnici i njihova uloga u tome.

U tom smislu, odabir *nomina professionis*[2] kao glavnog predmeta analize na korpusu rječnika nije slučajan: ove imenice svojim karakteristikama privlače pažnju različitih profila stručnjaka: lingvista, sociologa, kulturologa itd. Čak i kao predmet lingvističke analize, one mogu da se posmatraju iz više aspekata: morfološko-tvorbenog, semantičkog, sociolingvističkog – da nabrojimo samo neke. Fokus analize u ovom istraživanju usmjeren je na *nomina professionis* iz ugla sociolingvistike, a razlog što smo se opredijelili za sociolingvistički pristup leži u činjenici da su dosadašnja proučavanja ove grupe imenica bila dominantno derivatološka [ANČIĆ-OBRADOVIĆ 1966; ĆORIĆ 1982; BABIĆ 1986; KLAJN 2003; ŠEHOVIĆ 2014[3]], te se u njima rijetko i samo uzgredno ukazivalo na neke sociolingvističke fenomene koje treba uključiti i u tvorbenu analizu ovih imenica [ŠEHOVIĆ 2014]. Sa druge strane, u brojnim istraživanjima se taksativno nabrajaju pojedini eklatantni primjeri neupotrebe mocijskih sufiksa u nazivima zanimanja [LOVRIĆ-JOVIĆ 2002; KATNIĆ-BAKARŠIĆ 2004; ČAUŠEVIĆ i dr. 2011 itd.], bez neke sveobuhvatnije analize ovog problema, naročito na rječničkom korpusu. Ta nas je činjenica potakla da u ovom radu pokušamo učiniti upravo to nadajući se da ćemo tako doprinijeti boljem opisu imenica za zanimanja u rječnicima i dosljednijoj praksi korištenja mocijskih sufiksa za tvorbu *nomina professionis*.

2. Sociolingvistički aspekti rječničkog opisa *nomina professionis*

[1] To je glavni razlog zbog kojeg ovaj rječnik nije uzet u analizu u našem radu.

[2] Nazivi za osobe imaju brojne podrazrede, a jedan od njih je *nomina agentis et professionis*, tj. imenice koje označavaju vršitelja radnje i imenice koje znače zanimanje. U središtu pažnje u ovom radu su nazivi za zanimanja, zbog čega se koristi naziv *nomina professionis*.

[3] U navedenom radu razmatrani su samo primjeri integralne imeničke mocije nastali derivacijom, a istaknuto je da su u bosanskom jeziku, u mocijskoj tvorbi *nomina professionis* ženskog roda, najzastupljeniji sufiksi: *-ica*, *-ka*, *-kinja*, *-inja*, "od kojih sufiks *-ica* dominira, ali mu dosta uspješno konkurira i sufiks *-ka*, dok su *-kinja* a naročito *-inja* razmjerno manje zastupljeni" [ŠEHOVIĆ 2014: 491].

Već je navedeno da smo se u analizi ove teme opredijelili za sociolingvistički pristup. Naime, rječnici nisu samo djela u kojima se daje popis riječi jednog jezika, opis njihova značenja, kontekst upotrebe, način korištenja i sl., nego su to djela koja ukazuju na određene kulturne i druge prakse u jednom društvu, i to obično putem opisa značenja. Zavisno od načina na koji to čine, oni mogu promovirati kako pozitivne društvene prakse tako i one negativne – širenje stereotipa i predrasuda prema pojedinim društvenim grupama, odnosno, jačanje pozicija moći jednih prema drugima.

Kako su žene u većini savremenih društava marginalizirana društvena grupa, njihov opis u rječnicima nametnuo se kao mogući predmet analize. Do sredine 20. vijeka žene su bile ograničene na sferu domaćinstva, bez mogućnosti da, na bilo koji način, učestvuju u javnom prostoru, pa tako i u poslovnoj sferi kao njegovom sastavnom dijelu. U tom smislu, postavlja se pitanje šta je sa imenicama za zanimanje, odnosno da li ih je moguće tvoriti tako da jasno ukazuju na spol osobe koja ga obavlja. U slavenskim jezicima, pa tako i u bosanskom, gotovo bez izuzetka, moguće je tvoriti nazive i za žene i za muškarce koji obavljaju određeno zanimanje, ali, i pored toga, mocijski sufiksi nisu općeraširen, naročito ne kada se odnose na zanimanja tradicionalno "netipična" za žene. Pomaci su vidljivi, barem u bosanskom jeziku, među mlađom populacijom u poređenju sa sredovječnima i starijima. No, budući da su tvorbeni aspekti ove pojave dosta istraživani, pažnja u ovom radu se usmjerava na način kako je leksikografski opisano isto zanimanje kada ga obavljaju osobe različitih spolova, tj. nastoji se utvrditi ima li razlike u opisu slijedeći kriterij spola.

2.1. Kako se u rječnicima definiraju osobe koje obavljaju isto zanimanje a različitog su spola?

Detaljna analiza korpusa dvaju rječnika bosanskog jezika ukazala je na to da se u definiranju određenih zanimanja leksikografi i leksikografkinje ne rukovode objektivnošću, nego povremeno dopuštaju da naslijeđene ideološke i/ili patrijarhalne matrice utječu na njihove opise značenja ovih imenica. U takvim slučajevima, riječ je o svojevrsnim "ideološkim mapama", koje stvaraju a ne prevladavaju dihotomije. Ukoliko se prihvati stav da je svijet lingvistički konstruiran [BURTON 1996: 230], takva ideologizacija jezika nudi pesimističan pogled na stvarnost i ostavlja dojam bezizgledne situacije. Međutim, kritička lingvistika ukazuje na to da je jezik alat u rukama onih koji ga koriste te tako njegovi govornici mogu utjecati na promjene nezadovoljavajućih govornih praksi. Iz takvog uvjerenja je nastao i ovaj rad, kojim se želi ukazati na promjene koje treba unijeti u leksikografsku praksu definiranja značenja *nomina professionis*.

Budući da su u fokusu analize dva rječnika, primjeri zabilježeni u jednom rječniku upoređuju se sa opisom značenja imenica u drugom rječniku kako bi se utvrdile potencijalne razlike ili sličnosti među njima.

Analizirani primjeri podijeljeni su u tri grupe prema onome što je u njihovu značenju sporno, da ne dajemo oštrije intonirane kvalifikative:

a) pejorizacija značenja imenice ženskog roda
b) sužavanje značenja imenice ženskog roda
c) sužavanje značenja imenice ženskog roda + dodavanje značenja pripadanja muškarcu,

zbog čega postaju pokazatelji leksikografske prakse koju treba izbjegavati.

Naravno, svaki od navedena tri načina definiranja imenica ženskog roda može u sebi sadržavati i neki od preostala dva, ali su primjeri analizirani tako da se fokus stavi na ono što je dominantno u njihovu opisu značenja.

2.1.a. Pejorizacija značenja imenice ženskog roda

Pejorizacija se definira kao "semantička promjena koja nastaje u nekih riječi i kojom se pogoršava značenje riječi" [SIMEON 1969/II: 37]. U korpusu nisu zabilježeni primjeri imenica muškog roda pogoršanog značenja, zbog čega analiziramo imenice ženskog roda u kojima je ono ustanovljeno. Radi lakšeg uočavanja te pojave, prvo se navodi značenje imenice muškog roda a tek onda imenice ženskog roda.

Imenice *podvornik*, čije je značenje: 'onaj koji podvoruje, posprema dvor; domar; školski uslužitelj' [IRBJ: 670], i imenica *podvornica*: 'žena koja služi, dvori; dvorkinja; poslužiteljica; spremačica; školska čistačica; zemljište ispred dvora, dvorište' [Isto], predstavljaju jedan od najreprezentativnijih primjera te vrste.

Već na prvi pogled može se uočiti nekoliko faktora koji doprinose pejorizaciji značenja imenice ženskog roda:

1. U opisu podvornika koristi se generalizirano 'onaj koji' a u opisu podvornice imenica *žena* uz glagole *služiti* i *dvoriti* naspram *podvorivati* i *pospremati* u opisu značenja imenice muškog roda.
2. Razlikuje se broj i tip sinonima korištenih za imenice muškog i ženskog roda – sinonimi za podvornika su *domar* i *školski uslužitelj* a za podvornicu *dvorkinja*, *poslužiteljica*, *spremačica* i *školska čistačica*. Dakle, domaru je mogući par dvorkinja a školskom uslužitelju školska čistačica! Pored toga, sinonimi za imenicu ženskog roda gotovo da su gradirani – niz počinje manje spornim sinonimima a završava sintagmom *školska čistačica*, koja nipošto ne može biti smatrana neutralnom u poređenju sa sinonimima za imenicu muškog roda.

FRBJ [929] pod odrednicom *podvornica* navodi: '1. *up.* podvornik 2. *zast.* njiva ispod dvora, kule, kuće', što ukazuje na raslojavanje značenja ove imenice na oznaku za bića (pod 1) i za mjesto (pod 2). Sa druge strane, pod oznakom za bića upućuje se na opis značenja dat u odrednici *podvornik*, što implicira identičnost poslova koje obavljaju podvornik, odnosno podvornica.

2.1.b. Sužavanje značenja imenice ženskog roda

Kada govorimo o sužavanju značenja, misli se na "smanjivanje semantičkog opsega riječi u procesu historijskoga razvoja ili u kontekstu govorne upotrebe" [SIMEON 1969/II: 567]. U rječnicima bosanskog jezika značenje imenice ženskog roda sužava se na dva načina:

a) značenje imenice muškog roda je općenitije, kao u sljedećem primjeru:

- imenica *čistač* je definirana kao 'zanimanje, onaj koji čisti' [IRBJ, 74], dok je *čistačica* 'žena koja čisti'[1] [Isto].

Pored veće općenitosti u opisu značenja imenice *čistač*, uočljivo je isticanje spola u slučaju imenice *čistačica* (žena koja...), što nije učinjeno u definiciji imenice muškog roda.

b) značenje imenice muškog roda više je profilirano, usmjereno na ekspertizu osobe muškog spola, kao u sljedećim primjerima:

- *frizer* je 'znalac koji njeguje kosu i oblikuje frizure' [IRBJ: 154], a *frizerka* 'frizerica, ženska osoba koja njeguje kosu i oblikuje frizure'[2] [Isto];
- *sekretar*: 'onaj koji vodi administrativne poslove neke ustanove, tajnik, pisar, djelovođa; visoki službenik u vladi nekih zemalja, ministar' [IRBJ: 1023], *sekretarica/ka*: 'tajnica, uredska pomoćnica'[3] [Isto];
- *trener* je 'osoba koja uvježbava sportiste, onaj koji ih trenira kako bi oni bili spremniji prilikom natjecanja' (IRBJ: 1145], a *trenerka* je 'sportska odjeća za trening; trenerica, ona koja koga trenira'[4] [Isto].

Ekspertiza muških osoba naglašava se na različite načine – od korištenja odgovarajućih imenica (*znalac*) ili sinonima (*ministar*) do isticanja prestižnih aspekata određene profesije (voditi administrativne poslove ustanove; biti visoki službenik u vladi; uvježbavati sportiste za natjecanja).

Pored toga, u opisu značenja imenice *frizerka* također se ističe ženski spol (ženska osoba koja...), što nije učinjeno u definiciji imenice muškog roda.

Mišljenja smo da je u svim navedenim primjerima trebalo postupiti tako da opis značenja ne varira u znatnoj mjeri u zavisnosti od toga da li se odnosi na imenicu muškog ili ženskog roda, odnosno na osobu muškog ili ženskog spola.

2.1.c. Sužavanje značenja imenice ženskog roda i/ili značenje pripadanja muškarcu

---

[1] U FRBJ [140] *čistač* (*čistačica*) je '1. osoba koja čisti (ob. kao zanimanje) 2. *tehn.* mašina, uređaj ili sprava za čićenje; čistilica'.

[2] U FRBJ [298] *frizer* (*frizerka*) je '1. onaj koji uređuje tuđu kosu, koji je šiša, farba, fenira i sl. 2. *zast.* brijač, brico'. Ovdje bi se eventualna zamjerka mogla odnositi na upotrebu muškog roda u definiciji: onaj koji..., što je uvriježena leksikografska praksa u jezicima koji su nastali raspadom srpskohrvatskog.

[3] U FRBJ [1184] značenje imenice *sekretar* odgovara gore navedenim značenjima iz IRBJ, ali se pod prvim značenjem imenice *sekretarica* u FRBJ upućuje na imenicu *sekretar* a tek onda se navodi: '2. službenica u uredu kakvog rukovodioca koja vodi administrativne poslove'. Pored ovih značenja, dato je i treće značenje uređaja [FRBJ: 1184].

[4] Više o ovom primjeru u Šehović [2014: 490–491].

U jednom broju naziva za zanimanja mocijski sufiks širi dijapazon svoje upotrebe te pored uobičajene funkcije označavanja spola (ženskog) osobe koja obavlja određeno zanimanje, on označava i pripadanje neke žene muškarcu tog zanimanja. Ipak, i kada je mocijski sufiks upotrijebljen u svojoj osnovnoj funkciji, to ne znači da je opis značenja potpuno adekvatan prirodi označenog. Naime, u pojedinim slučajevima kombinirano je sužavanje značenja imenice ženskog roda i značenje pripadanja muškarcu određene profesije, kao u primjeru *pekar*: 'zanatsko zanimanje, muškarac koji priprema, peče hljeb i druga peciva; prodavač u pekari' [IRBJ, 606], *pekarka*: 'ona koja radi u pekari; pekareva žena'[1] [Isto]. Kao u slučaju imenice *čistač*, općenitost u opisu opet se postiže isticanjem toga da je riječ o zanimanju, koje se i precizira pridjevom zanatsko, a detaljno se navode i svi poslovi koje pekar obavlja: priprema, peče hljeb i druga peciva. Sa druge strane, stručnost pekarke je manje jasna, ona je ta koja radi u pekari, bez ikakvih drugih odredaba, pa se podsvjesno može konstruirati i značenje prodavačice hljeba i peciva, što zahtijeva manju umješnost nego proizvodnja hljeba i peciva. Drugo je značenje prisvojno – pekarka je pekareva žena.

Značenje imenice ženskog roda ponekad je definirano na isti način kao značenje imenice muškog roda, ali uz isticanje značenja prisvojnosti u drugim značenjima, kao u sljedećim primjerima:

- *pivar*: 'proizvođač piva; prodavač piva'[2] [IRBJ: 626]; *pivarka* 'žena pivar; pivareva žena, pivarovica'[3] [Isto];
- *portir*: 'vratar; čuvar na ulazu; uposlenik u portirnici' [IRBJ: 719], *portirka*: 'žena portir; portirova žena, portirovica'[4] [Isto].

Oba navedena primjera pripadaju imenicama ženskog roda sa sufiksom -*k*(*a*), koji se dodaje na imenicu muškog roda čija osnova završava na *r*. Brojne su izvedenice ovog tipa od imenica muškog roda koje, uz zanimanje, mogu označavati i "nositelja koje osobine ili svojstva, pristašu filozofskoga smjera, vjere, pripadnika društvenog i vjerskog udruženja i sl." [BABIĆ 1986: 240], te, u skladu s tim, imenice na -*k*(*a*) znače takvu žensku osobu. Budući da "samo iznimno takva tvorenica znači suprugu m. osobe, i to uglavnom *kod starijih pisaca* (istakla A. Š.)" [Isto], ovakva leksikografska tumačenja odrednica ženskog roda postaju istinski začudna, naročito ako se uzme u obzir činjenica da je riječ o leksikografskom djelu s početka 21. vijeka.

---

[1] U FRBJ [888] značenje imenice *pekar* (*pekarka, pekarica*) definirano je kao: 'zanatlija koji pravi, prodaje i peče hljeb i dr. pecivo'.

[2] Treće značenje pripada *nomina attributiva*.

[3] U FRBJ uopće nema ovih imenica, naveden je samo *pivničar* (*pivničarka*) u značenju 'onaj koji drži pivnicu' [FRBJ, 902].

[4] U FRBJ [965] *portir* (*portirka*) je 'službenik koji nadzire i čuva ulaz u kakvu javnu zgradu; vratar, čuvar' te bi se jedina zamjerka mogla uputiti tome da se imenica *službenik* u opisu značenja primjenjuje na osobe oba spola.

Imenica *krčmarica* je, čak, specifična po tome što ona samo znači suprugu krčmara, dok je isključivo krčmar zanimanje: ’onaj koji radi u krčmi’[1] [IRBJ: 317].

Za razliku od ovih imenica, *poštar* i *poštarka* se ne razlikuju u opisu značenja[2], a *poštarovica* je zasebno obrađena [IRBJ: 731].

Ponekad je, bez nekog jasnog razloga, napravljena distinkcija u značenju imenica sa istom osnovom a različitim mocijskim sufiksom, te je, npr., *pločarica* ’pločara; žena koja radi u pločari’ [IRBJ: 641], a *pločarka* ’pločareva žena’[3] [Isto].

Ono što bi se moglo uputiti kao generalna zamjerka u opisu značenja imenica ženskog roda u IRBJ jeste da se značenje pripadanja žene muškarcu određenog zanimanja navodi bez ikakve etikete, npr. *razg.*, te time kao da se upućuje na uobičajenost takvog poimanja stvarnosti. Na taj način promoviraju se ne samo jezičke nego i društvene prakse koje bi, bez ikakve sumnje, trebalo pokušavati izmijeniti u pravcu naglašavanja ravnopravnosti i jednake vrijednosti osoba oba spola.

3. Zaključak

U rječnicima bosanskog jezika uočeno je nekoliko leksikografskih postupaka kojima se postižu razlike u definiranju zanimanja u zavisnosti od spola osobe koja ga obavlja. To su: pejorizacija značenja imenice ženskog roda, sužavanje značenja imenice ženskog roda, sužavanje značenja imenice ženskog roda i/ili dodavanje značenja pripadanja muškarcu.

Iz tog razloga, daju se sljedeće preporuke za opis značenja *nomina professionis* u rječnicima bosanskog jezika:

- on ne treba varirati u zavisnosti od toga da li se odnosi na imenicu muškog ili ženskog roda, odnosno na osobu muškog ili ženskog spola, a naročito ne na način da je u opisu značenja imenice ženskog roda izvršena njegova pejorizacija;
- ako se već opisuje značenje pripadanja žene muškarcu određenog zanimanja, ono se nipošto ne treba navoditi bez neke etikete, npr. *razg.*, koja služi da ukaže na prisutnu govornu praksu, ali bez standardnojezičkog statusa.

---

[1] U FRBJ [549] *krčmar* (*krčmarica*) je opisano na sljedeći način: ’1. vlasnik krčme 2. onaj koji poslužuje u krčmi; konobar, kelner’, a zatim je *krčmarica* [Isto] navedena kao posebna odrednica sa značenjima: ’1. *up.* krčmar 2. *razg.* krčmareva žena’, gdje se prvim značenjem ukazuje na istovrijednost zanimanja osoba oba spola, uz istovremeno prepoznavanje jezičke stvarnosti u drugom značenju, što je istaknuto i odrednicom *razg.* Navedena se odrednica uz imenice ovog tipa u IRBJ ne koristi, a iz takvog leksikografskog postupka može se iščitati pridavanje standardnojezičkog statusa ovim imenicama, što nipošto ne bi trebao biti slučaj.

[2] Isto je i u FRBJ [976], s tom razlikom što je u njemu navedena i *poštarica*, dok se *poštarovica* uopće ne navodi.

[3] Drugo je značenje ove imenice zoološko. U FRBJ uopće nema ovih imenica.

Na kraju, budući da "naš sistem uvjerenja i kognitivna shema kojoj ona pripadaju nisu ni fiksirani ni statični, nego su veoma dinamične strukture koje su stvarane u diskursu i kroz diskurs i koje se konstantno revidiraju i nanovo ustanovljavaju" [WEBER 1998: 116], važno je ukazivati na primjere poput ovih i interpretirati ih u pravom svjetlu kako bi se na taj način praksa izmijenila u smislu jednakog opisa zanimanja bez obzira na spol njihovih nosilaca.

Literatura

ANČIĆ-OBRADOVIĆ 1966: *M. Ančić-Obradović*. Semantička i morfološka struktura imenica koje znače lica izvedenih pomoću sufiksa -ar. // Radovi Filozofskog fakulteta u Sarajevu. IV. – S. 207–228.

BABIĆ 1986: *S. Babić*. Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku. – Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti – Globus.

BELSEY 2003: *C. Belsey*. Poststrukturalizam. – Sarajevo: Šahinpašić.

BURTON 1996: *D. Burton*. Through Glass darkly: Through Dark Glasses. // *J. J. Weber*. (ed.) The Stylistics Reader: From Roman Jakobson to the Present. – London – New York – Sidney – Auckland: Arnold. P. 224–240.

ČAUŠEVIĆ i dr. 2011: *J. Čaušević, S. Zlotrg*. Načini za prevladavanje diskriminacije u jeziku u obrazovanju, medijima i pravnim dokumentima. – Sarajevo: Udruženje za jezik i kulturu Lingvisti i Centar za interdisciplinarne postdiplomske studije Univerziteta u Sarajevu.

ĆORIĆ 1982: *B. Ćorić*. Mocioni sufiksi u srpskohrvatskom jeziku. – Beograd: Filološki fakultet.

KATNIĆ-BAKARŠIĆ 2004: *M. Katnić-Bakaršić*. Jezik i (de)konstrukcija roda. // Forum Bosnae. – 26/04. – S. 69–138.

KLAJN 2003: *I. Klajn*. Tvorba reči u savremenom srpskom jeziku. Deo drugi, Sufiksacija i konverzija. – Beograd – Novi Sad: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva – Institut za srpski jezik SANU – Matica srpska.

LOVRIĆ-JOVIĆ 2002: *I. Lovrić-Jović*. Seksizam u jeziku: zamke i varke. // Kruh i ruže. – Br. 18 (proljeće–ljeto 2002). – S. 39–46.

SAVIĆ i dr. 2009: *S. Savić, M. Čanak, V. Mitro, G. Štasni*. Rod i jezik. – Novi Sad: Ženske studije i istraživanja i Futura publikacije.

SIMEON 1969: *R. Simeon*. Enciklopedijski rječnik lingvističkih naziva. – Zagreb: Matica hrvatska.

ŠEHOVIĆ 2003: *A. Šehović*. Upotreba mocionih sufiksa (u nomina agentis et professionis) u savremenom razgovornom bosanskom jeziku. // Pismo. – I/1. – S. 73–92.

ŠEHOVIĆ 2014: *A. Šehović*. Tvorbena obilježja nomina agentis et professionis u savremenom bosanskom jeziku. // Slavische Wortbildung im Vergleich : radovi sa Četrnaeste konferencije Komisije za tvorbu riječi međunarodnoga komiteta slavista. – Berlin: Martin-Luther-Universitaet Halle-Wittenberg.

WEBER 1998: *J. J. Weber*. Three models of power in David Mamet's *Oleanna*. // *J. Culperer, M. Short, P. Verdonk* (eds.). Exploring the Language of Drama. – London–New York: Routledge. – P. 112–127.

Izvori

ČEDIĆ i dr. 2007: *I. Čedić, H. Hajdarević, S. Kadić, A. Kršo, N. Valjevac*. Rječnik bosanskog jezika. – Sarajevo: Institut za jezik. (IRBJ)

HALILOVIĆ i dr. 2010: *S. Halilović, I. Palić, A. Šehović*. Rječnik bosanskoga jezika. –Sarajevo: Filozofski fakultet. (FRBJ)

Никитевич Алексей
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Беларусь, Гродно
anikit@inbox.ru

Статья посвящена некоторым аспектам моделирования и лексикографирования таких комплексных единиц системы словообразования, как словообразовательная пара, словообразовательная цепочка и словообразовательная парадигма. Построение различных фрагментов словообразовательного гнезда базируется на основе различных объединений родственных единиц, однако с учетом особенностей словообразовательной лексикографии представляется достаточно актуальным вопрос о их семантическом наполнении в некоторых, безусловно, так или иначе взаимосвязанных, подсистемах русского языка (литературный язык/говоры). Очевидно, что рассматриваемые единицы – результат *моделирования*, при котором учитывается собственно словообразовательная семантика. Автор обращает внимание на необходимость рассмотрения и тех случаев, когда производные слова в говорах претендуют на роль «заполнителей» словообразовательных и семантических лакун.

Ключевые слова: словообразовательная лексикография, словообразовательное гнездо, фрагменты деривационных гнезд, когнитивно значимая семантика.

The article is devoted to some aspects of modelling and lexicographing of such complex units of the word-formation system as derivational pairs, derivational chains, and derivational paradigms. The process of building various fragments of derivational nests is based on various sets of related units, but in the light of the peculiarities of derivational lexicography, highly topical becomes the issue of their semantic content in certain, definitely, interrelated subsystems of the Russian language (literary language/dialects). Obviously, the units under study are the result of *modelling* in which the derivational semantics proper is taken into account. The author draws attention to the necessity of examining also the cases when derived words take on the role of “fillers” of derivational and semantic lacunas in dialects.

Key words: derivational lexicography, derivational nest, fragments of derivational nests, cognitively meaningful semantics.

Данная статья представляет собой размышления над соотношением информации в теории о комплексных единицах системы словообразования (словообразовательной паре, цепочке, парадигме, гнезде) и отражении данных представлений (теоретических) в лексикографии.

Процесс создания всего, что мы относим к словообразовательной и морфемной лексикографии, так или иначе затрагивает: 1) объем привлекаемого материала и 2) способ интерпретации. Совершенно очевидно, что при осуществлении сопоставительных исследований необходимо использовать лексикографические источники, соизмеримые по охвату лексического материала. С нашей точки зрения, словообразовательный словарь гнездового типа является наиболее удачным и информативным видом словообразовательной лексикографии, хотя, безусловно, и алфавитный словообразовательный словарь

[БАРДОВІЧ 2000], представляющий собой описание словообразовательных пар, обладает необходимой объяснительной силой.

Следует напомнить о том, что в свое время комплексные единицы системы словообразования находились в центре внимания дериватологов, в частности, объектом исследований являлись структурно-семантические особенности данных единиц. Так, Л.А. Новиков считал, что «словообразовательная семантика имеет отношение к проблематике лингвистического конструирования словообразовательных цепочек, гнезд, подсистем и всей деривационной системы языка, к проблеме словообразовательного синтеза… Присоединение формантов и «умножение» смыслов дают потенциально множество словообразовательных значений (как реализуемых в системе, так и не реализуемых)» [НОВИКОВ 1982: 19–20]. О.П. Ермакова отмечала, что «при изучении деривационной цепи обнаруживаются некоторые семантические закономерности, недостаточно очевидные при анализе отдельных ее звеньев… В словообразовательной цепи наблюдаются смысловые отношения между звеньями, которые не обнаруживаются в словообразовательной паре» [ЕРМАКОВА 1982: 39].

Хорошо известно, что, помимо словообразовательного гнезда, в свое время часто использовался и термин «лексическое гнездо» [ТИХОНОВ 2006; ЯНЦЕНЕЦКАЯ 1979]. При этом учитывалось, что связи между родственными словами не исчерпываются отношениями словообразовательной производности, имеют место и самые многообразные отношения лексической мотивации, возникающие («спровоцированные») на основе семантики корневой морфемы. В рамках лексического гнезда можно найти место и таким объединениям родственных слов, которые очевидны благодаря мотивации лексической, а не словообразовательной мотивированности.

Возвращаясь к хорошо известным теоретическим понятиям, рассмотрим одно из центральных – словообразовательную пару, от понимания которой в конечном счете зависит построение и более сложных единиц. Как известно, постулируется, что члены словообразовательной пары – производящее и производное – «связаны между собой и формально, и семантически… Значение производного формируется на базе семантики производящего. Производящие и производные слова связывает не какое-то общее значение, не какая-то общая идея, заложенная в корне слова и свойственная всем однокоренным словам. Каждое производное слово возникает на базе строго определенного значения производящего. Семантическая общность однокоренных слов базируется на конкретных лексических значениях, свойственных производящим словам словарного гнезда… Наличие общего семантического элемента, семантическая выводимость производного слова из производящего является основным условием объединения их в словообразовательную пару…

[ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ…2008, т. 1: 612, 616]». Однако также хорошо известно, что словообразовательные пары могут наполняться различным семантическим содержанием, так как различны лексические значения производящей и производной единиц! Если в каждом конкретном случае учитывать и лексические значения производящих и производных, то придется признать существование *различных видов словообразовательных пар* как минимальных объединений родственных слов. С другой стороны, нет сомнений в том, что *словообразовательная пара* – это минимальная комплексная единица системы *словообразования*, результат *моделирования*, при котором учитывается собственно *словообразовательная* семантика.

Причем следует отметить, что в ряде случаев приходится рассматривать и *словообразовательные пары синтезированного типа*, когда возможное объединение связывает слово диалектное и слово литературного языка. Сопоставим, к примеру, ряд слов, отмечаемых в системе литературного языка и в русских народных говорах.

Пятерка ‘1. Разг. Цифра 5’. *Написать пятерку* // Название предметов, именуемых этой цифрой, например: трамвай № 5. 2. ‘Школьная отметка’. 3.‘Денежный знак или сумма в пять рублей’. 4. ‘Игральная карта, имеющая 5 очков’. 5. Разг. ‘Группа из пяти человек или из пяти предметов’. 6. ‘Обл. Кадка, вмещающая 5 мер зерна’. *Пятерочка* ‘Разг. Уменьш.-ласк. к пятерка’. *Пятерочник* ‘Разг. Ученик, обычно получающий высшую отметку – пятерку; отличник’. *Пятерочница* ‘Разг. Женск. к пятерочник’ [СЛОВАРЬ 1950–1965, т. 11: 1822].

В говорах: *Пятёрка* 1. ‘Обоз из пяти лошадей с одним ямщиком’ *Пятерка – это пять лошадей друг за другом гуськом, а за каждой телега, один ямщик гонит* Кыштов Новосиб., 1965. || Пять сменных лошадей одного ямщика, участника товарного извоза. *Итак за сутки всю пятерку переменишь* Том., 1960. 2. ‘Кадка, вмещающая пять мер зерна’ Самар., 1858, Слов Акад. 1961. 3. ‘Доска толщиной в пять сантиметров’. *Были двадцатки – доска в двадцать миллиметров, пятерка – пятьдесят миллиметров* Амур., 1983. 4 ‘Рыболовная сеть с ячеёй в 5 см’. *Вяжешь сетку с очком в пять сантиметров – пятерку*. Амур., 1983. 5 ‘Коса с полотном около 50 см’. *Косы разные бывают, есть пятерка – это пятьдесят сантиметров*. *Пятерка называлась коса в пять ладоней*. Амур. [СЛОВАРЬ 1965–2016, т. 33: 220].

В русском литературном языке можно констатировать наличие словообразовательных цепочек *пять – пятерка – пятерочка* (возможной в целом ряде значений слова *пятерка*) и *пять – пятерка – пятерочник – пятерочница*, представляющей развитие 2-го значения слова *пятерка*. В русских народных говорах слово *пятерка* реализует свой деривационный потенциал посредством семантической деривации (6 различных значений) и в лексикализации формы множественного числа. Ср.: *пятерки* ‘Ткацкие

станки, вырабатывающие ткань шириной около 18 см.’ *На первой, ткацкой есть пятерки* Егор. Моск , 1957–1959 [СЛОВАРЬ 1965–2016, т. 33: 221].

Возвращаясь к вопросу о соотношении наших представлений в теории и реальной практики лексикографирования, следует подчеркнуть, что при моделировании различных фрагментов словообразовательного гнезда вполне возможно рассматривать не только совокупность очевидных словообразовательных пар, например, *пять – пятерик* (1. ‘Денежный знак или сумма в пять рублей’, 2. ‘Воз сена из пяти копен’, 3. ‘Укладка из пяти снопов’ и т.д.), но и такие объединения *родственных по корню* единиц, когда их «содружество» определяется *лишь формально*: *пять – пятерик* (17. ‘Поленница дров’); *пять – пятерки* ‘Ткацкие станки, вырабатывающие ткань шириной около 18 см.’) [СЛОВАРЬ 1965–2016, т. 33: 221]. Подобного рода объединения можно встретить достаточно часто в словообразовательных словарях, поскольку реальная лексикографическая практика отражения фрагментов словообразовательного гнезда «не справляется» с причудливыми пересечениями различных лексических значений многозначных производящих и производных единиц!

Обращаясь к процессам взаимодействия в таких подсистемах русского языка, как литературный язык и говоры, следует говорить о различных типах минимальных объединений родственных единиц. Во-первых, есть словообразовательные пары как объединения слов в системе литературного языка. Во-вторых, есть словообразовательные пары диалектные, которых не знает литературный язык. Ср.: *Карчеги* ‘Горы, расположенные параллельно одна другой’ – *карчежить* ‘Перевалив одну гору, подниматься на другую’. Забайк., 1970 [СЛОВАРЬ 1965–2016, т. 13: 110]. И, в-третьих, есть такие производные слова в говорах, которые могут обнаруживать в той или иной мере связи с литературным языком и претендуют на роль «заполнителей» лакун. У некоторых исследователей понятия «безэквивалентность», «словообразовательная лакуна» вызывают скептицизм, поскольку «пустующие» семантические места могут быть «заполнены» единицами других уровней, иными словами, компенсированы в системе языка в целом. Однако языки и различные подсистемы одного языка, «обладающие сходной словообразовательной техникой, могут продемонстрировать различные результаты в «деле» словообразовательного синтеза, что приводит к наличию словообразовательных лакун» [НИКИТЕВИЧ 2010: 921]. К примеру, словообразовательное гнездо слова *пятница* прекрасно дополняют следующие диалектные единицы: *пятничать* ‘Поститься по пятницам’ Слов. Акад. 1822. *И пятничает, и понедельничает, да сплетничает* Даль. *Пятниться* ‘Быть непостоянным, часто менять свои решения’ Ветл. Костром.,1917 [СЛОВАРЬ 1965–2016, т.33: 232]. Ср.: *У него семь пятниц на неделе*.

Приводимые здесь слова (и выражаемые ими значения!) (*пятничать* и *пятниться*) актуальны и когнитивно значимы для системы языка в целом, поэтому совершенно очевидна возможность моделирования такого фрагмента словообразовательного гнезда, в котором синтезированы деривационные возможности обеих подсистем [НИКИТЕВИЧ 2018].

При этом далеко не праздным является вопрос: можно ли говорить о словообразовательной паре синтезированного типа, если диалектное производное слово в одном говоре совершенно очевидно связано с лексическим значением диалектного (или недиалектного (!)) слова в другом говоре? При этом никак не нарушаются требования теории к основаниям объединения двух слов в словообразовательную пару! Хорошо известно, что во многих случаях исходные (производящие) общеупотребительные слова в Словаре говоров не приводятся (!) (понятно, что они есть в говорах, и носитель их знает), но производные слова могут быть очевидным образом по лексическому значению связаны с этим производящим.

Анализ небольших и значительных по объему объединений родственных гнезд, включающих в свой состав как слова литературного языка, так и собственно диалектный материал, позволяет увидеть некоторые семантические «линии» расширения когнитивного пространства языка.

Моделируемые фрагменты гнезд

I. Словообразовательная пара

1. *Ронять – рон* ‘Крупные хлопья, комья снега, сбиваемые с ветвей идущей по верху куницей’. Новг., 1965. *По рону (идти*). Выслеживать куницу по сбитым ею с ветвей комьям снега. Опечен. Новг.,Шольск. Волог.,Горновский [с пометой: "Охотн."], 1920 [СЛОВАРЬ 1965–2016, т. 35: 175].

2. *Борода – выбелобородить* ‘Превзойти всех белизной бороды’. *Этот мужик всех выбелобородит.* Арх.**,** 1954. *Надобно вынести кринку свежего молока перед белобородого мужика, всех перебелобородит* и *выбелобородит.* Арх. [СЛОВАРЬ 1965–2016, т. 5: 245].

3. *Карчеги* ‘Горы, расположенные параллельно одна другой’ – *карчежить* ‘Перевалив одну гору, подниматься на другую’. Забайк., 1970 [СЛОВАРЬ 1965–2016, т. 13: 110].

II. Словообразовательная цепочка

1. *Капля – каплюжник* ‘Человек, который ходит по дворам, кабакам, выпрашивая рюмку водки или сливая остатки водки из пустой посуды; горький пьяница’ – *каплюжничать* ‘Собирать вино по каплям, сливая остатки из пустой посуды, и напиваться этим’ [СЛОВАРЬ 1965–2016, т. 13: 54].

2. *Пять – пятерик* 12. ‘Рыболовная сеть с ячеёй размером в пять пальцев’ – *пятериковый* 1. ‘Относящийся к пятерику (в 12-м знач.), служащий для изготовления пятерика’. Ср. Урал, 1976 [СЛОВАРЬ 1965–2016, т. 33: 219].

3. *Авось – авосьник* ‘Человек, делающий что-либо необдуманно, на авось’– *авосьничат*ь ‘Делать, поступать на авось’ [СЛОВАРЬ 1965–2016, т. 1: 199].

III. Словообразовательная парадигма

1. *Пéшенец* ‘Большой кусок льда, отколотый пешней’. Тихв. Новг.,1852. Новг.; *пéшальщик* (*пешальщик*) ‘Человек, который прорубает прорубь пешней’. Сев.-Зап.,1974. Образованы от *пешать* ‘Прорубать прорубь пешней’. Олон.,1846. Медвежьегор. КАССР. Древняя *пешня,* лед *пешали.* Арх. [СЛОВАРЬ 1965–2016, т.27: 12].

2. *Семерина* 1. ‘Количество, состоящее из семи единиц’. *Вместо семь верст — семерина говорят.* Шенк. Арх., 1897. 2. ‘Группа из семи человек’. *Семерина девушек в кресла посажено.* КАССР, 1970. 3. ‘О чём-л., состоящем из семи однородных предметов’. Холмог. Арх., 1907. 4. ‘Бревно длиной семь аршин’. Мещов. Калуж., 1916. 5. ‘Кладка из семи снопов ржи’. Смол.,1890. 6. ‘То же, что семерило’. Брейтов. Яросл.,1990. 7. ‘Семь дней; неделя’. Арх., 1962. 8. ‘Семь лет’. Новг. Новг.,1995. *Семерица* ‘Пила длиной в 7 четвертей (т.е. 1 м 20 см)’. Соликам. Перм.,1973. 2. ‘То же, что семерик (в 19-м знач.)’. Брейтов. Яросл.,1990. *Сёмерных, числит.* Семь. Калуж., 1972. *Семерня* 1. ‘Семь человек, семеро, семь предметов вместе’. Даль. 2. ‘Веревка из конского волоса’. Нижне-Илим. Иркут., 1962. 2. *Семерня*‘Тот, кто суетится, спешит, торопится’. Обоян. Курск., 1858. *Семером, нареч.* ~ Рожа — семером не объедешь. ‘Об очень полном, мясистом лице кого-л.’ Илим. Иркут., 1970 [СЛОВАРЬ 1965–2016, т.37: 151].

3. *Б**о**льшій* ‘Старший’, *б**о**льшина* ‘Главная власть и право распоряжаться в семье’; *б**о**льшиться* ‘Выражать претензию на власть’. «Каждому хочется властвовать – большитца». *Больш**а**к* ‘Главный распорядитель в семье’. *Большуха* ‘Хозяйка во дворе’ [ДОБРОВОЛЬСКИЙ 1914: 36].

В последнем примере заслуживает внимания факт не только наличия глагола (*большиться*), но и сама семантика, получающая развитие в целом ряде родственных слов. К слову, в Словообразовательном словаре А.Н.Тихонова приведены такие единицы, как *большак* и *большуха* [ТИХОНОВ 1985, т. 1: 110], однако глагол отсутствует.

Анализ и систематизация подобного материала свидетельствуют о необходимости и возможности создания отдельного лексикографического труда, в котором нашли бы отражение подобные фрагменты

деривационных гнезд этого своеобразного, но когнитивно значимого внутрисистемного «пограничья» русского языка.

Литература

БАРДОВІЧ 2000: Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы / *А.М. Бардовіч, М.М. Круталевіч, А.А. Лукашанец*. – Мінск: Беларус. Навука. – 413 с.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ 1914: *В.Н. Добровольский*. Смоленский областной словарь. – Типография П.А. Силина. – Смоленск. – 1021 с.

ЕРМАКОВА 1982: *О.П. Ермакова*. Словообразовательная цепь в семантическом аспекте // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент: «Укитувчи». – С. 39–41.

НИКИТЕВИЧ 2010: *А.В. Никитевич*. О понятии “безэквивалентность” при сопоставлении близкородственных языков // 2 Международная конференция “Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы”. – Гранада, 8–10 сентября 2010 г. – Т.1. – С. 921–926.

НИКИТЕВИЧ 2018: *А.В. Никитевич*. Деривационное гнездо как объект и модель в славянской словообразовательной лексикографии // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка : XYI Міжнар. з’езд славістаў (Бялград, 20–27 жніўня 2018 г.) : дакл. беларус. дэлегацыі / Нац. акад. навук Беларусі, Беларускі камітэт славістаў. – Мінск : Беларуская навука, 2018. – С. 112–124.

НОВИКОВ 1982: *Л.А. Новиков.* Некоторые вопросы словообразовательной семантики // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент : «Укитувчи». – С. 19–21.

СЛОВАРЬ 1950–1965: Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Академия наук СССР. Ин-т русского языка. – М.: Изд-во Академии наук СССР. – Т. 1–17.

СЛОВАРЬ 1965–2016: Словарь русских народных говоров – М. ; СПб.: Изд-во Академии наук СССР: Институт лингв. исследований Рос. акад. наук. – 1965–2016. – Выпуски 1–49.

ТИХОНОВ 1985: *А.Н. Тихонов*. Словообразовательный словарь. Русский язык. М. Т. 1–2.

ТИХОНОВ 2006: *А.Н. Тихонов*. Лексическое гнездо в современном русском языке. – Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина. – 270 с.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ словарь-справочник лингвистических терминов и понятий: 2008. Русский язык : в 2 т. / под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. – М.: Флинта.

ЯНЦЕНЕЦКАЯ 1979: *М.Н. Янценецкая*. Семантические вопросы теории словообразования. – Томск : Изд-во Томск. ун-та. – 242 с.

Елынцева Ирина
Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, Беларусь, Минск
i.elyntseva@gmail.com

АДЪЕКТИВНЫЕ КОЛОРАТИВЫ-ДЕМИНУТИВЫ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

В данной статье рассматривается вопрос о лексикографической представленности адъективных колоративов-деминутивов, образованных от основных (базовых) цветонаименований-прилагательных в современных русском и белорусском литературных языках; показывается их активное функционирование в речевой практике; репрезентируются русские и белорусские лексические единицы названной группы, не зафиксированные в толковых словарях, но представленные в лексикографических источниках иного типа (словообразовательных, грамматических, орфографических) и широко использующиеся в речи.
Ключевые слова: деминутивность, цвет, цветонаименование, адъектив, колоратив-деминутив, деминутивный суффикс.

This article discusses the question of the lexicographic representation of adjectival deminutive coloratives formed from the basic colour adjectives in the modern Russian and Belarusian literary languages; their active functioning in speech practice is shown; Russian and Belarusian lexical units of the named group, which are not recorded in the explanatory dictionaries, but can be found in lexicographic sources of a different type (word-building, grammatical, spelling) and are widely used in speech are represented.
Key words: diminutivity, colour, colour lexeme, adjective, a colour diminutive colorative, diminutive suffix.

Довольно часто объектом исследования в лингвистических работах становятся колоративы, и в первую очередь адъективные, поскольку цвет и его оттенки обозначаются в языке именно прилагательными. Однако несмотря на значительное количество работ как в русском, так и белорусском языкознании, посвященных изучению данного разряда слов, нельзя признать, что цветовые прилагательные исследованы в полной мере и во всех аспектах. В частности, на сегодняшний день в белорусском языкознании отсутствуют исследования, посвященные проблеме *лексикографической* представленности русских и белорусских колоративов-прилагательных с модификационным значением ласкательности; особый интерес в связи с этим представляет и функциональный аспект. В данной статье вопрос лексикографической репрезентации колоративов рассматривается на примере адъективных деминутивов, образованных от основных (базовых) цветонаименований-

прилагательных в сопоставляемых близкородственных языках*. Выделение исследователями основных (базовых) колоративов из общей массы цветообозначений чрезвычайно важно и в практическом, и в теоретическом плане, поскольку именно эти цвета так или иначе определяют и толкование, и восприятие всех остальных цветов (а не наоборот), а также точность их интерпретации**.

Как показали наблюдения, в исследуемых современных русском и белорусском языках отмечается непоследовательность в словарной фиксации колоративов-деминутивов, в то время как они с полным правом могут и должны быть нормативно закреплены в лексикографических источниках. В пользу этого говорит и их активное функционирование в речевой практике, что подтверждается широкой представленностью данных лексем в «Национальном корпусе русского языка» [НКРЯ] и «Беларускім N-корпусе» [N-K].

Для выяснения вопроса о том, насколько последовательно адъективные колоративы-деминутивы лексикографически репрезентированы, необходимо отследить их подачу в разных словарях. Для этого были выбраны авторитетные русские и белорусские словари разных типов: толковые, словообразовательные, орфографические, грамматические.

Лингвистами замечено, что характерной особенностью белорусского языка является наличие большого количества уменьшительно-

---

* Согласно определению современного словаря лингвистических терминов, деминутив (от лат. *dēminutus* ‘уменьшенный’) – уменьшительно-ласкательная форма слова [РОЗЕНТАЛЬ, ТЕЛЕНКОВА 1985: 62]. В написании данного термина на сегодняшний день существуют разногласия среди исследователей: одни предпочитают вариант *деминутив*, другие – *диминутив*. В частности, Ю.Д. Апресян, Е.А. Земская, А. Вежбицкая, М.А. Китайгородская рассматривают уменьшительно-ласкательные слова в коммуникативно-прагматическом аспекте и используют вариант *диминутив*. В силу своего латинского происхождения и написания через *е* в данной работе предпочтем вариант *деминутив*.

** Одними из первых обосновали факт существования названий основных цветов во всех развитых языках английские ученые Б. Берлин и П. Кей, которые выделили 11 основных цветовых терминов (*белый*, *черный*, *красный*, *желтый*, *зеленый*, *синий*, *коричневый*, *розовый*, *серый*, *оранжевый*, *фиолетовый*) [БЕРЛИН, КЕЙ 1969]. В восточнославянских языках данная группа включает 12 лексем: эта особенность связана с обозначением в них *синего* цвета двумя номинациями: в русском – *синий* и *голубой*, в белорусском – *сіні* и *блакітны*, в украинском *синій* и *блакитний* (или *голубий*). Заметим, что в лингвистике существует множество классификаций прилагательных цвета, в которых данные единицы группируются по разным параметрам (А.П. Василевич, М.В. Миронова, И.В. Садыкова и др.). В каждой из них дается практически одинаковый перечень основных колоративов. Общие черты имеют тематические классификации. В остальном они имеют различия, обусловленные объективными и субъективными причинами. Субъективный фактор создания той или иной классификации адъективных колоративов состоит в том, какую цель ставит перед собой исследователь.

ласкательных слов. В частности, на это указывает А.А. Лукашанец, который отмечает, что «функционально-семантическое поле деминутивности охватывает широкий круг разноуровневых языковых явлений и средств, эксплицитно или имплицитно выражающих семантику уменьшительности. Поэтому оно может быть представлено как определенная совокупность семантических классов лексики, многие из которых являются словообразовательно маркированными и, по сути, представляют словообразовательные категории. Это означает, что деминутивное значение имеют преимущественно мотивированные лексические единицы, и поэтому основным средством выражения деминутивности в белорусском языке надо считать именно словообразовательные форманты. С другой стороны, семантика «уменьшительности» в белорусском языке в языковом сознании носителей языка тесно переплетается с семантикой субъективной эмоциональной оценки (преимущественно ласкательности), поэтому мотивированные единицы с «чисто» уменьшительным значением воспринимаются как эмоционально-оценочные, и наоборот, мотивированные единицы с только эмоционально-оценочным значением ласкательности позиционируются как уменьшительные. Таким образом, с точки зрения словообразования можно говорить про фактическое совмещение семантики уменьшительности и эмоционально-ласкательной оценки словообразовательных формантов» [ЛУКАШАНЕЦ 2015: 198]. Надо отметить, что именно такое понимание сути явления деминутивности оправдывает выведение ее за грани субстантивного словообразования и расширяет ее в сфере словообразования других частей речи, в частности имени прилагательного. Это же в полной мере относится и к деминутивам в русском языке. Несмотря на то, что в действительности в мотивированных прилагательных (как русских, так и белорусских) с субъективно-оценочными (уменьшительными) суффиксами деминутивность мнимая, т.е. значение признака в принципе не может мыслиться как уменьшительное, тем не менее, мотивированные единицы типа *беленький, зелёненький*, *чёрненький / беленькі*, *зялёненькі*, *чорненькі* и т.д. имплицитно «мотивируют» восприятие определяемого ими предмета именно как небольшого по размеру.

Еще раз подчеркнем, что значение уменьшительности в исследуемых близкородственных языках выражается конкретным словообразовательным средством – суффиксом (уменьшительно-ласкательным, или деминутивным). Подтверждением тому является полное совпадение грамматических параметров мотивированного и мотивирующего слов. Значение этих суффиксов существенным образом модифицируется у прилагательных-колоративов, в которых уменьшительные суффиксы никогда не обозначают уменьшение признака как такового, но придают им экспрессивно-эмоциональный оттенок ласкательности. Так, например, *беленький / беленькі* не значит ‘немного

белый’, *серенький / шэранькі* не значит ‘немного серый’, *чёрненький / чорненькі* не значит ‘немного черный’ и т.д.*

Русские и белорусские цветовые прилагательные-деминутивы, имеющие модификационное значение ласкательности, экспрессивности, образуются с помощью ряда суффиксов: рус. **-оньк-** (орфогр. обычно **-еньк-**), **-охоньк-(-ошеньк-)**, **-ёхоньк-(-ёшеньк-)** // бел. **-еньк-(-аньк-)**, **-утк-(-ютк-)**, **-усеньк-(-юсеньк-)**.

1. Суффиксы **-оньк-** (орфогр. обычно **-еньк-**) **// -еньк-(-аньк-)** придают колоративам-прилагательным основное значение ласкательности, напр.:

рус. *жёлт**еньк**ий ← жёлтый, красн**еньк**ий ← красный, зелён**еньк**ий ← зелёный, сер**еньк**ий ← серый*;

бел. *жоўц**еньк**і ← жоўты, чырвон**еньк**і ← чырвоны, зялён**еньк**і ← зялёны, шэр**аньк**і ← шэры*.

2. Русские цветовые прилагательные-деминутивы, образованные с помощью суффиксов **-охоньк-(-ошеньк-)**, **-ёхоньк-(-ёшеньк-)**, приобретают значение усиленной степени качества в сочетании с ласкательностью:

*желт**ёхоньк**ий ← жёлтый, желт**ёшеньк**ий ← жёлтый, зелен**ёхоньк**ий ← зелёный, зелен**ёшеньк**ий ← зелёный.*

Для русских адъективных колоративов такого типа характерны также краткие формы: *чёрный – чернёхонек, чёрный – чернёшенек, красный – краснёхонек, красный – краснёшенек*. Они обозначают умеренно высокую степень качества, выраженного в мотивирующем слове. Их продуктивность проявляется только в разговорной и народно-поэтической речи. В данном случае имеет место языковая специфика.

В белорусском языке в качестве эквивалентов для таких лексем, согласно переводному «Русско-белорусскому словарю» [РБС 2012], выступают прилагательные с наиболее характерными для них суффиксами экспрессивной оценки:

рус. *зелен**ёхоньк**ий* – бел. *зелян**юсеньк**і, зелян**юткі***; рус. *зелен**ёшеньк**ий* – бел. *зелян**юсеньк**і*; рус. *черн**ёхоньк**ий* – бел. *чарн**юсеньк**і*.

3. Цветовые прилагательные с уменьшительно-ласкательным значением в белорусском языке образуются также с помощью суффикса **-усеньк-(-юсеньк-)**. Для образования белорусских колоративов-деминутивов характерен мягкий вариант суффикса: *бял**юсеньк**і ← белы,*

---

* Как показало проведенное исследование, адъективные деминутивы-колоративы характерны в основном для разговорной и народно-поэтической речи, на что указывают и стилистические пометы, сопровождающие исследуемые лексические единицы в словаре: *зеленёхонький* (фольк. и разг.), *зеленёшенький* (фольк. и разг.), *чёрненький* (разг.), *чернёхонек* (нар.-поэт. и разг.), *зелянюсенькі* (разм.), *зелянюткі* (разм.), *шэранькі* (разм., ласк. і пагард.).

*зелян**юсенькі** ← зялёны, чарн**юсенькі** ← чорны.* В русском же языке данный словообразовательный тип как таковой ограничен тремя прилагательными-неколоративами: *малюсенький*, *тонюсенький* и *такусенький* [РГ 1980: 300]. Ни в одном словаре русского языка мы также не найдем и адъективного колоратива-деминутива с таким суффиксом. Однако справедливости ради заметим, что в «Национальном корпусе русского языка» встречается прилагательное-колоратив *бел**юсенький***: *У мамы тогда был хороший период, и она сама пошла в булочную и галантерею. Галантерея была на втором этаже, и мама стеснялась медленно карабкаться по ступенькам, вцепившись в перила. Но так хотелось добрести до парфюмерии и попялиться на разные разности, вот тогда она и высмотрела в соседнем отсеке кружевце, тонюсенькое, **белюсенькое** и с загибом кончиков. Мама купила его для Ольгиной формы, под шейку и на рукава* (Галина Щербакова // НКРЯ). Данное прилагательное образовано с помощью суффикса **-юсеньк-** (*бел**юсенький** ← белый*), привносящего в значение семантику усиления качества в сочетании с ласкательностью.

4. Суффикс **-утк-(-ютк-)** придает белорусским адъективным колоративам-деминутивам значение высокой степени качества: *бял**ютк**і ← белы, чарн**ютк**і ← чорны*. Для русского языка такие образования несвойственны.

В русском языке (по сравнению с белорусским) в толковых словарях адъективные колоративы-деминутивы с названными выше суффиксами фиксируются более последовательно. Тем не менее, надо заметить, что в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой [СРЯ 1981–1984] зафиксированы только 3 колоратива с уменьшительно-ласкательным суффиксом (*зелёненький*, *красненький* и *синенький*), в то время как в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова [БТСРЯ 2000] – 14 (*беленький*, *белёхонький*, *белёшенький*, *белявенький*, *жёлтенький*, *желтёхонький*, *желтёшенький*, *зелёненький*, *зеленёхонький*, *зеленёшенький*, *красненький*, *серенький*, *синенький*, *чернявенький*). Однако это далеко не весь перечень адъективных колоративов-деминутивов, которые могут быть зафиксированы в толковых словарях. Так, например, в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова [ССРЯ 1985] отмечены лексемы, которых нет ни в одном из проанализированных словарей, а именно: *чернобуренький*, *черноватенький*, *чернобровенький*, *черноглазенький*, *черномазенький*. Данные слова, в том числе и *чернобровенький, черноглазенький, черномазенький* также должны рассматриваться в рамках этого типа слов, поскольку в их значении присутствует основная сема цвета. А между тем, практически все они достаточно широко представлены в «Национальном корпусе русского языка», напр.:

– Ох ты, батюшки! ***Чернобровенький*** *ты наш казачок… Она побежала в сарай, взяла колун и поддела доску частокола. Доска упала на землю* (Н. Мордюкова // НКРЯ);

Вышел росистым утром Терех на скрипучее школьное крыльцо, потянулся со сна до хруста в костях, <…> поправил на грузных плечах окрестившие его ремни и, приняв из рук молодого ***черноватенького*** *казачка поводья, прямо с крыльца плюхнулся в седло, намереваясь дозором объехать окрестности.* (Н. Берсенев // НКРЯ); *Вскоре к нему присоединился пожилых лет* ***черноватенький*** *господин, весь в черном и весь до невозможности застегнутый с тем особенным видом помешательства, которое дает людям близкое знакомство с небом и натянутая религиозная экзальтация…* (А.И. Герцен // НКРЯ);

Младшая дочка тети Анюты, хорошенькая, глупенькая, ***черноглазенькая****, веселенькая Нюрочка, рисовальщица и вышивальщица, страдала циклотимией – а попросту маниакально-депрессивным психозом* (И.М. Дьяконов // НКРЯ); *За сквером просером пылел тротуар; и хрипела шарманка, которую мальчик недобрый и хмурый вертел, –* ***черноглазенький****: знать, – итальянчик* (А. Белый // НКРЯ); *Пришел молодой* ***черноглазенький*** *француз, красивый и говорливый* (Л.И. Веселитская (Микулич) // НКРЯ); *В это время в комнату вбежал хорошенький* ***черноглазенький*** *мальчик лет пяти-шести* (Д.Л. Мордовцев // НКРЯ);

Это был ***черномазенький*** *мальчуган с вздернутым носом, немного приплюснутым лбом и сердитыми глазенками* (А.К. Шеллер-Михайлов // НКРЯ); *Иной родитель расползся поперек себя толще, лицо у него на круг швейцарского сыру похоже, даже носу словно совсем нет, а сынок у него, смотришь, шустренький,* ***черномазенький****, глазки так и прыгают, а носик римский, тоненький, словно выточенный…* (М.Е. Салтыков-Щедрин // НКРЯ).

Выявлена достаточно большая группа русских адъективных колоративов-деминутивов, которые не представлены в толковых словарях, но включены в словари другого типа: *голубенький*, *голубоватенький*, *желтоватенький*, *коричневенький*, *красноватенький*, *розоватенький*, *розовенький*, *чёрненький*, *чернёхонький*, *чернёшенький* [РОС 2005; НОСРЯ 2007; УОСРЯ 2008]. Помимо того, на сегодняшний день они широко используются в речевой практике. И это дает все основания для того, чтобы данные лексические единицы были нормативно закреплены и в толковых словарях современного русского языка. Приведем лишь некоторые примеры с названными лексическими единицами из имеющихся в «Национальном корпусе русского языка»:

Затем я услышал шорох и прямо на меня выползло какое-то ну совершенно небесное создание!… Это была Кошка такой неземной красоты, какой я в жизни еще не встречал. На ее пушистой шейке

красовался очаровательный ***голубенький*** *бантик, и Кошечка была на поводке* (В. Кунин // НКРЯ); *Густое небо стало бледнеть, стало как ситчик* ***голубенький****, застиранный…* (В. Шукшин // НКРЯ); ***Голубенький*** *ордер на квартиру не слишком обрадовал капитана* (А. Дмитриев // НКРЯ);

Лицо предупредителя <…> выражало в это время такую игру физиономии, какую и представить себе не может тот, кто его не видел в этот момент. Указательный палец его [предупредителя] левой руки так и оставался приподнятым вверх на уровне его головы, как бы приглашая всех молчать и слушать, что он сейчас будет говорить. Палец другой – правой его руки – поочередно показывал то на мое лицо, то на лицо Союзова, а его ***голубоватенькие*** *хитрые глазки перебегали вслед за пальцем на каждого из нас…* (Н.А. Морозов // НКРЯ);

Дмитриев помнил отца плохо, отрывочно. Помнил – темные усы и бородка, очки в золотых ободках, очень тонкая и мягкая на ощупь ***желтоватенькая*** *чесучовая рубашка в табачных крошках…* (Ю. Трифонов // НКРЯ); *Я сам видал… – Видали? Какого же оно цвета? – Да как бы вам сказать-с, – замялся, заприщелкивал пальцем Долгополов, – этакое* ***желтоватенькое****… этакое с прозеленью…* (В.Я. Шишков // НКРЯ);

А у нас в Союзе самые крохотные пташки – королек да крапивник. Побольше, конечно, колибри, но тоже меньше стрекозы. Королек – ***зеленоватенький*** *с оранжевым, как пламечко, хохолком. Крапивник* ***коричневенький****, хвостик торчком, а голос – сила!* (В.В. Бианки // НКРЯ); *Мы обязательно его найдем! Да он наверняка где-нибудь тут поблизости ходит. Такой* ***коричневенький*** *весь, симпатичный, одно ухо белое!.. Может быть, даже он сидит сейчас вот под этим окном…* (И. Пивоварова // НКРЯ);

Ростом плавунчики примерно со скворца. Похожи они на те нарядные цветные поплавки, что покупают молодые удильщики в магазинах. <…> Сами белые, и серые, и ***красноватенькие*** *– пестро расписаны* (В.В. Бианки // НКРЯ); *В это время в глубине квартиры, а именно в Антошином секторе, скрипнула дверь. Все замерли. Встал?! Из-за шторки просунулся чуть* ***красноватенький*** *нос поэта* (В. Аксенов // НКРЯ);

Невестка бежала, мелькая стройными ногами по зеленой траве, вбегала в дом и приносила ***розоватенькую*** *справку. – Ага, – говорил Раиф и, слегка погладив справку, как гладят щенка, передавая его в чужие руки, добавлял: – Прочитай, что там написано.* (Ф. Искандер // НКРЯ);

Я их интересы не разделяла, и либо плавала, либо собирала, как грибы в Подмосковье, ракушки. Утром, после отлива, они торчали из песка, но их следовало ухватить, пока не смыло волной. Азарт мой разгорался все больше. Хотя эта, ***розовенькая****, уже присутствовала в*

коллекции, и ***серенькая****, с загнутыми ушками, тоже, но лиловая зато уникальна* (Н.В. Кожевникова // НКРЯ); *Взгляните, какая у нашего малыша коляска, а каких милых пустячков мы ему накупили – всё* ***розовенькое****, кружевное – настоящий пупсик* (М. Давыдова // НКРЯ); *Трогательная сцена: девочка-подросток, белые коленки в прорехах джинсов,* ***розовенькие*** *щечки, светлые прядки, и красивый утонченный папа, как музыкант, в народе говорят: как пианист…* (Э. Лимонов // НКРЯ); *А вообще-то Аня была девкой бойкой, голосистой, ни сибирской жары, ни сибирской холодищи будто бы и не чуяла, только рассветы да закаты замечала… Были у нее две косички русенькие и к ним две ленточки* ***розовенькие****. На случай праздников* (С. Залыгин // НКРЯ);

А галстучек был при этом подобран с умыслом, с любовью и шиком, галстучек такой тоненький, ***черненький****, каких тогда не носили…* (А. Макушинский // НКРЯ); *Перед съемкой я купила в его магазине кофточку –* ***черненькую****, но с большой аппликацией* (С. Спивакова // НКРЯ); *Ты гречку перебирал? Вот и откинь такие* ***черненькие****, чтобы остались только коричневые. И все поймешь* (А. Кириллин // НКРЯ); *Карпов был небольшого роста, очень аккуратный, четкий человек с* ***черненькой*** *бородкой (как у «инженера Гарина»), азартный игрок в карточную «спекуляцию»* (В. Давыдов // НКРЯ); – *Послушай меня, Марат. А ты помнишь, была у нас когда-то на просмотре такая* ***черненькая*** *девочка по имени Нонна, фамилии я ее, к сожалению, не помню* (Н. Леонов, А. Макеев // НКРЯ).

В белорусском языке большинство адъективных колоративов-деминутивов репрезентируется в лексикографических источниках спорадически. Так, «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» [ТСБМ 1977–1984] фиксирует 5 адъективных деминутивов-колоративов – *зелянюсенькі, зелянюткі, чарнюсенькі, чырванюткі* и *шэранькі;* «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» [ТСБЛМ 2016] – только лексемы *бялюсенькі* і *бялюткі* (причем в одной словарной статье). Последовательно лексикографически представлены единичные исследуемые лексические единицы – колоративы-деминутивы *зелянюсенькі* (разм.), *зелянюткі* (разм.), *чарнюсенькі*, *чырванюткі*, *шэранькі* (разм., ласк. і пагард.), фиксируемые словарями разного типа.

Следует заметить, что несмотря на выборочное репрезентирование белорусских адъективных колоративов-деминутивов в толковых словарях, они представлены (хотя и не последовательно) в таких словарях, как «Слоўнік беларускай мовы» [СБМ 1987], «Слоўнік беларускай мовы» [СБМ 2012], «Граматычны слоўнік прыметніка, займенніка, лічэбніка, прыслоўя» [ГСПЗЛП 2013], «Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы» [ССБМ 2000], а также в переводных «Русско-белорусском словаре: В 3 тт.» [РБС 2012] и «Беларуска-рускім слоўніку: У 3 тт.» [БРС 2012]. Это такие лексические единицы, как *беленькі*, *бялюсенькі*, *бялюткі*, *жоўценькі*,

зялёненькі, сіненькі, чарнюткі, чарнявенькі, чорненькі, чырвоненькі. Все эти лексические единицы широко представлены и в «Беларускім N-корпусе», что свидетельствует об их продуктивном использовании в речевой практике и указывает на необходимость фиксации данных слов в толковых словарях современного белорусского языка:

Дзверы прачыніліся, у іх праслізгнула ***беленькая*** *котка з чорнай плямай на воку. Яна закруціла хвосцік пытальнікам, зірнула на чужых людзей* (А. Наварыч // N-K); *Адчуваючы, што вось-вось можа зноў страціць прытомнасць <…>, [Сцяпан] з прагай пазіраў і пазіраў увысь: на зялёна-цёмныя хваёвыя вяршочкі, што імкнуліся ўсё бліжэй да сонца, на* ***беленькую*** *аблачыну, што крыху ўжо адпаўзла ўбок, на блакітную просінь неба, што было гэтакае знаёмае, блізкае і ў той жа час зусім далёкае ды абыякавае* (Г. Далідовіч // N-K); *Ён павярнуўся і ўбачыў на тратуары дзвюх маленькіх дзяўчынак – адна* ***беленькая****, гадоў васьмі, памахвала вакол сябе сеткай з трохкутным пакетам малака і ўсмешліва пазірала на яго. Другая, чорненькая і трошкі вышэйшая за сяброўку, у кароткіх, як у хлопчыка, штоніках, таксама ўзіралася ў яго і ела з паперкі марожанае* (В. Быкаў // N-K); *Лёлька разгубілася: вялікія і маленькія, чорненькія і* ***беленькія*** *– перад ёй паўстаў цэлы статак авечак* (Звязда // N-K);

Дзве вясны барана пуставала. А трэцяй ***бялюткая*** *пара святых птахаў заклекатала на дубе. Нанасілі галля, травы, яшчэ нечага ім патрэбнага, і атрымалася буслінае жытло.* (Звязда // N-K); *Пасярод пакоя стаяла жанчына дзіўнай прыгажосці. Яе стройную постаць абдымала* ***бялюткая*** *шоўкавая туніка, перахопленая на таліі залататканым пасам.* (В. Чаропка // N-K); *Адкуль ён, зразумела праз некалькі хвілін, калі прабягала міма ўчарашняга "савецкага" плоту. За ім аж зіхацеў куст* ***бялюткага*** *бэзу, а побач – туліліся… слівы.* (Звязда // N-K); *Ізноў аэрапорт. Ізноў Тэгеран, амаль заціснуты ў кольца горных хрыбтоў з* ***бялюткімі*** *снежнымі вяршынямі* (Звязда // N-K);

Перакацілася цераз цёмны пасак лесу і пачало неяк спадцішка чырванець ***жоўценькае*** *сонца* (В. Адамчык // N-K); *Воўк тым часам яшчэ раз матлянуў хвастом, схіліў, рыхтык сабака, галаву набок. У* ***жоўценькіх****, чыстых вачах свяціліся даверлівасць, радасць.* (А. Наварыч // N-K); *Новы дом, праўда, не такі змрочны.* ***Жоўценькі****, абшыты светлаю хваёвай шалёўкай. Дах бляшаны. У сонечныя дні бляха блішчыць, асляпляе, нібы гэта не звычайны дах, а царкоўны купал* (А. Крэйдзіч // N-K); *І першае, што там бачыш –* ***жоўценькі*** *бярозавы ліст, які заблытаўся ў тваіх валасах, прыцягнуўшы тым самым позіркі.* (Звязда // N-K);

– Вось тая, на ўзгорку, – здалёк паказвала рукой Марыся. – Ой, татачка, – жалілася яна, – якая гэта была пекная бярозка, якая гладкая! Якія пекныя былі на ёй галінкі, а на галінках паўнюсенька ***зялёненькіх*** *бліскучых лісточкаў!.. Лявон маўчаў* (Ядвігін Ш. // N-K); *Халады набліжаюцца, а бацвінне стаіць* ***зялёненькае****? Глядзім на надвор'е. Калі*

прыйшлі раннія замаразкі, пашкодзілі парасткі, адкладаць уборку нельга: расліна будзе спрабаваць аднавіць лістоту за кошт пажыўных рэчываў, назапашаных у клубнях (Звязда // N-K);

Бывае так, што сярод холаду, шэрасці, пустэльнасці і нуды асенняй прыроды, сярод прыкрага надвор'я самай позняй восені на небе неяк неўпрыцям прагаліцца маленькі ***сіненькі*** *лапічак – адзін, другі, трэці...* (kamunikat.org // N-K); *Немец ашчадна адарваў ад яго складзенай стосікам газеткі невялікі шматок, і Пятрок адмераў яму добрую шчапоць самасейкі. Немец даволі спрактыкавана скруціў цыгарку, старанна паслюніў і прыкурыў ад свае запальнічкі – нейкай адмысловай штуковіны, з якой пстрыкала* ***сіненькім*** *полымем* (В. Быкаў // N-K); *Дома за тыдзень сабрала яек, смятаны, збіла масла, палажыла яго ў сваю абновачку і пайшла на базар. Накрыўку зняла там і стаіць, сама сабою любуецца: гаршочак* ***сіненькі****, маслачка жоўтае…* (Звязда // N-K); *Маці пабурчала на мяне ды сціхла, падышла да люстэрка, надзела светленькую блузку, завязала ружовую хустку, паглядзелася і перамяніла адзенне – дастала з шуфляды другую,* ***сіненькую****, блузачку, з маленькімі, як мак, кропелькамі* (kamunikat.org // N-K);

– А-а-а, бач ты які – ціхо-о-оня. Куды завярнуў, – закаціла яна ***чарнюткія*** *свае вочы. – А ўсё-такі праўду кажуць, што ў ціхім балоце ды чэрці водзяцца.* (А. Крэйдзіч // N-K);

Сваю бабулю я ўжо даўно пішу на дыктафон. Мая бабуля не палохаецца невялічкага ***чорненькага*** *апарата. Яна не дужа разбіраецца ў тэхніцы, думае, што гэта мабільны тэлефон* (Звязда // N-K); *...Ён, асавелы, лежачы зноў у ложку, адчуў: нешта перайначылася ў навакольным свеце, нешта зрушылася, але ўхапіць, асэнсаваць гэты зрух ён быў не здольны. І толькі калі выйшла з запечча і прайшлася па падлозе кошка, якую ён жа і напалохаў,* ***чорненькая****, з белым бантам на шыі, ён уцяміў, што адбылося, што скранулася ў свеце* (В. Казько // N-K); *Ён павярнуўся і ўбачыў на тратуары дзвюх маленькіх дзяўчынак – адна беленькая, гадоў васьмі, памахвала вакол сябе сеткай з трохкутным пакетам малака і ўсмешліва пазірала на яго. Другая,* ***чорненькая*** *і трошкі вышэйшая за сяброўку, у кароткіх, як у хлопчыка, штоніках, таксама ўзіралася ў яго і ела з паперкі марожанае* (В. Быкаў // N-K); *Мы зноў паснулі. І, мабыць, у сне я злавіў Боба за белы кончык хваста і сусліў яго. Бо калі прачнуліся і падурэлі крыху з Бобам, падужаліся, мокры кончык хваста зрабіўся шэры ад пылу і пацярухі. Мы і так абодва былі шэрыя, толькі носікі* ***чорненькія****.* (П. Місько // N-K); *Побач з ваўкамі – в'етнамскія карлікавыя кабаны. Гэтыя малыя* ***чорненькія*** *свінкі таксама хаваюцца ад сонца, рыючыся ў глебе. І, відавочна, пачуваюць сябе выдатна, бо выглядаюць жвавымі і задаволенымі* (Звязда // N-K);

Апавяданне пісьмовай машынкі "Самел" прачытаў Печкуроў, вайсковец з ***чырванюткай*** *літарай "Т" абапал на плячах. Старшына,*

значыцца. Бо такія ў яго наплечнікі (kamunikat.org // N-K); *Жыды гарлалі* "*уррра!*", *начапляўшы на грудзі* ***чырванюткіх*** *банцікаў, а гаспадары маўчалі* (kamunikat.org // N-K).

В «Национальном корпусе русского языка» и «Беларускім N-корпусе» были выявлены отадъективные колоративы-деминутивы, которые на сегодняшний день не были отмечены ни в одном из анализируемых словарей близкородственных языков. В частности, в русском языке это лексема ***фиолетовенький*** (*А они нормальные! – показал Муслим деньги. – Почему не нормальные? Смотри, какие красивые: синенькая, желтенькая,* ***фиолетовенькая****! – Синенькой от тебя не дождешься! – Сезон такой, Танечка. На открытый грунт зелень уже вовсю растет!* (А. Слаповский // НКРЯ), в белорусском – ***чырвоненькі*** *Насустрач пранесліся два матацыклы з каляскамі, адзін за адным;* ***чырвоненькі*** *трактар цягнуў два прычэпы з зялёным сенам* (І. Пташнікаў // N-K); *– Мама, хачу пакатацца на машынцы! Вось на гэтай,* ***чырвоненькай****, – паказваючы пальцам на чатырохколавы транспарт, кажа хлопчык гадоў пяці. – І на батут пайшлі!* (Звязда // N-K); *Перагінаюся цераз «борт» альтанкі, і адтуль, зверху, спрабую адшукаць вачыма знаёмыя лісцікі і ягады. Вось яны,* ***чырвоненькія*** *прыгажунькі…* (Звязда // N-K).

Все сказанное выше подчеркивает важность и необходимость нормативного закрепления русских и белорусских адъективных колоративов-деминутивов в толковых словарях, поскольку, во-первых, без толкования сложно определить, какое именно значение выражает деминутивный суффикс (ласкательности, усиления качества (цвета) или усиления качества (цвета) в сочетании с ласкательностью) в той или иной лексеме. Во-вторых, должен быть выдержан принцип полной лексикографической фиксации единиц подобного типа. Кроме того, выборочное включение в словари слов любой лексической группы, в том числе и адъективных деминутивов-колоративов, не позволяет оценить степень их продуктивности и их языковой статус.

Литература

БЕРЛИН, КЕЙ 1969: *Б. Берлин, П. Кей*. Основные цвета: их универсальность и видоизменения. – М. : Знание. – 169 с.

БРС 2012: *Беларуска-рускі слоўнік*: У 3 т. – Мінск: БелЭн.

БТСРЯ 2000: *Большой толковый словарь русского языка* / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт». – 1536 с.

ГСПЗЛП 2013: *Граматычны слоўнік прыметніка, займенніка, лічэбніка, прыслоўя* / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., філ. «Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы»; уклад. В.П. Русак [і інш.]; навук. рэд. В.П. Русак. – 2-е выд., дапрац. – Мінск: Беларус. навука. – 1135 с.

ЛУКАШАНЕЦ 2015: *А. Лукашанец*. Асабовыя імёны-дэмінутывы ў сучаснай беларускай мове: сістэма і функцыянаванне / Manjšalnice v slavjanskih jazykah: oblika i vloga = Deminutivy v slavjanskih jazykah: forma i rol' = Diminutives in Slavic Languages: Form and Role / uredila, editor Irena Stramljič Breznik. – V Mariboru: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta. – (Knjižna zbirka Zora; 113). – 645 c.). – С.197–209.

НКРЯ: *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html. – Дата доступа : 17.05.2019.

НОСРЯ 2007: *Новый орфографический словарь-справочник русского языка* / ред.-сост. В.В. Бурцева. – 6-е изд., стереотип. – М.: Русский язык. – Медиа. – X, 754, [4] с.

РБС 2012: *Русско-белорусский словарь:* В 3 т. – Мінск: БелЭн.

РГ 1980: *Русская грамматика*: В 2 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Введение в морфемику. Словообразование. Морфонология. – 783 с.

РОЗЕНТАЛЬ, ТЕЛЕНКОВА 1985: *Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова*. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение. – 399 с.

РОС 2005: *Русский орфографический словарь*: около 180 000 слов / [авт. О.Е. Иванова, В.В. Лопатин, И.В. Нечаева, Л.К. Чельцова; отв. ред. В.В. Лопатин] / Рос. акад. наук; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Московская типография № 2. – 960 с.

СБМ 1987: *Слоўнік беларускай мовы*: Арфаграфія. Арфаэпія. Акцэнтуацыя. Словазмяненне / Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа АН БССР; Пад рэд. М.В. Бірылы. – Мінск: БелСЭ. – 903 с.

СБМ 2012: *Слоўнік беларускай мовы* / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы; уклад. Н.П. Еўсіевіч [і інш.]; навук. рэд. А.А. Лукашанец, В.П. Русак. – Мінск: Беларус. навука. – 916 с.

СРЯ 1981–1984: *Словарь русского языка*: в 4-х т. / Ин-т рус. яз. АН СССР. – 2-е изд., испр. и доп.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык.

ССБМ 2000: *А.М. Бардовіч* і інш. Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы / А.М. Бардовіч, М.М. Круталевіч, А.А. Лукашанец. – Мінск: Беларус. навука. – 413 с.

ССРЯ 1985: *А.Н. Тихонов. Словообразовательный словарь русского языка*: в 2-х т. Ок. 145 000 слов. – М.: Русский язык.

ТСБЛМ 2016: *Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы*: больш за 65 000 слоў / уклад.: І.Л. Капылоў [і інш.]; пад рэд. І.Л. Капылова. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі. – 968 с.

ТСБМ 1977–1984: *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы:* у 5 т. (6 кнігах) / Ін-т мовазнаўства АН БССР; пад агул. рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск: БелСЭ.

УОСРЯ 2008: *В.В. Лопатин, О.Е. Иванова, Ю.А. Сафонова.* Учебный орфографический словарь русского языка. – М.: Эксмо. – 1184 с. – (Библиотека словарей).

N-K: Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http//bnkorpus.info/korpusSearch.html. – Дата доступа: 20.05.2019.

Ванкевич Оксана
Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, Беларусь, Минск
vankevich_kseniya@mail.ru

О НЕОБХОДИМОСТИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РЕЧЕВЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ

В статье рассматривается вопрос о целесообразности фиксации и изучения актуальных новообразований в связи с активизацией процессов словотворчества в современной речи; аргументируется научная и практическая значимость лексикографического описания словообразовательных инноваций. На примере окказиональной глагольной лексики, мотивированной именными основами, показаны словообразовательный потенциал русского языка, структурное и семантическое многообразие дериватов в речи и языке СМИ.

Ключевые слова: словотворчество, речевое новообразование, окказиональное слово, потенциальное слово, неузуальная номинация, отыменной глагол, лексикография.

The article deals with the problem of expediency of recording and studying relevant speech innovations due to strengthening word creation processes in modern speech; it also gives reasons for scientific and practical value of lexicographical description of word-building innovations. Shows word-building potential of the Russian language as well as structural and semantic variety of derivatives in speech and in the language of mass media based on the example of occasional verbal vocabulary motivated by nominal stems.

Key words: word creation, speech innovation, occasional word, potential word, unusual nomination, denominative verb, lexicography.

Специфика развития лексикона любого национального языка связана с «миграционными» процессами лексических единиц между различными стилями и вариантами внутри языка, активным проникновением иноязычных лексем, наконец, моделированием новых слов в соответствии с действующими в языке правилами и тенденциями.

Современная лингвистика ориентируется на антропоцентричность и коммуникативную направленность, признавая возрастание роли личности в языке. Нация в целом и каждый конкретный ее представитель являются не просто носителями языка, но и его активными создателями. Человек ощущает свою важную роль в истории, а именно, считает себя непосредственным участником языковой жизни и часто выступает автором различных новообразований, стремясь к информационной насыщенности, экспрессивности, оценочности, точности и в то же время гибкости и экономичности в использовании вербальных средств.

Отличительная черта современной эпохи – обилие всевозможных инноваций, в первую очередь это касается образования новых слов. Рост инновационных явлений в речи связан с постоянно меняющимися социокультурными и коммуникативными условиями ее существования

[РАДБИЛЬ 2008: 52]. Язык как динамическая система обладает способностью обогащать свой словарный состав новыми единицами, используя богатый арсенал собственных средств. Словообразование удовлетворяет потребности общества в новых средствах выражения языковой семантики, в основе создания которых лежат диалектические связи языкового и речевого, субъективного и объективного, внутрисистемного и экстралингвистического.

На современном этапе развития русского языка отмечается расширение возможностей узуальных и создание новых, оккзиональных, типов и способов словообразования. Возможность образования окказиональных слов, по мнению О. Мартинцовой, определяется характером нормы отдельных коммуникативных сфер [МАРТИНЦОВА 1987: 170]. Активное словотворчество вызвано рядом причин номинативного и стилистического планов – недостаточностью средств выражения, имеющихся в языке, стремлением к точности и компактности выражения мысли, поиском экспрессивности, необходимостью избежать тавтологии в речи [ГАБИНСКАЯ 1981: 62–64].

Активизация и расширение процессов словотворчества в начале XXI века вызывают обоснованный научный интерес к новообразованиям. В ситуации, когда игра со словом стала явлением массовым, охватив самые разные сферы реализации языка (живую разговорную речь, язык масс-медиа, эстрады и др.), назрела необходимость лексикографического описания актуальных новообразований. Изучение фиксируемых в различных коммуникативных сферах неузуальных (окказиональных и потенциальных) слов, т. е. фактов речи [ЗЕМСКАЯ 1972: 20] не менее важно, чем анализ системных языковых единиц, поскольку оно вскрывает деривационный потенциал конкретного языка, упрощает анализ однотипных слов, позволяет установить направления и закономерности словопроизводственного процесса, «ибо всякое общеязыковое («каноническое» – по терминологии А. Г. Лыкова, «реальное» – Э. Ханпиры) слово возникло в речи индивидуума и лишь впоследствии, в результате более или менее длительного употребления, на основании оценки, вынесенной ему обществом, стало элементом лексической системы языка» [ГАБИНСКАЯ 1981: 12]. Неслучайно еще в середине XX в. один из ведущих специалистов в области словообразования В. В. Лопатин поднимал вопрос о необходимости создания словаря окказионализмов [ЛОПАТИН 1973: 147], который демонстрировал бы неисчерпаемые возможности языка.

Отдельные попытки фиксации и толкования новых номинаций, появившихся в определенных коммуникативных сферах, были предприняты. Так, краткий словарь-справочник А. Л. Стрижака «Новые слова и их значения в современных газетных текстах» содержит описание более 1100 новых номинаций рубежа XX–XXI вв., среди которых как

неологизмы, так и окказиональные слова, с точки зрения их семантики, особенностей образования, контекста употребления с указанием печатного издания, в котором зафиксировано новое слово или новое значение известного слова [СТРИЖАК 2012]. Онлайн-словарь Н. И. Коробкиной демонстрирует толкование нескольких сотен окказионализмов современного русского языка (имен существительных и словосочетаний), выбранных из электронных и печатных СМИ, Интернета, художественной литературы [NONCEWORDS]. Очевидно, существующие словари не дают полной картины актуального состояния русского языка: они охватывают лишь некоторые сферы его реализации и слова отдельных лексико-грамматических разрядов. Без внимания составителей справочников осталась живая разговорная речь, служащая наиболее благоприятной «почвой» для словотворчества, а также один из основных грамматических классов слов – глагольная лексика.

Современной речи свойственна ориентация на глагольность; глагол – это самый употребительный из лексико-грамматических разрядов, а потому вполне естественным является стремление к «оглаголиванию» именных корней в процессе коммуникации. Активизация глагольного словообразования на базе именных основ – это проявление и закономерный результат сложного взаимодействия самых разных языковых законов и тенденций: закона аналогии, закона экономии речевых усилий, тенденции к языковому варьированию, «тенденции к мотивированности отношений между формой и содержанием» [ЛЕВИЦКИЙ 1994: 26] с учетом порождающей функции языковой системы и потребности в новых эмоционально-экспрессивных обозначениях известных явлений [ВОЛКОВ, СЕНЬКО 1983: 45, 53].

Моделирование отыменных глагольных новообразований выступает как частный случай универбации – специфического способа номинации в форме одного слова. Отыменной глагол как синкретичное образование – это «яркий пример языковой экономии» [БОЯРКИНА 1983: 97], результат компрессии, «свертывания» прецедентного текста [КОРЯКОВЦЕВА 2006: 123], а иногда даже и целой языковой ситуации. Иными словами, в семантическом плане отыменной глагольный дериват представляет собой емкое образование, передающее не только комплекс значений соответствующей многокомпонентной структуры, но и коммуникативные намерения адресанта.

Собранный фактический материал свидетельствует об определенных внутренних возможностях русского языка в сфере словопроизводства. Нами зарегистрировано около 250 русских отыменных неузуальных глаголов, возникших в разных контекстах XXI в. [ВАНКЕВИЧ 2014].

«Мощным источником компактных обозначений» [НЕЩИМЕНКО 2000: 71] является разговорная речь. Как языковая формация, обслуживающая сферу непринужденного общения, она представляет собой

явление, для которого характерно свободное отношение к форме, установка на новизну формы, использование приемов художественной литературы. Так, в устной разговорной речи появляются самые разные по структуре отыменные глагольные новообразования, напр.: *шампанить* (*Не забудьте шампанского купить. Будем всю ночь* ***шампанить!***), *сфигуриться* (*Ну, ты уже совсем* ***сфигурилась!***), *тщеславить* (*С такой должностью можно и* ***тщеславить***), *самостоятельствовать* (*Его всегда тянуло* ***самостоятельствовать***), *пенсионерить* (*Пенсионеры бывают разные. Большинство из них просто* ***пенсионерит***), *подкаблучничать* (*И не надоело тебе* ***подкаблучничать?***), *натряпывать* (*Подожди, не мой! Давай* ***натряпывай!***), *мальчишиться* (*Мальчишник начался в среду, и мы до субботы* ***мальчишились…***), *макияжить* (*Читайте, девочки, журналы:* ***макияжить*** *надо уметь*), *бильярдить* (*Пойдем* ***бильярдить!***) и др.

Ослабление «внутреннего цензора» в языке [РАЦИБУРСКАЯ, ПЕРВУХИНА 2004: 157–158], а также демократизация всех сфер жизнедеятельности общества благоприятствуют активизации словотворчества в языке СМИ. Так, широко представлены результаты неузуального глагольного словообразования на радио и телевидении, особенно в юмористических и развлекательных передачах, художественных фильмах, рекламе. Ср.: *Настоящий мастер обштопает,* ***обверсачит, обпакорабанит…*** («Городок», 2006); *Ладно, закрыли тему, закольцевали,* ***заквадратили, запараллелепипедили…***(«Аншлаг», 2017); *Нагребем мы грибов целый тазик,* ***нагруздим*** *мы груздей две избы,* ***заопятим*** *опять весь уазик, это важная тема – грибы* («Юрмала–2018»); *Ты так классно* ***тембрил!*** («Точь-в-точь», 2015); *Я помню однажды заменяла заболевшую Анастасию Волочкову. 32 раза акурат* ***фуэтнула…*** («Измайловский парк», 2015); *Давай, ребята,* ***кавээнить!*** («КВН», 2009); *Дорогие радиослушатели,* ***кнопайте*** *нам свои эсэмэсочки* («Русское радио», 2008); *Я Вас приглашаю вкусно* ***“бизнесланчить”!*** (радио «Юнистар», 2012); *Да и быт твой холостяцкий надо* ***обуютить*** (х/ф «За лучшей жизнью», 2016); *Вы тут восстанавливайтесь, дышите воздухом,* ***променадничайте*** (т/с «Сваты», 2012); *Ты что, крестнику за деньги будешь* ***тамадить?*** (т/с «Сваты», 2010); *Пойдем* ***пошефимся*** (х/ф «Белый налив», 2011); *Повезло тебе, одноклассник, повезло: приоделся,* ***приайфонился*** (х/ф «Фото на документы», 2014); *Это операция «Тайд»: найти и* ***обезгрязить!*** (реклама стирального порошка «Tide», 2008); *Fanta-лимон:* ***залимонься*** *с друзьями!* (реклама напитка «Fanta», 2011); *Ба, он папины тапки* ***сдедморозил!*** (реклама сока «Моя семья», 2015); *Просыпайтесь,* ***мебелизуйтесь!*** (реклама мебели, 2010); ***Зафрутель*** *дружбу!* (реклама жевательных конфет «Fruit tella», 2016) и т. п.

Множество отыменных глагольных дериватов функционирует на страницах печатных изданий, напр., *Украине опять* ***ЮЛИть****? Тимошенко затмит и Ющенко, и Януковича…* («Аргументы и факты», 2007); *Юрий*

Башмет удачно ***заГРЭММИровался****. <…> Победу России – не с первой попытки – принес Юрий Башмет.* («Известия», 2008); *Не воровать, а* ***МЭРить*** *“по доверенности”* («Аргументы и факты в Белоруссии», 2010); ***Омосквел*** *я. И скорбный мой труд оплачивается ой как неплохо* («Белгазета», 2010); *<…> израильтяне хорошо делают три вещи: поют, готовят и* ***“ювелирят”*** (ж-л «Лиза», 2011); *Когда прыгала с парашютом, сильно* ***адреналинило****…* («Антенна», 2013); *Мы не* ***сюрпризничали*** *и даже подарки для меня выбирали с ним вдвоем* (ж-л «Отдохни», 2015); *Вы столько лет* ***жюрили*** *КВН. Что для Вас эта игра?* («Комсомольская правда в Белоруссии», 2015); *Для меня подвиг блокадников в том, что они выстояли, не капитулировали, не* ***расчеловечились****…*(«Аругменты и факты в Белоруссии», 2015) и др.

В сфере Интернет-коммуникаций также отмечается всплеск словотворчества на базе именных основ, напр.: ***“Юбилеить”*** *будем с апреля*; *Где можно* ***шашлычить*** *в Дзержинске без штрафов?*: *Борьба с контрафактом: одежду и обувь будут* ***“чиповать”***; *Проспонсировать-****стопятидесятирублировать*** *не забудьте только*; *ЦИК умоляет не* ***смайлить*** *2 декабря*; *Рожденный* ***жигулить ситроенить*** *не может*; *Криворожские медики будут* ***“ПЕЖОнить”*** *вовсю*; *<…> но строители все равно не успевают* ***“оквартирить”*** *всех желающих*; *На работе решили не* ***корпоративничать****, 30-го шампанского выпьем и все*; *Водителям запретили* ***квасить*** *и* ***кефирить***; *Предлагаю преподавателей, так сказать,* ***“кастинговать”****. Будут более качественные*.

В языке СМИ отыменные глагольные дериваты активно используются как «сильное средство экспрессивизации текста, актуализации его отдельных фрагментов» [ЗЕМСКАЯ 1992: 178], как способ оценки различных сторон современной общественной жизни. Окказиональные глаголы сохраняют живые мотивационные связи с мотивирующими их именными словами; они информационно более насыщены, чем их узуальные синонимы. Поэтому употребление в языке СМИ экспрессивных глагольных новообразований вместо их нейтральных лексических и синтаксических эквивалентов позволяет более полно реализовать основные функции публицистического текста – информативную и прескриптивную.

Речевые новообразования являют собой результат сознательного акта словотворчества субъекта речи, стремящегося к самовыражению и преодолению привычных и стандартных формул высказывания [ЛЫКОВ 1977: 81]. По словам А. Г. Лыкова, «окказиональное словотворчество – это большое, поистине неиссякаемое богатство, которое дано, однако, не в готовом виде, а в потенции, требующей для своей реализации творческих усилий, фантазий, чувства меры и художественно-языкового вкуса» [ЛЫКОВ 1977: 83].

Создание нового типа лексикографических изданий – словаря речевых новообразований – одна из важнейших задач современной неографии. Несмотря на то, что ситуативные образования в живой разговорной речи и языке СМИ – явление временное, непостоянное, тем не менее, этот массив новых слов, на наш взгляд, играет значимую роль в формировании современного облика и тенденций развития любого национального языка.

Если принципы и задачи составления словарей индивидуально-авторских окказионализмов уже определены и сформулированы в теории языкознания, то под разработку словарей окказиональных слов, появляющихся в речи, необходимо еще подвести теоретико-методическую базу. Не претендуя на полноту, приведем некоторые веские аргументы в пользу целесообразности фиксации и толкования актуальных речевых новообразований.

Во-первых, лексикографическое отражение окказионализмов дает объективные данные о количестве новых номинаций, позволяя следить за направлением и степенью интенсивности развития языка в тот или иной период времени.

Во-вторых, новообразования представляют собой ценный фактический материал для оценки состояния деривационной системы и исследования ее потенциальных возможностей. Неузуальное словообразование, по словам В. Н. Виноградовой, «и исходит из недр языка…, и вносит значительный вклад в его развитие, возвращая ему языковые средства в обновленном и преображенном виде и делая возможным выражение все более сложных и тонких значений, оценок и смыслов» [ВИНОГРАДОВА 2010: 146]. Лексические инновации расширяют границы действия морфем, проявляют «речевую активность» [ХАРИТОНЧИК 2004: 317] словообразовательных моделей, усиливая тем самым регулярность и продуктивность словообразовательных типов. Анализ окказиональных слов позволяет выявить специфические способы и приемы словотворчества, новые формы языковой игры.

В-третьих, неузуальные номинации являются подтверждением тенденции к регулярности, системности внутриязыковых отношений. Так, они способны обогащать лексико-семантические поля (например, к ЛСП «Еда» можно отнести глаголы *майонезить, алкогольничать, шнапсовать, жюльенить, шашлычить* и др.), расширять границы синонимических рядов (*есть – кусковаться – сухомятничать – хомячить*), восполнять не выраженные узуальной лексикой семантические отношения, в частности, антонимические (*самостоятельствовать – подкаблучничать*), заполнять языковые лакуны.

В-четвертых, окказиональные слова, как и любые номинации, – это вербальное отражение объективной реальности, состояния общества, его культуры, а значит, и языка на современном этапе их развития. Кроме

того, в семантике неузуальных новообразований содержится, как правило, коннотативный элемент значения, отвечающий за восприятие и оценку окружающего мира субъектами номинации. В этом плане ситуативные речевые инновации обладают культурно-исторической ценностью. Непрерывные исследования инноваций в речи необходимы для успешной коммуникации людей.

В-пятых, словарь актуальных новообразований может выполнять прогностическую функцию. Как показывают наблюдения, факты речи неоднородны в функционально-словообразовательном отношении. Одни из них представляют собой окказиональные слова, созданные с нарушением закономерностей словопроизводства и характеризующиеся творимостью, структурной нестандартностью, экспрессивностью, фразеологичностью семантики, функциональной одноразовостью, конситуативной обусловленностью, напр., *эсэмэсить* ← *SMS*, *провалидолить* ← *валидол*, *сПЬЕХАться* ← *Пьеха*, *мерседесить* ← *«Мерседес»*, *зазагсировать* ← *ЗАГС*, *спортивить* ← *спортивный* и т. п. Это своего рода «слова-экспромты», созданные в конкретной речевой ситуации с определенной целью и сохраняющие налет новизны. Очевидно, что чем больше перечисленных признаков одновременно обнаруживает новообразование, тем выше степень его окказиональности. Вероятность узуализации таких единиц мала [ГАБИНСКАЯ 1984: 128], поэтому окказиональные глагольные инновации, скорее всего, так и останутся уникальными единицами речи.

Другие речевые номинации, образованные по продуктивным деривационным моделям, выражающие понятные носителям языка или легко выводимые значения, функционирующие в нескольких коммуникативных актах, тяготеют к потенциальным словам, напр., *пюрировать* ← *пюре*, *дизайнировать* ← *дизайн*, *тюнинговать* ← *тюнинг*. Подобные словообразовательные инновации в процессе развития языка способны менять свой статус: норма предполагает создание новых средств в соответствии с возможностями языковой системы или по аналогии с уже реализованными образцами [СКВОРЦОВ 1997: 271]. Признанию нормативности речевого факта способствуют соответствие его структуре языка, массовое и регулярное употребление в процессе коммуникации, общественное одобрение [СЕМЕНЮК 1998: 338]. Новые единицы речи, характеризующиеся номинативной нагруженностью и высокой частотой употребления, как правило, принимаются нормой. Важное значение при этом имеет степень употребительности и распространенности неузуального слова: в общелитературный язык переходят чаще всего наиболее частотные, «узнаваемые», номинативно и прагматически релевантные инновации, способные использоваться в разных сферах реализации языка – как в устной, так и в письменной формах, как в разговорной речи, так и в языке публичной коммуникации.

Таким образом, изучение неузуальных дериватов представляется важным не только в отношении их словообразовательной структуры, мотивационных особенностей, условий функционирования в речи, но и с точки зрения перспектив развития языка в целом. Лексикографическая регистрация актуальных новообразований позволит более полно и детально исследовать данный пласт новых слов, оценить заложенный в языке деривационный потенциал и продуктивность определенных словообразовательных моделей, представить наиболее полную языковую картину актуального состояния общества.

Литература

БОЯРКИНА 1983: *В.Д. Бояркина*. О некоторых особенностях новой глагольной лексики // Новые слова и словари новых слов : сб. ст. – Л. – С. 93–102.

ВАНКЕВИЧ 2014: *О.Г. Ванкевич*. Отыменные глаголы в современных русском и белорусском языках: словообразовательная мотивация : дис. …канд. филол. наук : 10.02.02 ; 10.02.01. – Минск.

ВИНОГРАДОВА 2010: *В.Н. Виноградова*. Поэтическое словообразование как фактор появления инноваций в языке // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование : докл. XI Междунар. науч. конф. Комис. по славянск. словообразованию при Междунар. ком. славистов. – М. – С. 142–147.

ВОЛКОВ, СЕНЬКО 1983: *С.С. Волков, Е.В. Сенько*. Неологизмы и внутренние стимулы языкового развития // Новые слова и словари новых слов : сб. ст. – Л. – С. 43–57.

ГАБИНСКАЯ 1981: *О.А. Габинская*. Типология причин словотворчества. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та. – 153 с.

ГАБИНСКАЯ 1984: *О.А. Габинская*. Некоторые особенности семантики окказиональных глаголов // Проблемы глагольной семантики : сб. науч. тр. – Свердловск. – С. 128–138.

ЗЕМСКАЯ 1972: *Е.А. Земская*. Окказиональные и потенциальные слова в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования : материалы респ. науч. конф. – Самарканд. – Ч. 1. – С. 19–28.

ЗЕМСКАЯ 1992: *Е.А. Земская*. Словообразование как деятельность. – М. : Наука. – 221 с.

КОРЯКОВЦЕВА 2006: *Е.И. Коряковцева*. О словообразовательной компрессии (на материале русского и польского языков) // Функцыянальныя аспекты словаўтварэння : дакл. IX Міжнар. навук. канф. Каміс. па славянск. словаўтварэнні пры Міжнар. кам. славістаў. – Мінск : Права і эканоміка. – С. 122–131.

ЛЕВИЦКИЙ 1994: *В.В. Левицкий*. Фонетическая мотивированность слова // Вопр. языкознания. – № 1. – С. 26–37.

ЛОПАТИН 1973: *В.В. Лопатин*. Рождение слова: неологизмы и окказиональные образования. – М. : Наука. – 152 с.

ЛЫКОВ 1977: *А.Г. Лыков*. Окказионализм и языковая норма // Грамматика и норма : сб. ст. – М. – С. 62–83.

МАРТИНЦОВА 1987: *О. Мартинцова*. Окказиональные слова в сопоставительном аспекте // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – С. 170–173.

НЕЩИМЕНКО 2000: *Г.П. Нещименко*. Активизация использования словообразования в языке публичной коммуникации в конце столетия // Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji : materiały z 4 konf. Komis. Słowotwórstwa przy Międzynar. Kom. Slawistów. – Katowice. – S. 70–77.

РАДБИЛЬ 2008: *Т.Б. Радбиль*. Инновационные тенденции в русском языке последних лет в лингвокультурологическом освещении // Новая русистика. – № 2. – С. 51–63.

РАЦИБУРСКАЯ, ПЕРВУХИНА 2004: *Л.В. Рацибурская, И.Ю. Первухина*. Новообразования в средствах массовой информации как способ отражения современной российской действительности // Вестн. Нижегород. ун-та. Сер. Филология. – Вып. 1(5). – С. 157–163.

СЕМЕНЮК 1998: *Н.Н. Семенюк*. Норма // Языкознание : большой энцикл. слов. – 2-е изд. – М. – С. 337–338.

СКВОРЦОВ 1997: *Л.И. Скворцов*. Норма // Русский язык : энцикл. – М. – С. 270–272.

СТРИЖАК 2012: *А.Л. Стрижак*. Новые слова и их значения в современных газетных текстах : краткий словарь-справочник. – Гомель : Барк. – 180 с.

ХАРИТОНЧИК 2004: *З.А. Харитончик*. Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование : избр. тр. – Минск: МГЛУ. – 367 с.

NONCEWORDS : онлайн-словарь окказионализмов современного русского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://noncewords.ru/about-dictionary/. – Дата доступа: 14.05.2019.

Кугейка Таццяна
Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Беларусь, Мінск
kuheika@mail.ru

СЛОВАЎТВАРАЛЬНАЯ АМАНІМІЯ І ЯЕ АДЛЮСТРАВАННЕ Ў ЛЕКСІКАГРАФІЧНЫХ КРЫНІЦАХ

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці лексікаграфічнай падачы разнавіднасцей словаўтваральных амонімаў, іх апісання і тлумачэння.
Ключавыя словы: словаўтваральная аманімія, аманімія афіксаў, аманімія каранёў і афіксаў, аманімія словаўтваральных форм, набытая аманімія, адлюстраваная аманімія.

In the article the features of the lexicographic presentation of varieties of word formation homonyms, their description and interpretation are considered.
Key words: word formation homonymy, homonymy of affixes, homonymy of roots and affixes, homonymy of derivational forms, acquired homonymy, reflected homonymy.

Аманімія як рэалізацыя асіметрыі моўнага знака на тым ці іншым узроўні праяўляецца ў адпаведнасці некалькіх планаў зместу адной форме, што адлюстроўвае агульную тэндэнцыю ў мове да развіцця не шляхам пастаяннага ўзнікнення новых адзінак, а праз набыццё ўжо існуючымі знакамі новых сэнсаў. Прынцып “адно азначальнае – некалькі азначаемых” дазваляе пашыраць семантычнае напаўненне элементаў сістэмы і пры гэтым эканоміць моўныя сродкі.

Словаўтваральная аманімія – з’ява надзвычай разнапланавая і складаная. Яе даследаванне пачалося яшчэ ў пачатку XX стагоддзя. Адным з першых, хто ў сваіх працах звярнуўся да праблемы словаўтваральнай аманіміі, быў акадэмік В.У. Вінаградаў, які абазначыў асноўныя аспекты вывучэння названай з’явы ў рускім мовазнаўстве [ВИНОГРАДОВ 1975]. На сённяшні дзень у славістыцы прадстаўлены розныя падыходы да сутнасці і аб’ёму паняцця словаўтваральнай аманіміі і эксплікацыі яе месца ў моўнай сістэме. У пэўнай ступені гэта абумоўлена тым, што словаўтваральная аманімія мае непасрэдныя суадносіны з аманіміяй лексічнай. Вылучэнне марфем як мінімальных значымых моўных элементаў адбываецца ў межах лексічнай адзінкі, і ўсе словаўтваральныя працэсы рэалізуюцца паміж асобнымі лексічнымі адзінкамі.

У сувязі са сказаным вышэй праблемным бачыцца пытанне падачы словаўтваральных амонімаў у лексікаграфічных крыніцах беларускай мовы. Нягледзячы на тое, што словаўтваральная аманімія разглядаецца, як правіла, у комплексе з лексічнай неадназначнасцю, словаўтваральныя амонімы не заўсёды з’яўляюцца амонімамі лексічнымі. Словаўтваральныя амонімы вызначаюцца намі як сугучныя вытворныя адзінкі з тоеснымі або

адрознымі словаўтваральнымі структурамі, якія маюць аманімічныя састаўныя элементы (карані і суфіксы, толькі карані). Вытворныя, якія ўтрымліваюць у сваім складзе толькі аманімічныя словаўтваральныя суфіксы, словаўтваральнымі амонімамі не з'яўляюцца, таму што пры наяўнасці аманімічных марфем такія дэрываты маюць рознакаранёвыя асновы і не могуць называцца амонімамі ў прынятым разуменні гэтага паняцця. У дачыненні да іх варта выкарыстоўваць тэрмін "вытворныя назоўнікі з аманіміяй словаўтваральных суфіксаў".

Словаўтваральная аманімія – гэта з'ява адрознення семантыкі структурных частак вытворных слоў (марфем) пры іх фармальнай тоеснасці або адрознення словаўтваральных структур у цэлым. Яна прадстаўлена некалькімі разнавіднасцямі: аманімія афіксаў, аманімія каранёў і афіксаў, аманімія словаўтваральных форм, набытая словаўтваральная аманімія і адлюстраваная аманімія. Адразу адзначым, што аманімія афіксаў адносіцца выключна да словаўтваральнага ўзроўню і ўяўляе сабой аманімію словаўтваральных тыпаў, якая назіраецца паміж асобнымі монасемантамі, полісемантамі або амонімамі, таму ў дадзеным даследаванні не разглядаецца. Астатнія ж разнавіднасці словаўтваральнай аманіміі непасрэдна звязаны з лексічнай неадназначнасцю і рэалізуюцца ў амонімах або полісемантах. Акрамя таго, спецыяльна не разглядаецца аманімія асноў і фармантаў у сувязі з адзінкавасцю прадстаўленых у слоўніках прыкладаў: *уточ-к-а*[1] '1. Дзеянне паводле знач. дзеясл. уточваць[1] – утачыць[1]' ← *утачыць*[1] (транспазіцыйнае значэнне) і *уточ-к-а*[2] 'тое, што ўшыта ў што-н.' ← *утачыць*[2] (мутацыйнае значэнне). Нашай задачай з'яўляецца аналіз пэўных асаблівасцей падачы лексікаграфічнымі даведнікамі вытворных субстантыўных моўных адзінак, якія рэпрэзентуюць названыя вышэй разнавіднасці словаўтваральнай аманіміі.

У якасці крыніц даследавання былі выкарыстаны наступныя аднамоўныя лінгвістычныя слоўнікі: "Слоўнік амонімаў беларускай мовы" В.Д. Старычонка [САБМ 1991], "Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы" А.М. Бардовіча, М.М. Круталевіча, А.А. Лукашанца [ССБМ 2000], "Марфемны слоўнік беларускай мовы" А.М. Бардовіча і Л.М. Шакуна [МСБМ 1989], а таксама "Тлумачальны слоўнік беларускай мовы" [ТСБМ 1977–1984] і "Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы" [ТСБЛМ 2016].

Неабходна адразу падкрэсліць той факт, што на сённяшні дзень "Слоўнік амонімаў беларускай мовы" В.Д. Старычонка – адзінае айчыннае лексікаграфічнае выданне (хоць яно пабачыла свет яшчэ ў 1991 годзе), у якім гаворыцца пра існаванне словаўтваральных амонімаў. У прадмове да слоўніка выкарыстоўваецца тэрмін "словаўтваральныя, ці дэрывацыйныя, амонімы" і адзначаюцца магчымасці ўтварэння такіх лексем. Усе амонімы ў САБМ маюць спецыяльныя індэксы, якія абазначаюць "суадносіны паміж членамі аманімічнай групы" [САБМ 1991: 7]. Словаўтваральным

амонімам у слоўніку адпавядаюць вытворныя лексемы з наступнымі індэксамі: “III_1 – амонімы, якія ўяўляюць сабой вытворныя адзінкі, утвораныя пры дапамозе прыставак, суфіксаў і іншымі сродкамі ад утваральных слоў-амонімаў ці толькі ад якога-небудзь аднаго слова (звычайна мнагазначнага); III_2 – вытворныя амонімы, суадносныя з рознымі зыходнымі слоўнікавымі адзінкамі; III_3 – вытворныя адзінкі, утвораныя ад розных форм аднаго і таго ж слова, а таксама амонімы, якія не маюць адкрытага выражэння ў слоўнікавай форме (выразнай суаднесенасці з зыходнай адзінкай)” [САБМ 1991: 7–8]. Таксама да іх далучаюцца словы з індэксам “VI – амонімы, якія ўзніклі шляхам супадзення зыходнай формы аднаго якога-небудзь слова і памяншальна-ласкальнай формы (зрэдку – формы множнага ліку, формы пэўнай ступені параўнання) другога слова” [САБМ 1991: 8].

Заўважым, што ў САБМ ставілася перш за ўсё задача фіксацыі менавіта лексічных амонімаў, частка якіх прадстаўлена вытворнымі словамі, і асаблівасці словаўтваральных амонімаў не маглі быць у поўнай меры адлюстраваны ў названым лексікаграфічным даведніку, у прынцыпе, як і ва ўсіх астатніх слоўніках, якія ствараліся з іншымі мэтамі.

Адлюстраваная аманімія абумоўлена ўтварэннем новых слоў-амонімаў ад аманімічных асноў. Названая разнавіднасць словаўтваральнай аманіміі перадае ўжо існуючую ў мове лексічную аманімію, пры гэтым толькі далучаецца фармант з пэўным словаўтваральным значэннем (тоесным для пары або групы амонімаў), у выніку чаго і мяняецца лексічнае значэнне зыходных адзінак. Назоўнікі з адлюстраванай аманіміяй найбольш паслядоўна падаюцца ва ўсіх слоўніках і не маюць разыходжанняў у інтэрпрэтацыі.

У САБМ словаўтваральныя амонімы данай разнавіднасці не маюць асобных артыкулаў. Як правіла, яны падаюцца адсылачным прынцыпам у канцы слоўнікавага артыкула той адзінкі, ад якой утвараюцца. Выключэнне складаюць толькі некалькі лексем з адлюстраванай аманіміяй, якія прадстаўлены асобна, нягледзячы на тое, што іх зыходныя словы-амонімы таксама зафіксаваны ў САБМ, напрыклад, *танк*[1] ‘баявая бронемашына’ і *танк-іст*[1] ‘ваеннаслужачы танкавых войск’, *танк*[2] ‘бак, цыстэрна для транспарціроўкі вадкасцей без тары’ і *танк-іст*[2] ‘хто мые бакі (танкі)’.

Лексемы з адлюстраванай словаўтваральнай аманіміяй выразна падзяляюцца на два тыпы: 1) назоўнікі, якія адносяцца да словаўтваральных гнёздаў, вяршынямі якіх з’яўляюцца словы-амонімы (*вычас-к-а*[1] ← *вычасаць*[1] ← *часаць*[1] ‘распраўляць, прыгладжваць валасы; ачышчаць грэбенем, шчоткай лён, пяньку ад кастрыцы’ і *вычас-к-а*[2] ← *вычасаць*[2] ← *часаць*[2] ‘рабіць дрэва роўным, ачышчаючы ўздоўж’; *кулач-ок*[1] ← *кулак*[1] ‘кісць рукі са сціснутымі пальцамі’ і *кулач-ок*[2] ← *кулак*[2] ‘багаты селянін-уласнік’; *ліх-асць*[1] ← *ліхі*[1] ‘нядобры, дрэнны’ і *ліх-асць*[2] ← *ліхі*[2]

‘смелы, храбры’; *шліхтоў-к-а*[1] ← *шліхтаваць*[1] ← *шліхта*[1] ‘клейкі ліпкі раствор’ і *шліхтоў-к-а*[2] ← *шліхтаваць*[2] ← *шліхта*[2] ‘штабель’ і інш.); 2) назоўнікі, якія адносяцца да словаўтваральных гнёздаў з рознымі зыходнымі адзінкамі ў вяршыні, якія аманімізаваліся ў працэсе словаўтварэння на адной з прамежкавых ступеней дэрывацыі (*прасаваць*[1], *незак.* (ад прас). Гладзіць прасам. *Прасаванне*[1], *прасаваць*[2], *незак. спец.* (ад прэс). Апрацоўваць прэсам. *Прасаванне*[2] [САБМ 1991: 114]; *перасыпаць*[1], *незак.* (ад сыпаць). Сыпаць у другое месца, другую тару. *Перасыпанне*[1], *перасыпаць*[2], *незак.* (ад спаць). Спаць пэўны час; спаць больш, чым трэба. *Перасыпанне*[2] [САБМ 1991: 107]; *падрываць*[1], *незак.* (ад рваць). Знішчаць, разбураць узрывам. *Падрыванне*[1], *падрываць*[2], *незак.* (ад рыць). Рыць пад чым-небудзь. *Падрыванне*[2] [САБМ 1991: 93–94] і інш.). Назоўнікі з адлюстраванай аманіміяй другога тыпу маюць розныя глыбінныя словаўтваральныя структуры, дзе і ўзнікае адрозненне ў зыходных слоўнікавых адзінках, а на першым дэрывацыйным кроку такія лексемы таксама ўтвараюцца ад амонімаў, значыць, абсалютна правамерна адносіць іх да слоў, у якіх прадстаўлена з’ява адлюстраванай аманіміі. На карысць такой думкі сведчыць і тое, што амонімы абодвух тыпаў уваходзяць у розныя словаўтваральныя гнёзды, прычым могуць знаходзіцца ў іх як на аднолькавай, так і на розных ступенях дэрывацыі, параўн.: *завіхр-энн-е*[1] ← *завіхрыць*[1] ← *віхрыць* ← *віхор*[1] ‘1. Імклівая кругавая плынь ветру’ і *завіхр-энн-е*[2] ← *завіхрыць*[2] ← *віхор*[2] ‘узнятая ўверх пасма валасоў’; *лавач-к-а*[1] ← *лаў-к-а*[1] ← *лава*[1] ‘прадмет сялянскай мэблі – шырокая дошка на ножках для сядзення, звычайна прыстаўленая да сцяны’ і *лавач-к-а*[2] ← *лаўка*[2] ‘невялікая гандлёвая ўстанова; невялікі магазін’.

Варта адзначыць, што ў САБМ не заўсёды рэпрэзентуецца адрозненне базавых асноў для лексем з адлюстраванай словаўтваральнай аманіміяй другога тыпу, як гэта зроблена ў прыведзеных вышэй прыкладах. Так, розныя адзінкі выступаюць у якасці вяршынь словаўтваральных гнёздаў і для наступных амонімаў: *перакасіць*[1] *зак.* Скрывіць, зрабіць касым. Перакос[1] і *перакасіць*[2] *зак.* Скасіць далей, чым вызначалася; знішчыць, загубіць (усіх, многіх). Перакос[2] [САБМ 1991: 106] (*касы* і *каса* адпаведна); *выдыхаць*[1], *незак.* Дыханнем выштурхоўваць паветра з лёгкіх. Выдыханне[1] і *выдыхаць*[2], *незак. разм.* Здыхаць. Выдыханне[2] [САБМ 1991: 30] (*дыхнуць* і *дохнуць* адпаведна) і інш.

У тлумачальных слоўніках паслядоўна прадстаўлены амаль усе словы з адлюстраванай аманіміяй. Такога тыпу лексемы маюць, як правіла, выразную семантычную структуру, таму іх дэфініцыі характарызуюцца аналагічнасцю сінтаксічных канструкцый і празрыстасцю ў эксплікацыі суадносін з утваральнай асновай (*зарубка*[1] ‘*дзеянне паводле знач. дзеясл.* зарубіць[1]’ і *зарубка*[2] ‘1. *Дзеянне паводле знач. дзеясл.* зарубіць[2]. 2. Метка, знак, зробленыя сякерай, нажом і пад.; засечка’ [ТСБМ 1977–1984]).

У МСБМ і ССБМ амонімы з аднолькавай марфемнай будовай і

словаўтваральнай структурай, якія ўтварыліся ад зыходных аманімічных лексем, падаюцца ў адным слоўнікавым артыкуле без указання значэнняў. Амонімы афармляюцца асобнымі артыкуламі з неабходнымі тлумачэннямі толькі пры наяўнасці некаторых разыходжанняў (адрозненне марфемнага чляненння, утваральных асноў і г.д.). У адзінкавых выпадках у ССБМ у розных артыкулах прыводзяцца амонімы з тоеснай словаўтваральнай структурай. Прычынай таму з'яўляецца ўказанне дадатковых слоў у якасці ўтваральных. Так, лексемы *хаванне*[1] і *хаванне*[2], утвораныя ад аманімічных асноў (*хаваць*[1] '1. Размяшчаць, класці дзе-н. так, каб ніхто не мог знайсці або ўбачыць' і *хаваць*[2] 'закопваць у зямлю набожчыка') суфіксальным спосабам шляхам далучэння фарманта *-нн-е*, падаюцца ў розных слоўнікавых артыкулах у сувязі з тым, што для назоўніка *хаванне*[1] ў якасці зыходнай адзінкі прадстаўлены і дзеяслоў *хавацца*, што не зусім правамерна. Семантычна назоўнік *хаванне*[1], безумоўна, можа матываваццa і зваротным дзеясловам (параўн. значэнне ў ТСБМ: *хаванне*[1] '*дзеянне паводле знач. дзеясл.* хаваць[1] і хавацца[1]', *хаванне*[2] '*дзеянне паводле знач. дзеясл.* хаваць[2]' [ТСБМ 1977–1984]), аднак фармальна ўтвараецца толькі ад слова *хаваць*[1], а лексемы *хаванне*[1] і *хавацца*[1] знаходзяцца ў словаўтваральным гняздзе на адной ступені дэрывацыі.

На наш погляд, для лексем з адлюстраванай словаўтваральнай аманіміяй, якія адносяцца да словаўтваральных гнёздаў з рознымі зыходнымі адзінкамі ў вяршыні, варта было б абавязкова паказваць такое адрозненне ў дужках побач з утваральнай асновай нават у словаўтваральным слоўніку алфавітнага тыпу.

Набытая словаўтваральная аманімія ўзнікае ў выніку супадзення рознакаранёвых асноў у працэсе словаўтварэння. Дыферэнцыяцыя з адлюстраванай аманіміяй другога тыпу абумоўлена тым, што пры набытай аманіміі ўтварэнне ад розных лексем адбываецца, як правіла, на першым дэрывацыйным кроку (у словаўтваральнай пары), а не прасочваецца толькі ў словаўтваральным ланцужку. У чыстым выглядзе набытая словаўтваральная аманімія назіраецца ў адзінкавых прыкладах: *бач-ок*[1] ← *бак* і *бач-ок*[2] ← *бок*; *сычэнне*[1] ← *сыціць* і *сычэнне*[2] ← *сычэць*; *раманіст*[1] ← *раман* і *раманіст*[2] ← *раманскі*). Часцей разглядаемая з'ява спалучаецца: 1) з аманіміяй фармантаў (*пай-к-а*[1] ← *паяць* (транспазіцыйнае значэнне) і *пай-к-а*[2] ← *пай* (мутацыйнае значэнне); *коп-к-а*[1] ← *капаць* (транспазіцыйнае значэнне) і *коп-к-а*[2] ← *капа* (мадыфікацыйнае значэнне) і інш.); 2) з адрозненнем словаўтваральных структур (*махав-ік*[1] 'кола вялікага дыяметра' ← *махавы*[1] ← *мах*[1] ← *махаць* і *мах-авік*[2] 'грыб' ← *мох (*або *махав-ік*[2] ← *мохавы* ← *мох)*; *інды-янк-а*[1] 'гл. індзейцы' ← *індзеец* і *інды-янк-а*[2] 'гл. індыйцы' ← *індыец* ← *Індыя*; *ад-кос-ø*[1] 'нахільная паверхня гары' ← *касіць*[2] ← *касы* (прыставачна-нульсуфіксальны спосаб) і *адкос-ø*[2] 'адработ касьбой' ← *адкасіць* ← *касіць*[1] ← *каса* (нульсуфіксальны спосаб) і інш.).

У САБМ лексемы з набытай словаўтваральнай аманіміяй вылучаны ў асобны тып з індэксам III_2, аднак назіраецца непаслядоўнасць падачы слоў, якія суадносяцца з рознымі зыходнымі адзінкамі. Так, назоўнікі *скосак*[1], *скосак*[2], што ўваходзяць у групу лексем з індэксам III_2, непасрэдна ўтвараюцца ад аманімічных адзінак, якія, у сваю чаргу, узыходзяць да розных слоў: *скосак*[1], *м. спец.* (ад касы). Зрэзаны коса клін тканіны, дрэва, *скосак*[2], *м.* (ад каса). Старая зрэзаная каса [САБМ 1991: 133] (*скосак*[1] ← *скасіць*[2] ← *касіць*[2] ← *касы*, *скосак*[2] ← *скасіць*[1] ← *касіць*[1] ← *каса*). І наадварот: лексемы, суадносныя з рознымі зыходнымі адзінкамі, уключаюцца ў іншыя тыпы вытворных слоў-амонімаў. Напрыклад, *замер*[1] ← *замераць* ‘зрабіць вымярэнне чаго-н.’ ← *мераць* і *замер*[2] ← *замерыцца* ‘займець намер; намерыцца’ (*замервацца*[1]) (III_3), *такав-ішч-а*[1] ‘месца, дзе такуюць птушкі’ ← *такаваць* і *так-авішч-а*[2] ‘тое, што і ток[2]’ ← *ток*[2] (III_1), *верхавод-к-а*[1] ‘жан. да верхавод’ ← *верхавод* ← *верхаводзіць* і *верх-а-вод-к-а*[2] ‘1. Падземная вада, якая залягае паблізу ад зямной паверхні. 2. Верхавая вада’ ← *вада* + *паверхні* + *-к-а* (III_1) і інш.

У ССБМ лексемы з набытай словаўтваральнай аманіміяй падаюцца, як правіла, у розных слоўнікавых артыкулах з указаннем розных утваральных асноў, фармантаў, спосабаў утварэння і пры неабходнасці тлумачэнняў семантыкі. Выключэннем з’яўляецца слова *гор-ачк-а*, для якога ў якасці зыходнай адзінкі згадваецца толькі назоўнік *го́ра* (параўн.: *гара* → *гор-ачк-а*). У МСБМ розная будова прадстаўлена толькі для амонімаў *пал-енн-е*[1] (параўн. пал-і-ць) і *паленн-е*[2] (дровы). Пры гэтым у ім не адлюстравана дыферэнцыяцыя структуры для лексем *качанн-е*[1] (качаны) і *кача-нн-е*[2] (ад качаць) з аналагічнай будовай і спосабам утварэння.

У ТСБМ зафіксаваны ўсе разглядаемыя вытворныя лексемы з набытай словаўтваральнай аманіміяй. Значэнні такіх слоў маюць выразныя дэфініцыі, з якіх вынікае адрозненне зыходных адзінак. У ТСБЛМ асобныя лексемы з набытай словаўтваральнай аманіміяй падаюцца як монасеманты (*канавод* ‘чалавек, які наглядае за коньмі, калі коннікі спешваюцца’, *месячнік* ‘месячны адрэзак часу, прызначаны для правядзення якога-н. грамадскага мерапрыемства’ і інш.) або як полісеманты (*адкос* ‘1. Адхон, нахільная паверхня гары і пад. 2. Бакавая нахільная паверхня дарожнага насыпу. 3. Нахільная паверхня чаго-н., якая ідзе пад вуглом (спец.)’) без адпаведных ім аманімічных адзінак. Гэта абумоўлена задачамі слоўніка не ўключаць лексемы, якія “не запатрабаваны ў сучаснай моўнай практыцы” [ТСБЛМ 2016: 5], напрыклад, *месячнік*[2] ‘прыгонны селянін, які атрымліваў месячыну’ з’яўляецца гістарызмам, а *адкос*[2] ‘адработ касьбой за паслугу, пазыку і пад.’ – рэдкаўжывальным словам. Заўважым, што ў тлумачальных слоўніках назоўнік *скосак* прадстаўлены ў якасці мнагазначнай лексемы, што абсалютна неправамерна, таму што яго ЛСВ утвараюцца ад слоў-амонімаў і адносяцца да розных словаўтваральных гнёздаў.

Вылучэнне аманіміі словаўтваральных форм у якасці асобнага віду словаўтваральнай аманіміі абумоўлена спецыфікай узаемаадносін структурных частак вытворнага слова. Словаўтваральная форма вызначаецца як “бінарнае адзінства ўтваральнай (або матывавальнай) асновы і фарманта, адлюстраванае ў радзе аднатыпных утварэнняў і звязанае з тыпавым словаўтваральным значэннем” [НИКОЛАЕВ 2010: 83]. Ключавым момантам для разумення разглядаемага паняцця выступае ўзаемасувязь структурных кампанентаў вытворнага слова з пэўным словаўтваральным значэннем. На наш погляд, аманімію словаўтваральных форм немэтазгодна абмяжоўваць выпадкамі аднолькавага члянення вытворнага слова. Такім чынам, сутнасць паняцця словаўтваральнай формы складаюць паняцці “словаўтваральная структура” і “словаўтваральнае значэнне”, якім можа быць уласціва як тоеснасць, так і адрозненне. В.І. Максімаў вызначае словаўтваральную структуру слова як “сістэму ўтваральных асноў і словаўтваральных, а таксама формаўтваральных афіксаў у іх храналагічнай і сэнсавай паслядоўнасці” [МАКСИМОВ 1977: 11].

Аманімія словаўтваральных форм прадстаўлена адрозненнямі словаўтваральных структур і мае розныя праяўленні, сярод якіх вылучаюцца наступныя:

1) адрозненне словаўтваральных структур, абумоўленае матывацыяй аднакаранёвымі ўтваральнымі асновамі і далучэннем розных фармантаў, пры гэтым могуць адрозніваццa і спосабы словаўтварэння (*сярэбран-ік*[1] ‘старажытная дробная сярэбраная манета’ ← *сярэбраны* ← *серабро*, *сярэбр-а/нік*[2] ‘спецыяліст па серабрэнню рэчаў і чаканцы серабра’ ← *серабро*; *прамов-ø-а*[1] ‘публічнае выступленне’ ← *прамовіць* ← *мовіць* і *пра-мова*[2] ‘не засведчаная пісьмовымі помнікамі, рэканструяваная мова’ ← *мова* і інш.);

2) адрозненне словаўтваральных структур пры ўтварэнні ад аднакаранёвых асноў, да якога далучаецца аманімія або полісемія фарманта (*украінец* → *украін-к-а*[1] ‘гл. украінцы’ і *украінскі* → *украін-к-а*[2] ‘гатунак пшаніцы’, *шатландзец* → *шатланд-к-а*[1] ‘гл. шатландцы’ і *шатландскі* → *шатланд-к-а*[2] ‘тканіна ў каляровыя клеткі’, *Зямля* → *зямлянін* → *зямлян-к-а*[2] ‘гл. зямляне’ і *зямля* → *земляны* → *зямлян-к-а*[1] ‘часовае жыллё, зробленае ў зямлі (іншы раз выступае на паверхню)’ і інш.). Суфіксы ў названых словах з’яўляюцца аманімічнымі і выражаюць мадыфікацыйнае значэнне ‘супрацьлеглы пол’ і мутацыйнае значэнне ‘прадмет’;

3) адрозненне словаўтваральных структур, звязанае з утварэннем ад аднакаранёвых зваротных і незваротных дзеясловаў (*кача-лк-а*[1] ‘крэсла з выгнутымі палазамі, на якіх яно качаецца’ ← *качацца* і *кача-лк-а*[2] ‘1. Круглая палка для раскачвання цеста або разгладжвання бялізны качаннем. // Прадмет падобнай формы’ ← *качаць*).

Усе лексемы з аманіміяй словаўтваральных форм утвараюцца ад аднакаранёвых слоў. У САБМ такога тыпу адзінкі адносяцца да амонімаў з індэксам або III_1 (*прамова*[1] і *прамова*[2], *зямлянка*[1] і *зямлянка*[2], *талстоўка*[1] і *талстоўка*[2], *качалка*[1] і *качалка*[2]), або III_3 (*украінка*[1] і *украінка*[2], *іспанка*[1] і *іспанка*[2], *шатландка*[1] і *шатландка*[2] і інш.). У ССБМ і МСБМ назоўнікі з аманіміяй словаўтваральных форм падаюцца спарадычна. ССБМ адлюстроўвае адрозненне словаўтваральных структур толькі для асобных лексем (*сярэбранік* і *качалка*), астатнія прадстаўлены адным слоўнікавым артыкулам (*прамова* і *прыпёк*). У МСБМ зафіксаваны адзінкавыя назоўнікі, утвораныя ад аднакаранёвых асноў пры дапамозе аманімічных фармантаў (*украінка, шатландка* і *зямлянка*).

Варта асобна разгледзець аманімічныя лексемы, калі адна (або некалькі) з іх з'яўляюцца вытворнымі з пэўным фармантам у сваім складзе, а другая – невытворнай. Зразумела, што вытворныя адзінкі маюць словаўтваральную структуру і адпаведна ім уласціва пэўная словаўтваральная форма. У невытворных лексем можа быць вылучана толькі марфемная структура. У сувязі з гэтым узнікае пытанне, ці правамерна, супастаўляючы наяўнасць словаўтваральнай структуры і яе адсутнасць, адносіць такія выпадкі да з'явы словаўтваральнай аманіміі. Па словах П.А. Собалевай, такія выпадкі з'яўляюцца не чыста словаўтваральнай аманіміяй, а ўскладнены лексіка-семантычнай аманіміяй [СОБОЛЕВА 1980]. Магчыма, такую з'яву варта абазначыць як "лексіка-словаўтваральная аманімія", таму што пры абсалютнай фармальнай тоеснасці з аднаго боку ёсць семантыка, якая ўзнікае з комплексу "ўтваральная аснова + фармант + словаўтваральнае значэнне", а з другога боку – толькі лексічнае значэнне кораня слова.

У САБМ адзінкі, адна з якіх невытворная, а другая памяншальна-ласкальная форма зусім іншага слова, уключаюцца ў асобны тып з індэксам VI: *каліт-к-а*[1] і *калітка*[2], *кан-ёк*[1] і *канёк*[2], *кватэрка, свін-к-а*[1] і *свінка*[2], *сцен-к-а*[1] і *сценка*[2], *сабач-к-а*[1] і *сабачка*[2], *сад-ок*[1] і *садок*[2], *храп-к-а*[1] і *храпка*[2] і інш. Адразу адзначым, што вытворныя адзінкі ў такой пары (групе слоў) не абавязкова павінны мець суфікс з памяншальна-ласкальным значэннем, фарманты могуць выражаць абсалютна розную семантыку, сутнасць адрознення заключаецца ў функцыянальным статусе пэўнага элемента ў структуры слова, які ў складзе адной аманімічнай лексемы з'яўляецца суфіксам, а ў другой – часткай кораня. У САБМ адзінкі такога тыпу аднесены і да іншых груп словаўтваральных амонімаў, напрыклад, *мазур-**к**-а*[1] 'прадстаўніца насельніцтва паўночна-заходняй часткі Польшчы' і *мазурка*[2] 'польскі нацыянальны танец' (III_3), *гарэ-**лк**-а*[1] 'прыбор для спальвання гаручай вадкасці або газу' і *гарэлка*[2] 'моцны спіртны напітак' (III_1) і інш.

У МСБМ паслядоўна адрозніваюцца марфемныя будовы слоў, адно з якіх невытворнае, а другое мае суфікс. Побач з такімі лексемамі ў дужках

падаецца іх тлумачэнне: *кон-ік* (конь) і *конік* (насякомае), *лябёд-к-а* (птушка) і *лябёдк-а* (прыстасаванне), *муш-к-а* (муха) і *мушк-а* (ружжа), *нор-к-а* (нара) і *норк-а* (жывёла) і інш. ССБМ не адлюстроўвае невытворных слоў, адпаведна ў ім зафіксаваны толькі адзін з пары амонімаў, які з'яўляецца суфіксальным дэрыватам.

Лексікаграфічная падача слоў, адно з якіх вытворнае, а другое невытворнае, у ТСБЛМ характарызуецца пэўнымі асаблівасцямі, а менавіта: вызначаюцца наступныя спосабы прадстаўлення зместавага напаўнення такога тыпу лексем:

збліжэнне семантыкі слоў-амонімаў – сумяшчэнне значэнняў пары аманімічных назоўнікаў у семантыцы адной мнагазначнай лексемы (*ваўчок* '1. гл. воўк. 2. Цацка ў выглядзе круга або шарыка на шпяні, якая пры хуткім вярчэнні доўга захоўвае вертыкальнае становішча' і інш.);

разыходжанне семантыкі – вылучэнне аднаго ЛСВ мнагазначнага слова ў якасці асобнага амоніма (*коцік*[1] '1. Марская млекакормячая жывёліна сямейства вушастых цюленяў з каштоўным футрам. 2. Футра гэтай жывёліны'', *коцік*[2] 'суквецце з дробных кветачак у некаторых дрэвавых раслін, якое ападае пасля цвіцення', *коцік*[3] 'гл. кот', параўн. у ТСБМ: *коц-ік*[1] '1. Памянш.-ласк. да кот. 2. Марская прамысловая млекакормячая жывёліна з каштоўным футрам, якая водзіцца ў паўночнай частцы Ціхага акіяна. // Футра гэтай жывёліны' і інш.);

актуалізацыя семантыкі – прадстаўленне толькі тых лексем з пары або групы аманімічных, якія шырока распаўсюджаны, вядомы ўсім карыстальнікам мовы і запатрабаваны самой моўнай практыкай (*сыр-ок* '1. гл. сыр. 2. Невялікі брусочак сыру ці сырковай або тварожнай масы ў індывідуальнай упакоўцы' (не зафіксаваны амонім са значэннем 'азёрна-рачная рыба'), *раёк* '1. Скрынка з павелічальным шклом для разглядвання малюнкаў, а таксама паказ такіх малюнкаў на кірмашах 18–19 стст., які суправаджаўся жартоўнымі тлумачэннямі; батлейка. 2. Лялечны тэатр. 3. Тэатральная галёрка' (не зафіксаваны амонімы са значэннямі 'памянш.-ласк. да рой' і '*абл.* радужная абалонка вока') і інш.). Прычым, як правіла, з групы або пары амонімаў застаюцца менавіта вытворныя словы (выключэнне складаюць лексемы *карынка* і *раёк*), а значыць, яны характарызуюцца большай ужывальнасцю і "ўстойлівасцю", што абумоўлена наяўнасцю выразных семантычных сувязей з іншымі адзінкамі моўнай сістэмы.

Разгледжаныя разнавіднасці словаўтваральнай аманіміі – з'явы не ізаляваныя. Яны могуць праяўляцца ў лексічных адзінках комплексна і часцей у тых выпадках, калі мы маем больш за два словы-амонімы. Магчымасць камбінавання разнавіднасцей словаўтваральнай аманіміі адлюстравана і ў САБМ пасродкам уключэння адных і тых жа назоўнікаў у некалькі з вылучаных тыпаў вытворных адзінак. Напрыклад, лексемы *кос-к-а*[1] 'памянш.-ласк. да каса[1]; невялікая каса[1]', *кос-к-а*[2] 'памянш.-ласк. да

каса[2]; невялікая каса[2]’ і *коска*[3] ‘знак прыпынку, які раздзяляе словы, групы слоў і сказы’ адносяцца да тыпаў з індэксамі III_1 і VI, у іх назіраецца адлюстраваная аманімія і невытворнасць адной з асноў.

Надзвычай важна ўсведамляць той факт, што вытворныя лексічныя амонімы не заўсёды з’яўляюцца амонімамі словаўтваральнымі, паміж імі нельга паставіць знак роўнасці. У слоў-амонімаў можа быць толькі аманімічны або полісемічны суфікс пры ўтварэнні ад адной і той жа ўтваральнай асновы (*канфедэратка*[1] ‘польскі мужчынскі галаўны ўбор, які насілі раней канфедэраты’ і *канфедэратка*[2] ‘удзельніца канфедэрацыі’ ад *канфедэрат* (мутацыйнае і мадыфікацыйнае значэнне), *перагон*[1] ‘дзеянне паводле дзеяслова пераганяць’ і *перагон*[2] ‘абястлушчанае малако’ ад *перагнаць* (транспазіцыйнае і мутацыйнае значэнні) і інш.). Калі ў якасці зыходнай адзінкі выступае мнагазначнае слова, магчыма ўтварэнне ад розных ЛСВ, напрыклад, *зборка*[1] ‘збіранне, злучэнне частак’ і *зборка*[2] ‘складка’ ад *сабраць (7-ы і 11-ы ЛСВ)* і інш. Акрамя таго, суфіксы ў аманімічных лексемах могуць выражаць і абсалютна тоеснае словаўтваральнае значэнне (*пыльнік*[1] ‘верхняя частка тычынкі кветкі’ і *пыльнік*[2] ‘плашч ад пылу’ ад *пыл*, *усходы*[1] ‘парасткі насення’ і *усходы*[2] ‘прыступкі лесвіцы’ ад *узысці* (‘канкрэтны прадмет’)). Таму лічым абсалютна неправамерным называць такія вытворныя адзінкі словаўтваральнымі амонімамі. І наадварот, разгледжаныя з’явы словаўтваральнай аманіміі могуць назірацца ў мнагазначных лексемах, напрыклад, адрозненне словаўтваральных структур прадстаўлена паміж ЛСВ аднаго слова *дзягцярка* ‘1. Жан. да дзягцяр. 2. Пасудзіна для дзёгцю’ (1. *Дзёгаць → дзягцяр → дзягцяр-**к**-а*. 2. *Дзёгаць → дзягц-**ярк**-а*).

У САБМ зафіксавана значная колькасць вытворных слоў, якія адносяцца да лексічных амонімаў і пры гэтым не маюць адпаведных індэксаў амонімаў дэрывацыйных. Так, назоўнікі з набытай словаўтваральнай аманіміяй, утвораныя ад розных зыходных адзінак (*эксцэнтр-ык*[1] ‘артыст, які выконвае эксцэнтрычныя нумары’ ← *эксцэнтрыка* і *экс-цэнтр-ык*[2] ‘дыск, што круціцца вакол восі, размешчанай не ў цэнтры, а збоку’ ← *цэнтр*), а таксама назоўнікі, толькі адзін з якіх з’яўляецца вытворным (*медыятар*[1] ‘тонкая пласцінка для ігры на некаторых струнных музычных інструментах’ і *меды-ятар*[2] ‘пасрэднік’ ← *медыяцыя*), уключаюцца ў тып слоў-амонімаў, запазычаных з адной мовы-крыніцы. Вытворныя лексемы з набытай словаўтваральнай аманіміяй (*жыроў-к-а*[1] ‘жыраванне, кармленне (пра птушак, звяроў, рыбу)’ ← *жыраваць* ← *жыр* і *жыр-оўк-а*[2] ‘жыразагад, распараджэнне ўкладчыка аб правядзенні разліку з крэдыторам’ ← *жыразагад* ← *жыро*) адносяцца толькі да амонімаў, якія ўзніклі ў выніку супадзення слоў беларускай літаратурнай мовы. Назоўнікі з аманіміяй словаўтваральных форм (*ударн-ік*[1] ‘перадавы работнік’ ← *ударны*[1] + *-ік* і *удар-нік*[2] ‘*спец.* частка затвора агнястрэльнай зброі’ ← *удар* + *-нік*) уваходзяць у групу слоў-амонімаў,

адзін з кампанентаў якіх агульнаўжывальнае слова, а другі – тэрміналагічная адзінка.

Такім чынам, выяўлены наступныя праблемныя моманты ў рэпрэзентацыі словаўтваральных амонімаў у лексікаграфічных крыніцах беларускай мовы: 1) неразмежаванне словаўтваральных і лексічных амонімаў; 2) разнабой у падачы вытворных моўных адзінак, у якіх назіраюцца з'явы словаўтваральнай аманіміі, у якасці слоў-амонімаў, мнагазначных ці нават адназначных лексем; 3) непаслядоўнасць размежавання разнавіднасцей словаўтваральнай аманіміі; 4) нерэгулярнасць (або поўная адсутнасць) указання зыходных адзінак для словаўтваральных амонімаў; 5) адсутнасць прадстаўлення словаўтваральных структур. Для адлюстравання ўсіх асаблівасцей словаўтваральных амонімаў, неабходных для разумення іх моўнай сутнасці, неабходна стварэнне спецыяльнага лінгвістычнага слоўніка.

Літаратура

ВИНОГРАДОВ 1975: *В.В. Виноградов*. Исследования по русской грамматике : избр. тр. / В.В. Виноградов ; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука. – 559 с.

МАКСИМОВ 1977: *В.И. Максимов*. Структура и членение слова / В.И. Максимов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. – 147 с.

МСБМ 1989: *А.М. Бардовіч*. Марфемны слоўнік беларускай мовы / А.М. Бардовіч, Л.М. Шакун. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск: Выш. шк. – 718 с.

НИКОЛАЕВ 2010: *Г.А. Николаев*. Русское историческое словообразование: теоретические проблемы; под ред. Э.А. Балалыкиной. – 2-е изд., доп. – М.: URSS: Либроком. – 178 с.

САБМ 1991: *В.Д. Старычонак*. Слоўнік амонімаў беларускай мовы / В.Д. Старычонак. – Мінск: Выш. шк. – 255 с.

СОБОЛЕВА 1980: *П.А. Соболева.* Словообразовательная полисемия и омонимия / П.А. Соболева ; под ред. В.П. Григорьева. – М.: Наука. – 294 с.

ССБМ 2000: *А.М. Бардовіч*. Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы / А.М. Бардовіч, М.М. Круталевіч, А.А. Лукашанец. – Мінск: Беларус. навука. – 413 с.

ТСБЛМ 2016: *Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы*: больш за 65 000 слоў / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. бел. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; уклад.: І.Л. Капылоў [і інш.]; пад рэд. І.Л. Капылова. – Мінск: Беларус. энцыкл., 2016. – 967 с.

ТСБМ 1977-1984: *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*: у 5 т., 6 кн. / Акад. навук БелССР, Ін-т мовазнаўства; пад агул. рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1977–1984. – 5 т.

Навуковае выданне

СЛАВЯНСКАЯ ДЭРЫВАТАГРАФІЯ

Тэхнічны рэдактар В.Р. Гаўрыленка

Подписано в печать 02.10.2020 Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная Печать цифровая Усл.печ.л. 45,5 Уч.изд.л. 45,8
Тираж 100 экз. Заказ 3518
ИООО «Право и экономика»
220072 Минск Сурганова 1, корп. 2 Тел. 8 029 684 18 66
Отпечатано на издательской системе
Gestetner в ИООО «Право и экономика»
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий, выданное
Министерством информации Республики Беларусь 17 февраля 2014 г.
в качестве издателя печатных изданий за № 1/185